

МУРАШКО
Галина Павловна

ИЗБРАННОЕ

Москва 2011

Российская академия наук
Институт славяноведения

Мурашко
Галина Павловна

ИЗБРАННОЕ

Москва 2011

**К юбилею Галины
Павловны Мурашко**

*известного историка-слависта
доктора исторических наук
ведущего научного сотрудника
Института славяноведения
Российской академии наук*

Редколлегия:

Волокитина Т.В., Канарская А.Н., Леньшина М.И.

Рецензенты:

*доктор исторических наук Е.П. Серапионова
кандидат исторических наук Ю.А. Щербакова*

Мурашко Галина Павловна. Избранное. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. 574 с.

Сборник, подготовленный к юбилею известного российского историка-слависта и богемиста Г.П. Мурашко, включает часть ее творческого наследия, знакомит читателя с основными направлениями исследовательской деятельности ученого, возвращает в научный обиход работы, ставшие библиографической редкостью и при этом не утратившие своей актуальности в наши дни. В книге представлены труды по новейшей истории Чехословакии и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

ISBN 10-7576-0244-9
13-978-5-7576-0244-8

© Мурашко Г.П., 2011
© Институт славяноведения РАН, 2011

*Ремесло интеллигента обязывает, прежде всего,
к прилежной и терпеливой работе ума, к честным и
мужественным поискам истины,
к свободному и искреннему выражению мысли...*

Р. Роллан

Перед Вами, уважаемый читатель, необычная книга. Это скромный подарок и одновременно свидетельство глубокого и искреннего уважения, адресованные известному историку-слависту, доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Института славяноведения РАН Галине Павловне Мурашко в год ее юбилея. В книге воспроизведена часть научного наследия Галины Павловны. Некоторые публикуемые работы, сохраняя свою актуальность и исследовательское значение, стали сегодня библиографической редкостью, что и определило, по мнению составителей, необходимость напомнить о них современному читателю.

Г.П. Мурашко родилась 3 января 1932 г. в г. Тейково Ивановской области. Отец – Павел Иванович Резонов, выходец из крестьянской семьи, окончил в 1938 г. Ивановский пединститут, был призван в Красную Армию. После демобилизации преподавал историю в военно-политическом училище г. Иваново, затем поступил в заочную аспирантуру МГУ, где под руководством академика Е.А. Косминского изучал историю гуситского движения. А защищать диссертацию пришлось уже после войны... Мать – Елена Николаевна Косырева, из крестьян, преподавала литературу и русский язык в одной из средних школ г. Иваново. Галину, рано оставшуюся без матери, воспитала бабушка Ольга Николаевна. В 1949 г. Галина Павловна поступила на Исторический факультет МГУ, который с отличием окончила в 1954 г. По распределению она уехала в Белоруссию, в город Полоцк, где в скромной станционной железнодорожной школе приобрела свой первый педагогический опыт. Затем была работа учителем истории в средней школе № 9 на станции Голицыно Калининской железной дороги, внештатного преподавателя вечернего университета при Доме офицеров советского гарнизона в

г. Веймаре (ГДР) и, наконец, после возвращения в Москву, исполнение заветной мечты о занятиях фундаментальной наукой. В 1957 г. Галина Павловна поступает в заочную аспирантуру Института славяноведения АН СССР, и с этого времени ее жизненный и творческий путь неразрывно связан с родным Инславом. В аспирантуре ее научным руководителем стал известный в те годы специалист по истории Чехословакии А.И. Недорезов. По окончании аспирантуры Галина Павловна была зачислена в штат Института и в 1964 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию «Положение рабочего класса и формирование революционного направления в профсоюзном движении Чехословакии в годы послевоенного экономического кризиса. 1921–1923 гг.». Именно в то время определилась нацеленность молодого ученого на углубленное изучение экономической истории Чехословакии. Результатом увлеченной и настойчивой работы стала изданная в 1972 г. монография «Путь чехословацкого крестьянства к социализму», написанная в соавторстве с В.В. Марьиной. В расширенном варианте под названием «Razogane medze» («Распаханные межи») она была опубликована на словацком языке и долгие годы активно использовалась чехословацкими преподавателями в вузовском учебном процессе.

Сформировавшись как историк-богемист, Галина Павловна никогда не была исследователем одной темы. В составе небольшой, но энергичной команды, руководимой профессором А.Я. Манусевичем, она участвовала в написании коллективного труда, посвященного отражению идей Октябрьской революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и народно-демократическим революциям 1940-х годов в регионе. Труд этот выдержал два издания и был отмечен бронзовой медалью Выставки достижений народного хозяйства СССР. Одновременно Галина Павловна включилась в освоение новой темы – истории народных и национальных фронтов в послевоенной Восточной Европе. В секторе, руководимом известным советским историком-болгаристом Л.Б. Вальевым, где она работала, это была ключевая проблематика, изучение которой, сопровождавшееся острыми дискуссиями, завершилось изданием солидной коллективной монографии. Работа над политически актуальной по тем временам темой

укрепила интерес Г.П. Мурашко к исторической компаративистике и способствовала её логичному переходу от сугубо страноведческой тематики к региональной. Она сосредоточилась на изучении процесса национализации основных средств производства в Центральной и Юго-Восточной Европе в 40-е годы XX в. Итогом этой работы явилось написание двух монографий и защита в 1980 г. докторской диссертации.

Крушение коммунистических режимов в СССР и странах Восточной Европы поставило перед учеными-гуманитариями сложнейшую задачу – дать адекватный аргументированный ответ на ключевой вопрос о сущностных характеристиках действовавшей на протяжении нескольких десятилетий общественно-политической и экономической модели. В какой мере она повторяла «эталонную» советскую модель? Как, при каком раскладе политических сил и соотношении внутреннего и внешнего факторов происходило ее усвоение в регионе, каковы были взаимоотношения власти и общества, когда и по каким причинам обострялись сохранившиеся или возникали новые протестные настроения, в каких формах они проявлялись? Этими и многими другими вопросами в то время задавались как отечественные, так и зарубежные исследователи разных научных школ и политических пристрастий. Для изучения послевоенной истории стран Восточной Европы на принципиально новой документальной основе в начале 1990-х годов в Варшаве, Праге, Бухаресте и Будапеште были созданы специальные научные учреждения. Формировались и приступали к активной деятельности аналогичные научные подразделения и в России – Центр по изучению холодной войны в Институте всеобщей истории РАН, Центр по истории внешней политики и международных отношений в Институте российской истории РАН. Не остались в стороне и историки-слависты. В 1992 г. в Институте славяноведения РАН по инициативе Г.П. Мурашко был образован Научный центр истории сталинизма в Восточной Европе. Более десяти лет Галина Павловна руководила этой структурой.

Тогда, 20 лет назад, создание такого подразделения не казалось бесспорным. Некоторые коллеги по Институту полагали, что обращение к феномену сталинизма – занятие не-

перспективное, что использование самого понятия «сталинизм» некорректно, поскольку способно якобы неоправданно «возвысить» это явление в глазах читательской аудитории, а то и вывести его на один уровень с некоторыми «измами» позитивного наполнения, и пр. Время, думается, многое расставило по своим местам, подтвердив, в частности, не только правомерность, но и необходимость всестороннего научного изучения феномена сталинизма, абстрагируясь от изменчивой идеолого-политической конъюнктуры как в России, так и в странах Восточной Европы.

Становление Центра пришлось на годы «архивной революции», призванной качественно изменить источниковую базу исторических исследований путем выявления и введения в научный оборот новых документов. Недоступные исследователям они долгие годы хранились за семью замками – под грифами «секретно» и «сов. секретно» в архивах и фондах ЦК КПСС, Министерства иностранных дел СССР, силовых структур и других ведомств. В орбите поиска ученых оказался широкий спектр проблематики. Определили основное направление своей работы и сотрудники Центра: свою первостепенную задачу они видели в создании документальной основы для последующего переосмысления послевоенной истории тех стран Европы, которые по итогам Второй мировой войны вошли в сферу влияния Советского Союза. Прежде всего, речь шла о выявлении и введении в научный оборот документов, раскрывавших динамику общественно-политических процессов в Албании, Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии и роль советского политического руководства в определении особенностей и темпов их развития. В большинстве этих стран коалиционная власть, установленная на рубеже войны и мира, сменилась к 1948 г. властной монополией компартий. Началась интенсивная «сталинизация» региона, охватившая период 1949–1953 гг. и завершившаяся формированием политических режимов советского типа.

К публикаторской работе коллектив Центра приступил с присущим его руководителю энтузиазмом, не взирая на разного рода трудности. Сразу же возникла необходимость выстраивать новые отношения с той частью архивистов, ко-

торые старались и в новых условиях ограничить доступ к документальным коллекциям, не в меру, по их мнению, ретивым исследователям, испытывали подозрение и беспокойство «как бы чего не вышло», и, как следствие, продолжали следовать проверенной годами запретительной «внутренней» уставке. С лихвой хватало и других сложностей. В трудные 90-е годы, за которыми ныне прочно укрепилось определение «лихие», и архивы, и наука переживали далеко не лучшие свои времена. Новому поколению исследователей сегодня трудно представить, что для ксерокопирования направлявшихся Сталину документов НКВД, ранее хранившихся под грифом «особая папка», Галина Павловна и ее коллега Альбина Федоровна Носкова сложили свои пенсии, а польский историк Шимон Рудницкий, узнав, что сотрудники Института месяцами не получают зарплату, не говоря уже о финансировании исследовательских проектов, помог, чем мог: прислал в письме адресную «гуманитарную помощь» – 10 долларов на публикацию документов о польской Армии Крайовой... Галина Павловна вспоминала, как в одном уважаемом ведомстве чиновники, решая вопрос об оплате ксерокопий выявленных документов, всерьез раздумывали, по каким расценкам вести расчеты – «брать с вас как с российских или иностранных (!) ученых?». Последний вариант, понятно, был гораздо выгоднее для сидевшего на голодном пайке архива. Пресловутые «рыночные отношения» в понимании некоторых чиновников от науки напрочь вытесняли привычные для исследователей понятия и формы организации научной жизни. Но, к счастью, были примеры и иного рода: в Государственном архиве РФ ксерокопирование без преувеличения огромного объема документов по истории церкви было осуществлено по льготному тарифу, что стало серьезным подспорьем для публикаторов.

Как бы то ни было, в ходе подготовки документальных сборников постепенно установилось тесное сотрудничество с историками-архивистами, укрепились взаимное доверие, понимание единства целей и задач, личные контакты. Во многом благодаря этому, при активном участии Г.П. Мурашко были опубликованы тематические сборники документов «НКВД и польское подполье. 1944–1945 (По «особым папкам» И.В. Ста-

лина) (1994) (второе, дополненное и расширенное издание вышло под названием «Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...» (2001)), «Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов» (1998), «Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы» (2000). Велика заслуга Галины Павловны в публикации двухтомника «Восточная Европа в документах российских архивах. 1944–1953». Т. 1–2 (1997, 1998), где она выступила в роли ответственного редактора, выявителя, составителя и автора многих научных комментариев. С неменьшим энтузиазмом участвовала она и в подготовке сборников «Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы». Т. 1–2 (1999, 2002). «Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы». Т. 1–2 (2009). Все они вошли в серию трудов Центра «Москва и Восточная Европа». В одном ряду с солидными сборниками находятся и более скромные по объему, но не по значению публикации, такие, как, например, подготовленная Галиной Павловной документальная коллекция «“Дело” Сланского» («Вопросы истории», 1997. № 3–4). Введение в научный оборот массива документов из российских архивов оказалось исключительно плодотворным и своевременным. Сегодня нельзя назвать ни одной серьезной научной работы, так или иначе связанной с историей стран Восточной Европы послевоенного периода, авторы которой не использовали бы опубликованные сотрудниками Центра документальные сборники. Показателем их востребованности за рубежом явился перевод значительной части документов на румынский, польский, болгарский и венгерский языки, как и перепечатка авторитетным лондонским журналом «Cold War History» коллекции документов из названных публикаций.

Актуальная задача осмысления и современной интерпретации конкретного материала в условиях оформления в российской исторической науке новой исследовательской парадигмы диктовала необходимость объективной оценки ранее проделанной учеными работы, поиска иных методологических подходов, новых ракурсов видения исторических явлений, обновления и совершенствования понятийного аппарата, словом, серьезного «переворужения» историков и

обществоведов. Галина Павловна активно и последовательно участвовала в этом процессе, выступая с аналитическими докладами и статьями по отечественной и зарубежной историографии, по методологии изучения переходного периода от капитализма к социализму, истории строительства «основ» социализма. Интерес к этому направлению исследовательской работы сохранился у нее и позднее, найдя отражение в дискуссионных статьях и выступлениях о некоторых спорных трактовках вопросов политического развития Чехословакии после Второй мировой войны в современной чешской историографии, о типах тоталитаризма, о специфике исторического опыта сталинизма в Восточной Европе.

Введение в научный оборот новых документов сопровождалось как обращением к новой тематике, так и переосмыслением исторических процессов и явлений, нашедших ранее отражение в трудах предшественников. Без преувеличения переломным моментом для Галины Павловны и ее коллег явилась работа над дискуссионными вопросами, связанными с феноменом народной демократии в странах региона. Эта тема оказалась в те годы на острие исторической проблематики: Отделение истории АН СССР включило ее в число приоритетных исследований. Понимая важность серьезного обновления источниковой базы, авторы на том этапе смогли достаточно широко использовать документы Архива внешней политики СССР, руководство которого заняло конструктивную позицию – пообещало специально «под монографию» рассекретить привлеченные к работе материалы. (Документы ЦК ВКП(б) всё еще оставались на особом режиме хранения). Архивисты сдержали слово: в 1993 г. свет увидела книга «Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг.», в основе которой лежали материалы АВП СССР. Появление её вызвало серьезную научную полемику, как в нашей стране, так и за ее пределами. На волне развенчания и категорического осуждения всего «советского» многие историки выводили на первый план роль Москвы, подчас неоправданно демонизируя ее, а развитие стран региона рассматривали с позиций детерминированности, как безальтернативно-предопределенное уже с момента их освобождения. Такой подход дли-

тельное время доминировал и в западной историографии. Исследовав внутривосточные процессы в странах региона и роль советского политического руководства, авторы монографии предложили оригинальную трактовку феномена народной демократии как особого, краткого по времени, но самостоятельного, политически вариативного этапа, вектором развития которого явился переход от коалиции политических сил к властной монополии коммунистов при наличии различных альтернатив, предлагавшихся обществу конкурентами компартий. В этих условиях, на рубеже войны и мира, Москва, утверждали авторы, вовсе не была заинтересована в немедленной советизации региона, демонстрировала дифференцированный подход к странам своей сферы влияния с учетом внутривосточной ситуации в них, поддерживала до определенного времени популярную не только в Восточной, но и в Западной Европе концепцию «национального пути к социализму», отличного от советского. Эта позиция обрела в научном сообществе горячих сторонников и не менее «горячих» противников. Об остроте дискуссий в Институте славяноведения свидетельствовал, например, тот факт, что при утверждении рукописи монографии к печати на Ученом совете судьбу ее решил перевес в один-единственный голос «за» публикацию. Дискуссии продолжаются и поныне, хотя, надо признать, утратили былую остроту: некоторые участники демонстрируют сегодня определенные «подвижки» в прежде непримиримой позиции, признавая важную роль «внутреннего» фактора и даже отдавая ему приоритет в выстраиваемой «иерархии» факторов, влиявших на развитие стран региона, другие отказались от принципа «монополии» на истину, признают необходимость и продуктивность сосуществования многих «истин» как стимула развития исторической науки. Терпимее к своим оппонентам стали и авторы монографии.

Судьба книги сложилась удачно: в качестве обязательной литературы для славистов и русистов книга изучалась не только в Московском, но и в Бухарестском и Тель-Авивском университетах, ее активно использовали студенты-русисты США. И по сей день в отечественной и зарубежной историографии она остается фактически единственной рабо-

той, в которой этап народной демократии получил конкретную «качественную» характеристику.

Важной вехой в осмыслении и научной интерпретации новых источников и логическим продолжением «Народной демократии» стала вошедшая в вышеназванную серию «Москва и Восточная Европа» коллективная монография «Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории» (2002), где Г.П. Мурашко в соавторстве с А.Ф. Носковой написаны разделы, посвященные острым и долгое время считавшимся «неудобными» проблемам политических репрессий в странах региона, возникновения и функционирования института советских советников. Хотя к тому времени процесс рассекречивания архивных коллекций распространился и на партийные документы, данная проблематика продолжала испытывать, как, впрочем, и ныне, нехватку аутентичных материалов, что ограничивало возможности исследователей всесторонне проанализировать указанные процессы. Так, по существу, блокированным оказался для исследовательского коллектива доступ к материалам силовых структур, чье воздействие и непосредственное участие в репрессивной политике в регионе остается объектом пристального внимания в зарубежной историографии, а при отсутствии источников нередко способствует новому мифотворчеству, рождает немало откровенных фальсификаций, превращая репрессии в чуть ли не главный признак политических режимов советского типа.

Работая над указанными выше проблемами, соавторы впервые в историографии попытались определить роль национальной коммунистической элиты в проведении репрессивной политики, выявить круг причин, ее породивших, среди которых значительное место занимала борьба за власть внутри партийной «верхушки». Не менее значимым стал вклад Г.П. Мурашко и ее коллег и в изучение возникновения и функционирования института советских советников в Восточной Европе, его роли в экономической, военной, социальной и политической сферах. Несмотря на скудость доступных материалов, им в определенной мере удалось реконструировать означенные процессы, определить их векторы и основные этапы, выявить связь этого института с качественными

характеристиками и профессиональным уровнем национальных управленческих кадров, констатировать совпадение интересов советского политического руководства и национальных элит, обусловившее возникновение этого института, пролить свет на мотивы, по которым национальные руководства во второй половине 50-х гг. отказались от предложения советской стороны «свернуть» работу советников и согласились лишь на некоторое ограничение их численности в своих странах и сфер деятельности. Работа над монографией подвела авторов к попытке ответить на такие принципиальные вопросы, как причины сравнительно легкого усвоения советской, сталинской, модели социализма в странах Восточной Европы после Второй мировой войны, а впоследствии столь же относительно легкого «расставания» с тоталитарным прошлым, и, наконец, стали ли политические режимы в восточноевропейских странах аналогами советского режима. Именно поэтому коллективная монография явилась отправной точкой для исследователей, занимающихся проблематикой более позднего времени – историей «нежных», «бархатных» и всякого рода «цветных» революций в странах региона, выдержала второе издание в серии «История сталинизма», публиковавшейся издательством РОССПЭН.

Одним из ценнейших качеств Г.П. Мурашко как историка-профессионала является ее опирающееся на широкий научный кругозор особое «чутье» на актуальные и перспективные исследовательские проблемы. Именно поэтому в тематике Научного центра важное место заняло изучение межнациональных отношений. Обращение к проблеме национальных конфликтов, ставших, к сожалению, повседневной реальностью в нашей стране и перманентно вспыхивающих в европейских странах бывшего «социалистического лагеря», требовало ответа на многочисленные «трудные» вопросы, в том числе – где, когда и под влиянием каких причин стала вызревать почва для национальной вражды и нетерпимости, почему в регионе оказался запущенным механизм дезинтеграции. Галина Павловна не только поддержала коллег, обратившихся к истории венгеро-румынских осложнений из-за Трансильвании или «Тешенского вопроса» – территориального спора между Польшей и Чехословакией, но и сама приступи-

ла к изучению положения национальных меньшинств, в частности венгерского населения в Словакии, и политики переселения, приняла активное участие в научной дискуссии на означенную тему, организованной Центрально-Европейским университетом в Будапеште, опубликовала ряд статей. К указанной тематике примыкает и исследование Галиной Павловой политики государственного антисемитизма в СССР и ее отражения в странах региона как фактора, непосредственно влиявшего на настроения общества и в силу этого активно использовавшегося властями.

Начало нового столетия выдвинуло перед коллективом Центра новые задачи. Настал черед проблематики, для разработки которой в предыдущие годы был заложен определенный «архивный фундамент», и вместе с тем имелась несомненная востребованность, демонстрировавшаяся научным сообществом. Определяя направление научного поиска, коллектив Центра учитывал и наступившие перемены в организации работы российских архивов, где возможности выявления и рассекречивания документов стали существенно ограничиваться. Всколыхнувшая в начале 90-х годов российскую, да и не только российскую, историческую науку «архивная революция» явно шла на убыль...

Таким новым направлением исследовательской работы явилось изучение конфессиональной политики в странах Восточной Европы на этапе становления в них режимов советского типа. Первым шагом в освоении новой проблематики явилось проведение осенью 2002 г. «круглого стола», посвященного дискуссионным вопросам взаимоотношений власти и церкви в СССР и Восточной Европе в 1938–1958 гг. (Годом позже сборник материалов «круглого стола» под редакцией Г.П. Мурашко и М.И. Одинцова был опубликован). Опираясь на серьезные достижения российских историков и религиоведов последних лет и в сотрудничестве с ними, сотрудники Центра определили круг вопросов, на которые предстояло дать аргументированные ответы: об особенностях конфессиональной ситуации в странах региона и реальной роли Москвы в формировании отношений новой правящей элиты с ведущими конфессиями и деноминациями, о методах превращения религиозных институтов в инструмент по-

литики и консолидации общества и результативности данной политики, о значении внешних связей Русской православной церкви как одного из каналов советского влияния в послевоенном мире и др. Следуя оправдавшему себя принципу сочетания публикаторской и исследовательской работы, сотрудники издали не только упомянутый выше двухтомник документов российских архивов «Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953», но и монографию о взаимоотношениях властных структур и религиозных институтов в период общественных трансформаций 40-х – 50-х годов XX века. Изучая религиозную ситуацию в регионе, авторы сосредоточились на истории основных конфессий – православной, римско-католической и греко-католической (униатской). Две последние и стали объектом исследований Г.П. Мурашко, которой принадлежат написанные в соавторстве с А.Ф. Носковой соответствующие разделы монографии.

Интерес к проблематике государственно-церковных отношений сохраняется у Галины Павловны по сей день. Она является руководителем исследовательского проекта «Русская православная церковь и конфессии Восточной Европы в системе государственных интересов СССР (вторая половина XX века)», поддержанного грантом Президиума РАН. В ходе работы по проекту опубликован сборник «Государство и церковь в XX веке: социокультурный и политический аспекты. Опыт России и Европы» (2011). Естественно, Галина Павловна не могла удовлетвориться ролью руководителя и опубликовала обстоятельную статью о судьбах греко-католической церкви в Восточной Европе после Второй мировой войны. Под ее руководством в ноябре 2011 г. был подготовлен и проведен «круглый стол» «Государство и церковь в странах Восточной Европы в период общественных кризисов второй половины XX века (1956, 1968, 1989)». С энтузиазмом Г.П. Мурашко поддержала идею нового проекта, связанного с изучением конфессиональной ситуации в регионе на широком хронологическом отрезке, включая начало нового столетия.

В последние годы внимание Галины Павловны привлекли начальная стадия «десталинизации» и первые системные кризисы в странах «социалистического лагеря». Проблемно-хронологически эта тематика органично вписывается в об-

щую для Центра поисковую тему «Общественно-политическое развитие стран Восточной Европы в 50-е – 60-е годы XX века: попытки реформирования тоталитарной системы и поиски новой модели социализма», включенную в Программу фундаментальных научных исследований РАН на 2008–2012 гг. Конкретным направлением исследовательской работы Г.П. Мурашко стало изучение общественных настроений в Чехословакии в указанный период и реакции на них властных структур. Оставаясь по-прежнему энтузиастом архивных поисков, Галина Павловна работала по данной теме в хранилищах Чехии, отечественных архивах – РГАНИ и АВП РФ. В октябре 2008 г. по ее инициативе и при самом деятельном участии в Институте состоялась международная конференция, приуроченная к 40-летию «Пражской весны» 1968 года. По установившейся в Центре традиции участники конференции сосредоточились на наименее изученных или дискуссионных проблемах, оперируя новыми документами из коллекций центральных и региональных архивов России, Чехии, Словакии, Польши, Сербии, Румынии, Франции и др. В фокусе внимания ученых – восприятие чехословацких событий обществом европейских стран и стран-участниц восточного блока, анализ широкого круга мемуарной литературы и сопоставление ее с новейшими документами, современное прочтение и осмысление событий 40-летней давности профессиональными историками и обществоведами. Стремление организаторов конференции всесторонне исследовать феномен «Пражской весны» обусловило приглашение к участию не только коллег-историков и архивистов, но и социологов, философов, культурологов, литературоведов. Опыт Центра подтверждает плодотворность такого сотрудничества, обеспечивающего возможность «стереоскопического» видения проблемы. Выступив на конференции с докладом, Галина Павловна написала на его основе статью «“Пражская весна” и советская интеллигенция: к вопросу о формировании “внутрисистемной оппозиции” неосталинизму», включенную в сборник статей по итогам конференции. Одновременно в соавторстве с историком-архивистом Т.А. Джалиловым она опубликовала статью об оценках «Пражской весны» коммунистическими и рабочими партиями Западной Европы («Вопросы истории».

2008, № 11), содержательное предисловие и научные комментарии к переводу мемуаров одного из видных чешских реформаторов – «шестидесятников» Ч. Цисаржа («Славяноведение». 2008, № 3), а также статью-отклик на сборник документов «Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР», подготовленный Обществом изучения истории отечественных спецслужб («Славяноведение». 2012. № 1). Углубляя свою трактовку событий «Пражской весны» и, прежде всего, стремясь выявить истоки реформаторских концепций и замыслов, Галина Павловна обратилась к изучению состояния чехословацкого общества на более раннем этапе. Итогом явились доклад на проведенной Центром в ноябре 2010 г. конференции, посвященной эволюции общественных настроений в СССР и Восточной Европе во второй половине XX века и написанная на его основе статья «Властная вертикаль и общественные настроения в Чехословакии в 1950-е годы», опубликованная в сборнике материалов конференции «В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в.» (2011).

Участие Г.П. Мурашко в различных научных форумах, как на Родине, так и за рубежом, – особая тема. Счет ее выступлений с докладами, сообщениями, участие в дискуссиях давно идет на десятки. Примечательно, что Галина Павловна, несмотря на огромный опыт, помноженный на серьезные знания, никогда не рассчитывает на экспромт, тщательно продумывает выступления, готовится к ним и, конечно, волнуется. И еще один штрих. Она – не любительница публичных мероприятий – появлений в эфире или на телевидении, хотя в последние годы ей неоднократно приходилось выступать перед радиослушателями на разные темы, связанные с ее профессиональными интересами.

Академические власти не часто балуют ученых-историков наградами. Тем приятнее, что Славянский фонд России не обошел своим вниманием многолетнюю плодотворную научную деятельность Галины Павловны: в 2010 г. она была награждена медалью «За вклад в изучение истории славян».

Многосторонней научной деятельности Г.П. Мурашко во многом способствовало наличие круга коллег-единомыш-

ленников, готовых разделить со своим лидером бремя исследователей острой и не всегда популярной тематики. Более 20 лет активно действовал сложившийся в 80-е годы научный тандем Г.П. Мурашко – А.Ф. Носкова. В соавторстве были написаны десятки статей, докладов, главы и разделы в коллективных трудах. Желанный консенсус, а вместе с ним и, смеем надеяться, истина рождались подчас в острейших спорах эмоциональных соавторов, невольными свидетелями которых становились сотрудники Центра. Сложившаяся в коллективе особая, деловая и одновременно «домашняя», атмосфера – равенство, товарищество, готовность выслушать, прийти на выручку и умение радоваться успеху коллег – помогала в трудные моменты. На обсуждениях никто не боялся брать слово, высказывать самые, казалось бы, абсурдные идеи, выходить за рамки общепринятых «установок», спорить с авторитетами. Это органично уживалось с уважительным отношением к авторам и их позиции. Да и сами обсуждения были начисто лишены формальностей, часто проходили во время любимых всеми чаепитий или застолий «по поводу». Непременным приложением к столу бывали знаменитые соленья Галины Павловны, особенно вкуснейшие помидоры и «туршовая фасоль» – плоды серьезных успехов на огородном поприще...

Многие годы Галина Павловна возглавляла профком Института. Решать приходилось не только производственные вопросы. Старожилы Института помнят неоднократные походы своего председателя в «инстанции», ее хлопоты о предоставлении жилья сотрудникам, «выколачивание» дефицитных путевок в санатории и пионерский лагерь «Поречье», упорно, из года в год, предоставлявший Институту одну-единственную путевку на самую «горячую» первую смену, в июне, и неограниченное их количество на непопулярную третью смену, в августе. А сколько волнений вызывала, особенно среди женской части Института, подготовка к костюмированным «балам» или коллективные празднования торжественных дат за пределами Института (дело по тем временам почти что немислимое!). Встреча Нового года в ресторане «Метрополь» вообще стала возможной благодаря «нарушению финансовой дисциплины»... с санкции председателя проф-

кома. А как не вспомнить знаменитые институтские «капустники», на одном из которых, еще в Трубниках, состоялось памятное многим «дефиле» Мурашко во время «показа мод» из институтской коллекции! (Подиумом служили составленные по длине зала письменные столы сотрудников). Заметная в инславовских стенах фигура Галины Павловны неоднократно делала ее персонажем «капустных» спектаклей, ей посвящал свои строки сотрудник Института Григорий Моисеевич Славин (светлая ему память!), историк, поэт, автор популярной в военные и послевоенные годы песни «Уралочка». На одном из институтских вечеров прозвучала славинская «Песня о новом здании и старых мурашкиных страданиях». Под аккомпанемент М.Н. Кузьмина, «рвавшего» не только гитарные струны, но и душу слушателей («Помню, я еще молодухой была, Моя рукопись в издательство ушла...»), аудитория сопереживала «хождениям по мукам» рукописи Галины Павловны в издательстве «Наука», только что переехавшем в новое здание на «Калужской», но, увы, сохранявшем старые приемы работы с авторами.

В любом деле главным двигателем для Галины Павловны были и остаются ее неравнодушие, искренний интерес, будь то научная проблема или окружающие ее люди, готовность не считаться с личными делами и временем, настойчивость, смелость. Эти черты характера, заложенные в детстве, помноженные на способность сочувствовать, сопереживать, окрепли и закалились впоследствии, сформировали особую, «мурашкинскую» закваску. Именно она, эта закваска, не позволила Галине Павловне «забыть», вычеркнуть из памяти годы общения и дружбы с чешскими и словацкими коллегами, когда после подавления «Пражской весны» контакты с «ревизионистами», мягко говоря, не приветствовались. Галина Павловна была одной из, к сожалению, немногих, кто поддержали тогда своих друзей, а бывая в командировках в Праге не только не уклонялась от встреч, но и инициировала их. Отрадно, что чешские коллеги не забыли об этом: от их имени известный чешский историк Франтишек Яначек, выступая в нашем институте на одном из заседаний обновленной Комиссии историков Чехии и России, благодарил тех российских ученых, которые не прервали связь

с исключенными из КПЧ и в одночасье ставшими безработными историками в трудные для них годы, искренне радовались их возвращению в науку. Чешский гость назвал имена Анны Петровны Соловьевой, Михаила Николаевича Кузьмина и нашей Галины Павловны. Трудно сказать, было ли это удивительным для наших чешских коллег, но мы-то знаем: для этих людей именно такое поведение являлось естественным и единственно возможным!

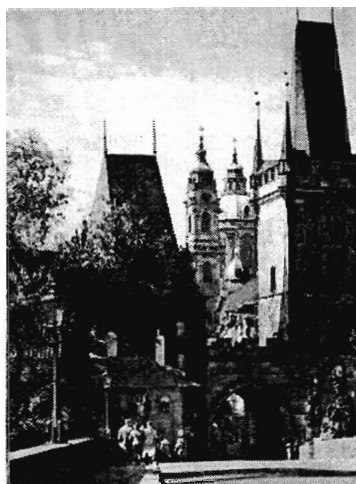
Сегодня Галина Павловна, как всегда, полна творческих планов и замыслов. Искренний и преданный патриот Инслава, она видит одну из главных задач ветеранов в помощи молодым, внимательно присматривается и охотно общается с новым поколением исследователей. Среди ее научных «крестников» – не только отечественные слависты, но и представители ближнего и дальнего Зарубежья – В. Бурега из Украины, Н. Приступа из Беларуси, В. Содоль из Молдовы, словаки Я. Страка и В. Щепаньский, чешка А. Фабианова, болгарин А. Кожухаров и многие другие.

В год славного юбилея Галины Павловны, желая ей здоровья и творческого долголетия, вспомним мудрого Сенеку: «Жизнь долга, если она полна. Будем измерять ее поступками, а не временем».

Коллеги и друзья

Избранное

I

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ в 1918–1923 гг.: УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ ЧЕШСКОЙ БУРЖУАЗИИ *

В истории рабочего движения в Чехословакии период 1921–1923 гг. был своеобразным переходным этапом от бурного послевоенного революционного подъема к оборонительным боям пролетариата. Перед молодой Коммунистической партией Чехословакии в этих условиях вставали новые важные проблемы и задачи по изучению новой обстановки в стране в связи с развитием послевоенного экономического кризиса. Отдельные вопросы послевоенного экономического кризиса в Чехословакии получили освещение в трудах современных чехословацких историков и экономистов ¹. В данной статье сделана попытка на основании вышедших в Чехословакии работ с привлечением статистических публикаций, материалов рабочей и буржуазной прессы, документов Центрального архива Октябрьской революции (ЦГАОР), Архива Института истории Коммунистической партии Чехословакии (Archiv Ústavu Dějin KSČ), Архива Канцелярии президента республики (Archiv KPR) и Архива революционного профсоюзного движения (VOA URO, Praha) рассмотреть экономическое развитие Чехословакии в 1918–1923 гг., показать особенности послевоенного экономического кризиса и его последствий для рабочего класса и трудящихся масс страны.

Первые годы существования Чехословакии были временем становления самостоятельной экономики страны, отделения ее хозяйства от бывших австро-венгерских областей и приспособления к новым внутренним и внешним условиям. Унаследовав при распаде Австро-Венгерской империи большую часть ее промышленного потенциала, Чехословакия сосредоточила в своих областях 60% металлургической промышленности, 64% машиностроения, 87% добычи каменного угля, 75% производства химической промышленности, 91%

---

* Ученые записки Института славяноведения. Том XXII. М., 1961. С. 127–153.

сахароварения, 85% хлопчатобумажного производства, все производство стекла и фарфора и т. д. ².

Таким образом, экономический потенциал (4/5 всего промышленного потенциала Австро-Венгрии) на душу населения (население Чехословакии насчитывало около 13 млн. человек) увеличился по сравнению с довоенным почти в четыре раза. Естественно, что внутренний рынок страны был не в состоянии поглотить такое количество производимой продукции.

Перед чехословацкой промышленностью, рассчитанной на потребление 56-миллионного населения Австро-Венгрии, с момента образования самостоятельного государства весьма остро встала проблема рынков сбыта, поскольку ¾ основных потребителей ее продукции остались за пределами страны. В результате этого многие отрасли промышленности, ранее работавшие на внутренний рынок, теперь должны были превратиться в экспортирующие и искать для своих товаров сбыта на внешних рынках. Некоторые отрасли промышленности оказались в очень большой зависимости от внешнего рынка: они вынуждены были ввозить сырье из-за границы и вывозить большую часть готовой продукции на внешние рынки. Новая обстановка обусловила серьезные перемены в структуре промышленности и привела к сокращению одних отраслей промышленности и расширению и возникновению других. Стремление несколько расширить резко сузившийся после 1918 г. рынок нашло свое проявление в политике деиндустриализации Словакии. Словакия и Закарпатская Украина были превращены в аграрный придаток промышленно-развитых чешских областей.

Для создания единого хозяйства с устойчивым внутренним рынком и достижения экономического равновесия была необходима известная структурная перестройка, развитие, в первую очередь, тех отраслей хозяйства, которые отвечали насущным нуждам формирующегося экономического целого.

Период становления чехословацкой экономики совпадает в известной мере со временем послевоенного оживления в торговле и в промышленности, связанного, главным образом, с тем, что во всех воюющих странах за годы войны были израсходованы основные запасы сырья и товаров и внутрен-

ний рынок стран испытывал значительный товарный голод. «Подъем 1919–1920 гг., – отмечалось в решении III конгресса Коминтерна, – являлся в основе своей не началом возрождения капиталистического хозяйства после войны, а продолжением того искусственного состояния торговли и промышленности, какое было создано войной и которое подорвало капиталистическое хозяйство»³.

В Чехословакии оживление промышленности начинается с конца 1919 г., происходит в 1920 г., а в некоторых отраслях наблюдается и в 1921 г. Статистические данные показывают, что оживление и подъем производства в Чехословакии охватывает добывающую промышленность и те отрасли легкой промышленности, которые работали на местном сырье. Однако далее в период наибольшего послевоенного подъема (1919–1920 гг.) промышленность Чехословакии не достигла уровня предвоенного производства. Об этом наглядно свидетельствуют данные о добыче каменного и бурого угля, железной руды и производства стали и чугуна в 1919–1921 гг. по сравнению с 1913 и 1918 гг.⁴ (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Вид продукции	1913 г. в тыс. т.*	1918 г. в тыс. т.	1919 г. в тыс. т.	1920 г. в тыс. т.	1921 г. в тыс. т.
Каменный уголь	14 087	11 969	10 254	11 380	12 023
Бурый уголь	23 137	16 319	17 324	19 958	21 335
Железная руда	2 176	1 255	947	1 008	801
Чугун	1 228	----	685	748	614
Сталь	1 237	----	786	972	917

* Данные относятся к Чехии, Моравии, Силезии.

В 1919 г., как видно из таблицы, все еще происходит падение добычи каменного угля и железной руды по сравне-

нию с 1918 г., и лишь в 1920–1921 гг. она несколько возрастает, не достигнув, однако, довоенного уровня. При этом надо иметь в виду, что в стране в 1919–1920 гг. ощущался резкий недостаток угля, оказавший стимулирующее воздействие на увеличение его добычи⁵.

Увеличения добычи железной руды в 1919–1921 гг., по существу, не произошло. Некоторое увеличение ее добычи по сравнению с уровнем 1919 г. отмечалось в 1920 г., но в 1921 г. произошло новое падение. Аналогичная картина наблюдалась, как видно из таблицы, в производстве чугуна. Большая часть произведенного чугуна в этот период потреблялась и перерабатывалась внутри страны.

Из 684,6 тыс. т полученного в 1919 г. чугуна было переработано на заводах страны 589,9 тыс. т, а 48,2 тыс. т продано за границу, в 1920 г. из 747,8 тыс. т 670,2 тыс. т было переработано в стране и 31,8 тыс. т продано за границу⁶.

Некоторое увеличение спроса на продукцию черных металлов в 1919–1920 гг. на внутреннем рынке объясняется переоборудованием предприятий в связи с их перестройкой на мирное производство и частичным обновлением постоянного капитала, а также расширением предприятий отдельных отраслей легкой промышленности, деревообрабатывающей, целлюлозной, бумажной, работавших в основном на местном сырье.

Основная масса продукции этих отраслей промышленности шла на внешний рынок, где она могла успешно конкурировать благодаря более низким издержкам производства, чем в странах-экспортерах. Иное положение складывалось в такой отрасли промышленности, как текстильная.

Характеризуя обстановку, создавшуюся здесь в 1919–1920 гг., один из депутатов Национального собрания говорил: «У нас есть текстильная промышленность, ее сбыт внутри страны составляет не больше 20% нормального производства... Сразу же после возникновения государства, при его рождении мы не имели сырья, был кризис из-за недостатка сырья. Вопрос о сырье был решен очень убого. Кризис сырья сменился угольным кризисом. Когда мы имели немного сырья, промышленность не имела угля. Теперь мы имеем уголь, но не имеем рынков сбыта»⁷.

Фактически текстильная промышленность в 1919–1920 гг. находилась в застое, здесь не наблюдалось никакого оживления производства. Это объясняется, прежде всего, двойной зависимостью от внешнего рынка: с одной стороны, – привозное сырье, с другой стороны, – потеря старых, австро-венгерских областей как рынков сбыта и превращения их во внешние рынки. Если раньше, до войны, немногим менее 30% продукции текстильной промышленности вывозилось за границу, а 70%⁸ продавалось, в Чехии, Австрии, Галиции и других землях Австро-Венгрии, то теперь 70–80% продукции⁹ чехословацкой текстильной промышленности должно было искать внешние рынки сбыта.

Отрасли промышленности, связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции (сахарная, пивоваренная, мукомольная, спиртовая), не испытывали сколько-нибудь значительного оживления в период 1919–1920 гг., поскольку они находились в прямой зависимости от состояния сельского хозяйства. Заметное оживление в этих отраслях хозяйства наблюдалось лишь в 1921 г.

Несмотря на ограниченность послевоенного оживления в чехословацкой промышленности, дивиденды промышленных предприятий в этот период достигали огромных размеров. Например, «Чешское торговое общество в Усти на Лабее» в 1914 г. выплачивало 6%, в 1920 г. – 16,25%; Чешско-моравский машиностроительный завод в предвоенный период выплачивал 10–20% дивидендов, в военные годы – 25%, в 1920 г. его дивиденды достигли 45%. При этом его прибыль составила в 1920 г. 5 925 730 крон при акционерном капитале 6 млн. крон¹⁰. Это свидетельствует о спекулятивном характере послевоенного подъема.

Перестройка ряда отраслей на мирное производство, затруднения с ввозом сырья, недостаток угля в стране, потребность в конкурентоспособных товарах для внешнего рынка требовали дополнительных вложений капитала. Роль банков как кредиторов в этот период очень усилилась. В стране создалась благоприятная обстановка для расширения сфер деятельности и укрепления позиций банков в экономике страны. 1919–1920 годы были временем быстрого увеличения числа акционерных банков. Если к 31 декабря 1918 г. в чешских

землях было 14 чешских акционерных банков¹¹ с капиталом 391 млн. крон и восемь немецких банков с капиталом 138 млн. крон, то в 1920 г. в Чехии, Моравии и Силезии насчитывалось 37 акционерных банков с капиталом 1329 млн. крон¹². Только в 1920 г. возникло девять акционерных банков, акционерный капитал которых составлял 99,5 млн. крон. При этом явно обнаружилась тенденция роста чешских банков: из 37 банков 26 было чешских, семь немецких, четыре смешанных. Смешанные банки создавались на основе закона о нострификации на базе ликвидированных филиалов австрийских банков. Как правило, смешанные банки имели своими патронами известные крупные чешские банки, частично акции смешанных банков продавались иностранным, главным образом, французским, бельгийским, голландским банкам.

Деятельность акционерных банков в этот период была чрезвычайно экспансивной. В 1918–1920 гг. ими было основано 204 акционерных общества с общим капиталом 2,1 млрд. крон¹³, из них 142 акционерных общества с акционерным капиталом в 780 млн. крон в 1920 г., т. е. большая часть основанных обществ приходится на период оживления в промышленности. Чешский банковский капитал стремился усилить свои позиции в промышленности страны, главным образом, за счет вытесняемого австрийского капитала, используя так называемую систему реорганизации обществ. Отделение чехословацкой валюты от общеавстрийской создало большие трудности с кредитом у предприятий и концернов, финансируемых австрийскими банками, и создало условия для подчинения их чешским банкам.

Крупнейший чешский Живностенский банк участвовал в 1919 г. в реорганизации 13 обществ с акционерным капиталом 92 млн. крон. В 1920 г. Живностенский банк принял участие в повышении акционерного капитала в 30 акционерных обществах¹⁴, главным образом, в промышленных предприятиях. В числе их были Устецкое химическое объединение, Поддинские заводы, Ринггофферовские заводы, общество «Телеграфия» и другие предприятия, которые находились раньше под контролем австрийских банков.

Послевоенное экономическое оживление способствовало интенсивному увеличению акционерного капитала в

банках. Акционерный капитал Живностенского банка, составлявший к началу 1919 г. 120 млн. крон, к концу 1919 г. возрос до 20 млн. крон. Чешский промышленный банк в 1919–1920 гг. увеличил свой акционерный капитал с 80 млн. до 120 млн. крон. Акционерный капитал Моравского аграрного и промышленного банка возрос с 36 млн. до 60 млн. крон¹⁵. При этом необходимо отметить как характерное явление, что в увеличении акционерного капитала широкое участие принимают иностранные банки, главным образом, французские, бельгийские, голландские, английские.

Статистические данные 1919–1920 гг. свидетельствуют об увеличении дивидендов у абсолютного большинства банков: из 28 акционерных банков Чехии, Моравии и Силезии, существовавших в 1919–1920 гг., увеличили свои дивиденды 18 банков, сохранили дивиденды на уровне 1919 г. семь банков¹⁶. Причем, как правило, наибольшие дивиденды выплачивали банки, возникшие в условиях послевоенной конъюнктуры. Для словацких банков 1919–1920 годы были временем существенных изменений, вызванных усилившимся процессом концентрации банковского капитала. В 1919 г. из 214 акционерных банков Словакии лишь 56 банков имели капитал свыше 1 млн. крон. Акционерный капитал остальных банков составлял от 100 тыс. до 1 млн. крон. В течение 1920 г. в Словакии сложилась группа банков, располагающая акционерным капиталом свыше 10 млн. крон¹⁷. Несмотря на это, банки Словакии по сравнению с банками чешских земель продолжали оставаться слабыми, к тому же в них преобладал венгерский капитал. В 1919 г. из 214 банков Словакии было только 49 словацких, 72 венгерских, 10 немецких, а остальные смешанные. Недостаток словацких капиталов и вытекающая из этого зависимость промышленности Словакии от венгерских и немецких банков крайне ослабляли экономические позиции словацкой буржуазии в обострившейся конкурентной борьбе на внутреннем рынке.

Относительный экономический подъем в Чехословакии в первые послевоенные годы продолжался недолго и был прерван начавшимся падением промышленного производства, переросшим в экономический кризис. Экономический спад и признаки наступления кризиса стали проявляться в

капиталистическом мире уже в начале 1920 г. В январе в США наблюдалось некоторое понижение цен, с марта 1920 г. кризис охватывает Японию, затем распространяется на США и Англию, несколько позже на страны континентальной Европы. Такая последовательность втягивания капиталистических стран в кризис объясняется, прежде всего, тем, что в государствах, менее пострадавших от войны, где разрушения промышленного потенциала были незначительны или их вообще не было, раньше закончилось восстановление промышленности и перестройка ее на мирное производство. Когда континентальная Европа еще активно поглощала промышленную продукцию, склады США и Японии были заполнены нереализованными товарами. Реализация их на рынках Европы была чрезвычайно затруднена из-за обесценивания валюты европейских стран. Товары тех стран, в которых происходило падение курса валюты в этот период, могли выбрасываться по ценам ниже мировых, что крайне затрудняло экспорт из стран с устойчивой валютой.

В колониальных и полуколониальных странах, являвшихся в довоенный период широким рынком для империалистических держав, за годы войны активно развивалась своя промышленность. Развитие национальной промышленности этих стран стало источником новых торговых затруднений для капиталистического мира. Выход Советской России из экономической системы империализма и сужение сфер его влияния, безусловно, усилили этот кризис.

Индекс развития промышленности в Чехословакии и в целом по капиталистическому миру за 1913, 1920–1924 гг. раскрывает картину послевоенного экономического кризиса (за 100 принимается уровень 1929 г.)¹⁸.

Годы	Капиталистический мир в целом	Чехословакия
1913	68,2	70,9
1920	66,9	51,5
1921	58,9	60,1
1922	70,1	54,7
1923	76,6	57,6
1924	78,5	76,0

Эти цифры показывают, что для капиталистического мира в целом падение производства в послевоенный период наблюдалось лишь в 1921 г. С 1922 г. капиталистическое производство, взятое в целом, переживало процесс подъема. Однако это лишь общая тенденция развития кризиса в капиталистическом мире. Каждая страна имела свои специфические черты и особенности. Послевоенный экономический кризис в Чехословакии в отличие от других капиталистических стран начался позднее и приобрел затяжной характер. Его кульминационный пункт приходится на 1922 г., тогда как в других капиталистических странах в этот период начался подъем и в целом по капиталистическому миру производство достигло довоенного уровня.

Эти особенности послевоенного экономического кризиса в Чехословакии были обусловлены исторически сложившейся узостью внутреннего рынка и исключительной зависимостью экономики страны от внешнего рынка.

В Чехословакии в 1921 г. ряд отраслей промышленности испытывал серьезные трудности, связанные с реализацией готовой продукции, хотя объем промышленного производства в целом все еще увеличивался, и индекс его составил 68,1 (за 100 принимается уровень 1913 г.), тогда как в 1920 г. он был лишь 65,8¹⁹. Потребление руды в стране сократилось в течение 1921 г. на 3 734 848 ц, чугуна на 1 605 831 ц²⁰. Сокращение производства в горнорудной и металлургической промышленности не могло не сказаться на развитии угледобывающей промышленности. Правда, статистические данные свидетельствуют о продолжении роста добычи угля. Однако они не отражают положения, которое сложилось в стране со сбытом угля.

Внутреннее потребление угля в это время заметно сократилось. В январе 1921 г. оно составляло 1730 вагонов, а в августе уменьшилось более чем на одну треть²¹. Частные буржуазные источники отмечают ухудшение конъюнктуры в угольной промышленности с апреля 1921 г. Официальная статистика засвидетельствовала первое сокращение добычи угля в июне 1921 г.; в декабре было добыто угля уже на 54 155 390 ц меньше²², чем в мае этого же года.

Сокращение объема производства произошло также в

химической промышленности. К ноябрю 1921 г. она была занята только на 45% своей производственной мощности ²³.

В легкой промышленности в 1921 г. спад производства, да и то в очень незначительной степени, наблюдался лишь в отдельных отраслях. Например, стекольная промышленность была занята в ноябре 1921 г. на 70% своей производственной мощности, в бумажно-целлюлозной промышленности сокращение производства по сравнению с 1920 г. колебалось в пределах 15–14%, в сахарной и пивоваренной промышленности падения производства вообще не наблюдалось, в текстильной промышленности потребление хлопка возросло с 617174 ц до 885426 ц ²⁴.

Расчеты индексов А. Доброга позволяют сравнить состояние легкой и тяжелой промышленности в 1921 г. ²⁵.

Год	Индекс тяжелой промышленности	Индекс легкой промышленности
1913	100	100
1919	60,5	30,8
1920	79,6	45,4
1921	76,9	55,1

Таким образом, из этих данных видно, что спад производства, наблюдаемый в чехословацкой промышленности в 1921 г., коснулся, главным образом, тяжелой индустрии и крайне незначительно отдельных отраслей легкой промышленности. По-видимому, причину этого различия следует искать в разной степени зависимости отраслей чехословацкой промышленности от внешнего рынка ²⁶ и от состояния курса кроны на иностранных биржах. Для легкой промышленности, работавшей в основном (за небольшим исключением) на местном сырье, инфляция и связанное с ней падение курса кроны создавали весьма благоприятные условия для реализации своей продукции на внешних рынках. Низкий уровень кроны был выгоден для добывающей промышленности, вывозящей сырье и полуфабрикаты. Отдельные круги чехословацкой буржуазии, связанные с легкой и добывающей промышленностью, видя основную причину затруднений сбыта в падении германской марки и венской кроны, искали выход

из тяжелого положения за счет дальнейшего снижения курса кроны на внешних рынках. Газета «Богемия» 28 августа 1921 г. писала: «Кокс не может быть продан, так как вагон в 10 т продается за 7300 крон, в то время как в Германии он продается за 3500 крон. ... Единственный выход для угольной промышленности – это дальнейшее падение чешской валюты на иностранном рынке».

Падение курса кроны на внешнем рынке в течение 1921 г.²⁷ позволило определенным кругам чехословацкой буржуазии за счет интенсивного увеличения экспорта затормозить спад производства в отдельных отраслях промышленности и в известной степени ослабить действие развертывающегося кризиса. В 1920 г. количество вывезенных товаров составило 69022139 ц и 2646868 штук, а в 1921 г. возросло до 97425051 ц и 4305122 штук²⁸. При этом намечается тенденция увеличения удельного веса сырья и полуфабрикатов в общей сумме экспорта. Установить удельный вес продукции легкой промышленности и тяжелой промышленности в общем объеме экспортируемых товаров не представляется возможным.

Сильное сокращение производства, охватившее все отрасли чехословацкой промышленности, началось в 1922 году. Оно совпало с проводившейся с конца 1921 г. дефляцией, имевшей целью поднять курс кроны внутри страны и на внешних рынках. Некоторые чехословацкие буржуазные экономисты видели причины наступившего кризиса в 1922 г. только в политике дефляции, считая падение производства результатом политических действий определенных кругов чехословацкой буржуазии, заинтересованных в повышении курса кроны. Они не понимали, что кризис был подготовлен всем предшествующим развитием капиталистического производства и усилен особым положением Чехословакии на мировом рынке. Разумеется, дефляция оказала известное влияние на развитие экономического кризиса, осложнила его течение, сказалась на глубине и характере тех явлений, которые были порождены кризисом.

Первые попытки поднять курс кроны были предприняты еще в 1919 г., в период создания самостоятельной чехословацкой валюты.

В то время в стране находилось в обращении большое количество бумажных денег, оставшихся в наследство от Австро-Венгрии, почти не имевших золотого покрытия. Если в 1913 г. в Австро-Венгрии покрытие банкнот золотом, не считая остальных видов бумажных денег, составляло 42,2%, то в 1918 г. оно упало до 0,7% ²⁹. Министр финансов Рашин, проводя отделение валюты при штемпелевании денежных знаков, пытался часть их задержать в виде государственного займа. Из общей суммы 9630 млн. крон было задержано 2447 млн. и снято с текущих счетов в банках 413 млн. крон. В обращении осталось 6770 млн. крон ³⁰. Были проведены и другие мероприятия, направленные на укрепление валюты. Все это привело к тому, что в мае 1919 г. курс кроны достиг приблизительно 34% золотого паритета ³¹. Однако уже с середины 1919 г. начинается вновь наводнение рынка бумажными деньгами и падение курса кроны. К октябрю 1921 г. количество бумажных денег в обороте страны достигло 12 327 млн. крон ³², и стоимость бумажной кроны составляла лишь 5% номинальной величины. Это сопровождалось падением курса кроны на международных биржах. Курс кроны на Цюрихской бирже упал с 31,30 сантимов за 1 крону 30 апреля 1919 г. до 5,10 сантима 31 октября 1921 г. ³³.

Падение курса кроны было выгодно тем группам буржуазии, которые держали в своих руках промышленность, связанную с изготовлением товаров из отечественного сырья на экспорт (главным образом, отрасли легкой промышленности). Но это было невыгодно для буржуазии, сосредоточившей в своих руках промышленность, работавшую на импортном сырье. Они решительно выступали за проведение дефляции. Их интересы в значительной степени совпадали с интересами банковского капитала, поскольку инфляция приводила к обесцениванию вкладов в банках и выдаваемых ими кредитов. Например, во время войны банковские вклады в кронах выросли, но реальная стоимость их отнюдь не являлась большей, чем перед войной. Повышение курса кроны сулило увеличение реальной стоимости банковских вкладов. Поэтому вокруг вопроса о курсе кроны в течение 1919–1921 гг. развернулась ожесточенная борьба ³⁴. Начавшееся с ноября 1921 г. проведение дефляции фактически означало,

что инициативу в экономической жизни страны захватила буржуазия, связанная с тяжелой индустрией, с банковским капиталом и заинтересованная в высоком курсе чехословацкой кроны. К тому времени сложились необходимые политические и экономические предпосылки для проведения финансовой реформы и укрепления валюты. Политические позиции чехословацкой буржуазии значительно укрепились после поражения всеобщей декабрьской стачки пролетариата в 1920 г. Экономические предпосылки дефляции были связаны с улучшением платежного баланса, что сократило вывоз золота из страны для покрытия пассивного сальдо. Улучшение платежного баланса в огромной степени зависело от активности торгового баланса³⁵, которая в Чехословакии в рассматриваемые годы была обеспечена, с одной стороны, сокращением ввоза продуктов питания (т. е. в конечном счете за счет ухудшения снабжения населения), а с другой стороны, высокими ввозными пошлинами, позволившими поддерживать высокие цены внутри страны и выбрасывать по низким ценам товары на внешний рынок.

Средства, необходимые для проведения дефляции, Министерство финансов Чехословакии изыскивало, главным образом, за счет увеличения налогового обложения населения. Официальная статистика отмечает очень сильный рост налогов: если в 1920 г. на каждого жителя страны приходилось прямых и косвенных налогов в общей сумме 413,7 крон, то в 1922 г. сумма составляла 749,5 крон³⁶. Налоги с населения были одним из основных источников повышения курса кроны. В докладе советской торговой делегации от 8 апреля 1922 г. отмечалось: «Благодаря тому, что налоги поступают со значительными избытками против сметных предложений, благодаря тому, что проведенный недавно через палату единовременный налог дал уже до выработки детальной инструкции о способах его уплаты свыше миллиарда крон – денежное обращение удалось сократить за время с конца октября 1921 г. по 23 марта 1922 г. с 12327 млн. крон до 9958 млн. крон»³⁷.

В качестве другого источника следует назвать иностранные займы, предоставленные Чехословакии в этот период. Следует сказать, что иностранный капитал, в особен-

ности английский, проявил необычайный интерес к проведению дефляции в Чехословакии. Уже в 1921 г. английские банки предоставили заем в размере 10 млн. фунтов стерлингов (что по тогдашнему курсу составляло около 2,5 млрд. крон) для проведения операций по подъему курса кроны на внешнем рынке. Вслед за этим займом поступило предложение от группы швейцарских банков на заем в размере 60 млн. золотых франков. Наряду с государством офферты на займы от двух английских банков получила Прага³⁸. В 1922 г. Чехословакия заключила внешний заем в Англии, Голландии и в США общим размером в 50 млн. долларов.

Большое значение в проведении дефляции имела политика правящих классов в области кредита. Если с октября 1919 г. по октябрь 1921 г. статистика, как правило, регистрирует рост ссуд, то с октября 1921 г. отмечается резкое их сокращение. Только за ноябрь-декабрь 1921 г. общая сумма выданных под залог ссуд уменьшилась примерно на 30%³⁹.

Изъятие бумажных денег из внутреннего обращения страны шло быстрыми темпами: с октября 1921 г. по январь 1923 г. количество денег, обращающихся в стране, сократилось с 12 327 млн. крон до 9222 млн. крон⁴⁰, т. е. почти на одну треть. В то же время растет золотое обеспечение кроны⁴¹. Если в июне 1921 г. обращение банкнот в стране при пересчете по курсу доллара исчислялось в 770,2 млн. золотых крон, то в декабре 1922 г. оно увеличилось до 1548,3 млн. золотых крон⁴². Стоимость одной бумажной кроны, составлявшая в октябре 1921 г. 5% номинальной величины, выросла к концу 1922 г. до 15,85%⁴³ и на этом уровне стабилизировалась.

На внешних рынках курс кроны увеличился в 2,2 раза по сравнению с долларом, который в то время являлся наиболее устойчивой валютой на мировом денежном рынке. При этом следует иметь в виду, что быстрый подъем курса кроны на международных биржах нельзя объяснять только ростом ее обеспечения золотом, необходимо принять во внимание и политику банков, строго регулировавших торговлю дивизами.

Политика дефляции оказала большое влияние на состояние экономики Чехословакии в этот период. Она обострила и углубила экономический кризис. Повышение курса чехословацкой кроны на внутреннем и международном рын-

ках отрицательно сказалось на экспорте товаров. Ввиду этого в 1922 г. наблюдалось снижение экспорта. Если в 1921 г. было вывезено из страны 97 427 354 ц и 4505 120 шт. товаров общей стоимостью 27 311 млн. крон, то в 1922 г. это количество уменьшилось до 94 902 625 ц и 4 119 526 шт., а стоимость их составила 18 087 млн. крон ⁴⁴.

Особенно тяжелые последствия повышение курса кроны имело для отраслей легкой промышленности, товары которых сбывались в основном на внешних рынках. Оборот текстильной промышленности за I–III кварталы 1922 г. уменьшился на 32% ⁴⁵. Сокращался и экспорт товаров тяжелой промышленности.

В бюллетене советской торговой делегации сообщалось о состоянии экспорта металлургической промышленности: «В 1921 г. Чехословакия экспортировала изделия металлургической промышленности в довольно крупных размерах. Начиная с ноября прошлого года, т. е. с момента стремительного повышения чешской валюты, экспорт металлургических изделий постоянно уменьшается. Так, например, экспорт железа и железных изделий за период январь – март 1922 г. упал с 216 000 ц до 110 000 ц, т. е. на 50% ⁴⁶. Большие массы товаров в тот период оставались нереализованными на складах. В этих условиях особенно острым становился вопрос о кредите. Сокращение кредита, связанное с проведением дефляции, в первую очередь, ударило по мелким и средним предприятиям. Крупные монополистические объединения, опираясь на финансовую поддержку банков, могли без большого ущерба снижать цены на товары. За счет разорения мелкой и средней промышленности они расчищали себе поле деятельности. «Банкротством охвачены, главным образом, средние и мелкие предприятия, – подчеркивалось в «Руде право» 27 января 1923 г. – В первых месяцах прошлого года (т. е. 1922 г. – Г.М.) было 50–90 случаев банкротств ежемесячно, а в декабре 568... Большое число банкротств было в текстильной, кожевенной и конфекционной промышленности» ⁴⁷. Официальная статистика тоже отражает нарастание числа банкротств к концу 1922 г.

Подъем курса чехословацкой кроны значительно усилил позиции крупного банковского капитала в экономике

страны. Это привело к повышению реальной стоимости вкладов, сосредоточенных в банках. Одновременно с этим положение акционерных обществ и предприятий, являвшихся должниками банков, резко ухудшилось, поскольку стоимость их долга теперь увеличилась. Дефляция была средством перераспределения богатств среди капиталистов в пользу крупного финансово-монополистического капитала. Она усилила роль банков в экономической жизни страны, способствовала дальнейшему слиянию банковского капитала с промышленным. Вместе с тем дефляция в руках чешской финансовой буржуазии была орудием борьбы против ее главного экономического соперника – немецкого капитала. В первые годы после создания самостоятельного Чехословацкого государства (1918–1920 гг.) наблюдался чрезвычайно быстрый рост чешского банковского капитала по сравнению с немецким⁴⁸. Однако важнейшие отрасли промышленности по-прежнему оставались в руках немецкого капитала. Отделение чехословацкой валюты от австрийской оторвало многие предприятия от своих финансовых центров, а кризис и политика дефляции фактически поставили немецких промышленников перед дилеммой: или свертывать свое производство, или в поисках кредитов и дополнительных капиталов вступать в контакт с чешскими банками.

«Финансовая политика Рашина сломала шею немецкому финансовому капиталу, установила гегемонию Живнобанка и проводилась за счет немецкой экспортной промышленности, попавшей в долговое рабство к чешским банковским магнатам», – писала «Арбайтер Ярбух» о положении, сложившемся к концу 1923 г. в чехословацкой промышленности⁴⁹.

Финансовая буржуазия Чехословакии широко использовала созданные дефляцией благоприятные условия для вывоза капитала за границу и укрепления своих позиций в Центральной Европе. Именно в этом плане следует рассматривать чехословацкий заем, предоставленный в 1922 г. Австрии на сумму 500 млн. крон⁵⁰. В рассматриваемый период наблюдался значительный приток чешского капитала на Балканы. Среди банков, поместивших свои капиталы в страны Балканского полуострова, можно назвать Пражский кредитный банк, участвовавший в основании Славянского банка в

Любляне и повышении акционерного капитала в «Банк коммерс эл-Эндустри» в Бухаресте; Живностенский банк, который совместно с другими банками создал «Чешско-румынское акционерное общество в Бухаресте», участвовал в повышении акционерного капитала в «Австрийском кредитном учреждении для торговли и промышленности», «Нижнеавстрийском учетном обществе», «Унион Еуропен», «Компани Рояль Астуриен де Мин»; Аграрный банк, вложивший свой капитал в создание «Чешско-румынского коммисионерного банка», и др.

Таким образом, политика дефляции, проводившаяся за счет усиления налогового гнета в стране и привлечения иностранных займов и отвечавшая, прежде всего, интересам крупной финансово-монополистической буржуазии, была средством укрепления ее позиций в экономике страны, поскольку содействовала быстрому разорению мелкой и средней промышленности и расчищала поле деятельности для монополий-гигантов. С помощью политики дефляции чешской буржуазии в известной мере удалось ослабить позиции немецкого капитала в стране.

Экономический кризис к концу 1922 г. охватил все основные отрасли промышленности. Производство чугуна по сравнению с довоенным уровнем упало на 75%, стали – на 68%, каменного угля на 27%, бурого угля на 18,3%, кокса на 66%⁵¹. Секретарь союза промышленников Чехословакии Годач отмечал, что в декабре 1922 г. в стране работало лишь 3 домны⁵².

Период резкого сокращения производства продолжался и в первые месяцы 1923 г., и лишь в марте началось некоторое улучшение положения. Оно было теснейшим образом связано с так называемой «Рурской конъюнктурой». Оккупация Рура Францией лишила мировой рынок дешевого немецкого угля и железной руды и привела к повышению спроса на уголь и продукцию металлургической промышленности.

В марте 1923 г. тот же Годач констатировал начавшееся улучшение в сбыте чехословацкого угля, кокса, в производстве железа, стали и проката. Несколько ответов на анкету газеты «Народни листы» ярко вскрывают причину повышения спроса на упомянутые товары. В одном из ответов говорилось: «В результате прекращения поставок Рурского

угля в неоккупированную Германию к нам поступали заказы, которыми и можно было компенсировать недостаточный сбыт на внутреннем рынке. До оккупации Рура мы работали с большим ограничением четыре дня в неделю. Внутри страны сбыт был незначительный, а за границей нельзя было конкурировать с дешевым горносилезским, саарским и английским углем. После оккупации Рура положение резко изменилось. За границей спрос на уголь сильно вырос... С начала февраля стал расти сбыт кокса, что привело к расширению его производства»⁵³.

Ответ администрации остравского металлургического завода также чрезвычайно показателен. «Только оккупация Рура дала достаточно заказов по ценам более высоким, чем цены на внутреннем рынке, и статистические данные нашего вывоза в летние месяцы являются рекордными»⁵⁴.

Если сравнить статистические данные по производству чугуна, то окажется, что в 1923 г. оно достигло 3/4 довоенного производства и по сравнению с 1922 т. возросло на 127%⁵⁵.

Большая часть продукции каменноугольной и металлургической промышленности идет на экспорт. И главными потребителями выступают, по сведениям газеты «Народни листы», Германия, на которую приходилось 70% всего вывезенного из Чехословакии железа, и Франция, куда вывозилось очень много остравского кокса. Но оживление в чехословацкой промышленности, вызванное «Рурской конъюнктурой», было крайне односторонним. Оно коснулось лишь угольной и металлургической промышленности. Состояние других отраслей по-прежнему оставалось напряженным, и улучшение отмечалось крайне незначительное. Текстильная промышленность на протяжении 1923 г. находилась в крайне стесненном положении: заказов, как отмечали газеты, было очень мало, потребление хлопка по сравнению с 1922 г. увеличилось всего лишь на 41 807 ц в год. Официальные статистические материалы не позволяют проследить состояние таких отраслей, как обувная, конфекционная, химическая. Лишь отдельные отрывочные сведения прессы и заявления депутатов в Национальном собрании дают некоторое представление о положении в этих отраслях. Чешский буржуаз-

ный экономист Пимпер подчеркивал, что в 1923 г. «тяжелый кризис пережили мукомольная, стекольная, фарфоровая, пивоваренная, деревообрабатывающая, бумажная, автомобильная, конфекционная отрасли промышленности»⁵⁶. В начале 1923 г. производство пивоваренной промышленности составляло лишь 40% производственной мощности, солодовых заводов – 25%, мебельных фабрик – 10%. Машиностроительная промышленность, хотя и получила некоторые заказы из-за границы, но по таким ценам, которые едва покрывали производственные издержки. Многие машиностроительные заводы работали по-прежнему неполную рабочую неделю, при ограниченном числе рабочих.

Так, по сведениям, сообщенным на заседаниях Национального собрания 11 декабря 1923 г., на заводах фирмы Ринггоффер, где обычно было занято в производстве 3000 человек, в 1923 г. находилось лишь 1200, причем работа продолжалась только четыре дня в неделю. Почти такое же положение было и на Чешско-моравском машиностроительном заводе, где при сокращении рабочих на 50% работа продолжалась лишь четыре дня в неделю.

В химической промышленности на крупнейших предприятиях с марта 1923 г. отмечалось некоторое расширение производства. Но на большинстве мелких химических заводов заметного улучшения не наблюдалось.

Экономический кризис, в течение трех лет господствовавший в хозяйстве Чехословакии, чрезвычайно усилил процесс концентрации капитала и дальнейший рост монополий. Он сопровождался обострением конкурентной борьбы, разорением одних капиталистических фирм и неслыханным обогащением других.

В числе первых жертв кризиса оказались, главным образом, предприятия и фирмы, возникшие и развернувшие свою деятельность в военные и послевоенные годы. Статистика банкротств в Чехословакии за 1921 г. отмечает, что из 356 банкротств 28,5% приходилось на фирмы, основанные до войны, и 77,5%⁵⁷ – на новые предприятия, возникшие в годы войны и послевоенного подъема.

Одновременно с этим быстро росли монополии. Этот процесс был ускорен в Чехословакии тем, что здесь в первые

годы после образования самостоятельного государства прекратили свое существование многие австрийские монополии.

В металлургической промышленности в самый разгар кризиса, когда особенно остро встал вопрос о сбыте продукции, 15 крупнейших металлургических предприятий создали объединение сроком на 10 лет⁵⁸, главной задачей которого была «организация совместной продажи изделий с целью устранения взаимной конкуренции»⁵⁹. Ведущая роль в этом объединении принадлежала трем крупнейшим фирмам: Пражскому металлургическому обществу, Горнопромышленному и металлургическому обществу и Витковицким заводам. Эти три фирмы уже раньше вступили в соглашение между собой о совместном сбыте продукции⁶⁰.

Создание металлургического картеля сразу почувствовали предприятия, не вошедшие в объединение. Так, из западночешских районов сообщалось, что здесь из 21 металлургического завода 16 заводов работали с загрузкой в 20–50%, пять в 50–75% производственной мощности. «Причина этого заключается в том, – указывалось с трибуны Национального собрания, – что концентрация металлургического производства, проведенная металлургическим картелем, уничтожает мелкие и средние заводы»⁶¹.

В машиностроительной промышленности складывается монополистическое объединение, куда входили заводы Шкода, «Рустон Бромовский», «Ринггоффер на Смихове». С начала 1923 г. перестало существовать как самостоятельное предприятие акционерное общество «Кольбен», которое присоединилось к Чешско-моравскому машиностроительному заводу.

В льнообрабатывающей промышленности был создан синдикат для покупки сырья и продажи готовых изделий под названием «Объединенные прядильни льна в Трутнове». Этот синдикат объединял 25 прядильных фабрик, располагавших 300 тысячами веретен⁶².

Приведенные выше факты являются наглядной иллюстрацией происходившего процесса концентрации. Данные статистики акционерных обществ, которые являлись одним из основных видов монополистических объединений в Чехословакии, подтверждают активизацию концентрации производства в годы послевоенного экономического кризиса. Если

в период послевоенного оживления 1919–1920 гг. в среднем на одно акционерное общество (промышленное и торговое) приходилось примерно по 4,18 млн. крон акционерного капитала, то, начиная с 1921 г., средняя сумма акционерного капитала на одно акционерное общество возрастает. В 1921 г. он составил 4,51 млн. крон, в 1922 г. – 4,65 млн. крон, в 1923 г. – 4,96 млн. крон, в 1924 г. – 5,4 млн. крон⁶³.

Аналогичный процесс усиления концентрации происходил в этот период и в банках.

Если в чешских землях 1919–1920 годы характеризовались чрезвычайно быстрым ростом числа банков, то с наступлением кризиса происходит замедление этого процесса. В 1920 г. по сравнению с 1919 г. количество банков возросло на одну треть (с 27 до 36 банков), в 1921 г. прирост составлял лишь 3 банка, в 1922 г. – 1 банк, а в 1923 г. наблюдалось уже сокращение числа банков с 40 до 34, в то время как акционерный капитал в них продолжал возрастать.

Только в 1923 г. наблюдается некоторое уменьшение акционерного капитала, что было связано с банкротством трех крупных банков.

Если в 1919 г. в среднем на каждый акционерный банк приходилось примерно по 33,8 млн. крон, а в 1920 г. по 36,9 млн. крон, то начиная с 1921 г. темпы прироста акционерного капитала быстро возрастают. В 1921 г. в среднем на один банк приходилось 39,6, в 1922 г. – 46,1 и в 1923 г. – 53,5 млн. крон⁶⁴.

Процесс концентрации банковского капитала сопровождался слиянием ряда банков и поглощением одних другими, а также банкротством и крахами. В 1921 г. произошло объединение Промышленного банка с Экономическим кредитным банком. Созданный на основе их объединения банк получил название «Чешский промышленный и экономический банк». Он сосредоточил в своих руках 200 млн. крон акционерного капитала и выдвинулся в ряды крупнейших банков. Затем ему удалось присоединить Торговый банк в Градце Кралеве. Пражский кредитный банк поглотил Северочешский банк в Литомержицах. Моравский аграрный и промышленный банк окончательно присоединил к себе находившийся с 1919 г. под его патронатом Торговый и промыш-

ленный банк в Колине. Особенно активно происходили всякого рода «объединения» и «присоединения» в 1923 г.

В период послевоенного экономического кризиса окончательно оформляются три банковских концерна, борьба между которыми во многом определяла хозяйственную и политическую жизнь страны. К концу 1923 г. вокруг Живностенского банка сложился крупнейший банковский концерн, в который входили Живностенский банк с акционерным капиталом 200 млн. крон, Чешский учетный банк и Кредитное учреждение в Праге с акционерным капиталом, составлявшим в 1923 г. 200 млн. крон, и Чешский банк с акционерным капиталом 60 млн. крон ⁶⁵.

Второй по величине банковский концерн возглавил Чешский промышленный экономический банк, акционерный капитал которого составлял 210 млн. крон. В него вошли банк «Унион» с акционерным капиталом 160 млн. крон и Чешский коммерческий банк с капиталом 75 млн. крон ⁶⁶. В третий банковский концерн входили Пражский кредитный банк с акционерным капиталом 120 млн. крон, Чехословацкий аграрный банк, акционерный капитал которого насчитывал 60 млн. крон, Моравский аграрно-промышленный банк с акционерным капиталом в 120 млн. крон, Всеобщее чешское банковское объединение, Банк для торговли и промышленности с акционерным капиталом 80 млн. крон.

Вышеназванные объединения входили в союз банков, который вел активную борьбу с необъединенными, зачастую возникшими только в послевоенный период, банками. Поэтому отнюдь не случайно в начале 1923 г. была сделана попытка в противовес этому союзу создать новое объединение из недавно основанных и некоторых ранее существовавших банков. По сообщению газеты «Народни листы», в этот новый союз вошли 12 банков, в том числе Легиобанк, Моравский народный банк, Моравско-словацкий банк, Северочешский банк в Литомержицах, Средне-чешский банк в Прижибраме. Однако этот новый банковский союз не сумел противостоять более сильным конкурентам, и через несколько месяцев часть его членов была поглощена крупными банками.

Наряду с растущей концентрацией капитала годы кризиса ознаменовались усилением позиций банков в экономике

страны, активным проникновением их во все отрасли хозяйства и особенно в промышленность.

Спад производства, вызванный кризисом, трудности сбыта неизбежно требовали от предпринимателей дополнительных кредитов, найти которые можно было только в банках. С началом кризиса статистика фиксирует рост долговых обязательств банкам. Если в 1919 г. общая сумма долга чешским банкам составляла 6191,9 млн. крон, в 1920 г. – 7680,8 млн. крон, то в 1921 г. она возросла до 9799,2 млн. крон⁶⁷.

В этот же период статистические данные показывают дальнейшее усиление проникновения банковского капитала в промышленные объединения. Если в 1920 г. Живностенский банк вкладывал в промышленные предприятия 13,6 млн. крон, то в 1922 г. эта цифра возросла до 26,7 млн. крон. Участие Чешского промышленно-экономического банка составляло в 1920 г. 47,4 млн. крон, а в 1922 г. – 73,4 млн. крон. Причем, интересно отметить, что такие темпы наблюдались, главным образом, у банков, связанных с концерном Живностенского банка. У банков, объединенных в концерне Пражского кредитного банка, наблюдалось известное сокращение капиталов: например, сумма капиталов Аграрного банка, вложенная в предприятия, уменьшилась с 84,2 млн. крон в 1920 г. до 50,5 млн. крон в 1922 г.⁶⁸ Это наглядно подтверждало рост влияния в годы кризиса Живностенского банка и возглавляемого им концерна. Группе Живностенского банка удалось установить связь почти со всеми отраслями тяжелой промышленности: в его руках были акции Ринггофферовских заводов, Шкодовских заводов, Акционерного общества «Лаурин и Клемент», Устецкого химического союза. Через патронируемый Чешский учетный банк и кредитное учреждение (55% акций были у Живностенского банка) он контролировал большую часть металлургической промышленности. В текстильной промышленности Живностенскому банку принадлежали акции Маутнеровых заводов, в керамической – Западно-чешских каолиновых заводов, Карловарских цементных заводов и т. д.

Концерн Пражского кредитного банка (куда входили Моравский аграрно-промышленный банк и Аграрный банк)

распространил свое влияние, главным образом, на отрасли промышленности, связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции.

Моравский аграрно-промышленный банк был связан, прежде всего, с предприятиями по переработке сельскохозяйственной продукции в Моравии и имел сильные позиции в пивоваренной и сахарной промышленности. В текстильной промышленности ему принадлежали фабрики с акционерным капиталом в 3,5 млн. крон и «Чехоконфекцион» – акционерное общество конфекционной промышленности.

Аграрный банк имел прочные позиции в сахарной промышленности, где ему принадлежали ряд крупных предприятий: «Акционерное общество сахароваренной промышленности в Годонине», «Агроцукр», «Акционерное общество спиртовой промышленности в Моравской Остраве». В текстильной промышленности ему принадлежали акционерные текстильные фабрики «Ян Генрих и Сын в Усти на Орлице».

Влияние Аграрного банка в тяжелой промышленности распространялось, главным образом, на заводы, производящие сельскохозяйственные машины: «Агроферн» – завод по производству плугов, «Рольницы строирны и слеварны в Младе Болеславе» и т. д.

Через патронируемый Банк для торговли и промышленности Аграрный банк контролировал также ряд автомобильных и станкостроительных заводов, наряду с другими банками участвовал в основании пражской Збройевки. Это наглядно свидетельствовало об активном проникновении аграрного капитала в отрасли тяжелой промышленности.

Интересы концерна Чешского промышленно-экономического банка лежали как в легкой, так и в ряде отраслей тяжелой промышленности. Через входящий в объединение банк Унион он контролировал ряд предприятий металлургической промышленности.

Итак, оформившиеся в период кризиса банковские группировки были тесно связаны с промышленным капиталом и осуществляли контроль над многими крупнейшими промышленными предприятиями.

К концу 1923 г. в Чехословацкой республике из 1243 акционерных обществ (в промышленности и торговле) с акцио-

нерным капиталом в 5777,6 млн. крон в той или иной степени от банков зависели 955 обществ с акционерным капиталом 5250 млн. крон.

Представители банков входили в правления большинства акционерных обществ. Так, например, Ярослав Прейс, директор Живностенского банка, был членом правления Ринггофферовских заводов, Объединенных машиностроительных заводов Шкода, Чешского общества сахарной промышленности, Чешского торгового общества и еще 14 акционерных обществ. Аналогичные данные можно привести и о других банках.

Образовавшаяся финансовая верхушка имела тесные связи с государственным аппаратом страны. По данным Бергера, опубликованным в приложении к чешскому изданию книги В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», в начале 20-х годов в Чехословакии каждый четвертый депутат и каждый второй министр были членами правления акционерных обществ. Министр финансов инженер Бечка являлся членом правления Живностенского банка, «Акционерного общества по использованию леса», «Чешского пльзенского пивовара», «Текстильных заводов Ян Генрих и Сын», «Пражской акционерной типографии», «Акционерного общества молочной промышленности» и т. д.

Бывший министр финансов Энглиш являлся членом правления Англо-чешского банка, Шкодовских заводов; министр Каплан был членом правления Словацкого банка; Шробар – членом правления Американско-словацкого банка; Удржал – членом правления Аграрного банка и т. д. Список можно было бы еще продолжить десятком имен.

В одном из запросов, поданных в парламент, прямо указывалось, что правления акционерных обществ и банков «часто выбирали председателями влиятельных политиков, поскольку полагали, что тем самым им удастся войти в тесные связи с правительством и правящими партиями»⁶⁹.

В годы послевоенного экономического кризиса особенно сильно обострилась борьба чешской буржуазии за укрепление своих позиций в экономике страны. В этом она широко использовала государственный аппарат и свое господствующее положение в республике, вытесняя своих кон-

курентов и соперников в лице австрийской, венгерской и словацкой буржуазии. Для ослабления позиций венгерского и немецкого капитала и укрепления роли чешской буржуазии в хозяйстве страны большое значение имел закон о нострификации предприятий, центры которых находились за границей ⁷⁰. Закон обязал все предприятия перенести свои центры из-за границы в Чехословакию. В случае невыполнения этого закона административные органы могли запретить деятельность данного предприятия.

В 1920 г. был издан закон, острие которого направлялось против иностранных обществ и банков, имеющих центры за пределами республики. Отныне они лишались права вести операции и создавать филиалы на территории Чехословакии от имени своей фирмы.

Перенесение центров предприятий в Чехословакию уже само по себе ослабляло позиции немецкого и венгерского капитала, а запрещение вести операции от имени своей фирмы заставляло австрийскую и венгерскую буржуазию, имеющую капиталы в Чехословакии, устанавливать тесные связи с чешскими банками и акционерными обществами.

Но главная задача нострификации заключалась в том, чтобы руководство нострифицированных предприятий передать из рук австрийской и венгерской буржуазии в руки чешской. Сильная инфляция австрийской валюты, развернувшаяся в послевоенный период, привела к увеличению валютной разницы между курсовой стоимостью австрийской и чехословацкой крон ⁷¹. Она сделала для венских и будапештских банков практически невозможным финансирование предприятий на территории Чехословацкой республики. Акции этих предприятий на международных биржах стали падать, и все это вместе взятое позволило чешскому финансовому капиталу по низкому курсу скупать акции подлежащих нострификации предприятий. Уже к концу 1921 г. было нострифицировано 117 акционерных обществ с общим капиталом 1005 млн. крон ⁷².

Откуда же чешская буржуазия черпала капитал для скупки акций предприятий, подлежащих нострификации? Прежде всего, следует отметить, что годы войны и два послевоенных года ознаменовались быстрым ростом капитала

чешских банков. Если к началу войны сумма капитала в них составляла 900 млн. крон, то в 1920 г. банки имели вкладов на 60,5 млн. крон, а их собственный капитал исчислялся в 1,25 млрд. крон ⁷³.

Политика дефляции, начавшаяся с конца 1921 г., увеличила возможности чешского капитала в проведении нострификации. Во-первых, в результате стремительного подъема курса кроны на международных рынках еще больше возросла разница между курсом австрийской и чешской валют. Во-вторых, дефляция, увеличив реальную стоимость вкладов чехословацких банков, позволила чешской финансовой буржуазии более активно участвовать в проведении нострификации. К началу 1928 г. всего было нострифицировано 231 акционерное общество с общим капиталом 1948,36 млн. крон ⁷⁴.

Формы нострификации были разнообразны. Из одних филиалов создавались самостоятельные акционерные общества, где большая часть акций была у чешских капиталистов; другие филиалы вливались в ранее существовавшие предприятия, третьи ликвидировались.

Правительство, стремясь охватить нострификацией возможно большее число предприятий, широко применяло практику концессий с привлечением иностранного капитала, главным образом, английского и французского. Так, например, при нострификации чешских филиалов Венского банковского объединения и создании Всеобщего чешского банковского объединения концессия была дана Моравскому аграрно-промышленному банку в Брно, «Сосьете женераль де Бельжик» в Брюсселе, «Банк Бельне нур л'Етранже, филиаль де ля Сосьете женераль де Бельжик» в Брюсселе и Венскому банковскому объединению ⁷⁵.

При нострификации филиалов Лендербанка концессию на создание нового банка получили Чехословацкий аграрный банк, «Банк де Пари э де Пайи ба» в Париже и Банк для австрийских земель в Вене. Подобная же картина наблюдалась и в ряде других случаев.

Некоторым исключением из этого правила явилась нострификация Англо-австрийского банка. 12 апреля 1922 г. на основе филиалов вышеназванного банка был создан Англо-чешский банк. Разрешение на его основание было дано

только английскому «Банк оф Ингленд» в Лондоне. В результате 120 млн. крон акционерного капитала фактически перешло в руки английской финансовой группы⁷⁶. Этот банк имел в Чехословакии 30 филиалов и в первый же год завоевал прочные позиции в промышленности.

Система концессий, получившая большое распространение при нострификации, облегчала возможности чешской буржуазии вытеснить своего экономического соперника в лице немецкого и венгерского капитала, но в то же время широко открывала двери для притока в страну иностранного (английского и французского) капитала. Чешскому финансовому капиталу благодаря нострификации в значительной степени удалось укрепить свои позиции. Особо следует подчеркнуть, что в этой борьбе активное участие принимали английский и французский капиталы, стремившиеся за счет вытеснения немецкого капитала укрепить свое влияние в Чехословакии.

Политика нострификации привела к изменению соотношения сил в словацкой промышленности, ранее находившейся в руках будапештских и венских банков. С нострификацией доля венгерского капитала в экономике Словакии стала заметно уменьшаться.

Если в 1919 г. из 247 банков, имевшихся в Словакии и Закарпатской Украине, 49 были словацкими, 102 венгерскими, 11 немецкими, а остальные смешанными, то в 1922 г. из 200 банков 48 были словацкими, 78 венгерскими, 15 немецкими, а остальные смешанными.

Вытеснение венгерского капитала сопровождалось экспансией крупнейших чешских банков, которые стремились укрепиться в новых районах. В этот период капитал Живностенского банка проникает в текстильную, бумажную, целлюлозную, мукомольную промышленность Словакии, он ставит в зависимость от себя крупнейшее металлургическое предприятие «Римомуранское акционерное общество», проникает в государственные заводы в Подбрезовой. В руки Моравского аграрно-промышленного банка переходят бумажно-целлюлозные заводы в Славошовицах, Гурке, Гармонце. Большая часть акций заводов по производству патронов «Братиславского акционерного общества» попадает в руки Чешского учетного банка и Живностенского банка. Однако в Словакии

политика чешской буржуазии не исчерпывалась только вытеснением венгерского капитала и усилением удельного веса чешских и словацких банков в промышленности. Экономическая ситуация, сложившаяся в стране после потери старых австро-венгерских рынков, поставила перед чешской буржуазией вопрос о расширении внутреннего рынка. С началом экономического кризиса проблема рынков стала для чехословацкой промышленности особенно болезненной, и чешская буржуазия стремилась разрешить этот вопрос в первую очередь за счет своих конкурентов.

Немецкая промышленность, имевшая связи с немецкими банками и более богатая капиталами, была серьезным противником, и уничтожить ее было не так-то просто.

Более слабым конкурентом была промышленность Словакии, развивавшаяся до Первой мировой войны в несколько тепличных условиях при охранной таможенной политике и государственных субсидиях венгерского правительства, стремившегося этими мерами стимулировать развитие промышленности в венгерских землях. С созданием Чехословацкой республики условия изменились, и промышленность Словакии, лишившись этих преимуществ, должна была выступать на равных условиях с более сильными конкурентами: немецкой и чешской промышленностью.

Слабость промышленности словацких областей в значительной степени обуславливалась узкой энергетической базой. Из собственных запасов угля она покрывала лишь 10% ⁷⁷ всего необходимого потребления, что ставило ее в полную зависимость от привозного угля и ослабляло позиции в конкурентной борьбе.

Потеря старых венгерских рынков сбыта для словацкой промышленности неизбежно ставила вопрос о завоевании новых, что было немислимо без реорганизации и усовершенствования производства, вложения новых капиталов и т. д. Для этого были необходимы дополнительные капиталы, кредиты. Но с установлением самостоятельной чехословацкой валюты промышленность Словакии, ранее финансируемая будапештскими и частично венскими банками, оказалась в чрезвычайно тяжелом положении, поскольку словацкие банки были очень слабы и не могли в достаточной

степени компенсировать потерю будапештского кредита. Создавались благоприятные условия для проникновения чешского капитала в хозяйство словацких областей.

Все эти обстоятельства делали словацкую промышленность чрезвычайно уязвимой в развернувшейся конкурентной борьбе. Поэтому отнюдь не случайны стремления чешского финансового капитала разрешить трудности, связанные с узким внутренним рынком, за счет уничтожения промышленности Словакии. Это стремление нашло свое законченное выражение в политике деиндустриализации, проведение которой фактически началось с момента окончательного присоединения Словакии и в полную меру развернулось в годы послевоенного экономического кризиса, создавшего благоприятные условия для осуществления планов чешской буржуазии.

С 1919 г., используя слабость энергетической базы словацкой промышленности, чешская буржуазия, захватив с помощью государственного аппарата распределение угля в стране в свои руки, создает искусственно нехватку угля в Словакии. Статистические данные раскрывают картину снабжения словацкой промышленности углем лишь с 1920 г., но отдельные документы показывают, что начиная с 1919 г. словацкие фабрики не получали достаточного количества угля, необходимого для работы. С Гарманской бумажной фабрики в 1923 г. сообщалось: «....Чешские фабрики полностью в 1919 г. снабжены углем и могли непрерывно работать, наша фабрика использовала до октября 1919 г. только 10% своей производственной мощности, при этом платили всем рабочим. Мы уже тогда потерпели убытки в несколько миллионов»⁷⁸.

Подобные же сведения поступали и с других предприятий Словакии. В 1920 г. в Словакию из чешских земель было доставлено лишь 32,3% необходимого каменного угля, 53,3% бурого угля, а в 1921 г. поставки каменного угля достигли 45,1%, а бурого угля уменьшились до 32,2%⁷⁹.

Если недостаточные поставки угля в 1919–1920 гг. можно в известной степени объяснить общей нехваткой угля в стране, то к 1921 г. такого объяснения было бы далеко недостаточно, поскольку известно, что угледобывающая промышленность чешских областей, начиная с середины 1921 г.

(а отдельные предприятия с конца 1920 г.), испытывала трудности сбыта угля. Это было, скорее всего, целенаправленное мероприятие чешских буржуазных кругов, рассчитанное на ослабление конкуренции словацкой промышленности. Хронический недостаток угля в 1919–1921 гг. неизбежно привел к тому, что даже в период относительного послевоенного оживления словацкая промышленность находилась в стадии застоя, и многие предприятия работали с большими перерывами.

С наступлением экономического кризиса, широко используя находившуюся в ее руках политическую власть, чешская буржуазия приступила к новому нажиму на промышленность Словакии. Одним из активных средств чешской буржуазии, рассчитанным на уничтожение конкурента, была налоговая политика. Налог на капитал, которым облагались так называемые промышленные предприятия (его платили промышленники, ремесленники и т. д.), составлял для чешских земель 3%, а для словацких земель 10% ⁸⁰. Если в Чехии, Моравии и Силезии на 100 000 крон чистой прибыли предприниматель уплачивал по этому налогу с некоторыми дополнениями 19 000 крон, то в Словакии 66 000 крон ⁸¹. Банки в словацких землях были тоже поставлены в очень невыгодное положение. Они должны были платить более высокие налоги. Например, налог на вложенные сбережения в Чехии, Моравии и Силезии составлял 6%, а в Словакии 10% ⁸². Это неизбежно делало кредиты словацких банков более дорогими. Такая налоговая политика основательно затрагивала интересы словацкой буржуазии, делая ее промышленность неконкурентоспособной. Поэтому не случайно в Национальном собрании депутаты словацких буржуазных партий выдвигают как одно из основных требований уравнивание налогов.

Другим мероприятием, рассчитанным на подрыв и ослабление промышленности Словакии, было введение с 1921 г. новой системы железнодорожных тарифов, предусматривавшей более высокие тарифы на частных железных дорогах. Введение такой системы ставило в крайне невыгодное положение словацкие области, где было на менее 36 дорог в частном владении, т. е. из всей железнодорожной сети свыше 50% приходилось на частные дороги. По заявлению немецкого депутата Виттиха, в 1922 г. железнодорожные тарифы в

Словакии были на 40% выше, чем в чешских землях⁸³. Для словацкой промышленности, находившейся в полной зависимости от привозного топлива, вздорожание железнодорожных перевозок, означавшее вздорожание производства, было вопросом жизни и смерти.

«Словацкая металлургическая промышленность была бы жизнеспособной, если бы была реорганизована перевозка, если бы железные дороги, которые в Словакии до сих пор находятся в руках иностранных капиталистов, были бы нострифицированы, если бы правительство имело на них влияние и могло диктовать единые тарифы»⁸⁴. «Центр проблемы жизнеспособности словацкой промышленности заключается в вопросе о перевозках»⁸⁵. Эти заявления словацких депутатов в парламенте весьма красноречиво отражают положение, создавшееся в Словакии после введения новых железнодорожных тарифов.

Что касается вопроса о распределении государственных субсидий и размещении государственных заказов в промышленности, то он полностью решался в интересах чешской буржуазии. По словам депутата Национального собрания Поциска, словацкая промышленность получила только 5% государственных заказов, тогда как должна была получить не менее 27%⁸⁶.

Таким образом, ряд мероприятий, проведенных чешскими буржуазными кругами в годы кризиса, в соединении с политикой дефляции, ставил словацкую промышленность в чрезвычайно тяжелое положение. Неся ущерб в связи с увеличенным налогом, железнодорожным тарифом, простаивая из-за недостатка угля и не получая государственных заказов, не находя рынка сбыта для имеющейся готовой продукции, словацкие предприятия вынуждены были ограничивать производство или полностью прекращать работу. Большую роль в этом сыграли крупнейшие чешские концерны, которые, подчинив себе то или иное предприятие или акционерное общество Словакии, преднамеренно свертывали производство. При этом интересно отметить, что прежде всего начали свертывать производство предприятия, оснащенные новейшим оборудованием.

Например, в металлургической промышленности наи-

более технически оснащенными были Кромпашские заводы, давшие в 1913 г. 44,7% всей валовой продукции металлургической промышленности Словакии, и заводы Римомуранской компании, на долю которых в 1913 г. приходилось 31,5%⁸⁷ валовой продукции. Уже с 1920 г. эти заводы начали ограничивать производство, а с ноября 1922 г. полностью его прекратили, при этом государственный заказ, полученный ими, был перепродан за 40 млн. крон Витковицким металлургическим заводам⁸⁸.

Многие предприятия Словакии, прекратившие или сократившие свое производство в этот период, отнюдь не показывали пассивных балансов, а наоборот, в их балансах отмечались миллионные прибыли. Среди таких заводов были горное и металлургическое предприятия в Кетербахе, горный завод в Мариан Гуте, спичечная фабрика в Борежске, Кромпашские металлургические заводы, завод ножей в Штосе⁸⁹.

Причину свертывания производства в таких случаях нужно искать в нажиме чешских монополистических кругов, которые развернули борьбу за получение квот отдельных крупных предприятий, расположенных в Словакии. Например, Витковицкие металлургические заводы и Горнопромышленное общество намеревались получить квоту заводов Филиппа Кобурга в Трнаве, квоту Горнотальских железодельных заводов и т. д. За квоту последних Витковицкие металлургические заводы и Горнопромышленное общество обязывались выплатить 40 млн. крон с тем, чтобы Горнотальские заводы приостановили производство на 10 лет⁹⁰.

В этот же период наблюдалось перемещение ряда заводов и фабрик из Словакии за границу и, главным образом, в Венгрию. С мая 1922 г. в прессе появились сообщения о том, что некоторые венгерские банки ведут переговоры со словацкими предприятиями о перевозке их в Венгрию. В числе таких банков указывались Будапештский банк «Унгария», ведущий переговоры с Гельницкими заводами, и Пештский торговый банк, ведущий переговоры с Шилинскими текстильными фабриками⁹¹.

10 августа 1922 г. газета «Руде право», ссылаясь на известия из Будапешта, сообщала, что 76 предприятий Словакии находятся на пути в Венгрию (среди них были тек-

стильные, бумажно-целлюлозные и химические заводы). Это перемещение предприятий за границу проводилось с ведома и при поддержке правительства, о чем ярко свидетельствует ответ министра по делам Словакии на запрос коммунистов от 15 июня 1922 г., в котором прямо указывалось, что «вывоз машин и текстильных станков с 1 октября 1921 г. является полностью свободным, предприятиям не требуется никаких особых разрешений, если они вывозят свое оборудование за границу»⁹². Положение, создавшееся в словацкой промышленности к началу 1923 г., свидетельствовало о том, что чешскому капиталу в значительной степени удалось провести в жизнь свой план деиндустриализации Словакии. По данным протоколов заседаний Национального собрания, за период с 1918–1922 гг. в Словакии было закрыто 203 предприятия, на которых раньше работали 127 тыс. рабочих⁹³.

В этом отчетливо проявились стремления чешской буржуазии переложить разрушительные последствия кризиса на национальные окраины республики и за счет уничтожения промышленности этих районов расширить внутренний рынок для сбыта своей продукции.

Таким образом, во время послевоенного экономического кризиса, когда особенно острой стала конкурентная борьба на внутреннем рынке, чешский капитал, активно используя государственный аппарат, сумел в значительной степени потеснить немецкий и венгерский капиталы, ослабить их влияние и укрепить свои позиции в экономике страны.

В годы экономического кризиса хозяйство Чехословакии испытывало весьма интенсивный прилив иностранного капитала. Он происходил в основном в двух формах: во-первых, в форме государственных и коммунальных займов, которые, в отличие от займов 1919 г., предназначались не на военные, а на хозяйственно-экономические нужды; во-вторых, в форме инвестирования частных капиталов по договору с правительством или путем основания новых предприятий и кредитования существующих.

Из числа займов, полученных Чехословакией в рассматриваемый период, следует прежде всего указать на уже упоминаемый английский заем на 10 млн. фунтов стерлингов, сроком на 25 лет. Этот заем носил довольно кабальный

характер, поскольку тяжесть процентирувания, ложившаяся на Чехословацкую республику после вычета всех расходов, составляла 8,89% ⁹⁴.

В это же время Чехословакия получила предложение от группы швейцарских банков на заем в размере 60 млн. золотых франков при 6% годовых.

Из коммунальных займов интерес представляет заем английского банковского концерна в Праге в размере 3 млн. фунтов стерлингов, который Прага обеспечивала ипотекой на ряд земельных участков ⁹⁵.

Однако более широкой формой проникновения иностранного капитала были частные инвестиции.

Концессии, широко предоставляемые чехословацким правительством в связи с проведением нострификации, создавали благоприятные условия для внедрения иностранного, главным образом, английского, французского, бельгийского капиталов в экономику страны. Так, например, в этот период в сферу влияния французского банка «Банк де Пари э де Пайи ба» попадает «Банк для торговли и промышленности», а вместе с ним под контроль французского капитала попадает и часть промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья, в том числе 21 сахароваренный завод. Влияние английского капитала осуществлялось через Англо-чешский банк, возникший также на основе нострификации, который контролировал предприятия стекольной, текстильной, электротехнической и химической промышленности.

Аналогичным образом проводниками влияния иностранного капитала оказывались почти все возникшие в период нострификации так называемые чешско-немецкие банки.

Кроме концессий, связанных с нострификацией, государство в этот период заключает несколько крупных соглашений с иностранными фирмами.

Одно из таких соглашений сроком на 30 лет было заключено с американским нефтяным трестом «Стандарт Ойл Компани» через французскую фирму «Стандарт Френкс Америкен». Соглашение предусматривало создание акционерного общества в Праге с акционерным капиталом в 100 млн. крон, которому будет предоставлено монопольное право разведки и эксплуатации всех нефтеносных земель страны, при этом

общество получает все исключительные права, принадлежащие государству, включая и право отчуждения частных владений⁹⁶.

В этот же период Чехословацкому правительству было сделано предложение от группы финансистов США, желающих инвестировать свои капиталы в государственные железные дороги страны⁹⁷.

Особенно активно приток иностранного капитала в экономику страны происходил в форме соглашений между частными чехословацкими и иностранными фирмами. Однако сведения об этих соглашениях крайне отрывочны, и поэтому дать полную картину связей отдельных чехословацких предприятий с иностранным капиталом крайне сложно. Но имеющиеся материалы совершенно определенно говорят о наличии этих связей.

Через концерн заводов Шкода, акции которого еще в 1919 г. были приобретены фирмой «Шнейдер-Крезю», через Живностенский банк, с которым в 1920 г. банк «Де л'Юнион Паризьен» подписал договор о сотрудничестве, французский капитал проникал в отрасли тяжелой промышленности; с 1920 г. он устанавливает контроль над одним из гигантов металлургической промышленности «Горнопромышленным металлургическим обществом»⁹⁸. Он проникает в химическую и электротехническую промышленность, участвует, наряду с английским капиталом, в создании «Чехословацкого акционерного общества по производству взрывчатых веществ», в «Акционерном обществе по очистке минеральных масел» и т. д.

Английский капитал делает свои вложения в предприятия химической, лесной, текстильной, сахарной, электротехнической промышленности.

При этом интересно отметить, что чехословацкие промышленники и финансисты, направляя основное острие борьбы против немецкого капитала, зачастую в этой борьбе прибегали к помощи французских и английских банков. Например, в керамической промышленности, где позиции германского и австрийского капитала были весьма значительны (их контроль подлежали общества «Порцелян Унион», «Гучерайт», «Мальерсгрун»), чехословацкие промышленники, опасаясь захвата этой отрасли австро-германским капиталом, решили

создать акционерный банк с капиталом 40 млн. крон и предоставить право участия в его создании, наряду с чешским, французскому капиталу ⁹⁹.

Косвенным свидетельством растущих связей чехословацких монополий с монополиями Англии, Франции и некоторых других государств в этот период является проникновение чехословацких товаров на рынки этих стран. Например, если в 1920 г. в Англию и ее африканские и азиатские владения было вывезено 0,39% ¹⁰⁰ от общего веса всех экспортируемых чехословацких товаров, то в 1923 г. вывоз в Англию и ее владения поднялся до 2,47% ¹⁰¹, при этом обращает на себя внимание проникновение чехословацких товаров в азиатские и африканские колонии (в 1920 г. вывоз в английские колонии составлял 0,01% общего вывоза товаров в 1923 г. – 0,14%).

Таким образом, влияние антантовского капитала в экономике Чехословакии в годы послевоенного кризиса увеличивается.

Кроме всякого рода займов, концессий и соглашений, иностранный капитал в экономике Чехословакии к концу 1923 г. был представлен 1391 акционерным обществом (исключая банки и другие финансовые учреждения). В числе этих обществ было 46 венгерских с акционерным капиталом 532 млн. венгерских крон, 37 австрийских с акционерным капиталом 900 млн. австрийских крон, 32 германских с акционерным капиталом 707,5 млн. марок, семь английских с акционерным капиталом 27,7 млн. фунтов стерлингов, четыре американских с акционерным капиталом 463 млн. долларов, три бельгийских с акционерным капиталом 73 млн. бельгийских франков, два итальянских с акционерным капиталом 88,8 млн. лир, два голландских с акционерным капиталом 30 млн. голландских злотых, два французских с акционерным капиталом 86,5 млн. франков, одно югославское с акционерным капиталом 20 млн. югославских крон, одно датское с акционерным капиталом 50 млн. крон ¹⁰².

Помимо этого в Чехословакии существовало 59 иностранных обществ с ограниченной ответственностью, из которых 43 было австрийских и 15 немецких и одно югославское.

Общая сумма иностранного капитала, представленно-

го в акционерных обществах и обществах ограниченной ответственности, составляла 22 млрд. крон¹⁰³.

Чехословацкая экономика в рассматриваемые годы стала ареной борьбы между английским и французским капиталом, с одной стороны, австрийским и германским, – с другой. Некоторые крупнейшие банки Чехословакии превратились в проводников английского и французского влияния в бывших владениях австрийского и германского капитала. Например, через Живностенский банк, имевший под своим контролем ряд банков и предприятий в Югославии, Румынии, Венгрии, Болгарии, французский капитал усилил свое влияние на Балканах.

Таким образом, в рассматриваемый период в хозяйственной жизни Чехословакии произошли значительные изменения. Послевоенный экономический кризис и обострившаяся в связи с ним конкурентная борьба, политика дефляции, проводившаяся в интересах крупного капитала, активизировали разорение мелкой и средней буржуазии и усилили концентрацию производства и капитала. В эти же годы чешской буржуазии при поддержке государственного аппарата и активной помощи иностранного капитала, главным образом английского и французского, удалось в значительной степени ослабить роль немецкого и венгерского капитала и овладеть основными позициями в экономике страны. Используя свое возросшее влияние в хозяйственной жизни, чешские финансово-монополистические круги стремились разрешить исторически сложившуюся диспропорцию между развитым промышленным потенциалом и узким внутренним рынком за счет национальных окраин, перекладывая на них все разрушительные последствия кризиса, уничтожая промышленность Словакии и Закарпатской Украины, превращая их в аграрно-сырьевые придатки промышленно развитых чешских областей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Dobry A. Hospodářská krize ve vztahu k Mnichovu. Praha, 1959; Krámer J. K dějinám priemyslu na Slovensku za prvej CSR. Bratislava, 1955; Kramer J. Niektoré otázky vývinu priemyslu na Slovensku u predmnichvskej republiko. ČCH, 1958. N 4; Olivo-ová V. Postavení dělnické třídy v CSR v letech 1921–1923. ČSH,*

1954. N 2; *Stočas F.* Postavení zemědělské malovyroby za kapitalistické ČSR. Praha, 1958; *Ubria M., Kadlec Vl., Matas J.* Peněžní a úvěrní soustava CSR za kapitalismu. Praha, 1959; *Wagner R.* Panství kapitalistických monopolů v Československu. Praha, 1958.
- ² *Gajan K.* Příspěvek k vzniku KSČ. Praha, 1954. S. 74.
- ³ Коминтерн в документах и резолюциях. М., 1933. С. 167.
- ⁴ Statistická příručka Republiky Československé. Praha, 1932. D. IV. S. 90; D. II. S. 580.
- ⁵ Газета «Народни листы», разбирая хозяйственное положение в стране, писала: «В 1919–1921 гг. мы имели недостаток угля, в 1921 г. этот недостаток продолжался до апреля 1921 г. С апреля 1921 г. положение в угольной промышленности изменилось». *Národní listy*. 1.1.1922.
- ⁶ Statistická příručka... Praha, 1925. D. II. S. 580.
- ⁷ Těsnopisecké zprávyo schůzích Národního Shromáždění Československého. Praha. Sch. 67. 19.V.1921. S. 63.
- ⁸ Там же. Sch. 142. 30.V.1922. S. 661.
- ⁹ *Národní listy*. 28.11.1922.
- ¹⁰ Rudé právo. 7.XI.1922.
- ¹¹ Almanach československého peněžnictvá v prvním desetiletí Československé republiky. Praha, 1928. S. 108.
- ¹² Zprávy Státního Úřadu Statistického Republiky Československé. Praha. C. I. 1922. S. 1.
- ¹³ *Pimper A.* České ohodnotní banky za válku a po válce. Nástin vývoje z let 1914–1928. Praha, 1929. S. 182.
- ¹⁴ *Ibid.* S. 184.
- ¹⁵ Zprávy Státního Úřadu Statistického... Č. 10, 1921. S. 69.
- ¹⁶ *Ibidem.*
- ¹⁷ Подсчитано на основе «Zprávy Státního Úřadu Statistického...». Č. 10, 1921. S. 69; Č. 1, 1922. S. 2–3.
- ¹⁸ Мировое хозяйство. Ежегодник, 1937/1938 гг. С. 378.
- ¹⁹ Politická ekonomie. 1959. N 9. S. 827.
- ²⁰ Statistická příručka... D. IV. S. 103.
- ²¹ ЦГАОР. Ф. 413. Оп. 4. Д. 426. Л. 22.
- ²² *Peters S.* Statistische Handbuch Kohlenindustrie in der ČSR. Praha, 1925. S. 211.
- ²³ ЦГАОР. Ф. 413. Оп. 4. Д. 426. Л. 83.
- ²⁴ Statistická příručka... D. IV. S. 140.

- ²⁵ Politická ekonomie. 1959. N 9. S. 827.
- ²⁶ А. Добрый приводит следующие данные о зависимости отдельных отраслей промышленности от внешнего рынка к началу 20-х годов: в стекольной промышленности 82% произведенной продукции шло на экспорт, в текстильной промышленности – 40%, в фарфоровой – 85%, в отдельных отраслях конфекционной промышленности – 80%. Тяжелая промышленность зависела от внешнего рынка в гораздо меньшей степени. Например, доля экспорта в металлургической промышленности составляла 35% всего производства, в химической промышленности – 21%, в цементной – 20%. *Dobryj A. Hospodářská krise ve vztahu k Mnichovu. Praha, 1959. S. 23–24.*
- ²⁷ Курс кроны на цюрихской бирже в 1921 г. (по месяцам) был равен в (швейцарских сантиматах):
Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август
8,5	7,5	7,55	7,75	8,35	8,25	7,65	6,95
Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь				
6,05	5,10	5,6	7,6.				
- ²⁸ Чехословацкая статистика ведет исчисление экспорта и импорта в двойном измерении: одна часть товаров исчисляется по весу, другая – поштучно. (*Statistika českosloven-ská. Zahraniční obchod Republiky Československé v roce 1921. Praha, 1922. S. 7).*
- ²⁹ *Нахимсон М.* Валютные реформы на Западе. М., 1925. С. 20.
- ³⁰ Там же. С. 58.
- ³¹ *Kozák J.* Československá finanční politika. Praha–Brno, 1932. S. 19.
- ³² *Statistická příručka...* Praha, 1925. D. II. S. 237.
- ³³ *Tisky k těsnopiseckým zprávám...* Sv. XX. T. 4300.
- ³⁴ Отражением этой борьбы была быстрая смена министров финансов в республике. За период с 1918 по 1921 г. в Чехословакии сменились шесть министров финансов.
- ³⁵ Превышение вывоза над ввозом в Чехословакии составляло в 1920 г. – 63,2 млн. долларов, в 1921 г. – 61,4 млн. долларов, в 1922 г. – 126,6 млн. долларов и в 1923 г. – 70,7 млн. долларов (*Нахимсон М.* Валютные реформы на Западе. М., 1925. С. 56).
- ³⁶ *Statistický přehled Republiky Československé. Praha, 1930.*

S. 276.

³⁷ ЦГАОР. Ф. 413. Оп. 17. Д. 235. Л. 16.

³⁸ Там же. Л. 14, 15.

³⁹ Подсчитано по данным работы: *Нахимсон М.* Указ. соч. С. 59.

⁴⁰ Statistická příručka... D. II. S. 287.

⁴¹ В этот период правительство проводит скупку благородных металлов и иностранной валюты. Для этой цели были пущены в оборот к концу 1920 г. 859 млн. крон, в октябре 1921 г. 1178 млн. крон, в декабре 1922 г. 1365 млн. крон, к концу 1923 г. 21 млн. крон. В результате этого запас золота и серебра в кассах банка к концу 1923 г. достиг 1033 млн. крон.

⁴² *Нахимсон М.* Указ. соч. С. 60.

⁴³ Там же. С. 59.

⁴⁴ Необходимо учесть, что исчисление экспорта по стоимости в этот период, когда курс кроны непрерывно менялся, не дает точной картины. Если сравнить экспорт по стоимости в кронах и долларах, результаты будут противоположные. В 1921 г. стоимость экспорта из Чехословакии оценивалась в 336 млн. долларов, а в 1922 г. в 406 млн. долларов, хотя по объему в 1922 г. налицо сокращение экспорта.

⁴⁵ Národní listy. 18.VII.1922.

⁴⁶ ЦГАОР. Ф. 413. Оп. 3. Д. 918. Л. 102.

⁴⁷ Rudé právo. 27.I.1923.

⁴⁸ К концу 1921 г. немецкий банковский капитал составлял лишь 38% всего банковского капитала в стране (Národní listy. 17.11.1922).

⁴⁹ Цит. по: *Левин И.Д.* Национальный вопрос в послевоенной Европе. М., 1934. С. 261.

⁵⁰ Zbirka zákonů a nařízení státu Československého. Praha, 1922. Č. 228, 1008.

⁵¹ Rudé právo. 27.1.1923.

⁵² Národní listy. 9.III.1923.

⁵³ Národní listy. 1.I.1924. Příloha. Hospodářský rok 1923. S. 9.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Národní listy, 25.XII.1923. Příloha «Národní hospodářství».

⁵⁷ ЦГАОР. Ф. 413. Оп. 3. Д. 918. Л. 96.

- 58 Там же. Л. 103.
- 59 Там же. Л. 96–97.
- 60 Там же. Оп. 4. Д. 426. Л. 118.
- 61 Tězanopisecké zprávy... Sch. 230. 23.XI.1923. S. 522.
- 62 ЦГАОР. Ф. 413. Оп. 4. Д. 386. Л. 31.
- 63 Подсчитано на основе данных Statistická příručka... D. IV. S. 150.
- 64 Подсчитано на основе данных Statistická příručka... D. IV. S. 259.
- 65 Все цифровые данные приводятся на 1923 г. по: Zprávy Státního Úřadu Statistického, 1924. Č. 37. S. 302–303.
- 66 «Чешский коммерческий банк» возник на основе нострификации филиалов австрийского банка «Меркурий» под патронатом «Чешского промышленного и экономического банка».
- 67 Pimper A. České obchodní banky... S. 257.
- 68 Ibid. S. 232, 258.
- 69 Tisky k těsnopiseckým zprávám... Sv. XVIII. T. XII/4058.
- 70 Закон о нострификации был издан в 1919 г., но активное проведение его в жизнь началось лишь в 1921 г., когда буржуазии после разгрома рабочего класса в декабрьской стачке 1920 г. удалось закрепить свое господство в государстве и перейти к активному укреплению своих экономических позиций.
- 71 Таблица валют Австрии, Венгрии и Чехословакии в % к паритету наглядно иллюстрирует сложившуюся обстановку:
Страна	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г. (IV кв.)
Австрия.....	0,81	0,5	7,01	0,0070
Венгрия.....	1,29	0,45	0,082	0,0071
Чехословакия.....	6,20	11,93	14,59	14,61.
- 72 Rašín A. Finanční a hospodářská politika Československa do konce 1921 g. Praha, 1922. S. 128.
- 73 Národní listy. 17.11.1922.
- 74 Masarikův slovník naučný. Praha, 1931. T. 5. S. 217.
- 75 Almanach československého peněžnictví... S. 106.
- 76 Pimper A. České obchodní banky za válku... S. 507.
- 77 Kramer J. K dějinám přemyslu na Slovensku za prvej ČSR. Bratislava, 1955. S. 25.
- 78 Kramer J. Niektoré otázky vývinu priemyslu na Slovensku v predmnichovej republike. CČH N 4, 1958. S. 694.

- ⁷⁹ *Kramer J.* K dějinám priemyslu na Slovensku... S. 27.
- ⁸⁰ Těsнопisecké zprávy... Sch. 93. 18.XI.1922. S. 518.
- ⁸¹ Ibidem.
- ⁸² Ibidem. Sch. 160, 25.X.1922. S. 211.
- ⁸³ Ibidem. Sch. 123, 20.I.1922. S. 2308.
- ⁸⁴ Ibidem. Sch. 167, 14.XI.1923. S. 412.
- ⁸⁵ Ibidem. Sch. 123, 20.I.1922. S. 2302.
- ⁸⁶ Těsнопisecké zprávy... Sch. 167, 14.XI.1923. S. 413.
- ⁸⁷ *Kramer J.* K dějinám priemyslu na Slovensku... S. 13.
- ⁸⁸ Rudé právo. 24.IV.1923.
- ⁸⁹ Tisky k těsнопiseckým zprávám... Sv. XIII. T. XIV, 3410.
- ⁹⁰ Archiv KPR. Prezidium zemské zprávy politické v Opavě. Týdenní zpráva ze Slezsku od 10–17 prosince 1922.
- ⁹¹ Tisky k těsнопiseckým zprávám... Sv. XV, T. 3690/XIII.
- ⁹² Ibid. Sv. XVIII, T. 4033.
- ⁹³ Těsнопisecké zprávy... Sch. 193. 28.II.1923. S. 2337.
- ⁹⁴ ЦГАОР. Ф. 413. Оп. 17. Д. 235. Л. 16, 17.
- ⁹⁵ Там же. Л. 15.
- ⁹⁶ Там же. Л. 13.
- ⁹⁷ Там же. Оп. 3. Д. 918. Л. 94.
- ⁹⁸ *Клеванский А.Х.* К экономическому положению Чехословакии в годы революционного подъема (1918–1921) // Ученые записки Института славяноведения. Т. XV. 1957. С. 289.
- ⁹⁹ ЦГАОР. Ф. 413. Оп. 4. Д. 426. Л. 102.
- ¹⁰⁰ Statistická příručka... D. II. S. 172.
- ¹⁰¹ Ibid. S. 614.
- ¹⁰² *Lenin V.I.* Imperialismus dnešní období kapitalismus. Populární poznámky o poměrech v Československu sestavil O.E. Berger. S. 145–146.
- ¹⁰³ Ibid. S. 146.

1961

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА в ЧЕХОСЛОВАКИИ в 1944–1948 гг. и НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА

**Расстановка классовых сил
после освобождения и
коррективы экономических программ
различными политическими течениями
чехословацкого общества ***

1. Политические реальности весны и лета 1945 г.

События весенних месяцев 1945 г. показали правильность основного расчета коммунистов: разгром фашизма вызвал мощный подъем революционной инициативы масс и в первую очередь рабочего класса. Еще до каких-либо официальных распоряжений правительства, по мере освобождения отдельных районов страны Красной Армией, рабочие на местах через свои органы – заводские комитеты в Словакии и заводские советы в Чешских землях – начали устанавливать контроль над промышленным производством. Эти организации рабочего класса выступили в момент освобождения страны на арену экономической и политической жизни чехословацкого общества как активно действующий фактор. Именно они и стали главной опорой национальных комитетов в деле налаживания производства на предприятиях ¹.

Такая их роль была в значительной мере подготовлена коммунистами. Опираясь на полученный уже практический опыт деятельности заводских комитетов в период Словацкого национального восстания, они еще в условиях подполья, с конца 1944 г., вели широкую работу, разъясняя роль и место заводских советов и комитетов в новом освобожденном государстве. Главной задачей их должно было стать быстрое, оперативное налаживание производства.

Как подчеркивали коммунисты, эту задачу заводским советам и заводским комитетам придется решать в условиях,

---

* Г.П. Мурашко. Политическая борьба в Чехословакии в 1944–1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986. С. 81–122, 306–311.

когда значительная часть фабрик и заводов окажется брошенной прежними владельцами.

Коммунисты подчеркивали, что только заводские комитеты и заводские советы как классовые органы пролетариата, которым будет обеспечена массовая поддержка рабочих на местах, смогут наиболее последовательно и решительно провести очищение заводских коллективов и управленческого аппарата от фашистских элементов, предателей и коллаборационистов, а также обеспечить подбор необходимых квалифицированных кадров для руководства предприятиями из числа людей, преданных делу национального освобождения.

Таким образом, заводские комитеты рассматривались коммунистами как будущие реальные хозяева положения на местах. Через них, участвуя в осуществлении конкретных акций национально-патриотического, антифашистского характера, рабочие независимо от партийной принадлежности неизбежно будут втягиваться в борьбу за реализацию своих классовых пролетарских требований. Непосредственное руководство заводскими комитетами и заводскими советами предполагалось возложить на революционное профсоюзное движение и его главный орган – Центральный совет профсоюзов².

В Словакии заводские комитеты вновь вышли на арену политической жизни уже в январе–феврале 1945 г. Собравшись на конференцию 9 февраля 1945 г. в Кошицах, представители заводских комитетов Словакии приняли решение как можно скорее восстановить производство на заводах, «чтобы помочь героической Красной Армии очистить Словакию и всю Чехословацкую республику от фашистских оккупантов и их пособников»³. К октябрю 1945 г. на предприятиях Словакии уже действовало 950 заводских комитетов⁴. Руководящая роль в них принадлежала КПС, ибо после объединения в ходе Словацкого национального восстания двух рабочих партий – коммунистической и социал-демократической – в Словакии практически не было партии, которая по степени влияния в рабочей среде могла бы соперничать с коммунистами. С самого начала заводские комитеты стали брать под свое управление предприятия, оставшиеся без хозяев, и устанавливать рабочий контроль на остальных промышленных объектах.

В Чешских землях создание заводских советов развернулось в основном с мая 1945 г. К концу года их число достигло 12 тыс.⁵. Здесь, в отличие от Словакии, на ряде крупных заводов происходила острая борьба между представителями политических партий за руководство этими организациями⁶. Но в подавляющей части заводских советов руководящая роль принадлежала коммунистам. Рост авторитета коммунистов был столь сильным, что по степени влияния среди рабочего класса они отодвинули на второй план социал-демократическую партию даже в тех областях, которые до войны традиционно считались опорой и крепостью этой партии. Например, на Шкодовских заводах в Пльзне заводской совет возник и действовал под прямым руководством коммунистов, число которых среди рабочих этих заводов быстро увеличивалось. Такое положение, по-видимому, довольно точно отражало настроения рабочего класса Чешских земель⁷. Деятельностью заводских советов руководил вышедший из подполья Центральный совет революционного профсоюзного движения. Он возглавлялся широко известным в стране деятелем коммунистической партии А. Запотоцким, который вернулся из концлагеря.

Анализ документов, изданных Центральным советом профсоюзов и определявших в рассматриваемый период круг полномочий заводских советов и комитетов, их роль и место на предприятиях, показывает, что создание и направляемая коммунистами деятельность этих органов рабочего класса знаменовали начало формирования принципиально новых отношений рабочего класса и буржуазии в системе производства. Действительно, Центральный совет профсоюзов, исходя из ситуации, сложившейся непосредственно на местах, уже в инструкции от 12 мая 1945 г. зафиксировал весьма важное положение об обязательном контроле со стороны заводских советов и комитетов над производством и управлением на каждом предприятии⁸.

На основе директив, принятых Центральным советом профсоюзов в течение лета 1945 г., заводские советы и комитеты получали право контролировать торговые книги предприятий (что означало фактически отмену коммерческой тайны) и всю письменную документацию. Руководство предпри-

ятий обязывалось этими распоряжениями предоставлять заводским советам как органам рабочего класса на местах для контроля отчеты о производстве и реализации продукции, информацию о перспективах развития производства и т. п.

Заводские советы и комитеты участвовали в решении таких весьма важных вопросов, как оплата, наем и увольнение рабочей силы. Они проводили «национальную чистку» предприятий от предателей и коллаборационистов, добивались введения национального управления. Согласие заводского совета или комитета являлось необходимым условием осуществления этой важнейшей антифашистской патриотической акции. В случае конфликта с администрацией или владельцем предприятия заводской совет и комитет имели право обращаться в Центральный совет профсоюзов, который и разбираал конкретно конфликтную ситуацию ⁹.

Столь широкий круг контрольных функций, завоеванных органами рабочего класса в результате революционного почина масс снизу и реализуемых в каждодневной практике непосредственно на местах, со всей очевидностью свидетельствовал, что чешской и словацкой буржуазии в новом, освобожденном государстве не удалось восстановить то довоенное положение, когда она выступала в качестве единственного организатора и руководителя производства. Теперь в системе организации и управления производством она вынуждена была делить позиции со своим классовым противником – пролетариатом, который, создав на местах заводские советы и комитеты, фактически установил свой контроль в промышленности. «Мы боролись, боремся и будем дальше бороться, – писал в этот период А. Запотоцкий, – за то, чтобы капиталисты не были единственными хозяевами и владельцами на производстве и в экономике. Заводские советы для нас – это органы, которые не овладевают и не управляют производством, а контролируют его, чтобы оно отвечало экономическим интересам общества, чтобы в нем не господствовали исключительно частные предприниматели и чтобы оно не управлялось и не использовалось ими только во имя их собственного процветания и прибылей» ¹⁰.

В сложившейся конкретной обстановке буржуазия оказалась вынужденной признать установленный рабочим клас-

сом контроль и считаться с ним, как с существующей объективной реальностью. Об этом красноречиво свидетельствовали признания буржуазной прессы. «Заводские советы, – писала газета «Лидова демокрацие» – орган Чешской народной партии, – стали важным и неизбежным фактором в формировании нашего государства. Это – действительность, и ее нужно признавать»¹¹.

В условиях революционного подъема буржуазия Чехословакии не смогла сохранить своего прежнего монопольного положения и в центральных экономических органах. В правления восстановленных после освобождения Союза чешских банков и Союза чешской промышленности, ранее являвшихся «святой святых» буржуазии, по настоянию Центрального совета профсоюзов были введены его представители. Им принадлежала в правлениях половина мест. Кандидатуры представителей «деловых кругов» в данных органах должны были теперь получать предварительное одобрение Центрального совета профсоюзов¹². Уполномоченные ЦСП были введены также во все правления банков, финансовых учреждений и акционерных обществ. Эти акции обеспечивали революционным силам возможность осуществления контроля над промышленным производством и деятельностью финансовых учреждений «сверху» путем прямого участия в работе центральных экономических органов.

Буржуазия заговорила «о диктатуре Центрального совета профсоюзов»¹³, а представители национальных социалистов и народной партии развернули в прессе и правительстве кампанию «о границах полномочий заводских советов». «Одной из главных причин беспорядка и неустойчивости является нехватка правовых определений деятельности заводских советов... Некоторые отдают всю власть в государстве только заводским советам...», – писала в начале июля 1945 г. «Лидова демокрацие»¹⁴. С аналогичных позиций выступала и газета национальных социалистов «Свободне слово»: «Нет настоятельной необходимости, чтобы заводские советы решали все сами...»¹⁵.

Понимая, что ликвидировать заводские советы и заводские комитеты вряд ли будет возможно, представители указанных партий стремились в правительстве добиться ограничения их прав, выхолостить их революционную сущность,

доказывая, что якобы именно деятельность этих органов рабочего класса на фабриках и заводах препятствует налаживанию производства и мешает «раскрутить колеса». Я. Странский на заседаниях правительства открыто говорил о своих опасениях, что заводские советы будут иметь слишком большое влияние на руководство предприятий, и требовал ликвидации социальных функций заводских советов: «Заводские советы должны остаться, но нужно ввести их функции в рамки... Нельзя предоставлять заводским советам столь широкие права»¹⁶.

Такая реакция буржуазных политиков на деятельность заводских советов, заводских комитетов и Центрального совета профсоюзов являлась убедительным свидетельством того, что в весенние месяцы 1945 г. рабочему классу Чехословакии удалось лишить буржуазию прежнего положения «полного хозяина в собственном доме». Это была важнейшая политическая реальность, отличавшая ситуацию, складывавшуюся в стране в ходе освобождения от фашизма, реальность, определявшая расстановку классовых сил в новом государстве.

Второй реальностью, весьма существенной с точки зрения исследуемых проблем и оказывавшей также влияние на соотношение сил, деливших власть в стране после освобождения¹⁷, являлось взятие под национальное управление подавляющей части промышленных предприятий страны. В соответствии с Кошицкой программой национальное управление предполагалось установить «над имуществом всех видов, находившимся в собственности, аренде и управлении граждан враждебных государств, прежде всего Германии и Венгрии, граждан ЧСР венгерского и немецкого происхождения, которые активно помогали расчленению и оккупации Чехословакии, и остальных граждан Чехословацкой республики, которые предали свою нацию, поддерживали немецких и венгерских оккупантов, а также имущество акционерных обществ, в правлениях которых были лица вышеназванных категорий»¹⁸.

Следует отметить, что устранение от управления предприятиями «государственно неблагонадежных лиц» началось еще до принятия Кошицкой программы, закрепившей официально это общенациональное, антифашистское, патриоти-

ческое требование, и до подписания 19 мая 1945 г. соответствующего декрета президентом республики.

Складывавшаяся конкретная ситуация в освобожденных районах страны требовала немедленного практического решения «национального конфликта» в экономике, особенно остро в Чешских землях. Здесь в районах, включенных в состав рейха, фактически все промышленные, ремесленные и финансовые предприятия были в руках немцев и, соответственно, к весне 1945 г. оказались без хозяев и управления; в протекторате же большинство фабрик и заводов или управлялись лицами, назначенными оккупационной администрацией, или принадлежали коллаборационистам.

В такой обстановке органы новой государственной власти – национальные комитеты, уже имевшие в своем арсенале опыт Словацкого национального восстания, начали сразу, вынося решения об установлении «временного управления»¹⁹, принимать меры по лишению всех «государственно неблагонадежных лиц» права распоряжаться и управлять своей собственностью. Такие решения в принудительном порядке обязывали прежних владельцев передать принадлежавшие им предприятия национальным управляющим; собственники лишались права заключать какие-либо юридические сделки, фактически устранялись от управления и не могли влиять на развитие и ход производства на своем предприятии²⁰.

Национальные управляющие, действовавшие, как правило, при поддержке заводских советов и заводских комитетов, становились практически руководителями предприятий и лицами, юридически ответственными за всю их деятельность²¹.

Декрет президента республики о введении национальных управлений, изданный 19 мая 1945 г., в значительной мере закреплял положение, складывавшееся на местах: «национальные управления», «национальные управляющие» реально существовали и действовали. Национальный комитет в Моравской Остраве, в котором решающее влияние имели коммунисты, с 10 мая 1945 г. по согласованию с заводскими советами назначил на все шахты бассейна национальных управляющих²². 9 мая, буквально в день освобождения, под национальное управление перешел завод «Сигма» в Лутине²³. Интенсивно шло создание национальных управлений в По-

границе. «Временные управления», созданные на ряде предприятий Словакии, имели уже двух- и трехмесячный стаж работы²⁴. Сложившаяся ситуация, по-видимому, во многом обусловила то обстоятельство, что указанный декрет, сфера применения которого, правда, распространялась только на Чешские земли, был без больших дебатов одобрен в правительстве²⁵.

Анализ его основных положений показывает, что он был результатом определенного компромисса политических сил, деливших власть в государстве. Революционные силы, добиваясь принятия декрета, стремились к тому, чтобы национальные управления были введены на всех предприятиях, находившихся в собственности инациональной и «своей» сотрудничавшей с оккупантами буржуазии, чтобы решающее слово в создании и функционировании органов национального управления принадлежало представителям рабочего класса.

В условиях массового бегства бывших немецких собственников, когда в соответствии с Кошицкой программой предусматривалась конфискация большого числа объектов разного рода, буржуазные политики не считали нужным возражать против введения национального управления как временной меры в достаточно широких масштабах. Но при этом они стремились добиться, чтобы национальные управления, по возможности, не устанавливались на предприятиях, принадлежавших чешским и словацким капиталистам, а также обеспечить себе позиции в органах национального управления.

Безусловным успехом революционных сил была фиксация в декрете необходимости введения национального управления там, «где этого требует обеспечение хода производства и экономической жизни». При этом положение «о заводах, предприятиях и имущественных объектах, покинутых владельцами, и таких, которые находятся в собственности, под управлением или в найме лиц, государственно неблагонадежных»²⁶, выступало только как частный конкретный случай. Совершенно очевидно, что при такой формулировке фактически открывалась возможность передачи под национальное управление и разного рода других промышленных объектов, если этого потребуют нужды производства.

Существенно важным, как с точки зрения масштабов и

границ введения национальных управлений, так и с точки зрения социальной направленности этой акции, осуществляемой в патриотически-антифашистских рамках, был § 12 декрета. Он предусматривал обязательное введение национальных управлений во всех кооперативных организациях и предприятиях. Реализация его позволяла революционным силам не только провести чистку правлений кооперативов от фашистских элементов, коллаборационистов и предателей, но и существенно ослабить позиции аграрного капитала, фактически державшего через кооперативы в своих руках всю деревню.

Именно эта «антиаграрная» направленность указанного параграфа и обеспокоила политических представителей буржуазии. В Словакии печать демократической партии взяла под обстрел указанный параграф, увидев в нем реальную угрозу позициям словацкой буржуазии в деревне ²⁷.

Социально-классовый потенциал акции по введению национальных управлений усиливался также и § 8, закреплявшим весьма важное положение о том, что установление национального управления органами государственной власти – земскими, районными и местными национальными комитетами – должно проводиться «по соглашению с заводским комитетом (заводским советом) или другими представителями лиц, работающих на предприятии» ²⁸. Данное положение в законодательном порядке закрепляло сложившуюся практику, когда органы рабочего класса на местах, опираясь на инструкцию Центрального совета профсоюзов, принимали активное участие в установлении национальных управлений, взяв на себя решение вопросов о подборе национальных управляющих и кандидатов в члены национальных управлений. Заводские советы и комитеты представляли списки кандидатов или Центральному совету профсоюзов, или министерству промышленности, которое окончательно их утверждало ²⁹.

Такое непосредственное участие рабочих в формировании национальных управлений и подборе конкретных кандидатур национальных управляющих ставило определенную преграду устремлениям буржуазии насадить под видом национальных управляющих свою агентуру. Практика показывала, что вокруг кандидатур национальных управляющих шла

ожесточенная борьба. Используя объективную нехватку квалифицированных кадров, способных успешно руководить производством, а также связь значительной части технической интеллигенции с буржуазной политической репрезентацией, буржуазные политики нередко добивались проведения на посты национальных управляющих своих кандидатов, либо оставления в качестве национальных управляющих лиц из числа администрации, действовавшей в период оккупации. Все это обосновывалось необходимостью избежать нарушения процессов производства. Например, во главе концерна Ринггоффера в первые дни после освобождения в качестве национального управляющего был поставлен личный секретарь барона Ринггоффера Я. Ржига, и, соответственно, на отдельные заводы, входившие в этот концерн, национальными управляющими были утверждены лица, с ним связанные³⁰.

В такой ситуации закрепление в законодательном порядке за органами рабочего класса права официального согласия на введение национального управления и осуществления контроля за деятельностью национальных управляющих позволяло им вести активную наступательную политику, добиваясь, чтобы национальные управляющие отстаивали, в первую очередь, общественные интересы. В практике нередко были случаи, когда заводские комитеты добивались смены национальных управляющих³¹.

Принципиально важное значение имел и § 24, вытекавший из положения Кошицкой программы. Он предусматривал возможность изъятия из-под национального управления и возвращение собственности рабочих, крестьян, чиновников, ремесленников, мелких и средних предпринимателей, а также лиц свободных профессий, «если они могут доказать, что были жертвами политического или расового преследования и остались верными демократическо-республиканской государственной идее Чехословацкой республики»³². Этот параграф, в заключительной части которого указывалось, что остальное имущество останется под национальным управлением вплоть до нового законодательного оформления, проводил четкую грань между собственностью мелких и средних предпринимателей, с одной стороны, и крупных капиталистов – с другой. Он лишал последних права ставить вопрос о

немедленном возвращении им собственности, утраченной в годы оккупации. Тем самым в определенной мере конкретизировался § 1 декрета, в котором признавались недействительными все имущественные сделки, заключенные после 29 сентября 1938 г., и который без сделанного в § 24 уточнения неизбежно оставлял бы чешской буржуазии право ставить вопрос о возвращении захваченных германским капиталом принадлежавших ей до войны промышленных предприятий³³.

Наряду с этими положениями декрета, позволявшими под национально-патриотическими лозунгами отстранить наиболее реакционные, коллаборировавшие группировки чешской и словацкой буржуазии от непосредственного управления промышленными предприятиями и взять под общественное управление собственность коллаборационистов, в нем имелись и такие параграфы, которые сужали и ограничивали революционный, социальный потенциал этой акции. В декрете при определении круга «государственно-неблагонадежных лиц», по сути дела, оказалась смазанной острейшая для Чехословакии проблема экономической коллаборации. В отличие от Кошицкой программы, здесь не был поставлен вопрос о предателях «из рядов банковских, промышленных и сельскохозяйственных магнатов»³⁴. Главное внимание в декрете акцентировалось на лицах немецкой и венгерской национальности, а также членах различных чешских и словацких фашистских организаций. Такая постановка вопроса была определенным отступлением от положения Кошицкой программы и свидетельствовала о стремлении буржуазного лагеря ограничить классовый масштаб акции, направив ее, прежде всего, в антигерманское и антивенгерское русло. Декрет о введении национальных управлений, таким образом, уже в мае 1945 г. наглядно показал революционным силам Чехословакии, по какой линии пойдет сопротивление буржуазии наступлению рабочего класса.

Недостаточно определенными оказались в рассматриваемом декрете и положения, фиксировавшие отношения собственников предприятий, подпадавших под национальное управление, и национальных управляющих. В декрете лишь констатировалось, что юридические сделки собственников, касающиеся имущества, над которым устанавлива-

лось национальное управление, совершенные после вступления в силу указанного декрета, будут признаны недействительными, а также отмечалось, что «собственники, арендаторы и управляющие имущества, переданного под национальное управление, обязаны воздерживаться от какого-либо вмешательства в действия национальных управляющих»³⁵. Такая постановка вопроса была определенным отступлением от уже имевшейся на местах практики, когда собственники в принудительном порядке, благодаря активным действиям национальных комитетов и заводских советов, полностью устранялись от управления предприятиями.

Декрет не давал ответа и на весьма важный вопрос: в чью пользу должна поступать прибыль находившихся под национальным управлением предприятий – пойдет ли она в руки собственников, если они были в наличии, или ею станут распоряжаться национальные управляющие, представлявшие интересы государства³⁶.

Таким образом, как видно из разбора основных положений декрета, реализация его, даже при условии активного участия органов рабочего класса на местах – заводских советов и комитетов, в оптимальном варианте позволяла добиться только отстранения от управления предприятиями инациональных собственников, а также собственников, скомпрометировавших себя сотрудничеством с оккупантами. Это, безусловно, был шаг очень важный, но, по-видимому, в нем нельзя видеть «частично социалистический характер» и идентифицировать «национальное управление» непосредственно с «революционным рабочим управлением предприятиями», как это делают некоторые историки ЧССР³⁷.

Акция по установлению национальных управлений достигла своей вершины в Чешских землях в мае–июне 1945 г. Уже к середине июня в Чехии и Моравии не осталось предприятий, находящихся под управлением лиц немецкой национальности³⁸. 26 июня 1945 г. К. Готвальд, выступая в Брно и подводя итоги первых шести недель деятельности правительства в освобожденной стране, констатировал: «Сегодня в республике мы действительно не имеем ни одного крупного предприятия, ни одного крупного банка, в котором бы сидели и правили их прежние хозяева»³⁹. Всего нацио-

нальное управление в Чехии, Моравии и Силезии было введено на 10 125 промышленных предприятиях из 17 534 существовавших в этот период. На фабриках, заводах и шахтах, переданных под национальное управление, работали около 1 млн. человек из 1 071 тыс. всех занятых в середине 1945 г. в промышленном производстве ⁴⁰. Эти данные совершенно очевидно свидетельствуют, что вне национального управления в Чешских землях практически оставались лишь мелкие предприятия. Подавляющая часть предприятий, переданных под национальное управление, находилась в Пограничье, в областях, захваченных фашистской Германией после мюнхенского соглашения и включенных в состав рейха, где весь промышленный потенциал и финансовые учреждения оказались в руках германских собственников. Поэтому здесь оперативное создание национальных управлений и формирование новой администрации выступали как важнейший фактор обеспечения производства ⁴¹.

В Словакии установление национальных управлений на предприятиях юридически определялось постановлением Словацкого национального совета, принятым 5 июня 1945 г. Проект этого документа представлял собой в основном воспроизведение декрета президента от 19 мая 1945 г., который должен был стать действительным для Словакии по решению Словацкого национального совета. Однако простого подтверждения не получилось, так как проект стал предметом серьезной дискуссии в Словацком национальном совете ⁴². Такое положение в значительной степени объяснялось спецификой размежевания сфер влияния в экономике Словакии между словацкой и инонациональной буржуазией, а также между людяцкими и антилюдяцкими группировками словацкой буржуазии. Эти два момента оказывали весьма существенное влияние на позиции демократической партии – единственного партнера словацких коммунистов по СНС при решении вопроса о введении национальных управлений.

Пока речь шла о том, чтобы национальные комитеты и СНС назначали «национальных управляющих на предприятия..., владельцы и центральные правления которых находятся за рубежом» ⁴³, представители демократической партии в СНС не возражали против такой акции, так как она по

сути дела, не затрагивала интересов словацкой буржуазии. Но когда коммунисты, опираясь на положение декрета, вытекающее из Кошицкой программы, поставили вопрос о необходимости ввести национальные управления в кооперативных союзах, в центральных правлениях кооперативов, то сразу же последовала отрицательная реакция демократов. В выступлениях представителей демократической партии в СНС совершенно недвусмысленно звучали требования лишить местные национальные комитеты прав введения национальных управлений, уменьшить, уж если не исключить, возможность участия заводских комитетов в реализации указанных акций ⁴⁴, а также добиться изменения положения о введении национальных управлений в кооперативных организациях и, прежде всего, в так называемых сельскохозяйственных кредитных кооперативах, через которые словацкая буржуазия держала деревню в своих руках. Отнюдь не случайно один из ведущих деятелей демократической партии М. Кветко выступил на заседании СНС с требованием дифференцированного подхода в решении вопросов введения национальных управлений на промышленных предприятиях и в кооперативных организациях ⁴⁵. Главная цель всех уточнений и требований демократов сводилась к тому, чтобы ограничить введение национальных управлений, оставив за пределами этой акции собственность словацкой буржуазии.

Классовую суть этих маневров демократов в СНС сразу же поняли и оценили те, кого они защищали. Группа аграрных кооперативов начала добиваться, чтобы право назначения национальных управлений для этой категории предприятий было передано из рук ведомства по делам промышленности и торговли, которым руководили коммунисты, в руки ведомства по делам сельского хозяйства и аграрной реформы, возглавляемого М. Кветко ⁴⁶.

Практика же на местах, являвшаяся весьма весомым аргументом коммунистов в полемике с демократами, свидетельствовала, что заводские комитеты добиваются введения национальных управлений не только на предприятиях инонациональных собственников, но и там, где этого требуют интересы рабочего класса. Внести изменения в текст декрета демократам не удалось, и он был принят в своем первоначальном

чальном виде ⁴⁷. Однако реакция представителей демократической партии на положения декрета свидетельствовала о быстро идущем размежевании сил в Словакии. Не случайно в мае – июне 1945 г. ведомство СНС по торговле и промышленности констатировало, что в вопросе о национальных управлениях «наиболее отчетливо проявляются и выступают классовые противоречия между трудовым народом и буржуазией» ⁴⁸.

Особенно острый характер в Словакии приобрел вопрос о введении национальных управлений в банках. Позиции словацкой буржуазии в экономике страны обеспечивались, в первую очередь, за счет банковского капитала, через который она контролировала, прежде всего, промышленность, связанную с переработкой сельскохозяйственного сырья. В период так называемого «независимого словацкого государства» главные места в правлениях банков заняли те группировки словацкой буржуазии, которые служили прямой опорой клерикально-фашистского режима. Поэтому представители демократической партии, отражавшие интересы антилюдяцки настроенных буржуазных группировок, ущемленных утратой своих прежних позиций в банковско-финансовой системе, отнюдь не возражали против принятия постановления СНС, дававшего право уполномоченным СНС проводить ревизии частных банков, если последние были неспособны «осуществлять свои функции и охранять интересы государства» ⁴⁹. В этом постановлении они увидели средство удаления своих конкурентов с ведущих позиций в руководстве банков. Но как только эта цель оказалась достигнутой, демократы, не желая уступать вновь обретенных позиций, оказали упорное сопротивление словацким коммунистам, добивавшимся введения национальных управлений в банках и финансовых институтах.

Внесениями бесконечных «уточнений» и «поправок» они добились того, что финансово-кредитные институты Словакии оказались, как констатировала народнохозяйственная комиссия ЦК КПС, исключенными «из категорий собственности, подлежащих передаче под национальное управление» ⁵⁰. Постановление СНС от 5 июня 1945 г., следовательно, не полностью отвечало положению X главы Кошицкой програм-

мы, предусматривавшей введение национальных управлений на все виды собственности. Это несоответствие было ликвидировано только в конце августа 1945 г., когда, опираясь на поддержку рабочего класса снизу, коммунисты принудили представителей демократической партии в ЧСХ дать согласие на введение национальных управлений в банках и страховых компаниях.

Если попытаться определить масштабы акции по введению национальных управлений в Словакии, то с сожалением приходится констатировать отсутствие официальных статистических данных, выделяющих специально промышленные предприятия. По сообщениям, сделанным на I съезде революционного профсоюзного движения, в Словакии на 236 промышленных предприятиях было установлено национальное управление⁵¹.

Оценивая общий итог введения национального управления, следует подчеркнуть, что оно привело к устранению от управления экономикой не только германского капитала, прибравшего в разных формах к своим рукам все ведущие отрасли промышленности, но и значительных группировок «своей», в первую очередь, чешской, буржуазии.

Установление национального управления в банках и финансовых институтах означало, по сути дела, изъятие акционерного капитала, треть которого к концу войны составляла собственность оккупантов и предателей⁵², из-под контроля финансовых монополий.

Но введение национального управления не изменяло имущественно-правовых отношений⁵³. Как акция антифашистская, национально-патриотическая оно могло стать прологом для различных, диаметрально противоположных по своему классовому содержанию преобразований.

Развитие национальных управлений в том или ином направлении зависело, прежде всего, от того, насколько глубоко и последовательно демократические силы чехословацкого общества, возглавляемые рабочим классом и его политическим авангардом, сумеют реализовать революционные возможности, заложенные в положениях IX главы Кошицкой программы, предусматривавшей предание суду «предателей из рядов банковских, промышленных и земельных магна-

тов»⁵⁴, т. е. закрепить данное положение принятием соответствующего декрета и тем самым создать юридическую основу для наказания предателей. Именно в этом видели коммунисты в рассматриваемый период возможность существенно ослабить экономические позиции чешской и словацкой буржуазии, не выходя за рамки общенациональных, антифашистских требований и опираясь на поддержку патриотически настроенного большинства нации. «...Инструмент, который мы сейчас имеем в борьбе за нацию, – говорил 6 апреля 1945 г. К. Готвальд, – это борьба против предателей и коллаборационистов, т. е. против реальных скомпрометированных представителей чешской и словацкой буржуазии. Это чрезвычайно острое оружие, которым мы можем подсесть сами корни буржуазии и сделать это во имя нации, в интересах всей нации, государства и республики»⁵⁵.

Чтобы реализовать объективно имевшиеся возможности, необходимо было добиться не только формального осуждения экономической коллаборации, но и юридического наказания коллаборационистов. Здесь-то диаметрально и расходились интересы сил, деливших власть в государстве. Вопрос о наказании военных преступников, предателей и коллаборационистов, вызывавший, как было показано во второй главе, серьезные разногласия двух полюсов антифашистского лагеря в годы войны, после освобождения превратился в одну из острых политических проблем послевоенной жизни чехословацкого общества.

Революционные профсоюзы и заводские советы, опираясь на поддержку рабочих коллективов на местах, через специально создаваемые на предприятиях комиссии развернули буквально с первых дней освобождения широкую кампанию по очищению фабрик и заводов от фашистских элементов, предателей и коллаборационистов⁵⁶. На крупных промышленных предприятиях, таких, например, как Витковицкие металлургические заводы, на заводах Шкода, заводах Кольбен-Данек и др., удаление лиц, предавших интересы нации, было в целом завершено к концу мая 1945 г.⁵⁷

Совершившими национальное предательство считались лица, или сменившие свою национальность, или политически сотрудничавшие с оккупантами, или являвшиеся членами

фашистских организаций и содействовавшие распространению фашистской идеологии. Изменой нации считалось и сотрудничество с оккупантами на экономическом поприще⁵⁸. Но речь при этом шла, прежде всего, о персонале, работавшем на заводах, а отнюдь не о владельцах. Лица, обвиняемые в национальной измене, лишались работы, удалялись с предприятий, но не осуждались приговором, так как к этому до принятия специального декрета, осуждавшего коллаборацию, отсутствовала юридическая нормативная база.

Масштабы, которые приняла «национальная чистка» в Чешских землях, а особенно то обстоятельство, что инициаторами ее выступали заводские советы предприятий, с самого начала обусловили весьма сдержанное отношение к ней со стороны национальных социалистов⁵⁹ и откровенно негативное – со стороны народной партии. Пресса последней выступила с публичными обвинениями заводских советов в том, что они под видом чистки осуществляют акты политического преследования⁶⁰. Даже для социал-демократов оказалась неожиданной та интенсивность процесса «национальной чистки», которую проводил рабочий класс через свои органы на предприятиях. Не случайно министр промышленности Б. Лаушман в своем выступлении по радио 20 июня 1945 г. призывал к спокойствию на заводах, к окончанию акции по изгнанию предателей и коллаборантов⁶¹.

Законодательное оформление соответствующих положений Кошицкой программы, выступавшее как самая насущная первоочередная задача дня, стало предметом острой политической борьбы в чехословацком обществе. Буржуазные политики пытались реализовать свои планы и добиться ограничения масштабов «национальной чистки», направив ее таким образом, чтобы не были затронуты основные экономические позиции коллаборационистских групп чешской и словацкой буржуазии⁶². Поэтому, когда встал вопрос о принятии президентом декрета о наказании фашистских преступников, предателей, их пособников и создании чрезвычайных народных судов⁶³, они сосредоточили все усилия на том, чтобы в его основу был положен текст декрета, подписанного президентом Э. Бенешем в феврале 1945 г. в Лондоне. Содержавшимся в нем положением о «непреодолимом принуж-

дении» он позволял оправдать экономическую коллаборацию с оккупантами и тем самым вывести из-под удара значительные круги чешской буржуазии. Добиваясь, по сути дела, простого переподписания лондонского варианта декрета, Я. Странский, А. Прохазка и другие представители национальных социалистов и народной партии аргументировали экстренность решения этого вопроса чрезвычайно обостренной обстановкой на местах, опасностью возникновения случаев самосуда, линчевания и т. п. ⁶⁴.

Коммунисты же стремились добиться разработки нового проекта декрета и видели возможности использовать в качестве его основы постановление СНС от 15 мая 1945 г., в котором, наряду с положениями, отражавшими специфику ситуации в Словакии, было дано более широкое, чем в лондонском декрете президента, определение круга лиц, подлежащих осуждению за предательство и коллаборационизм ⁶⁵.

После серии острых дебатов в правительстве 19 июня 1945 г. был подписан новый декрет президента о наказании военных преступников, предателей, их пособников и о создании чрезвычайных народных судов ⁶⁶. Как и большая часть документов того периода, он носил компромиссный характер. Национальным социалистам и представителям чешской народной партии не удалось внести в декрет положение о «непреодолимом принуждении», снимавшее, по сути дела, ответственность за сотрудничество с оккупантами. Но вместе с тем не было в декрете и той четкой формулировки, имевшейся в IX главе Кошицкой программы, которая определяла суть и содержание экономического коллаборационизма и предательства. Карающие статьи подписанного президентом декрета были обращены не против коллаборационистов из финансово-монополистических кругов, а против чиновничье-бюрократического аппарата протектората, руководителей и членов различных фашистских организаций, крупной и мелкой агентуры гестапо, различного рода доносчиков и т. п. ⁶⁷. Существенным моментом, который ослаблял эффективность народных судов как юридических национально-патриотических институтов, призванных карать за национальное предательство, было то, что они в своей деятельности полностью подчинялись министерству юстиции, возглавляемому нацио-

нальным социалистом ⁶⁸.

Принятая редакция декрета оставляла политическим представителям буржуазии – лидовцам и национальным социалистам – возможность использовать его отдельные положения, чтобы попытаться в максимальной степени уберечь свои классовые позиции в экономике от любых «посягательств» со стороны демократических сил нации.

Действительно, практика политической жизни в первые месяцы после освобождения свидетельствовала, что представители антифашистских кругов чешской буржуазии, делившие с рабочим классом власть в государстве, отнюдь не спешили проводить конфискацию собственности «собратьев по классу», поддерживавших фашизм и активно сотрудничавших с оккупантами. Так, хорошо известно, что глава Живностенского банка Ярослав Прейс был арестован 5 июня 1945 г. Однако ни в 1945-м, ни в 1946 г. процесса над этим откровенным реакционером и коллаборационистом министерство юстиции не допустило. Более того, освобожденный в конце 1945 г. под залог Прейс развернул активную деятельность с тем, чтобы предотвратить конфискацию своей недвижимой собственности ⁶⁹.

Фактически был оправдан национальным судом как несущий только моральную ответственность министр финансов правительства протектората Кальфус. На процессе в качестве свидетеля защиты, доказывавшего невиновность подсудимого и его помощь движению Сопротивления, выступал Прокоп Дртина – один из ведущих руководителей национально-социалистической партии и впоследствии министр юстиции правительства Национального фронта чехов и словаков ⁷⁰.

Управляющий Шкодовских заводов в период оккупации Вамберский был осужден всего лишь на три года за то, что «отдал свои технические знания на службу немцам» ⁷¹. В ходе процесса и опроса свидетелей выяснилось, как писал орган национально-социалистической партии «Свободное слово», что управляющий заводов «был хорошим хозяином, когда шла речь о будущем заводов», «был хороший чех – ибо никогда не здоровался нацистским приветствием», «он задерживал выпуск тяжелых орудий, насколько это возможно», «он

заботился, чтобы Шкодовские заводы не были эвакуированы куда-нибудь в Альпы, куда вместе с оборудованием могли быть вывезены и рабочие, которые могли там погибнуть», и т. п.⁷² Набор оправдательных аргументов был весьма обширен. Было совершенно очевидно, что здесь действует тактика «двух ставок в одной игре», которую проводили в период оккупации и войны представители чешского монополистического капитала, активно сотрудничая с оккупантами и одновременно давая средства буржуазному крылу в движении Сопротивления. Теперь политические представители этого крыла в лице национальных социалистов и народной партии, располагая определенными рычагами власти, использовали их, чтобы не допустить ослабления экономических и политических позиций буржуазии как класса в целом.

Не случайно сам президент Э. Бенеш включился в защиту членов правительства протектората. В начале лета 1945 г. он поручил П. Дртинe подобрать материал, подтверждающий прямую связь Гахи и Элиаша с эмигрантским правительством в Лондоне, и подготовить специальный документ на имя министра юстиции Я. Странского. Такой документ был подготовлен в виде личного письма Э. Бенеша. В нем содержалась просьба использовать приводимые в письме факты в случае необходимости информации правительства, если это будет нужно для справедливой оценки действий Гахи и Элиаша⁷³.

Еще более сложной, чем в Чешских землях, оказалась реализация положения о наказании предателей и коллаборационистов в Словакии. Привлечение к судебной ответственности за национальную измену лиц из финансово-промышленных кругов в значительной степени затруднялось тем, что практически вся словацкая буржуазия, обогатившаяся и экономически укрепившая свои позиции, была обязана этим, как подчеркивают словацкие исследователи, клерикально-фашистскому режиму⁷⁴. Но немалая часть буржуазии на последнем этапе войны, произведя «смену вех», или политически отмежевалась от тисовского режима, или обеспечила себе определенный «патриотический» багаж. Именно на это обстоятельство обращал внимание представитель КПС, когда говорил на одном из заседаний Словацкого национального

совета: «Многие аризаторы и наши противники, которые способствовали расколу республики, в последнее время в финансовом отношении помогали нашему Сопротивлению. Конечно, они это делали не из любви к словацкому народу, а понимали, что Красная Армия стучится в двери Словакии»⁷⁵.

Так называемое «участие в Сопротивлении» становилось аргументом для защиты экономических позиций словацкой буржуазии, в том числе и тех, которые были обретены ею после 1939 г. Здесь-то и обнаруживалось полное совпадение классовых интересов как антифашистских и алибиистских буржуазных группировок, так и буржуазных группировок клерикально-фашистского толка⁷⁶.

Демократическая партия, державшая в своих руках ведомство правосудия, которому подчинялись народные суды, делала все, чтобы затормозить проведение в жизнь решения о наказании коллаборационистов и предателей и сохранить в неприкосновенности сферу собственности словацкой буржуазии, направив удар революционных сил против ее инациональных конкурентов.

Коммунисты, добивавшиеся наиболее последовательно проведения национальной чистки и изъятия собственности из рук предателей и коллаборационистов под общедемократическими, антифашистскими лозунгами, вынуждены были констатировать на заседании СНС в мае 1946 г., что «национальные и народные суды не сыграли той роли, которая отводилась им в деле наказания коллаборационистов и предателей»⁷⁷.

Ситуация, складывавшаяся в стране в весенне-летние месяцы 1945 г., свидетельствовала, что наступление революционных сил на экономические позиции чешской и словацкой буржуазии под национально-патриотическими лозунгами наказания предателей и коллаборационистов встречает упорное сопротивление буржуазии и ее политических представителей. Народнохозяйственная комиссия ЦК КПЧ с большим беспокойством вынуждена была в июле 1945 г. констатировать, что далеко не везде, где этого требует программа правительства, удалось создать национальные управления, что нередко на важных, решающих постах остаются лица, скомпрометировавшие себя сотрудничеством с оккупантами, или

же они опять начинают занимать эти места ⁷⁸.

В предпринимательских кругах отчетливо стали обрисовываться стремления ликвидировать национальные управления. Они получали поддержку как со стороны прессы национальных социалистов и народной партии, которая начала открыто писать о необоснованности обвинений отдельных предпринимателей в коллаборации и предательстве ⁷⁹, так и со стороны представителей этих партий в национальных комитетах. Через национальные комитеты они пытались добиться ликвидации национальных управлений на предприятиях, собственники которых, как писала газета «Свободное слово», «ложно обвинены в сотрудничестве с немцами» ⁸⁰. Все эти моменты, проявившиеся в общественной жизни страны уже летом 1945 г., свидетельствовали, что осуществить подрыв экономических позиций чешской и словацкой буржуазии путем изъятия у нее средств производства в рамках акции по наказанию предателей и коллаборационистов, как рассчитывали коммунисты еще в мае 1945 г., не удастся.

Буржуазные группировки, делившие с рабочим классом власть в освобожденном государстве, сосредоточив в своих руках органы юстиции в обеих частях республики, использовали эти позиции, чтобы активно саботировать важнейшее положение программы правительства Национального фронта. Они не допустили юридического осуждения отстраненных от управления за сотрудничество с оккупантами собственников предприятий и вынесения решения о конфискации их собственности. Возникла реальная угроза того, что буржуазные политики будут ставить вопрос о возвращении прежним собственникам взятые под национальное управление заводы и фабрики.

Но одновременно с этими негативными для реализации революционных преобразований явлениями в чехословацком обществе развивались и набирали силу иные тенденции, которые, в конечном счете, и превращались в фактор, обуславливавший поступательное развитие революционного процесса. Речь идет о настроениях рабочего класса, о его стремлении, опираясь на завоеванные в ходе освобождения позиции, не допустить возвращения старых домюнхенских порядков и добиться кардинальных перемен в отношениях собственности на средства производства. Национальное управление,

установленное на подавляющей части промышленных предприятий, рабочие рассматривали только как временную меру, которая необходима для обеспечения порядка в первые недели после освобождения, и за ней должно последовать урегулирование отношений собственности. Как сообщалось на заседании СНС в июне 1945 г., главную задачу рабочие видели в том, чтобы промышленные предприятия, независимо от того были ли они собственностью немцев, венгров, предателей, коллаборационистов или нет, вообще больше «не принадлежали частным лицам, банкам, концернам и чтобы этим господам и корпорациям не текли доходы»⁸¹. Такие настроения, совершенно отчетливо проявившиеся еще в период Словацкого восстания, весной и летом 1945 г. стали превалировать среди рабочих Словакии⁸².

Это отмечали члены народнохозяйственной комиссии ЦК КПС уже в конце апреля 1945 г., обсуждая вопрос о конфискации имущества предателей и о последующей передаче ключевых отраслей промышленности государству. «Конфискация и передача государству этих предприятий, – указывалось на заседании комиссии, – являются не только экономической потребностью, но они необходимы и политически... промышленные рабочие конфискации ожидают и требуют»⁸³.

Требование передать государству природные богатства, крупные предприятия и целые отрасли промышленности, сформулированное в условиях подполья левыми группировками рабочего движения, объединявшимися вокруг Центрального совета профсоюзов, получает в этот период признание и поддержку основной массы рабочего класса Чешских земель. Буквально в первые дни после приезда правительства ЧСР в Прагу делегация рабочих-текстильщиков передала министру промышленности Б. Лаушману проект национализации крупных текстильных фабрик, разработанный в одном из концлагерей⁸⁴. 25 мая 1945 г., отражая настроение шахтеров, орган компартии в Западной Чехии газета «Правда» писала о необходимости передачи шахт и вспомогательного оборудования государству⁸⁵. 3 июня 1945 г. на краевой конференции заводских советов шахт Остраво-Карвинского бассейна обсуждался вопрос о национализации шахт, а филиал Союза горных инженеров в Остраве приступил к разработке конкрет-

ных мер по проведению национализации шахт этого бассейна ⁸⁶. С конца июня – начала июля 1945 г. в правительство, в министерство промышленности, в Центральный совет профсоюзов начали поступать первые петиции с требованием проведения национализации, подписанные заводскими советами различных предприятий. Наиболее активно выступали шахтеры. Через заводские советы они требовали созыва общегосударственной конференции шахтерских заводских советов, на которой предполагалось обсудить вопросы передачи государству всех шахт в республике и создание государственного синдиката по снабжению углем ⁸⁷.

Было совершенно очевидно, что рабочий класс страны положение XII главы Кошицкой программы – «поставить всю финансово-кредитную систему, ключевые промышленные предприятия, страхование, природные и энергетические источники под общее государственное руководство» трактовал весьма однозначно, вкладывая в него свое социальное понимание.

Общее государственное руководство идентифицировалось в этой среде с изъятием указанных звеньев экономики из рук частного капитала и с передачей их в собственность государства. Именно поэтому в резолюциях и требованиях, формулируемых рабочими в весенне-летние месяцы 1945 г., имелись постоянные ссылки на Кошицкую программу или заявление правительства от 11 мая 1945 г., излагавшее основные положения этой программы, где якобы говорилось о передаче в собственность государства указанных отраслей промышленности и финансов ⁸⁸. Такая трактовка экономических разделов Кошицкой программы позволяет расценивать эти выступления рабочих как начало классовой акции пролетариата, направленной на решительное и открытое сокращение сферы капиталистической собственности в экономике.

Таким образом, в чешском и словацком обществе происходила сложная перегруппировка политических сил. Национально-патриотический фактор, объединявший ранее в едином потоке антифашистской борьбы социально и политически разнородные силы чешского и словацкого общества, после освобождения страны и восстановления национальной независимости стал постепенно утрачивать свое цементирующее влияние. На первый план общественной жизни возрожденного

чехословацкого государства выдвинулись новые проблемы, и среди них ведущее место заняли проблемы экономических преобразований, их глубина и социальная направленность.

Как известно, в положениях Кошицкой программы не было решения вопроса о масштабах и формах вторжения в сферу капиталистической собственности. Каждая из политических сил, входивших в Национальный фронт чехов и словаков, при подписании программы вкладывала свои понятия в сформулированные в ней требования и предполагала в будущем добиться реализации своей концепции социально-экономических преобразований.

После освобождения, когда вопросы о масштабах и глубине социальных реформ, об их социально-классовой направленности стали все с большей силой выступать на первый план общественной жизни, все силы, действовавшие в рамках новой послевоенной политической структуры чехословацкого общества ⁸⁹, оказывались неизбежно перед необходимостью раскрыть свое конкретное понимание соответствующих разделов Кошицкой программы. Без публичного ответа на эти кардинальные вопросы будущего развития ни одно политическое течение в стране не могло рассчитывать на реальное укрепление своих позиций в обществе, в котором преобладали антифашистские, национально-патриотические настроения. Стремление же не допустить реставрации экономических позиций буржуазной реакции нашло уже свое конкретное воплощение в установлении рабочего контроля в сфере промышленного производства и введении национального управления на подавляющей части фабрик, заводов и финансовых учреждений страны. Эти реальности весенне-летних месяцев 1945 г. неизбежно оказывали влияние на содержание и форму предлагаемых обществу концепций послевоенного социально-экономического развития.

2. Программные заявления политических партий летом 1945 г. Разработка коммунистами «Проекта экономической политики Национального блока трудящихся города и деревни»

В сложившейся к лету 1945 г. обстановке, когда именно настроения рабочего класса стали определять политический

климат общественного развития страны, ни одна из буржуазных партий, вышедших на политическую арену в послевоенном государстве, не решалась открыто провозглашать лозунги восстановления капиталистического строя. Как показывает анализ программных заявлений политических партий, сделанных в мае–июне 1945 г., даже народная партия, в Чешских землях единственная открыто объявившая себя защитницей буржуазного строя, вынуждена была заявить в своем программном документе о том, что «основные принципы социального и экономического строя должны быть подвергнуты ревизии»⁹⁰. Ясно отдавая себе отчет в том, что восстановление домюнхенских порядков в сфере экономики невозможно⁹¹, лидеры этой партии основной смысл социально-экономических преобразований в освобожденном государстве видели в подрыве позиции германского капитала. Поэтому они настаивали на ограничении социальных преобразований только национальными рамками. «Захваченная земля и предприятия в германизированных областях достанутся нашим согражданам», – подчеркивалось в программном заявлении партии от 6 июня 1945 г.

Вместе с тем, зная о революционных настроениях рабочего класса, руководство народной партии не решалось прямо ставить вопрос о возвращении всего конфискованного имущества в частные руки. Предстоявшие изменения в социально-экономической структуре страны лидеры народной партии формулировали следующим образом: «Важные отрасли производства, в первую очередь, ключевая промышленность и определенные финансовые институты, будут изъяты из рук частных предпринимателей и будут управляться общественными органами в интересах развития всенациональной экономики».

В программном заявлении народной партии имелся специальный пункт, содержащий рекомендации о будущей политике в отношении различных видов частного предпринимательства. «Необходимо поддерживать и защищать частную инициативу ремесленников и предпринимателей до тех пор, пока она отвечает общественным интересам. Передачу государству и обобществление небольших предприятий следует проводить только в исключительных случаях»⁹².

Приведенные высказывания со всей очевидностью позволяют констатировать, что народная партия стремилась вывести мелкое и среднее предпринимательство за рамки каких-либо изменений в системе собственности и обеспечить ему государственную поддержку. Что же касается крупного производства, то здесь допускалось изъятие из рук частных собственников отдельных отраслей промышленности и финансовых институтов для передачи «общественным органам». Правда, понятие «общественные органы» в заявлении никак не определялось. Но один его аспект не вызывает сомнений. Поскольку в заявлении четко различалось «обобществление» и «передача государству», то совершенно очевидно, что, выдвигая подобное предложение, народная партия выступала против национализации промышленности и финансовой системы в форме их передачи государству. Именно эту направленность программы народной партии подтверждают материалы, публиковавшиеся на страницах ее центрального органа. Развивая идеи, заложенные в заявлении, газета «Лидова демократие» в июле 1945 г. открыто писала о том, что передача государству ключевых отраслей промышленности, банков, крупных заводов и фабрик заключает в себе опасность максимальной концентрации экономической и политической власти в руках «такой анонимной и трудно контролируемой силы, какой является государство»⁹³.

В июле и августе 1945 г. на страницах газеты появилась серия статей Кожелуговой – лидера наиболее правых группировок народной партии, в которых прямо говорится о том, что не может быть никаких плюсов от передачи предприятий в собственность государства⁹⁴. Из этого становится совершенно ясно, что требование передачи под управление общественных органов тех звеньев экономики, которые будут изъяты у частных собственников, являлось открытым противовесом получавшему все большее распространение в среде рабочего класса требованию передачи в собственность государства ключевых отраслей промышленности, финансовых институтов, страхования, шахт и энергетических источников. Основная идея, которая проходила через все программное заявление народной партии, заключалась в том, чтобы не допустить сколь-нибудь глубокого вторжения революционных

сил в сферу собственности «своей», чешской буржуазии. Но формулировалась она, с учетом специфики сложившейся в стране ситуации, отнюдь не прямо, а в виде формально неуязвимых требований передачи крупного производства «обществу».

Другой темой, занимавшей большое место в прессе народной партии, была защита мелкого предпринимательства и «средней частной собственности», которая «не наносит вреда общему благу» и которую нет оснований ликвидировать⁹⁵. Такая постановка вопроса свидетельствовала, что в условиях революционной ситуации лидеры народной партии делали ставку на мелкобуржуазные слои, стремясь за счет их укрепить массовую базу партии, расширить ее влияние, с тем чтобы противопоставить мелкую буржуазию города и деревни растущему напору рабочего класса и под лозунгами защиты мелкого и среднего предпринимательства не допустить ослабления позиций чешской буржуазии в экономике страны. Именно мелкобуржуазным массам чешского общества, страдавшим от засилья монополистических объединений, были адресованы обещания уничтожить картели и тресты, которые «душили экономически более слабое предпринимательство и ремесленное производство»⁹⁶. Широко рекламировалось в прессе партии положение о том, что будущая экономика «должна зиждется на признании частного предпринимательства и особенно мелкого»⁹⁷.

С иных позиций вела борьбу, охраняя классовые интересы буржуазии, партия национальных социалистов, которая в послевоенной политической жизни страны играла весьма активную роль и в короткий срок, по существу, захватила лидерство в буржуазном лагере. Не провозглашая себя открыто защитницей старого строя, а, напротив, широко рекламируя приверженность идеям социализма, эта партия ориентировалась на то, чтобы реализовать под прикрытием доктрины особого прогрессивного чешского социализма свою, в сущности, буржуазную концепцию послевоенных социально-экономических преобразований. Поэтому не удивительно, что опубликованная в конце мая 1945 г. «Программа действий» партии была разукрашена рассуждениями о «социалистической демократии», о «политических свободах в духе гуманиз-

ма Масарика», о необходимости обеспечения «человеческих прав человека»⁹⁸.

Однако конкретное содержание экономических аспектов программы было весьма умеренным. В ней провозглашалось требование установления контроля государства над всеми крупными промышленными предприятиями, природными ресурсами и всеми средствами производства с тем, чтобы «они служили исключительно обеспечению труда и снабжения широких слоев народа, а не каким-либо другим целям»⁹⁹. В целом указанное предложение совпадало с текстом XII главы Кошицкой программы, если учесть, как понималось партиями Национального фронта положение о «всеобщем государственном руководстве» в момент составления этого документа. Обращает на себя внимание то, что в перечне объектов, подлежащих государственному контролю, в программном заявлении национальных социалистов отсутствовало упоминание о денежно-кредитной системе, стоявшей в Кошицкой программе на первом месте.

Принципиально новым в программном документе национально-социалистической партии было положение о государственном контроле как временной мере, которая будет действовать до принятия избранным Национальным собранием решения «об окончательном урегулировании вопросов, с этим связанных»¹⁰⁰. Тем самым допускалась возможность осуществления Национальным собранием каких-то дополнительных преобразований экономического устройства страны. Но в каком направлении предполагала партия осуществлять преобразования ответа «Программа действий» национально-социалистической партии не давала. В ней содержалось лишь положение о том, что «рабочим должно быть обеспечено право на труд и его справедливую оплату, а также полное участие в организации и управлении производством»¹⁰¹.

Комментируя его, лидеры партии не скупилась на обещания «далеко идущих изменений в пользу трудящегося народа». «Ненасытный капитал, – заявлял один из ведущих деятелей национально-социалистической партии Й. Давид, – должен быть устранен, необходимо создать такую экономическую организацию, при которой бы труд являлся не унижением, а радостью»¹⁰².

Однако анализ конкретного содержания предложений национальных социалистов показывает, что сразу после освобождения страны их партия не намерена была выходить за рамки преобразований, намеченных Кошицкой программой. Характерно, что в новую программу национально-социалистической партии не попало содержавшееся в меморандуме от января 1945 г., подготовленном руководством партии национальных социалистов Э. Бенешу, предложение о национализации ряда отраслей тяжелой промышленности.

Но по мере того как политические реальности в освобожденной стране стали приобретать все более классово четкие формы, лидеры национальных социалистов вынуждены были существенно скорректировать свои ответы на вопросы о характере и масштабах будущих реформ в сфере промышленного производства. Уже в июне 1945 г. данные сюжеты заняли одно из центральных мест в специальном заявлении ведущего политика национально-социалистической партии Г. Рипки. Он признал «социальной необходимостью» передачу из частных рук в общественные тяжелой промышленности и ключевых ее отраслей, а также добычи угля. Он предлагал установить «общественный контроль», осуществляемый через реализацию экономических планов, за теми отраслями промышленности, от которых будет зависеть «социальное благо народа».

Легкую и мелкую промышленность, ремесленное производство, мелкие торговые предприятия предполагалось оставить в частных руках. Платформой развития экономики в послевоенном государстве должна была стать, по мнению лидеров национальных социалистов, «плюралистическая система». «Это значит, – говорил Г. Рипка, – что мы соглашаемся... чтобы наряду с государственными и общественными промышленными, торговыми, финансовыми предприятиями и институтами существовали и смешанные предприятия, в которых государство или общественные организации будут делить собственность с частными предпринимателями, и, наконец, чтобы в промышленности, торговле, предпринимательстве был сектор, который останется в частных руках». Этот же принцип «плюрализма» должен был действовать и в области финансов, где возникнет смешанная система госу-

дарственных или общественных финансовых институтов, а также таких, в которых государство и другие общественные организации будут иметь лишь определенное влияние ¹⁰³. Итак, содержание рассмотренного заявления Г. Рипки показывает, что под воздействием складывавшейся в стране революционной ситуации лидеры национально-социалистической партии оказались вынужденными пойти значительно дальше, чем предусматривали их планы в мае 1945 г.

Если сопоставить предлагаемую Г. Рипкой программу с более ранними документами национальных социалистов, и в частности, с их меморандумом, разработанным к предстоящим в Москве переговорам о программе правительства Национального фронта, то нельзя не заметить, что основополагающие пункты этих двух документов совпадают. В том и другом случае речь идет об обобществлении (изъятии из частных рук) лишь тех отраслей производства, которые были захвачены инонациональным капиталом. В том и другом документе оставалось не раскрытым конкретное понятие «обобществление», что обеспечивало лидерам партии определенную свободу маневра.

Новым, по сравнению с меморандумом, в заявлении Г. Рипки от июня 1945 г., было провозглашение «принципа плюрализма» и создание смешанных государственно-частных или общественно-частных предприятий в системе экономики, а также положение об общественном контроле над «важными отраслями производства, которые непосредственно касаются социального блага народа» ¹⁰⁴. Появление обоих этих положений не случайно. С одной стороны, это, безусловно, была реакция на настроения мелкобуржуазных слоев. Как показал анализ программ, выдвинутых в их среде в годы оккупации, они стремились к избавлению от власти монополий, но в то же время опасались глубокого вторжения в право частной собственности. Провозглашение же лидерами национальных социалистов принципов плюрализма в экономике, основанного на равноправии всех секторов и регулирующей роли государства, не могло не импонировать настроениям средних и мелких предпринимателей, торговцев, ремесленников. Оно открывало возможность включения этих слоев, оказавшихся после войны без определенной политической

ориентации, в сферу политического влияния национальных социалистов.

С другой стороны, это была попытка воспрепятствовать осуществлению революционных требований рабочего класса, добивавшегося передачи основных отраслей промышленности в собственность государства, попытка, во многом аналогичная стремлениям народной партии. Различия заключались лишь в том, что национальные социалисты готовы были пойти в духе государственно-монополистических тенденций XX в. на определенное усиление регулирующей роли государства и его участия в управлении производством. Возможные негативные последствия этого для буржуазии должны были нейтрализоваться созданием «смешанной экономики», что позволяло, с одной стороны, замаскировать продолжавшееся участие капиталистов в управлении производством, а с другой – в форме смешанного участия проникнуть в те отрасли промышленности, которые были захвачены германским капиталом и подлежали конфискации. Создание «смешанной экономики» оставляло буржуазии возможность для полной реставрации капиталистических отношений в удобный для нее политический момент.

Демократическая партия, представляющая интересы буржуазии в политической жизни Словакии, занимала несколько иные, чем чешские партии, конкретные позиции по вопросам социально-экономических преобразований в послевоенном обществе. Еще в феврале 1945 г., подписав Манифест Словацкого национального совета о задачах народной власти на освобожденной территории страны, демократы дали согласие на проведение национализации ключевых отраслей промышленности, требование которой содержалось в этом документе. Ставя свою подпись под Манифестом, руководители партии понимали, что данная акция не затронет интересов представляемых ею группировок словацкой буржуазии, так как все ключевые отрасли являлись собственностью германского и венгерского капиталов, а само обеспечение функционирования этих отраслей требовало вложения крупных средств, которыми словацкая буржуазия в то время не располагала.

В мае 1945 г. демократическая партия высказалась за

передачу государству предприятий, принадлежавших немцам, венграм и предателям ¹⁰⁵.

Некоторые более поздние заявления руководителей демократической партии показывают, что усилия этой партии направлялись, прежде всего, на ограничение вмешательства в сферу частнокапиталистической собственности лишь теми отраслями, где словацкий капитал не располагал серьезными позициями. Не случайно И. Леттрих, один из ведущих лидеров партии, допускал возможность передачи государству предприятий немцев, венгров и предателей, а также шахт, металлургических заводов, энергетических источников, военной и ключевых отраслей промышленности. И он решительно возражал против каких-либо посягательств на среднюю и мелкую промышленность. «Ни в коем случае не передавать государству мелкие и средние предприятия, сохранить частные предприятия и дать возможность открывать новые предприятия».

Одновременно Леттрих предлагал в ряде случаев и по отношению к крупным предприятиям «допустить обобществление в форме создания кооперативов, возможно, с обеспечением главного участия государству» ¹⁰⁶.

Это положение не только раскрывает принципиальную близость позиций демократической партии к охарактеризованным выше позициям партии национальных социалистов, но и позволяет более конкретно представить те способы, с помощью которых демократы рассчитывали обеспечить скрытое участие капиталистов в управлении производством. Речь шла об использовании в этих целях кооперативных организаций, которые в буржуазной Чехословакии, а затем и в «независимом» словацком государстве фактически находились под полным руководством крупного капитала. Но спецификой их было то, что этот вид собственности не воспринимался мелкобуржуазными слоями общества как капиталистическая собственность. В Словакии именно в такого рода кооперативных объединениях и концентрировался основной капитал словацкой национальной буржуазии.

Таким образом, под воздействием развивавшейся в стране революционной ситуации все буржуазные партии к концу июня 1945 г. вынуждены были в той или иной форме

дать согласие на проведение социальных преобразований, выходящих за рамки Кошицкой программы. При этом главные усилия буржуазных политиков были направлены на то, чтобы не допустить национализации ключевых отраслей промышленности в форме их передачи народно-демократическому государству, противопоставляя требованию рабочего класса предложение о разных формах «обобществления экономики». По представлениям буржуазных политиков, такой стратегический курс должен был сохранить позиции капиталистов в управлении производством, либо через создание смешанных предприятий, либо через «общественные органы управления», либо через систему кооперации. Одновременно выдвижение указанных предложений должно было обеспечить буржуазным партиям поддержку мелкобуржуазных слоев общества, чьи иллюзии относительно «третьего пути» буржуазные политики и намерены были использовать.

Анализ стратегии и тактики буржуазных партий позволяет дать правильную политическую оценку официальной позиции, занятой в июне 1945 г. социал-демократической партией Чехословакии. Раздел о социальных преобразованиях в программе, принятой социал-демократической партией в июне 1945 г., представлял собой, как показывает сравнение текстов, почти дословное переложение соответствующего раздела программного документа, подготовленного социал-демократами в феврале 1945 г. для обсуждения на переговорах в Москве ¹⁰⁷.

Но если в феврале 1945 г. предлагаемая социал-демократами программа социальных преобразований могла иметь определенное позитивное значение, то в июне 1945 г., в условиях революционной ситуации в стране, когда в тактике и стратегии буржуазных партий произошли весьма существенные изменения, она объективно приобретала иной характер. Содержавшееся в ней положение о передаче всех банков и крупных промышленных предприятий в «общественную собственность», носителями которой являлись бы государство, область, район, населенный пункт и отдельные самоуправляющиеся производственные союзы, могло в сложившейся политической ситуации способствовать дезориентации революционных сил и облегчить буржуазным партиям

их политические маневры с целью сохранения позиций класса капиталистов в экономике страны. Не могло привести к позитивным последствиям и внесенное в социал-демократическую программу новое предложение о децентрализации будущего «социализированного хозяйства» и его передаче в руки органов «территориального или производственного самоуправления». Такая позиция, близкая к воззрениям ППС в Польше, являлась результатом влияния определенных мелкобуржуазных концепций на реформистскую часть рабочего движения. Она не соответствовала ни революционным настроениям рабочего класса, ни позициям левых течений в самой социал-демократической партии, представители которых принимали самое активное участие в создании политической программы Центрального совета профсоюзов и в его революционной деятельности в мае–июне 1945 г. Под воздействием этих сил, выступавших в тесном сотрудничестве с коммунистами, указанная программа была фактически вскоре отодвинута в сторону и не оказала серьезного влияния на политическую деятельность социал-демократической партии.

Иную альтернативу развития, опираясь на положение Кошицкой программы, предлагали политические представители революционного направления в рабочем движении – коммунисты.

При неизменности основной цели, сформулированной коммунистами еще в подполье и эмиграции, политика компартии за май–июнь 1945 г. претерпела определенную эволюцию, связанную с осмыслением тех изменений, которые происходили в этот период в жизни страны. Как отмечалось выше, первые усилия компартии были направлены на установление национального управления над имуществом немцев, венгров и лиц, сотрудничавших с оккупантами и фашистским режимом. К началу июня 1945 г. эта задача была в основном решена. О том, как представляло себе руководство компартии в данный момент перспективы дальнейшего развития, позволяет судить речь К. Готвальда, произнесенная им 20 июня 1945 г. на районной конференции национальных комитетов в Злине – крупнейшем центре обувной промышленности, являвшемся в буржуазной Чехословакии вотчиной концерна Батя.

Выразив удовлетворение тем, что старые собственники и связанная с ними администрация отстранены от управления предприятиями концерна, К. Готвальд предостерег собравшихся, указав, что старая администрация рассчитывает на то, что новое руководство не сможет справиться с управлением предприятиями и что введение национального управления окажется лишь временной мерой.

«Мероприятия, – подчеркнул К. Готвальд, – которые проводит сейчас правительство с помощью национальных комитетов, являются в определенной степени временными, но временными не в том смысле, что по прошествии определенного срока власть над этими предприятиями может возвратиться к прежним собственникам, а в том, что по мере стабилизации отношений и по мере того, как национальные управления будут все прочно держать в своих руках и докажут, что умеют все делать лучше, то после такого переходного периода предприятия, подобные концерну Батя, возвратятся тем, и это я подчеркиваю, кому они действительно принадлежали, т. е. народу, нации, государству»¹⁰⁸.

Таким образом, в речи К. Готвальда было ясно сформулировано, что коммунисты добиваются и будут добиваться национализации всей крупной промышленности, находившейся ранее в руках немцев и коллаборационистов. Вместе с тем из данных высказываний видно, что руководство компартии не считало в тот момент национализацию делом ближайшего будущего. Действительно, успех национализации К. Готвальд связывал с тем, что национальные управления сумеют на практике показать, что они могут лучше управлять экономикой, чем частные владельцы. Для этого, разумеется, требовалось время. Следует отметить еще одно обстоятельство, о котором у Готвальда прямо не сказано, но которое логически вытекает из текста речи. Ориентация на то, что экономика вплоть до окончательного решения вопроса о судьбе предприятий и банков будет длительное время находиться под национальным управлением, предполагала, что бывшие собственники, как лица, осужденные за коллаборационизм, будут лишены своего имущества.

Существенная часть планов компартии этого времени может быть восстановлена на основе анализа разработки ею

проекта общей экономической политики и совместных действий партий Социалистического блока, который возобновил в освобожденной республике свою деятельность под названием «Национальный блок трудящихся города и деревни»¹⁰⁹. В этом документе коммунисты весьма недвусмысленно определили перспективу грядущих социально-экономических преобразований. «От системы национальных управлений мы не должны возвращаться к старым капиталистическим формам, а должны идти вперед к национализации ключевой и крупной промышленности как целого»¹¹⁰. Однако при разработке конкретных мер в первом проекте программы Национального блока, разработанном народнохозяйственной комиссией ЦК КПЧ, задача национализации не рассматривалась в практической плоскости. Главное внимание, как позволяют установить материалы, имеющиеся на сегодняшний день в распоряжении исследователей¹¹¹, концентрировалось, прежде всего, на вопросе о конкретной реализации положения XII главы Кошицкой программы: об установлении государственного руководства над финансово-кредитной системой, ключевыми и тяжелыми отраслями промышленности и страхованием. Для этого коммунисты предлагали создать специальные органы – центральные управления, которым предстояло решать две задачи: непосредственно управлять теми звеньями экономики, где установлено национальное управление, и осуществлять надзор и контроль над теми промышленными предприятиями, которые остаются в частных руках¹¹².

Создание центральных органов по руководству национальными управлениями должно было затруднить попытки возвращения имущества прежним владельцам и вместе с тем способствовать тому, чтобы система национальных управлений на практике могла показать свои преимущества над частным хозяйством. Другая важная функция, которой наделялись центральные органы, – функция наблюдения и контроля за деятельностью частных предприятий, показывает, что уже на этом этапе компартия ставила своей задачей создать такую систему управления экономикой, которая в дальнейшем позволила бы подчинить государственному руководству все хозяйство страны. Но это рассматривалось скорее как более отдаленная перспектива. Формально предлагаемые меры

представляли собою попытку конкретизации XII главы Кошицкой программы в соответствии с реальными политическими условиями весенне-летних месяцев 1945 г.

В целом курс компартии этого времени можно определить как линию на постепенное создание условий для фактической национализации ведущих отраслей промышленности и банков, т. е. превращения их в государственные.

Но уже в начале июля 1945 г. в народнохозяйственной комиссии ЦК КПЧ стали выдвигаться предложения прямой передачи государству отдельных отраслей промышленности¹¹³. Они имели широкое распространение среди коммунистов, особенно сильны они были в Словакии, где социальные аспекты происходивших преобразований в значительно меньшей степени оказались окрашенными в национальные тона и где борьба против «своих» реакционных группировок буржуазии определяла основную линию политического развития. В Словакии вопрос о необходимости подготовки проекта закона о передаче промышленных предприятий государству обсуждался в руководящих органах компартии уже в середине апреля 1945 г. Одной из причин, побуждавших словацких коммунистов к такому решению проблемы, было то, что «ведущие силы в промышленности используют период неопределенности для восстановления старых позиций»¹¹⁴. Это достаточно четко стало проявляться к концу июня 1945 г. и в Чешских землях, что находило свое выражение, как было показано выше, в откровенном стремлении буржуазных партий не допустить изъятия капиталистической собственности в форме кары за экономический коллаборационизм.

Одновременно все более решительной становилась и позиция рабочего класса. Он начал открыто, как было показано выше, добиваться передачи государству тех звеньев экономики, о которых шла речь в XII главе Кошицкой программы¹¹⁵.

Можно предположить, что в такой обстановке в процессе уточнений разрабатываемого коммунистами проекта экономической программы блока, еще до вынесения его на обсуждение всех партий блока, в него было внесено положение о национализации «важных отраслей промышленности»¹¹⁶. О том, что именно такой вариант был предложен в

качестве основы проекта программы на заседании 3 июля 1945 г. в Иглаве конференции народнохозяйственных комиссий партий Национального блока трудящихся города и деревни ¹¹⁷, свидетельствовала имевшая здесь место дискуссия. В центре ее, как показывает материал, приводимый К. Ружичкой, оказалось положение о национализации и особенно вопрос: что конкретно включает в себя понятие «важные отрасли промышленности» ¹¹⁸. В ходе ее в полной мере выявилась принципиальная разница в понимании национализации между политическими представителями рабочего класса – коммунистами и поддерживавшими их социал-демократами, с одной стороны, и представителями национально-социалистической партии, с другой. Если первые считали, что национализация должна охватывать все крупные предприятия, независимо от того, собственностью «своей» или «чужой» буржуазии они являются, то вторые суть национализации сводили к передаче под «общественное управление» промышленных предприятий (и то только до определенной границы) немцев, венгров и коллаборационистов ¹¹⁹. Не было единства и по вопросу о своевременности выдвижения требования национализации в качестве практического лозунга дня.

Часть участников дискуссии считали такую постановку вопроса преждевременной ¹²⁰. По-видимому, разногласия приняли столь острый характер, что было решено, чтобы коммунисты, и в частности Л. Фрейка как глава народнохозяйственной комиссии КПЧ, согласовал указанную проблему с руководством своей партии.

Позиция, сформулированная К. Готвальдом в начале июля 1945 г., свидетельствовала об определенной перемене тактического курса компартии. «Ситуация изменилась до такой степени, – отметил он, – что мы можем требовать в программе экономической политики блока немедленной передачи государству ключевой и крупной промышленности» ¹²¹.

Анализ положения в стране к началу июля 1945 г. позволяет понять причины поворота в политике коммунистической партии от курса на постепенное создание условий для национализации к курсу на немедленное осуществление национализации ключевых отраслей промышленности и банков. В условиях, когда осуждение представителей чешской и

словацкой буржуазии за экономический коллаборационизм с нацизмом оказывалось делом трудно осуществимым, становилось невозможным длительное сохранение национальных управлений как временного института, что предполагалось ранее. Вместе с тем трудноосуществимым делом оказывалась и конфискация собственности «своей» буржуазии под национально-патриотическими лозунгами. Главное же заключалось в том, что в условиях углубления революционного процесса значительную часть общества уже не нужно было убеждать на практике в преимуществах государственной собственности перед частнокапиталистической, что мощные общественные силы в стране выступают именно за такое решение вопроса.

Главной силой, добивавшейся революционных преобразований, являлся рабочий класс. В начале июля, в дни работы конференции народнохозяйственных комиссий партий Национального блока трудящихся города и деревни в Иглаве, под руководством Центрального совета профсоюзов состоялись особенно мощные выступления рабочих с требованием национализации ключевых отраслей промышленности. 3 июля 1945 г. делегация рабочих, руководимая А. Климентом и представлявшая коллективы 15 крупнейших машиностроительных пражских заводов, посетила министра промышленности Б. Лаушмана. Она передала министру петицию с требованием немедленной национализации ключевых отраслей промышленности ¹²². Через несколько дней петицию в поддержку требования национализации министру промышленности представила делегация шахтеров Северочешского угольного бассейна. В ней выдвигалось требование передачи шахт в собственность государства и прямо указывалось, что «без национализации сотрудничество шахтеров с правительством будет невозможно» ¹²³. 8 июля 1945 г. за национализацию высказалась конференция пражских металлистов ¹²⁴. Волна петиций и резолюций в поддержку национализации стала набирать силу.

Рекомендации К. Готвальда конференции народнохозяйственных комиссий партий Национального блока в Иглаве свидетельствовали, что требования национализации, выдвигаемые рабочим классом, будут решительно поддержаны КПЧ

на правительственном уровне. Позиция социал-демократической партии также была сформулирована весьма определенно в беседе министра промышленности Б. Лаушмана с одной из рабочих делегаций в начале июля 1945 г., где он заявил, что будут национализированы не только крупные заводы ключевых отраслей промышленности, но «и всех остальных»¹²⁵. Выступления представителей двух крупнейших партий, входивших в состав Национального фронта, в поддержку требований рабочего класса знаменовали начало качественно нового этапа в борьбе за национализацию.

В таких условиях ЦК КПЧ предложил партиям, входившим в Национальный блок трудящихся города и деревни, новый проект совместной программы экономической политики, который базировался как на учете проявившихся со всей очевидностью антикапиталистических требований рабочего класса, так и на анализе общего соотношения сил в стране к началу июля 1945 г.

Коммунисты понимали, что в условиях, когда экономическая коллаборация чешской буржуазии с оккупантами, по существу, не получила официального осуждения и фактически не подлежала юридическому наказанию, источником укрепления позиций буржуазии в экономике страны могли стать предприятия, находившиеся под временным национальным управлением. Такая перспектива тем более обретала реальные возможности, поскольку часть национальных управляющих составляли не только сторонники буржуазных партий, но и прямые ставленники бывших собственников предприятий. Это, естественно, не вызывало доверия ни со стороны рабочего класса, ни со стороны его политических представителей в лице КПЧ.

Поэтому не случайно в предложенном коммунистами новом проекте экономической политики партий Национального блока существенное место было отведено вопросам организации контроля за деятельностью национальных управлений и национальных управляющих, а также проблеме будущего предприятий, взятых под национальное управление.

По первому вопросу коммунисты считали необходимым организовать через заводские советы и профсоюзные организации на местах постоянный контроль за тем, чтобы на-

циональные управления на предприятиях и национальные управляющие руководствовались, в первую очередь, общественными интересами. В противном случае заводским советам и профсоюзам предлагалось ставить вопрос об отзыве как отдельных членов национальных управлений и национальных управляющих, так и технических и коммерческих руководителей предприятий. Важнейшей обязанностью указанных органов рабочего класса должен был стать контроль за тем, чтобы руководящие посты в экономике не попали в руки предателей народа и их пособников. Таким образом, реставраторским устремлениям буржуазии на местах предполагалось противопоставить силу и организованность рабочего класса, стремившегося не допустить восстановления экономических позиций капиталистов в промышленности.

Рассматривая вопрос о будущем предприятий, находившихся под национальным управлением, коммунисты, опираясь на положения X главы Кошицкой программы, выдвинули предложения о том, что «из-под национального управления могут быть изъяты и переданы в частную собственность только те мелкие объекты, где новые собственники будут работать со своей семьей»¹²⁶. Крупные же экономические объекты могут быть взяты из-под национального управления только в том случае, если их предполагается передать в руки государства или самоуправляемых органов, союзов и кооперативов.

Такой классово определенный подход к решению вопроса о судьбах собственности, находившейся под национальным управлением, давал понять буржуазным партнерам по Национальному фронту, что их намерения частично компенсировать позиции, утраченные чешскими капиталистами в годы оккупации, за счет возвращения им в собственность предприятий, захваченных немецкими и венгерскими промышленниками, не найдут поддержки у политических представителей рабочего класса.

Вместе с тем такой подход имел принципиально важное значение для диалога (особенно в чешском обществе) с весьма многочисленными мелкобуржуазными слоями города. Эти слои, в большинстве своем ущемленные оккупационным режимом экономически и утратившие своих прежних полити-

ческих лидеров, стремились не только укрепиться в складывающейся новой системе хозяйства, но и найти собственное политическое место в послевоенном государстве и обществе.

Предлагаемое коммунистами решение вопроса о мелкой собственности открывало возможность в условиях Чешских земель, где развертывалась острая борьба за мелкобуржуазные массы, за лидерство в этой среде, не допустить их превращения в политический резерв и орудие буржуазии против рабочего класса и обеспечить поддержку со стороны непролетарских слоев трудящихся планов социально-экономических реформ, предлагаемых политическими представителями рабочего класса ¹²⁷.

Принципиально важным пунктом нового проекта экономической политики Национального блока трудящихся города и деревни, разработанного народнохозяйственной комиссией ЦК КПЧ после дискуссий в начале июля 1945 г. в Иглаве и консультаций с К. Готвальдом, стало положение о том, что «в условиях национальной революции... непосредственной задачей является проведение национализации и демократизации, прежде всего, в области экономики» ¹²⁸.

При этом в проекте весьма настойчиво и аргументированно проводилась мысль о том, что указанные мероприятия вызываются необходимостью решения важнейшей общенациональной задачи восстановления экономики и вытекают из положений Кошицкой программы, в частности ее XII главы, содержащей пункт о передаче ключевых звеньев народного хозяйства под общегосударственное руководство. «Если мы хотим, – отмечалось в проекте, – как можно быстрее и с наименьшими экономическими издержками добиться обновления хозяйственной мощи, необходимо, чтобы наша экономика руководствовалась общегосударственными, народными и национальными интересами. Наиболее четко обоснованное руководство необходимо ввести в финансово-кредитной системе, на ключевых промышленных предприятиях, в системе страхования, в сфере природных и энергетических источников – в тех отраслях, о которых в правительственной программе говорится, что они должны быть поставлены под общегосударственное руководство, и где созданы предпосылки для такого руководства». Раскрывая сущность своего пони-

мания предлагаемых Кошицкой программой преобразований, коммунисты считали, что «общее государственное руководство» в вышеназванных звеньях экономики необходимо установить «путем их национализации в форме передачи государству» и сделать это немедленно, «сейчас, в период создания новой республики»¹²⁹. Данное положение имело принципиально важное значение, поскольку несло четкое определение социальной направленности будущих реформ. Оно становилось, таким образом, именно той гранью, которая отделяла экономическую программу, предлагаемую коммунистами в качестве платформы для совместных действий партий Национального блока, от всех ранее изложенных программных заявлений национальных социалистов и лидовцев, стремившихся не допустить «огосударствления» ведущих отраслей промышленности и выдвигавших в качестве альтернативы установление «общественного руководства» и создание смешанных государственно-частных предприятий. Всем этим предложениям, сформулированным, как было показано выше, в весьма общей форме, коммунисты противопоставили не только конкретно разработанный план передачи государству тех звеньев промышленности и финансов, которые назывались в Кошицкой программе как объект государственного руководства, но и четко разработанную систему управления экономикой после проведения предполагаемых ими реформ.

Они считали необходимым для руководства государственным сектором создать главные национальные управления для каждого экономического звена, переходившего в руки государства. И здесь ими на первое место были поставлены банки и страхование. Аналогичные управления предполагалось создать также для горнорудной и металлургической промышленности, военной промышленности, металлообрабатывающей и машиностроения, тяжелой химической промышленности, энергетики.

Коммунисты, таким образом, точно следовали положению XII главы Кошицкой программы. Но в представленном ими проекте был один пункт, который отражал стремление рабочего класса углубить революционные преобразования в сфере промышленного производства и добиться передачи

государству всех крупных предприятий в тех отраслях промышленности, вопрос о которых не ставился в Кошицкой программе. Именно поэтому коммунистами и было предложено создать в соответствии с потребностями главные национальные управления и «для всех остальных крупных предприятий, имевших ключевое значение и подлежавших передаче государству»¹³⁰.

Определяя такие рамки национализации на данном этапе развития революции, коммунисты понимали, что в случае ее успешной реализации ликвидированы будут лишь позиции крупной финансово-монополистической буржуазии. Позиции средней буржуазии окажутся не затронутыми. А для того, чтобы сохранявшийся частный сектор поставить под контроль народно-демократического государства и заставить его руководствоваться «общегосударственными, народными интересами», коммунисты предлагали преобразовать экономические отраслевые группы Союза промышленности в «национальные союзы», членство в которых должно было стать обязательным как для государственных, так и частных предприятий. «Национальные союзы, – отмечалось в «Проекте экономической политики», – будут принципиально отличаться от прежде существовавших союзов промышленников, экономических групп или картелей тем, что ключевые предприятия будут государственными и что для другой части предприятий (имеются в виду частные предприятия. – Г.М.)... в этих союзах общественные интересы станут преобладающими»¹³¹. Предполагалось, что Центральный союз промышленности будет реорганизован в Национальный центр промышленности. Последний в масштабе всей страны будет координировать деятельность отдельных национальных союзов. Тем самым сохранявшийся частный сектор должен был оказаться под контролем и постоянным давлением государственного сектора. Таким образом, частнокапиталистические предприятия были бы фактически вовлечены в общегосударственную систему экономической организации. Тем самым создавались бы все условия для их последующего обобществления.

Оценивая документ, разработанный народнохозяйственной комиссией ЦК КПЧ и предложенный в качестве общей платформы экономической политики партий, объеди-

нившихся в Национальном блоке, следует сказать, что по своей основной социальной направленности он был сориентирован, в первую очередь, на то, чтобы нанести удар по финансово-монополистическим группировкам иностранной и «своей», отечественной, буржуазии. Предлагаемые в нем для реализации меры должны были ликвидировать позиции финансово-монополистического капитала в экономике страны и создать сильный государственный сектор, в котором будут сконцентрированы ключевые звенья финансовой системы и основные отрасли промышленности.

Вместе с тем анализ текста «Проекта экономической политики» позволяет констатировать, что в нем предусматривалась организация такой системы управления экономикой, которая не только позволяла бы государству контролировать деятельность сохранявшегося частного сектора, но и ставила последний в зависимость от государственного, существенно ограничивая тем самым возможность частного предпринимательства.

Можно с полным основанием сказать, что рассмотренный документ представлял собой программу таких мер, которые, будучи последовательно и в совокупности реализованными, неизбежно привели бы к существенному сокращению сферы деятельности капиталистического сектора в экономике страны и к превращению его в один из укладов многосекторной экономики. Ведущая роль отводилась обобщественному национализированному сектору. Вместе с тем эти меры должны были обеспечить народно-демократическому государству прочный контроль за сохранявшимся средним и мелким частным предпринимательством. Эти качественные изменения в структуре народного хозяйства страны должны были стать важнейшим шагом от капитализма к социализму в процессе углубления и перерастания революции.

Анализ разработанного коммунистами документа показывает, таким образом, что уже летом 1945 г., т. е. еще задолго до распада антигитлеровской коалиции, компартия Чехословакии разработала обширный план реформ, осуществление которых должно было создать все необходимые условия для перехода к социалистическим преобразованиям, и поставила вопрос о его реализации.

Сопоставление этого плана с разобранными выше программными заявлениями буржуазных партий показывает, что сформулированное коммунистами предложение о национализации ключевых звеньев экономики в форме передачи их государству было именно той гранью, которая четко отделяла экономическую программу, предлагаемую политическими представителями рабочего класса, от изложенных ранее программ буржуазных партий. Вопрос о принятии обществом выдвинутых концепций социально-экономических преобразований неизбежно становился объектом острой политической борьбы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Felcman O.* Český proletariát v boji za vítězství socialistické revoluce 1945–1948. Praha, 1984. S. 50–54.
- ² Československé listy, 1945, 15 únor.
- ³ Цит. по: *Vrablic E.* Ľeolúcie a znárodnenie na Slovensku. Bratislava, 1975. S. 37.
- ⁴ Cesta ke květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. Praha, 1965. S. 478.
- ⁵ Všeodborový archiv Ústřední rady odborů (далее – VOA ÚRO) f. SJ – I, kart. I, inv. 5, 1.3/1.
- ⁶ Например, на заводе «Вагонка Татра – Смихов», входившем в концерн Ринггоффера, подготовка выборов в заводской совет сопровождалась сложными маневрами сторонников и членов национально-социалистической партии, которые добивались паритетного представительства всех партий в этом органе, однако это их требование было отклонено. Совет на заводе возглавили коммунисты. См.: *Vagónka Tatra – Smíchov. 150 let.* Praha, 1957. S. 37–38.
- ⁷ *Janáček F.* Stěni o Škodovce. 120 let. Plzeň, 1978. S. 77.
- ⁸ Rudé právo, 1945, 12 květen.
- ⁹ *Růžička K.* ROH v boji za rozšíření moci dělnické třídy (1945–1948). Praha, 1963. S. 27.
- ¹⁰ *Zápotocký A.* Nová odborová politika. Praha, 1949. S. 24.
- ¹¹ Lidová demokracie, 1945, 8 červenec.
- ¹² *Růžička K.* Op. cit. S. 25.
- ¹³ VOA ÚRO, f. SJ – I, kart. I, inv. 5, 1. 3/2.
- ¹⁴ Lidová demokracie, 1945, 8 červenec.
- ¹⁵ Svobodné slovo, 1945, 6 červenec.

- ¹⁶ Archiv předsednictva vlády (далее – APV), Zápis 47 schůze vlády, konané 17 srpna 1945, s. 4; Zápis 41 schůze vlády, konané 27 června 1945, s. 8.
- ¹⁷ Ситуацию, сложившуюся в стране в момент освобождения, весьма четко определял К. Готвальд в своем выступлении 8 апреля 1945 г. на конференции КПС в Кошицах: «Мы одни править не можем, и они одни править также не могут. Они не могут править без нас, а мы без них. Притом они больше без нас, чем мы без них. Остается необходимость сотрудничества с другой политической группой, которая принуждена к сотрудничеству с нами». *Gottwald K.* Spisy. Praha, 1955. Sv. XII. S. 21.
- ¹⁸ Cestou května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945 – kveten 1946. Praha, 1975. S. 41.
- ¹⁹ См.: Cesta ke květnu... S. 493.
- ²⁰ Ibid. S. 633.
- ²¹ Ibidem.
- ²² *Bajger L.* Znárodnění Ostravsko – karvinských dolů // Slezský sborník, 1965, Č. 2. S. 148.
- ²³ Tradice a rozvoj cerpacý techniky v národním podniku Sigma – Olomouc, závod Sigma – Lutín. Lutín, 1958. S. 9.
- ²⁴ *Vrablic E.* Revolúcia a znárodnenie na Slovensku. Bratislava, 1975.
- ²⁵ APV, Zápis 19 schůze vlády, konané 17 května 1945, s. 1–3.
- ²⁶ Cestou května... S. 162–163
- ²⁷ Об этой кампании прямо говорили коммунисты Словакии при обсуждении проекта постановления о национальных управлениях на заседании Словацкого национального совета в июле 1945 г. См.: Statný Ústředny Archív SSR (далее – SÚA SSR), f. ÚP – SNR, krab. Č. 1, sig. 1945, inv. Č. 2. Zápisnice zo zasadnutia Slovenskej Narodnoj Rady 5 júla 1945, S. 10–11.
- ²⁸ Cestou května... S. 165.
- ²⁹ *Růžička K.* Op. cit. S. 32.
- ³⁰ *Vagónka Tatra – Smíchov. 150 let.* Praha, 1957. S. 38–39.
- ³¹ Так было, например, в мае 1945 г. на ряде шахт Карвинского бассейна. См.: *Bajger L.* Op. cit. S. 148.
- ³² Cestou května... S. 69.
- ³³ Как впоследствии оказалось, именно положение декрета об аннулировании всех имущественных сделок после 28 сентября 1938 г. было использовано представителями французского капитала, чтобы по-

пытаться вернуть себе позиции, которыми он располагал в экономике Чехословакии до войны.

³⁴ Cestou května... S. 40.

³⁵ Ibid. S 168.

³⁶ При разработке экономических мероприятий переходного периода в программе Социалистического блока, предложенной в феврале 1944 г. лондонской группой коммунистов, предлагалось на время введения национального управления выплачивать собственникам определенную компенсацию в форме ренты или в каком-либо другом виде (См.: Cesta ke květnu... S. 88). В других более поздних документах, так же как и в декрете, данный вопрос не рассматривался.

³⁷ Vrablic E. Op. cit.; Hlušičková R. *Boj o průmyslové konfiskaty*. Praha, 1983.

³⁸ Archív Statní plánovače komise (далее – ASPK). Generální Sekretariát Hospodářské Rady. Situační zpráva o čs. Průmyslu ke 30 září 1945, 1. 1–17–2.

³⁹ Gottwald K. *Spisy*. Sv. XII. S. 62.

⁴⁰ Подсчитано по данным: Archív Federálního Národního Shromáždění (далее – AFNS), f. PNS, Zápis o schůzích výboru průmyslu 21 listopadu 1945, s. 13; ASPK, GSHR. Zpravo-dajství. Zprávy o hospodářské situace. По данным, опубликованным в журнале «Ческословенски прумисла», в Чешских землях насчитывалось в 1945 г. 17 918 промышленных предприятий (См.: Československý průmysl, 1946. Č 5. S. 164). По данным, приводимым на I съезде профсоюзов, в промышленности Чехии и Моравии было создано 8700 национальных управлений, которые охватили 45% всех промышленных предприятий и 75% всех занятых на производстве. (Zpráva o činnosti revolučního odborového hnutí k I v seodborovému sjezdu. Praha, 1946. S. 135).

⁴¹ Здесь была сосредоточена большая часть металлургической промышленности, 62,7% угледобывающей, 63,6 бумажной, 60 стекольной, 57,8 – текстильной, 45,5 – керамической, 38 – деревообрабатывающей, 37,4 – химической, 31,8 конфекционной промышленности. См.: ASPK. GSNR, Zpravo-dajství. Zprávy o hospodářské situace. Zpráva pro p. Předsedu vlády, září 1947, 1. 2.

⁴² Изложение этой дискуссии см.: Vrablic E. Op. cit. S. 59–66.

⁴³ SÚA SSR, f. ÚP — SNR, krab. Č. L, sig. 1945, inv. 2, Zapisnica zo zasadnutia SNR 5 juna 1945. S. 9.

⁴⁴ Ibid. S. 14–22.

- ⁴⁵ Ibid. S. 20.
- ⁴⁶ *Barnovský M.* Sociálně triedy a revolučné preměny na Slovensku v rokoch 1944–1948. Bratislava, 1978. S. 147.
- ⁴⁷ SÚA SSR, f. ÚP – SNR, král. Č. L, sig. 1945, inv. 2, Zapisnica zo zasadnutia SNR 5 juna 1945, S. 39.
- ⁴⁸ Цит. по: *Barnovský M.* Op. cit. S. 146.
- ⁴⁹ *The Czechoslovak economy 1945–1948.* Praha, 1968. P. 207–208.
- ⁵⁰ Archiv Ústavu marxismu – leninismu DV KSS (далее – A ÚML ÚV KSS), f. 21, sign. L, 1. 6.
- ⁵¹ Zpráva o činnosti revolučního odborového hnutí k I všeodborovému sjezdu. Praha, 1946. S. 241.
- ⁵² *The Czechoslovak economy 1945–1948....* P. 204.
- ⁵³ *Barnovský M.* Op. cit. S. 146.
- ⁵⁴ Cestou května... S. 40.
- ⁵⁵ *Gottwald K.* Spisy. Sv. XII. S. 7.
- ⁵⁶ Подробнее см.: *Růžička K.* Op. cit. S. 28.
- ⁵⁷ Rudé právo, 1945, 19, 25, 26 květen.
- ⁵⁸ Rudé právo, 1945, 17 květen.
- ⁵⁹ Газета национальных социалистов в публикуемых в этот период статьях стремилась доказать оправданность и неизбежность коллаборационизма в условиях оккупации. Эта идея должна была показать необоснованность мер, принимаемых рабочим классом по очищению коллективов от фашистских элементов и предателей. См.: *Svobodné slovo*, 1945, 14 říjen.
- ⁶⁰ *Lidová demokracie*, 1945, 27 červen; 1945, 9 listopad.
- ⁶¹ В документе от октября 1945 г., подготовленном правительству министерством промышленности и подписанном Б. Лаушманом, содержалась отрицательная оценка указанной акции. ASPK, f. GSNR, Situační zpráva o čs. Průmyslu k 30 září 1945, s. 1–17–2.
- ⁶² *Foustka R.* Národní očista v letech 1945–1945 // *Otázky národní a demokratické revoluce v CSR.* Praha, 1955. S. 233.
- ⁶³ В соответствии с договоренностью всех политических партий, входивших в Национальный фронт, декреты президента, принятые в Лондоне, в освобожденной стране не имели силы. Требовалось их новое подписание.
- ⁶⁴ APV, Zápis 21 schůze vlády konané 23 května 1945.
- ⁶⁵ В частности, в постановлении СПС имелось специальное положение, что смертная казнь за предательство распространяется на тех, «кто поддерживал военные, политические и экономические

интересы фашистской Германии или хортистской Венгрии, кто наносил ущерб военным усилиям СССР и союзников или ущерб славянским народам и внутренним антифашистским группам, ведущим борьбу за свободу». Здесь имелся также пункт о наказании за коллаборационизм лиц, которые, «используя политическое влияние, обогатились за счет других граждан или путем сотрудничества с немецкими и венгерскими оккупантами и предателями, использовали военную конъюнктуру для обогащения». Zbirka nařízení SNR, č. 33/1945.

- ⁶⁶ Анализ этого декрета см.: *Foustka R.* Op. cit. S. 227–229.
- ⁶⁷ См. текст декрета: *Cestou května...* S. 214–215.
- ⁶⁸ Практика впоследствии показала, что народные суды далеко не всегда оказывались способными выполнять возлагаемые на них функции. А. Запотоцкий, выступая в Национальном собрании, указывал, что основная причина недостатков в проведении «национальных чисток» кроется в деятельности юстиционной бюрократии, за что прямую ответственность несет министерство юстиции. См.: *Rudé právo*, 1946, 3 březen.
- ⁶⁹ *Rudé právo*, 1946, 15 leden.
- ⁷⁰ *Svobodné slovo* 1946, 16 červen.
- ⁷¹ *Svobodné slovo*, 1946, 12 březen.
- ⁷² *Svobodné slovo*, 1946, 13 březen.
- ⁷³ *Drtina P.* Československo – můj osud. T. II. Kn. 1. Toronto, 1982. S. 84–85.
- ⁷⁴ *Barnovský M.* Sociálně triedy a revolučně přeměny... S. 145.
- ⁷⁵ SÚA SSR, f. ÚP – SNR, krab. Č. L, sig. 1945, inv. 2. Zapisnica zo zasadnutia SNR 5 jula 1945, s. 13.
- ⁷⁶ Это весьма существенное для расстановки политических сил Словакии обстоятельство отметил в своей работе М. Барновский, подчеркнув, что как только «представители антифашистской буржуазии начали борьбу за сохранение собственности и финансовых средств, приобретенных в годы Второй мировой войны, они стали представлять уже интересы буржуазии как класса в целом, в том числе и той его части, которая не участвовала в движении Сопrotивления». См.: *Barnovský M.* Op. cit. S. 145.
- ⁷⁷ SÚA SSR, f. ÚP – SNR inv. 4. Slovenska Narodna Rada, 1946. Stenograficky zapiš o průběhu 18 zasadnutia plena SNR zo dna 14 mája 1946, s. 29–30.

- ⁷⁸ Archiv Ústavu marxizmu – leninismu ÚV KSČ (далее – AÚML ÚV KSČ), f. 23, č. 26, 1. 16.
- ⁷⁹ Svobodné slovo, 1945, 12 červenec.
- ⁸⁰ Svobodné slovo 1945, 7 říjen.
- ⁸¹ SÚA SSR, f. ÚP — SNR krab. Č. L, sig. 1945, inv. Č 2, Zápisnice zo zasadnutia SNR, 5 juna 1945, s. 25.
- ⁸² Ibidem.
- ⁸³ AÚML ÚV KSS, f. 21, sig. L, 1. 3.
- ⁸⁴ *Vrabec V.* Op. cit. S. 142.
- ⁸⁵ Pravda (denník Komunistickej strany v Západných Čechách), 1945, 25 květen.
- ⁸⁶ Подробнее об этом см.: *Bajger L.* Op. cit. S. 153.
- ⁸⁷ Ibid. S. 154.
- ⁸⁸ Pravda. 1945, 25 květen.
- ⁸⁹ Вопросы послевоенной политической структуры чехословацкого общества подробно исследованы Я.Б. Шмералем. См.: *Шмераль Я.Б.* Расстановка политических сил после освобождения страны и стратегическая линия КПЧ // Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 268–306.
- ⁹⁰ Lidová demokracie, 1945, 12 červenec.
- ⁹¹ «Нельзя сохранить право собственности, – говорилось в программном документе народной партии, – в старом либералистическом понимании прежних времен. Во многих случаях необходимо ограничить обязанности собственника в пользу государства». См.: Lidová demokracie, 1945, 10 červen.
- ⁹² Ibidem.
- ⁹³ Lidová demokracie, 1945, 12 červenec
- ⁹⁴ См., например, Lidová demokracie, 1945, 24 červenec.
- ⁹⁵ См.: Lidová demokracie, 1945, 12 červenec.
- ⁹⁶ Lidová demokracie, 1945, 18 květen.
- ⁹⁷ Lidová demokracie, 1945, 24 květen.
- ⁹⁸ Programové prohlášení Československé strany národně socialistické // Studijní materiály k dějinám ČSR a KSČ (1945–1948). Praha, 1967. Č. II. S. 67.
- ⁹⁹ Programové prohlášení Československé strany národně-socialistické... S. 69.

- ¹⁰⁰ Аналогичное положение в Кошицкой программе относилось к национальному управлению имуществом, конфискованным у немцев и коллаборационистов (см.: *Cestou května...* S. 41).
- ¹⁰¹ Programové prohlášení Československé strany národně socialistické... S. 69–70.
- ¹⁰² *Svobodné slovo*, 1945, 18 květen.
- ¹⁰³ *Svobodné slovo*, 1945, 20 červen.
- ¹⁰⁴ *Ibidem*.
- ¹⁰⁵ *Čas*, 1945, 31 máj.
- ¹⁰⁶ *Čas*, 1945, 24 september.
- ¹⁰⁷ Сравни: *Studijní materiály k dějinám ČSR a KSCČ...* S. 49–50; *Cesta ke květnu...* S. 360–361.
- ¹⁰⁸ *Gottwald K. Spisy. Sv. XII. S. 41.*
- ¹⁰⁹ 17 июня 1945 г. в газетах коммунистической, социал-демократической и национально-социалистической партий было опубликовано соглашение о совместных действиях этих трех партий в рамках Национального блока трудящихся города и деревни, заключенное 8 июня 1945 г. Главной целью блока было «последовательное проведение правительственной программы». *Rudé právo*, 1945, 17 červen.
- ¹¹⁰ *The Czechoslovak economy 1945–1948...* P. 95.
- ¹¹¹ К сожалению, пока исследователи располагают лишь фрагментами первого проекта экономической программы, приводимыми в работе О. Мразека, который был непосредственным участником проведения национализации и располагает собственным архивом.
- ¹¹² *The Czechoslovak economy 1945–1948...* P. 95.
- ¹¹³ Член народнохозяйственной комиссии ЦК КПЧ С. Рада предложила на заседании 2 июля 1945 г. передать государству всю военную промышленность. Такое предложение было признано целесообразным. См.: *Vrabec V. Op. cit. S. 147.*
- ¹¹⁴ *AÚML ÚV KSS*, l 21, sig. L, 1. 2–3.
- ¹¹⁵ *Růžička K. Op. cit. S. 49–50.*
- ¹¹⁶ К сожалению, в литературе есть лишь косвенные упоминания об этом. См.: *Růžička K. ROH v boji...* S. 49–50.
- ¹¹⁷ *Ibid. S. 50.*
- ¹¹⁸ *Ibid. S. 49.*
- ¹¹⁹ См.: *Velký sociální program. – Svobodny směr*, 1945, 7. červe-nec.
- ¹²⁰ *Ibid. S. 49.*
- ¹²¹ Цит. по: *Růžička K. ROH v boji...* S. 49–50.
- ¹²² *Růžička K. ROH v boji...* S. 50.

¹²³ Ibid. S. 51.

¹²⁴ *Vrabec V. ROH a znárodnění...* S. 144.

¹²⁵ Ibidem.

¹²⁶ AÚML ÚV KSČ, f. 23, č. J. 26, 1. 15.

¹²⁷ Отмечая этот весьма существенный момент проекта экономической политики Национального блока, разработанного коммунистами, приходится, однако, иметь в виду, что в Словакии, где значительная часть мелкобуржуазных слоев была связана с клерикально-фашистским режимом, предложения коммунистов о передаче в частную собственность мелких предприятий, взятых под национальное управление, не смогли бы, по-видимому, дать такого же политического эффекта, как в Чешских землях.

¹²⁸ AÚML ÚV KSČ, f. 23, č. J. 26, 1. 14.

¹²⁹ Ibid. 1. 14, 15.

¹³⁰ Ibid. 1. 16.

¹³¹ Ibid. 1. 17.

1986

* * *

Борьба революционных сил за подготовку и принятие декретов о национализации *

1. Разработка основы декретов – первое поражение политических представителей буржуазии

9 июля 1945 г. «Проект экономической политики Национального блока трудящихся города и деревни», разработанный коммунистами, был предложен на обсуждение народнохозяйственных комиссий партий, входивших в Блок. На этом обсуждении коммунистов представлял Л. Фрейка, социал-демократов – В. Эрбан, национальных социалистов – Новак, профсоюзы – О. Мразек ¹. 11 июля 1945 г. на заседании народнохозяйственной комиссии ЦК КПЧ было доложено, что «проведено обсуждение совместной экономической программы, которая была принята с небольшими изменениями в формулировках» ². Однако О. Мразек свидетельство-

---

* *Мурашко Г.П.* Политическая борьба в Чехословакии в 1944–1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986. С. 123–167, 311–314.

вал впоследствии, что, несмотря на принятие народнохозяйственными комиссиями партий, входящих в Национальный блок, проекта, предложенного коммунистами, он не был одобрен высшими органами партий Блока³. Причина этого заключалась, по-видимому, не столько в чрезмерной загруженности руководства партий Блока решением других задач, как впоследствии объяснял сложившуюся ситуацию О. Мразек, сколько в невозможности получить одобрение и официальное принятие предложенного программного документа со стороны руководства партии национальных социалистов.

Если социал-демократическая партия и ее руководители не имели в рассматриваемый период каких-либо принципиальных разногласий с коммунистами по вопросам о судьбах промышленности и банков, а министр промышленности социал-демократ Б. Лаушман уже 11 июля 1945 г. заявил, что возглавляемое им министерство «начало подготовку акции по передаче государству ключевых и тяжелых отраслей промышленности, шахт, энергетических и природных источников, тяжелой химической промышленности, финансов, страхования и банков»⁴, то иная ситуация складывалась в отношениях с национальными социалистами. Как свидетельствовал на заседании народнохозяйственной комиссии ЦК КПЧ ее глава – Л. Фрейка, национальные социалисты добивались сохранения частных банков. При этом он отмечал, что их представители, в частности Я. Странский, открыто не выступали против передачи банков государству. Но они ставили вопрос о том, что нужно сначала передать государству соответствующие отрасли промышленности, а уже потом рассматривать вопрос о банках⁵. Косвенным свидетельством имевшихся внутри Национального блока серьезных разногласий можно, по-видимому, считать и заявление Лаушмана от 18 июля 1945 г., где он, полемизируя с представителями национально-социалистической партии, говорил: «Было бы иллюзорно национализировать тяжелые и ключевые отрасли промышленности и дальнейшие звенья производства, а банки оставлять в частных руках, предоставляя тем самым свободу финансовому капиталу и финансовой олигархии»⁶. Можно предположить, что именно выявившиеся разногласия и привели к тому, что коммунисты сочли более целесообразным в

сложившейся ситуации не настаивать на принятии официальной экономической программы Национального блока с тем, чтобы не вызвать раскола внутри его, а, положив разработанный ими документ в основу своей практической деятельности, добиваться реализации его положений явочным порядком, опираясь, прежде всего, на поддержку трудящихся масс.

Уже 9 июля 1945 г., т. е. в день, когда представители народнохозяйственных комиссий партий Блока обсуждали предложенный коммунистами документ, К. Готвальд, выступая с лекцией перед активом коммунистов Пражского края и характеризуя основные направления политики партии, подчеркнул, что в области экономики необходимо подготовить и провести «дальнейшие мероприятия по национализации, мероприятия, которые пойдут дальше, чем ныне существующая система национальных управлений»⁷. Через несколько дней – 15 июля 1945 г. – на митинге трудящихся в Крчи он дал более развернутую формулировку, определив публично экономический курс партии следующим образом: «На пути национализации и демократизации нашей экономики мы не остановимся, а пойдем дальше вперед. Назрел вопрос передачи государству банков, страхования, источников энергии, горнорудной промышленности, а также и другой тяжелой и крупной промышленности вообще»⁸.

Ставя этот вопрос на повестку дня как центральный и первоочередной, К. Готвальд и другие руководители коммунистической партии исходили из того, что овладение рабочим классом и его союзниками ведущими позициями в сфере промышленного производства и финансов и оттеснение буржуазии с этих рубежей будут иметь важнейшее, принципиальное значение для дальнейшего углубления и развития революционного процесса.

Вопрос о сроках законодательно-юридического оформления передачи государству указанных звеньев экономики занимал в расчетах коммунистов весьма существенное место. Оптимальным вариантом с точки зрения перспектив развития революционного процесса в стране они считали проведение разработки, обсуждения в правительстве и подписания декретов о национализации президентом республики до со-

зыва Временного Национального собрания. Такое решение вопроса позволило бы существенно ограничить возможности маневров противников национализации. Оно лишило бы политических представителей буржуазии, имевших доступ к власти, возможности использовать Временное Национальное собрание в качестве «антиреволюционного барьера», чтобы утопить в ходе дебатов и обсуждений предлагаемые революционными силами проекты преобразований в сфере промышленного производства.

На то, что такие планы вынашивались в среде буржуазных политиков, прямо указывал А. Запотоцкий в связи с развернувшейся в декабре 1945 г. на страницах буржуазной прессы дискуссии по вопросам компетенции Временного Национального собрания. Он говорил: «Кое-кто приходит к выводу, что важнейшая задача парламента, дескать, должна заключаться в том, чтобы снова обсуждать декреты, изданные к настоящему времени правительством. Высказывается открытое сожаление, что правительство перед самым открытием Временного Национального собрания издавало декреты, и плохо скрываемое сожаление, что эти декреты вообще были приняты. Хотят доказать людям, что было бы лучше, демократичнее, отложить издание декретов, особенно декретов о народных судах, о национальной чести, о национализации и передаче государству ряда отраслей промышленности до созыва Временного, а лучше до избрания Национального собрания. Короче, здесь совершенно очевидны попытки копировать период рождения первой республики. Успокоить людей революционной программой и ничего из революционных обещаний не выполнить...»⁹.

Возможность попыток реализации таких намерений коммунисты не исключали. «Если это (юридически-законодательное оформление национализации. – Г.М.) будет осуществляться после созыва Собрания, то существует опасность, что все утонет в различных комиссиях», – отмечалось на заседании народнохозяйственной комиссии ЦК КПЧ в августе 1945 г.¹⁰. Учитывая все последствия такого варианта, руководство КПЧ считало необходимым добиться от своих партнеров по Блоку и Национальному фронту согласия не только на разработку проектов декретов о национализации, но и об-

суждения их в правительстве и подписания президентом до созыва Временного Национального собрания. Это, безусловно, выходило уже за рамки Кошицкой программы, где, как известно, было записано, что вопросы о судьбах крупной собственности должны решаться законодательным органом¹¹. Некоторые исследователи появление данного принципиально важного момента в политической линии КПЧ связывают непосредственно с позицией президента Э. Бенеша и его предложением подписать определенные декреты о национализации до созыва Временного Национального собрания¹². При этом позиция коммунистов трактуется как нечто производное от позиции Э. Бенеша, отношение которого к «идее национализации с самого начала было положительным»¹³. В качестве основного аргумента в пользу такой точки зрения приводится фрагмент из протокола заседания президиума ЦК КПЧ от 3 июля 1945 г., где К. Готвальд сообщил о намерении и согласии президента подписать ряд декретов о национализации до созыва Временного Национального собрания. В нем говорится: «...согласны с тем, чтобы перед созывом Временного Национального собрания поставить на обсуждение в правительстве декреты о национализации ряда важных отраслей так, как это предлагает президент, но ни в коем случае не ценой компромиссов по принципиальным вопросам»¹⁴. Думается, что выводы, делаемые из указанного фрагмента, связаны в значительной мере с упрощенным подходом авторов к анализу и оценке взглядов Э. Бенеша на вопросы послевоенных экономических преобразований¹⁵ и преднамеренным абстрагированием от той конкретно-исторической обстановки, которая сложилась в стране в летние месяцы 1945 г.

Если же проанализировать предложения Э. Бенеша с учетом происходивших в этот период политических и социальных сдвигов в обществе, а также соотнести эти предложения с его предшествующими взглядами, то нельзя не увидеть вынужденности предпринятого Бенешем шага. Делая его, он рассчитывал, по-видимому, в обмен на свое согласие подписать декреты, навязать коммунистам и их союзникам собственные условия национализации, отвечавшие интересам представляемых им политических группировок буржуазии. Об этом ясно говорит реакция руководства КПЧ («со-

гласны... но не ценой компромиссов по принципиальным вопросам»). Эта же реакция свидетельствует, что Бенешу не удалось реализовать свои намерения. Еще более наглядно это подтверждает оценка предложений Э. Бенеша, данная К. Готвальдом на конференции руководителей краевых организаций КПЧ в Чешских землях, состоявшейся 16 августа 1945 г., где он сказал: «Президент заявляет, что он спиритуалист, а мы материалисты, но он с этими коммунистами этот социализм делать хочет и будет, и сам предложил, что еще перед созывом Временного Национального собрания подпишет несколько таких, как он говорит, фундаментальных декретов о передаче государству финансов, тяжелой промышленности, курортов. Посмотрим, как дело пойдет в правительстве. Обещающим началом является то, что после долгих проволочек оно (правительство. – Г.М.), наконец, согласилось с предложением Копецкого о передаче государству кинематографии. Но из этого нельзя еще делать больших заключений, поскольку речь идет о вещах весьма серьезных. Кино вещь важная, но шахты, металлургические заводы, Живностенский банк намного важнее, так что здесь без трудностей не обойдется. По всей вероятности, их (буржуазных политиков. – Г.М.) маневр будет заключаться в том, чтобы отложить все до созыва Временного Национального собрания. Они рассчитывают, что потом будут так долго говорить, что от предложений ничего не останется»¹⁶.

В свете оценки, данной К. Готвальдом, вряд ли правомерно делать вывод о том, что указанные предложения Бенеша определили рассмотренный выше весьма важный поворот в политике КПЧ и стали исходной точкой ее курса на скорейшую разработку и реализацию декретов о национализации. Думается, что указанные изменения в подходе КПЧ к решению проблемы вытеснения буржуазии с ведущих позиций в экономике страны были обусловлены рядом факторов внутривластного развития. С одной стороны – курсом буржуазных партнеров КПЧ по Национальному фронту, стремившихся использовать полученные рычаги власти в новом государстве, чтобы не допустить реализации IX главы Кошицкой программы и вывести из-под удара революционных сил значительные круги чешской и словацкой буржуазии,

коллаборировавшей с фашизмом, а с другой стороны – растущим и набирающим силу движением рабочего класса, добивавшегося передачи государству ведущих отраслей промышленности, движением, находившим поддержку среди широких непролетарских масс трудящихся.

Поставив в этой ситуации на повестку дня как важнейшую практическую задачу передачу государству банков, страхования, источников энергии, шахт, тяжелых отраслей промышленности и крупных предприятий вообще, коммунисты понимали, что реализация указанных мер, выходящих, по своей сути, за рамки Кошицкой программы, может вызвать серьезное сопротивление буржуазных политиков. ЦК КПЧ не исключал даже возможность возникновения кризиса в правительстве ¹⁷. «Если дойдет до этого, мы должны будем апеллировать к народу, – отмечал К. Готвальд. – Мы должны мобилизовать весь народ, все партии, лидеров, социал-демократов, национальных социалистов – только так можем победить» ¹⁸.

Добиться активной поддержки мероприятий, предлагаемых партией рабочего класса, со стороны массовых, но в социальном отношении крайне неоднородных союзников, политически объединенных в других партиях Национального фронта, – означало поставить политических лидеров этих партий под прямое давление со стороны своей членской массы. И здесь, как понимало руководство КПЧ, было чрезвычайно важно таким образом сбалансировать политику революционного авангарда, чтобы не дать лидерам буржуазных партий возможности изолировать рабочий класс в обществе. «... Вся экономическая политика должна проводиться в рамках Национального фронта и Блока. Мы должны убеждать национальных социалистов и социал-демократов в необходимости проведения такой политики...», – подчеркивалось на заседании народнохозяйственной комиссии ЦК КПЧ ¹⁹. Отношение к народной партии определялось следующим образом: «Им придется диктовать, но при этом не следует забывать, что мы хотим оказывать влияние на мелкую буржуазию, и это должно делаться всем Блоком, а не нами...» ²⁰.

Как видно из изложенного материала, новый тактический вариант решения задачи, имеющей принципиально важное значение с точки зрения перспектив углубления ре-

волюционного процесса, задачи вытеснения крупной финансово-монополистической буржуазии из сферы производства, предложенный коммунистами в июле 1945 г., не изменял их основной политической линии и должен был реализовываться на базе политики Национального фронта и в его рамках.

Программные заявления партий Национального фронта, сделанные в мае–июне 1945 г., в которых конкретизировалось понимание каждой из политических сил экономических аспектов Кошицкой программы, свидетельствовали о наличии весьма существенных разногласий в их трактовке. Разработка основ будущих юридических законодательных актов, которые должны были определять отношения в сфере промышленности и финансов, неизбежно становились предметом острой политической борьбы сил, делящих власть в государстве.

Первые столкновения начались уже при обсуждении в Национальном фронте общих принципов национализации. Социалистические партии, объединенные в Национальном блоке трудящихся города и деревни, еще столь недавно заявлявшие о совместных действиях по реализации Кошицкой программы, не смогли выступить единым фронтом. Национальные социалисты, усиленно декларировавшие «социалистический» характер своей партии, по сути дела, оказались на позициях, классово более близких к представителям словацких демократов и народной партии, чем к представителям коммунистов и социал-демократов.

Характеризуя ситуацию, сложившуюся в Национальном фронте чехов и словаков, О. Бергер, один из деятелей социал-демократической партии, писал: «В Национальном фронте были высказаны возражения, что одновременная национализация промышленности и банков практически невозможна... Эти возражения против национализации банков вызвали замедление темпов подготовительных работ. Среди тех, кто выступал против, были не только представители словацкой демократической партии, которые, защищая свои банки, утверждали, что банки в Словакии слишком мелкие и не могут подлежать национализации, что должны быть национализированы только чешские банки. Некоторые известные представители так называемого левого лагеря Национального

фронта вначале также защищали ту точку зрения, что при проведении национализации следует идти поэтапно, чтобы не вызвать слишком сильного сопротивления, которое может помешать национализации промышленности»²¹,

Если вспомнить позицию национальных социалистов при обсуждении «Проекта экономической политики» и предложения, сформулированные Я. Странским относительно национализации банков, то станет совершенно очевидно, что под представителями «так называемого левого лагеря Национального фронта» О. Бергер имел в виду именно национальных социалистов. Позиция народной партии характеризовалась тем, что эта партия вообще возражала против передачи государству «ключевых отраслей промышленности, шахт, банков и крупных предприятий»²².

«Руде право», анализируя в начале августа 1945 г. ситуацию в Национальном фронте и отмечая, что здесь достигнуто соглашение о передаче государству «ключевых экономических позиций», настойчиво подчеркивала при этом: «Если государству будут переданы ключевые отрасли промышленности, то ему должны быть переданы и акционерные банки... Центр тяжести всей проблемы и предпосылок единого управления нашей экономикой в интересах народа действительно концентрируется в вопросе передачи банков государству»²³.

Вопрос о банках стал первой пробой соотношения сил в развертывающейся политической борьбе за характер и масштабы социально-экономических преобразований в стране. Можно указать ряд конкретных причин, почему в центре борьбы оказался именно этот вопрос. Перед лицом массового движения рабочего класса буржуазные политики понимали нереальность каких-либо планов возвращения в частную собственность ведущих, ключевых отраслей промышленности. В борьбе же за банки в политическом плане буржуазия могла надеяться на определенный успех, так как имела основание рассчитывать на содействие части банковских служащих. Кроме того, буржуазные политики могли обеспечить себе поддержку значительной части мелкобуржуазных слоев, имевших в банках свои вклады.

Острота борьбы вокруг вопроса о банках объяснялась его принципиальной важностью для общих судеб социально-

экономических преобразований в стране. Сохранение банков в руках частного капитала обеспечивало буржуазии в конечном итоге контроль и над деятельностью национализированного сектора, и над экономикой страны в целом. Тем самым создавалась важнейшая экономическая предпосылка для реставрации капиталистических порядков.

Коммунисты и социал-демократы, между которыми хотя и существовало несовпадение взглядов по ряду частных вопросов, связанных, прежде всего, с формой обобществления ведущих звеньев экономики, по основным принципиальным пунктам, касающимся масштабов предполагаемой акции, выступали совместно. Исходной позицией социал-демократической партии, которую она отстаивала в Национальном фронте, было то, что государство должно взять в свои руки всю промышленность, имевшую общегосударственное значение (горнорудную, металлургическую, военную, тяжелую химическую промышленность, энергетические и сырьевые источники). Необходимость этого аргументировалась не только теми глубокими симпатиями широких слоев общества к идее национализации, но, прежде всего, политической необходимостью: «Если мы оставим тяжелые отрасли промышленности в руках частного капитала, то мы неизбежно придем к тому, что из него вырастет сначала экономическая и социальная реакция, а позднее и политическая реакция, и мы опять можем оказаться в государстве, в котором мы уже были после первых прогрессивных попыток 1918 г. в первой республике ...Передача банков является основным ключом, необходимой предпосылкой нашей экономической жизни и средством к окончательному освобождению нашей политической жизни»²⁴. Существенным в позиции социал-демократов в рассматриваемый период было то, что передачу государству банков эта партия рассматривала как неотъемлемое, обязательное условие успешного осуществления национализации. Сохранение банков в частных руках представители социал-демократов квалифицировали как самую большую опасность, которая может перечеркнуть все дело национализации.

Весьма важную роль для исхода переговоров в Национальном фронте сыграло Революционное профсоюзное движение. Хотя положение этой массовой организации в систе-

ме Национального фронта не было четко зафиксировано, представители профсоюзов, особенно в Чешских землях, участвовали явочным порядком в заседаниях центральных органов Национального фронта, активно поддерживая здесь позиции рабочих партий. В условиях революционного подъема и народная партия, и национальные социалисты, и демократическая партия не могли воспрепятствовать этому участию. Поддержка представителями профсоюзов предложений и требований коммунистов имела принципиальное значение. Она означала превращение выдвигаемых авангардом рабочего класса требований в требования всего рабочего класса, так как Революционное профсоюзное движение объединяло в своих рядах не только всех сторонников существующих политических партий, но и широкую беспартийную массу рабочих. И это обстоятельство не могло не оказывать влияния на ход переговоров во Фронте.

Профсоюзы стали также опорой и непосредственными организаторами на местах той массовой кампании, которая развернулась со второй половины июля во всех районах страны в поддержку программы экономических преобразований²⁵, предложенной коммунистами и одобренной социал-демократами в рамках Национального блока.

В августе-сентябре 1945 г. поток резолюций с требованиями немедленно провести национализацию ведущих отраслей промышленности и банков обрушился на президиум правительства, канцелярию президента республики, центральные органы партий Национального фронта, Центральный совет профсоюзов. Страницы рабочих газет, в первую очередь органа Революционного профсоюзного движения – «Праце», центрального органа КПЧ – «Руде право», органа КПС – «Правда», газеты социал-демократической партии – «Право лиду», были заполнены этими резолюциями. Как показывает анализ содержания резолюций, принятых на заводах, в рабочих коллективах или на собраниях заводских советов в августе 1945 г., в них поддерживались предложения коммунистов и социал-демократов, чтобы наряду с национализацией ведущих отраслей промышленности была осуществлена передача государству всех банков. Например, члены заводских советов 13 крупнейших пражских машиностроитель-

ных заводов на общем заседании 8 августа 1945 г. предложили Центральному совету профсоюзов поставить перед соответствующими государственными органами вопрос о необходимости «наряду с передачей государству тяжелых отраслей промышленности немедленно приступить к передаче государству всех банков»²⁶. Аналогичные резолюции приблизительно в эти же дни были приняты заводскими советами таких крупнейших промышленных предприятий, как «Збройевка», ЧКД и др.

В них содержались предложения изъять банки, тяжелые и ключевые отрасли промышленности из рук капиталистов без всякой компенсации: «Национализация должна быть проведена без всякой компенсации всем собственникам, независимо от их происхождения и национальности», – писали правительству шахтеры из Дубравы²⁷. При этом характерно, что наряду с подписями членов коммунистической и социал-демократической партий под такими резолюциями стояли и подписи членов национально-социалистической партии.

Весьма показательным для складывавшейся в стране обстановки и масштабов движения трудящихся масс за национализацию промышленности и банков было то, что «петиционная акция», организованная снизу в поддержку программы действий коммунистов, нашла широкий отклик не только среди рабочего класса, но и других трудовых слоев общества. С начала августа 1945 г. по всем крупнейшим банкам прошла волна собраний служащих, где выступали представители Центрального совета профсоюзов. На этих собраниях принимались резолюции в поддержку требования передачи банков государству. 6 августа с таким требованием выступило общее собрание служащих Пражского кредитного банка; 10 августа аналогичные требования были одобрены служащими Центрального кооперативного банка; 21 августа – служащими банка «Унион». 23 августа орган Революционного профсоюзного движения «Зправы» сообщил, что «представители заводских советов всех банков, где в эти дни проходили совещания, единогласно высказались за немедленную передачу акционерных банков государству»²⁸. 17–18 августа в Праге состоялся съезд национальных управляющих, кото-

рый также высказался за ускорение выработки декретов о передаче государству акционерных банков, ключевой и тяжелой промышленности ²⁹.

Активно разворачивалась кампания в поддержку требований национализации в Словакии. Уже 20 июля 1945 г. состоялось по инициативе профсоюзного центра собрание представителей заводских комитетов и профсоюзных функционеров Братиславы, на котором выступали А. Запотоцкий, Ф. Зупка, возглавлявший профсоюзное движение в Словакии, а также министр промышленности Б. Лаушман. В резолюции, принятой на этом собрании, говорилось: «В условиях, когда идет подготовка передачи банков государству, в Словакии положение таково, что банки еще находятся в руках бывших владельцев и на них не распространяется даже распоряжение о национальном управлении. Мы требуем безотлагательного издания распоряжения о введении временного национального управления в финансовых институтах Словакии. Одновременно мы приветствуем инициативу и усилия профсоюзных организаций в Чешских землях, добивающихся, чтобы как можно скорее была проведена передача государству ключевых отраслей промышленности, банков, финансовых институтов, и заявляем, что словацкие рабочие будут поддерживать эти усилия...» ³⁰. Данная резолюция нашла столь широкий отклик в среде рабочего класса ³¹, а также у подавляющей части служащих банков ³², что представители демократической партии вынуждены были дать согласие на введение национальных управлений в банках, столь активно саботируемое ими с весны 1945 г. ³³.

Теперь, выступая под флагом защиты мелкого предпринимательства и доказывая, что в Словакии не существует крупной буржуазии, а банки являются лишь институтами мелких вкладчиков, они рассчитывали поставить в качестве основного щита против революционного рабочего класса многочисленные мелкобуржуазные слои. Чтобы вызвать их недовольство готовящейся акцией по национализации промышленности и банков, лидеры демократов, в частности Урсини, возглавлявший правление крестьянских касс взаимопомощи, не гнушались открытой фальсификацией, утверждая, что речь идет не о передаче государству акционерных банков, а

якобы о передаче государству собственности кооперативов. В Словакии стали распространяться инструкции, призывающие членов кредитных кооперативов, крестьянских касс взаимопомощи выступать против их передачи государству ³⁴.

Именно эти аспекты политической линии представителей демократической партии были разоблачены на Жилинской конференции КПС, состоявшейся 11–12 августа 1945 г. «Введение национального управления является при всей важности этой акции временной мерой, – отмечалось на конференции. – Возникает вопрос – какова будет дальнейшая судьба этих предприятий. Ясно, что их передача государству является категорическим требованием с точки зрения наших национальных интересов. Передача государству финансовых институтов, страхования, а также всей промышленности ключевого значения необходима с точки зрения укрепления нашей народной власти. Нельзя говорить о народовластии, если ключевые позиции в экономике в руках крупнокапиталистической реакции, нельзя говорить о народовластии, если народ сам не распоряжается всеми финансовыми средствами, энергетическими и природными ресурсами, которые необходимы для развития экономической жизни в интересах народа» ³⁵. В ответ на попытку демократов противопоставить рабочий класс мелкобуржуазному лагерю коммунисты твердо заявили, что предлагаемые ими меры по передаче государству банков, страхования и крупных промышленных предприятий не направлены против мелкого и среднего предпринимательства. Частная инициатива в этих областях будет получать поддержку ³⁶. Своей четкой позицией по вопросам предстоящих социальных реформ конференция Коммунистической партии Словакии дала новый стимул для усиления движения рабочего класса этой части республики за национализацию ведущих отраслей промышленности и банков в стране.

Важнейшей характерной чертой поистине массового движения за национализацию промышленности и банков, развернувшегося в Чехословакии в июле–августе 1945 г., было то, что вокруг требования социальных реформ, направленных своим острием против крупного капитала и финансово-монополистических кругов страны, коммунистам действительно удалось сплотить на местах широкий круг союзни-

ков, активно выступавших летом и осенью 1945 г. в поддержку рабочего класса и его политического авангарда. Об этом свидетельствовали резолюции, принятые на заседаниях национальных комитетов различных уровней и координационных комитетов Национального фронта в поддержку национализации ведущих отраслей промышленности, крупных предприятий и банков. В них под требованиями «как можно скорее передать государству банки, страхование, ключевые отрасли промышленности», «положить конец экономической диктатуре чешской реакции», «помочь крестьянам и ремесленникам, которые всегда были объектом капиталистической спекуляции и эксплуатации со стороны банков» стояли вместе с подписями коммунистов и социал-демократов подписи рядовых членов национально-социалистической и народной партий³⁷. Было совершенно очевидно, что низовые организации национально-социалистической, народной и демократической партий все активнее переходят на позиции поддержки требований, выдвигаемых политическими представителями рабочего класса.

Большую роль в превращении движения за национализацию ведущих отраслей промышленности и банков в массовое, объединявшее в своем русле как рабочий класс, так и непролетарские слои трудящихся, сыграла позиция, занятая по данному вопросу съездом словацких национальных комитетов в Баньской Быстрице и конференцией Национального блока трудящихся города и деревни Моравии и Силезии, состоявшейся в Брно. Оба эти форума приняли резолюции, поддерживавшие программу действий, предложенную рабочими партиями. В телеграмме, направленной из Брно президенту республики Э. Бенешу, говорилось: «Мы выражаем полное доверие правительству республики за его ответственную работу. Но вместе с тем мы высказываем желание, чтобы была ускорена подготовка передачи государству банков, тяжелой промышленности, шахт, энергетических источников. Эту акцию мы считаем необходимой предпосылкой успешного созидания нового государства – государства политической и экономической демократии»³⁸.

В ходе массового движения в поддержку программы политических представителей рабочего класса оказались оп-

рокинутыми все расчеты буржуазных политиков. Рабочие партии и Революционное профсоюзное движение сумели обеспечить поддержку своей линии со стороны банковских служащих. Надежды буржуазии на поддержку мелкобуржуазных слоев также не оправдались. Особенно опасным для буржуазных политиков симптомом было одобрение планов национализации банков национальными комитетами и координационными комиссиями Национального фронта на местах, что означало вовлечение в это движение значительной части низовых организаций национально-социалистической, народной и демократической партий. Достигнутые успехи были результатом правильной политики коммунистов, которые сумели доказать союзникам рабочего класса, и в первую очередь мелким ремесленникам, предпринимателям, служащим, что национализация банков положит конец эксплуатации их со стороны финансового капитала.

Оказавшись лицом к лицу с действительно массовым, охватившим, особенно в Чешских землях, все трудовые слои общества движением, буржуазные политики в Национальном фронте вынуждены были отступить и дать согласие на одновременное рассмотрение вопроса национализации как ведущих отраслей промышленности, так и банков. 20 августа 1945 г. министр промышленности Б. Лаушман на заседании Исполнительного комитета социал-демократической партии заявил, что «вопрос о национализации банков больше не будет откладываться, и даже, наоборот, он будет решаться ускоренными темпами, поскольку является необходимой предпосылкой национализации промышленности»³⁹. Кроме того, буржуазные политики вынуждены были дать согласие на национализацию банков в форме передачи их государству. Этот момент в борьбе за национализацию коммунисты расценивали как большой успех и связывали с ним перспективу изменений в руководстве министерства финансов⁴⁰, которое тогда возглавлял представитель словацких демократов В. Шробар. Итак, первое противостояние закончилось не в пользу политических представителей буржуазии.

В это время уже весьма интенсивно проходила разработка основы декретов о национализации отраслей промышленности, определенных в проекте экономической политики

партий Национального блока. Созданная в середине июля при министерстве промышленности Центральная рабочая комиссия по национализации приступила к конкретной разработке декретов. Она и стала тем рабочим органом, который осуществлял непосредственную подготовку основы декретов по национализации для правительства. В ней наряду со специалистами активное участие принимали, входя в ее состав как равноправные партнеры, представители Революционного профсоюзного движения, Центрального союза промышленности, генеральные секретари экономических групп этого союза, представители всех политических партий, входивших во Фронт, и представители Словацкого Национального совета ⁴¹. Столь широкий состав комиссии и привлечение к ее работе представителей профсоюзов, фактически возглавивших все наиболее ответственные подкомиссии, привели к тому, что политические представители буржуазии здесь зачастую оказывались блокированными, а их попытки реализовать на этом уровне свою концепцию послевоенных преобразований неизбежно обрекались на неудачу. Инициатива была в руках политических представителей рабочего класса.

Создавшееся положение объективно порождало настроения пойти как можно дальше, изъять у буржуазии максимум, не делая ей никаких уступок, не выплачивая никаких компенсаций. Такие настроения находили свое отражение в предложениях, выдвигавшихся представителями народнохозяйственной комиссии Центрального совета профсоюзов: национализировать все без компенсации и расширить масштабы национализации, передав государству пищевую промышленность и крупные торговые фирмы ⁴². При обсуждении вопроса о выплате компенсации в народнохозяйственной комиссии ЦК КПЧ ряд товарищей, в том числе и представители народнохозяйственной комиссии ЦСП, высказывались за экспроприацию капиталистической собственности без всякой компенсации ⁴³. Попытка придать национализации характер открытой экспроприации буржуазии опережала ход событий. Она создавала опасность ослабления начавшего складываться на антимонополистической основе союза между рабочим классом и мелкобуржуазными слоями общества, стоявшими на позициях защиты частной собственности. По-

этому указанные предложения были подвергнуты критике в выступлении К. Готвальда на конференции партийного актива Чешских земель в августе 1945 г., где он настойчиво подчеркивал, что страна переживает период «революции национальной и демократической, а не социалистической»⁴⁴. «Хочется напомнить, – говорил он, – что мы намерены проводить передачу государству или национализацию не путем конфискации, т. е. без компенсации, а считаемся с необходимостью вознаграждения. В какой форме и в каком размере – это другой вопрос»⁴⁵. Касаясь же масштабов предстоящей акции, Готвальд счел необходимым подчеркнуть, что коммунисты должны подумать над тем, «чтобы не сделать некоторых вещей раньше времени... Мы не должны брать слишком много, но, с другой стороны, мы не должны брать и слишком мало... Я сам склоняюсь к тому, чтобы не брать слишком много»⁴⁶.

Народнохозяйственная комиссия ЦК КПЧ, проанализировав ситуацию, пришла к выводу, что коммунисты в своей экономической политике «должны держаться рамок национально-демократической революции и в рамках сегодняшнего дня не заходить дальше...» «Это означает, например, – говорилось на заседании комиссии 22 августа 1945 г., – что сейчас мы передадим государству только самые крупные заводы, что мы должны ставить вопрос о компенсации»⁴⁷. Данный курс не только обеспечивал возможность диалога с партнерами по Национальному фронту при разработке основы декретов в Центральной комиссии по национализации, но и не давал возможность буржуазным политикам из рядов национально-социалистической и народной партии «вбить клин» между рабочим классом и мелкобуржуазными городскими слоями. Последние в Чешских землях в основной своей массе политически стали концентрироваться в национально-социалистической⁴⁸ и народной партиях, а в Словакии – в демократической партии. Поддерживая акцию по национализации ключевых отраслей и отраслей тяжелой промышленности, они оказывали давление на руководство этих партий.

При разработке основных положений проекта декрета Центральной комиссией по национализации был положен в основу, как свидетельствовал А. Фрейка, возглавлявший народнохозяйственную комиссию ЦК КПЧ и сам принимавший

непосредственное участие в работе Центральной комиссии по национализации, «Проект программы экономической политики Национального блока трудящихся города и деревни»⁴⁹. Часть этого документа, в которой предусматривалась передача государству ключевых и тяжелых отраслей промышленности, не вызывала, как было показано выше, возражений ни в Блоке, ни в Национальном фронте.

Поэтому первый вариант проекта декрета о национализации промышленности был разработан весьма быстро. Уже 20 августа 1945 г. Б. Лаушман на заседании Исполнительного комитета социал-демократической партии доложил, что «основа декрета о передаче государству ключевой и тяжелой промышленности, а также энергетических источников и природных богатств готова». «Основа, – как отметил министр промышленности, – не только не касается мелких и средних предприятий, но и решает вопросы компенсации для честных граждан»⁵⁰.

С содержанием документа, разработанного комиссией министерства промышленности, общественность была ознакомлена на манифестации членов заводских советов Большой Праги, куда также прибыли делегации заводских советов от всех краев страны. В ней принимал участие глава правительства, представители всех политических партий и Революционного профсоюзного движения. Выступление Б. Лаушмана, в котором были изложены основные положения проекта декрета о национализации, свидетельствовало, что речь идет о передаче государству непосредственно тех отраслей промышленности, которые предлагались в проекте экономической политики Национального блока, т. е. горнорудной и металлургической промышленности, военной промышленности, металлообрабатывающей и машиностроения, тяжелой химической промышленности и энергетических источников. При этом подчеркивалось, что заводы немцев, венгров, чешских и словацких предателей и коллаборантов будут переданы государству без какой-либо компенсации. Остальная национализированная собственность будет компенсирована в соответствии со стоимостью предприятия в 1938 г.⁵¹. Вопрос же о судьбе крупных предприятий других отраслей промышленности не был поставлен ни в проекте декрета, ни в речи Ла-

ушмана, хотя, как было показано выше, в проекте экономической политики Национального блока предусматривалась передача государству крупных промышленных предприятий ключевого значения.

Важнейшее место в выступлении Лаушмана было отведено вопросу о банках, национализация которых рассматривалась как важнейшая необходимая предпосылка национализации промышленности. «Если банки не будут переданы государству, то национализация промышленности неизбежно обречена на провал... Поэтому, если мы хотим в ближайшее же время передать государству большую часть промышленности, мы должны в обязательном порядке передать государству все акционерные банки. И если здесь, – говорил Лаушман, – по сравнению с промышленностью, не хватает инициативы соответствующего министерства, я рад, что с этой инициативой выступили политические и профсоюзные круги»⁵².

Такая расстановка акцентов в выступлении главы министерства промышленности была не случайна. Организуя эту, по существу, общегосударственную манифестацию заводских советов, ставя в центр внимания вопрос о необходимости национализации указанных отраслей промышленности и обязательной при этом передаче акционерных банков государству, рабочие партии и Революционное профсоюзное движение рассчитывали поставить своих буржуазных партнеров по Национальному фронту перед необходимостью дать публичное согласие на проведение указанных мероприятий.

Национальные социалисты и народная партия оказались перед дилеммой: согласиться с программой действий, предлагаемой коммунистами, социал-демократами и профсоюзами, или выступить против, раскрыв тем самым свои подлинные классовые устремления. Последнее в конкретной ситуации летних месяцев 1945 г. могло означать для них политическое самоубийство. На это не могли идти ни лидеры народной партии, ни тем более лидеры национальных социалистов, широко рекламировавшие свою приверженность социализму⁵³. Поэтому представители этих двух партий на манифестации заводских советов Большой Праги высказались в поддержку предлагаемого проекта декрета о национализации шахт, энергетических источников, а также ключевых и

тяжелых отраслей промышленности и постарались обойти молчанием вопрос о банках ⁵⁴.

Получивший публичное одобрение всех политических партий Национального фронта документ был направлен комиссией по национализации при министерстве промышленности на обсуждение в Центральный совет профсоюзов и во все министерства. 10 сентября 1945 г. после доработки он был предложен в качестве основы для дискуссии в правительстве страны ⁵⁵.

Если попытаться сравнить содержание проекта декрета, одобренного на манифестации 23 августа 1945 г., с содержанием документа, который стал базовым при обсуждении вопроса о национализации в правительстве, то нельзя не увидеть отличия, имевшего принципиальное значение и существенно менявшего подход к определению масштабов национализации. В первом варианте речь шла о семи важнейших отраслях промышленности, в документе же, который получило правительство, указывалось, что под действие декрета должны подпасть все промышленные отрасли и промышленные сектора, находившиеся в компетенции министерства промышленности. Передаче государству теперь должны были подлежать все промышленные предприятия, на которых работали на 1 января 1944 г. более 500 рабочих ⁵⁶.

Из сферы действия декрета по предложению министерства промышленности (а в Словакии – по соглашению с ведомством промышленности) в качестве исключения могли быть изъяты некоторые предприятия, в первую очередь, те, которые предполагалось закрыть и эксплуатация которых была нецелесообразна. Таким образом, в основу декрета, предложенного для обсуждения правительству, были включены именно те важнейшие положения из проекта экономической программы Национального банка трудящихся города и деревни, разработанного ЦК КПЧ, которые усиливали социальные аспекты предлагаемой акции и в случае реализации должны были привести к ликвидации экономических позиций всех кругов финансово-монополистической буржуазии, независимо от ее национальной принадлежности.

Причину такого существенного изменения в содержании проекта декрета о национализации следует связывать,

по-видимому, в первую очередь, с новой волной массовых выступлений рабочего класса за расширение рамок национализации, которая поднялась в стране после манифестации заводских советов Большой Праги. В конце августа – начале сентября 1945 г. на промышленных предприятиях страны прошли рабочие собрания, митинги, заседания заводских советов, на которых выдвигались требования передать государству не только те отрасли, о которых уже имелась договоренность, но и расширить рамки национализации⁵⁷.

Особенно сильным было движение за национализацию сахароваренных заводов и других предприятий пищевой промышленности. Еще в середине августа 1945 г. в Праге состоялась конференция заводских советов всех сахароваренных заводов Чехии, где была принята резолюция изъять сахароваренные заводы у капиталистов и передать их государству. Но этому, как подчеркивалось в резолюции, «обязательно должна предшествовать национализация банков, с тем, чтобы сахароваренная промышленность была освобождена от их влияния»⁵⁸.

Подобных резолюций, направляемых в различные государственные, общественные и политические органы, было много. В некоторых из них содержались требования, свидетельствовавшие о стремлении рабочих добиться полной ликвидации позиций буржуазии в сфере производства и финансов. «Мы требуем от правительства, – говорилось в одной из них, направленной в канцелярию президиума правительства шахтерами, – ускорения передачи государству всех отраслей промышленности и банков. Мы требуем немедленного проведения этой акции, с тем, чтобы не повторился 1918 г., когда нам тоже обещали передачу государству промышленности и банков... но вместо передачи государству мы получили безработицу, голод и нищету»⁵⁹.

В такой весьма напряженной обстановке в начале сентября 1945 г. и состоялось совместное совещание представителей коммунистической и социал-демократической партий, где было достигнуто соглашение о расширении рамок национализации. В основу этого соглашения было положено предложение К. Готвальда: невзирая на то, является предприятие ключевым или нет, оно должно подлежать национа-

лизации, если на нем заняты свыше 500 человек ⁶⁰.

Национальные социалисты в условиях нарастающих требований расширения рамок национализации не решились занять негативную позицию в отношении соглашения двух рабочих партий. Более того, лидеры национальных социалистов в своих публичных выступлениях, относившихся к началу сентября 1945 г., высказались за передачу государству «крупных промышленных предприятий и банков». Однако при этом они усиленно подчеркивали, что «управление предприятиями должно осуществляться квалифицированными лицами» ⁶¹. Это дает основания предположить, что внутри Национального блока, по-видимому, была достигнута договоренность относительно расширения рамок национализации.

Далее последовали переговоры между Б. Лаушманом – министром промышленности и Й. Шолтысом – министром социального обеспечения, с одной стороны, и Центральным советом профсоюзов, который представляли А. Запотоцкий и член президиума ДСП Э. Эрбан – с другой. «В длительных беседах, – как сообщалось в «Зправах», информационном органе Центрального Совета профсоюзов, – были рассмотрены все важные экономические и социальные проблемы, которые предстоит обсуждать в правительстве. Это, прежде всего, вопрос о трудовой повинности, о передаче государству крупной промышленности, банков и частных страховых компаний, целенаправленной организации труда и т. д.» ⁶².

На заседании президиума ЦСП 7 сентября 1945 г. Э. Эрбан информировал президиум ЦСП, что Лаушман просил сообщить позицию ЦСП по вопросу о расширении круга промышленных предприятий, подлежащих передаче государству. Конкретно речь шла о предприятиях, где занято более 500 рабочих. Центральный Совет профсоюзов своим решением, принятым на заседании президиума, поддержал предложение о расширении границ национализации на все крупные предприятия ⁶³.

О перемещении центра тяжести в борьбе революционных сил за национализацию промышленности и концентрации их усилий на обеспечении передачи государству всей крупной промышленности, а не только ее ключевых отраслей, свидетельствовало и выступление К. Готвальда перед рабо-

чими завода имени Сталина в Залужи-у-Моста 8 сентября 1945 г. Разбирая особенности сложившейся ситуации, он вновь публично поставил вопрос о необходимости национализации всей крупной промышленности вообще: «Мы сейчас приступаем к тому, чтобы в экономической области создать еще одну новую преграду и сделать невозможным кое для кого возвращение вспять. Я имею в виду акцию, которая сейчас со всей ответственностью готовится в правительстве и которая, в общем, касается передачи государству наших банков, наших шахт, наших домен, тяжелой и крупной промышленности вообще. Тем, что мы сегодня ставим со всей серьезностью вопрос о передаче государству важнейших экономических позиций не как вопрос какого-то отдаленного будущего, а как вопрос ближайших недель, мы одновременно подтверждаем всем тем, кто рассчитывает на возвращение старых, а для многих золотых времен, что они в своих надеждах обманываются»⁶⁴. «Руде право», публикуя в эти дни сообщение об изменении основы декрета о национализации, специально акцентировала внимание на том, что расширение действия декрета на все крупные предприятия страны осуществлено под влиянием стихийного требования народа⁶⁵.

Таким образом, революционными силами под руководством коммунистов удалось в период подготовки и разработки основных положений декрета добиться включения в его основу практически всех своих важнейших программных требований, обеспечивавших в случае их реализации ликвидацию экономических позиций крупного монополистического капитала в сфере промышленного производства. Безусловно, большим успехом революционных сил на этом этапе борьбы было и то, что они принудили буржуазных партнеров по Национальному фронту дать согласие на передачу государству акционерных банков. Еще 21 августа 1945 г. на заседании народнохозяйственной комиссии ЦК КПЧ Л. Фрейка сообщил, что в Национальном блоке достигнуто соглашение о передаче банков государству, хотя работа над проектом основы декрета еще не завершена и его предстоит редактировать⁶⁶.

Между партиями Блока существовали весьма серьезные разногласия в понимании сути акта передачи акционерных банков государству. В основе их лежал диаметрально

противоположный классовый подход к этой акции.

Национальные социалисты настаивали на проведении такого варианта национализации банков, который бы позволил оставить банковские акции в руках бывших собственников. Они добивались, чтобы национализации подлежали лишь правления банков. «Правления банков должны составлять не акционеры, а общественные правовые корпорации, созданные из представителей государства, вкладчиков, промышленных, сельскохозяйственных, торговых союзов и институтов. Такое правление будет иметь доверие... и будет гарантией наиболее целесообразного управления вверенного института»⁶⁷, – писала газета «Свободное слово», пропагандируя будущие реформы в области финансов, предлагаемые национальными социалистами.

Раскрывая классовую суть таких планов, К. Готвальд отмечал на конференции партактива Чешских земель: «Как оказалось, они (национальные социалисты. – Г.М.) хотели изъять не акции, а только голоса акционеров, да и то временно, хотели установить там национальное управление и провести за счет государства санацию этих банков. Голоса акционеров были бы изъяты, но все решалось бы каким-либо национально-социалистическим управляющим...»⁶⁸. Коммунисты же, социал-демократы и Центральный совет профсоюзов, выдвигая требование передачи государству акционерных банков, исходили из необходимости национализации именно капиталов этих банков, с тем, чтобы лишить финансовый капитал его экономической мощи. «Народ доказал, – писала газета коммунистов «Руде право», – что для руководства хозяйством ему не нужны ни крупные капиталисты, ни банкиры... Мы не можем возвращаться опять к картелям, трестам, синдикатам, к диктату банков. Эти органы экономической власти финансового капитала показали, что они являются источником постоянной опасности для республики...»⁶⁹.

Таким образом, в ходе разработки проекта декретов о национализации левым революционным силам чехословацкого общества, возглавляемым коммунистами и опиравшимся на массовую поддержку трудовых слоев обеих частей республики, удалось добиться существенного расширения масштабов планируемой акции. Буржуазные политики, опасаясь

оказаться в изоляции, вынуждены были на этом этапе дать согласие не только на одновременное рассмотрение вопроса о национализации ключевых отраслей промышленности и акционерных банков, но и на значительное расширение круга подлежащих национализации промышленных предприятий. Однако вокруг концепции национализации банков, так же как и вокруг проблем национализации промышленности, предстояла еще серьезная борьба. Ее центр теперь переносился в правительство.

2. Дебаты в правительстве и победа левых сил, возглавляемых КПЧ. Содержание и характер декретов о национализации

Обсуждение основы декретов о национализации ключевых отраслей промышленности и банков в правительстве рассматривалось буржуазными политиками в качестве главного звена в борьбе за социальную направленность предстоящей национализации. Именно теперь они и предполагали перейти в наступление, чтобы попытаться заставить политических представителей рабочего класса принять их концепцию послевоенных социально-экономических реформ. Суть ее, как было показано выше, сводилась к тому, чтобы, осуществив передачу государству добывающих и тяжелых отраслей промышленности, производящих сырье и полуфабрикаты, обеспечить благоприятные условия для деятельности частного капитала и дать возможность чешской буржуазии через создание смешанных государственно-частных предприятий постепенно овладеть теми экономическими позициями в системе промышленного производства, которые были захвачены германскими монополиями.

В условиях все больше набравшего силу движения трудящихся масс за национализацию политические лидеры буржуазии важнейшей задачей считали замедление темпов социально-экономических преобразований. В качестве проводника идей постепенности, осторожности в осуществлении предстоящих реформ и выступала пресса народной и национально-социалистической партии. В «Свободном слове», «Лидове демократии» появились статьи, авторы которых открыто высказывали опасения, что быстрая «необдуманная» реа-

лизация революционно-экономических проектов может привести к возникновению хаоса. Выдвигались предложения опробовать возможность проведения декретов на базе отдельных отраслей промышленности, прежде всего, в горнорудной, металлургической, энергетической и тяжелой химической промышленности⁷⁰. Суть всех этих предложений сводилась к тому, чтобы добиться возможности поэтапной реализации будущих декретов. Поэтапное проведение национализации, столь активно пропагандируемое прессой национальных социалистов и лидовцев, предполагалось применить, прежде всего, к тем отраслям промышленности, которые не фиксировались Кошицкой программой. Выдвигая этот принцип, буржуазные политики рассчитывали, раздробив процесс национализации на временные этапы, ограничить ее рамки лишь передачей государству тяжелых и добывающих отраслей промышленности. Тем самым оказывался бы выхолощенный тот социальный антимонополистический потенциал национализации, который вносил в нее рабочий класс, добываясь передачи государству всей крупной промышленности.

Сокращение масштабов национализации рассматривалось буржуазными политиками в качестве основной цели, которую они рассчитывали достичь в ходе обсуждения в правительстве основ предполагаемых декретов. Лидеры национальных социалистов – партии, входившей в Национальный блок, но вместе с тем претендовавшей на роль руководителя лагеря, противостоявшего коммунистам, на одном из заседаний руководства партии в октябре 1945 г. открыто сформулировали свои устремления: добиться, чтобы будущий общественный сектор охватывал бы лишь предприятия тяжелых отраслей промышленности, насчитывавшие 800–900 человек рабочих⁷¹.

Немаловажную роль в расчетах буржуазных политиков играли вопросы, связанные с формой обобществления различных отраслей промышленного производства. Если передача государству отраслей тяжелой промышленности не вызывала сколь-нибудь серьезных дискуссий, то постановка вопроса о передаче государству всех крупных предприятий вызвала в прессе народной, демократической и национально-социалистической партий широкую кампанию в под-

держку идеи муниципализации ряда предприятий, т. е. сохранения их в собственности городов, районов и сел. Особенно это касалось электростанций и других энергопроизводящих предприятий. Лидер партии национальных социалистов, приматор Праги П. Зенкл направил даже меморандум правительству с требованием оставить в собственности г. Праги все коммунальные электростанции и изъять их из списков предприятий, подлежащих передаче государству ⁷².

Не менее широко пропагандировалась буржуазной прессой и политиками из рядов национально-социалистической, народной и демократической партий идея организации промышленности на кооперативной основе, что якобы позволит устранить возможность конкурентной борьбы между отдельными отраслями и отдельными предприятиями ⁷³. Демократы и лидовцы не скрывали, что в ходе обсуждения основы декретов в правительстве они будут отстаивать принцип передачи предприятий, занятых переработкой сельскохозяйственной продукции, в собственность кооперативов. Такая позиция с политической точки зрения должна была, по их мнению, обеспечить этим партиям поддержку со стороны крестьянства, прежде всего, его зажиточных слоев, поскольку передача предприятий в собственность кооперативов позволяла сделать кооперативные предприятия достоянием относительно мелких вкладчиков. Вместе с тем такая форма «обобществления» открывала возможности под вывеской кооперативов сохранить крупную капиталистическую собственность, не допустив ее прямой передачи государству.

Немаловажное место в планах буржуазных политиков, стремившихся на этапе обсуждения основ декретов в правительстве добиться ограничения влияния государства на обобществленный сектор, занимали вопросы статуса национализированных предприятий и разработки организационных принципов управления ими. Дав согласие на национализацию в форме передачи предприятий государству, они предполагали сделать эти предприятия полностью самостоятельными экономическими единицами и свести к минимуму их подчинение государству. Через прессу национальных социалистов неоднократно проводилась мысль о том, что государству должно принадлежать только право осуществлять

контроль за деятельностью национализированных предприятий⁷⁴. Имевшееся в проекте декрета положение, определявшее статус национальных предприятий как юридически самостоятельных лиц, порождало у буржуазных политиков стремление закрепить это положение, чтобы потом, при благоприятных для буржуазии условиях, использовать его для превращения национализированных предприятий в обычные государственно-частные акционерные общества.

13 сентября 1945 г. правительство приступило к обсуждению основы декретов о национализации промышленности и банков. Первые же заседания, на которых произошли весьма острые столкновения между представителями народной и демократической партий, с одной стороны, и представителями КПЧ и социал-демократической партии – с другой, рассеяли имевшиеся среди части профсоюзных функционеров иллюзии, что подписание декретов будет легким, почти формальным актом⁷⁵. Лидовцы взяли под обстрел саму основу декрета, доказывая, что ее содержание не отвечает принципам Кошицкой программы, что оно не согласовано в Национальном фронте, а получило одобрение лишь внутри Национального блока трудящихся города и деревни. Выдвинув требование поэтапного проведения национализации, народная партия в своем официальном заявлении правительству отвергла возможность обсуждения представленного варианта основы декрета, предложив переработать его⁷⁶.

Такая позиция народной партии определялась стремлением затянуть переговоры о национализации в правительстве, чтобы не допустить тем самым подписания декретов президентом до созыва Временного Национального собрания, потом, используя появившиеся возможности для внесения в разработанный документ различных поправок и предложений, добиться проведения национализации в рамках, удобных и выгодных для буржуазии.

В своем стремлении народная партия отнюдь не была исключением. Ее позиция, сформулированная в заявлении, получила поддержку со стороны словацких демократов, выразивших свое неудовольствие тем, что основа декрета не прошла предварительного обсуждения в Словацком национальном совете. На этом основании демократы, так же как и

лидовцы, заняли по отношению к предложенному министерством промышленности документу негативную позицию, требуя согласования основных его положений в СНС ⁷⁷.

Национальные социалисты, будучи в какой-то степени связаны решением Национального блока, не решились столь откровенно, как лидовцы и демократы, торпедировать идею обсуждения основы декрета в правительстве. Подчеркивая необходимость скорейшего начала дискуссии в правительстве, они вместе с тем весьма недвусмысленно дали понять министрам из рядов народной и демократической партий, что в Национальном блоке «существует лишь соглашение о принципах национализации банков, но имеется целый ряд открытых вопросов по основе декрета о национализации промышленности» ⁷⁸. Таким образом, было сказано почти прямо, что национальные социалисты не будут поддерживать все положения, предлагаемые для обсуждения основы декрета.

Однако все эти попытки направить декрет по новому кругу межпартийных доправительственных обсуждений и добиться согласия представителей рабочих партий на поэтапное проведение национализации потерпели неудачу. Члены правительства – коммунисты при активной поддержке главы правительства Зд. Фирлингера и министра промышленности Б. Лаушмана вели твердую линию на недопустимость какого-либо поэтапного проведения этой важнейшей акции и на немедленное обсуждение всех спорных и дискуссионных вопросов на заседаниях правительства. Доказывая несостоятельность и вредность предложений поэтапного проведения национализации и фактической задержки в решении этого вопроса, К. Готвальд в полемике с представителями народной партии указывал, что подавляющая часть предприятий страны уже сейчас находится под национальным управлением. «Необходимо понять, – говорил он, – что в условиях, когда преобладает правовая неясность, производство в полном масштабе не может быть восстановлено... Такое положение уже сохраняется несколько месяцев. Нельзя, чтобы оно продолжалось еще несколько месяцев, поскольку может возникнуть угроза прямого саботажа производства. Необходимо немедленно передать промышленные отрасли производства государству в тех рамках, о которых договоримся» ⁷⁹.

Зд. Фирлингер, также высказываясь против поэтапного проведения национализации, подчеркивал, что речь должна идти о том, чтобы уже существующему национальному управлению придать определенную форму. «Мы не можем эти предприятия оставлять дальше под национальным управлением, которое расплылось. Мы не можем их вернуть прежним владельцам или немцам и венграм. Нынешнее состояние промышленности, если оно будет сохраняться и дальше, будет просто опасно»⁸⁰. Эта аргументация убедительно опровергала доводы буржуазных политиков, что быстрота преобразований может привести к развалу производства.

Кроме этих аргументов, у политических представителей рабочего класса были и другие не менее веские доказательства необходимости форсирования национализации промышленности и опасности затягивания и поэтапного проведения этой акции. Речь идет о позиции рабочего класса и широких трудящихся масс страны, активно добивавшихся передачи государству подавляющей части промышленных предприятий.

Резолюции с требованиями ускорить национализацию, направляемые с мест в президиум правительства, в Центральный совет профсоюзов, в руководящие органы партий⁸¹, вызывали беспокойство буржуазных политиков, оказывавшихся под прямым нажимом и контролем масс. Не случайно уже 19 сентября 1945 г. орган национальных социалистов «Свободное слово» с раздражением писал: «Правительство получает на стол все новые и новые проекты, чтобы действие декрета было распространено на ту или иную новую отрасль, причем, большинство – это отрасли, которые не имеют ничего общего с Кошицкой программой правительства и весьма далеки от тяжелых и ключевых отраслей промышленности»⁸². Но эти резолюции давали основание политическим представителям рабочего класса в правительстве в ответ на отказ министров народной и демократической партий обсуждать проект декрета о национализации заявить: «Народ ожидает, что в самое ближайшее время будет проведена национализация... Мы уже имеем одну всеобщую забастовку в Моравской Остраве, где прямо выдвигалось требование национализации промышленности. Нам удалось ее прекратить

только на том условии, что вопрос о национализации будет решен в самое ближайшее время»⁸³. Натолкнувшись на твердую, экономически и политически аргументированную позицию министров-коммунистов и социал-демократов, выступавших на этом этапе обсуждения по основным и принципиальным вопросам вместе, а также учитывая реакцию широких масс трудящихся, к которым могли апеллировать рабочие партии и Центральный совет профсоюзов, министры – представители народной и демократической партий вынуждены были снять свои возражения относительно правомочий и целесообразности рассмотрения основы декрета в правительстве.

Несостоятельной оказалась и попытка навязать поэтапное проведение национализации, за что особенно рьяно ратовали министры – члены демократической и народной партий (А. Прохазка и др.). Принцип поэтапности был отклонен, хотя впоследствии ни сам президент Э. Бенеш, ни руководители национально-социалистической партии не скрывали, что именно его они считали наиболее приемлемым⁸⁴. «Мы придерживались и придерживаемся далее мнения, – говорил, выступая от имени национальных социалистов П. Дртина, – что при принятии декретов о передаче промышленности государству следовало бы все вопросы решать поэтапно, по отдельным отраслям производства»⁸⁵. Но в момент решающих дискуссий в правительстве министры национально-социалистической партии сочли более благоразумным не формулировать открыто этой своей позиции, с тем чтобы, как говорил Г. Рипка, не превращать проблемы национализации в «предмет обсуждения широкой общественности»⁸⁶. Очевидно, боязнь разоблачить себя в глазах масс в тот момент, когда национально-социалистическая партия боролась за расширение своего влияния в обществе, заставила министров этой партии Г. Рипку и Я. Странского не выступать активно в поддержку весьма непопулярного среди трудящихся лозунга поэтапного проведения национализации.

Поэтому министры народной партии остались в изоляции и впоследствии вынуждены были констатировать: «Мы предлагали провести поэтапную национализацию... Наша, пусть даже консервативная, точка зрения, должна была, в

конце концов, уступить воле большинства политических партий, представленных в Национальном фронте»⁸⁷.

Центральным вопросом, по которому произошло классовое размежевание сил в правительстве, а борьба приняла наиболее острые формы, стал вопрос о критериях национализируемых предприятий. Как известно, в проекте декрета предлагалось передать государству те промышленные предприятия, находившиеся в подчинении министерства промышленности, на которых были заняты более 500 человек. Однако, конкретизируя применительно к отдельным отраслям производства предложенный критерий, министерство промышленности в ряде случаев предлагало установить более низкую границу (400, 300 и даже 150 человек, например для предприятий по производству картона)⁸⁸. Но эти предложения были взяты немедленно под обстрел представителями национально-социалистической, народной и демократической партий, которые основную свою задачу видели в том, чтобы максимально большую часть предприятий вывести из-под действия декрета. И в этом отношении все три партии выступали единым фронтом, а в качестве лидера большинства атак против коммунистов и социал-демократов выступали национальные социалисты.

Одним из важнейших аргументов, выдвигавшихся национальными социалистами против чересчур широких, по их мнению, рамок национализации, было то, что слишком большой ее масштаб, предлагаемый основой декрета, может привести к расстройству производства⁸⁹. Другим весьма веским, по мнению национальных социалистов, обстоятельством, требовавшим сокращения рамок национализации, была зависимость чехословацкой промышленности от иностранного капитала. «Можно вступить в конфликт с другими государствами, что и создаст значительную угрозу производству у нас»⁹⁰. А поэтому, чтобы избежать таких конфликтов, Рипка как министр внешней торговли предлагал проводить передачу промышленных предприятий государству только по согласованию этой акции с иностранными кругами. «Внешний фактор» весьма активно использовался буржуазными политиками для того, чтобы сузить рамки национализации. Его-то Г. Рипка и попытался использовать, чтобы предотвратить передачу предприятий ги-

гантского обувного концерна Батя в руки государства, аргументируя, что национализация предприятий фирмы Батя будет означать потерю всех доходов от заграничных филиалов фирмы⁹¹. Но такое предложение сделать исключение для заводов Батя и изъять их из списков предприятий, передаваемых государству, не получило поддержки со стороны рабочих партий и было квалифицировано К. Готвальдом как «подрыв всей акции по национализации, который не мог бы иметь никакого политического оправдания»⁹².

Особенно острой была борьба при определении критериев национализируемых предприятий тех отраслей промышленности, в которых чешская и словацкая буржуазия в наибольшей степени сохранила свои позиции. Представители народной и демократической партий открыто ставили вопрос, что здесь проект выходит за рамки Кошицкой программы, и стремились добиться изъятия части отраслей производства из-под действия декрета. Представитель демократической партии Урсини при обсуждении критериев национализации для цементных и фарфоровых заводов поставил вопрос о необходимости передачи предприятий, принадлежавших немцам, в руки «честных патриотов». «Мы хотим, – заявил он, – опираясь на Кошицкую программу, национализации только ключевых отраслей»⁹³. Против национализации химико-фармацевтической промышленности выступил представитель народной партии А. Прохазка, аргументируя свою позицию тем, что данная отрасль не может быть отнесена к ключевым отраслям производства. Стремясь оказать нажим на рабочие партии и реализовать свои планы ограничения масштабов национализации, буржуазные политики развернули широкую пропаганду в защиту частного предпринимательства, апеллируя к ремесленникам и мелким предпринимателям, выступая под флагом защиты частной инициативы и частного предпринимательства. «Там, где мы убеждены, что частная инициатива на месте, мы требуем, чтобы она не подрывалась. Необходимо сделать все, чтобы способные люди могли заниматься предпринимательством... Частное предпринимательство должно иметь как можно скорее ясное и окончательное представление о том, где будет проходить граница обобществления», – с этим обращением выступил лидер

национальных социалистов П. Зенк на собрании ремесленников и мелких предпринимателей 20 сентября 1945 г.⁹⁴

Он публично заявил, что национальные социалисты давали свое согласие на передачу государству только тех предпринимательских сфер и предприятий, продукция которых имеет решающее значение для остальных отраслей, обеспечивая их сырьем и полуфабрикатами. Этот принцип, по его мнению, и должен определять границы, «до которых может дойти национализация в форме передачи государству или кооперирования»⁹⁵. Такое заявление было сделано в момент, когда в правительстве шли острые дебаты о границах будущего обобщественного сектора в экономике страны. Выступление Зенкла, четко сформулировавшего позиции руководства национально-социалистической партии по вопросу социальных преобразований в промышленности, не оставляло никаких сомнений, что данная партия видит свою задачу, прежде всего, в том, чтобы свести рамки национализации к передаче государству только тяжелых и добывающих отраслей промышленности.

Этот демарш лидера национальных социалистов против национализации был поддержан в Словакии. 23 сентября 1945 г. один из лидеров демократической партии И. Леттрих выступил в Модре с заявлением, суть которого сводилась к тому, что демократическая партия требует ограничить национализацию только предприятиями немцев, венгров и коллаборационистов, а также передать государству шахты, рудники, энергетическую, военную и ключевую промышленность⁹⁶. И здесь речь шла о передаче государству, прежде всего, добывающей и производящей полуфабрикаты промышленности. Выступление Леттриха перекикалось с выступлением Зенкла.

Однако эти попытки апелляции к мелкобуржуазным массам не достигли своей цели. Напротив, они вызвали волну протеста не только среди рабочих, но и среди других групп трудящихся. В ряде городов, особенно в Словакии, прошли демонстрации населения с требованием скорейшего проведения национализации промышленности и банков. Например, 25 сентября состоялась демонстрация рабочих кошицких заводов, в которой активное участие приняли служащие

и интеллигенция ⁹⁷. Демонстранты требовали принятия декретов о национализации. «Рабочие настаивают на выполнении своих требований», «из революционной правительственной программы ничего не должно быть исключено», – под такими заголовками коммунистическая печать и органы Революционного профсоюзного движения публиковали в эти дни перечни заводов, учреждений и предприятий, трудящиеся которых направляли в правительство резолюции с требованиями скорейшего принятия декрета о национализации в том объеме, какой предлагается в проекте. «Наши рабочие, – писал в эти дни профсоюзный информационный бюллетень «Зправы», – твердо настаивают на выполнении своих требований и добиваются быстрейшего принятия правительственного декрета о передаче государству ключевых отраслей промышленности и банков. Трудящиеся инстинктивно чувствуют, что существуют длинные руки всяких замаскированных реакционеров, которые любым способом стремятся затормозить развитие социального и политического прогресса. Они требуют от правительства республики, чтобы оно решительно отвергло любое вмешательство и сделало невозможным саботаж своей программы со стороны бывших финансовых спекулянтов, чтобы каждое такое действие немедленно наказывалось и разоблачалось» ⁹⁸.

Нажим рабочих был тем главным, основным фактором, который удерживал политических представителей буржуазных партий за столом переговоров в правительстве. Это обстоятельство буржуазные политики вынуждены были признавать сами: не случайно Г. Рипка на одном из заседаний правительства заметил, что «правительство работает под палками рабочих» ⁹⁹.

Весьма существенным моментом, имеющим принципиальное значение для понимания политической ситуации в стране, сложившейся к концу сентября 1945 г., было то, что буржуазии и ее политическим представителям, несмотря на прямую их апелляцию к мелкобуржуазным массам, не удалось привлечь эти силы к поддержке своих планов. Более того, анализ резолюций, присланных в тот период в правительство ¹⁰⁰, убедительно свидетельствует, что на местах практически вокруг авангарда рабочего класса – коммунистов скла-

дывался союз демократических сил, активно выступающий в поддержку требований рабочего класса. Этот фактор, безусловно, оказывал огромное воздействие на ход дискуссий о масштабах и критериях национализации, которые протекали в правительстве.

Особенно острой была борьба вокруг вопросов национализации пищевой промышленности, главное звено в которой составляли сахароваренные заводы. Специфика ситуации здесь заключалась в том, что в Чешских землях значительное число этих заводов формально было как бы совместной собственностью крестьян (крестьянские сахароваренные заводы). В Словакии же эти заводы находились в руках аграрного капитала (представляемого демократической партией) и выступали как крупнейшие земельные собственники. Передача их государству прямо и непосредственно затрагивала основные интересы словацкого аграрного капитала, что обуславливало резко негативную позицию демократов в правительстве по вопросу национализации этой отрасли. Чешские партии – народная и национально-социалистическая в определенной мере рассчитывали столкнуть на этом вопросе рабочий класс, добивавшийся передачи государству сахароваренной и пищевой промышленности, и часть крестьян, считавших себя собственниками крестьянских сахароваренных заводов.

Кроме того, следует учитывать, что сохранение пищевой промышленности в руках частного капитала было одним из важных условий сохранения экономических и политических позиций буржуазии в деревне и тем самым обеспечения политического руководства крестьянскими массами, что было характерно для периода первой республики.

Представители демократической партии (Урсини и Пиетор), национально-социалистической (Рипка), народной (Прохазка) выступили единым фронтом против передачи пищевой, и, в первую очередь, сахароваренной промышленности, в собственность государства¹⁰¹. Они предлагали провести обобществление этих отраслей путем передачи предприятий кооперативам.

Для революционных сил ситуация осложнялась еще и тем, что пищевая промышленность находилась в компетен-

ции министерства снабжения, возглавляемого правым социал-демократом В. Майером, который в правительстве, по существу, выступил против передачи пищевой и сахароваренной промышленности государству, предложив в качестве основной формы обобществления этой отрасли передачу кооперативам¹⁰² т. е. прямо присоединился к политическим представителям буржуазии. К. Готвальд, формулируя позицию коммунистов и выступая за передачу пищевой промышленности государству, раскрыл классовую подоплеку идущих в правительстве дискуссий. «Безусловно, можно было бы по вопросу о сахароваренной промышленности пойти на компромисс: дать ту и другую форму. Но нельзя, чтобы эта промышленность была взята в частные руки и чтобы вместо народа ею распоряжался ограниченный круг лиц»¹⁰³.

В поддержку такой позиции выступили профсоюзы. Центральный совет профсоюзов 2 октября провел общенациональную конференцию представителей заводских советов и профсоюзных организаций всех сахароваренных заводов страны. Правый социал-демократ Майер должен был перед рабочими объяснить свою позицию, которая была признана конференцией несостоятельной. В принятой резолюции представители заводских советов и профсоюзных организаций записали: «Недопустимо, чтобы такая важная отрасль производства осталась в руках капиталистов... Сахароваренная промышленность должна быть передана государству»¹⁰⁴.

Пленум конференции направил в правительство делегацию рабочих, которая сформулировала свое отношение к происходившим в правительстве дебатам. Майер вынужден был отказаться от защищаемой им точки зрения и присоединиться к тем, кто выступал за передачу пищевой промышленности государству¹⁰⁵.

Решение по этому вопросу, принятое после длительной дискуссии, в своих основных моментах отвечало принципиальной позиции, занятой коммунистами. Крупные сахароваренные, спиртоводочные и пивоваренные заводы должны были подлежать национализации. Исключение делалось лишь для тех сахароваренных заводов, в которых большинство акций принадлежало крестьянам – производителям сахарной свеклы, с наделами не более 50 га пахотной земли. Эти заводы предпо-

лагалось превратить в кооперативные предприятия.

Таким образом, при решении вопроса о национализации пищевой промышленности и сахароваренных заводов принципиальная ликвидация позиций крупного капитала сочеталась с определенными уступками крестьянству, предусматривавшими сохранение в руках крестьян тех предприятий, которые им действительно принадлежали, и обеспечение их действительного участия в руководстве этими предприятиями.

Уступки в данном случае не наносили значительного ущерба позициям национализированного сектора и способствовали укреплению союза между рабочим классом и мелкобуржуазными слоями.

Если попытаться подвести итоги борьбы вокруг масштабов национализации, которая на протяжении полутора месяцев шла в правительстве, то следует констатировать, что политическим представителям буржуазии, добивавшимся сведения национализации к передаче государству лишь добывающих и тяжелых отраслей промышленности, не удалось реализовать свои планы. Нажим рабочего класса снизу, получивший активную и массовую поддержку со стороны непролетарских слоев трудящихся (служащих, интеллигенции, мелких предпринимателей, ремесленников, крестьянства), сыграл важную роль и стал во многом тем фактором, который определил исход борьбы в правительстве по вопросу о масштабах и глубине социальных преобразований в промышленности.

Буржуазные политики вынуждены были согласиться, что рамки национализации будут определяться тремя основными критериями: значением той или иной отрасли в системе экономики страны, величиной предприятия, определяемой по числу занятых в производстве, и объемом производства. Исходя из этого, в соответствии с достигнутой договоренностью национализации должны были подлежать:

1. Все предприятия, независимо от их величины, принадлежавшие к отраслям, имевшим общегосударственное, ключевое значение, – горнорудная, энергетическая и военная отрасли промышленности, а также большая часть металлургии, производство цемента, фарфора и т. п.; независимо от

величины национализации должны были подлежать все акционерные банки и страховые общества.

2. В металлообрабатывающей, конфекционной, электротехнической, в некоторых видах текстильной промышленности, а также в производстве тонкой механики и оптики национализироваться должны были все предприятия, на которых насчитывалось более 500 рабочих. Для остальных отраслей шкала национализации колебалась от 150 до 500 рабочих.

3. Для ряда предприятий пищевой промышленности – мельниц, пивоваренных и спиртовых заводов критерием служил объем производства.

Таким образом, было совершенно очевидно, что передача государству промышленных предприятий на основе этих критериев в значительно большей степени отвечала интересам рабочего класса и демократических слоев общества, чем интересам чешской и словацкой буржуазии. Об этом свидетельствуют собственные признания буржуазных политиков. А. Прохазка, входивший в правительство от народной партии, вынужден был констатировать после принятия декретов о национализации: «Мы оказались в положении, когда победил принцип национализации в весьма широком масштабе, а мы смогли добиться его более ограниченного проведения только в пищевой промышленности»¹⁰⁶.

Менее откровенно, но все же вынуждены были публично признать свое поражение и национальные социалисты, отметив, что в деле национализации правительство пошло значительно дальше, «чем было установлено Кошицкой программой...»¹⁰⁷, и что «акция по передаче государству получилась не так, как требовал центральный исполнительный комитет партии, а именно национализировать только то, о чем достигнута договоренность с господином президентом на самых первых совещаниях...»¹⁰⁸.

Г. Рипка – активный участник переговоров в правительстве впоследствии, уже в эмиграции, вынужден был признать: «Против блока коммунистов и социал-демократов мы всякий раз оказывались в меньшинстве, как только в каждом конкретном случае занимали оппозиционную точку зрения... Все мои усилия ограничить национализацию только

обобществлением тяжелых и ключевых отраслей были напрасны»¹⁰⁹.

Политические же представители рабочего класса констатировали после подписания президентом соответствующих декретов, что, несмотря на острую борьбу в правительстве по вопросу о масштабах национализации, «в целом было достигнуто все, что было возможно, решено и, главное, необходимо передать государству»¹¹⁰.

Третий круг проблем, по которым шли острые дискуссии в правительстве при обсуждении основы декрета о национализации, был связан с определением юридического положения национальных предприятий, формой их управления и разработкой принципов отношений между государством и национальными предприятиями. Осевым вопросом в полемике политических представителей буржуазии и рабочего класса стал вопрос об отношении государства и национальных предприятий. Именно здесь видели буржуазные политики существенные возможности изменить социальное содержание национализации путем обеспечения такого статуса национализированных предприятий, при котором они фактически были бы поставлены вне влияния государства и выступали в качестве самостоятельных единиц, свободно конкурирующих между собой. Поэтому суть предложений буржуазных политиков по рассматриваемому вопросу сводилась к тому, чтобы добиться в декрете фиксации положения, по которому государству передавались бы не самые предприятия, а лишь руководство ими. Тем самым на нет сводилась бы предложенная К. Готвальдом формулировка, точно определявшая положение национализированного предприятия в качестве собственности государства¹¹¹. Однако эти маневры не дали тех результатов, которых особенно рьяно добивались представители народной и национально-социалистической партий. Итог переговоров по этому вопросу был явным компромиссом с обеих сторон. Было решено зафиксировать в декрете, что национальные предприятия являются собственностью государства в смысле дальнейших распоряжений. Но при этом они имеют положение самостоятельных юридических лиц и должны руководствоваться принципами коммерческого предпринимательства. Излишки своих прибылей национальные

предприятия должны будут передавать государству.

Сложной и также закончившейся принятием компромиссного решения была борьба за форму управления промышленными предприятиями национализированного сектора. Здесь представители буржуазных партий делали попытки добиться максимального ограничения полномочий руководителей национальных предприятий, выступая под лозунгом необходимости введения коллегиального коллективного руководства ¹¹². Поэтому и представитель национальных социалистов Рипка, и представитель демократической партии Урсини настаивали, чтобы руководитель предприятия «не был, однако, руководителем, имеющим право принимать самостоятельные решения» ¹¹³. Они стремились обеспечить широкие полномочия заместителям руководителя предприятия и так называемому «представительству» (коллективному органу предприятия, который должен был состоять как из представителей трудящихся на предприятии, так и сверху назначаемых чиновников), предоставив ему право принимать решения об увольнении руководителя предприятия.

Коммунисты и социал-демократы стояли на той точке зрения, что «представительство» должно иметь лишь право совещательного голоса, а решения обязан принимать руководитель предприятия. При этом подчеркивалось, что «представительство» предприятия должно создаваться не по политическим признакам, а прежде всего с учетом квалификации.

В результате дискуссий было принято решение, свидетельствующее, что буржуазным представителям не удалось полностью провести свою точку зрения. Они вынуждены были согласиться на то, чтобы предоставить руководителю право «принимать все необходимые решения, в случае если просрочка грозит опасностью», и «приостанавливать решение представительства, если оно не соответствует интересам национального предприятия».

Итак, 14 октября 1945 г. обсуждение основы декретов о национализации промышленности было завершено. 23 октября закончились также и дискуссии по вопросу о национализации банков и страховых компаний. Политические представители буржуазии не смогли реализовать своих намерений – замедлить темпы социально-экономических преобра-

зований в сфере промышленности и добиться сужения масштабов национализации, что на этом этапе рассматривалось ими в качестве главной задачи. И это обстоятельство дает полное право расценивать этап обсуждения основы декретов о национализации в правительстве как победу революционных сил, достигнутую благодаря умелому сочетанию и использованию завоеванных рабочим классом в ходе развития национально-демократической революции позиций в системе государственной власти с активной поддержкой революционно настроенных масс.

Но вместе с тем было бы серьезным упрощением и ошибкой не видеть того факта, что подписанные 24 октября 1945 г. в торжественной обстановке президентом Э. Бенешем пять декретов о национализации (декрет № 100 – о национализации шахт и некоторых промышленных предприятий; № 101 – о национализации предприятий пищевой промышленности; № 102 – о национализации акционерных банков; № 103 – о национализации частных страховых компаний; № 104 – о заводских советах) ¹¹⁴ являли собой результат сложного компромисса различных по своей классовой сути политических сил, деливших власть в государстве и боровшихся за гегемонию в чехословацком обществе.

В соответствии с критериями, сформулированными в ходе переговоров в правительстве, национализация на основе декрета № 100 должна была охватить 3119 предприятий ¹¹⁵ из 27 промышленных отраслей, а также часть предприятий пищевой промышленности (сахароваренные, спиртоводочные, пивоваренные заводы и крупные мельницы). Смысл этой акции под прямым воздействием политических представителей рабочего класса определялся таким образом, что именно государство должно было теперь выступать в качестве собственника всей недвижимости и оборудования национализируемых предприятий. В его руки переходили ценные бумаги и денежные ресурсы предприятий, а также принадлежавшие национализируемым объектам готовая продукция, сырье и полуфабрикаты.

В ряде национализированных отраслей, в первую очередь, в угледобывающей, энергетической, металлургической, металлообрабатывающей, военной, сахароваренной, спирто-

водочной и некоторых других, только государству принадлежало право создания новых промышленных предприятий. Государство становилось собственником национальных предприятий – банков, к которым в соответствии с декретом № 102 переходили все права и обязанности бывших акционерных банков ¹¹⁶.

Закрепление этих моментов в декрете имело принципиально важное значение. Тем самым был положен конец попыткам буржуазных политиков подменить национализацию «установлением государственного контроля и руководства промышленностью» или передачей промышленных предприятий под «общественное управление».

Другим весьма существенным элементом декрета о национализации шахт и некоторых промышленных предприятий, а также декрета о национализации некоторых предприятий пищевой промышленности было то, что в нем специальным пунктом закреплялась необходимость, обязательность передачи государству наряду с основным национализируемым объектом всех подсобных предприятий и заводов, принадлежавших тому же собственнику, а также всех предприятий и заводов, составлявших с основным объектом единое хозяйственное целое. Наличие этого пункта позволяло революционным силам не только расширить масштабы национализации, но и укрепить положение национализированного сектора. Оно вместе с тем свидетельствовало о поражении политических представителей буржуазии в правительстве, добивавшихся сохранения подсобных предприятий в частной собственности с тем, чтобы через них иметь возможность оказывать влияние на национализированный сектор.

Существенное значение для расширения масштабов национализации имело и положение декретов о предприятиях, принадлежавших акционерным обществам. Декрет устанавливал, что в случае если капиталы таких обществ сильно рассеяны среди большого числа акционеров или их предпринимательство охватывает относительно широкую область, то «национализируется вся их собственность, так же как и те предприятия концерна, в которых им принадлежит более половины капитала или где они обладают решающим влиянием» ¹¹⁷. Данное положение, безусловно, расширяло возможно-

сти революционных сил в осуществлении мер, направленных на подрыв и ликвидацию экономических позиций монополистического капитала. Оно позволяло передать в руки государства ту группу предприятий, которые являлись дочерними предприятиями различных акционерных обществ, но не попадали под установленные декретом количественные критерии национализации. Особенно большое значение это положение имело для Словакии, где значительная часть фабрик и заводов (за исключением промышленности, перерабатывающей продукцию сельского хозяйства) была именно таким типом предприятий.

Но оценивая очерчиваемые принятыми декретами границы национализации, следует, однако, констатировать, что основное их острие было направлено, в первую очередь, против крупной монополистической буржуазии. Установленные декретами количественные критерии 500, 300, а для некоторых отраслей и 150 рабочих, занятых на предприятии, оставляли за рамками декрета предприятия средней буржуазии.

Что касается Словакии, то словацкие исследователи приходят к выводу, что «предприятия словацкой буржуазии по большей части не были затронуты национализацией»¹¹⁸. Именно этот момент и вызывал особое беспокойство словацких коммунистов, стремившихся добиться ослабления экономических позиций «своей» национальной буржуазии. Руководство КПС неоднократно, еще в ходе подготовки декретов, поднимало вопрос о необходимости для Словакии несколько иных критериев национализации, чем для Чешских земель. С этой идеей выступали словацкие коммунисты, в частности, К. Шмидке, на заседании правительства при обсуждении вопросов о критериях национализации: «Исходя из обсуждаемого документа... представляется, что в Словакии большинство промышленных предприятий выпадает из рамок национализации. Критерий по количеству занятых в производстве, который предлагается основой декрета, для словацких условий слишком высок»¹¹⁹.

Серьезной уступкой со стороны революционных сил требованиям буржуазных партий было внесенное в текст декретов положение о том, что их действие не распространяется на те крупные предприятия, которые могут возникать в

ряде отраслей промышленности после вступления декрета в действие ¹²⁰. Тем самым сохранялись определенные возможности для восстановления в этих отраслях крупного капиталистического предпринимательства.

Существенное место во всех декретах занимала проблема компенсации за передаваемую государству собственность. Национально-патриотический, антифашистский принцип подхода к решению этой проблемы, определенный весьма четко, создавал возможности передать государству без выплаты компенсации значительную часть промышленных предприятий как бывшую собственность «Германской империи и Венгерского королевства», а также их граждан, и лиц немецкой и венгерской национальности, предавших страну. Имелся в принятых декретах и специальный пункт, определявший, что компенсации за передаваемую государству собственность лишаются и те лица, которые своей деятельностью «поддерживали немецких или венгерских оккупантов» или которые «враждебно относились к Чехословацкой республике или чешскому и словацкому народу» ¹²¹. Но возможности использования этого пункта декретов против группировок буржуазии, сотрудничавших с оккупантами в Чешских землях и клерикально-фашистским режимом в Словакии, были весьма ограничены, поскольку в рассматриваемых декретах, как и в декрете президента о наказании нацистских преступников, предателей и их пособников, изданном 19 июня 1945 г., не было дано определения экономической коллаборации как преступления против национальных интересов страны. Данное обстоятельство позволяло буржуазным политикам вывести немалую часть чешских буржуазных группировок, сотрудничавших в годы войны с оккупантами, из-под действия указанных весьма важных положений декрета и открывало перед этими группировками перспективу претендовать на получение компенсации за национализируемую собственность. Но, отмечая этот совершенно очевидный элемент компромисса, нельзя упускать из виду то чрезвычайно важное обстоятельство, что постановка вопроса о компенсации за национализируемую собственность (и особенно о компенсации за акции при национализации банков), исходившая со стороны политических представителей рабо-

чего класса и активно поддерживаемая ими, была, прежде всего, уступкой настроениям мелкобуржуазных масс общества. Но эта уступка обеспечила политически больший эффект рабочему классу, чем буржуазии, поскольку сделала возможной поддержку борьбы рабочего класса за принятие декретов о национализации со стороны мелкобуржуазных слоев (особенно в Чешских землях).

Элементы компромисса имели место и в тех разделах декретов, которые определяли положение национальных предприятий в системе экономики страны и принципы их организации и управления. С одной стороны, декреты президента предоставляли национализированным предприятиям право «юридически самостоятельных лиц». Государство не несло ответственности за их обязательства, и они должны были подчиняться коммерческим требованиям свободной конкуренции как с другими национализированными, так и с частными предприятиями. «Национальное предприятие, – комментировал декреты министр промышленности Лаушман, – будет самостоятельной юридической единицей, оно будет выступать так, как бы выступал частный предприниматель или акционерное общество»¹²². Такое положение, безусловно, оставляло для буржуазии определенные возможности превращения предприятий национализированного сектора (при благоприятной с точки зрения буржуазии обстановке) в составную часть капиталистической системы хозяйства. Планы подобного рода уже вынашивались и в 1946 г. были предложены чехословацкому обществу¹²³.

Вместе с тем декреты предусматривали создание для управления национальными предприятиями общегосударственных центральных органов (генеральных управлений), которые будут объединять по отраслям национальные предприятия. Основная функция генеральных управлений, как отмечалось в декрете, заключалась в обеспечении «единого руководства» и решения «общих хозяйственных дел». Важные координационные функции возлагались и на центральное управление банков. Однако создание таких общегосударственных центральных органов могло означать лишь частичное решение задач, намечавшихся коммунистами в проекте экономической политики Национального блока трудящихся го-

рода и деревни. Декреты не предусматривали распространения в какой-либо форме деятельности указанных органов на предприятия частного сектора. В равной мере в них не предусматривались и какие-либо иные меры по усилению регулирующей роли государства по отношению к частному сектору. Вопрос о месте частного сектора в экономике страны, о характере его будущих отношений с государственными органами и предприятиями национализированного сектора оставался открытым.

Что касается управления каждого отдельного предприятия, то по декрету эта функция возлагалась на коллегиальный орган – «дирекцию», председателем которого являлся руководитель предприятия. Этот коллегиальный орган, куда должны были входить как представители, назначаемые государством и генеральным управлением, так и непосредственно члены рабочего коллектива национального предприятия, значительно ограничивал полномочия руководителя. Последний обязан был в соответствии с положением декретов выполнять решения дирекции¹²⁴. Это открывало буржуазии при благоприятной ситуации возможности прямого вмешательства в управление национальных предприятий, несмотря на то, что коммунистам и социал-демократам удалось добиться включения в декреты пункта о предоставлении права руководителю приостанавливать действие решения дирекции в том случае, если оно наносит ущерб национальному предприятию¹²⁵.

Анализ содержания декретов о национализации показывает, что под их действие не могла подпасть весьма многочисленная, особенно для Чешских земель, категория тех мелких и средних промышленных предприятий, которые находились под национальным управлением и масштабы которых не позволяли включать их в состав национализируемых объектов. Будущее таких предприятий должен был определять подписанный одновременно с декретами о национализации декрет о конфискации вражеского имущества и создании фонда национального обновления¹²⁶.

Данный декрет являлся своего рода продолжением и дополнением декрета о наказании нацистских преступников, предателей и их пособников, который длительное время был

предметом острой политической борьбы социально разнородных сил, объединившихся в антифашистском движении. В соответствии с новым декретом безвозмездной конфискации подлежала движимая и недвижимая собственность германского рейха, венгерского королевства, лиц венгерской и немецкой национальности, за исключением активных антифашистов. Конфискации подлежала также собственность лиц, совершивших преступление против Чехословацкой республики. Все конфискованное имущество поступало в распоряжение Ведомства по переселению. Ему надлежало провести в жизнь, опираясь на положения Кошицкой программы, раздел этого имущества, обеспечив его передачу в руки новых собственников, в качестве которых в соответствии с параграфами декрета могли выступать как различного рода организации и объединения (например, кооперативы, общественно-правовые объединения, административные единицы и их муниципалитеты), так и частные лица ¹²⁷. Среди конфискованного имущества весьма весомую часть составляли промышленные предприятия, причем не только мелкие и средние, но даже и крупные ¹²⁸.

Как успех революционных сил следует рассматривать зафиксированное в рассматриваемом декрете положение, что все конкретные планы и распоряжения по разделу конфискованной собственности Ведомство по переселению должно согласовывать не только с соответствующими министерствами или ведомствами Словацкого корпуса уполномоченных и Экономическим советом как органом правительства, но и с Центральным советом профсоюзов, а в Словакии – с Советом профсоюзов Словакии ¹²⁹. Указанной акции тем самым обеспечивался непосредственный контроль со стороны наиболее массовой организации рабочего класса. Это имело принципиально важное значение, особенно если учесть, что прямое перенесение в рассматриваемый декрет определения круга лиц, классифицируемых в качестве предателей и пособников оккупантов, из декрета о наказании нацистских преступников, где экономическая коллаборация не рассматривалась в качестве национального предательства, открывало перед буржуазией перспективы вырвать часть промышленных предприятий из-под национального управле-

ния и добиться их возвращения прежним владельцам.

Такое положение неизбежно делало вопрос о будущем конфискатов политически чрезвычайно острым. Естественно, что вокруг него завязывался новый узел борьбы рабочего класса и буржуазии в сфере экономики. От исхода ее зависело решение вопроса, резервом какого сектора в складывавшейся новой структуре народного хозяйства станут конфискаты, чьи позиции будут укреплены?

Одновременно с декретами о национализации и декретом о конфискации вражеского имущества президент подписал декрет о заводских советах, который в законодательном порядке признавал и утверждал на всех предприятиях как в частном, так и в национализированном секторе контрольные функции органов рабочего класса – заводских советов¹³⁰.

Существование заводских советов, их широкие полномочия, сложившиеся в практике революционной борьбы в весенне-летние месяцы 1945 г., весьма существенно ограничивали возможности управленческих функций частного капитала. Именно поэтому вопрос о законодательном закреплении компетенций заводских советов стал предметом острой борьбы в правительстве, начиная с июля 1945 г. вплоть до подписания соответствующего декрета президентом республики. Буржуазные политики, подвергавшие неоднократно поправкам основу декрета, стремились в максимальной степени приблизить положение заводских советов на предприятиях к тому, которое существовало в годы первой республики, лишить их «социальных функций». Эти моменты и вызвали на заседании правительства резко отрицательную оценку со стороны А. Запотоцкого как главы Центрального совета профсоюзов той основы декрета, которая была предложена к обсуждению 18 сентября 1945 г. Выступая от имени ЦСП на заседании правительства, он констатировал, что «основа... является шагом назад, по сравнению со сложившимся на практике положением», что фактически заводские советы имеют прав значительно больше», что «нужно считаться с теми, кто работает на предприятиях, и нельзя возвращаться к положению, которое было в первой республике»¹³¹.

Решительная позиция главы Центрального совета

профсоюзов, поддержанная снизу резолюциями протеста против сокращения прав заводских советов, заставила политических представителей буржуазии пойти на ряд уступок и зафиксировать в декрете такие существенные моменты деятельности органов рабочего класса на местах, как их участие в разработке производственных планов и планов оборота предприятий, контроль за их выполнением, участие представителей заводского совета во всех обсуждениях и заседаниях органов управления предприятием, контроль за его хозяйственной деятельностью. Управление предприятия обязывалось предоставлять заводскому совету сведения об экономическом, торговом, производственном и техническом положении предприятия ¹³².

Таким образом, подводя итог разбору подписанной в октябре 1945 г. президентом Э. Бенешем серии декретов, определявших масштабы и глубину социально-экономических преобразований в сфере промышленного производства на этом этапе развития революции, можно констатировать, что, несмотря на их совершенно очевидный компромиссный характер, они несли в себе революционный потенциал, направленный на ликвидацию экономических позиций финансовой олигархии и монополистического капитала. Этот потенциал был заложен в рассматриваемые декреты активным, прямым и непосредственным участием в их разработке, обсуждении и принятии политических представителей рабочего класса, опиравшихся на поддержку широких трудовых слоев чешского и словацкого общества.

Поддержка предложений и требований рабочего класса трудовым большинством нации стала тем решающим фактором, который заставил буржуазные группировки, имевшие доступ к власти, поступиться, и притом весьма существенно, собственными классовыми интересами. Именно этот фактор вывел данную акцию за традиционные рамки обычной буржуазной национализации, не затрагивавшей основ капиталистического способа производства. Он придал ей глубоко демократический, антимонополистический характер. Такая национализация, реализованная до конца, неизбежно вела к разрушению важнейших базовых структур капиталистического общества. Она обеспечивала не только подрыв, но

и в существенной мере слом капитализма как системы, создавая тем самым рабочему классу новый плацдарм для борьбы за полное устранение буржуазии от политической власти в обществе. Осуществляемая по инициативе рабочего класса, при активной поддержке всех трудовых слоев нации такая национализация неизбежно становилась важнейшим шагом к социализму. Но чтобы этот шаг стал реальностью, рабочему классу Чехословакии и его политическому авангарду – коммунистам необходимо было на практике реализовать заложенный в принятых декретах революционный потенциал, т. е. добиться их последовательного проведения в жизнь и создать в экономике сильный национализированный общественный сектор.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Archív Ústavu marxismu – leninismu ÚV KSS (далее – AÚML ÚV KSS). F. 21. Sig. 1, 1. 114.
- ² AÚML ÚV KSS. F. 21. Sig. 1, 1. 114.
- ³ *Vrabec V.* ROH a znárodnění 1945 // *Odbory a naše revoluce.* Praha, 1968. S. 148.
- ⁴ *Právo lidu.* 1945, 12 červenec.
- ⁵ AÚML ÚV KSS. F. 21. Sig. 1, 1. 141.
- ⁶ *Právo lidu.* 1945, 19 červenec.
- ⁷ *Gottwald K.* Spisy. Praha, 1955. Sv. XII. S. 86.
- ⁸ *Ibid.* S. 92.
- ⁹ *Zápotocký A.* Nová odborová politika. Praha, 1948. S. 118.
- ¹⁰ AÚML ÚV KSS. F. 21. Sig. 1, 1. 161.
- ¹¹ *Cestou května.* Praha, 1975. S. 41.
- ¹² См., например: *Kaplan K.* Znárodnění a socialismus. Praha, 1968. S. 22.
- ¹³ Цит. по: *Kaplan K.* *Op. cit.* S. 44.
- ¹⁴ *Ibid.* S. 22.
- ¹⁵ Так, К. Каплан в своей работе для подтверждения положительного отношения президента к идее национализации использует его высказывания, сделанные в июле – октябре 1945 г. в обстановке широкого движения рабочего класса и трудящихся масс, добивавшихся передачи государству ведущих звеньев промышленности и финансов. Но автор не исследовал при этом более ранние позиции и взгляды Э. Бенеша по рассматриваемому вопросу. Их же основная суть, как свидетельствовало выступление президента в мае 1945 г., сводилось к «дегерманизации» всех областей

- экономической, политической и культурной жизни страны. См.: Svobodné slovo. 1945, 17 květen.
- ¹⁶ *Gottwald K.* Spisy. Sv. XII. S. 121.
- ¹⁷ *Ibid.* S. 119.
- ¹⁸ *Ibid.* S. 122.
- ¹⁹ AÚML ÚV KSS. F. 21. Sig. I, 1. 182.
- ²⁰ *Ibid.*, 1. 116.
- ²¹ *Berger O.* Velké dílo. Hospodářské politický profil českosloven-ského znárodnění. Praha, 1946. S. 51.
- ²² Lidová demokracie. 1945, 12 červenec.
- ²³ Rudé právo. 1945, 9 srpen.
- ²⁴ Právo lidu. 1945, 5 srpen.
- ²⁵ На необходимость такой кампании указывалось на заседании народнохозяйственной комиссии ЦК КПЧ 11 июля 1945 г. (AÚML ÚV KSS. F. 21. Sig. I, 1. 117).
- ²⁶ Zprávy ROH. 1945, 10 září. S. 1.
- ²⁷ *Král V.* Cestou k Únoru. Praha, 1963. S. 116.
- ²⁸ Zprávy ROH. 1945, 23 srpen. S. 1.
- ²⁹ Rudé právo. 1945, 19 srpen.
- ³⁰ Statní Ústřední Archiv SSR (далее – SÚA SSR). F. ÚP – SNR. Sig. L-I. Inv. 21, a. j. 13/45, 1. 34.
- ³¹ *Jarošová V., Škurlo L., Vartíková M.* Odbory na cestě k februaru (1944–1948). Bratislava, 1967. S. 63–65.
- ³² 8 августа делегация служащих банков и страховых компаний посетила Президиум ЧНС и передала резолюцию заводских комитетов банков с требованием их национализации. 22 августа состоялось заседание заводских комитетов банков и страховых компаний Братиславы, где также было принято решение поддерживать требование передачи всех финансовых институтов государству. См.: *Vrablic E.* Revolučie a znárodnenie na Slovensku. Bratislava, 1975. S. 80–81.
- ³³ 24 августа 1945 г. Словацкий национальный совет принял постановление о введении национального управления во всех банках и страховых институтах Словакии, которое должно было вводиться в соответствии с предложениями заводских комитетов. Однако возглавивший ведомство финансов ЧНС представитель крайне правых кругов демократической партии Йоско активно проводил политику саботажа при реализации этого постановления ЧНС. *Kovačik L.* Voj o banky. Bratislava, 1950. S. 53.
- ³⁴ *Ibid.* S. 45.

- ³⁵ Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferencii a plen 1944–1948, Bratislava, 1971. S. 205.
- ³⁶ Ibid. S. 206.
- ³⁷ Archív Předsednictva vlády (далее – APV). Rezoluce Předsednictvu vlády. Č. 6847, 6605, 6370, 6257.
- ³⁸ Rudé právo. 1945. 18 srpen.
- ³⁹ Právo lidu. 1945. 21 srpen.
- ⁴⁰ AÚML ÚV KSS. F. 21. Sig. 1, 1. 161.
- ⁴¹ Právo lidu. 1945. 12.VII.
- ⁴² Všeodborový archív Ostrřední rady odborů (далее – VOA ÚRO). F. Předsednictvo. Kar. L. Jed. 2. Seznám z porady předsednictva 22.VIII.1945, 1. 1–2.
- ⁴³ *Růžička K.* ROH v boji za rozšíření moci dělnické třídy. Praha, 1965. S. 51.
- ⁴⁴ *Gottwald K.* Spisy. Sv. XII. S. 114.
- ⁴⁵ Ibid. S. 122.
- ⁴⁶ Ibid. S. 120.
- ⁴⁷ AÚML ÚV KSS, f. 21, sig. 1, 1. 182.
- ⁴⁸ К концу 1945 г. из 450 тыс. членов национально-социалистической партии 15–20% составляли ремесленники и мелкие предприниматели. Широко пропагандируемое идеологами этой партии неклассовое понятие особого, демократического, чешского национального социализма привлекло в ее ряды значительное число мелких собственников. Подробнее см.: *Deyl Z.* Řešení vztahu dělnické třídy a městské malo-burzoasie 1945–1948. Kand. práce. Praha, 1963. S. 117–119.
- ⁴⁹ *Frejka L.* Historie bojů o znárodnění československého průmyslu. Praha, 1950. S. 8.
- ⁵⁰ Právo lidu. 1945, 22 červenec.
- ⁵¹ Rudé právo. 1945, 24 srpen
- ⁵² Rudé právo. 1945, 24 srpen.
- ⁵³ Не случайно Э. Бенеш, являвшийся негласным лидером национально-социалистической партии, встречаясь как президент республики 22 августа 1945 г. с руководителями Революционного профсоюзного движения – коммунистом А. Запотоцким, социал-демократом Э. Эрбаном, национальным социалистом О. Вюишем, во время обсуждения вопросов национализации подчеркивал, что он «согласен подписать еще ряд декретов, которые будут ему предложены: такие, как декрет о национализации промышленности, банков, о заводских советах, о Революционном профсоюзном дви-

- жении». *Klimeš M., Zachová M.* Příspěvek k problematice únorových událostí // Československý časopis historický. 1958. Č. 2. S. 192.
- ⁵⁴ Rudé právo. 1945, 24 srpen.
- ⁵⁵ Rudé právo. 1945, 12 září.
- ⁵⁶ *Berger O.* Op. cit. S. 63.
- ⁵⁷ См.: Zprávy ROH. 1945, 21 srpen; 29 srpen; 8 září; Rudé právo. 1945, 16 srpen.
- ⁵⁸ Zprávy ROH. 1945, 21 srpen.
- ⁵⁹ APV, Rezoluce předsednictvu vlády. Č. 6605.
- ⁶⁰ *Frejka L.* Op. cit. S. 9.
- ⁶¹ Svobodné slovo. 1945, 2 září.
- ⁶² Zprávy ROH. 1945, 18 září.
- ⁶³ VOA ÚRO. F. Předsednictvo. Kar. L. Jed. 2. Seznání porady předsednictva, konané dne 7.IX.1945. S. 1.
- ⁶⁴ *Gottwald K.* Spisy. Sv. XII. S. 151.
- ⁶⁵ Rudé právo. 1945, 21 září.
- ⁶⁶ AÚML ÚV KSS. F. 21. Ssig. 1, 1. 172.
- ⁶⁷ Svobodné slovo. 1945, 2 září.
- ⁶⁸ *Gottwald K.* Spisy. Sv. XII. S. 120–121.
- ⁶⁹ Rudé právo. 1945, 22 srpen.
- ⁷⁰ Svobodné slovo. 1945, 19 říjen.
- ⁷¹ *Frejka L.* Op. cit. S. 11.
- ⁷² Svobodné slovo. 1945, 23 září.
- ⁷³ Svobodné slovo. 1945, 30 srpen.
- ⁷⁴ См., например: Svobodné slovo. 1945, 2 září.
- ⁷⁵ Центральный совет профсоюзов предполагал подготовить к 20 сентября, когда президент официально подпишет декрет о национализации ключевых отраслей промышленности, массовую манифестацию трудящихся в поддержку этого акта президента.
- ⁷⁶ APV. Zápis 53 mimořádné schůze vlády 13 září 1945.Ss. 2–3.
- ⁷⁷ Ibid. S. 4–5.
- ⁷⁸ Ibid. S. 9.
- ⁷⁹ Ibid. S. 3.
- ⁸⁰ Ibid.
- ⁸¹ Например, 16 сентября 1945 г. «Руде право» сообщила о многочисленных резолюциях заводских комитетов, где рабочие требуют скорейшего принятия декрета о национализации ключевых отраслей промышленности и банков. 19 сентября 1945 г. «Руде право» писала, что глава правительства З. Фирлингер получает много

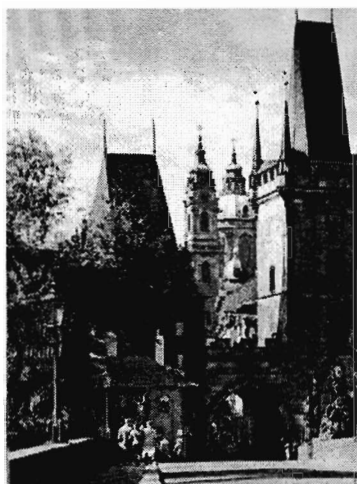
- численные телеграммы от коллективов предприятий, от местных национальных комитетов, в которых высказывается требование обобществления банков и ключевых отраслей промышленности.
- 82 Svobodné slovo. 1945, 19 září.
- 83 APV. Zápis 53 mimořádné schůze vlády... S. 4.
- 84 Král V. Cestou k Únoru... S. 125; Svobodné slovo. 1945, 1 listopad; Lidová demokracie. 1945, 3 listopad.
- 85 Svobodné slovo. 1945, 1 listopad.
- 86 APV. Zápis 53 mimořádné schůze... S. 12.
- 87 Lidová demokracie. 1945, 4 listopad.
- 88 APV. Zápis 57 schůze vlády, 21 září 1945. S. 9.
- 89 Ibid. S. 5.
- 90 Ibidem.
- 91 APV. Zápis 60 schůze vlády 25 září 1945. S. 11.
- 92 Ibid. S. 12.
- 93 APV. Zápis 57 schůze vlády 21 září 1945. S. 9.
- 94 Svobodné slovo. 1945, 21 září.
- 95 Ibidem.
- 96 Vrabcic E. Op. cit. S. 101–102.
- 97 Pravda. 1945, 2 oktober.
- 98 Zprávy ROH. 1945, 29 září.
- 99 APV. Zápis 60 schůze vlády... S. 5.
- 100 Král V. Op. cit. S. 117–119.
- 101 Эта общая позиция буржуазных партий, направленная на сужение масштабов национализации, получила прямую поддержку со стороны американских монополий. Посол США в Чехословакии Штейнгардт прямо угрожал экономическими санкциями со стороны ряда монополистических объединений США в случае, если правительство вообще не откажется от национализации сахароваренной промышленности на 5–10 лет. Mrázek O. 15 let rozvoje znárodněného průmyslu CSSR. Praha, 1960. S. 50.
- 102 APV. Zápis 61 mimořádné schůze vlády, 27 září 1945. S. 3–4.
- 103 Ibid. S. 14.
- 104 Rudé právo, 1945, 3 října.
- 105 APV. Zápis 63 mimořádné schůze vlády, 2 října 1945. S. 8–10.
- 106 Lidová demokracie. 1945, 4 listopad.
- 107 Svobodné slovo. 1945, 1 listopad.
- 108 Král V. Op. cit. S. 125.
- 109 Ripka H. Gzechoslovakia enslaved. London, 1950. P. 43.

- ¹¹⁰ *Gottwald K.* Spisy. Sv. XII. S. 182.
- ¹¹¹ APV. Zápis 72 schůze vlády, 9 října 1945. S. 1–13.
- ¹¹² APV. Zápis 70 schůze vlády, 6 října 1945. S. 8–10.
- ¹¹³ APV. Zápis 70 schůze vlády... S. 9.
- ¹¹⁴ Sbíрка zákonů a nařízení Republiky Československé 1945. Č. 47. S. 207–238.
- ¹¹⁵ *Vrabec V.* Op. cit. S. 167.
- ¹¹⁶ Sbíрка zákonů... Č. 47. S. 220.
- ¹¹⁷ Sbíрка zákonů... Č. 47. S. 209.
- ¹¹⁸ *Barnovský M.* Sociálně třídy a revolučně přeměny na Slovensku v letech 1944–1948. Bratislava, 1978. S. 152.
- ¹¹⁹ APV. Zápis 58 schůze vlády, 21 září 1945. S. 9.
- ¹²⁰ Sbíрка zákonů..., Č. 47. S. 208, 215.
- ¹²¹ *Ibid.* S. 210.
- ¹²² *Laušman B.* Znárodnění bank, pojišoven, nerostného bohatství, energetických zdrojů a průmyslu. Praha, 1946. S. 10.
- ¹²³ *The Czechoslovak economy 1945–1948.* Praha, 1968. S. 102.
- ¹²⁴ Несколько иначе формировалось представительство на национализированных сахароваренных заводах. Здесь из 9 членов руководящего органа предприятия 3 члена назначались министерством, двое являлись представителями рабочих, занятых на заводе, и 4 члена выбирались на основе стихийного голосования из числа крестьян, поставявших сырье на завод.
- ¹²⁵ Sbíрка zákonů... Č. 47. S. 212.
- ¹²⁶ *Ibid.* S. 250–252.
- ¹²⁷ *Ibid.* S. 250.
- ¹²⁸ ASPK. F. GSHR, Zprávy o hospodářské situaci. Č. 666-a. S. 1.
- ¹²⁹ Sbíрка zákonů... Č. 47. S. 251.
- ¹³⁰ О борьбе вокруг декрета о заводских советах подробнее см.: *Felcman O.* Český proletariát v boji za vítězství socialistické revoluce 1945–1948. Praha, 1984. S. 80–84.
- ¹³¹ APV. Zápis 55 schůze vlády konané 28 září 1945. S. 16, 17.
- ¹³² Sbíрка zákonů... Č. 47. S. 234–236.

Избранное

II

**ЧЕХОСЛОВАКИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ:
«НЕКЛАССОВЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ»
ИЛИ СОЦИАЛИЗМ
В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ?
(1945–1947) ***

Чехословацкое общество по своим общественно-политическим ориентациям существенно отличалось от обществ остальной части региона: в массовом сознании, особенно в Чешских землях, в 1945 г. на первый план все более выходили социалистические идеи. Но в отличие от Югославии и Албании, где преваляровала фетишизация советской модели общественного устройства, в Чехословакии была достаточно широкая палитра различных трактовок социалистических идей и методов их реализации: неклассовый, демократический национальный социализм, базирующийся на гуманистическом наследии Т.Г. Масарика и принципе равенства независимо от классовой принадлежности; социал-демократическое видение разрешения основных противоречий общества «с помощью бескровной революции»; специфический путь к социализму через решение общенациональных задач и объединение большинства нации вокруг КПЧ (реформаторское крыло этой партии); наконец, чисто доктринальная коммунистическая идея диктатуры пролетариата.

Носители этих взглядов были в различных слоях общества. Их активное включение в политику после освобождения страны во многом обусловило то, что в Чешских землях Народная партия, не выступавшая под социалистическими лозунгами, оказалась в значительной мере оттесненной на периферию общественной жизни. Получали же общественную поддержку концепции, имевшие формально одну общую исходную, – они должны были обеспечивать движение к социализму.

---

* *Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1993. С. 118–135, 327–328.*

В Словакии Национальный фронт опирался на соглашение двух партий – компартии Словакии и Демократической. Последняя, традиционно державшая под своим контролем словацкую деревню, отвергала социализм во всех его модификациях. Она провозглашала себя сторонницей такой реформированной общественной системы, которая «превращает земледельцев, ремесленников, торговцев в самостоятельных независимых предпринимателей» и при которой «частные поместья и крупные предприятия уступают место средним и малым предприятиям»¹.

Отсутствие прямой защиты прежнего строя в программах всех политических партий в определенной мере снижало социальный накал, и борьба политических сил, участвовавших во власти, приняла в Чехословакии, по сравнению с другими странами региона, более «сдержанные», затушеванные формы. Во взаимоотношениях партий Национального фронта сравнительно длительное время преобладало стремление к поискам и достижению компромиссов.

Несмотря на то, что уже в летние месяцы 1945 г. в ходе реализации основных положений Кошицкой программы вновь стали отчетливо проявляться, казалось бы, уже снятые в ходе московских переговоров разногласия (например, об отношении к экономической коллаборации^{*}), тем не менее в этот период партнерами по коалиции выдерживался курс на взаимодействие и сохранение единства Фронта.

Необходимость достижения политических компромиссов между партиями Национального фронта, представлявшими в нем интересы широкого круга социальных сил, во многом обуславливалась не только атмосферой общего национально-патриотического подъема и энтузиазма, не только осознанием политиками общенациональной значимости за-

---

^{*} Коммунисты считали вопрос о наказании коллаборационистов одним из первостепенных. На его чрезвычайную значимость указывал К. Готвальд как в беседе с послом СССР в Чехословакии В.А. Зориным в апреле 1945 г., так и в публичных выступлениях перед функционерами КПЧ².

дач, стоявших перед освобожденной страной^{*}, но и соотношением позиций каждой из партий в формировавшихся новых органах власти. Несмотря на провозглашенный принцип паритета, складывалась весьма сложная ситуация. Если в правительстве, официально утвержденном президентом Э. Бенешем 4 апреля 1945 г., каждая из партий была представлена тремя министрами и четыре министра входили в правительство как беспартийные специалисты⁴, то в местных органах власти – краевых и районных национальных комитетах – паритет явно не выдерживался. Соотношение сил здесь совершенно очевидно было в пользу коммунистов, причем в обеих частях республики. Среди членов районных национальных комитетов именно коммунисты составляли самую большую группу – 37%. Национальные социалисты располагали 16% мест, члены Народной партии – 15%, социал-демократы – 14%, а беспартийные – 15%. Доля коммунистов среди председателей национальных комитетов была еще выше – 46%⁵. В Словакии также большинство в национальных комитетах принадлежало КПС^{**}, что вызвало трения с представителями Демократической партии. Как комментировал сложившуюся ситуацию член ЦК КПС Э. Фриш в беседе с консулом СССР в Словакии Н.Я. Демьяновым, компартии придется проводить линию на обновление состава национальных комитетов путем избрания демократов⁷.

Что же касается центрального аппарата, то в подавляющем большинстве министерств сохранялся старый контингент чиновников⁸. Среди них было немало и бывших сторонников запрещенных аграрной и живнostenской партий.

---

* Р. Сланский – член руководства КПЧ, вспоминая атмосферу первых послевоенных месяцев, рассказывал: «Ситуация была такова, что к нам приходили и национальные социалисты, и социал-демократы... К нам пришла Земинова (одна из правых деятелей национально-социалистической партии. – Г.М.), которая нас обнимала и говорила, что у нас будет одна партия в республике»³.

** Однако советские дипломатические представители отмечали, что руководимые КПС национальные комитеты не смогли объединить вокруг себя «большинство народа» и работали «оторванно от масс», занимая зачастую крайне левые позиции, «которые причиняли им больше вреда, чем пользы»⁶.

Это, в свою очередь, вызывало у коммунистов опасения саботажа со стороны управленческого аппарата и порождало стремление к его скорейшей реорганизации, по крайней мере, в тех министерствах, которые возглавлялись ими.

Реорганизация же МВД и госбезопасности, срочно проведенная министрами-коммунистами в 1945 г., свидетельствовала об использовании «в некоторой степени опыта СССР»⁹. В результате все референты госбезопасности сначала в краевых, а затем и районных национальных комитетах Чешских земель оказались членами КПЧ. Монополией коммунистов служба безопасности была и в Словакии¹⁰. Это не могло не вызывать беспокойства их партнеров по Фронту и стимулировало резко критическое отношение последних к деятельности коммунистов.

Что касается армии, то степень политического влияния КПЧ не была здесь такой однозначной, как в органах внутренних дел. Генерал Л. Свобода, входивший в правительство как беспартийный, ближе всего стоял к коммунистам, но большинство офицерского корпуса были беспартийными или ориентировались на некомунистические партии Фронта. Органы же просвещения и информации в армии целиком были в руках коммунистов, что усиливало их позиции.

Реально складывавшееся соотношение сил в системе формировавшихся органов власти, весьма далекое от провозглашенного принципа паритета, объективно повышало роль Национального фронта как органа, призванного обеспечить каждой из сторон контроль за действиями партнеров по коалиции. Отсюда вытекало и стремление всех партий НФ создать достаточно жесткую его структуру, положив в ее основу принцип согласия всех составляющих коалицию, с тем, чтобы исключить возможность какой-либо легальной оппозиции правительству. Такое положение неизбежно превращало отношения политических сил, деливших власть в стране, в форму движения через компромиссы, достижение и результативность которых для каждой из сил напрямую были связаны со степенью ее влияния и поддержки в обществе. Это проявилось уже в летне-осенние месяцы 1945 г., когда под прямым воздействием общественных настроений, и, в первую очередь, рабочего класса, две партии, входившие в социалистический

блок, – коммунисты и социал-демократы, координируя свои действия с Революционным профсоюзным движением, в качестве важнейшей общенациональной задачи поставили вопрос о необходимости национализации ключевых отраслей промышленности и банков. Сформулированное ими требование трактовалось как необходимая предпосылка «обновления хозяйственной мощи как можно быстрее и с наименьшими экономическими издержками»¹¹. При этом оговаривалось, что интересы мелких и средних собственников данная акция не затронет.

Общенациональный характер выдвигавшихся требований ставил национальных социалистов с их скорее негативным, чем просто сдержанным подходом в рамках Национального блока трудящихся города и деревни к этим предложениям, как и политиков из рядов Народной и Демократической партий, выступавших за передачу государству собственности инациональной буржуазии, в весьма сложное положение. Они оказывались под прямым давлением не только рабочего класса*, но и значительной части своей членской массы¹³. В таких условиях суть дискуссий при обсуждении декретов о национализации концентрировалась не вокруг проблемы «проводить или не проводить эту акцию», а на вопросах масштабов и темпов ее проведения, статуса будущих национализированных предприятий и форм управления национализированным сектором.

Подписанная 24 октября 1945 г. Э. Бенешем серия декретов о национализации была результатом сложного компромисса социальных сил различной ориентации. В определении масштабов и темпов проведения этой акции инициатива принадлежала «тандему» коммунистов и социал-демократов, который выступал от имени рабочего класса и опирался, в первую очередь, на его поддержку. Возглавляемое социал-демократом Б. Лаушманом министерство промышленности стало своеобразным «мотором» продвижения основы декре-

---

* «Правительство работает под плетками рабочих», – так охарактеризовал обстановку в стране в дни обсуждения правительством проекта декретов один из активных политиков Национально-социалистической партии Г. Рипка¹².

тов в правительстве, ибо в его руках оказались сосредоточенными все организационные функции. Советское посольство именно в этот период весьма высоко оценивало деятельность Б. Лаушмана, отмечая его «высокие интеллектуальные способности, политическое развитие, умение объединить вокруг себя нужных специалистов»¹⁴.

Представители Народной партии и национальные социалисты, оценивая складывавшуюся ситуацию, вынуждены были признать, что «победил принцип национализации в весьма широком масштабе... акция по передаче государству прошла не так, как требовал исполнительный комитет партии...»¹⁵. Действительно, уже к середине 1946 г. национализированный сектор охватывал 17% промышленных предприятий. Он сосредоточил в своих рамках более 50% рабочих и служащих и 56% произведенной продукции¹⁶. Однако что касается юридического статуса предприятий, то попытка коммунистов закрепить однозначно положение о том, что национализированные предприятия являются собственностью государства, не удалась. Декрет фиксировал, что предприятия, став государственными, остаются самостоятельными юридическими лицами и должны руководствоваться принципами коммерческого предпринимательства.

Таким образом, декреты о национализации закладывали в новую структуру экономики два взаимоисключающих друг друга «гена». С одной стороны, на основе смешанной экономики, которая становилась реальностью в случае реализации декретов, могли развиваться «экономическая демократия» с ее многоплановой сложной социальной структурой и вытекающий отсюда политический плюрализм. С другой стороны, в условиях фаворизации общественного сектора в виде одной из его форм – государственной собственности – неизбежным становился «экономический этатизм» как база для государства тоталитарного типа. Дальнейшая эволюция экономических структур зависела от того, какие концепции будущего развития получат поддержку в чехословацком обществе в условиях, когда цементирующее воздействие Кошицкой программы на общественные настроения стало резко сужаться. Перед всеми политическими партиями объективно вставали задачи разработки концепций дальнейшего общественного

развития. В январе 1946 г. Национальный фронт принял решение о проведении выборов в Учредительное Национальное собрание. При этом четко оговаривалось, что партии пойдут на выборы, сохраняя единство Национального фронта.

Весна 1946 г., несмотря на это соглашение, стала временем острой политической и идеологической борьбы. Сравнение предвыборных программ партий Национального фронта показывает, что общими, сближавшими интересы всех сил, оставались два принципа. Первый – формулируемая по-разному каждой из партий идея необходимости обеспечения существования Чехословакии как государства двух славянских народов*. Советский фактор всеми рассматривался как гарант реализации этой идеи. Второй – складывавшаяся многосекторная экономика рассматривалась всеми политическими силами как долговременная объективная реальность.

Но при этом каждая из сил по-своему оценивала ситуацию после принятия всей серии декретов, направленных на реализацию Кошицкой программы. Словацкие демократы и Народная партия главную свою цель видели в консервации достигнутого положения, прекращении реформаторской деятельности, обеспечении частного предпринимательству «чувства правовой уверенности для полного использования и развития производственных мощностей мелких и средних предприятий». Они выдвигали и отстаивали принцип равноправия всех секторов народного хозяйства: «На нашу крупную промышленность мы должны смотреть как на экономический объект, который в будущем не будет требовать чрезвычайной опеки... Для мелких и средних предприятий речь пойдет о том... чтобы здесь была найдена здоровая основа, на которой будет базироваться наше предпринимательст-

---

* Например, национальные социалисты облекли эту идею даже в требование ликвидации прав национальных меньшинств (речь шла о венграх и немцах), словацкие демократы – в требование обеспечения национального существования; социал-демократы – в требование укрепления единства нации и отказа от каких-либо гарантий прав оставшимся после выселения немцам и венграм; коммунисты выступали за сохранение славянского – чешского и словацкого – характера республики¹⁷.

во»¹⁸. В программе Демократической партии существенное место занимали проблемы деревни. Здесь акцент делался на удовлетворение требований крестьян как социальной категории в целом.

Национальные социалисты, исходя из своей концепции «социализирующейся демократии», национализацию на базе декретов 1945 г. оценивали как акцию социалистическую * и выдвигали в своей предвыборной программе идею гармоничного сотрудничества всех слоев общества на основе защиты частной собственности, инициативы и предпринимательства «во всех областях, где они экономичнее и более социально выгодны, чем общественное производство»²⁰. Необходимость развития частного предпринимательства и кооперативов рассматривалась ими как «ключ к благосостоянию». Отсюда вытекало и требование определения границ национализированного сектора, официального признания правительством акции по национализации завершенной и обязательности принципа равноправия секторов.

Коммунисты на этом этапе свою программу строили исходя из того, что многосекторная экономика останется объективной реальностью на длительный срок, и будущая конституция, которую предстояло принять Учредительному Национальному собранию, одновременно с закреплением «великого дела национализации должна обеспечить охрану мелкого и среднего частного предпринимательства». Но при этом делалось уточнение, что речь идет о поддержке и охране «честно нажитой собственности... сельского населения и средних городских слоев»²¹. Вопрос же об отношении национализированного сектора с остальными звеньями экономики рассматривался в контексте решения общенациональной задачи восстановления страны, которой и отводилось центральное ме-

---

* «Национализацией ключевых отраслей промышленности, акционерных банков и страхования осуществляется акт экономической демократии, без которой нет политической свободы. Наша партия выступает полностью за эту социалистическую акцию... Мы убеждены, что капитализм является пройденным этапом. Мы закладываем основы для создания социализма». – Эти слова принадлежали одному из лидеров национальных социалистов П. Зенклу¹⁹.

сто в предвыборной программе КПЧ. Необходимость введения элементов планирования и усиления регулирующей роли государства выступала как условие, обеспечивавшее общенациональные интересы. Здесь наблюдалась определенная общность позиций коммунистов и социал-демократов. Идея «регулируемой, социалистически планируемой экономики» составляла основу экономической программы последних.

Итак, при двух для всех партий общих позициях (Чехословакия – государство двух славянских народов; многосекторный характер экономики) программы демонстрировали и весьма существенные различия в видении перспектив. Достаточно четко определились основные линии противостояния. В Чешских землях, несмотря на наличие четырех партий, главное соперничество развертывалось между коммунистами, стремившимися сохранить приобретенный в годы войны авторитет политической силы, которая отстаивает общенациональные интересы и принципы демократии, и национальными социалистами, провозглашавшими себя наследниками гуманистических идей Т.Г. Масарика. Именно в обращении «к программе и духу Масарика» доктринерски настроенная часть руководства КПЧ увидела попытку национальных социалистов создать платформу, которую можно было бы противопоставить идее Национального фронта и, доказав несовместимость коммунистической идеологии с демократическими идеями Масарика, оттеснить коммунистов на периферию политической жизни. Это противостояние вылилось в весьма острую дискуссию на страницах прессы об отношении к гуманистическому наследию Масарика, в которой принял участие и Э. Бенеш. И хотя на пленуме в феврале 1946 г. коммунисты устами В. Копецкого заявили о том, «что масарикизм преодолен, он не может быть идеологией новой Чехословакии...», в предвыборном заявлении КПЧ формулировала свою позицию в принципиально иной тональности: «Мы принимаем от Масарика его живые ценности, его демократические и гуманистические идеалы, которые мы осуществляем в новой форме...»²².

В Словакии, где подавляющая часть населения была католического вероисповедания и составляла массовую базу клерофашистского режима Тисо, послевоенная политическая

организация отличалась от Чешских земель весьма существенной спецификой. В рамках Национального фронта Словакии действовали лишь две партии: КПС и Демократическая, объединявшая в своих рядах лиц евангелической конфессии, – католики же оставались исключенными из политической жизни. В ходе предвыборной кампании напряженные отношения между партиями Словацкого национального фронта приобрели особую остроту после того, как демократы, заключив соглашение с католическим клиром, открыли двери своей партии для лиц католического вероисповедания²³. Демократическая партия стала рассматриваться коммунистами как откровенное прибежище и рупор крайне правой реакции. Таким образом, здесь противостояние приобретало иной, чем в Чешских землях, характер.

Состоявшиеся 26 мая 1946 г. выборы в Учредительное Национальное собрание, в которых приняло участие абсолютное большинство электората, показали рост влияния коммунистов, получивших около 38% голосов. На долю национальных социалистов приходилось 18,3%, социал-демократы собрали лишь 12% голосов, Народная партия — 15,6%. В Словакии Демократическая партия повела за собой основную массу населения (в первую очередь, крестьянство) и обеспечила себе 62% голосов (в общегосударственном масштабе это составляло 14%). Коммунисты же в Словакии получили около 30,4% голосов (в общегосударственном масштабе – 6,8%)²⁴.

Такие итоги были неожиданными для большинства чешских и словацких некоммунистических политиков. «Результаты выборов в Учредительное Национальное собрание были хуже, чем все наши пессимистические ожидания... Даже скромные (для коммунистов. – Г.М.) результаты выборов в Словакии не могли скрыть того факта, что большинство народа было настроено революционно-марксистски и ориентировалось на Советский Союз, на Восток», – писал в своих мемуарах Л. Фейерабанд. Президент тоже был подавлен результатами выборов: «Он откровенно сказал мне, – вспоминал Фейерабанд, – что ничего подобного не ожидал и верил, что национальные социалисты будут первой партией»²⁵. При анализе причин поражения этой партии на выборах в ее краевых организациях раздавались голоса о том, что партия

не располагала конструктивной программой: «Под лозунгом “национальный чехословацкий социализм” никто не сумел дать продуманный ответ на конкретную ситуацию, отличавшийся в лучшую сторону от решения коммунистов»²⁶. В центральном же руководстве Национально-социалистической партии главную причину поражения на выборах связывали, прежде всего, с нарастанием послевоенной левой радикализации в мире. П. Дртина на заседании Исполнительного комитета партии 6 июня 1946 г. отмечал: «Мир идет влево и идет сильно влево. Мы никакой большей левизной не могли бы догнать коммунистов»²⁷. Руководство партии сходилось на том, что коммунисты достигли зенита своего влияния и далее возможно ожидать лишь его постепенного спада. Этот вывод был положен в основу разработки новой политической линии национальных социалистов: укреплять позиции партии в системе государственной власти, сохранять Национальный фронт как институт, способный обеспечить демократическое развитие страны, строить свои отношения с КПЧ внутри Национального фронта, признавая за последней лишь право «первой среди равных».

Суть новых взаимоотношений с КПЧ раскрывал тот же П. Дртина: «Мы должны быть твердыми и во многих случаях несговорчивыми партнерами, но при этом нельзя допустить, чтобы к нам применялось понятие “враждебность”... Мы хотим, чтобы они действительно были нашим партнером в демократическом Национальном фронте»²⁸. Зенкл как руководитель партии подчеркивал, что нельзя и думать о том, чтобы покинуть Фронт и что «придется идти на неприятные компромиссы»²⁹.

Что касается коммунистов, то для них ситуация отнюдь не была везде в одинаковой степени позитивна. Результаты выборов в Словакии оказались в значительной степени неожиданными, хотя симптомы сокращения влияния коммунистов там были налицо еще задолго до выборов³⁰. К. Готвальд на пленуме ЦК 30 мая 1946 г. вынужден был признать: «Мы не ждали ничего особенно замечательного, но то, что все так рухнет, – этого мы не предполагали»³¹.

Выборы, по сути дела, продемонстрировали, что общественные настроения в двух частях республики разошлись. В

Чешских землях совершенно явно преобладали настроения в поддержку коммунистов. За них отдала голоса подавляющая часть промышленных центров, за исключением Брно, где на первое место вышли национальные социалисты. Коммунистов поддержала чешская и моравская деревня³². Более сдержанно их программа была принята чиновничеством, частными и государственными служащими³³.

В Словакии расклад сил оказался иным. Здесь Демократическая партия повела за собой не только словацкую деревню, но и городскую интеллигенцию, мелких предпринимателей, служащих торговых, банковских и других учреждений. Через созданную накануне выборов Партию труда демократы пытались укрепить свое влияние и среди рабочего класса³⁴. Победа Демократической партии в этой части республики свидетельствовала о наличии достаточно широких социальных слоев, поддерживавших концепцию аграризма в ее словацком варианте. Так же, как в Польше и Болгарии, массовую поддержку эта концепция получила в деревне, хотя вокруг нее сгруппировались различные по социальному статусу и политическим интересам силы, воспринимавшие аграризм как альтернативу социализму.

Выявленные выборами противоположные тенденции в развитии общественных настроений в обеих частях республики, в том числе и проявление сепаратистских тенденций в Словакии, заставляли все политические партии искать возможности соглашений и компромиссов в рамках Национального фронта. Об этом наглядно свидетельствовало отношение к программе, которую предложил К. Готвальд как глава нового правительства. Ее проект, полностью разработанный коммунистами, предусматривал в политической сфере конституционное оформление новой системы управления через национальные комитеты. В экономической же сфере речь шла о закреплении результатов национализации промышленности и банков, а также аграрной реформы 1945 г. Центральное место в программе занимал вопрос о двухлетнем плане восстановления и развития страны. В качестве средства, призванного обеспечить его реализацию, предлагалась серия мер по изменению системы управления экономикой с целью усиления регулирующей роли государства путем введения эле-

ментов директивного планирования, централизации банковской системы, установления через банки контроля за деятельностью всех секторов формирующейся многосекторной экономики и обеспечения в ней ведущей роли обобщественного сектора.

Эта тенденция к этатизации экономики, совершенно отчетливо проявившаяся в предложенном проекте, и вызвала крайне негативную реакцию ряда партнеров по Национальному фронту. В ходе обсуждения во Фронте и Национальном собрании под давлением как национальных социалистов, так и Народной партии, поддержанных словацкими демократами, коммунисты вынуждены были пойти на ряд немаловажных уступок и внести в текст «Созидательной программы правительства К. Готвальда» коррективы.

Прежде всего, некоммунистическим партиям удалось добиться официального признания наличия многосекторной экономики констатацией в программе того факта, что правительство считает дело национализации законченным. Была зафиксирована также и конституционная защита частной собственности, которая распространялась не только на мелкую и среднюю, но и на всех частных юридических лиц. Были существенно сужены и контрольные функции банков: они распространялись только на национализированные предприятия³⁵.

Именно с такими коррективами и была 11 июля 1946 г. принята Национальным собранием новая программа правительства. Ее реализация должна была начаться с конкретной совместной разработки двухлетнего плана экономического развития. Здесь-то весьма четко вновь обозначились разные подходы как к идее плана, так и видению в нем роли и места различных секторов народного хозяйства. Коммунисты как инициаторы проекта в его основу положили принцип приоритетного развития отраслей тяжелой промышленности, составлявших подавляющую часть национализированного сектора, и искали возможности сформировать систему централизованного управления хозяйством через установление экономического контроля над частнокапиталистическим сектором. Их партнеры по Фронту исходили из иных предпосылок: они считали, что основу материального благосостояния составляет средняя и мелкая промышленность, ремесленное и

сельскохозяйственное производство. Именно этим отраслям в проекте коммунистов отводилась, по их мнению, роль «Золушки». Дискуссии вокруг приоритетов инвестиционной политики носили весьма сложный и затяжной характер, но коммунистам при поддержке такой массовой общенациональной организации, как Революционное профсоюзное движение, удалось отстоять свою линию. Однако компромисс был достигнут за счет ряда уступок авторов проекта. В частности, они вынуждены были согласиться на создание специального комитета по контролю за выполнением двухлетки, который ограничивал права министров. Под нажимом министров – национальных социалистов, членов Народной партии и демократов в законе появилось и положение о том, что всем видам предпринимательства «обеспечивается полное равноправие при осуществлении двухлетнего плана путем создания одинаковых предпосылок и условий их экономической деятельности»³⁶. Для руководства КПЧ ситуация осложнялась еще и тем, что в социал-демократической партии, ранее достаточно последовательно шедшей в фарватере коммунистов, после поражения на выборах усилилось стремление к проведению самостоятельного политического курса. Линия на сотрудничество с КПЧ стала подвергаться постоянным нападкам со стороны правого крыла этой партии, и ряд левоориентированных политиков (например, Б. Лаушман) стали все более склоняться к центру, отстаивая самостоятельный курс социал-демократической партии³⁷. В таких условиях неустойчивое равновесие, сложившееся в парламенте (151 мандат коммунистов и социал-демократов и 149 мандатов национальных социалистов, Народной партии и демократов) и в правительстве (12 министров коммунистов и социал-демократов и 12 министров, представлявших другие партии), заставляло руководство КПЧ идти на уступки своим партнерам. За это оно и подвергалось неоднократно критике со стороны советских дипломатических представителей³⁸.

Насколько соответствовала такая политика настроением масс и, в первую очередь, рабочего класса, составлявшего основу членов коммунистической партии? Анализ сообщений с мест, поступивших к сентябрьскому пленуму ЦК КПЧ 1946 г., показывает, что в низовых парторганизациях, среди

части партактива налицо были явное непонимание и неудовлетворенность курсом руководства партии в рамках Национального фронта. К концу сентября накопилось достаточно информации о том, что рядовые коммунисты выражают недоверие политике руководства. Превалировали требования «более решительно проводить свои предложения в правительстве». Особенно настойчиво звучала идея о бесперспективности сотрудничества во Фронте. «Среди политически мыслящих людей (а сейчас и среди крестьян), – сообщалось, например, окружным секретариатом КПЧ в Пелгржимове, – все большее распространение получают взгляды, что “этим братанием” со всеми “власть далеко не уйдет”, что “необходимо взять кнут”, “мы без диктатуры ничего не докажем”. Старые товарищи опасаются, чтобы мы не свернули на путь социал-демократии времен после Первой мировой войны». Весьма четко обозначалось на местах и негативное отношение к средним слоям. «Членам партии не ясно, почему при определении политической линии нашей партии принимаются во внимание средние слои, когда большая часть их выступила (имеется в виду на выборах. – Г.М.) как против народной демократии, так и против партии». В январе 1947 г. к пленуму ЦК КПЧ с мест поступала информация о том, что «в партии наступает кризис... налицо определенный упадок... что мирным путем мы ничего не добьемся... что большинство товарищей убеждено – нужно идти путем диктатуры пролетариата»³⁹.

Такие сообщения отражали усиление леворадикальных тенденций. Последние в значительной мере базировались на общественных ориентациях рабочего класса, прежде всего, его низкооплачиваемых категорий, а также части деревни, не удовлетворенной результатами аграрной реформы 1945 г. В этой среде победа коммунистов на выборах и приход к власти правительства К. Готвальда ассоциировались с дальнейшим углублением социально-экономических реформ, из радикальности которых напрямую выводилась перспектива улучшения условий существования.

В этот же период наблюдался отход от КПЧ части студенчества и творческой интеллигенции, среди которых к концу войны коммунисты располагали довольно значительным влиянием. Одной из причин поворота в политической

ориентации этих весьма активных общественных групп, являвшихся носителями национальных демократических традиций, стали печально известные постановления ЦК ВКП(б) осенью 1946 г. по идеологическим вопросам, особенно постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», получившее резко негативную оценку в широких кругах чешской интеллигенции. Реакция была столь острой, что советское посольство, оценивая ситуацию, констатировало, что в этой среде «коммунисты оказались почти изолированными»⁴⁰.

Опасность нарастания левого радикализма, как показывают материалы пленумов второй половины 1946 – начала 1947 г., отчетливо осознавалась в руководстве КПЧ. Попыткой сбить эту нараставшую волну и было выступление К. Готвальда на сентябрьском пленуме ЦК с информацией о беседе со Сталиным о различных путях к социализму. К. Готвальд особый акцент делал на том, что Сталин в перечне стран, где возможен специфический путь к социализму, который не должен обязательно вести через «советскую систему» и «диктатуру пролетариата», назвал и Чехословакию. «Мы идем своим собственным путем к социализму. Мы имеем образец в лице Советского Союза, но ни Сталин, ни мы не скрываем, что это путь наш, собственный, специфический, более длительный, сложный, извилистый. Сталин дословно сказал: «Наш путь был краткий, быстрый и стоил много крови и жертв. Если вы можете это обойти – обойдите. Ту цену крови и жертв, которую нужно было принести, уже принесла Красная Армия»⁴¹.

Выдвинутый на этом пленуме тезис о мирном, специфическом пути Чехословакии к социализму был воспринят в партии неоднозначно. Информация с мест в начале 1947 г. свидетельствовала, что одна часть ее членов расценивала такую постановку вопроса как «временный маневр», другая – как «отступление от марксизма», третьи воспринимали ее чисто механически и, будучи разочарованными результатами политики Национального фронта, считали, что «на пути к социализму диктатура пролетариата была бы более правильной». «Члены КПЧ согласны с нашим специфическим путем к социализму, – сообщалось в январе 1947 г. из Пардубиц, – но они были бы рады, если бы главные идеи социализма как

можно быстрее были осуществлены на практике. Постоянно раздаются многочисленные голоса, требующие ускорения темпов»⁴².

Ситуация на местах делала все более очевидным тот факт, что курс на обеспечение общественного развития через сопряжение интересов различных социальных слоев в рамках Национального фронта, взятый антифашистскими силами страны весной 1945 г., оказывался все более трудно совместимым с устремлениями именно той части чехословацкого общества, которая являлась «социальной нишей» коммунистов.

Корни интенсивно нараставших леворадикальных настроений находились, без сомнения, в экономической сфере; функционирование смешанной экономики, как показывала практика 1946 г., было отнюдь не столь гладким и эффективным, особенно на национализированных предприятиях. Именно они оказывались в большинстве случаев убыточными, что не могло не иметь своим следствием снижения жизненного уровня работников обобщественного сектора, которые составляли 61% всех занятых в промышленности. К этому следует добавить неудовлетворенность чешской и словацкой деревни итогами аграрной реформы 1945 г., в результате которой среди малоимущих слоев деревни была распределена земля только немецких и венгерских собственников⁴³. В сознании представителей этих социальных групп, ожидавших, но не получивших от происходивших перемен немедленного позитивного социального эффекта, выход из складывавшейся ситуации связывался с новым витком социально-экономических преобразований, направленных на ограничение «власти капитала» путем расширения масштабов национализации и проведения радикальной аграрной реформы. Особые надежды связывались с новым государством как гарантом их социальной защищенности. А отсюда вытекала и их активная поддержка предложений КПЧ по усилению регулирующей роли государства в системе экономики. Идея этатизации экономики имела, безусловно, своих конкретных социальных сторонников.

Компартия, действовавшая в этой среде, выступала политическим носителем этой альтернативы, о чем наглядно свидетельствовала деятельность коммунистов в правительст-

ве (предложения о ревизии аграрной реформы 1919 г. и наделении землей малоимущих слоев деревни, о передаче в общественный сектор мелких и средних предприятий, конфискованных в 1945 г. у лиц немецкой и венгерской национальности и остававшихся под национальным управлением, о реорганизации банковской системы с целью централизации управления финансами) ⁴⁴.

Одновременно в обществе все более четко оформлялось и другое видение перспектив развития страны на базе уже реально имевшей место смешанной экономики. Именно такую перспективу отстаивали национальные социалисты, взявшие на себя в Национальном фронте роль лидера сил, противостоявших коммунистам. Они и в прессе, и в программных партийных документах резко выступали против этатизации экономики как тенденции, все более открыто обозначавшейся в политике КПЧ. Причина негативного отношения к концентрации производства в «крупных производственных единицах» (речь шла о национальных предприятиях), которые «подчиняют интересы потребителя интересам производства» ⁴⁵, не скрывалась. Всеобщую этатизацию национальные социалисты справедливо рассматривали как важнейший фактор, ведущий к «тоталитарному режиму, режиму политической диктатуры одной партии» ⁴⁶. Исходя из этой основной посылки, они поддерживали согласованный в рамках Национального фронта и закрепленный в программе правительства К. Готвальда курс на укрепление смешанной экономики. Но ведущее место ими отводилось не обобществленному сектору (на чем собственно базировалась позиция КПЧ), а частнокапиталистическому. Национальные же предприятия, испытывавшие большую нужду в дополнительных капиталах, предполагалось превратить в смешанные акционерные общества с привлечением иностранного капитала*, но с сохранением контрольного пакета акций в руках государства ⁴⁸.

---

* Сообщения о таких предложениях, опубликованные в прессе национальных социалистов, вызвали негативную реакцию депутатов от КПЧ и рабочих, особенно тех, кто был занят в национализированных отраслях ⁴⁷.

Такая постановка вопроса была связана с ориентацией некоммунистических партий на принятие плана Маршалла и расчетами провести послевоенную реконструкцию народного хозяйства через включение его в систему мировых экономических связей с помощью западного капитала. Что касается аграрной политики, то она была ориентирована на поддержку зажиточных слоев деревни, и предлагаемая ревизия аграрной реформы преследовала, прежде всего, цель создать в деревне экономически рентабельные крестьянские хозяйства. Именно этим диктовались предложения национальных социалистов ограничить максимум допустимого землевладения 50 га пахотной земли и увеличить размеры участков, передаваемых крестьянам, с 10–13 га, как минимум, до 20 га.⁴⁹

Итак, в рамках реализации программы правительства К. Готвальда и двухлетнего плана восстановления страны (документов, безусловно, компромиссных) обрисовались, по существу, две диаметрально противоположные перспективы развития. За каждой из них стояли конкретные политические силы, интересы которых все более расходились, и тем самым объективно сужалась почва для функционирования Фронта как коалиции, в сохранении которой были бы заинтересованы все ее составляющие*.

В КПЧ еще в 1946 г., в ходе избирательной кампании, стали обрисовываться попытки сузить понимание сути Национального фронта, свести его с общедемократической на более узкую классовую основу. Национальный фронт понимался теперь только как союз рабочих, крестьян, ремесленников, интеллигенции, основные интересы которых общие, а единство их естественно⁵⁰. Однако после выборов 26 мая 1946 г. эти новые тенденции были приглушены (повидимому, не без влияния результатов выборов в Словакии). На январском пленуме ЦК 1947 г., когда был провозглашен

---

* К концу 1946 г. КПЧ, социал-демократов, национальных социалистов и Народную партию в рамках Фронта объединял лишь один вопрос – отношение с государственными органами Словакии. Идея усиления подчиненности словацких государственных органов центру принадлежала КПЧ и была продиктована стремлением ослабить результативность победы Демократической партии на выборах 1946 г.

«курс на завоевание большинства нации» на предстоящих в 1948 г. выборах, они были вновь реанимированы. Был прямо поставлен вопрос «кто – кого?».

«Вопрос “кто – кого” мы еще внутри страны не решили. Его решение на том пути, который мы выбрали (имеется в виду чехословацкий путь к социализму. – Г.М.), – это демократизация, это постепенное завоевание большинства нации на сторону нашей партии», – говорил К. Готвальд на январском пленуме ЦК КПЧ⁵¹. В современной чешской исторической литературе такая постановка вопроса расценивается как ориентация партии на установление монопольной власти⁵². Методы же достижения этой цели были подсказаны результатами выборов 1946 г. в Чешских землях.

Попытки руководства КПЧ идти в русле коалиционной политики с партнерами по Национальному фронту к 1947 г. наглядно показали, что курс на реализацию антикапиталистических аспектов их программы наталкивался на «единый фронт» остальных партий в парламенте и правительстве. Уступки же партнерам по Фронту не только ставили под угрозу влияние партии в массах, но и увеличивали ее зависимость при реализации намеченного политического курса от советской помощи*. Это могло быть использовано партнерами по НФ для трактовки КПЧ как несамостоятельной, зависимой от внешней помощи силы, что было весьма опасно для коммунистов. Выход из возникавшего замкнутого круга виделся ими в повороте к леворадикальным настроениям части общества, чтобы добиться монополии политической власти.

Движение к цели было форсировано кардинальными переменами в международной обстановке, которые проявились в распаде антигитлеровской коалиции, все более набравшей обороты холодной войне и в стремлении советского руководства интенсифицировать создание в Восточной Европе единого лагеря, руководимого из одного центра.

---

* Советские дипломатические, службы в этот период сообщали в Москву: «Боязнь остаться изолированными приводит коммунистов к тому, что по принципиально-политическим вопросам внешнего порядка им приходится прибегать за помощью к Советскому Союзу»⁵³.

Путь к установлению политической монополии виделся руководству КПЧ в организации давления снизу на партнеров по Фронту. Сделать это можно было с помощью вовлечения в борьбу тех социально слабых слоев общества, которые страдали от неустойчивости экономической ситуации, от разгула спекуляции, черного рынка и могли поддержать требования коммунистов, заведомо неприемлемые для других партий Фронта. Ориентируясь на это, представители КПЧ развернули в парламенте и правительстве кампанию под лозунгом защиты интересов трудового большинства нации. Именно в этот период в правительстве происходят острые дебаты по поводу предложений коммунистов о налоге на миллионеров для оказания помощи деревне, пострадавшей от засухи, вокруг программы мер по улучшению торговли и снабжения, наведению порядка и государственного контроля за распределением продукции текстильных предприятий, по поводу закона о поддержке малого предпринимательства и т. п. Блокирование подавляющей части этих предложений в правительстве представителями национальных социалистов, членов Народной партии и демократов, к которым нередко примыкали и представители социал-демократической партии, давало возможность коммунистам апеллировать «к народу». «Мы рассчитывали, – вспоминал позже министр сельского хозяйства коммунист Ю. Дюриш, – провести эти демонстрации таким образом, чтобы уже до выборов 1948 г. они означали поражение реакции и решение вопроса о результатах выборов»⁵⁴.

В Чешских землях к осени 1947 г. коммунистам, использовавшим ситуацию нараставшего социально-экономического напряжения, удалось организовать мощное движение снизу в поддержку своих предложений. В их среде (как в руководстве, так и на местах) преобладали наступательные настроения. С.А. Шмераль, побывавшая в Чехословакии в конце 1947 г. как представитель Славянского комитета в Москве, писала: «Подавляющее число членов партии и симпатизирующих нам беспартийных считают, что партия недостаточно борется против реакции... Даже некоторые руководящие товарищи – Нееды, Носек, Дюриш говорили мне: “Довольно уступок”. Можно услышать и такие настроения: “Вес-

ной придется братья за оружие, иначе возьмутся они»⁵⁵.

В Словакии же ситуация была иной. В отчете посольства СССР за 1947 г. с беспокойством сообщалось, что здесь «Демократическая партия, по существу, руководит всеми вопросами внутренней жизни». Это наблюдение подтверждалось и информацией С.А. Шмераль: «Коммунистическая партия Словакии очень слаба и не пользуется авторитетом. Политически деревня находится целиком в руках священников – что говорит священник, то и является для крестьян истиной»⁵⁶. Попытки КПЧ и КПС ослабить влияние демократов в общественной жизни Словакии, используя «синдром словацкого сепаратизма», летом 1947 г., по сути дела, не увенчались успехом. Национальные социалисты и Э. Бенеш как президент страны дали лидерам Демократической партии гарантии, что не допустят их ухода в оппозицию⁵⁷.

Тогда коммунистами, державшими в своих руках как общегосударственные, так и словацкие органы безопасности, было задействовано средство, уже давшее «положительный эффект» в других странах Восточной Европы: в сентябре–октябре 1947 г. они «раскрыли» «антигосударственный заговор» и «установили» причастность к заговору первых лиц Демократической партии – Я. Урсини, Я. Кемпного, М. Бугара и др. В обстановке «охоты за заговорщиками» удалось добиться частичной реорганизации словацких органов власти – Корпуса уполномоченных, и было установлено формальное равновесие сил в структурах власти.

Политический же эффект этой акции в общегосударственном масштабе был обратный. Произошло то, чего больше всего должны были опасаться коммунисты, – фронт чешских партий, созданный их усилиями в 1946 г. против словацких демократов, распался. Вместо этого стало интенсивно оформляться единство действий национальных социалистов, Народной партии и демократов, направленное против КПЧ⁵⁸.

К концу 1947 г. политическое противостояние достигло апогея. Именно к этому времени относится письмо Ю. Дюриша в ЦК ВКП(б) с выражением опасений, что чехословацкие коммунисты могут оказаться в положении французских и итальянских, то есть вне правительства⁵⁹. В такой социально и политически напряженной обстановке коммуниста-

ми был выдвинут на первый план постулат: «существование частнокапиталистического сектора не отвечает политической структуре народной демократии, которая является демократией трудящихся»⁶⁰. Они предложили серию новых социально-экономических реформ: национализацию внешней и внутренней торговли и всех промышленных предприятий, имевших более 50 занятых, в области сельского хозяйства – новую аграрную реформу с тем, чтобы изъять из частной собственности все угодья, превышавшие 50 га, и разделить их среди малоземельных крестьян. В интересах мелких предпринимателей предполагалось трехкратное снижение налогов, а некоторые группы ремесленников должны были быть освобождены от налогов вообще⁶¹.

Вся эта программа была рассчитана на настроения и интересы социально неудовлетворенных групп населения. Их настроения стали той реальной внутренней преградой для восприятия и массовой поддержки в конкретной обстановке рубежа 1947–1948 гг. концепции «неклассового чешского демократического социализма», которую национальные социалисты пытались противопоставить планам установления политической монополии КПЧ. Основные положения этой концепции – смешанная экономика всех секторов народного хозяйства, реорганизация национальных предприятий в акционерные общества с участием иностранного капитала, политический плюрализм и парламентская демократия – расценивались значительной частью общества и, прежде всего, рабочим классом как защита экономических и политических позиций частного предпринимательства, ослабление в системе управления экономикой роли нового государства, которое социально слабыми слоями общества рассматривалось в качестве основного гаранта их чаяний и идеалов. Они поддерживали КПЧ не потому, что принимали принципы марксизма-ленинизма (их знала весьма ограниченная часть даже партактива КПЧ), а, прежде всего, потому, что имели в своем историческом сознании опыт кризиса начала 30-х годов и верили, что планируемая экономика станет гарантией от кризисов и безработицы.

Вместе с тем нельзя не видеть, что восприятие чехословацким обществом концепции национальных социалистов

существенно ослаблялось и воздействием внешнего фактора. Отказ Чехословакии летом 1947 г. под прямым нажимом советской стороны от плана Маршалла⁶², по существу, перечеркивал один из основных принципов предлагаемых национальными социалистами реформ – опоры на поддержку и активное участие иностранного капитала в послевоенной реконструкции экономики. Лишенная этого стержня их программа уже не могла восприниматься как нечто имеющее реальную основу для воплощения в жизнь.

Программа же коммунистов с их основным принципом защиты общественного сектора при конституционных гарантиях неприкосновенности трудовой части частного сектора, при постоянно возрастающем контроле государства за деятельностью частного капитала, казалось, открывала возможность сопряжения социальных интересов различных слоев общества. В ней они увидели перспективу мирного продвижения к социально справедливому обществу и в дни февральского кризиса 1948 г. активно поддержали КПЧ, открыв себе путь к социализму в интерпретации коммунистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29а. П. 171. Д. 3. Л. 8об.

² Там же. Оп. 26. П. 132. Д. 8. Л. 68–70; *Gottwald K. Spisy. Praha, 1955. Sv. XI. S. 134.*

³ Statní Ústřední archiv (SÚA); archiv ÚV KSČ. F. 01. Sv. 2. A. j. 9. L. 97.

⁴ Cesta ke květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. Praha 1965. S. 727.

⁵ SÚA, archiv ÚV KSČ. Ibid. L. 32.

⁶ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. П. 140. Д. 5. Л. 4.

⁷ Там же. Оп. 26. П. 139. Д. 4. Л. 7.

⁸ Там же. Оп. 28. П. 140. Д. 2. Л. 61; Оп. 29. П. 146. Д. 4. Л. 5.

⁹ Там же. Оп. 27. П. 135. Д. 4. Л. 5.

¹⁰ *Kaplan K. Nekrvavá revoluce. Toronto, 1985. S. 383.*

¹¹ АУМЛ ÚV KSČ. F. 23. С. j. 26. L. 14.

¹² Archiv předsednictva vlády. Zapiš 60 schůze vlády 25.IX 1945. S. 5.

¹³ Svobodné slovo. 1945. 21.IX; Pravda. 1945. 2.X.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 27. П. 135. Д. 4. Л. 48.

- ¹⁵ Lidová demokracie. 1945.4.XI; *Král V. Cestou k Únoru*. Praha, 1963. S. 125.
- ¹⁶ *Мурашко Г.П.* Политическая борьба в Чехословакии и национализация основных средств производства. М., 1986. С. 317.
- ¹⁷ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 26. П. 43. Д. 13. Л. 35—37; Оп. 28. П. 140. Д. 3. Л. 33.
- ¹⁸ Lidová demokracie. 1946. 31.1; 26.11.
- ¹⁹ Těsнопisecké zprávy o schůzích ÚNS. 1946. Sch. 7. S. 16.
- ²⁰ Svobodné slovo. 1946.12.III.
- ²¹ Rudé právo. 1946.12.V.
- ²² SÚA, archív ÚV KSČ. F. 01. Sv. 2. A. j. 9. L. 35; *Koho volit?* Praha, 1946. S. 139.
- ²³ *Barnovský M.* Sociálně třídy a revolučně přeměny na Slovensku v letech. 1944—1948. Bratislava, 1978. S. 141.
- ²⁴ *Opat J.* O novou demokracii 1945—1948. Praha, 1966. S. 178—179.
- ²⁵ *Fejrabend L.K.* Ve vlade v exilu. Washington, 1987. S. 86, 91.
- ²⁶ *Král V. Cestou k Únoru...* S. 171.
- ²⁷ Цит. по: *Kaplan K.* Op. cit. S. 388.
- ²⁸ Цит. по: *Kaplan K.* Op. cit. S. 388—389.
- ²⁹ *Fejrabend L.K.* Op. cit. S. 108.
- ³⁰ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. П. 140. Д. 5. Л. 4, 5.
- ³¹ *Gottwald K.* Spisy. Sv. XIII. S. 80.
- ³² АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. П. 140. Д. 5. Л. 32.
- ³³ АУВ KSČ. F. 01. Sv. 2. A. j. 12. L. 15, 16.
- ³⁴ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. П. 140. Д. 5. Л. 6.
- ³⁵ *Мурашко Г.П.* Указ. соч. С. 218—220.
- ³⁶ Těsнопisecké zprávy o schůzích ÚNS. 1946. Sch 9, S 7; *Sbírka zákonů a nařízení Republiky Československé 1946*. Praha, 1947. S. 1201.
- ³⁷ *Vošahlíková P.* Československá sociální demokracie a Národní fronta. Praha, 1985. S. 72—78.
- ³⁸ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29а. П. 171. Д. 2. Л. 38, 62 и др.
- ³⁹ SÚA, archív ÚV KSČ. F. 1. Sv. 2. A. j. 13. L. 383—389, 411; F. 1. Sv. 3. A. j. 14. L. 22.
- ⁴⁰ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. П. 140. Д. 2. Л. 84.
- ⁴¹ SÚA, archív ÚV KSČ. F. 01. Sv. 2. A. j. 13. L. 104.
- ⁴² *Ibidem*. F. 01. Sv. 3. A. j. 14. L. 175—176, 171.

- ⁴³ *Марына В.В.* Крестьянство в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1984. С. 124.
- ⁴⁴ Archív Statní Plánovací komise. F. GSHR. Průmyslová komise. Č. 2. L. 1.
- ⁴⁵ Svobodné slovo. 1947.21.X.
- ⁴⁶ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29а. П. 171. Д. 2. Л. 72.
- ⁴⁷ Rudé právo. 1947.21–28.III; Archiv Federálního Národního Shromáždění. Zapiš o schůzi výboru rozpočtového. Sch. 22.1 V. S. 7.
- ⁴⁸ См.: Svobodné slovo. 1946.9.XI; 1947.15.III.
- ⁴⁹ *Марына В.В.* Указ. соч. С. 229.
- ⁵⁰ См.: *Gottwald K.* Spisy. Sv. XII. S. 37, 315, 335.
- ⁵¹ SÚA, archív ÚV KSČ. F. 1. Sv. 3. A. j. 14. L. 101.
- ⁵² *Kaplan K.* Op. cit. S. 64, 103.
- ⁵³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29а. П. 171. Д. 2. Л. 62.
- ⁵⁴ Цит. по: *Kaplan K.* Op. cit. S. 108.
- ⁵⁵ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 4. Л. 6.
- ⁵⁶ Там же. Оп. 29а. П. 171. Д. 2. Л. 63; Оп. 29. П. 146. Д. 4. Л. 17.
- ⁵⁷ Там же. Оп. 29а. П. 171. Д. 3. Л. 22.
- ⁵⁸ *Kaplan K.* Op. cit. S. 99, 389.
- ⁵⁹ Ibidem. S. 133.
- ⁶⁰ *Frejka L.* Československé hospodářství na cestě k sociálistu. Praha, 1948. S. 10.
- ⁶¹ *Мурашко Г.П.* Политическая борьба... С. 281.
- ⁶² Подробнее см.: *Поп И.И.* Чехословакия – Советский Союз». 1941–1948 гг. М., 1990. С. 224–245.

1993

**ФЕВРАЛЬСКИЙ КРИЗИС 1948 г.
В ЧЕХОСЛОВАКИИ И
СОВЕТСКОЕ РУКОВОДСТВО**
(ПО НОВЫМ МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ) *

Результатом февральского кризиса 1948 г. в Чехословакии явились ликвидация демократического коалиционного правительства и изменение характера власти в стране. Его предыстория, течение и общественные последствия вот уже 50 лет являются объектом пристального внимания исследователей различных идейных направлений и общественной ориентации. До конца 80-х годов чешские и словацкие историки, работавшие в стране, так же как и историки СССР, рассматривали февральские события, прежде всего, через призму действий Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ). В условиях господства идеологических установок они концентрировали внимание, прежде всего, на борьбе трудящихся масс под руководством КПЧ и описании внешней картины развития кризиса. «Победоносный Февраль» рассматривался как апогей революционной борьбы рабочего класса ¹.

Диаметрально противоположными были оценки февральского противостояния в работах, выходявших на Западе. В подавляющем большинстве их авторами были или чешские политики, покинувшие страну после 1948 г., или те деятели «Пражской весны» 1968 г., которые отказались от сотрудничества с режимом «нормализации», установившимся с 1969 г. Противостояние политических сил в феврале 1948 г. они оценивали как антигосударственный коммунистический путч, ставший прологом тоталитарного режима в Чехословакии ².

Несмотря на принципиальные расхождения в оценках, общим для работ того и другого направлений была ограниченность их источниковой базы, поскольку важнейшие материалы, касавшиеся партийно-политической борьбы, на

---

* Новая и Новейшая история. 1998. № 3. С. 50–64.

ходились в режиме специального хранения. Недостаток информации и в ряде случаев примитивность используемых источников, неудовлетворительность аргументации пытались компенсировать с той и другой стороны идеологической конфронтационностью, что отнюдь не способствовало восстановлению реальной картины политического кризиса в феврале 1948 г. Только с начала 90-х годов, после ликвидации политической монополии компартий, исследователи получили доступ, хотя и ограниченный, к фондам ранее секретных архивов ЦК КПЧ, правительства республики, силовых министерств и ведомств. Появилась возможность по-новому взглянуть на события 50-летней давности, о чем свидетельствуют работы, вышедшие в последнее время в Чехии и Словакии³. Расширение и качественное изменение информационной основы исследований создали условия для отказа от упрощенного изложения событий. Так, чешскому историку К. Каплану и словацкому исследователю М. Барновскому удалось воссоздать сложную картину межпартийной политической борьбы за ориентацию будущего общественного развития Чехословакии. Они ввели февральские события в контекст общеевропейской ситуации, раскрыв зависимость внутривнутриполитического развития малой европейской страны от взаимоотношений великих держав. В работе Каплана поставлена важная проблема влияния советского политического руководства на динамику февральского кризиса. Однако исследование этой проблемы без использования материалов российских архивов невозможно. Они имеют первостепенное значение, тогда как разного рода косвенные свидетельства и мемуары политиков нередко дают не соответствующую реальности картину, создавая почву для появления многообразных мифов и домыслов. Главная тяжесть работы по поиску документов в архивах России и введению новых источников в научный оборот объективно ложится на российских исследователей.

С начала 90-х годов для них стали доступны (хотя и не полностью) фонды таких крупнейших федеральных архивов, как Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) и Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). В первом из них сосредото-

ны материалы бывшего Центрального партийного архива (ЦПА) до 1952 г. Для изучения поставленной в данной статье темы был использован, прежде всего, фонд ЦК ВКП(б), его Отдела внешней политики, где широко представлены справочно-аналитические и информационные материалы. Они, как правило, готовились по заданию высших партийных инстанций, в первую очередь, секретариата ЦК ВКП(б). Эти материалы дают возможность проследить, какая информация поступала первым лицам государства по линии ЦК ВКП(б) о ситуации в Чехословакии накануне кризиса и после него. Резолюции же, сохранившиеся на ряде документов, принадлежавшие членам высшего советского руководства, позволяют выяснить их реакцию на происходившие в стране события.

Другую группу документов, весьма важную для раскрытия поставленной темы, составляют материалы АВП РФ. Это, прежде всего, документы, поступавшие в секретариат министра иностранных дел СССР и его заместителей (например, политический отчет посольства СССР в Чехословакии за 1947 год), аналитические материалы референтуры, информация советского посольства в Праге, переданная по «ВЧ», а также сообщения В.А. Зорина из Праги в дни кризиса.

Однако было бы наивно полагать, что сегодня мы располагаем полным корпусом документов, раскрывающим позиции советского руководства в связи с политическим кризисом в Чехословакии в 1948 г. Пока в нашем распоряжении документы «второго ранга». Но тем не менее, ставшие доступными, они позволяют утверждать, что политический кризис в феврале 1948 г. в Чехословакии явился прямым результатом реализации руководством КПЧ нового курса Москвы на форсированное продвижение компартий к установлению властной монополии в государствах Восточной Европы. Этот курс стал политической реальностью с середины 1947 г. и отразил отказ советского руководства от концепции «национальных путей к социализму». Такая концепция, как вытекает из документов, на протяжении 1944–1946 гг. активно внедрялась в коммунистическом движении И.В. Сталиным, А.А. Ждановым, Г.М. Димитровым. На ее основе допускалась возможность перехода к новому общественному строю без диктатуры пролетариата, реализуя принципы парламента

ризма и широкого общественного консенсуса во имя решения общенациональных задач.

Сталин в беседе с делегацией польских социалистов и коммунистов 23 мая 1946 г., разбирая суть режима, установившегося в Польше после войны, говорил: «Демократия, которая установилась у вас в Польше, в Югославии и отчасти в Чехословакии, – это демократия, которая приближает вас к социализму без необходимого установления диктатуры пролетариата и советского строя»⁴. Такие же идеи Сталин развивал и в беседе с К. Готвальдом в июне 1946 г. В феврале 1947 г. Жданов при встрече с руководителями компартии Финляндии отмечал, что они могут переходить к социализму мирным путем, если успехи в развитии политической демократии будут подкреплены такими экономическими завоеваниями, которые будут способствовать демократизации страны. Идея перехода от буржуазной демократии к демократии народной и специфического перехода к социализму получили в ЦК ВКП(б) название «формулы Бенеша». Но уже в феврале 1947 г. в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б) была подготовлена служебная записка с развернутой критикой этой формулы и позиции Готвальда, которому высказывался упрек, что «точка зрения о специфическом чехословацком пути к социализму неизбежно ассоциируется с тезисами “собственного пути”, “собственного социализма”, которые выдвигают деятели и пресса буржуазных партий»⁵.

Кардинальная смена политической линии советского руководства к лету 1947 г. была реакцией на реалии мирового развития: к этому времени стало очевидно, что послевоенный мир формируется как биполярный, «холодная война» набирает обороты, противостояние двух блоков становится всеобъемлющим, а маятник общественных настроений в Западной Европе со всей очевидностью смещается вправо. Последнее подтверждалось, в частности, резким ухудшением отношений между коммунистами и социалистами во Франции и Италии, поражением компартии Финляндии на выборах в сейм, неожиданным для Москвы выходом коммунистов из правительства во Франции, удалением из кабинета министров Италии представителей компартии.

В Москве и в руководстве компартий стран Восточной

Европы этот сдвиг общественных настроений породил опасения, что возможное развитие событий в странах Восточной Европы пойдет по западному варианту. Именно этим во многом объяснялись резкая негативная реакция Москвы на план Маршалла, рост недоверия к партнерам по демократической коалиции со стороны руководства компартий и стремление вернуться к «проверенному марксистскому принципу» – классовому противостоянию, к форсированию революционного процесса, активизации внутри коммунистического движения сторонников немедленного перехода к советской модели развития общества ⁶.

На этом фоне Чехословакия с ее сильными демократическими традициями, с влиятельными оппонентами коммунистов в правительстве и парламенте в лице национально-социалистической, народной и демократической партий, с компартией, расценивавшейся в Москве как весьма умеренная и склонная к компромиссам ⁷, вызывала у советского руководства серьезную озабоченность. После устранения с политической арены Ст. Миколайчика в Польше и Ф. Надя в Венгрии не исключалось, что острие американской политики в Восточной Европе может быть направлено именно на Чехословакию.

Документы российских архивов даже в том, к сожалению, весьма ограниченном на сегодня объеме, который доступен исследователям, позволяют проследить основные линии поведения Кремля по отношению к политическому развитию Чехословакии от лета 1947 г. до февральского кризиса 1948 г.

В конце июня 1947 г. в Прагу приехал сотрудник Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) П.В. Гуляев. Цель его поездки была конкретна: передать Готвальду копию письма Жданова М. Торезу в связи с выходом французских коммунистов из состава правительства. В письме говорилось: «ЦК ВКП(б) озабочен последними политическими событиями во Франции, в результате которых французские коммунисты оказались за бортом правительства. ...Советские рабочие обеспокоены резким изменением политической обстановки и соотношением сил во Франции в неблагоприятную для компартии сторону, их тревожат политические последствия про-

исшедших перемен. Мы затрудняемся дать им ясный ответ ввиду недостатка информации. Сообщения, которые проникают во французскую печать, противоречивы и неточны»⁸. Руководство ВКП(б) сочло необходимым через послов СССР ознакомить с содержанием письма всех руководителей компартий стран Восточной Европы (за исключением Албании и Польши). В отношении польского руководства был найден иной способ ознакомления его с письмом Жданова. Послам предлагалось срочно передать в Москву все сделанные руководителями компартий замечания.

По возвращении в Москву Гуляев подготовил подробную аналитическую записку о ситуации в Чехословакии, которая была адресована высшему руководству страны – И.В. Сталину, В.М. Молотову, А.А. Жданову, Л.П. Берию, А.И. Микояну, Г.М. Маленкову и Н.А. Вознесенскому. В документе сообщалось, что «политическая обстановка в стране характеризуется обострением межпартийной борьбы и значительной активизацией реакционных элементов, поддерживаемых англо-саксами. Выступления их носят ярко выраженный антикоммунистический, антисоветский характер с превозношением несуществующих заслуг американцев в освобождении Чехословакии и восхвалением прелестей американской и английской демократии». Гуляев информировал о том, что в стране находятся около 30 тыс. иностранцев, среди которых много американцев-военнослужащих. Касаясь политики КПЧ, он отмечал, что пропаганда коммунистов, разоблачающая реакцию и ее «заграничных друзей», носит ограниченный характер, поскольку компартия «не всегда в должной мере оценивает вред, приносимый враждебной пропагандой и массовыми выступлениями реакционных партий».

Но главный акцент в рассматриваемом документе был сделан на том, что коммунисты не сумели в сколь-нибудь значительной мере овладеть государственным аппаратом: «Количество коммунистов в госаппарате очень мало, даже в министерствах, которыми они руководят. Так, например, в министерстве внутренних дел, руководимом Носеком, из 48 человек заведующих отделами и заведующих секциями министерства только 14 коммунистов, в министерстве финансов на 75 таких же работников только 5 коммунистов, еще хуже

обстоит дело [там], где министрами состоят члены других партий. Так, в министерстве промышленности, где министром [социал]-д[емократ] Лаушман, на 131 руководящего работника только 13 коммунистов, в министерстве иностранных дел на 51 чел[овека] только 7 коммунистов, в министерстве юстиции только 2 коммуниста, да и те находятся на второстепенных постах». Так же плохо обстояло дело, по полученным Гуляевым сведениям, в среднем и низовом звене госаппарата, где преобладающим было «влияние реакционной партии национальных социалистов».

На основании этих фактов Гуляев пришел к негативному выводу: «Руководство компартии сосредоточило основную деятельность на завоевании парламентского большинства, одновременно не принимая решительные меры по разгрому важнейших позиций реакции в госаппарате, в армии, в деревне, в средних классах и т. д. Вследствие чего миллионная партия с хорошо организованным аппаратом не мобилизована в должной мере для решительной борьбы с врагами народной демократии»⁹.

Информация Гуляева вызвала серьезное беспокойство высшего советского руководства. Подтверждением может служить тот факт, что в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б), руководимом М.А. Сусловым, были специально подготовлены сводные статистические данные о партийной принадлежности руководящих кадров в министерствах Чехословакии. Согласно этим данным, из 165 руководителей секций 42 являлись коммунистами, среди руководителей более мелких структурных подразделений – отделов соотношение было соответственно 858 и 154. В эти сведения не вошли данные по министерству обороны, которое находилось в ведении военной канцелярии президента страны. А надо сказать, что ситуация в этом министерстве привлекала особое внимание советского руководства. Это объяснялось тем, что еще с мая 1947 г. на имя Сталина, Молотова и Жданова поступала информация об опасных устремлениях правых политических партий к упразднению влияния прогрессивных политических элементов, и прежде всего коммунистов, в чехословацкой армии»¹⁰.

В этом плане весьма интересен документ, относящийся к августу 1947 г. Подготовленный в Политуправлении

Центральной группы советских войск, он был направлен в ЦК ВКП(б) на имя Жданова, а затем разослан другим высшим советским руководителям. В документе, подписанном генералом С.С. Шатиловым, сообщалось, в частности, что «правые партии Чехословакии – национальные социалисты, словацкие демократы и другие реакционные элементы развернули активную деятельность, направленную на вытеснение влияния коммунистов в чехословацкой армии. Министр национальной обороны генерал Л. Свобода, внешне продолжающий сотрудничество с коммунистами и поддерживающий нередко их предложения на заседании правительства, находится под сильным влиянием правых элементов и проводит их политику в армии». В качестве доказательства приводились факты увольнения из армии с согласия Л. Свободы офицеров по воспитательной работе, как правило, коммунистов, а также офицеров-коммунистов из разведки и контрразведки, которые заменялись представителями других партий. Подчеркивалось, что генерал Свобода стремится к тесному сотрудничеству с военной канцелярией президента республики, которая «фактически руководит армией и проводит линию национальных социалистов и усиленно завоевывает своими людьми командные посты в армии»¹¹. Показательно, что Молотов 17 сентября 1947 г. в разгар подготовки совещания Информбюро в Шклярской Порембе (Польша) оставил на упомянутом документе резолюцию, отразившую озабоченность Москвы ослаблением влияния коммунистов в чехословацкой армии. Он писал: «т. Жданову, Маленкову. Об этом вопросе следовало бы поговорить с чехами на совещании в П[ольше]»¹².

По всей видимости, разговоры с представителями КПЧ в Шклярской Порембе состоялись, однако решение поставленной коммунистами в качестве приоритетной задачи овладения руководящими постами в армии и госаппарате явно затягивалось, и это обстоятельство сильно беспокоило советскую сторону.

Причины сложившегося положения тщательно анализировались советскими дипслужбами. Так, в конце 1947 г. в Москву из посольства СССР в Праге ушла подробная информация о внутривластной ситуации в стране, содержащая

шая критику действий КПЧ. Сообщалось, что «правые партии держат коммунистов под постоянным страхом изоляции, сговора между собой против коммунистов... В свою очередь, коммунисты, боясь остаться изолированными, не в меру иногда идут на уступки правым партиям». В качестве примера недостаточной последовательности и излишней уступчивости коммунистов партнерам по Национальному фронту назывались неудачные попытки провести в жизнь новый закон о школах, чистку государственного аппарата и армии. «Вопросы были поставлены, [коммунисты] добились решения, а практически, упорно, и так, как это требовалось по существу, не сделали (так в тексте. – Г.М.), ибо реакционные элементы подняли шум о том, что коммунисты разрушают госаппарат и т. д., и коммунисты уступили», – подчеркивалось в документе¹³. С точки зрения советских политиков, взявших курс на форсированное продвижение коммунистов к монополии власти, оценка действий руководства КПЧ, данная дипслужбами, была правильной. Ведь чехословацкие коммунистические лидеры не смогли добиться того, что ожидали от них в Москве в новых условиях. Советская сторона сбрасывала со счета то обстоятельство, что коммунисты Чехословакии в своей практике должны были считаться с нормами парламентской демократии и соблюдать принципы законодательства, действовавшего в стране. Именно эту специфическую ситуацию объяснял министр внутренних дел В. Носек представительнице Славянского комитета С.А. Шмераль во время ее пребывания в Праге в декабре 1947 г. Передавая содержание беседы в докладной записке, представленной в МИД СССР, С.А. Шмераль писала: «Центральный аппарат исключительно засорен: здесь царит бюрократия – национально-социалистические и лидеры (члены Народной партии. – Г.М.) чиновники. Министр внутренних дел Носек жаловался на то, что он не имеет возможности провести чистку в своем аппарате, так как еще в силе закон: на место уволенного нельзя взять никого. Он сказал мне, что в ближайшие дни ему удастся 273 человека из своих 700 работников перевести на пенсию, и тогда он сможет взять новых людей. ...Носек говорил со Сланским, но, как он сообщает, получил ответ: “Нельзя нарушать закон”. Во многих министерствах и Праж-

ском магистрате предполагается коммунизировать аппарат следующим образом: парторганизации предлагают убедить зав. отделами, чтобы они вступили в КПЧ»¹⁴.

Прогноз советского посольства относительно перспектив развития ситуации в Чехословакии в 1948 г. не был оптимистическим. В политическом отчете за 1947 г., в частности, говорилось: «В настоящее время и в 1948 г. до выборов коммунистам будет еще труднее, потому что представители социал-демократической партии еще реже будут их поддерживать и, как правило, будут выступать против... Еще труднее обстоит дело в Словакии, где коммунисты совсем в меньшинстве и где демократическая партия, по существу, руководит всеми вопросами внутренней жизни Словакии... В настоящее время все внимание всех партий сосредоточилось на предстоящих выборах... Есть все основания предполагать, что при упорной работе с массами вплоть до выборов коммунисты получат заслуженное большинство голосов на предстоящих выборах». Вместе с тем нельзя не отметить весьма существенную оговорку, содержащуюся в отчете: «Реакционные элементы внутри страны, активно поддерживаемые представителями Запада, продолжают считать, что в Чехословакии есть все данные для того, чтобы правые партии получили большинство на предстоящих выборах и изгнали коммунистов из правительства»¹⁵.

Судя по документам, отдельные руководители КПЧ также испытывали опасения в исходе выборов весной 1948 г. Так, в январе 1948 г. Ю. Дюриш в письме руководству ЦК ВКП(б) допускал, что коммунистов Чехословакии может постигнуть участь их соратников во Франции и Италии, и ответственность за это будет нести Москва¹⁶.

Таким образом, в конце 1947 – начале 1948 г. Москва получала информацию из разных источников о том, что руководство компартии Чехословакии не занимает решительную позицию, находится, по существу, в обороне. Из вышеупомянутой записки С.А. Шмераль следовало, что подобные оценки высказывали и многие рядовые коммунисты. «Подавляющее число членов партии и симпатизирующих нам беспартийных считает, – писала Шмераль, – что партия недостаточно борется против реакции... Даже некоторые руководя-

щие товарищи – Носек, Неедлы, Дюриш – говорили мне: “довольно уступок”. Часто можно слышать такие замечания: “Партия должна признать, что реакция так сильна потому, что ей дали много воли”. Можно услышать и такие настроения: “Весной придется браться за оружие, иначе возьмутся они”. Все члены партии очень довольны выступлением т. Готвальда в декабре этого года на пленуме ЦК, когда он сказал: “Переходим в наступление”. Однако через две недели можно было слышать: “Опять слова, мало действия”. Такие настроения очень сильны среди старых членов партии»¹⁷.

Ситуация, обрисованная Шмераль, свидетельствовала об отсутствии в конце 1947 г. в руководстве КПЧ единого подхода к решению вопроса о власти. Выдвинутый в середине 1946 г. курс на завоевание «большинства нации» и обеспечения, таким образом, 51% голосов на предстоявших парламентских выборах основывался на идее мирного перехода к социализму «национальным специфическим путем». В конце 1947 г., когда задача форсированного продвижения к монополии власти встала в практическую плоскость, этот курс многими в руководстве КПЧ уже рассматривался как мало-реальный. Готвальд, понимая иллюзорность надежд на получение 51% голосов, разрабатывал различные варианты этого курса, в частности, делал ставку на создание и укрепление «левых фракций» в некоммунистических партиях, которые рассчитывал привести к руководству в нужный для коммунистов момент. Б. Лаушман в мемуарах вспоминал об одном разговоре с Готвальдом, состоявшемся в конце 1947 – начале 1948 г.: «Готвальд мне сказал, что “если бы выборы были сегодня, то он не исключил бы потерю голосов”. Но он убежден, что широкая пропагандистская кампания за новые радикальные законы в интересах нации за счет последних слоев сельской и городской буржуазии и церковной иерархии, за законы, в которых действительно народ заинтересован, может воспрепятствовать потере голосов. О 51% он уже и не говорил»¹⁸.

Существовали и другие наметки решения вопроса о власти. Наиболее радикальная часть руководства КПЧ в составе Ю. Дюриша, В. Копецкого, А. Запотоцкого, лидеры словацких коммунистов, а также ряд ведущих функционеров

в краевых парторганизациях считали, что вопрос о власти нужно решать до выборов. Они рассчитывали на «революционную активность масс», т. е. на организацию массовых выступлений социально слабых слоев, связывавших перспективы улучшения своего материального положения с углублением социально-экономических преобразований – национализацией промышленности и проведением радикальной аграрной реформы¹⁹. Этот более быстрый и более привычный по методам «революционных действий» вариант в наибольшей мере совпадал с интересами советского руководства, для которого фактор времени в условиях интенсивного нарастания противостояния двух блоков имел первостепенное значение.

Если верить мемуарам генерала НКВД П.А. Судоплатова, то Москва была весьма заинтересована решить проблему власти в Чехословакии и покончить с коалиционным правительством, не доводя дело до выборов в парламент, назначенных на весну 1948 г. Уроки Франции и Италии были учтены советским руководством. Вспоминая события 1948 г., Судоплатов писал: «В 1948 г., накануне перехода власти от Эдварда Бенеша к Клементу Готвальду, Молотов вызвал меня в свой кремлевский кабинет и приказал ехать в Прагу и, организовав тайную встречу с Бенешем, предложить ему с достоинством покинуть пост, передав власть Готвальду, лидеру компартии Чехословакии. ... В противном случае мне предписывалось сказать ему, что мы найдем способ организовать утечку слухов об обстоятельствах его бегства из страны и оказанной ему финансовой помощи для этого, тайном соглашении о сотрудничестве чешской и советской разведок, подписанном в 1935 г. в Москве, секретном договоре о передаче нам Карпатской Украины и об участии самого Бенеша в подготовке политического переворота в 1938 г. и покушения на премьер-министра Югославии... Мы (Судоплатов и бывший резидент советской разведки в Праге Зубов. – Г.М.) приехали в Прагу поездом в январе 1948 г. ...Наша бригада специального назначения – 400 человек переодетых в штатское, – уже была в Праге. Эту группу скрытно переправили для поддержки и защиты Готвальда». По словам Судоплатова, Зубову удалось на 15 мин. встретиться с Бенешем в его резиденции и сообщить ему, что «в стране произойдут кардинальные пе-

ремены независимо от того, сохранится ли нынешнее руководство или нет, но, по его мнению, Бенеш был единственным, кто мог бы обеспечить плавную и бескровную передачу власти»²⁰.

Однако чешский историк Я. Валента высказывает большие сомнения в достоверности сведений, приведенных Судоплатовым. В частности, он считает, что встреча Бенеша и Зубова вряд ли могла состояться, поскольку за январь 1948 г. в канцелярии президента не было зафиксировано ни одного посетителя с русской фамилией. Все прочие посетители идентифицированы²¹. Можно разделять или не разделять критическое отношение Валенты к книге Судоплатова, но ведь такие опытные разведчики, как Судоплатов и Зубов, наверняка, могли найти свои каналы для организации тайной встречи с Бенешем, минуя канцелярию президента.

Материалы российских архивов свидетельствуют, что к середине февраля 1948 г. использование непарламентских методов в борьбе за власть стало осознаваться руководством КПЧ как реальная необходимость. В подтверждение этого вывода приведем информацию временного поверенного в делах СССР в Чехословакии М.Ф. Бодрова от 17 февраля. На основании беседы с Готвальдом Бодров сообщил в Москву, что правые партии при поддержке социал-демократов сумели изолировать коммунистов в правительстве и провести против них несколько решений. Принятие намеченных коммунистами законов и новой Конституции в создавшейся ситуации нереально. Как подчеркнул Бодров, Готвальд, анализируя создавшееся положение, не исключил и такой шаг со стороны правых партий при поддержке Э. Бенеша, как выражение недоверия существующему правительству с целью формирования нового кабинета. При таком развитии событий, подчеркнул Готвальд, коммунисты «тоже пойдут на крайнюю меру, то есть при помощи имеющихся у коммунистов министерства внутренних дел и большинства армии силой возьмут полностью всю власть в стране и окончательно расправятся с реакцией». Важное место в плане Готвальда занимали подготовка и проведение 22 февраля общегосударственной конференции заводских советов, на которой «будут выработаны и приняты требования рабочих к правительству.

Вслед за ней планируется созыв конференции крестьян»²².

Из вышеизложенного очевидно, что Москва получала разнообразную и своевременную информацию о событиях в стране. Однако характер информации вызывал большую обеспокоенность советского руководства. Это обстоятельство, а также стремление Москвы контролировать ситуацию объясняют прибытие в Прагу 19 февраля 1948 г. заместителя министра иностранных дел СССР, бывшего посла в Чехословакии В.А. Зорина. Приезд в страну дипломата столь высокого ранга в переломный момент свидетельствовал об особом значении, придававшемся миссии Зорина в Москве.

Для российских историков корпус документов, связанных с определением задач и действий Зорина в Праге, до сих пор остается «тайной за семью печатями». В настоящее время мы располагаем определенным, правда, весьма ограниченным кругом материалов, показывающих, к каким аргументам прибегала советская сторона, добиваясь необходимого ей разрешения развивавшегося в Чехословакии политического кризиса.

В работах чешских историков утверждается, что Зорин, официально прибывший для инспекции поставок советского зерна в Чехословакию, якобы привез Готвальду приказ Сталина использовать правительственный кризис для окончательного решения вопроса о власти и в случае необходимости обратиться к Москве за военной помощью. После отказа Готвальда от предложенного Сталиным силового решения вопроса Зорин, якобы, стал добиваться от советского руководства проведения в Австрии на границе с Чехословакией маневров советских войск²³. Такая интерпретация пребывания Зорина в Праге имеет широкое хождение в чешской литературе, как в научной, так и популярной и основана на сведениях, полученных в 60-е годы от зятя Готвальда А. Чепички. Информация Чепички, изложенная им в устных беседах, какими-либо другими документами в работах чешских историков не подтверждается.

Некоторые полученные автором за последнее время архивные материалы позволяют существенным образом скорректировать представления о миссии Зорина. Первые встречи советского дипломата с чешскими политиками, как

известно, состоялись 19 февраля. С министром снабжения социал-демократом В. Майером он обсуждал ход поставок зерна из СССР и связанные с ним проблемы транспорта. С министром иностранных дел Я. Масариком – политическую ситуацию в стране. Как сообщал сам Зорин в Москву, он дал понять Масарику, что «мы (советская сторона. – Г.М.) неодобрительно относимся к попыткам раскола правительства»²⁴. В тот же день состоялся разговор с Готвальдом. По сообщению Зорина, он «передал Готвальду совет: быть потверже, не идти на уступки правым и не колебаться, что он (Готвальд. – Г.М.) воспринял без каких-либо сомнений»²⁵.

Именно в этих словах раскрыта основная причина приезда Зорина в Прагу. Советская сторона испытывала настороженность и недоверие к чехословацким коммунистическим лидерам за их склонность к компромиссам, опасалась, что они могут отступить от заявленных намерений, и вопрос о власти и существовании в стране коалиционного правительства не будет решен до выборов в парламент. Характерно, что при встрече с Готвальдом и генеральным секретарем ЦК КПЧ Р. Сланским 20 февраля, сразу же после подачи министрами трех партий – национально-социалистической, народной и демократической – заявлений об отставке, Зорин настойчиво обращал внимание коммунистических лидеров на необходимость «быть готовыми к решительным действиям и к возможности нарушения некоторых формальных положений существующей конституции и законов». По словам Зорина, именно этого, последнего, чехи «ужасно боятся». Советский представитель далее сообщал: «Готвальд стал говорить, что пока им не приходится идти против президента, но иное будет, если им придется идти против него. Я ответил ему, что он зря преувеличивает свои трудности и что авторитет президента в значительной мере держится их поддержкой. Готвальд как будто бы настроился действовать более решительно, но идея нормального, парламентского пути развития Чехословакии без всяких потрясений еще довлеет над ним»²⁶.

Весьма интересен и важен фрагмент беседы, из которого следует, что Готвальд показал Зорину сводку чехословацкой разведки с изложением разговора какого-то канадского разведчика о намерении американских правящих кру-

гов ввести в страну войска в случае «коммунистического путча». «Я ответил, – сообщил Зорин, – что, по моему мнению, эти высказывания лишены каких-либо серьезных оснований и рассчитаны на запугивание их (коммунистов. – Г.М.). Готвальд в то же время высказался в том смысле, что было бы хорошо (для воздействия на Бенеша и всех правых), если бы некоторые советские части в Германии и в Австрии начали некоторые передвижения у границ Чехословакии. Готвальд просил сообщить об этом в Москву. Я обещал это сделать»²⁷. Просьба Готвальда насторожила Зорина. Он передал в Москву: «Готвальд хочет обязательно избежать каких-либо острых мер в борьбе против реакции». Размышляя над возможностью оказать нажим на чехословацкого лидера, Зорин счел полезным, «если бы по партийной линии были даны из Москвы Готвальду указания действовать решительнее и не быть в плену парламентских иллюзий»²⁸.

Из информации Зорина видно, что в выборе методов достижения цели – принятия президентом страны отставки министров трех партий – между лидерами КПЧ и советским представителем не было единства. Готвальд и Сланский видели в советском присутствии в регионе наиболее эффективное психологическое средство воздействия на Бенеша. Именно с этим была связана попытка добиться демонстрации советской военной мощи на австрийско-чехословацкой границе. Уместно вспомнить, что прецедент уже имелся: в 1946 г. во время выборов в Национальное собрание советские танковые колонны совершили переход по территории Словакии с явной целью оказать определенное воздействие на ход избирательной кампании.

Зорин же вопрос о советской поддержке связывал, прежде всего, с моральной стороной дела, поэтому в информации от 20 февраля он просил сформулировать официальный взгляд советской стороны на правительственный кризис в Чехословакии: «По понятным соображениям я не могу здесь выявить публично наше отношение ко всем событиям. Поэтому было бы хорошо, если бы московское радио и печать (в первую очередь, “Правда”) дали нашу оценку событиям и этим поддержали бы друзей и разоблачили бы пропаганду правых»²⁹.

Какие шаги предприняло руководство КПЧ после встречи с Зориным? 21 февраля в Праге коммунисты при поддержке профсоюзов организовали на Староместской площади 100-тысячный митинг рабочих с участием представителей всех крупнейших промышленных предприятий и шахт страны. Одновременно они инспирировали кампанию посылки телеграмм и писем от трудящихся на имя президента Бенеша с требованием принять отставку министров. Было очевидно, что КПЧ вышла за рамки парламентских методов урегулирования правительственного кризиса. Во время переговоров с Бенешем 21 февраля Готвальд в ответ на вопрос президента: «А если я не приму отставки?» пригрозил не только организацией всеобщей забастовки, но и выходом на пражские улицы отрядов рабочей милиции. Видимо, Готвальд был настолько уверен, что Москва откликнется на его просьбу о военных маневрах, что многозначительно заявил Бенешу: «Здесь еще есть и Советский Союз!»³⁰. Впоследствии, после ухода с поста президента Бенеш вспоминал слова Готвальда и некоторых других политиков о том, что «русские стоят в полной готовности вдоль границ и что, если коммунисты потребуют, они готовы к немедленному вступлению в республику»³¹. Налицо прямой психологический, граничивший с шантажом, нажим на президента, который как политик, переживший мюнхенскую трагедию и аннексию Германией чешских земель, неизбежно должен был весьма остро реагировать на угрозу утраты национальной независимости. Бенеш, конечно же, представлял себе, что в 1948 г. в Европе не было реальной военной силы, способной противостоять советским вооруженным силам.

К 22 февраля советская сторона четко определила свою позицию. На информацию Зорина от 20 февраля пришел следующий ответ за подписью Молотова: «“Правда” 22 февраля выступит с оценкой событий в Чехословакии. Предложения о передвижении советских войск в Германии и Австрии, а также о даче указаний Готвальду по партийной линии признаны нецелесообразными»³². Зорину предписывалось не посещать президента Бенеша до получения указания из Москвы.

По-видимому, за время пребывания Зорина в Праге

указания посетить Бенеша из Москвы не последовало. Сам Бенеш утверждал, что во время кризиса он не встречался и не имел никаких контактов с советским заместителем министра иностранных дел ³³.

Газета «Правда» в разделе «Международное обозрение» поместила комментарий к событиям в Чехословакии. В нем была дана следующая их трактовка: «Группировка трех партий – национал-социалистической, народной и демократической – составила заговор против Национального фронта в Чехословакии. Эта группировка, действуя по указаниям извне, вызвала правительственный кризис, своим безответственным поведением поставив республику в опасное положение и создав угрозу ее благополучию. В этом заключается смысл отставки министров-реакционеров из национал-социалистической, народной и словацкой демократической партий. Их руками международная реакция пытается внести раскол в ряды народной демократии. В отношении подобной антинародной политики не должно быть никаких компромиссов. Эти чувства ярко выразил чехословацкий народ, требуя удаления из правительства агентов реакции, врагов Национального фронта» ³⁴.

В оценке событий прозвучала традиционная для советской пропаганды посылка о происках международной реакции и вновь была подчеркнута недопустимость компромиссов. Вместе с тем отказ Москвы от проведения маневров воинских частей и оказания партийного давления на Готвальда мог означать удовлетворенность советской стороны массовыми выступлениями в Праге 21 февраля. «Безмолвие» противников коммунистов было весьма показательным: ни национальные социалисты, ни лидовцы, ни словацкие демократы не были готовы к борьбе вне парламента. Примечательна в этом плане оценка позиции лидеров демократических партий, данная позднее Бенешем: «Когда по призыву Готвальда Староместская площадь заполнилась до зубов вооруженной заводской милицией, я ожидал, что они (сторонники национальных социалистов и лидовцев. – Г.М.) соберутся на Вацлавской площади. Я знал еще раньше, что «Соколы» ³⁵ имеют достаточно оружия для того, чтобы вооружиться. Однако я не ожидал, что им изменит их хорошая организация и

решительность. Я полагал, что невооруженная демонстрация студентов (она была без труда разогнана сторонниками коммунистов. – Г.М.) будет сигналом к всеобщему восстанию, однако никто не пошевелился»³⁶.

Отсутствие сколь-нибудь реального противодействия «массовым акциям» коммунистов стало, по-видимому, главным фактором в определении позиций советского руководства, сформулированных Молотовым в указаниях Зорину от 22 февраля.

В работах исследователей пока не получил освещения еще один факт, оказавший известное влияние на развитие кризиса. Речь идет о приезде 21 февраля в Прагу делегации Польской социалистической партии (ППС) в составе К. Русинька, Г. Яблоньского, А. Рапацкого и С. Арского. Эти политики приняли активное участие в переговорах между чехословацкими социал-демократами и коммунистами. Для коммунистов эти переговоры шли очень трудно. Формально приезд делегации ППС в Прагу был организован руководством этой партии по просьбе ЦК Польской рабочей партии (ППР). Однако то, что после возвращения делегации лидер ППС Ю. Циранкевич направил в советское посольство в Варшаве обстоятельный отчет о пребывании польских социалистов в Праге, позволяет предположить, что просьба ЦК ППР инициировалась Москвой. 19 февраля 1948 г. на имя президента Польши Б. Берута из Праги поступила информация, что чешская социал-демократия в ходе развивавшегося политического кризиса заключила с чешскими национальными социалистами соглашение о совместном выступлении по ключевым вопросам: раскол профсоюзного движения, совместная акция по вытеснению коммунистов из силовых структур – министерства внутренних дел и органов госбезопасности, недопущение новой, более глубокой аграрной реформы и скорейшее проведение выборов в Национальное собрание. В информации в Варшаву сообщалось: «На сей раз Лаушман что-то молчит и не подчеркивает необходимость сохранения самостоятельной политики социал-демократов»³⁷. Но эта информация была неточной. В ней в искаженном виде до поляков дошли сведения о неудачных для руководства КПЧ переговорах с лидерами социал-демократов, проходивших 19 февраля. В

ходе острой дискуссии коммунисты пригрозили Б. Лаушману, Ф. Тымешу и Б. Вилиму, что в случае заключения ими соглашения с национальными социалистами они «будут раздавлены вместе с остальными»³⁸.

20 февраля лидер ППР В. Гомулка обратился в ЦИК ППС с просьбой срочно направить в Чехословакию делегацию пэпээсовцев, чтобы попытаться с их помощью добиться изменения позиции руководства чешской социал-демократической партии в отношении коммунистов. Прибыв в Прагу 21 февраля, члены делегации приступили к изучению ситуации. Для этого они прежде всего встретились с руководителями КПЧ Р. Сланским и Ю. Доланским и лишь затем – с официальным руководством социал-демократической партии – Б. Лаушманом, Б. Вилимом и В. Бернардом. Последним было предложено провести закрытое совместное совещание с анализом ситуации, сложившейся в стране. На этом совещании, состоявшемся 22 февраля, польская делегация сосредоточила усилия на том, чтобы показать несостоятельность «игры в третью силу» и опасность «сидения верхом на баррикаде». Как считали члены делегации, здесь им удалось «вбить клин между правыми и центром и перетянуть колеблющихся на сторону «левицы»». В последующие три дня делегация ППС пыталась воздействовать на ЦК чешской социал-демократической партии, чтобы, как потом отмечалось в отчете, «подавить правых и обеспечить принятие остальной партией предложенной КПЧ». «Мы прекрасно понимали, – подчеркивалось в документе, – что для преодоления сопротивления Бенеша необходимо, чтобы чешская социал-демократия под руководством Лаушмана шла рука об руку с КПЧ и К. Готвальдом»³⁹. На протяжении всего пребывания в Праге польские социалисты поддерживали тесные контакты с ЦК КПЧ, информируя его о ситуации в руководстве социал-демократической партии.

В Варшаву делегация ППС выехала лишь после того, как Готвальд уведомил ее членов о том, что Бенеш примет отставку министров и будет сформировано новое правительство. В отчете члены делегации сообщали, что им удалось нейтрализовать влияние французского социалиста Ги Молле, который за неделю до этого был в Праге и ориентировал со-

циал-демократическую партию в духе действий «третьей силы», и тем самым облегчить принятие большинством ЦК решения о начале переговоров с Готвальдом.

Советское посольство, информируя Москву о подписанном 25 февраля 1948 г. Б. Лаушманом и З. Фирлингером воззвании к объединению и сотрудничеству всех членов социал-демократической партии, обошло молчанием деятельность делегации ППС, но отметило, что «левое крыло социал-демократов слишком слабое, неспособное вести за собой партийную массу»⁴⁰.

Итак, кризис был разрешен. На чем же теперь стали акцентировать внимание присутствовавшие в стране советские наблюдатели? Как оценивали они деятельность руководства КПЧ?

Один из наиболее интересных документов, которым мы располагаем, – информационная записка ответственного секретаря Славянского комитета СССР И.В. Медведева, который находился в Праге с 20 февраля по 11 марта 1948 г. и встречался с партийными функционерами разных уровней. Представленный им документ содержал критический анализ действий руководства КПЧ в дни кризиса.

Главный тезис автора сводился к тому, что лидеры компартии недооценивали силы народов Чехословакии и только февральские события убедили их в исключительно важной роли политических акций. Именно эти события доказали лидерам КПЧ, что «только последовательная и бескомпромиссная политика борьбы против внутренней реакции..., только настойчивость и решительность компартии... могут обеспечить действительное упрочение позиций народной демократии»⁴¹. По мнению Медведева, февральская победа породила среди коммунистов благодушие, зазнайство, «некритическое отношение в деле реальной оценки происшедших политических сдвигов в стране». Недоверие и опасение вызывали у Медведева, в частности, установки руководства КПЧ на массовый прием в партию, что открывало, по его мнению, возможности проникновения в ее ряды «многих сомнительных политических элементов». Ссылаясь на беседы с Р. Сланским и М. Швермовой, автор писал, что «руководители КПЧ... решительно стоят на точке зрения безусловной не-

обходимости массового притока людей в партию вплоть до момента их использования на выборах и предполагают после выборов провести чистку рядов партии»⁴². В документе сохранилась также критика руководства КПЧ, в частности, Р. Сланского, М. Швермовой, В. Копецкого, Б. Геминдера, за нерешительность в проведении аграрной реформы, отмечалась склонность к компромиссам, которая была объектом критики чехословацких коммунистов и ранее.

Жесткая негативная оценка была дана Медведевым позиции интеллигенции в стране. «Идеологическое состояние широких кругов интеллигенции (особенно на периферии), по меньшей мере, отрицательно сказывалось на ходе политической борьбы, ибо в кругах значительной части интеллигенции до сих пор наблюдается непонимание внутренних событий и поразительный идеологический разброд, особенно в вопросах оценки подрывной деятельности правых партий и их лидеров»⁴³. Отсюда в качестве главной задачи, по мнению автора, вытекала необходимость идейно-политического воспитания широких кругов народа в духе программы и задач обновленного Национального фронта. При этом отмечалось, что партия еще не достигла необходимого подъема и разворота в идеологической работе.

Появление столь критического документа в то время, когда руководство КПЧ, казалось, находилось на вершине политического успеха, не было случайным: выполнялся определенный заказ Отдела внешней политики ЦК ВКП(б). Материал Медведева стал, по сути, основой документа «О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии»⁴⁴, родившегося в апреле 1948 г. в недрах аппарата ЦК ВКП(б). Здесь, как и раньше, среди «ошибок» руководства КПЧ на первое место были выведены «парламентские иллюзии» и «антимарксистские установки о мирном пути Чехословакии к социализму»: «В своей практике лидеры КПЧ до последнего времени ошибочно полагали, что “коалиционное сотрудничество” с буржуазными партиями в рамках программы Национального фронта позволит избежать классовой борьбы»⁴⁵.

Советская сторона, как показывают последующие документы, была неудовлетворена степенью «классового подхода» руководства КПЧ к своим политическим противникам

после установления монополии власти коммунистов. В частности, серьезные упреки делались в связи с тем, что «проведенный разгром реакции не сопровождался арестом ее политических лидеров, отдачей их под суд и разоблачением их как врагов народно-демократической республики»⁴⁶.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно утверждать, что советское руководство в условиях назревавшего политического кризиса в Чехословакии, безусловно, подталкивало национальных коммунистических лидеров к использованию радикальных методов борьбы за власть и ликвидацию коалиционного правительства. Вместе с тем приведенные нами документы свидетельствуют, что конкретный план действий с использованием непарламентских акций по захвату власти в стране был подготовлен в ЦК КПЧ еще до начала кризиса и приезда Зорина в Прагу, о чем советская сторона имела полную информацию, полученную по дипломатическим каналам. В силу этого задача Зорина заключалась не в передаче «приказа Сталина» чехословацким коммунистам о взятии власти, а в контроле за тем, чтобы руководство КПЧ не слишком уж склонялось к компромиссам. Что касается перспектив демонстрации советской военной мощи как аргумента в политическом противостоянии в дни кризиса, то приведенные материалы показывают, что инициатива в этом вопросе принадлежала отнюдь не советской стороне, а лидеру чехословацкой компартии Готвальду.

Дальнейшее введение в научный оборот документов из архивов России позволит внести новые уточнения в созданную в настоящее время картину событий прошлого, во многом идеологизированную и мифологизированную, отказаться от конъюнктурных оценок и поставить во главу угла конкретные исторические факты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Bouček M. Praha v únoru 1948 r.* Praha, 1963; *Československá revoluce v letech 1944–1948.* Praha, 1963; *Sborník příspěvků z konference historiků k 20. výročí osvobození ČSR.* Praha, 1966; *Bouček M., Klimeš M. Dramatické dny února 1948.* Praha, 1973; *Adámek V. Boj KSČ za píerútani inárodne-demokratické revoluce v socialistickou v letech 1945–1948.* Praha, 1974; *Мурашко Г.П.* Политическая борьба в Чехослова-

- кии 1944–1948 гг. и национализация средств производства. М., 1977; Краткая история Чехословакии. М., 1988 и др.
- ² *Ripka H.* Czechoslovakia enslaved: The story of the Communist Coup d'Etat. London, 1950; *Drtina P.* Ceskoslovensko – můj osud. Toronto, 1982; *Mamatei V., Luza R.* Geschichte der Tschechoslowakischen Republik 1918–1948. Wien-Köln, 1980; *Kaplan K.* Der Kurze Marsch. Kommunistische Machtübernahme in der Tschechoslowakaj 1945–1948. München–Wien, 1983.
- ³ *Barnovský M.* Na cestě k monopolu moci. Mocenskopolitické zápasy na Slovensku v letech 1945–1948. Bratislava, 1993; *Kaplan K.* Poslední rok prezidenta. E. Beneš v roce 1948. Praha, 1993; *ibid.* Pět kapitol o únoru. Praha, 1997.
- ⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг., т. 1. 1944–1948. М. – Новосибирск, 1997. С. 457–458.
- ⁵ Там же. С. 573–579.
- ⁶ Подробнее: *Wolokitina T., Murashko G., Noskova A.* Das Zentralkomitee der WKP(b) und das Ende der «nationalen Wege zum Sozialismus» // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung 1994. Berlin, 1994. S. 10–37; *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Начало создания соцлагеря. – СССР и «холодная война». М., 1995, с. 76–98.
- ⁷ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе в 1944–1948 гг. М., 1993. С. 128.
- ⁸ Восточная Европа в документах... С. 633.
- ⁹ Там же. С. 653.
- ¹⁰ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1083. Л. 223, 196.
- ¹¹ Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1357. Л. 229.
- ¹² Там же. Л. 54.
- ¹³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0138. Оп. 29а. П. 171. Д. 3. Л. 62.
- ¹⁴ Там же. Оп. 29. П. 146. Д. 4. Л. 6.
- ¹⁵ Там же. Оп. 29а. П. 171. Д. 3. Л. 64.
- ¹⁶ *Kaplan K.* Pět kapitol... S. 350.
- ¹⁷ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 4. Л. 6.
- ¹⁸ *Laušman B.* Kdo je vinen? Viděn, 1953. S. 180–181.
- ¹⁹ *Kaplan K.* Pět kapitol... S. 341–351.
- ²⁰ *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. М., 1996. С. 277–279.

- ²¹ *Valenta J.* Columniare audecter. «Objevy» z československých dějin v knize P. Sudoplatova // České země a Československo v Evropě XIX a XX století. Praha, 1997. S. 335.
- ²² АВП РФ. Ф. 048. Оп. 57. П. 478. Д. 2. Л. 130–131.
- ²³ *Kaplan K.* Mocní a bezmocní. Toronto, 1989. S. 22, 25; *ibid.* Pět kapitol... S. 353.
- ²⁴ АВП РФ. Ф. 048. Оп. 57. П. 478. Д. 2. Л. 132.
- ²⁵ Там же. Л. 133.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. Л. 133–134.
- ²⁸ Там же. Л. 134.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Laušman B.* Op. cit. S. 120.
- ³¹ *Posse-Brázdová A.* Tajné dopisy z Prahy. 1948. Praha, 1994. S. 33.
- ³² АВП РФ. Ф. 048. Оп. 57. П. 478. Д. 2. Л. 134.
- ³³ *Posse-Brázdová A.* Op. cit. S. 32–33.
- ³⁴ Правда, 22.11.1948.
- ³⁵ «СОКОЛЫ» – спортивная организация, находившаяся под контролем партии национальных социалистов.
- ³⁶ *Posse-Brázdová A.* Op. cit. S. 33.
- ³⁷ Archiw act nowych. Zespól act KČ. Sygn. 295/VI1/224. L. 81–83.
- ³⁸ См. подробнее: *Kaplan K.* Pět kapitol... S. 305.
- ³⁹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 3. П. 214. Д. 5. Л. 53.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 0121. Оп. 2. П. 26. Д. 397. Л. 35.
- ⁴¹ Восточная Европа в документах... С. 809–810.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. С. 808.
- ⁴⁴ Там же. С. 831–858.
- ⁴⁵ Там же. С. 833.
- ⁴⁶ АВП РФ. Ф. 048. Оп. 57. П. 478. Д. 2. Л. 132.

1998

**ВЛАСТНАЯ ВЕРТИКАЛЬ И
ЭВОЛЮЦИЯ УМОНАСТРОЕНИЙ
В ЧЕХОСЛОВАКИИ В 50-е годы XX в.
(ПО ДОКУМЕНТАМ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ) ***

Вертикаль власти, сложившаяся в Чехословакии к началу 50-х годов, являла собой созданную во многом по советскому образцу диктатуру монополю правящей коммунистической партии. Правда, она была украшена некоторыми элементами демократического декора в виде Национального фронта. В него входили четыре фактически контролируемые коммунистами партии: социалистическая (ранее национально-социалистическая), народная, словацкая партия «Свободы» и партия «Словацкого возрождения». Внешне эта система мало чем отличалась от аналогов, функционировавших в рассматриваемые годы в других странах Восточной Европы. Особенность же системы, сложившейся в Чехословакии и оказавшей влияние на формирование общественных настроений, вытекала из характера партии, сконцентрировавшей в своих руках монополию на власть. Суть его (характера) заключалась в том, что коммунисты в послевоенном чехословацком обществе никогда не рассматривались как некий инородный имплантант, привнесенный извне, что было свойственно, например, послевоенным обществам таких стран, как Венгрия, Польша, Румыния.

Это обстоятельство, безусловно, играло существенную роль в формировании атмосферы в стране после победы КПЧ в феврале 1948 г. Приход к власти партии, объединившей в своих рядах более 2 млн. человек, а после проведения в 1949–1950 гг. партийных «чисток» сохранившей в своем составе 1 млн. 700 тыс. членов¹, не оставляла у их политических противников сомнений в том, что коммунисты, располагая большим кадровым резервом для формирования новой правящей элиты, будут активно и последовательно реализовывать резуль-

---

* В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. М., 2011. С. 246–277.

таты своей победы. Действительно, фактический материал показывает, что 1949–1952 гг. были в истории Чехословакии не только временем «активной чистки жизненного пространства» для победителей (следствием чего и стала высокая волна политической эмиграции из страны), но и временем утраты ряда важнейших демократических принципов организации общества.

Отказавшись под жестким давлением Москвы от концепции «национальных путей к социализму» и приняв модель ускоренного построения социализма «по Сталину», руководство КПЧ во главе с К. Готвальдом и Р. Сланским фактически обрекло себя на откровенное копирование советской политической практики. В сознание масс стал интенсивно внедряться лозунг «Советский Союз – наш пример», который в условиях «закрытости» советских реалий от внешнего мира давал коммунистам определенный политический эффект. Этот фактор с точки зрения проблем, рассматриваемых в статье, оказывал влияние, в первую очередь, на сферу формирования властных структур и проводимой кадровой политики. Разработка принципов комплектования верхнего слоя управленцев осуществлялась под непосредственную диктовку Москвы². К 1952 г. ЦК КПЧ официально утвердил список на 17 тыс. должностей, непосредственно подчиненных высшему партийному органу. На их занятие могли претендовать только представители наиболее привилегированной части партийных функционеров. Предположительно их круг ограничивался 80–90 тыс. человек³, составлявшими высший эшелон власти, так называемую партийно-государственную номенклатуру. Главной опорой его становились выборные партийные функционеры, число которых в 1952 году достигало 200 тыс. человек. Из их числа и должны были формироваться органы власти на местах.

При этом важно иметь в виду, что становление и функционирование этой новой властной конструкции происходило под контролем советских советников. Правда, следует сказать, что К. Готвальд, как свидетельствуют материалы российских архивов, пытался ограничить появление в стране такой контролирующей инстанции. Он был последним из лидеров стран Центральной и Юго-Восточной Европы, согла-

сившимся на создание в стране института советников. Сначала под их контролем оказались органы безопасности, а позже советники стали действовать во всех звеньях властных структур⁴. В Чехословакии внедрение института советников особенно активно развернулось уже после смерти Готвальда в 1953 г., когда страну в качестве президента возглавил А. Запотоцкий, а премьер-министром стал В. Широкий. Пост же первого секретаря ЦК КПЧ получил А. Новотный.

В качестве наглядного примера приведем письмо В. Широкого и А. Запотоцкого министру иностранных дел СССР В.М. Молотову от 29 июня 1953 г.: «Правительство Чехословакии считает необходимым расширить группу советских советников в армии, прикомандировав советских военных советников к бригадам, полкам и даже к некоторым батальонам, а также направить советников в медицинское, финансовое и политическое управление министерства обороны». Всего в этом письме чехословацкая сторона просила 164 советника, согласно приложенному списку⁵.

Наличие советников, контролировавших узловые звенья государственного управления, как показывают материалы второй половины 50-х годов, стало одной из причин, напрямую влиявших на появление антисоветских настроений в общественном сознании части населения ЧСР. В начале же 50-х годов фактором, в значительной степени определявшим моральную атмосферу и общественные настроения в стране, стали развернувшиеся с 1949 г. политические репрессии. Идеологическим обоснованием их служил постулат об обострении классовой борьбы по мере продвижения общества к социализму, активно используемый в практике ВКП(б). С 1949 по 1954 год чехословацкое общество пережило две репрессивные волны. Первая (1949–1951 гг.) была основным своим острием направлена против представителей старой политической элиты. Цель ее – убедить население, что «представители реакции» не отказались от попыток вернуться во власть и что страна находилась перед угрозой контрреволюционного переворота. Пропагандистская кампания в средствах массовой информации, сопровождавшая апогей этой волны, – судебный процесс над группой политиков из национально-социалистической партии, которую возглавляла Ми-

лада Горакова, дала искомый результат. Глава госбезопасности Л. Копржива в беседе с советским послом сообщал: «В настоящее время в республике не наблюдается резких антигосударственных выступлений»⁶.

Удар второй репрессивной волны был обращен внутрь самой правящей КПЧ. Он также идеологически опирался на сталинский постулат – поиск врага именно в рядах партии, который, по существу, служил теоретическим обоснованием межклановой борьбы в руководстве компартии за овладение рычагами государственно – партийного управления, за продвижение тех или иных партийных группировок к вершинам власти. Об этом наглядно свидетельствуют ставшие доступными материалы, связанные с разоблачением так называемого «антигосударственного заговора» во главе с генеральным секретарем ЦК КПЧ Р. Сланским, с политическими процессами над партийными функционерами М. Швермовой, О. Шлингом, А. Лондоном и др., а также с развернувшимся в полную силу уже после смерти К. Готвальда делом «словацких буржуазных националистов» Г. Гусака, Л. Новомеского, Д. Окали и др. Причем, интересно отметить, что Сланскому и его «подельникам» инкриминировалась даже разработка «чехословацкого пути к социализму». В приговоре отмечалось: «Под прикрытием этой теории, что, собственно, означало восстановление капитализма в республике, центр осуществляя подготовку реставрации старых отношений в Чехословакии по примеру Тито и под руководством английских и американских империалистов»⁷. Сионизм рассматривался как важнейший канал, по которому предательство и шпионаж якобы проникали в коммунистическую партию. Пропагандистская кампания была четко сориентирована на то, чтобы убедить общество в существовании реальной опасности для формирующегося нового строя. На предприятиях, в учреждениях, институтах проводились массовые митинги, в правительство направлялись резолюции трудовых коллективов с требованиями самого сурового приговора предателям. С 1952 г. страну накрыла волна антисемитизма; тем самым правящая верхушка создавала условия для тотальной смены кадров в партийном и государственном аппарате.

Если говорить о количестве жертв политических ре-

прессий первой половины 50-х годов, то западные исследователи Г. Реннер и С. Иво считают, что из всех стран советского блока Чехословакия дала самые высокие показатели преследования инакомыслящих⁸. За это время в Чехословакии было вынесено 232 смертных приговора, количество заключенных превысило 200 тыс. человек, и более 250 тыс. прошли «трудовые лагеря», где 80% составляли политзаключенные⁹.

Третьим фактором, оказывавшим прямое влияние на формирование общественных настроений, являлась социальная политика, проводимая государством. Ее характер определялся правящей элитой. Проведенные в последние годы чешскими социологами исследования свидетельствуют, что в этой сфере в 1948–1953 гг. отчетливо проявлялись разновекторные тенденции. Если в 1949–1950 гг. показатели состояния жизненного уровня фиксировали пусть незначительную, но все же тенденцию к росту, то в 1951–1953 гг. они свидетельствовали об очевидном ухудшении ситуации в этой сфере. К 1953 г. личное потребление сократилось, по сравнению с 1948 г., на 25%. Предметом обсуждения высших органов власти с 1951 г. все чаще становились стихийно возникавшие забастовки, как протест против плохого снабжения, несправедливого распределения «карточек», лимитировавших нормы продуктов питания и товаров первой необходимости, против отмены некоторых социальных гарантий. По данным, которые приводит известный чешский социолог А. Калинова, за период с 1948 по 1953 гг. доля личного потребления населения в общем объеме национального дохода сократилась с 75,2% до 58,9%; общественное потребление выросло с 5% до 7% при том, что доля накопления в национальном доходе увеличилась с 17,8% до 24,1%, а средства, выделенные на оборону, увеличились с 2% до 10%¹⁰. В целом реальная заработная плата трудящихся упала на 12%, а конкретно лиц, занятых в сфере производства, на 17–20%. Реальная же заработная плата промышленных рабочих в течение 1951–1952 гг., несмотря на ее номинальное повышение, снижалась и только в 1953 г. достигла уровня 1949 г.¹¹.

Москва, как свидетельствуют материалы АВП РФ, располагала достаточно полной информацией о ситуации,

складывавшейся в ЧСР. В секретной записке председателя СЭВ Захарова, направленной руководству ЦК КПСС в июне 1953 г., прямо отмечалось: «За последние два года ухудшилось снабжение населения, среди которого стало проявляться недовольство и ослабление доверия к мероприятиям правительства. Перенапряжение в экономике вызвано, прежде всего, весьма высокими темпами роста тяжелой промышленности и раздутым объемом военного производства. ...С 1 июня 1953 г. в Чехословакии была отменена карточная система и одновременно проведена денежная реформа, масштаб цен изменился в 5 раз... Стоимость бюджетного набора рабочим и служащим после отмены карточной системы увеличилась на 22%... Повышение цен не компенсировалось повышением заработной платы...»¹². Общество и, в первую очередь, рабочий класс, составляющий социальную базу правящей партии, воспринял денежную реформу негативно. Его ответом стали 130 забастовок, которые прокатились по крупнейшим промышленным центрам страны. В Пльзне, Праге, Острове с 1 по 4 июня бастовали 12 тыс. человек. Судя по воспоминаниям очевидцев, активное участие в забастовках протеста принимали и коммунисты. В Пльзне, ставшем центром протестного движения против денежной реформы, для разгона демонстрации, в рядах которой вместе шли и рабочие со шкодовских заводов, недовольные реформой, и прямые противники режима, власти использовали войска и полицию¹³. Как сообщал в Москву советский посол, «в ЦК постепенно стекаются сообщения о реакционных настроениях отдельных групп интеллигенции, служащих и других слоев трудящегося населения»¹⁴. Президент страны А. Запотоцкий вынужден был признать на состоявшемся 11 июня 1953 г. совещании секретарей краевых комитетов КПЧ, что «ситуация порой была очень сложной, и это в огромной степени вызвано безразличием некоторых руководящих деятелей к нуждам людей»¹⁵.

Сложившееся в середине 1953 г. положение свидетельствовало не просто о нарастании напряженности по линии КПЧ, олицетворяющей собой власть, с одной стороны, и общества, с другой, но и являлось реальным проявлением кризиса доверия новой правящей элите.

Советское руководство на основе информации, поступившей из страны по различным каналам, пришло к выводу, что «чехословацкие друзья явно недооценили сложностей внутреннего положения в стране и не сделали для себя должных выводов из прошедших событий, а это чревато новыми более серьезными трудностями в дальнейшем»¹⁶. 20 июня 1953 г. из Москвы в Прагу поступила следующая рекомендация: «Было бы правильным, чтобы чехословацкие друзья хорошенько бы разобрались в их теперешних хозяйственных планах, как в отношении промышленности, так и сельского хозяйства, и внесли бы в эти планы необходимые серьезные поправки»¹⁷. Это был прямой сигнал более оперативно следить за корректировкой политического курса советского «коллективного руководства» и не забывать слова К. Готвальда, сказанные им в январе 1953 г.: «Только все большее приближение к советскому образцу является единственным и главным законом развития народно-демократических стран»¹⁸. В начале июля 1953 г. президент ЧСР А. Запотоцкий прибыл в Москву, где был крайне удивлен острой критикой той экономической политики, которая проводилась в ЧСР и успехами которой в плане развития тяжелых отраслей промышленности он весьма гордился¹⁹. Критику, высказанную в Кремле, Запотоцкому пришлось принять и согласиться с необходимостью перехода от политики «твердой руки» к «новому курсу». Об этом свидетельствовала разработка специального документа – «Тезисы Политического секретариата ЦК КПЧ о современном экономическом и политическом положении и задачах партии и правительства в ближайший период». Обсуждение данного документа, консультации его в Москве, доработка и новая критика со стороны советского руководства²⁰ продолжались до сентября 1953 г. По мере внесения коррективов постепенно сокращался критический анализ прежней политики, и суть окончательно принятого документа была сведена к констатации, что генеральная линия партии была правильной, но в ее реализации низовыми парторганизациями было допущено серьезные ошибки²¹. Этот вывод в полной мере отражал настроения правящего «триумvirата» – А. Запотоцкого, А. Новотного и В. Широкого и во многом определял характер взаимоотношений верхушки КПЧ с обществом.

В 1954–1955 гг. в качестве центральной решалась задача повышения жизненного уровня трудящихся, стало больше внимания уделяться развитию легкой промышленности, производящей товары народного потребления, увеличению выплат в социальной сфере. Это было использовано руководством КПЧ для организации широкой пропагандистской кампании в поддержку «нового курса». В краевых центрах страны уже в апреле 1954 г. проводились массовые манифестации. Поводом стало решение правительства о снижении цен на все товары народного потребления. В Праге в этой акции приняли участие 200 тыс. человек; в Брно – 45 тыс. в других краевых центрах – от 10 до 60 тыс.²² Главной целью кампании по снижению розничных цен, которая продолжалась до 1960 г., прежде всего, было снижение политической напряженности в обществе, восстановление его доверия к правящей элите и получение правящей верхушкой поддержки «нового курса» в стране.

Одновременно с активным пиаром предложенного ею экономического курса власть усиливала контроль за средствами массовой информации. «Вся чехословацкая печать, в том числе и некоммунистических партий, массовых организаций и ведомств, направляется теперь компартией. Ее содержание определяется основными задачами, которые ставит компартия перед народами Чехословакии на каждом этапе строительства социализма», – сообщало в Москву советское посольство²³.

«Новый курс» несколько изменял и направленность репрессивных мер. Теперь в центре внимания был не поиск врага внутри партии, не борьба за места в системе партийной иерархии, а стремление держать под контролем настроения тех социальных слоев общества, которых коммунисты рассматривали как свою социальную базу. Речь, в первую очередь, шла о рабочем классе, поскольку именно он располагал, как показало лето 1953 г., таким эффективным средством воздействия на власть, как забастовки.

Судя по регулярно поступающей из советского посольства информации, забастовки вспыхивали в разных районах страны, и вызывались они отнюдь не политическими, а, в первую очередь, экономическими причинами. Самым рас-

пространенным поводом к забастовке служило повышение норм выработки, введение ночных смен, задержка или неполная выплата заработной платы²⁴. Однако власти усматривали в забастовочных акциях прежде всего политическую угрозу, а именно недостаточную степень своего влияния в рабочей среде, где, по их мнению, сохранялись остатки влияния социал-демократии²⁵. «Социал-демократизм еще далеко не изжит в стране и нередко дает о себе знать на различных участках политической, хозяйственной и культурной жизни страны», – сообщало советское посольство в Москву, анализируя положение на идеологическом фронте в Чехословакии. Именно этим фактором с подачи чехословацкой стороны объясняли аналитики из советского посольства «случаи, когда рабочие отдельных фабрик и заводов, недовольные тем или иным мероприятием правительства, устраивают различного рода волынки и демонстративно не выходят на работу». Особенно много подобных случаев, подчеркивалось в документе, было в 1953 г. в Пльзне, Острове и других промышленных городах. Повторились они в 1954 г. на ряде текстильных фабрик Градецкой области в связи с переводом рабочих на трехсменную работу и в других местах, а также в декабре 1955 г. на Яхимовских рудниках в городе Трутневе в связи с пересмотром норм выработки. Автор справки при этом замечает, что «подобные выступления рабочих имеют место в тех случаях, когда дело касается их кармана, а партийные организации не проводят соответствующей разъяснительной работы среди рабочих, а часто осуществляют многие мероприятия административными мерами»²⁶.

В такой обстановке бывшие члены социал-демократической партии, не вступившие в КПЧ, становились объектом преследования органов безопасности. Советское посольство в марте 1955 г. регулярно сообщало об арестах «новых групп социал-демократов, проводивших подрывную работу». Однако попытки МГБ СССР «получить обобщающие материалы, раскрывающие характер этой подрывной деятельности, а также меры, которые предпринимает КПЧ против социал-демократии, не увенчались успехом», – отмечалось в одной из записок посольства²⁷.

Хотя судебные процессы над социал-демократами

проходили тихо, без особого привлечения внимания общественности и без вынесения смертных приговоров, свою роль по созданию напряженности в обществе они, безусловно, сыграли.

Несколько особой была ситуация в Словакии, где шел к завершению начатый еще в 1949 г. передел властных рычагов внутри словацкой коммунистической элиты, проходивший под лозунгом борьбы со «словацким буржуазным национализмом». В качестве обвиняемых на этом политическом процессе проходили известные словацкие политики Г. Гусак, Д. Окали, А. Новомеский.

Своего рода знаковым событием, характеризующим настроения «верхов», можно считать открытие в Праге на Летненском холме летом 1955 г. самого большого в мире памятника И.В. Сталину. Думается, что в такой обстановке публичное проявление общественных настроений, отличающихся от генеральной линии правящей партии, было маловероятным. Необходим был внешний толчок.

Именно им и стали визит Н.С. Хрущева в Белград в мае-июне 1955 г., переговоры с Й.Б. Тито и принятие специальной Декларации, где провозглашались новые принципы взаимоотношений между двумя странами. Реакция различных групп населения Чехословакии на эти события оказалась, по-видимому, неожиданной как для властных структур, так и для советского посольства. Посол Н.П. Фирюбин с тревогой информировал Москву: «Чехословацкие друзья сообщают, что повсюду Декларация Правительства СССР и Югославии вызвала политическое оживление и положительное реагирование трудящихся ЧСР. Многие рабочие и служащие учреждений ЧСР в стихийно организованных беседах одобительно относятся к политике КПСС и Советского правительства. Однако, наряду с положительными откликами на Декларацию, реакционные элементы распускают слухи о том, что Компартия Советского Союза официально признала два возможных пути построения социализма. Распространяются версии о том, что Р. Сланский и другие не виновны, что ЦК КПЧ и правительство ЧСР скоро объявят об этом. ...В связи с тем, что отдельные политработники неправильно истолковывают советско-югославские переговоры, не поняли некото-

рые положения Декларации, в Праге 2–4 июня был проведен специальный инструктаж»²⁸. Упоминание посла о спешном проведении инструктажа свидетельствовало о явной обеспокоенности властей столь широкой интерпретацией появившегося документа.

С осени 1955 г. начавшееся отмежевание общественных настроений от официального курса правящей партии стало усиливаться. В рядах социалистической и народной (католической) партий, также среди некоторых категорий населения Женевское совещание глав правительств четырех держав²⁹ и советско-югославские переговоры в Белграде стали расцениваться как уступки социалистического лагеря капитализму, как отход коммунистов от своих позиций. Лидеры некоммунистических партий, входивших в Национальный фронт, почти открыто обсуждали вопрос о том, что в ближайшее время внутри страны произойдут важные политические изменения. В частности, говорилось о возможности формирования нового правительства, которое может возглавить председатель социалистической партии Э. Шлехта³⁰.

Что касается развития контактов между Востоком и Западом, то предложение устранить барьеры, препятствующие свободному общению народов и мирной торговле, осуществлению мирных контактов и связей, сформулированное в итоговом документе Женевского совещания, вызвало в рабочей среде весьма своеобразную реакцию. Высказывались мнения, что возможное подписание советско-западногерманского договора может вызвать обострение конкурентной борьбы между ФРГ и ЧСР. Среди населения Пражского края достаточно широкое распространение получила версия о том, что в случае достижения договоренностей с ФРГ Чехословакии придется вернуть конфискованное у немцев имущество, а спорный вопрос о приграничных районах Чехословакии может быть в Москве решен в пользу немцев³¹. Но это было только начало.

Превращение общественных настроений в Чехословакии в фактор, способный воздействовать на политическую жизнь, произошло позже, только к середине 1956 г., после таких событий, как XX съезд КПСС с докладом Н.С. Хрущева о культе личности Сталина и мартовско-апрельский пленум

ЦК КПЧ, где проблема «культы личности» обсуждалась применительно к ситуации в КПЧ. Именно пленум показал, что высшее руководство партии весьма осторожно подходит к рассматриваемой проблеме, поставив своей задачей реализовать новую стратегическую линию, предложенную Москвой, с наименьшими кадровыми издержками. Главная задача была сохранить в своих руках властные функции и избежать персональной ответственности за политические репрессии 1949–1952 гг. Поэтому отнюдь не случайно в докладе А. Новотного на пленуме говорилось, что «носителями культа личности были иногда члены Политбюро, члены ЦК и главы правительства, распространяли его и все активисты партии. Так “культ личности” проник во всю нашу партию, во всю нашу жизнь, и трудно представить себе все его вредные последствия. К “культу личности” следует относиться как к болезни, которую мы должны изгнать из тела партии.... Одновременно с борьбой против “культы личности” мы должны начать борьбу за укрепление коллективности в руководстве партии от высших до низших звеньев»³².

Это был хорошо продуманный маневр, позволявший правящей группировке не только сохранить в своих руках рычаги власти, но и приобрести имидж антисталинистов. Публично осудив сталинизм и «культ личности», присоединившись к новой линии КПСС в международном коммунистическом движении, чехословацкий «триумvirат» обеспечил себе поддержку Москвы. Что касается внутренней политики, то новая линия принималась им весьма осторожно и дозированно. В частности, отнюдь не предполагалось, как показывали материалы пленума, посягать под антикультовскими лозунгами на авторитет вождя партии – К. Готвальда. Главный акцент делался на укреплении коллегиальности в руководстве страной³³.

Однако последовавшая вскоре внутривластная дискуссия по ключевым вопросам развития страны выявила достаточно широкий спектр общественных настроений, диссоциировавших с официальным курсом, провозглашенным только что состоявшимся пленумом ЦК КПЧ. Знакомство с документами, хранящимися в фондах российских архивов, позволяет выделить, может быть, несколько условно, четыре центра оппозиционных настроений.

Первый центр – это творческая интеллигенция и ее союзы, прежде всего, Союз чехословацких писателей. Состоявшийся 22–29 апреля 1956 г., сразу после пленума ЦК КПЧ, съезд Союза писателей показал весьма наглядно, что эта творческая организация фактически оказалась вне контроля ЦК КПЧ. Как сообщал министр культуры Л. Штолл в беседе с сотрудником советского посольства П.Г. Крекотенем, еще накануне открытия съезда на заседании фракции писателей-коммунистов поэт и писатель П. Когоут выступил «с резкими нападками на Политбюро и правительство и требовал созыва чрезвычайного съезда партии». Выступление Когоута было поддержано значительной частью присутствующих на заседании. Попытки А. Запотоцкого, принимавшего участие в работе фракции, и поэта И. Тауфера повлиять на настроение писателей не увенчались успехом. «Фракция коммунистов, – заявил в беседе Л. Штолл, – приняла резолюцию, предложенную П. Когоутом, о роспуске Политбюро ЦК и созыве чрезвычайного съезда партии». При этом министр не преминул отметить, что такие крупные писатели-коммунисты, как М. Майерова, М. Пуйманова, Нечасек, Пекарж, отмалчивались как на заседании фракции, так и на съезде³⁴.

Секретарь ЦК по идеологии И. Гендрих вынужден был признать, что на съезде писателей в состав ЦК Союза были избраны люди, которые «не способны проводить партийную линию в руководстве литературным фронтом»³⁵. Он имел в виду прежде всего Сейферта, Грубина, Каплицкого, Ногу, Татарку, выступивших на этом форуме за право писателей свободно выражать свои творческие позиции. Атмосфера на съезде была такова, что Татарку, призвавшего писателей встать в оппозицию к существующему в стране общественному строю, избрали не только в состав ЦК Союза, но и в члены Президиума³⁶.

В Союзе художников, по мнению советского посольства, тон стали задавать «поклонники Запада» – художники Рада, Гофмайстер и др. Среди творческой интеллигенции участилась подача заявлений о выходе из партии³⁷.

Второй центр представляла студенческая молодежь, получившая поддержку части преподавательского состава на факультетах Карлова Университета, Университета Братисла-

вы и некоторых других учебных заведений. Именно в этой среде наиболее радикально звучала критика политики, проводимой в стране. Поэтому не удивительно, что советское посольство внимательно наблюдало за складывавшейся здесь ситуацией. К середине 50-х годов в стране насчитывалось 40 высших учебных заведений, включая такие крупные образовательные центры, как Карлов Университет в Праге, Университет им. Пуркине в Брно, Университет им. Яна-Амоса Коменского в Братиславе. Число студентов, обучающихся на дневных и вечерних отделениях ВУЗов, к середине 50-х годов достигло 70,5 тыс. человек. По социальному составу около 40% студентов составляли выходцы из семей рабочих и трудовых слоев крестьянства. Правда, к середине 50-х гг. среди студенчества стала увеличиваться доля выходцев из других социальных групп, доступ которым в вузы после февраля 1948 г. в определенной мере ограничивался³⁸.

После мартовско-апрельского пленума ЦК КПЧ студенты стали выступать с требованиями «обсудить на заседании Национального собрания вопрос о расширении в стране демократических свобод», отменить глушение западных «голосов» и разрешить населению свободно слушать передачи радиостанции «Свободная Европа», не исполнять советский гимн во время проведения мероприятий, не связанных с чехословацко-советскими отношениями³⁹. Они также требовали отменить проведенную по инициативе министра образования З. Неедлы в 1953 г. школьную реформу, являвшуюся прямой калькой с советской системы школьного образования, восстановить систему реальных училищ и классических гимназий, в большей степени отвечающей уровню развития страны. Кроме того, студенты настаивали на исключении из программ вузов курса марксизма-ленинизма, а также на изучении русского языка по программе факультатива. Кроме того, звучали призывы добиваться отмены воинской обязанности для лиц, окончивших институт. В студенческой среде впервые были озвучены также и требования ликвидировать институт советских советников⁴⁰.

Как отмечало советское посольство, особенно бурно проходили собрания студентов в Карловом Университете, в музыкально-художественном училище Праги, а также в выс-

ших учебных заведениях Братиславы. В информации на имя министра иностранных дел СССР Д.Т. Шепилова от 5 июня 1956 г. сообщалось: «Особое удивление вызывает поведение на партсобраниях и собраниях студентов преподавателей марксизма-ленинизма, которые в большинстве своем были зачинщиками антипартийных выступлений. Дело дошло до того, что даже в Высшей партийной школе при ЦК КПЧ преподаватели марксизма-ленинизма и других общественных дисциплин открыто выражали недоверие ЦК КПЧ и требовали созыва чрезвычайного съезда.... Вряд ли случайным также является и то, что на собрания студентов музыкально-художественных учебных заведений были приглашены писатели и поэты Грубин, Сейферт и Когоут, выступавшие на II съезде писателей с враждебных позиций»⁴¹. По-видимому, выступления студенчества весьма обеспокоили посольство, и советский посол «полагал целесообразным подсказать нашим друзьям обратить внимание на создавшееся положение в ВУЗах»⁴².

Третий центр – это первичные парторганизации с преобладающей прослойкой интеллигенции. В этой среде открыто высказывалось недоверие руководству ЦК КПЧ, выдвигались требования созыва чрезвычайного съезда партии и отставки А. Новотного. Необходимость созыва съезда мотивировалась тем, что ЦК КПЧ «все еще механически руководствуется решениями ЦК КПСС и ... не проявляет достаточной способности диалектически, самостоятельно рассмотреть наши проблемы по примеру КПСС»⁴³.

В ходе собраний в первичных парторганизациях некоторых министерств, в том числе иностранных дел, химической, машиностроительной промышленности, Академии наук, Госплана, ряда факультетов Карлова Университета, ряда военных организаций, в том числе Военно-политической и Военно-медицинской академий, а также некоторых научно-исследовательских институтов, выдвигалось не только требование созыва чрезвычайного съезда, но и прозвучал ряд таких принципиально важных предложений, как ознакомить членов партии с ходом работы комиссии по пересмотру дел осужденных по процессу Сланского; пересмотреть функции органов цензуры; не переносить механически советский опыт; пересмотреть проведенную в 1953 г. школьную рефор-

му; перед созывом съезда провести внутривнутрипартийную дискуссию; избрание партийных органов и делегатов на съезд проводить тайным голосованием; отменить в стране смертную казнь⁴⁴.

Информацию о том, как конкретно проходило обсуждение итогов работы мартовско-апрельского пленума ЦК КПЧ в этой среде, советская сторона получала из бесед сотрудников посольства. Так, начальник секретариата МИД ЧСР М. Парис в беседе с П.Г. Крекотенем рассказывал: «Обсуждение материалов пленума проходило в первичных организациях МИД довольно бурно, причем, наряду с правильными критическими замечаниями в адрес руководства, высказывались и ошибочные взгляды относительно политики партии и правительства и ряда проведенных в стране мероприятий. В частности, имелись выступления за отмену цензуры, “свободу печати” в буржуазном понимании этого понятия, за свободный культурный обмен с западными странами, против преклонения перед советским опытом. В первичной организации, объединяющей коммунистов отдела печати и отдела международных организаций, была принята резолюция, требующая созыва внеочередного съезда, причем за резолюцию голосовали и члены партбюро этой организации. Присутствующий на собрании председатель парткома не выступил против этой резолюции...»⁴⁵.

Еще пример, на сей раз из записи беседы сотрудника посольства Н.И. Семенова с заместителем министра образования Б. Мухой: «В министерстве школ собрание по итогам пленума проходило бурно, продолжалось около 12 часов. Ряд коммунистов выступал с выражением недоверия ЦК КПЧ и за созыв внеочередного съезда партии. Плохо, что многие руководящие работники министерства поддерживают такие выступления или просто отмалчиваются»⁴⁶. Всего в ЦК КПЧ поступило свыше 320 резолюций с требованиями созыва съезда. В некоторых сообщениях в Москву приводится и другая цифра – 350 резолюций⁴⁷.

Четвертым центром оппозиционных настроений была Словакия – с ее нерешенным национальным вопросом, с приговоренными к длительным срокам тюремного заключения «буржуазными националистами» Г. Гусаком, Л. Новомеским,

Д. Окали и другими политиками, исключенными из общественной жизни. Поэтому не удивительно, что здесь оппозиционные настроения выражались более остро, чем в чешских землях. Носителем их являлась, как и в Чехии, прежде всего, интеллигенция. Дискуссия по итогам пленума была крайне острой. Как сообщал в Москву консул В.Д. Карякин, требования к центральным властям сводились к тому, чтобы культуру, науку, печать, литературу отделить от политики, ликвидировать цензуру и предоставить народу право открыто высказывать свое мнение. Предлагалось также «покончить с лозунгом и разговорами о том, что СССР – наш пример, а учиться не на достижениях СССР, а на его ошибках»⁴⁸. На собрании партактива Братиславы, где присутствовали более 2000 человек, был напрямую поставлен вопрос о том, что словацкие национальные органы не имеют никаких прав, а «Корпус национальных уполномоченных бегают по каждому мелкому вопросу в Прагу», что словацкий национальный вопрос наконец-то должен быть решен. Кроме того, отмечалось, что в стране продолжает расти небывалый бюрократизм. «Руководство партии и правительства не знает, как живут наши рабочие, чем мы озабочены и какие страдания переживает наш народ ... На активе было предложено созвать новый съезд КПЧ, чтобы негодные руководители были отстранены». По донесению генконсула, из 15 выступивших «никто не дал отпора демагогическим антипартийным заявлениям, а, наоборот, во всех выступлениях звучали нотки демагогии и злости на руководство». Когда же член бюро ЦК КПС О. Елень попытался дать свою оценку работе ЦК КПС и поставил вопрос, доверяют ли присутствующие тов. Бацилеку, то «в ответ раздался свист и топот ногами...». В заключение консула сообщал в Москву: «Бюро ЦК КПС решило провести еще одно собрание партактива приблизительно на 800 человек и дать в случае новых подобных выступлений отпор»⁴⁹.

Изучение доступных на сегодняшний день материалов позволяет сделать заключение, что оппозиционные настроения в Чехословакии в 1956 г. были присущи, прежде всего, так называемым «средним слоям» – интеллигенции, как творческой, так и научной, военным, служащим госаппарата, студенчеству. Рабочий класс и крестьянство не выражали

сколь-нибудь четко свою позицию. Поэтому можно предположить, что эта часть общества в своей основной массе или поддерживала проводимую политику, или была безразлична к тем настроениям, которыми жили «средние слои». Здесь, по-видимому, и проходила одна из существенных граней, отделявших состояние настроений в чехословацком обществе, где жизненный уровень в рассматриваемый период был в два раза выше, чем в Польше и Венгрии, от общественных настроений в этих двух странах.

Другим весьма существенным обстоятельством, обусловившим отличие чехословацкой ситуации в 1956 г. от складывавшейся атмосферы в Венгрии и Польше, было отсутствие в Праге и в Братиславе лидеров масштаба Имре Надя или Владислава Гомулки. Причину этого, на наш взгляд, убедительно раскрыл посол США, анализируя политическое положение в Чехословакии в середине 1956 г. Он писал: «Процесс над Сланским остается “страшным сном” чехословацких коммунистов, и его последствия очень глубоки. Популярность коллективного руководства укреплялась, прежде всего, позицией тех, кто этот “страшный сон” пережил и кто ни в коем случае не хотел бы оказаться на месте, которое сулило бы подобную судьбу. Это, безусловно, объясняет стабильность руководства чехословацкого режима в последние три года. Пока еще не появился никто, кто бы по значимости сравнился с Готвальдом или Сланским и мог бы занять пост президента или [первого] секретаря... Так, что в последние три года острой и открытой борьбы в высших кругах руководства КПЧ не наблюдается»⁵⁰.

«Триумvirат» же был единодушен в решимости «спустить на тормозах» наиболее радикальные требования, прозвучавшие в ходе внутрипартийной дискуссии, постараться не допустить какой-либо критики действий К. Готвальда и при этом сохранить свой имидж антисталинистов.

Прежде всего, было необходимо отвергнуть требование созыва чрезвычайного съезда. Поэтому не удивительно, что в наиболее крупные парторганизации, выступившие с таким требованием, были направлены члены ЦК с целью добиться отзыва принятых резолюций. В Москву была направлена информация, что 50 наиболее крупных парторганизаци-

ций отзывали свои резолюции, а созыва съезда добиваются только 235 организаций, объединяющих около 1% членов партии⁵¹. Их позиция, квалифицированная как троцкистская, была руководством ЦК отвергнута, и опасность раскола, таким образом, ликвидировалась.

Однако из внутривнутрипартийной дискуссии руководство ЦК КПЧ, официально осудившее сталинизм, но по своему мышлению остававшееся сталинистским, сделало для себя четкий вывод - главную опасность в партии для него будут представлять наиболее последовательные сторонники десталинизации. Свидетельством тому была предложенная А. Новотным на заседании Политбюро 11 мая 1956 г. программа мер, направленных на подавление острой критики, раздававшейся на собраниях первичных организаций. Предваряя обсуждение, он специально подчеркнул в своем выступлении: «Было бы неправильно эти голоса недооценивать и не обращать на них внимания»⁵². В программе предлагались конкретные меры по блокированию оппозиционных настроений в обществе. В частности, как неотложные ставились задачи изменить систему политработы в армии, провести анализ структуры и деятельности армейских политорганов, а также особое внимание обратить на органы госбезопасности и состояние их парторганизаций. Подлежали тщательной проверке деятельность руководства факультетов в Университетах, особенно кафедр марксизма-ленинизма, и состояние преподавательского состава. Не был оставлен без внимания и партийно-государственный аппарат. Планировалось провести проверку всех звеньев этой системы и осуществить замену тех, «кто проявляет слабость и нерешительность, верными членами партии». При этом подчеркивалась необходимость принятия немедленных мер в тех сферах управления, которые подвергались особо острой критике со стороны рабочих коллективов.

Что касается Словакии, основным здесь должен был остаться курс на борьбу «против глинковских сепаратистов и буржуазных националистов». Отношения же с некоммунистическими партиями предполагалось пересмотреть в плане ограничения возможностей критики с их стороны. Поэтому в документе ставился вопрос о необходимости разработки ве-

самой аргументации, почему право критики недостатков может принадлежать только КПЧ.

Однако реализация этого плана началась далеко не сразу, лишь в 1958 г. Французская исследовательница М. Блайве, много работавшая в архивах ЧСР, и в том числе в архиве министерства госбезопасности, с некоторым удивлением пишет в своей монографии, что она не нашла каких-либо материалов, относящихся к 1956–1957 гг., которые свидетельствовали бы о репрессивных мерах в отношении студентов, преподавателей вузов или членов КПЧ, голосовавших за созыв чрезвычайного съезда⁵³.

Чем можно объяснить явное несоответствие жесткого тона документа, принятого в мае 1956 г., и отсутствия каких-либо реальных шагов властей по его реализации? Думается, что такой разрыв между «словами» и «делами» следует связывать с воздействием на складывавшуюся в стране ситуацию ряда внешних факторов, и, прежде всего, той реальной обстановки, которая стала к лету 1956 г. обрисовываться в Польше и Венгрии.

Подавление массового протестного выступления рабочих в Познани 30 июня 1956 г., как показывают материалы АВП РФ, оказало прямое и непосредственное влияние на состояние общественных настроений в Чехословакии. Советское посольство, тщательно отслеживавшее ситуацию в стране, сообщало в середине июля 1956 г. в Москву: «Некоторая часть населения придерживается мнения, что в Чехословакии нет условий повторения познанских событий, так как жизненный уровень в ЧСР выше, чем в Польше». Но при этом главное внимание дипломаты сосредоточили на деятельности «реакционных элементов». Последние, используя познанские события, пытались в ряде областей – Остравской, Пльзеньской, Устецкой и Либерецкой спровоцировать рабочих отдельных предприятий выступить с требованиями повышения зарплаты⁵⁴. Им удалось добиться некоторых успехов: в ряде цехов завода им. Готвальда в Кунчицах, завода им. Ленина в Пльзне, в железнодорожном депо Лоуни и на некоторых других предприятиях именно такие требования и стали поводом для забастовок. Что касается оценки самих познанских событий, то они и в рабочей, и в инженерно-технической среде

рассматривались как «проявление истинного мнения народа, который иначе не мог выразить своего взгляда ... То, что было в Польше, должно придти и к нам.... нашим тоже следует показать»⁵⁵.

Что касается интеллигенции, то часть ее, особенно в Словакии, приветствовала возвращение в политику В. Гомулки. «В последнее время, – сообщал советский консул в Братиславе, – у писателей очень актуален стал так называемый “польский пример”. ...Из рук в руки переходят различные польские материалы, они подробно изучаются, их различным способом стараются проводить в жизнь. Пропаганду “польского примера” начали сильно проводить после приезда Андрея Павлика⁵⁶ из СССР и Польши. Приехав из СССР, Павлик говорил своим друзьям о том, что там “господствует страшная бюрократия, жизненный уровень очень низкий ... Положение сегодня такое: Советскому Союзу люди уже не доверяют и обращают взоры на Польшу, где происходит действительно прекрасный очистительный процесс. Там господствует энтузиазм, о каком нам только снится. Там идет действительно чистка от сталинизма по всей стране, и весь народ поддерживает это”»⁵⁷.

Что касается ситуации в Венгрии, особенно летом–осенью 1956 г., то, судя по материалам российских архивов, реакция чешского и словацкого общества была достаточно сдержанной. Листовки, распространяемые в стране, типа «Польша свободна, Венгрия борется, пора начинать и нам!» или «Словаки, русские сапоги топчут свободу Венгрии, угнетают народ. Долой русское владычество! Смерть русским убийцам!», распространяемые среди населения Словакии, не достигали искомого политического эффекта. Тому были свои объективные причины.

В приграничных с Венгрией территориях в Кошицком, Банско-Быстрицком и Нитранском краях, где в 1945–1946 гг. шло массовое выселение этнических венгров, а земли передавались словакам, в 1956 г. среди населения «появились страх и нервозность: придут назад мадьяры и будут с нами расправляться»⁵⁸. В политической оценке венгерских событий населением ЧСР сыграло свою роль и выступление кардинала Миндсенти, требовавшего возвращения земель,

конфискованных по аграрной реформе 1945 г., а также появление в Венгрии графа Эстерхази и других бывших крупных землевладельцев, претендовавших на возвращение собственности.

Эти обстоятельства существенно деформировали восприятие происходивших в Венгрии событий и позволяли официальной пропаганде трактовать их как контрреволюцию. Консул в Братиславе сообщал в Москву, что словацкой интеллигенции и особенно части писателей, которая высказывала недовольство линией ЦК КПЧ и ЦК КПС, «события в Венгрии показали всю вредность ее требований.... Словацкие писатели официально осудили контрреволюцию в Венгрии, но некоторые из них неофициально заявили, что хотя они и остаются на своих позициях, но в настоящее время свои требования выставлять не будут из-за событий в Венгрии. Но таких людей остается среди писателей немного (Гатарка, Минач и др.). Основная же часть под влиянием венгерских событий отказалась от своей старой позиции»⁵⁹. То же самое сделали писатели и деятели культуры еврейской национальности, когда узнали об антисемитских выступлениях и происходящих расправах над евреями в Венгрии⁶⁰.

В управлении внешнеполитической информации МИД СССР⁶¹ при анализе ситуации в Чехословакии, специально отмечалось, что чехословацкая интеллигенция реагировала на венгерские события «правильно, осуждая действия контрреволюции и правительства Надя. Однако при оценке причин венгерских событий некоторая часть интеллигенции склонялась к югославской точке зрения, утверждая, что причины этих событий заложены в самой системе, господствующей в Венгрии и других странах, в том числе и в Чехословакии, в разбухшем бюрократическом и партийном аппарате»⁶².

Таким образом, из приведенного материала видно, что начавшийся в Венгрии и Польше процесс десталинизации, принявший в 1956 г. разные по степени интенсивности формы, воспринимался в чехословацком обществе как два разнопорядковых явления: как контрреволюция (Венгрия) и как процесс демократизации (Польша). Может показаться парадоксальным, но именно это обстоятельство в определенной мере способствовало сохранению относительной устойчиво-

сти политической ситуации в ЧСР на рубеже 1956–1957 гг. Не случайно западные обозреватели, оценивая ситуацию в регионе, настойчиво подчеркивали, что «перемены в Польше и антисоветское восстание в Венгрии фактически прервали небольшую тенденцию к либерализации в Чехословакии в этом году после XX съезда КПСС.... Чехословакия, по-видимому, решила следовать старой линии, то есть вплотную придерживаться московской политики, сохраняя контроль внутри страны смягченными экономическими уступками рабочим, что считается важнейшей гарантией “дальнейших успехов социализма”»⁶³.

Выбору такой линии в немалой степени способствовала корректировка советским руководством некоторых принципов своей внешней политики в восточноевропейском регионе. Применительно к Чехословакии уже на рубеже 1956–1957 гг. советская сторона стала подавать сигналы о возможностях некоторого сокращения масштабов своего присутствия в ЧСР, в частности, о существенном ослаблении своего контроля через институт советских советников и специалистов, а также об изменении и совершенствовании форм экономического сотрудничества.

По данным на ноябрь 1956 г. в Чехословакии работали 192 советских советника. Из них 38 были гражданскими специалистами, 116 человек были связаны с армией, а 49 советников – с силовыми структурами⁶⁴. Кроме института советников, советская сторона имела в Чехословакии еще аппарат уполномоченных Главного управления экономических связей (ГУЭС). Эти уполномоченные, как отмечалось в аналитической записке советского посольства в МИД СССР в ноябре 1956 г., «по роду своей деятельности довольно активно вмешивались в практическую деятельность госаппарата ЧСР, в народнохозяйственные планы и даже в работу отдельных предприятий»⁶⁵.

Кроме того, существовало смешанное чехословацко-советское управление Яхимовскими урановыми рудниками, где параллельно действовали две администрации и пятую часть всех специалистов на этих рудниках составляли советские граждане.

Обсуждение названных проблем в советском руководстве началось еще в 1956 г. К началу 1957 г. были достигну-

ты первые договоренности с чехословацкой стороной: число военных советников предполагалось сократить до 35 человек. Было предложено также обменяться мнениями относительно целесообразности дальнейшего пребывания в Чехословакии советских гражданских специалистов и советников-«силовиков»⁶⁶.

На переговорах с правительственной делегацией ЧСР летом 1957 г. обсуждался вопрос о ликвидации института представителей ГУЭС, работавших во всех министерствах и на предприятиях, имевших стратегическое значение, о полной передаче чехословацкой стороне управления Яхимовскими рудниками, а также о возможности предоставления Чехословакии кредита в свободно конвертируемой валюте⁶⁷.

Если вспомнить, какие требования к ЦК КПЧ выдвигались в ходе внутривластной дискуссии весной 1956 г., то станет совершенно очевидно, что советские предложения были направлены на ослабление напряженности в отношениях власти с наиболее активной частью чехословацкого общества. Советская сторона явно демонстрировала чехословацкому обществу, что существующие в нем настроения Москве известны и учтены. Вместе с тем предпринимаемые ею шаги были направлены и на то, чтобы упрочить позиции правящей элиты.

Надо заметить, что советский фактор сыграл немалую роль и в трансформации самой властной вертикали. Он способствовал урегулированию весьма сложной ситуации внутри Политбюро ЦК КПЧ, сложившейся после смерти в ноябре 1957 г. президента страны А. Запотоцкого. Здесь отсутствовала единая позиция по вопросу необходимости сохранения института президентства. Часть членов Политбюро считала возможным его ликвидировать, заменив постом председателя Национального собрания. Другие настаивали на необходимости сохранения института президентства, но расходились в выборе конкретных кандидатур. Но среди всех предложений, выдвигавшихся в кругах правящей партийной элиты, не обсуждалась идея объединения двух постов – первого секретаря ЦК КПЧ и президента республики. Она была подсажана в Москве еще в июле 1957 г. во время пребывания здесь чехословацкой правительственной делегации в ходе беседы с членами Президиума ЦК КПСС Н.С. Хрущевым,

А.И Микояном и М.А. Суловым ⁶⁸.

Это обстоятельство сыграло решающую роль в укреплении позиций А. Новотного внутри правящей группировки, по существу, сняв какие-либо дискуссии вокруг кандидатуры нового президента ЧСР.

Состоявшиеся в ноябре 1957 г. президентские выборы стали тем рубежом в формировании властной вертикали, который фактически завершил юридическое оформление партийно-государственной диктатуры, сосредоточив все политические и государственные рычаги управления обществом в руках одного лица – А. Новотного. Только получив новой статус, А. Новотный решился на проведение масштабной акции по очистке госаппарата от инакомыслия и неконформизма, о которой говорил еще в мае 1956 г.

Ее началу предшествовало состоявшееся в июне 1957 г. специальное заседание ЦК КПЧ, посвященное вопросам идеологической работы. Доклад делал И. Гендрих – секретарь по идеологии. Текст доклада не подлежал публикации. Об основном содержании данного документа мы имеем возможность судить лишь по беседе его автора с корреспондентом газеты «Правда». Гендрих объяснил проведение такого заседания необходимостью устранить известную путаницу в толковании вопроса о различных формах строительства социализма. В докладе, по его словам, «будет подчеркнуто, что главное – в общих чертах пути к социализму, а не в особенностях, связанных с конкретными условиями, существующими в отдельных странах. ...Много внимания будет уделено работе с интеллигенцией, положению в литературе и искусстве... Допущенные ошибки будут подвергнуты прямой и обстоятельной критике... В партийных организациях, где в период, последовавший за XX съездом КПСС, проявились политически нездоровые тенденции, будут проведены партийные собрания, с тем, чтобы укрепились правильные взгляды и были осуждены ошибочные...» ⁶⁹.

Было очевидно, что руководство КПЧ в сфере идеологии явно стремится перенести главное внимание с проблем преодоления догматизма и «культы личности» на борьбу против проявившихся у коммунистов элементов творческого мышления, критики политики руководства партии с тем,

чтобы не допустить распространения инакомыслия в обществе. Доказательством тому и стала сразу же после избрания А. Новотного президентом постановка вопроса на Политбюро ЦК КПЧ о положении с кадрами в государственном и хозяйственном аппаратах страны.

В ходе его обсуждения отмечалось, что ряд руководящих работников госаппарата проявляют либерализм при подборе и размещении кадров; ослаблен классовый подход, а подбор и расстановка людей осуществляются исключительно по признаку профессиональной квалификации, дипломам и свидетельствам об окончании высшей школы. При этом не учитывается политическое «качество» работников. Из вышеизложенного делался принципиальный вывод, что под прикрытием так называемой профессиональной квалификации в госаппарат всех уровней, а также в министерства и ведомства «проникли чуждые и враждебные элементы... Как правило, эти лица не работают на благо существующего строя, а, наоборот, являются носителями бюрократизма, носителями реакционных и антисоветских настроений и горячими поклонниками Запада»⁷⁰.

Опираясь на этот вывод, Политбюро ЦК КПЧ приняло постановление о проведении проверки всех работников министерств и центральных ведомств, а также научно-исследовательских институтов и проектных организаций «с точки зрения их классовой и политической благонадежности»⁷¹. Данная кампания напрямую увязывалась с намеченной реорганизацией управления народным хозяйством с целью сокращения бюрократического аппарата. В постановлении прямо указывалось, что цель проверки – «очистить госаппарат от всех политически неблагонадежных элементов и не допустить, чтобы они перебрались в другие важные места».

При этом давался четкий перечень критериев по отбору «благонадежных кадров». В соответствии с ним из госаппарата предстояло удалить всех бывших фабрикантов, государственных чиновников высокого ранга, крупных торговцев, владельцев финансовых и адвокатских контор, тех, кто «изменял» народу в период оккупации. Из госаппарата должны были также быть удалены и те лица, которые потеряли политическое доверие.

Специальным пунктом было прописано, что в госаппарате не могут работать родственники лиц, осужденных за антигосударственную деятельность. При этом специально подчеркивалось, что особого отношения заслуживают те работники, «которые всей своей жизнью доказывают, что с такими родственниками они не имеют ничего общего»⁷². Было очевидно, что разработчики постановления стремились не допустить в госаппарат лиц, заинтересованных в пересмотре и переоценке политических репрессий рубежа 40–50-х гг. На проведение всей этой акции отводилось, по существу, не более двух месяцев. Проверке в соответствии с постановлением, без объяснения причин, не подлежали только два министерства – обороны и внутренних дел.

МИД СССР, опираясь на информацию, полученную по дипломатическим каналам, сообщил в ЦК КПСС, что советское посольство «выражает беспокойство по этому поводу, так как указанное мероприятие коснется весьма большого количества лиц, особенно в Словакии, и может вызвать нездоровую реакцию»⁷³.

Посольство, как показало развитие событий, хорошо знало реальную ситуацию в стране. С самого начала реализации этого постановления реакция на него в обществе оказалась негативной. В информации, поступавшей в Москву, сообщалось, что среди работников министерств, центральных учреждений и предприятий имеют место «проявления недовольства проводимым мероприятием по реорганизации управления промышленностью и строительством». В ряде министерств «наблюдается ослабление работы, некоторые отделы прекратили вообще заниматься подведомственными им предприятиями. Предприятия почувствовали себя “независимыми” и отказываются выполнять распоряжения, поступающие из министерств»⁷⁴.

В Госплане среди лиц, занимавших весьма ответственные посты, преобладало мнение, что проводимая перестройка управления промышленностью и строительством является непродуманной децентрализацией: «Никто не имеет ясного представления, как эта перестройка отразится на выполнении планов, а имеющиеся серьезные затруднения в энергетической, топливной и металлургической промышлен-

ности и во внешней торговле проводимой реорганизацией будут еще более углублены»⁷⁵.

В министерствах откровенно говорили, что проводимая реформа является «прикрытием политической чистки министерств», что она демонстрирует «банкротство методов социалистического строительства», а возникшая «неразбериха с реорганизацией весьма выгодна для западных стран, для поддержания надежд среди части населения на возврат к старому»⁷⁶.

В рабочей среде проводимая реорганизация вызывала опасения пересмотра норм выработки и порядка выплаты премий, что, в конце концов, могло повлечь за собой снижение зарплаты. Уже в январе 1958 г. на машиностроительном заводе «Варнсдорф» в Либерецком крае рабочие пытались объявить забастовку в знак протеста против объединения этого предприятия с двумя другими заводами⁷⁷.

Но по мере практической реализации решения Политбюро ЦК КПЧ от декабря 1957 г. на первый план в общественных настроениях стала выступать оценка его политической составляющей. Об этом наглядно свидетельствовали результаты проводимой органами госбезопасности перлюстрации писем населения, прежде всего, служащих министерств, сотрудников научно-исследовательских институтов и проектных бюро. Например, заместитель директора научно-исследовательского института материалов и технологий в одном из своих писем писал: «Мероприятия по очищению министерств и ведомств от классово-чуждых элементов являются необдуманными и свидетельствуют о политической недальновидности руководства... Министры и работники инстанций насовали этих людей в различные учреждения, а сейчас выбрасывают их как скот... Кто-нибудь будет привлечен к ответственности за эту “сланщину”?»⁷⁸.

В перлюстрированных письмах кампания по проверке политической благонадежности кадров оценивалась как «гестаповское шарлатанство, которое затормозит развитие народного хозяйства и оттолкнет народ от честной работы», как «поход против среднего слоя служащих», «атака на интеллигенцию с намерением ее ликвидировать»⁷⁹. В информации советского посольства на имя заместителя министра ино-

странных дел СССР Н.С. Патоличева, сообщалось, что из материалов, полученных на основании проверки 2800 писем частных граждан, явствует, что «проводимая проверка вызвала заметное беспокойство широких слоев служащих и интеллигенции. Многие служащие, авторы писем описывают свой страх перед проверкой, переходящий порой в панику, выражают боязнь потерять место. ...Значительное число авторов жалуются на увольнения на основании “классового происхождения”, называют проверку “второй гейдрихиадой”... Ряд авторов считают инициатором проверки президента Новотного и высказывают мнение, что при бывшем президенте все новые мероприятия проводились более мирными методами». Но, пожалуй, наиболее ярким документом того времени является письмо сотрудника министерства тяжелого машиностроения Л. Шишки из Праги: «Реорганизация приобретает самые страшные формы, о которых я предполагал, но никогда не думал, что будет так страшно авантюристично продумано. Все это долгие и долгие месяцы подготавливалось за кулисами специально подобранными работниками. Все это изощренным способом обдуманное мероприятия, которыми теперь с полной силой гонят к уничтожению весь средний слой служащих, хотят нас ликвидировать как класс, все это провести перед завершением пути к социализму и переходу к коммунизму, то есть при наступлении бесклассового общества. В истории еще не наблюдался такой острый террор против среднего слоя населения, так важного для народа, который происходит теперь у нас. ... Страх, от которого нас должна была освободить последняя мировая война, ничего не значит перед наступившей пустотой, в которой очутились многие тысячи людей с семьями, без законной охраны, хотя социалистическое общество эти люди помогали строить своими руками. Такие лозунги, как “повышение эффективности производства”, “сокращение разросшегося аппарата” и т. д., – все это формы для внешнего прикрытия. ...Для них ничего не значит, что ты в поте лица работал 12 лет, что ты эффективно помогал перестраивать капиталистическое общество в социалистическое, что ты был изобретателем, рационализатором, лауреатом, получил орден Труда. Теперь пришло время, ты должен ликвидироваться»⁸⁰.

Каковы же были итоги рассмотренной политической кампании? По данным, сообщаемым посольством в Москву, в министерствах и центральных управлениях страны было проверено 28 686 человек. Из них проверку без замечаний прошли 78,9%, то есть около 23 тыс. человек. 905 сотрудников, т. е. 14,7% проверяемых, из-за низкой политической зрелости были переведены на работу в низшие органы государственного и хозяйственного аппарата. И только 3,1%, то есть 889 человек, были удалены из госаппарата по причине классовой неблагонадежности. В их числе были и 6 сотрудников, входящих в номенклатуру ЦК КПЧ. Среди лиц, удаленных из аппарата, 193 являлись членами КПЧ, 11 человек принадлежали к другим партиям, входящим в Национальный фронт, 701 человек были беспартийными. Причем, основную часть уволенных составляли лица с гуманитарным (148 чел.), или средним образованием ⁸¹.

Что касается научных и проектных институтов, то было проверено 6 688 человек, из них остались работать на прежних должностях в своих институтах 5 036 человек, или 75,3%. 798 сотрудников (11,9%) были понижены в должности ⁸².

В Словакии из 13 298 человек, работавших в государственных органах и проходивших проверку на классово-политическую благонадежность, сохранили свои должности 11 639 человек, или 87,5%. Среди партноменклатуры из 450 человек проверку прошли 417, то есть 92,6%. Переведены на работу в нижестоящие звенья аппарата 988 человек, из них 26 из номенклатуры ЦК КПС. На пенсию выведены 146 человек ⁸³.

Аналогичные проверки классово-политической благонадежности проходили на уровне краев и районов. Причем, здесь политически и классово неблагонадежные лица в соответствии с решениями проверочных комиссий «направлялись на низовую работу, непосредственно на участки физического труда» ⁸⁴.

В информации, поступающей с мест, отмечались и «ошибки» при проведении «этого большого и полезного мероприятия», в частности, указывалось на неоправданно большие масштабы проверки и субъективный подход к проверяемым со стороны членов комиссий. Однако, несмотря на допущенные просчеты, по мнению составителей информа-

ции, положительной стороной проверки, осуществленной в краях и районах, является то, что «с руководящих мест в государственном и хозяйственном аппарате, из научно-исследовательских учреждений и проектных институтов краевого подчинения удалены люди, которые не заслуживают политического доверия и не могут быть допущены на руководящие должности»⁸⁵.

Итак, оценивая политические последствия проведенной в 1958 г. кампании по чистке управленческого аппарата, можно сказать, что она стала знаковым рубежом в отношениях власти и общества. Но осознание подлинной значимости этого произошло лишь десять лет спустя. Как показывает приведенный материал, главной составляющей рассмотренной кампании (с точки зрения исследуемых в статье проблем) было стремление правящей партийной верхушки, возглавляемой А. Новотным, взять под свой контроль механизмы формирования общественных настроений и приостановить в обществе (особенно в его интеллектуальной части) процесс нарастания нонконформизма и инакомыслия. Однако дальнейшее развитие событий показало, что результаты принятой в 1958 г. акции оказались принципиально иными, чем рассчитывали ее инициаторы. Проведенная чистка неизбежно потребовала привлечения в партийный и государственный аппарат новых людей, что объективно способствовало не только «омоложению» партийно-государственно актива, но и существенно меняло уровень его интеллектуального потенциала. Именно конец 50-х – начало 60-х годов стали временем активного вступления в общественную и политическую жизнь страны того нового послевоенного поколения коммунистов, которое десять лет спустя дало стране А. Дубчека, Ч. Цисаржа, О. Швестку, З. Млынаржа и целую плеяду других деятелей, ставших носителями идей реформирования социализма в целях придания этому строю «человеческого лица».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Křen J. Dvě století Střední Evropy. Praha, 2006. S. 660.

² Подробнее эти сюжеты см.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Евро-

- па. Становление политических режимов советского типа. М., 2002. С. 154–169.
- ³ *Křen J.* Op. cit. S. 660.
- ⁴ О деятельности советников в регионе подробнее см.: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. С. 613–655.
- ⁵ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 12 а. П. 70. Д. 565. Л. 136.
- ⁶ Цит. по: *Tabory nucené práce a další projevy persekuce 1948–1954.* Оправа, 1958. S. 57.
- ⁷ См.: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. С. 555–562; *Мурашко Г.П.* Государственный антисемитизм в СССР и внутрипартийные политические репрессии в странах Восточной Европы на рубеже 1940–1950-х гг. // Судебные процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2010. С. 183–190.
- ⁸ *Renner H., Ivo S.* Dějiny Československa po roku 1945. Bratislava. 1993. S. 67.
- ⁹ *Křen J.* Op. cit. S. 660.
- ¹⁰ *Kalínová L.* Společenské proměny v čase socialistického experimentu. K sociálním dějinám v letech 1945–1969. Praha, 2007. S. 194–195.
- ¹¹ *Ibidem.* S. 195.
- ¹² АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 129. П. 71. Д. 578. Л. 2, 7, 8.
- ¹³ *Císař Č.* Paměti. Praha, 2005. S. 412–415.
- ¹⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953: в 2-х томах. Т. 2. 1949–1953. М., 1998. С. 926.
- ¹⁵ Цит. по: *Kalínová L.* Op. cit. S. 196.
- ¹⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 806. Л. 126.
- ¹⁷ Там же. Л. 127.
- ¹⁸ *Císař Č.* Op. cit. S. 420.
- ¹⁹ Подробнее об этом визите см.: *Kaplan K.* Kronika komunistického Československa. Doba tani. 1953–1956. Praha, 2005. S. 71–72.
- ²⁰ Суть критики документа, поступившего из Праги, сводилась к тому, что он носит покаянный характер, причем КПЧ и правительство Чехословакии «каются сверх всякой меры и вновь допускают неправильные формулировки в оценке прежней экономической политики, приведшей к снижению жизненного уровня населения, а также по во-

просам аграрной политики и кооперирования деревни». Вместе с тем отмечалось, что намеченные в документе меры по улучшению материального положения трудящихся недостаточны: «Неотложной задачей является проведение таких мер, которые позволили бы за 1953–1954 гг. превзойти уровень материального состояния рабочих, имевшийся в 1950 г., путем более значительного, чем в намечено в тезисах, снижения цен уже в текущем году, а также некоторого повышения заработной платы для отдельных категорий рабочих, оказавшихся в наиболее неблагоприятном положении...» (Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953: в 2-х томах. Т. 2. 1949–1953. Москва, 2002. С. 794–801).

²¹ Kaplan K. Op. cit. S. 595–597.

²² Ibidem. S. 595–597.

²³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 39. П. 261. Д. 30. Л. 29.

²⁴ В качестве примера можно привести информацию, поступившую на имя зам. министра иностранных дел В.А. Зорина 23 апреля 1955 г. В документе сообщалось, что 1 апреля на четыре часа прекратили работу 6800 рабочих завода им. Готвальда в Кунчицах, являвшегося одним из флагманов чехословацкой промышленности. Завод был построен в 1949–1953 гг., среди занятых преобладала молодежь. Причина забастовки – повышение норм выработки. «Рабочие возобновили работу только после того, как им было обещано администрацией, что новые нормы будут пересмотрены» (АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 39. П. 26. Д. 67. Л. 68). В этой же информации сообщалось еще о семи забастовках, объявленных в знак протеста против повышения норм выработки.

²⁵ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 39. П. 66. Д. 267. Л. 104.

²⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 401. Л. 71.

²⁷ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 39. П. 66. Д. 267. Л. 105.

²⁸ Там же. Оп. 39-а. П. 6. Д. 27. Л. 110.

²⁹ Совещание состоялось 18–23 июля 1953 г. Это была первая послевоенная встреча глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции, на которой обсуждался германский вопрос. Обсуждение выявило два принципиально разных подхода к его решению. Западные державы выступили за объединение Германии и включение ее как единого государства в свою военно-политическую группировку. Со-

ветская сторона, исходя из наличия на территории Германии двух государств с различным общественно-политическим строем, считала необходимым нормализовать отношения между ними. В итоговом документе совещания указывалось, что решение германского вопроса и воссоединение Германии должно быть осуществлено в соответствии с национальными интересами германского народа и интересами европейской безопасности.

³⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 300. Л. 201–202.

³¹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 39. П. 67. Д. 267. Л. 117–119.

³² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 400. Л. 222.

³³ «Козлом отпущения» за все грехи периода «культы личности» был сделан А. Чепичка (зять Готвальда), сосредоточивший в своих руках немалую власть. Он являлся членом Политбюро партии, первым заместителем председателя правительства и министром обороны. Решением пленума ЦК КПЧ 20 апреля 1956 г. он был освобожден от всех постов «за недостатки и ошибки, допущенные при выполнении партийных и государственных обязанностей» (Там же).

³⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 400. Л. 228.

³⁵ Там же. Д. 401. Л. 279.

³⁶ Там же.

³⁷ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 41. П. 55. Д. 525. Л. 161–162.

³⁸ Там же. П. 50. Д. 273. Л. 98.

³⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 401. Л. 116–117.

⁴⁰ Там же. Л. 277–278.

⁴¹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 41. П. 50. Д. 273. Л. 101–102.

⁴² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 401. Л. 103.

⁴³ Там же. Д. 400. Л. 209.

⁴⁴ Там же. Л. 209.

⁴⁵ Там же. Д. 401. Л. 152

⁴⁶ Там же. Л. 165.

⁴⁷ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 41. П. 27. Д. 50. Л. 197.

⁴⁸ Там же. П. 58. Д. 273. Л. 154.

⁴⁹ Там же. П. 55. Д. 275. Л. 158.

⁵⁰ Цит по: *Blaiive Muriel*. Promarněná příležitost. Československo rok 1956. Praha, 2001. S. 128–129.

⁵¹ Ibidem. S. 85.

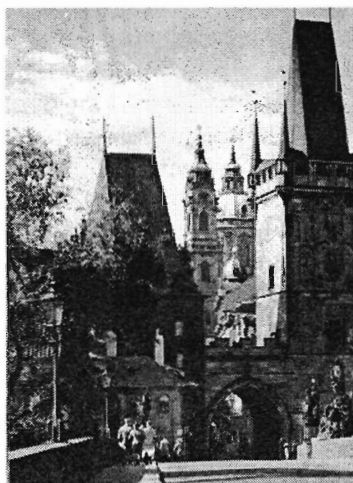
⁵² Ibidem. S. 87.

- 53 Ibidem. S. 131–137.
- 54 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 400. С. 261.
- 55 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 42. П. 283. Д. 720. Л. 137.
- 56 О. Павлик – академик, президент Словацкой Академии наук.
- 57 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 42. П. 283. Д. 720. Л. 262–263.
- 58 Там же. Оп. 37. П. 30. Д. 109. Л. 183.
- 59 Там же. Л. 185.
- 60 Там же.
- 61 Речь идет об информационно-аналитической службе при высшем эшелоне партийно-государственной власти – Комитете информации при МИД СССР (КИ). Аналитические записки КИ готовились на основе материалов МИД, МГБ и МВТ СССР, разведывательных структур, зарубежной периодики и др. В списке адресатов КИ первым значился И.В. Сталин.
- 62 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 42. П. 283. Д. 5. Л. 28.
- 63 Там же. Л. 27.
- 64 Там же. П. 279. Д. 18. Л. 17.
- 65 Там же. Оп. 41. П. 271. Д. 18. Л. 33.
- 66 Там же. Оп. 42. П. 274. Д. 18. Л. 17.
- 67 Там же. Л. 17–18.
- 68 Там же. П. 278. Д. 8. Л. 23–24.
- 69 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 400. Л. 311–312.
- 70 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 43. П. 290. Д. 41. Л. 8–9.
- 71 Там же. Л. 11.
- 72 Там же. Л. 13.
- 73 Там же. Л. 16.
- 74 Там же. Л. 71.
- 75 Там же. Л. 72.
- 76 Там же. Л. 72–73.
- 77 Там же. Л. 71.
- 78 Там же. Л. 106.
- 79 Там же. Л. 107, 161.
- 80 Там же. Л. 162, 178.
- 81 Там же. Д. 47. Л. 217–218.
- 82 Там же. Л. 220.
- 83 Там же. Л. 220.
- 84 Там же. Д. 41. Л. 112.
- 85 Там же. Л. 226.

Избранное

III

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АНТИСЕМИТИЗМ В СССР И ВНУТРИПАРТИЙНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ НА РУБЕЖЕ 1940-х – 1950-х гг. *

В современной российской исторической науке проблема возникновения государственного антисемитизма в СССР и превращения его в политический инструмент правящей элиты изучена за последние 10–15 лет весьма обстоятельно. Опубликовано немало количество мемуаров, документальных сборников, монографических исследований¹. В них убедительно показано, что утверждение государственного антисемитизма как составного элемента советской политической модели относится ко второй половине 1930-х гг. Появление данного феномена российские историки связывают с оформлением в стране единоличной власти Сталина на базе выдвинутой им новой национально-государственной доктрины «построения социализма в одной отдельно взятой стране». Вытекающее из нее понимание «советского патриотизма» рассматривается исследователями в прямой связи с моделью национальных отношений в СССР. Суть этой модели сводилась к тому, что русским как нации, доминировавшей над другими народами и по численности, и в культурно-исторической и экономической сферах, отводилась роль «руководящей силы» Советского Союза².

Такая модель современными исследователями определяется как типично имперская модель национально-политического объединения народов, не составляющих совокупности единой нации. Как отмечает Г.В. Костырченко, «по сути восторжествовал великодержавный шовинизм, взятый на вооружение Сталиным <...> Наряду с постоянно прогрессирующей юдофобией Сталина он стал тем питательным бульоном для бактерий официальной юдофобии, которые стали раз-

---

* Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Сравнительный анализ механизмов и практик проведения. Новосибирск, 2010. С. 179–192.

множаться в советских политических верхах с конца 30-х годов»³. В практической деятельности это нашло реальное воплощение в создании в 1939 г. в структурах аппарата ЦК ВКП(б) Управления по делам кадров, которое взяло на себя обеспечение руководства и контроля над кадровыми назначениями и перемещениями во всех сферах общественной, политической и экономической жизни страны. Руководимое Г.М. Маленковым, оно выступало в роли генератора государственного антисемитизма, теперь получившего статус систематической государственной политики. В руках правящего партийного клана антисемитизм превращался в один из мощных и эффективных инструментов воздействия на общество. Вопросы о том, как и на каких этапах истории советского общества этот инструмент активно использовался правящей верхушкой, исследовались и исследуются специалистами по истории СССР. Задача данной работы – попытаться установить, в какой мере и степени советское руководство использовало государственный антисемитизм в качестве инструмента давления на правящую коммунистическую элиту стран Восточной Европы, т. е. определить, выносился ли государственный антисемитизм за пределы нашей страны или оставался для Сталина и его окружения только инструментом для «внутреннего пользования»?

Итак – 1948-й год. Для стран Восточной Европы – это качественный рубеж: здесь монопольно правящими становятся коммунистические партии. Для СССР открывалась возможность начать активную фазу советизации этого региона. Но компартии, пришедшие к власти, отнюдь не были подобием ВКП(б), которая после «больших чисток» конца 1930-х гг. представляла собой «идейно-политический монолит», возглавляемый вождем, сосредоточившим в своих руках всю власть. Восточно-европейские компартии являли собой совершенно иные структуры. Бывшие до войны на общественной арене своих стран мелкими периферийными политическими образованиями, они в течение первых послевоенных лет превратились в массовые партии, прежде всего, за счет подъема социальной активности тех слоев общества, которым война принесла тотальное унижение. Ряды компартий, выступавших под лозунгами социальной справедливости и борьбы против фашизма, пополнялись

представителями не только социально слабых групп населения, но и выходцами из интеллигенции, служащих и других «средних слоев». Немалую их часть составляли евреи, пережившие гитлеровский геноцид и видевшие в коммунистах и СССР последовательных борцов с нацизмом. Не удивительно, что результатом «массовизации» компартий стало и многообразие позиций в рамках идей социализма, как в руководящих структурах партий, так и среди рядовых членов.

Для советского руководства 1948 год – это осознание не только неизбежности противостояния с бывшими союзниками по антифашистскому блоку, но и необходимости скорейшего формирования «лагеря мира и социализма» как новой крепости в капиталистическом окружении. В этих условиях модель «ускоренного построения социализма» вновь стала рассматриваться советским руководством как универсальная, хотя еще два года назад Сталин лично убеждал лидеров компартий в возможности различных путей к социализму, в том числе и без диктатуры пролетариата⁴. Теперь же опыт ВКП(б) провозглашался единственно верным ориентиром для политической практики всех компартий региона.

Советское руководство к рассматриваемому времени располагало информацией об общественных настроениях в компартиях стран Восточной Европы, о наличии в их руководстве как сторонников, так и противников необходимого Москве стратегического поворота к модели построения социализма «по Сталину».

Материалы российских архивов свидетельствуют, что еще зимой-весной 1948 г. в аппарате ЦК ВКП(б) под руководством М.А. Суслова шла интенсивная подготовка секретных аналитических записок с развернутой критикой руководства компартий четырех государств: Югославии, Польши, Чехословакии и Венгрии. В них внимание концентрировалось на обвинениях в национализме, выражающемся в недооценке роли СССР⁵.

Появление этих документов не случайно. Они свидетельствовали о том, что Москва приступила к подготовке широкой акции по искоренению опасного для советских планов инкомыслия в пришедших к власти компартиях Восточной Европы. Началом ее должна была стать «перетряска» правящей элиты.

К этому времени уже явно обозначилась борьба различных кланов и групп в руководстве компартий за место в системе власти и право монопольных контактов с Москвой. Сталин и его окружение рассчитывали, проведя определенную перестановку «ключевых фигур» в верхних эшелонах власти, приступить к «идейному сплочению» компартий на основе принятия ими нового курса Москвы, чтобы добиться таким образом полной идентификации национально-государственных интересов каждой из стран с интересами СССР.

При этом важно иметь в виду, что данная акция по приведению стран Восточной Европы к общему «советскому знаменателю» хронологически совпала с «выбросом» государственного антисемитизма во внутренней политике СССР. Начало ему было положено убийством С.М. Михозлса – знаковой фигуры советской еврейской интеллигенции, осуществленным органами госбезопасности по негласному распоряжению Сталина; роспуском созданного в 1941 г. Еврейского антифашистского комитета. Теперь он стал рассматриваться как центр антисоветской пропаганды, деятельность которого направляется зарубежной разведкой. В средствах массовой информации развертывалась кампания против «безродных космополитов».

Было очевидно, что началось откровенно целенаправленное создание «образа внутреннего врага». Цель – ужесточить методы управления советским обществом, не допустить появления ростков инакомыслия внутри страны. Возникают вопросы: был ли и в какой форме государственный антисемитизм, ставший в 1948–1953 гг. для Сталина и его окружения важнейшим, если не главным, инструментом манипулирования общественными настроениями в своей стране, вынесен за ее пределы? Использовался ли он в ходе подготовки репрессивных акций и судебных процессов на рубеже 1940–1950-х гг. в странах Восточной Европы?

Весной 1948 г. Отделом внешней политики ЦК ВКП(б) была подготовлена справка «О националистических ошибках руководства Венгерской коммунистической партии и буржуазном влиянии в венгерской коммунистической печати»⁶, в которой руководители компартии (М. Ракоши, И. Реваи) обвинялись в прямом игнорировании интересов Советского Союза. Учитывая, что первые лица в руководстве ВКП явля-

лись по национальности евреями, напрашивается вывод, что Москва проводит определенный зондаж ситуации с целью использовать антисемитизм в качестве политического инструмента за пределами СССР. Однако дальнейшее развитие событий не подтверждает этого вывода. Антисемитская линия в политической практике советского руководства в восточно-европейском регионе не получает сколько-нибудь заметного развития в течение 1948–1949 гг. Более того, можно констатировать, что по мере обострения отношений ЦК ВКП(б) с ЦК КПЮ Москва стала делать ставку в борьбе с инакомыслием и «национализмом» (так определялась теперь позиция сторонников «национальных путей к социализму») именно на еврейскую часть руководства компартий в Польше, Венгрии, Чехословакии. Об этом весьма убедительно свидетельствует ряд неоспоримых фактов: 1. Решение Пленума ЦК ППР в сентябре 1948 г. об отстранении с поста первого секретаря ЦК В. Гомулки, активно отстаивающего тезис о специфическом пути Польши к социализму, которое было подготовлено при поддержке Москвы и проведено на пленуме группой Г. Минца, Я. Бермана, Р. Замбровского и др. 2. Интенсивное усиление политических позиций в стране (после выборов К. Готвальда президентом ЧСР) генерального секретаря ЦК КПЧ Р. Сланского, не только имевшего тесные контакты с Москвой через посольство, но и по партийной линии выходившего прямо на Сталина. 3. Весьма быстрый «перевод стрелки» обвинений в «национализме» с М. Ракоши и И. Реваи на Л. Райка (венгра по национальности), который был принят в Москве. Именно в лице Райка Ракоши и видел своего главного конкурента в ряду кандидатов на пост первого секретаря ЦК.

Л. Райк занимал в правительстве Венгрии пост министра внутренних дел и держал под своим контролем политическую ситуацию в стране, имел самостоятельные связи с Москвой, что крайне беспокоило Ракоши. В августе 1948 г. Ракоши с помощью своих сторонников (М. Фаркаша, И. Реваи, Э. Герё и др.) добился освобождения Л. Райка от занимаемой должности, аргументируя советской стороне необходимость этой акции «бонапартистскими тенденциями стиля» работы Райка и его «недружественным отношением к Советскому Союзу».

Чешский историк М. Рейман объясняет такую выбранную Москвой позицию тем, что в 1948–1949 гг. Сталин опасался использовать антисемитизм вне границ СССР, чтобы не ослабить проводимую им в странах Восточной Европы антиюгославскую кампанию. Он отлично понимал, что немалую часть руководства и партийного аппарата в компартиях региона составляли ассимилированные евреи⁷. Неизбежность репрессивных акций внутри компартий Восточной Европы аргументировалась им необходимостью выявления и разоблачения «шпионов и агентов Тито», связанных с иностранной разведкой. Цель этих акций – создать «единый фронт», направленный против Югославии, лидер которой осмелился противостоять нажиму Москвы. Параметры поисков «врагов внутри партии» четко определялись советской стороной по принципу «свой» – «чужой». «Своим» был тот, кто в годы войны находился в эмиграции в Советском Союзе, «чужими» для Москвы оказывались те коммунисты, которые работали в подполье на оккупированных Германией территориях или эмигрировали на Запад. Момент национальной принадлежности, таким образом, как бы снимался, отходил на второй план.

Как показывают материалы российских архивов, из верхних эшелонов национально-политической элиты через советские посольства, советских советников, сотрудников секретариата Информбюро и напрямую лично И.В. Сталину, А.П. Берии, М.А. Суслову шла в этот период интенсивная секретная информация о ситуации в руководстве партий, о настроениях отдельных лидеров с обвинениями их в «национализме», в «связях с Тито», в «шпионаже в пользу Югославии».

С такого рода информации начинались в 1949 г. «дела» Трайчо Костова в Болгарии и Ласло Райка в Венгрии. В обстановке всеобщей подозрительности М. Ракоши взял на себя роль главного «интернационализатора» политических репрессий в регионе. Используя начавшееся в июне 1949 г. следствие по «делу» Райка, который в соответствии с разработанной при участии советских советников и лично самого М. Ракоши концепцией обвинялся в связях с Тито, Джиласом и Ранковичем, а также в создании широкой шпионской сети «в странах народной демократии», Ракоши передал в Москву

и лидерам компартий списки на 526 коммунистов, обвиняемых в подрывной деятельности⁸. В середине июля 1949 г. Ракоши направил специальное письмо Б. Беруту с уведомлением, что в процессе Райка будут подняты «польские вопросы». Отправленная Берутом в Будапешт группа работников польской госбезопасности должна была выяснить связи лиц, арестованных по «делу» Райка, с В. Гомулкой. Но никаких конкретных материалов, подтверждающих эти связи, не было выявлено, и аресты польских «агентов иностранных разведок» не вылились в политический процесс⁹.

3 сентября 1949 г. последовало письмо Ракоши К. Готвальду с доносом на министра внутренних дел В. Носека, министра иностранных дел В. Клементиса, ведущих экономистов Л. Фрейку и Й. Гольдмана, а также на редактора газеты «Руде право» В. Нового. Их объединяло одно – все они во время войны находились в эмиграции в Лондоне. Чехословацкая сторона отреагировала на инициативу Ракоши двумя международными встречами руководства госбезопасности ЧСР. 7–8 сентября 1949 г. велись переговоры с М. Ракоши и генералом М.И. Белкиным, курировавшим в качестве советника МГБ СССР процесс Райка. Несколько дней спустя состоялась встреча с Б. Берутом, а также членами политбюро ПОРП Р. Замбровским и Я. Берманом. В обоих случаях чехословацкой стороне было рекомендовано во имя общих интересов усилить проведение арестов лиц, подозреваемых в шпионаже¹⁰.

Хотя Прага и отреагировала на давление в Варшаве и Будапеште просьбой к Москве направить в ЧСР специалистов МГБ¹¹, Готвальд как президент страны и председатель КПЧ к идее «поисков шпионов Тито и англо-американского империализма» относился весьма сдержанно. С такой позицией и встретились прибывшие в Прагу офицеры МГБ М.Т. Лихачев и Н.И. Макаров, имевшие опыт работы по делам Т. Костова в Софии и Л. Райка в Будапеште. На встрече с ними Готвальд твердо заявил, что англо-американская шпионская сеть в Чехословакии не разрослась до размеров вскрытого в Венгрии заговора и «чехословацкие министры не могут быть замешаны в каком-либо заговоре. <...> В среднем звене государственного и партийного аппарата враги, ко-

нечно, могут быть»¹².

Объяснение такой позиции Готвальда следует, по-видимому, искать в расстановке сил внутри правящей партийной верхушки. В 1949 г. американские дипломатические службы в ЧСР, внимательно следившие за ситуацией в стране, констатировали в своих аналитических записках, что политическая элита в Чехословакии тяготеет к двум центрам: одна ее часть концентрируется вокруг президента Готвальда, другая – вокруг генерального секретаря ЦК КПЧ Р. Сланского. Оба они – «люди Москвы», и существенных идеологических разногласий между ними нет. Однако американские дипломаты отмечали, что существует почва «для конфликта» между этими двумя политиками. Они, в частности, сообщали, что еще в 1948 г., после того как Готвальд был избран президентом страны, стало интенсивно усиливаться политическое влияние Сланского как генерального секретаря правящей партии. Он стал устанавливать все более жесткий партийный контроль над ключевыми звеньями госаппарата и общественной жизни страны¹³. Сербский исследователь Д. Трипкович, опираясь на материалы архива ЦК СКЮ, пришел к выводу, что усилению позиций Сланского в немалой степени содействовало то обстоятельство, что Сланский и его сторонники в партаппарате ориентировались на проведение радикальных мер не только в идеолого-политической сфере, но и в сфере экономики, что и позволяло им рассчитывать на поддержку Москвы¹⁴.

Группа вокруг Готвальда стала, по-видимому, складываться несколько позже. Еще осенью 1948 г., когда Москве удалось добиться удаления В. Гомулки не только с поста первого секретаря ППР, но и вообще убрать его с политической арены Польши, советское руководство предприняло «зондаж ситуации» в руководстве КПЧ, чтобы выявить возможность использования «польского опыта» для рокировки ведущих фигур внутри чехословацкой политической элиты. В теоретическом журнале ЦК КПЧ была опубликована статья А. Кольмана с обвинениями Р. Сланского, Г. Бареша, М. Швермовой (так называемого практического руководства КПЧ) в правонационалистических ошибках, аналогичных польским. Однако К. Готвальд, находившийся в это время в Крыму и встре-

чавшийся там со Сталиным, дал ясно понять советской стороне, что в руководстве КПЧ нет каких-либо принципиальных противостояний. Кольман же был срочно отозван в Москву, где и был арестован.

Ухудшение отношений между партийным и государственным руководством в ЧСР стало нарастать в 1949 г. Причины этого следует видеть в нескольких плоскостях. С одной стороны, налицо было ярко выраженное стремление партаппарата поставить под свой контроль государственные структуры, что вызывало у коммунистов, работавших в исполнительных органах власти, чувство бессилия. Глава правительства А. Запотоцкий оценивал ситуацию как складывавшийся дуализм. С другой стороны, у части политической элиты, как в Праге, так и в Братиславе, не могла не вызвать опасений активизация в 1949 г. (после появления советских советников по линии МГБ) деятельности органов госбезопасности, находившихся под фактическим контролем Сланского. В ноябре 1949 г. были проведены аресты партийных функционеров, фигурировавших в списке Ракоши. Разворачивался поиск «чехословацкого Райка». В 1950 г. советские советники уже сообщали в Москву о борьбе двух группировок в руководстве КПЧ, причем отмечали, что отставка и арест министра иностранных дел В. Клементиса, который принадлежал к группировке К. Готвальда, свидетельствует о том, «что группировка Готвальда теряет силу, а группа Сланского растет в весе»¹⁵.

Противостояние двух группировок в политической элите ЧСР в 1950 г. отмечалось и американским посольством. Американские дипломаты сообщали, что в связи с арестом В. Клементиса произошло открытое столкновение между Сланским и Готвальдом, потребовавшее срочного вмешательства Москвы. В ответ на арест В. Клементиса и ряда других партийных функционеров (в американском документе назывались имена О. Шлинга и М. Швермовой, однако, в действительности, список арестованных был весьма обширен) К. Готвальд, поддержанный А. Запотоцким, подал в отставку¹⁶. В Прагу, по сведениям американской разведки, приехал заместитель министра иностранных дел В.А. Зорин, и после сложных переговоров якобы был достигнут компро-

мисс. Готвальд и Запотоцкий получили свободу действий для урегулирования ситуации в партийном руководстве при условии, что это приведет к росту промышленного производства в стране, прекращению словацкого сепаратизма и бескомпромиссному устранению с политической арены тех, кто отклоняется от партийной линии, невзирая на то, какие функции то или иное лицо выполняет в партийном и государственном аппарате¹⁷. На сегодняшний день мы не располагаем какими-либо документами российских архивов, чтобы подтвердить или опровергнуть эти сообщения. Однако если допустить факт достигнутого Москвой компромисса с готвальдовской группировкой, то становится понятной происходившая со второй половины 1950 г. до середины 1951 г. переориентация стратегической линии в раскрытии, начатом органами госбезопасности, которые курировались Сланским, «антигосударственного заговора» в ЧСР по смене главных фигур обвиняемых.

Если к тому же принять во внимание ситуацию в СССР, где пропагандистская акция борьбы с космополитизмом стала приобретать характер открытых антиеврейских чисток управленческого аппарата и вытеснения лиц еврейской национальности из сферы науки и культуры, то мы можем говорить, что именно в это время государственный антисемитизм был выведен советским руководством за рамки СССР и стал действующим фактором международной политики. Политической элите стран Восточной Европы был дан отчетливый сигнал о возможном определении нового «внутреннего врага».

Опубликованные в Чехословакии в 2002 г. документальные материалы о закулисной подготовке политических процессов в стране раскрывают механизм корректировки стратегической линии в раскрытии «антигосударственного заговора». Если после ареста О. Шлинга концепция «заговора», разработанная совместно с группой советских советников, возглавляемой В. Боярским, строилась на том, что заговор Шлинга был направлен против Р. Сланского как генерального секретаря ЦК КПЧ, то теперь «политический компас» требовал поворота на 180 градусов. Как свидетельствовал Б. Дубек – сотрудник органов чехословацкой безопасно-

сти, «на совещаниях с тов. советником, когда разрабатывалось все дело и искали возможности, как двинуть следствие вперед, одной из наиболее активно разрабатываемых теорий была теория о еврейском буржуазном национализме. Эта линия проводилась в некоторых допросах, особенно применительно к обвиняемым еврейского происхождения. Тов. Борис (советник Есиков. – Г.М.) очень активно упирал на эту линию. Она позже стала основой всего “дела Сланского”»¹⁸. Теперь эта линия рассматривалась как правильная. Все следствие переводилось на эту новую антисемитскую линию. Делалось это, как сообщал Дубек, «в форме разговора с подследственными, которые подводились к тому, чтобы сделали признание, что сам Сланский возглавлял заговор <...> Многие подследственные принимали возможность все валить на Сланского»¹⁹. Таким образом, главная цель следствия – разоблачение «антигосударственного заговора» – оставалась неизменной, менялась только главная фигура: ею теперь оказывался генеральный секретарь ЦК КПЧ. Политическая фигура Сланского как возможного главного обвиняемого на политическом процессе могла устроить многих. Он был ответствен за расстановку кадров в партийном и государственном аппарате, что давало возможность переложить на него вину за становившиеся все более очевидными провалы в экономической политике и перманентное снижение жизненного уровня, подрывавшее доверие населения к коммунистической правящей элите. Открывалась возможность объяснить обществу в соответствии с коммунистическим менталитетом причины всех неудач деятельностью классовых врагов и шпионов, связанных с международным сионизмом.

Ставшие доступными еще в 1990-е гг. материалы российских архивов, особенно АВП РФ, показывают, как, начиная с лета 1951 г., усиливается поток компромата в Москву на Р. Сланского, поступавшего из советского посольства. Записи бесед советских дипломатов с А. Чепичкой, В. Копецким, А. Новотным, А. Запотоцким свидетельствуют, что эти политики и составляли ядро группировки, противостоящей Сланскому²⁰. В беседах внимание советских дипломатов весьма настойчиво привлекалось к еврейской проблеме. В частности, отмечалось, что в аппарате ЦК работает много ев-

реев, что является следствием целенаправленной политики Сланского, отмечалась связь людей из аппарата ЦК с еврейской общиной и т. д. Появление таких сюжетов было неслучайным. Оно свидетельствовало о желании противостоящих Сланскому политиков использовать его еврейское происхождение для доказательства связей генерального секретаря ЦК КПЧ с сионистскими организациями и, таким образом, ввести дело в рамки государственного антисемитизма, набиравшего обороты в СССР. Пожалуй, наиболее откровенным в этих беседах был В. Копецкий – секретарь ЦК КПЧ, когда рассказывал советским дипломатам: «Видные деятели партии чувствуют, как эта группа (Р. Сланский, И. Франк, И. Гендрих, Б. Геминдер. – Г.М.) оттирает их от руководства партией и как они постепенно становятся людьми третьего и четвертого разряда. Аппарат секретариата ЦК превратился в инородное тело партии. Работники, сидевшие в аппарате ЦК, не знали чешского языка и не понимали чешский народ. Эти люди никогда искренне не любили Советский Союз, и им было безразлично кому служить»²¹.

Москву настойчиво информировали, что все кадры, рекомендованные секретариатом на ответственные посты, оказались вражеской агентурой. «В большинстве своем это были люди, жившие в Лондоне и находившиеся на службе в английской армии. Кроме того, эти люди, как правило, космополиты. Достаточно сослаться хотя бы на такие факты, как состав бывших секретарей обкомов: Шлинг, Фукс, Ломский, Ланда, оказавшихся английскими шпионами <...> Такое же положение было в министерстве госбезопасности, национальной обороны, внутренних дел и т. д.». Далее делался вывод, что в секретариате ЦК существовала целая схема направления на руководящую партийную работу людей, живших на Западе и, безусловно, враждебных народно-демократическому строю²².

Как же реагировало официальное советское руководство на готовящуюся замену центральной фигуры предстоящего политического процесса? Сталин получил информацию о том, что «главным руководителем заговорщиков является генеральный секретарь ЦК КПЧ Сланский»²³. 18 июля 1951 г. в Прагу была отправлена телеграмма: «Получил следственные материалы на тов. Сланского и Геминдера. Мы

считаем материалы недостаточными и думаем, что нельзя только на основании показаний известных преступников делать выводы, нужны еще факты, подтверждающие такие показания. Ввиду недостаточно серьезного отношения к этому делу мы решили отозвать Боярского в Москву»²⁴.

Что же стояло за отзывом Боярского? Упомянутые выше показания Б. Дюбка, данные им в 1954 г., позволяют сделать вывод, что отзыв Боярского, который строил всю линию следствия на фигуре О. Шлинга, означал фактическое одобрение Сталиным выбора Сланского в качестве «главного руководителя заговора». Вместо Боярского «дело» с советской стороны стал вести Б. Есиков (заместитель Боярского), который, по словам Дюбка, «повел его весьма интенсивно», «делал уточнения в теории следствия, которое теперь стало рассматриваться не столько как “дело” Шлинга, а все больше как “дело” Сланского»²⁵.

Новый советник с соответствующими инструкциями прибыл в Прагу в ноябре 1951 г. Но этому предшествовали весьма важные события: Готвальд был срочно приглашен Сталиным в Москву. Однако вместо него со специальной информацией прибыл А. Чепичка – министр обороны, зять Готвальда. 23 июля 1951 г., т. е. через пять дней после получения Москвой первой информации, в кабинете Сталина в Кремле состоялось заседание узкого руководства ЦК ВКП(б). На нем присутствовали помимо Сталина Берия, Булганин, Каганович, Хрущев, Маленков²⁶.

Информация Чепички была наполнена откровенным компроматом на Сланского. Итогом «миссии Чепички» стало письмо Сталина Готвальду с изложением коллективной позиции советского руководства. «Мы по-прежнему считаем, что показания преступников без фактов, подтверждающих эти показания, не могут служить основанием для обвинений деятелей, известных партии по их большой положительной работе. Вместе с тем по многим данным, исходящим от наших советских работников, нам стало ясно, что Сланский наделал много ошибок в области выдвижения и расстановки руководящих кадров. Он оказался подслеповатым и слишком доверчивым, ввиду чего заговорщики и преступники довольно свободно и безнаказанно орудовали во вред партии и народу. Нам

кажется поэтому, что нельзя держать на посту Генерального секретаря человека, который плохо разбирается в людях и допускает часто ошибки в деле распределения кадров. Поэтому мы думаем, что его следовало бы заменить другим»²⁷.

Итак, искомый результат был получен: Сталин дал согласие на снятие Сланского с поста генерального секретаря²⁸. В сентябре 1951 г. на заседании пленума ЦК КПЧ он был освобожден от обязанностей генерального секретаря и назначен заместителем председателя правительства. 23 ноября 1951 г. Сланский был арестован, что напрямую санкционировала Москва.

Материалы АП РФ показывают, что Сталин держал «дело» Сланского на контроле, получая регулярную информацию из Праги по линии МГБ от советских советников и по дипломатическим каналам. Важно отметить, что материалы по делу Сланского, так же как раньше материалы по Клементису, Шлингу и другим обвиняемым, направлялись по прямому указанию Сталина другим руководителям компартий – Беруту, Георгиу-Деж, Червенкову, Ракоши. Организованный Сталиным обмен материалами следствия становился, таким образом, не только катализатором поиска «врагов» внутри каждой из партий, но и своего рода «компасной стрелкой», указывавшей направление поиска.

Арест Сланского стал прологом к новой волне репрессий в ЧСР. Начались интенсивные преследования его сторонников во всех звеньях партийного и государственного аппарата, что сопровождалось подъемом антисемитских настроений в чешском и словацком обществах. Еще до доказательства вины Сланского по всей стране была развернута кампания по принятию резолюций с требованиями разоблачения врагов народа и самого жестокого их наказания. Принимаемые на митингах резолюции направлялись в ЦК КПЧ. К концу декабря 1951 г., т. е. в течение одного месяца, в ЦК было получено 2355 писем и телеграмм с такими требованиями²⁹.

К началу 1952 г. по «делу» Сланского были арестованы представители партийно-государственной верхушки, курировавшие развитие экономики страны: Л. Фрейка – руководитель экономического отдела Канцелярии президента республики, И. Гольдман – председатель Госплана и представитель ЧСР в СЭВ, И. Франк – секретарь ЦК, курировавший

развитие промышленности, Б. Геминдер – заведующий международным отделом ЦК, А. Грегор – министр внешней торговли и др. Теперь органами госбезопасности при активном участии советских советников конструировался «антигосударственный центр заговорщиков» путем включения в него лиц, арестованных в 1950 – начале 1951 г. по списку М. Ракоши. Тем самым расширялся круг обвиняемых – в число его участников были включены арестованные еще Сланским В. Клементис, Э. Лёбл, А. Лондон, О. Шлинг, М. Швермова и др. Всего «по делу об антигосударственном заговоре» проходило, по свидетельству прессы, около 3 тыс. чел.

В чем же обвинялись заговорщики? В протоколе процесса, кроме связей с «сионистскими организациями», а через них с «американским империализмом», было зафиксировано, что «антигосударственный центр Сланского, равно как и титовцы в Югославии, придумали так называемую теорию особого чехословацкого пути к социализму. Под прикрытием этой теории, что, собственно, означало восстановление капитализма в республике, центр осуществлял подготовку к реставрации старых отношений в Чехословакии по примеру Тито и под руководством английских и американских империалистов»³⁰. Сионизм при этом рассматривался как новый канал, по которому предательство и шпионаж проникают в коммунистическую партию, а антиссионизм (точнее, государственный антисемитизм) – это всего лишь «защита от американской шпионской диверсионной и подрывной агентуры»³¹.

Итог – 27 ноября 1952 г. 11 чел. (Б. Геминдер, В. Клементис, Р. Марголис, Б. Райцин, А. Симоне, Р. Сланский, О. Фишл, И. Франк, Л. Фрейка, К. Шваб, О. Шлинг) были приговорены к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение 3 декабря 1952 г.

По логике советского руководства, использовавшего межклановую борьбу в правящей верхушке компартий Восточной Европы с целью получения «управляемого лидера», «дело» Сланского должно было иметь продолжение в Румынии. Поэтому вопрос нового советского посла А.И. Лаврентьева к первому секретарю ЦК РРП Г. Георгиу-Дежу в декабре 1952 г.: «Имеются ли какие-либо данные, говорящие о преступных связях чехословацких предателей с румынскими ли-

цами?»³² – прозвучал для румынского лидера как сигнал к действию. Ведь Румыния оставалась, по словам главного советского советника генерала Ряпосова, единственной страной в регионе, «где не было проведено ни одного крупного политического процесса»³³. Поэтому в беседе с Лаврентьевым Георгиу-Деж не преминул подчеркнуть, что сигнал им понят, отметив, что известные положения обвинительного заключения против Сланского и др., где говорится о сионистах, некоторые политические деятели восприняли как поход против евреев³⁴. У него уже имелись кандидатуры из первого эшелона власти, отвечавшие сложившейся конъюнктуре. Сложность была лишь в том, что В. Луку (венгра по национальности, женатого на еврейке), А. Паукер (еврейку) и Т. Джорджеску (предполагалось, что он еврей) Георгиу-Деж рассматривал как потенциальных конкурентов в борьбе за высшую власть в партии и стране. Двое из них – В. Лука и А. Паукер – прибыли в Румынию в 1944 г. из СССР и располагали в Москве дополнительным кредитом политического доверия.

Разногласия внутри ЦК по линии Г. Георгиу-Деж – В. Лука и А. Паукер отмечались советской стороной еще в 1947 г. Но для Москвы тогда был важен факт присутствия «своих людей» в руководстве РРП, и советская сторона стремилась не допускать конфликтных ситуаций на «национальной почве». Сталин в одной из бесед с Георгиу-Дежем в 1947 г., узнав, что последний пытается убрать А. Паукер из страны, специально отметил: «Это неправильная и вредная позиция. Нужно хороших работников ценить и выдвигать, независимо от того, румыны они, евреи или венгры»³⁵.

Однако напряженные отношения сохранялись, и каждая из сторон не стеснялась засылать компромат на конкурентов в Москву. Столкновение Г. Георгиу-Дежа с В. Лукой, возглавлявшим министерство финансов, произошло во время подготовки денежной реформы в 1951 г. В ее скорейшем проведении была крайне заинтересована советская сторона. Реформа готовилась советскими советниками с целью привязать лей к рублю. Срочность этой акции аргументировалась угрозой инфляции, что и вызывало резкие возражения министра финансов. Он считал, что такой угрозы не существует, а провести денежную реформу можно будет не ранее чем через

год-полтора, обстоятельно ее подготовив: «Провести мы это можем собственными силами, и задерживать советских товарищей нет необходимости». Такая позиция Луки не соприкасалась с позицией Георгиу-Дежа и уж тем более с позицией советской стороны, для которой важно было провести первую денежную реформу в регионе в политически спокойной обстановке. Советские финансовые специалисты увидели в позиции Луки, выступавшего против поспешного проведения реформы, стремление ослабить налоговое обложение населения, в первую очередь, «крестьянства и мелкого частника». Поэтому не удивительно, что Сталин при встрече с Георгиу-Дежем в июле 1951 г. специально отметил, что нельзя освобождать крестьян от налогов, «ведь рабочий класс платит»³⁶. Такое замечание было воспринято последним как предоставление ему свободы действий против главного конкурента на политическом Олимпе страны. Противостояние с Лукой теперь стало выводиться на новый уровень. Межличностным отношениям был придан политический характер: В. Лука обвинялся в правом оппортунизме как защитник «мелкого частника». В защиту Луки на заседании политбюро ЦК РРП 13 марта 1952 г. выступили А. Паукер и Т. Джорджеску, в руках которого был сконцентрирован контроль над карательными органами, госбезопасностью и партийными кадрами. Это и делало последнего для Георгиу-Дежа более опасным, чем В. Лука. Создание такой группы, по-видимому, беспокоило и Москву. Георгиу-Деж был срочно приглашен к Сталину. К сожалению, мы не располагаем информацией об этой встрече и характере советов, которые были получены румынской стороной. О них можно судить лишь по результатам пленума ЦК РРП, состоявшегося сразу после возвращения Георгиу-Дежа из Москвы. Позиция В. Луки, А. Паукер и Т. Джорджеску была расценена как фракционная. При формировании нового состава политбюро ЦК РРП судьба фракционеров была решена – они лишились всех своих партийных постов, которые были переданы наиболее жестким критикам «правого уклона». Это фактически обеспечило Георгиу-Дежу полный контроль над финансами, обороной, внутренними делами и внешней торговлей.

В начале августа 1952 г. В. Лука был арестован, затем судим и приговорен к смертной казни, позже замененной

пожизненным заключением. Осенью 1952 г. по стране прокатилась волна репрессий, коснувшихся, прежде всего, партийных функционеров среднего звена. Им инкриминировалась «враждебная деятельность, которая выражалась в противодействии созданию коллективных хозяйств в деревне», в распространении всевозможных слухов и призывов «саботировать мероприятия партии и правительства».

Наращивание компромата антисемитской направленности на В. Луку, уже находившемуся в тюрьме под следствием, и А. Паукер, сохранявшую пока еще пост министра иностранных дел, началось в сентябре 1952 г. Центральной фигурой этой кампании стала А. Паукер, которая, располагая контактами в СКК, а потом с советскими дипломатами, прежде всего с послом СССР в Румынии С.И. Кавтарадзе, оставалась Георгиу-Дежу «не по зубам» практически до января 1953 г. Поэтому упоминаемый ранее декабрьский 1952 г. разговор Лаврентьева с Георгиу-Дежем о возможных связях Сланского с румынскими политиками означал, что «неприкосновенность» с фигуры Паукер снята. 23 января 1953 г. она была освобождена от должности министра иностранных дел. Ей предъявлялись обвинения в связях с сионистами и активном участии в освобождении «израильских шпионов» в 1950 г. Это стало началом антисемитских акций в Румынии. Был закрыт еврейский демократический центр, началась разработка планов по «изоляции еврейских буржуазных националистов». 20 февраля 1953 г. А. Паукер была арестована. Антисемитскую политику Г. Георгиу-Деж напрямую увязывал с начавшейся в СССР кампанией по разоблачению «врачей-убийц», которая сопровождалась не только арестами ведущих представителей медицинской науки, но и увольнениями с работы многих представителей еврейской интеллигенции.

Однако нараставшая волна антисемитизма в СССР была прервана смертью Сталина и последовавшей в апреле 1953 г. реабилитацией арестованных в Москве врачей. Георгиу-Деж вынужден был отступить; А. Паукер была освобождена, но в политику не вернулась.

Таким образом, доступные на сегодняшний день документальные материалы свидетельствуют, что в 1951–1953 гг. Сталин и его окружение использовали государственный анти-

семитизм как политический инструмент для обеспечения своих интересов в Восточной Европе весьма избирательно и только в тех странах, где это позволяли конкретное соотношение сил и напряженность отношений внутри правящей партийной верхушки. Опыт ПОРП и ВПТ, главную роль в руководстве которых в рассматриваемый период играли коммунисты еврейской национальности, показывает, что для Москвы «национальная принадлежность» лидирующей группы политиков оставалась в целом вопросом вторичным на фоне основной задачи – скорейшего структурирования в Восточной Европе политических режимов партийно-государственной диктатуры советского типа как базиса противостояния капиталистическому миру.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. напр.: Государственный антисемитизм в СССР 1938–1953: Документы / Сост. Г.В. Костырченко. М., 2005; *Костырченко Г.В.* В плену у Красного фараона. Политические преследования евреев в последнее сталинское десятилетие. М., 1994; *Он же.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001; *Ваксберг А.И.* Из ада в рай и обратно. Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну. М., 2003.
- ² Государственный антисемитизм в СССР... С. 6.
- ³ Там же.
- ⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. М.-Новосибирск, 1997. Т. 1. 1944–1948. С. 443–463, 579.
- ⁵ Там же. Док. № 267, 269, 272, 274.
- ⁶ Там же. Док. № 269.
- ⁷ См.: *Reiman M.* Sovětska politika a sovětské vedení 1948–1953 // *Politické procesy v Československu po roce 1945 a «případ Slánský».* Brno, 2005. S. 26.
- ⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 496. Л. 53–54.
- ⁹ См. подробнее: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002. С. 528.
- ¹⁰ Там же. С. 529–530.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1361. Л. 55.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Tripkovic D.* Proces s R. Slanskym – jugoslvscky pohled // *Politické procesy v Československu...* S. 87–88.

- ¹⁴ *Ibidem*. S. 88.
- ¹⁵ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Указ. соч. С. 534.
- ¹⁶ *Trpkovic D.* Op. cit. S. 88.
- ¹⁷ *Ibidem*. S. 88.
- ¹⁸ StB o sobe. Vypoved vysetrovatele B. Doubka. Praha, 2002. L. 110.
- ¹⁹ *Ibidem*.
- ²⁰ Записи этих бесед были опубликованы автором в 1996 г. в №№ 3 и 4 журнала «Вопросы истории». Однако чешские и словацкие исследователи, насколько можно судить по имеющейся в наших библиотеках литературе, не используют эти документы в своих работах.
- ²¹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 33. П. 610. Д. 16. Л. 71.
- ²² Там же. Л. 70.
- ²³ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 394. Л. 104.
- ²⁴ Там же. Л. 107.
- ²⁵ StB o sobe. L. 106–110.
- ²⁶ Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1997. № 1. С. 24.
- ²⁷ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 2. 1949–1953. М.-Новосибирск, 1998. С. 580.
- ²⁸ К сожалению, ни чешские, ни российские историки не располагают на сегодняшний день материалами, которые раскрывали бы связи Сланского и его сторонников с Москвой. Трудно предположить, что Сланский не понимал ситуацию и не использовал свои возможности генерального секретаря для информирования советского руководства, тем более что по партийной линии он имел прямой выход на Сталина.
- ²⁹ Подробнее см.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Указ. соч. С. 560.
- ³⁰ *Lobl E.* Svedectvo o procese s vedenim protistatneho centru na cele s Rudolfem Slanskym. Brno, 1968. S. 42.
- ³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 861. Л. 188.
- ³² АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 40. П. 202. Д. 1. Л. 239.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1306. Л. 66.
- ³⁴ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Указ. соч. С. 566.
- ³⁵ Там же. С. 563.
- ³⁶ Там же. С. 568.

«ДЕЛО» СЛАНСКОГО *

Предлагаемые читателю документы из фондов Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) относятся к началу 50-х годов, когда общественную атмосферу в странах Восточной Европы во многом определяли судебные процессы против ряда ведущих коммунистических лидеров, входивших в высшие эшелоны новой власти этих стран. Шли процессы над секретарем ЦК компартии Венгрии Л. Райком, заместителем председателя Совета министров Болгарии Т. Костовым, бывшим секретарем ЦК компартии Румынии и министром юстиции Л. Патрашкану, министром иностранных дел А. Паукер и министром финансов В. Лука, заведующим отделом ЦК компартии Словакии Г. Гусаком, «словацкими буржуазными националистами» Л. Новомеским и В. Клементисом, генеральным секретарем ЦК компартии Чехословакии Р. Сланским. В них были втянуты в качестве «свидетелей» и жертв тысячи людей... Чем же были порождены эти репрессивные акции, кто руководил ими и чьим интересам они отвечали?

Ответы на эти вопросы следует искать не только в архивах Венгрии, Болгарии, Румынии и Чехословакии, но и в архивах России. Ознакомление в ходе подготовки двухтомной публикации «Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.»¹ с материалами из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), РГАСПИ, АВП РФ, Архива Президента Российской Федерации (АП РФ), ранее находившихся на специальном хранении, позволило не только установить истоки заинтересованности тогдашнего руководства СССР в организации названных процессов, но и выявить иницилирующую роль отдельных группировок складывавшейся новой политической элиты в странах региона относительно определения конкретных жертв репрессий,

---

* Вопросы истории. 1997. № 3–4.

масштабов репрессивных акций и создания в своих странах атмосферы всеобщей подозрительности и страха.

Материалы РГАСПИ, касающиеся работы Отдела внешней политики ЦК ВКП(б), свидетельствуют, что весной 1948 г. аппаратом ЦК проводилась интенсивная подготовка секретных аналитических записок с развернутой критикой внутривластной и внутригосударственной политики коммунистических партий Югославии, Венгрии, Польши и Чехословакии². С 18 марта по 5 апреля 1948 г. для секретаря ЦК ВКП(б) М.А. Суслова были подготовлены документы «Об антимарксистских установках руководителей компартии Югославии в вопросах внутренней и внешней политики коммунистических партий Югославии, Венгрии, Польши и Чехословакии» (праобраз будущего первого письма ЦК ВКП(б) руководству КПЮ), «О националистических ошибках руководства ВКП и буржуазном влиянии в Венгерской коммунистической печати», «О некоторых ошибках компартии Чехословакии» и «Об антимарксистских идеологических установках руководства ППР». Какие же ошибки инкриминировались руководителям «братских» партий?

КПЮ обвинялась в игнорировании марксистско-ленинской теории как руководства к действию, в недоброжелательном отношении к СССР и ВКП(б), в переоценке собственных достижений, в претензиях на руководящую роль на Балканах, оппортунизме по отношению к югославскому кулачеству. Руководителям ВКП М. Ракоши, М. Фаркашу и Й. Реваи указывалось, что они скатываются на националистические позиции, и это проявляется в их отношении к СССР. ППР и конкретно генеральный секретарь ее ЦК В. Гомулка были подвергнуты критике за тезис о специфическом польском пути к социализму, который расценивался в документе как явный уклон руководства ППР к национализму. По мнению составителей документа, это вызывало опасения за дальнейшую политическую линию и практическую деятельность ППР.

Наиболее развернутый документ был посвящен анализу политики КПЧ, которая лишь полтора месяца назад обрела полноту власти в стране. На первое место среди ошибок руководства КПЧ ставилась ее ориентация на особый, мирный путь к социализму. Руководство партии, хотя здесь не было,

как в венгерском и польском документах, упоминания фамилий, упрекалось в пренебрежении принципами большевизма в партийном строительстве, в ошибках по национальному вопросу, попытках пустить на самотек социалистическое переустройство деревни³.

События второй половины 1948 г. (резкий обмен письмами между советским руководством и ЦК КПЮ, положивший начало затяжному советско-югославскому конфликту; отстранение В. Гомулки от руководства партией на сентябрьском пленуме ЦК ППР по обвинению в правонационалистическом уклоне) наглядно свидетельствовали, что подготовленные в ведомстве М.А. Суслова документы имели сугубо практическую направленность. Они должны были служить обоснованием задуманной в Москве широкой акции по осуществлению перемен в руководстве компартий стран Восточной Европы. Эти партии, бывшие в большинстве стран до войны мелкими периферийными политическими образованиями, в конце войны и в течение первых послевоенных лет превратились в массовые. Их социальная база расширялась, прежде всего, за счет подъема социальной активности тех слоев общества, которым война принесла тотальное обнищание. Вместе с тем следует отметить, что ряды компартий, выступавших под лозунгами социальной справедливости и борьбы против фашизма, пополнялись отнюдь не только за счет социально слабых групп населения. Наблюдалось активное вступление в компартии выходцев из интеллигенции, служащих и других средних слоев. Причем немалую часть их составляли евреи, пережившие гитлеровский геноцид и видевшие в СССР и коммунистах последовательных борцов с нацизмом.

Результатом такой «массовизации» компартий стало разнообразие подходов к идеям социализма, прежде всего, по вопросу мирного перехода к новому строю. Документы архивов свидетельствуют, что в Москве И.В. Сталин, А.А. Жданов, Г.М. Димитров в 1944–1946 гг. так же активно размышляли над возможностями перехода к социализму на основе принципов демократии и парламентаризма⁴.

Однако развернувшиеся в первой половине 1947 г. изменения на международной арене, связанные с распадом

антифашистской коалиции, сопровождалось нарастанием степени напряженности в отношениях между бывшими союзниками. Все более очевидной становилась эволюция вправо общественных настроений в Западной Европе. Об этом наглядно свидетельствовали и осложнения отношений между социалистами и коммунистами во Франции и Италии, и поражение финской компартии на выборах в Сейм, и удаление представителей ИКП из кабинета министров Италии по итогам парламентских выборов, и неожиданный для Москвы выход коммунистов из состава правительства во Франции. Все это не могло не породить опасения поворота развития в регионе по западному варианту и делало актуальным для советского руководства вопрос о смене стратегического курса. Концепция «национального пути» к социализму через народную демократию в условиях раскола мира на два лагеря представлялась теперь несвоевременной, и была им отвергнута. На смену ей Москвой вновь выдвигалась привычная идея диктатуры пролетариата, а советский опыт провозглашался теперь единственно верным эталоном политической практики для всех коммунистических партий.

Реализацию такого крутого стратегического поворота ЦК ВКП(б) связывал с необходимостью кадровых изменений, прежде всего, в руководстве компартий Восточной Европы. Это означало, что те коммунистические лидеры, которые являлись носителями реформаторских тенденций и выступали за реализацию идеи национальных путей к социализму, должны были отказаться от своих планов, или уйти с политической арены. В складывавшейся новой властной элите, по мнению Москвы, ведущее место предстояло занять сторонникам форсированного развития стран региона по советскому образцу. Созданному Информбюро (Коминформу) в этой акции, по плану Кремля, отводилась роль коллективного судьи возможных «ослушников».

Однако уже на начальном этапе реализации своего плана советская сторона столкнулась с неожиданным препятствием: ЦК КПЮ не пожелал подчиниться диктату Москвы. Отказ руководства КПЮ явиться на слушанье «югославского дела» на заседании Информбюро⁵, а также неоднозначная реакция некоторых лидеров компартий на начав-

шийся затем советско-югославский конфликт и резолюцию Информбюро по югославскому вопросу, существенно осложняли ситуацию. В Москве было известно критическое отношение В. Гомулки к первому советскому письму КПЮ и его сомнения в достоверности выдвинутых в письме обвинений. На июльском пленуме ЦК ППР 1948 г. В. Беньковский охарактеризовал резолюцию Информбюро «О положении в Коммунистической партии Югославии», принятую на заседании в Бухаресте, как «непонятную и неубедительную» и предостерегал от преувеличения опасности националистических проявлений, за что был жестоко раскритикован ⁶. Не возникло позитивной реакции на резолюцию и у К. Готвальда, которому И.В. Сталин был вынужден разъяснять свою позицию в специальном послании, доказывая, что «мы – москвичи» не рассчитываем на скорое поражение группы Тито. «Наша цель, – писал он, – была на первом этапе изолировать югославских руководителей в глазах других компартий и разоблачить их жульнические махинации. Этой цели мы добились с успехом» ⁷.

Разрастающийся советско-югославский конфликт свидетельствовал, что планы Кремля осуществить с помощью Информбюро тотальную чистку руководства компартий Восточной Европы являются трудно проходным вариантом. Это, по-видимому, и диктовало Политбюро ЦК ВКП(б) необходимость поисков иных способов проведения кардинальных перемен в руководстве компартий региона. Очищение коммунистического движения от агентов Тито рассматривалось в новых условиях как центральная задача, решение которой открывало реальные шансы для достижения поставленной цели.

В условиях, когда в рассматриваемых странах внутри формировавшихся правящих коммунистических элит шла борьба отдельных группировок за лидерство, за право обладать монополией на контакты с Москвой, разоблачение «врагов» в лице агентов Тито внутри руководства партий позволяло устранить тех политических деятелей, которые возражали против форсированного перехода к советской модели построения социализма.

Материалы российских архивов дают основания утверждать, что именно из верхних эшелонов партийно-

государственной номенклатуры рассматриваемых стран секретная информация о ситуации в руководстве партий, о настроениях отдельных лидеров с обвинениями в «национализме», «недооценке роли СССР», «о связях с Тито», «о шпионаже в пользу Тито» через различные, в том числе и дипломатические, каналы поступала в Москву. Так, уже в сентябре 1948 г. из Венгрии на имя Сталина от М. Ракоши поступила информация о ситуации в компартии Словакии. Ракоши, сообщал, что эта компартия разложилась на фракции. «Одну из фракций возглавляет председатель Словацкого Совета уполномоченных Г. Гусак. В эту фракцию входят Клементис, Новомеский и вообще словацкая интеллигенция и студенчество. Фракция имеет резко националистический, антисемитский, антивенгерский характер»⁸. Ракоши был весьма активным поставщиком секретной информации такого рода. Его стремление вмешиваться в дела других компартий не раз отмечали работавшие с ним советники из МГБ СССР, работники аппарата ЦК ВКП(б) и сотрудники канцелярии секретариата Информбюро. Можно сказать, что именно Ракоши сыграл откровенно провокационную роль в раскручивании политических репрессий в регионе, пытаясь стать закулисным дирижером борьбы различных группировок внутри коммунистических партий. Используя начавшееся в июне 1949 г. следствие «по делу А. Райка», разработанное при прямом участии самого Ракоши, он передал в Москву и непосредственно лидерам компартий списки на 526 коммунистов разных стран, обвиняемых им в подрывной деятельности⁹.

В середине июля 1949 г. Ракоши направил специальное письмо Б. Беруту с уведомлением, что в ходе процесса над А. Райком будут подняты «польские вопросы». Отправленная Б. Берутом в Будапешт группа работников польской госбезопасности должна была выявить связи лиц, арестованных по «делу Райка», с уже отстраненным от должности секретаря ППР В. Гомулкой. Однако никаких конкретных материалов, подтверждающих эти связи, не было выявлено, и аресты «польских агентов иностранных разведок не выявились в политический процесс»¹⁰.

3 сентября 1949 г. последовало письмо Ракоши Готвальду с доносом на министра внутренних дел В. Носека,

министра иностранных дел В. Клементиса, ведущих экономистов Л. Фрейку, Й. Гольдмана, а также редактора газеты «Руде право» В. Нового. Их объединяло одно: все они в годы войны были в эмиграции в Лондоне. Чехословацкая сторона отреагировала на инициативу Ракоши двумя международными встречами руководства госбезопасности ЧСР. 7–8 сентября 1949 г. велись переговоры с М. Ракоши и генералом М.И. Белкиным, курировавшим в качестве советника МГБ процесс Райка. Несколько дней спустя, состоялась встреча с Б. Берутом, а также с членами Политбюро ППР Р. Замбровским и Я. Берманом. В обоих случаях чехословацкой стороне было рекомендовано во имя общих интересов усилить проведение арестов лиц, подозреваемых в шпионаже ¹¹.

Хотя Прага и отреагировала на давление просьбой направить в ЧСР специалистов из МГБ, Готвальд как президент страны и председатель КПЧ к идее «поисков шпионов Тито и англо-американского империализма» относился весьма сдержанно. С такой позицией и встретились прибывшие в Прагу офицеры МГБ М.Т. Лихачев и Н.И. Макаров, имевшие уже опыт работы по «делам» Т. Костова в Софии и Л. Райка в Будапеште. На встрече с ними Готвальд твердо заявил, что англо-американская шпионская сеть не разрослась здесь до размеров вскрытого в Венгрии заговора и «чехословацкие министры не могут быть замешаны в каком-либо заговоре. ...В среднем звене государственного и партийного аппарата враги, конечно, могут быть» ¹².

Объяснение такой позиции Готвальда следует, по-видимому, искать в расстановке сил внутри правящей партийной верхушки. В 1949 г. американские дипломатические службы в ЧСР, внимательно следившие за ситуацией в стране, констатировали в своих аналитических записках, что политическая элита в Чехословакии тяготеет к двум центрам: одна ее часть концентрируется вокруг президента Готвальда, другая – вокруг генерального секретаря ЦК КПЧ Р. Сланско-го. Оба они – «люди Москвы», и существенных идеологических разногласий между ними нет. Однако американские дипломаты отмечали, что, тем не менее, существует почва для «конфликта» между этими двумя политиками. Они, в частности, сообщали, что еще в 1948 г., после того, как Гот-

вальд был избран президентом страны, стало интенсивно усиливаться в обществе влияние Сланского как генерального секретаря правящей партии. Он стал устанавливать все более жесткий партийный контроль над ключевыми звеньями госаппарата и общественной жизни страны¹³. Сербский исследователь Д. Трипкович, опираясь на материалы, хранящиеся в архиве СКЮ, пришел к выводу, что усилению позиций Сланского в немалой степени содействовало то обстоятельство, что Сланский и его сторонники в партаппарате ориентировались на проведение радикальных реформ не только в идеолого-политической сфере, но и в сфере экономики, что и позволяло им рассчитывать на поддержку Москвы¹⁴.

Группа вокруг Готвальда стала, по-видимому, складываться несколько позже. Еще осенью 1948 г., когда Москве удалось добиться удаления В. Гомулки не только с поста первого секретаря ППР, но и вообще убрать его с политической арены Польши, советское руководство предприняло «зондаж ситуации» в руководстве КПЧ, чтобы выявить возможность использования «польского опыта» по рокировке ведущих фигур внутри чехословацкой политической элиты. Тогда в теоретическом журнале ЦК КПЧ была опубликована статья А. Кольмана с обвинениями Р. Сланского, Г. Бареша, М. Швермовой (так называемого практического руководства КПЧ) в правонационалистических ошибках, аналогичных польским. Однако К. Готвальд, находившийся в это время в Крыму и встречавшийся со Сталиным, дал ясно понять советской стороне, что в руководстве КПЧ нет каких-либо принципиальных противостояний. Кольман же был срочно отозван из Праги в Москву и арестован.

Ухудшение отношений между партийным и государственным руководством в ЧСР стало нарастать в 1949 г. Причины этого следует видеть в нескольких плоскостях. С одной стороны, налицо было ярко выраженное стремление партаппарата, возглавляемого Р. Сланским, поставить под свой контроль государственные структуры. Это не могло не вызывать у коммунистов, работавших в исполнительных органах власти, чувство бессилия. Глава правительства А. Запотоцкий оценивал ситуацию как складывавшийся дуализм. С другой стороны, у части новой правящей элиты, как в Праге,

так и в Братиславе не могла не вызывать опасений активизация в 1949 г. (после появления в стране советских советников по линии МГБ) деятельности органов госбезопасности, находившихся под фактическим контролем Сланского. В ноябре 1949 г. были проведены аресты партийных функционеров, фигурировавших в списке, полученном от Ракоши. В Чехословакии начал по примеру других стран региона разворачиваться поиск «чехословацкого Райка».

В 1950 г. советские советники уже сообщали в Москву о развернувшейся борьбе двух группировок в руководстве КПЧ. Причем, они отмечали, что отставка и арест министра иностранных дел В. Клементиса, который принадлежал к группировке К. Готвальда, свидетельствует о том, «что группировка Готвальда теряет силу, а группа Сланского растет в весе»¹⁵. В 1950 г. противостояние двух группировок в политической элите ЧСР отмечали и американские дипломаты. Они сообщали, что в связи с арестом Клементиса произошло открытое столкновение между Сланским и Готвальдом, которое потребовало срочного вмешательства Москвы. В ответ на арест В. Клементиса, О. Шлинга, М. Швермовой¹⁶, отмечалось в сообщении в Вашингтон, К. Готвальд, поддержанный А. Запотоцким, заявил о возможности ухода в отставку¹⁷. В Прагу, по сведениям американской разведки, приезжал заместитель министра иностранных дел СССР В.А. Зорин. После сложных переговоров был якобы достигнут компромисс. Готвальд и Запотоцкий получили свободу действий для урегулирования ситуации в партийном руководстве при условии, что будет обеспечен рост промышленного производства в стране, положен конец словацкому сепаратизму и проведено устранение из политической сферы тех деятелей, которые отклоняются от партийной линии, невзирая на то, какие функции то или иное лицо занимает в настоящее время в партийном или государственном аппарате.

На сегодняшний день мы не располагаем какими-либо документами российских архивов, чтобы подтвердить или опровергнуть эти сообщения. Но если допустить факт достигнутого Москвой компромисса с группировкой, сложившейся вокруг К. Готвальда, то становится понятной происшедшая со второй половины 1950 до середины 1951 г. пере-

ориентация стратегической линии в раскрытии «антигосударственного заговора», начатого органами госбезопасности, которые курировались еще Р. Сланским.

После ареста О. Шлинга в 1950 г. вся концепция «заговора», разработанная совместно с группой советских советников, возглавляемой В. Боярским, строилась на том, что «заговор Шлинга» был направлен против Р. Сланского как генерального секретаря ЦК КПЧ. Теперь же «политический компас» требовал поворота на 180 градусов. Как свидетельствовал позднее, в 1954 г., один из сотрудников госбезопасности ЧСР Б. Доубек, принимавший активное участие в «раскрытии заговора», «на совещании с тов. советником, когда разрабатывалось все дело и мы искали возможности, как двинуть все дело вперед, одной из более активно разрабатываемых теорий была теория о еврейском буржуазном национализме. Эта линия проводилась в некоторых допросах, особенно применительно к обвиняемым еврейского происхождения. Тов. Борис (советник Есиков, заместитель В. Боярского. – Г.М.) очень активно упирал на эту линию. Она позже стала основой всего “дела” Сланского»¹⁸.

Как же реагировало официальное советское руководство на готовящуюся замену центральной фигуры предстоящего политического процесса? 17 июля 1951 г. Сталин получил информацию о том, что «главным руководителем заговорщиков является генеральный секретарь ЦК КПЧ Сланский»¹⁹. 18 июля 1951 г. в Прагу была отправлена телеграмма: «Получил следственные материалы на тов. Сланского и Геминдера. Мы считаем материалы недостаточными и думаем, что нельзя только на основании показаний известных преступников делать выводы, нужны еще факты, подтверждающие такие показания. Ввиду недостаточно серьезного отношения к делу мы решили отозвать Боярского в Москву»²⁰.

Что же стояло за отзывом Боярского? Упомянутые выше показания Б. Доубка позволяют сделать вывод, что отзыв Боярского, который строил всю линию следствия на фигуре Шлинга, означал фактическое одобрение Сталиным выбора фигуры Сланского на роль «главного руководителя заговора». Вместо отозванного Боярского «дело» с советской стороны стал вести Б. Есиков, который, по словам Доубка, «по-

вел его весьма интенсивно, делал уточнения в теории следствия, которое теперь стало рассматриваться не столько как «дело» Шлинга, а все больше как «дело» Сланского»²¹.

Если принять во внимание внутривластную ситуацию в СССР, где в это время борьба против космополитизма стала приобретать характер открытых антиеврейских чисток управленческого аппарата и вытеснения лиц еврейской национальности из сферы науки и культуры, то можно говорить о том, что политической элите стран Восточной Европы был дан отчетливый сигнал о возможном определении нового «внутреннего врага».

В Праге, как показывают предлагаемые читателю документы российских архивов, этот сигнал был мгновенно уловлен. Уже 19 июля 1951 г. в дневнике посла СССР в Чехословакии М.А. Силина появляется запись беседы с министром национальной обороны ЧСР А. Чепичкой, который являлся зятем К. Готвальда. Тема беседы – деятельность Р. Сланского и Б. Геминдера в ЦК КПЧ.

Далее последовало приглашение К. Готвальда в Москву. Однако вместо него со специальной информацией в Москву прибыл Чепичка, который и информировал 23 июля 1951 г. узкое руководство ЦК ВКП(б) – Сталина, Берия, Булганина, Хрущева и Маленкова о ситуации, сложившейся внутри правящей элиты ЧСР. Итогом «миссии Чепички» стало письмо Сталина Готвальду с изложением коллективной позиции советского руководства. «Мы по-прежнему считаем, что показания преступников без фактов, подтверждающих эти показания, не могут служить основанием для обвинений деятелей, известных партии по их большой положительной работе. Вместе с тем по многим данным, исходящим от наших советских работников, нам стало известно, что Сланский наделал много ошибок в области выдвижения и расстановки руководящих кадров. Он оказался подслеповатым и слишком доверчивым, ввиду чего заговорщики и преступники довольно свободно и безнаказанно орудовали во вред партии и народу. Нам кажется поэтому, что нельзя держать на посту Генерального секретаря человека, который плохо разбирается в людях и часто допускает ошибки в деле распределения кад-

ров. Поэтому мы думаем, что его следовало бы заменить другим»²².

Итак, искомый результат был получен: Сталин дал согласие на снятие Р. Сланского с поста генерального секретаря²³. В сентябре 1951 г. на заседании пленума ЦК КПЧ он был освобожден от обязанностей генерального секретаря и назначен заместителем председателя правительства. 23 ноября 1951 г. Р. Сланский был арестован, что напрямую санкционировала Москва.

Арест Сланского стал прологом к новой волне репрессий в ЧСР. Начались интенсивные преследования его сторонников во всех звеньях партийного и государственного аппарата, что сопровождалось подъемом антисемитских настроений в чешском и словацком обществе. Еще до доказательства вины Сланского по всей стране была развернута массовая кампания по принятию резолюций с требованиями разоблачения врагов народа и их самого жестокого наказания. Принимаемые резолюции направлялись в ЦК КПЧ.

К началу 1952 г. по «делу Сланского» были арестованы представители партийно-государственной верхушки, курировавшие развитие экономики страны: А. Фрейка – руководитель экономического отдела Канцелярии президента республики, Й. Гольдман – председатель Госплана и представитель ЧСР в СЭВ, Й. Франк – секретарь ЦК, курировавший развитие промышленности, Б. Геминдер – заведующий международным отделом ЦК, А. Грегор – министр торговли и др. Теперь органами госбезопасности при активном участии советских советников конструировался «антигосударственный центр заговорщиков» путем включения в него лиц, арестованных в 1950–1951 гг. по списку М. Ракоши. Тем самым круг обвиняемых расширился – в число его участников были включены арестованные еще Сланским В. Клементис, Э. Лёбл, А. Лондон, О. Шлинг, М. Швермова и др. Всего по делу «об антигосударственном центре заговорщиков», возглавляемом Р. Сланским, проходило, по свидетельству прессы, около 3000 человек. Итог – 11 смертных приговоров и огромное число осужденных на различные сроки тюремного заключения.

* * *

Предлагаемые записи бесед советских дипломатов с ведущими политиками Чехословакии К. Готвальдом, Б. Келлером, Ю. Дюришем, А. Новотным, В. Широкиным и др. в 1951–1952 гг. представляют бесспорный интерес, являясь источником, характеризующим отношения внутри правящей верхушки КПЧ. Содержание бесед свидетельствует о сложной борьбе группировок складывавшейся партийно-государственной номенклатуры Чехословакии. Они документально подтверждают, что именно межклановая борьба в правящей партийной верхушке оказалась решающей для выбора Рудольфа Сланского в качестве главной фигуры крупнейшего в регионе политического процесса 50-х годов XX в.

Все примечания и комментарии подготовлены нами.

Г.П. Мурашко.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. Т. 1, 2. Москва; Новосибирск, 1998.

² Там же. Т. 1. 1944–1948 гг. Док. №№ 267, 269, 272, 274.

³ Там же. С. 831–858.

⁴ И.В. Сталин в беседе с президентом ПНР Б. Берутом и премьер-министром Э. Осубка-Моравским 26 мая 1946 г., определяя характер установившегося в Польше строя, говорил: «Строй, установленный в Польше, это демократия, это новый тип демократии. Она не имеет прецедентов. Ни бельгийская, ни английская, ни французская демократия не могут братья Вами в качестве образца. Ваша демократия особая... Демократия, которая установилась у Вас в Польше, в Югославии и отчасти в Чехословакии, это демократия, которая приближает вас к социализму без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя... Вам не нужна диктатура пролетариата, потому что в нынешних условиях, когда крупная промышленность национализирована и с политической арены исчезли классы крупных капиталистов и помещиков, достаточно создать соответствующий режим в промышленности, поднять ее, снизить цены и дать населению больше товаров, и положение в стране стабилизируется.... И вы приблизитесь к социализму без кровавой борьбы». (Там же. Т. 1. С. 457–458). Подробнее эти сюжеты см.: *Волокитина Т.В. «Холодная война» и*

социал-демократия в Восточной Европе 1944–1948. Очерки истории. М., 1998. С. 49–52.

⁵ На рубеже мая-июня 1948 г. советская сторона уведомила В. Гомулку, К. Готвальда, Г. Димитрова, Г. Георгиу-Дежа, П. Тольятти, М. Тореза и М. Ракоши о предстоящем заседании Информбюро, предложив местом встречи «одну из южных областей Украины, что было бы удобным, по мнению ЦК ВКП(б), для большинства компартий». К середине июня вопрос о месте проведения совещания оставался открытым. В проекте письма М.А. Сулова от 14 июня 1948 г. югославам предлагалось явиться в Бухарест, «в ЦК Румынской рабочей партии к тов. Деж и получить направление к месту работы Информбюро». (РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 103. Л. 3, 5).

⁶ Гиренко Ю.С. Сталин – Тито. М., 1991. С. 388.

⁷ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 360. Л. 15.

⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 66. Д. 803. Л. 156.

⁹ Там же. Оп. 64. Д. 496. Л. 53–54.

¹⁰ См. подробнее: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002. С. 528.

¹¹ Там же. С. 529–530. Как вспоминал Н.С. Хрущев, И.В. Сталин во время встречи в Крыму с К. Готвальдом в сентябре 1949 г. также настаивал на активизации поиска врагов внутри КПЧ и весьма настойчиво предлагал пригласить для этого советников из СССР (Вопросы истории. 1994. № 6. С. 108–109).

¹² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1361. Л. 55.

¹³ См. подробнее: *Tripković D. Proces s R. Slanským – jugoslavský pohled // Politické procesy v Československu po roce 1945 a «případ Slanský»*. Brno, 2005. S. 87–88.

¹³ *Tripković D.* Op. cit. S. 88.

¹⁵ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Указ. соч. С. 534.

¹⁶ В действительности список арестованных был значительно больше (Там же. С. 534–535).

¹⁷ *Tripković D.* Op. cit. S. 88.

¹⁸ *Kaplan K. StB o sobe. Vypověď vyšetřovatele B. Doubka.* Praha, 2002. S. 110.

¹⁹ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 394. Л. 104.

²⁰ Там же. Л. 107.

²¹ Kaplan K. Op cit. S. 106–110.

²² Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1997. № 1. С. 24.

²³ С сожалением, ни чешские, ни российские исследователи не полагают на сегодняшний день материалами, которые раскрыли бы связи Сланского и его сторонников с Москвой. Трудно предположить, что Сланский не понимал ситуацию и не использовал свои возможности генерального секретаря для информации советского руководства, тем более что по партийной линии он имел прямой выход на Сталина.

1

Из дневника посла СССР в Чехословакии М.А. Сланна ¹.

Запись беседы с министром национальной обороны ЧСР А. Чепичкой ² о деятельности Р. Сланского ³ и Б. Геминдера ⁴ в ЦК КПЧ ⁵.

г. Прага. 19 июля 1951 г.

Сов. секретно

Чепичка посетил Совпосольство 19 июля и в беседе рассказал следующее.

Положение в компартии напряженное. Рядовые партийцы недоумевают по поводу затруднений в стране. Они хотели бы соответствующих выступлений со стороны работников ЦК КПЧ – Сланского, Франка ⁶, Бареша ⁷, Келлера ⁸, Геминдера, Копрживы ⁹ с разоблачениями врагов народа. Каждый честный коммунист помогает партии раскрыть вражескую работу, если он о ней что-либо знает. В ЦК КПЧ сидела Швермова ¹⁰ ряд лет со всеми перечисленными людьми. Армия, обкомы КПЧ, разведка, национальный вопрос были подчинены Сланскому, Секретариату ЦК КПЧ. Как теперь становится ясным из показаний – вражеская работа в КПЧ имела конкретных носителей. Сланскому об этом докладывалось, он почти всегда принимал единоличные или в составе указанного Секретариата ЦК решения. Теперь вся вражеская работа вскрывается. Казалось бы, первым долгом Сланского, Геминдера и других было пойти на Политсекретариат, пойти к Готвальду ¹¹, Запотоцкому ¹², выступить на за-

седаниях с сообщением о вражеской работе Швермовой, раскрыть все факты и случаи этой работы. Кому-кому, а Сланскому с Геминдером, все время работавшим с врагами Швермовой, Шлингом¹³, Райциным¹⁴, Заводски¹⁵, Швабом¹⁶, Смрковским¹⁷ и другими гестаповцами, есть что рассказать на Политбюро компартии. Однако никто из них, начиная со Сланского и кончая Геминдером, не только не выступили с разоблачением, но не помогают расследованию вражеской работы. В ЦК КПЧ имеются огромные архивные завалы с заявлениями рядовых партийцев и первичных организаций о фактах вредительства, шпионажа отдельных лиц и вражеских групп. Но Сланский и другие хранят молчание и не позволяют дотронуться до архивных материалов.

В понедельник 16 июля Копржива докладывал Готвальду следственные материалы на Сланского и Геминдера¹⁸. Готвальд был удручен, обижен тем, что Сланский вел себя так плохо и многое скрывал от Политсекретариата. Сланский почему-то покрывал вражескую работу. Здесь Чепичка оговорился, сославшись на Готвальда, что и враги, уже разоблаченные, могут оговорить, оклеветать Сланского¹⁹. Но факты, сообщаемые в материалах, убедительны. Чепичка привел два-три факта и примера, когда Сланский или Геминдер единолично прекращали дела вражеской работы, скрывали от партии большой важности дела²⁰.

На мой вопрос Чепичка сказал, что Геминдер – маленький работник, ограниченный политик, но берет на себя очень много. Готвальд не раз ругал Геминдера за превышение власти, но теперь это выглядит иначе. Геминдера в заграничной печати чехословацкой реакции часто ставят выше Готвальда. Как будто бы Геминдер руководит Готвальдом и партией. Геминдеру нравилось это сравнение, и он самолично решал такие дела, которые после обсуждения на ЦК КПЧ признавались сложными и поручались группе товарищей. Здесь Чепичка привел пример вражеской работы в Министерстве здравоохранения, которая прикрывалась Геминдером и велась с его согласия. Зам. министра здравоохранения Кригер враждебно настроен. У него есть группа врачей, проводящих вражескую работу. Когда на собрании парторганизации в Минздраве стали критиковать работу Кригера, то критику

заглушили ссылкой на то, что все согласовано с Геминдером, а его критиковать нельзя, ибо это значит критиковать ЦК КПЧ. Так две враждебные линии внешней и внутренней реакции совпадают на отношении к Геминдеру. Много необъяснимых ошибок у Геминдера и по работе с заграничными кадрами. Известно стало, что Лондона ²¹, помимо ЦК КПЧ и без ведома Готвальда, устроил в МИД ЧСР Геминдер. С Райциным Геминдер вместе дела обдeldывали и пьянствовали. Геминдер в быту распушен. Все это известно Сланскому. Однако Геминдера Сланский покрывает во всем, все ему доверяет, и даже живет Геминдер на вилле и даче у Сланского.

Далее Чепичка рассказал о том, что Сланский плохо работает в ЦК КПЧ потому, что у них в Секретариате нет плана работы. Секретариат ЦК КПЧ не имеет правила записывать решения. Он, Сланский, не знает, что он должен делать в этом месяце и что в будущем. Сланский, например, не создаст в ЦК военный отдел, крайне необходимый для Чехословацкой армии. Сланский не мотивирует это и не может сказать, когда же будет у них в ЦК военный отдел и будет ли он, потому что у Сланского нет перспективного плана работы, нет его и в отделах ЦК КПЧ.

Затем Чепичка рассказал о беспринципном поведении Сланского в двух случаях.

1. Готвальд спросил однажды Чепичку, каково его мнение об исключении из партии бывшего первого секретаря Оломоуцкого обкома КПЧ областной партконференцией за антипартийное поведение. Чепичка высказался за исключение, так как сам был по поручению ЦК КПЧ на этой конференции с докладом. Сланский же, зная решение областной партконференции, настаивал перед Готвальдом оставить в партии секретаря ОК. На Политсекретариате произошел разговор со Сланским. Последний упорствовал. Почему – непонятно. Потом через неделю Сланский заявил, что он был неправ, и согласился на исключение из КПЧ секретаря Оломоуцкого ОК.

2. На Политсекретариате поручили Сланскому разработать план политобеспечения развертывания военной отрасли промышленности. Сланского обижало то, что ему поручали и даже записывали в решении это поручение, он не хотел принять срока поручения. Наконец, согласился дать план к

1 июня. Однако лишь к 1 июля представил наброски того, что они хотели бы делать по обеспечению, а не план обеспечения. Сложилось впечатление, что Сланский не понимает своей роли и работы в партии, не обеспечивает ее и становится ее тормозом. В этом случае он также вел себя беспринципно.

Беседа длилась полтора часа.

Посол СССР в Чехословакии

М. Силин

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 610. Л. 103-107. Подлинник.

2

Из дневника временного поверенного в делах СССР в Чехословакии Кречотеня П.Г. ²². Запись беседы с министром информации В. Копецким ²³ об итогах сентябрьского пленума ЦК КПЧ и реорганизации руководящих органов партии ²⁴.

г. Прага. 18 сентября 1951 г.

Секретно

Встретился с Копецким по его просьбе. Копецкий сообщил, что уже подобран состав делегации чехословацких писателей, едущих в Советский Союз по приглашению Союза советских писателей. Делегация журналистов, едущая в Советский Союз по приглашению ВОКСа и ВЦСПС, также уже подобрана.

Затем Копецкий сообщил, что заседание президиума партии и пленум ЦК КПЧ, состоявшиеся в первой декаде сентября, имеют для партии и для страны историческое значение. Мероприятия по реорганизации партийных органов и государственного аппарата могли быть проведены лишь с помощью руководства ВКП(б) ²⁵. Мероприятия по реорганизации руководящих партийных органов и ликвидации двух центров в партии настолько назрели, что это чувствовали все. Кроме того, было необходимо перестроить практику подбора руководящих партийных и государственных кадров, а также прекратить вмешательство работников секретариата ЦК в работу министерств и подмену министров.

Существовавшая до сих пор система подбора кадров, практиковавшаяся Секретариатом ЦК, в том числе Сланским, была преступной. Выступая на Президиуме и на пленуме ЦК КПЧ, Копецкий так и заявил, что практика подбора кадров Секретариатом ЦК была преступной. До последнего времени все руководящие работники подбирались Секретариатом ЦК и представлялись на утверждение Президиуму партии. Но это утверждение носило скорее формальный характер, поскольку Президиум партии обычно собирался один раз в неделю на два часа. На повестке дня обычно имелось 15–20 вопросов, в том числе 5–10 вопросов кадровых. Следовательно, вся ответственность за подбор кадров ложилась на Секретариат ЦК и ген. секретаря Сланского.

Разоблачение Швермовой–Шлинга и последующие события показали, что кадры, рекомендованные Секретариатом на ответственные руководящие посты, оказались вражеской агентурой. В своем большинстве это были люди, жившие в Англии и находившиеся на службе в английской армии. Кроме того, эти люди были, как правило, космополитами. Достаточно сослаться хотя бы на такие факты, как состав бывших первых секретарей обкомов: Шлинг, Фукс, Ломский, Ланда, оказавшихся английскими шпионами²⁶. Все они жили в Англии, служили в английской армии, все космополиты. В МИДе на ответственной руководящей работе были люди, длительное время находившиеся на Западе. Такое же положение было в министерствах госбезопасности, национальной обороны, внутренних дел и т. д. Следовательно, здесь имели место не единичные факты, а целая система направления на руководящую партийную и государственную работу людей, живших на Западе и, безусловно, враждебных народно-демократическому режиму.

Копецкий очень резко отзывается о бывшем Секретариате ЦК КПЧ. Сланский и его сторонники в ЦК оторвались от партии, оторвались от народа, они не знали, чем живет народ, и не интересовались этим. Было наглядно видно, как Сланский, Бареш и др. отрывались от партии, от других членов Президиума партии. У них появилось высокомерие, чванство, другие интересы.

31 июля Сланский отмечал 50-летие со дня рождения.

Копецкий и Нееды ²⁷ случайно попали к Сланскому на день рождения и были удивлены тем, что у Сланского не было никого из тех партийных работников, с которыми Сланский основывал партию и прошел 30-летний путь. Здесь были Бареш, Франк, Гендрих ²⁸, Геминдер и др. Копецкий и Нееды, побыв некоторое время в этой среде, почувствовали, что у них нет ничего общего с этими людьми, что это совершенно чужой мир, иные взгляды, иные представления. Так себя чувствовали в среде этих людей не только Копецкий или Нееды, потому что это было не случайное явление, поскольку вся эта группа противопоставила себя ЦК, Президиуму партии, видным деятелям партии. В то же время эта группа возомнила себя хозяином в партии, и видные деятели партии чувствовали, как эта группа оттирает их от руководства и как они (Копецкий, Нееды, Дюриш ²⁹ и др.) постепенно становились людьми 3 и 4 разряда. Аппарат Секретариата ЦК КПЧ постепенно превратился в инородное тело партии. Работники, сидевшие в аппарате ЦК, в своем большинстве не знали чешского языка, не знали и не понимали чешский народ. Эти люди никогда искренне не любили Советский Союз, и им было безразлично, кому служить.

Лично у себя, в Министерстве информации, Копецкий убедился, какие кадры присылал Секретариат ЦК. Сланским и Швермой в Министерство информации был прислан заместитель министра по кадрам Гушек. Обычно Секретариат во всех министерствах на кадрах имел своих людей. После того как Гушек был арестован, выяснилось, что Гушек – старый провокатор, связан с американцами. Копецкий на Президиуме партии спросил Сланского и Бареша, давно ли они знали, кто такой Гушек. Но ни Сланский ни Бареш ничего вразумительного не могли ему ответить.

За то, что на руководящих постах в партии, органах безопасности, МИДе, Министерстве национальной обороны оказались враги, полную ответственность несет Секретариат ЦК. Весь вопрос заключается только в том, что это была беспечность или же это была сознательная линия на расстановку вражеской агентуры. Будущее покажет, как Сланский оправдает доверие партии, сумеет ли по-партийному исправить свои ошибки. Его работа на посту зам. премьеры и будет для

него такой проверкой.

Далее Копецкий сообщил, что аппарат ЦК КПЧ был чуть ли не единственным учреждением, которое до сих пор не заимствовало советский опыт, опыт работы аппарата ЦК ВКП(б). Секретариат ЦК в построении и организации партийного аппарата все экспериментировал, и теперь за эти эксперименты приходится расплачиваться, поскольку игнорирование советского опыта рано или поздно дает весьма ощутительные, не только организационные, но и политические результаты.

Вр. поверенный в делах СССР в Чехословакии

П. Крекотень

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 33. П. 191. Д. 16. Л. 69–72. Подлинник.

3

Из дневника П.Г. Крекотеня. Запись беседы с А. Чепичкой о Р. Сланском, ходе следствия по делу Швермовой – Шлинга³⁰ и о работе органов госбезопасности ЧСР³¹.

г. Прага. 10 октября 1951 г.

Секретно

Посетил Чепичку в здании Министерства национальной обороны по его просьбе.

В беседе Чепичка сообщил, что обновление кадров в аппарате ЦК идет медленно. Объясняется это тем, что Готвальд не знает людей, а ему подбирают и рекомендуют преимущественно тех работников, которые работали со Сланским, Барешем, Геминдером. Так, например, после освобождения Геминдера была рекомендована зав. международным отделом Барамова, работавшая до этого заместителем заведующего отделом кадров в ЦК КПЧ.

Во многих первичных парторганизациях, где обсуждается письмо ЦК о сентябрьском пленуме ЦК КПЧ, критикуют Сланского и спрашивают, почему Сланскому после допущенных им ошибок поручили такой ответственный пост в Совете Министров и в руководящих партийных органах. Многие члены партии спрашивают на партсобраниях, не являются ли ошибки Сланского в вопросе засорения кадров вражески-

ми элементами сознательно проводимой линией.

О позиции, занимаемой Сланским сейчас, пока трудно сказать что-либо определенное. На заседаниях Политсекретариата и Президиума партии Сланский обычно отмалчивается и не отвечает ни на вопросы, ни на критику его работы. Так, например, когда, после приезда тт. Громова и Шаталина ³², на Президиуме ЦК КПЧ утверждалась новая структура аппарата ЦК, то Кроснарж ³³, Копецкий и Давид ³⁴, критикуя Сланского, спрашивали его, почему еще в 1945 году не была принята структура ЦК ВКП(б). На их выступления Сланский ничего не ответил.

По мнению Чепички, Сланского переоценили как руководителя, в действительности же он – посредственный работник. Сланский, которому поручена в Совете Министров координация работы хозяйственных министерств, до сих пор не только не занимается этой работой, но даже не организовал работу своего аппарата. Хотя Готвальдом и поручено Сланскому заняться вопросами повышения добычи угля, так как добыча угля все падает и ниже уровня прошлого года, Сланским по этому вопросу практически ничего не сделано. Так же было и с картофелем. На Политсекретариате Сланскому и Крайчиржу в связи с тем, что урожай картофеля ниже прошлогоднего и кулаки начинают скупать картофель для откармливания скота, было поручено разработать конкретные мероприятия по этому вопросу. Прошло около трех недель, а Сланский ничего не сделал, что привело к тому, что значительное количество картофеля было скормлено скоту и зажиточные группы населения сделали большие запасы картофеля. Затяжка с введением карточек на картофель по вине Сланского привела к тому, что теперь населению будет выдано только по 50 кг на человека на весь сезон. Это вызывает недовольство рабочих, которые указывают, что даже в период оккупации население получало по 75 кг картофеля на человека. Если бы Сланский своевременно, после указания Готвальда, разработал необходимые мероприятия, то можно было бы выдать населению по 75–80 кг картофеля на человека, но теперь это уже нельзя сделать.

Затем Чепичка сообщил, что органы госбезопасности очень медленно ведут следствие по делу Швермовой – Шлин-

га. Почти уже полтора месяца Копржива не докладывает Готвальду о ходе следствия. Кроме того, что следствие идет очень медленно, по мнению Чепички, оно находится не на правильном пути, особенно по делу Райцина. Райцин сознался, что он был агентом американцев. Но Чепичке известны и другие важные факты относительно вражеской деятельности Райцина. Начальник Генштаба Чехословацкой армии Прохазка заявил, что группа Райцина была тесно связана уже с 1945 года с югославами, в частности, в последнее время с югославским военным атташе в Праге Ристичем. По словам Прохазки, югославы были хозяевами в Министерстве национальной обороны, в Генштабе, Военно-техническом институте и имели доступ к самым секретным документам и изобретениям. Эти факты известны и органам госбезопасности, но следствие почему-то по этому вопросу не ведется. По мнению же Чепички, основная вражеская группировка – это группировка Райцина, связанная с югославами. Видимо, через эту группировку были связаны с югославами и руководящие партийные работники. Однако органы госбезопасности по неизвестным Чепичке причинам в этом плане не ведут следствия, а Райцин якобы заявил, что у него не было никаких связей с югославами. Уже установлено, что по заданию Райцина чехословацкие военные атташе в странах народной демократии занимались шпионажем в пользу югославы и американцев. Однако почему-то никто из военных атташе до сих пор не арестован.

Далее Чепичка сообщил, что серьезное беспокойство вызывает деятельность в Чехословакии еврейской общины. Многие факты говорят о том, что еврейская община была тесно связана с сионистами, югославскими и англоамериканскими разведчиками. В период оккупации немцы конфисковали в Чехословакии на сотни миллионов имущества и ценностей у евреев. Управление этим имуществом немцы поручили группе евреев, которая с ними сотрудничала. После освобождения Чехословакии все это имущество перешло в собственность еврейской общины. Характерно, что никто из евреев, сотрудничавших с немцами, не был привлечен к судебной ответственности за коллаборационизм.

Уже после февральских дней 1948 года руководство Национального фронта пыталось установить, какими ценно-

стями и средствами располагает еврейская община, однако Секретариат ЦК КПЧ взял под защиту еврейскую общину и не разрешил провести это мероприятие. Теперь выясняется, что имущество и ценности на сотни миллионов крон исчезли неизвестно куда, скорее всего, были переправлены за границу. Еврейская община проводила крупные махинации с имуществом евреев в период национализации и практически препятствовала национализации этого имущества.

С еврейской общиной тесно был связан Райцин, некоторые работники из аппарата Секретариата ЦК КПЧ и др. Установлено, что Райцин организовал на Мораве из евреев вооруженную группу в несколько сот человек для посылки ее в Израиль во время войны Израиля с арабскими государствами. Сейчас трудно установить, уехала ли эта группа в Израиль и была ли она предназначена для этой цели. Не исключено, что эта группа Райциным и Шлингом готовилась для использования в путчистских целях. Также есть основание предполагать, что оружие, отправляемое из Чехословакии в Израиль, попадало в Югославию. До сих пор все еще не установлено, куда исчезли денежные суммы от продажи Чехословакией Израилю оружия. Суммы эти достигают нескольких сот миллионов крон. Следствием уже выяснилось, что Райцин имел в своем распоряжении самолет и пользовался им без всякого контроля для поездок за границу. Чепичка считает, что израильская миссия в Праге была тесно связана с Райциным и другими врагами и является одним из важнейших центров шпионажа в Чехословакии.

Далее Чепичка сообщил, что в аппарате ЦК имеется много евреев. Объясняет это Чепичка тем, что бывшее руководство Ген. секретариата ЦК поддерживало евреев при направлении их на работу в аппарат Секретариата ЦК. Так, например, секретарь ЦК Франк при направлении на работу в аппарат ЦК одного партийного работника заявил ему: «Ты теперь дважды наш». Когда же этот работник спросил Франка, как это понимать, то Франк ему заявил: «Ты наш как еврей и как коммунист». Когда же коммунист сказал Франку, что он не еврей, то Франк вначале растерялся, а затем все дело свел в шутку.

Далее Чепичка сообщил, что Геминдер сейчас работает

в радиокомитете. Пока каких-либо политических обвинений к Геминдеру предъявить нельзя. Правда, бывший зам. министра иностранных дел Лондон ссылается в своих показаниях на связи с Геминдером и указывает, что Геминдер – старый троцкист, о чем Лондону известно по Парижу, где Лондон некоторое время находился с Геминдером, но все эти факты еще нуждаются в дополнительной проверке.

Вр. поверенный в делах СССР в Чехословакии

П. Крекотень

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 610. Л. 177–181. Подлинник.

4

Из дневника советника посольства СССР в Чехословакии Тараканова Н.Я. Запись беседы с секретарем ЦК КПЧ А. Новотным³⁵ об откликах в стране на арест Р. Сланского³⁶.

г. Прага. 29 ноября 1951 г.

Секретно

На приеме в Албанской миссии 29/XI–51 года секретарь ЦК КПЧ Новотный в беседе сообщил мне, что со всей страны поступают резолюции, в которых одобряется арест Сланского³⁷. Резолюции принимаются на собраниях, на партийных активах областных, районных и на заводских собраниях. На сегодняшний день, заявил Новотный, ЦК получил свыше 300 таких резолюций. В некоторых резолюциях выражается удивление, почему Сланский не был разоблачен после последнего пленума, когда его освобождали из ЦК КПЧ.

Далее Новотный подчеркнул, что коммунисты благодарят ЦК за быстрое сообщение об аресте Сланского. Это тем более приятно, заявляют рабочие, что такое важное сообщение мы получили своевременно от партии, а не от вражеской пропаганды. Новотный рассказал в связи с арестом Таусиговой³⁸ о том, что они сегодня проверяли с представителем госбезопасности ее документы. По сведениям работников аппарата Таусиговой, сказал Новотный, за последние дни Таусигова усиленно расчищала свои документы, многие из которых неизвестно куда исчезли. Тем не менее из взятых у нее документов видно, что Сланский совместно с Таусиговой вел

вражескую работу параллельно Шлингу-Швермовой. На мой вопрос, есть ли связь между их вражеской деятельностью, Новотный ответил утвердительно. Новотный много говорил о том, что ему очень трудно работать в ЦК КПЧ, где нельзя полностью доверять аппарату. Первая проверка аппарата была малоэффективна. Сейчас Готвальд дал указание еще раз проверить всех, кто работает в аппарате ЦК КПЧ. В какой форме будет проводиться эта проверка, он еще не знает. На мой вопрос, чем он объясняет малую эффективность первой проверки, Новотный ответил: «Причин много, а главное это то, что я один в ЦК и не имею возможности за всем усмотреть сразу».

О положении в Брно Новотный сообщил, что сейчас там все спокойно. Основная причина всех событий, сказал он, заключается в том, что рабочие не были подготовлены к этому решению правительства. Во время событий партийный актив занимал пассивную роль. Сейчас в Брно проведены собрания областного партийного актива, районных активов и общих собраний коммунистов на заводах. На заводских партийных собраниях коммунисты выражают большое недовольство тем, что их своевременно не информируют по важнейшим вопросам, поэтому часто они не знают, как правильно реагировать.

Новотный сказал, что сейчас ЦК КПЧ проверяет факт сообщения в «Руде право» об издании трудов Сланского. Сланский очень торопился с этим изданием, главным образом, потому, говорит Новотный, что должен был получить за это 1 млн. 200 тыс. крон денег. В частности, в субботу (24/XI-51 г.) жена Сланского получила первые 200 тыс. крон.

Советник посольства СССР в Чехословакии   Н. Тараканов

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 33. П. 191. Д. 16. Л. 197–198. Подлинник.

5

Из дневника П.Г. Крекотеня. Запись беседы с секретарем ЦК КПЧ А. Новотным о ходе декабрьского пленума ЦК КПЧ ³⁹

г. Прага. 7 декабря 1951 г.

Секретно

Встретился с Новотным по своей инициативе в помещении ЦК. В беседе Новотный сообщил, что пленум ЦК КПЧ,

состоявшийся 6 декабря, на котором присутствовали секретари обкомов, единодушно одобрил решение об аресте Сланского.

На пленуме с докладом выступил Готвальд. По докладу Готвальда выступили свыше 20 человек, преимущественно старые члены партии. Хотя Готвальд в докладе затронул два вопроса – разоблачение иностранного агента Сланского⁴⁰ и задачи партии в связи с разоблачением вражеской, антипартийной работы Сланского, большинство выступавших говорили о преступной деятельности Сланского в различных отраслях политической и экономической жизни страны. Готвальд попросил первыми выступить членов ЦК Бареша, Гендриха и Франка, работавших вместе со Сланским.

Выступление Бареша, под словам Новотного, было самокритичным. Бареш признал, что Сланский готовил заговор в самом сердце партии, в ЦК КПЧ, опираясь на агентуру иностранных разведок. Бареш якобы заявил, что несмотря на допущенные им – Барешем – ошибки, он считал себя честным коммунистом. Однако на поверку оказалось, что он фактически помогал Сланскому обманывать партию, поскольку поддерживал и защищал авторитет изменника Сланского.

Далее Бареш в своем выступлении указал, что методы партийной работы Сланского и Швермовой привели фактически к ликвидации первичных парторганизаций в Остравской области и в некоторых других областях.

Характеризуя стиль работы Сланского, Бареш отметил, что Сланский все вопросы кадров решал самостоятельно, ни с кем не советуясь и не согласовывая. Вопросы армии, органов безопасности, внешней политики, а также важнейшие экономические вопросы Сланским никогда не ставились на обсуждение ни Секретариата, ни Президиума партии.

Выступление Гендриха, хотя и в меньшей мере, но также было самокритичным. Гендрих в своем выступлении указал, что Сланский при поддержке Швермовой всячески тормозил использование опыта работы ВКП(б) чехословацкой компартией. Предложения о посылке в Советский Союз руководящих партработников для изучения опыта и методов работы ВКП(б) Сланский под различными предлогами оттягивал. Сланский всячески стремился к популяризации своей

личности и принимал все меры к тому, чтобы его везде считали первым лицом после Готвальда, а свою функцию приравнивал к функции начальника Генштаба.

Франк в своем выступлении хотя и привел несколько фактов о вражеской деятельности Сланского, но в целом его выступление было несамокритичным, путаным и не удовлетворило участников пленума.

В заключительном слове Запотоцкий указал, что Таусигова (секретарь партийной контрольной комиссии) помогала Сланскому деморализовать партию; через Таусигову Сланский был связан с органами безопасности, в частности, с зам. министра Вина и начальником отдела государственной безопасности Гора, которые информировали Сланского по всем вопросам. Новотный считает, что Вина и Гора давали Сланскому копию всех материалов, которые подготавливались ими для Копрживы. Накануне ареста Таусиговой Вина и Гора посетили Таусигову в ее кабинете, в помещении ЦК КПЧ, и унесли от нее два портфеля материалов. Новотному известно, что Таусиговой подбирались материалы на всех членов Президиума ЦК КПЧ, в том числе на Запотоцкого. Однако после ареста Таусиговой большое количество материалов, находившихся в сейфе Таусиговой, исчезло.

Затем Новотный сообщил, что Таусигова имела тесные связи с группой троцкистов, группирующихся вокруг Влака, Черного и Грубого ⁴¹. С этой же группой был связан и видный троцкист Милан Рейман ⁴². Рейман занимал руководящие посты в промышленности и профсоюзах. В последнее время Рейман работал начальником канцелярии Запотоцкого. В октябре 1949 года Рейман был арестован, и в том же году Рейман в тюрьме повесился.

Члены группировки Влака, Черного насаждали своих людей на руководящие посты в промышленности и в профсоюзах. Так, например, Питгарт и сейчас работает заместителем министра тяжелого машиностроения, Плугарж – в главке керамической промышленности, Фукотко ⁴³ – председателем смешанной чехословацко-советской торговой палаты и зав. одним из отделов Госплана. Влак и Грубый – также руководящие работники промышленности, а Черный – профессор Высшей школы политических и экономических наук.

В связи с разоблачением Сланского к Новотному поступили компрометирующие материалы на министра юстиции Райса. Работая в канцелярии президента республики начальником политического отдела, Райс встречался с Фильдом (помощник Даллеса по разведке в Швейцарии в годы второй мировой войны) во время приезда последнего в Чехословакию и снабжал его важной информацией. Вопрос о Райсе уже обсуждался партийной контрольной комиссией, но комиссия Райса реабилитировала, мотивировав это тем, что Райсу в то время было не известно, что Фильд разведчик.

Новотный считает, что дело Райса придется вновь пересмотреть.

В ЦК имеется также ряд заявлений на министра внешней торговли Грегора. В этих заявлениях указывается, что Грегор был своевременно информирован о вражеской деятельности некоторых лиц во Внешторге, но он не предпринял никаких мер для пресечения их подрывной работы.

Серьезные обвинения имеются также против секретаря ЦК КПЧ Франка ⁴⁴.

Франк был информирован об актах саботажа и вредительства, осуществляемых группой лиц в экономике, но не предпринимал против ликвидации этой группировки никаких мер и не поставил об этом в известность руководство ЦК КПЧ.

Советник посольства СССР в Чехословакии

П. Крекотень

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 33. П. 191. Д. 16. Л. 233–236. Подлинник.

6

Из дневника П.Г. Крекотеня. Запись беседы с В. Копецким о его выступлении на декабрьском пленуме ЦК КПЧ ⁴⁵.

г. Прага. 13 декабря 1951 г.

Секретно

Посетил Копецкого в Министерстве информации по своей инициативе. Копецкий в беседе сообщил, что, выступая на декабрьском пленуме, он попытался в своем выступлении установить связи между раскрытой вражеской груп-

пой Сланского, Райцина, Геминдера и сионистами. По мнению Копецкого, враждебная деятельность группы Сланского может быть понята только в свете ее связей с сионистами, деятельность которых в Чехословакии была очень активной.

Ни органы безопасности, ни руководство ЦК КПЧ не занимались расследованием подрывной деятельности сионистов в Чехословакии, что, безусловно, способствовало укреплению позиций сионистов в политической и экономической жизни Чехословакии. После освобождения Чехословакии и особенно после февраля 1948 г. сионисты, бывшие в период оккупации в Англии, насаждали своих людей на руководящие посты. Председатель экономической комиссии ЦК КПЧ Фрейка ⁴⁶ (в настоящее время работает в канцелярии президента республики) и Гольдман ⁴⁷ (в настоящее время зам. председателя Госплана) насаждали сионистов в промышленности, внешней торговле, планировании. Сионисты имели в своих руках руководящие посты в армии – Райцин, Копольд, Ломский и др., в органах безопасности, МИДе.

В период оккупации немцы конфисковали в Чехословакии на крупные суммы еврейское имущество. Во главе «Еврейского национализированного фонда» немцы поставили евреев-коммунистов, которые честно служили немцам. После освобождения Чехословакии лица, работавшие в этом фонде, в своем большинстве были сионисты и оказались на руководящей работе в МИДе. Так, например, Фишль был главой чехословацкой миссии в Берлине. Сейчас Фишль арестован. Особенно много сионистов было в аппарате ЦК КПЧ. Все эти лица были выходцы из семей крупной буржуазии и были чужды партии и народно-демократическому режиму.

Сионисты установили тесные связи с западными кругами и Израилем и всячески препятствовали укреплению сотрудничества Чехословакии с Советским Союзом. Факты подрывной деятельности сионистов были известны отдельным коммунистам, но, боясь обвинения в антисемитизме, знавшие об этом молчали. Копецкий считает, что сионисты имели тесные связи с израильской миссией в Праге. Хозяин виллы, арендуемой у него израильской миссией под служебное помещение, заявил органам безопасности (хозяин этой виллы арестован), что Райцин часто посещал израильскую миссию.

Далее Копецкий сообщил, что польский посол в Чехословакии Грош имел тесные связи с Геминдером и все вопросы решал через Геминдера, обходя МИД. Затем Копецкий сообщил, что его недавно посетила директор агентства «Телепресс» Котятко и информировала его о тяжелом финансовом состоянии «Телепресса». Поляки, венгры не оказывают никакой помощи «Телепрессу», хотя и пользуются его материалами. Котятко [сказала, что] якобы советские товарищи рекомендовали обратиться за помощью к Копецкому. В связи с обращением Котятко Копецкий дал указание отпустить «Телепрессу» миллион крон. Копецкий заявил далее, что если необходимо, то «Телепрессу» Министерством информации будет оказана помощь – будут проверены кадры «Телепресса», учитывая засоренность их, будет проверена и директор «Телепресса» Котятко.

Я уклонился от дачи каких-либо советов или рекомендаций, касающихся работы «Телепресса».

Советник посольства СССР в Чехословакии

П. Крекотень

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 34. П. 207. Д. 17. Л. 20–22. Подлинник.

7

Из дневника П.Г. Крекотеня. Из записи беседы с А. Новотным об откликах в стране на арест Р. Сланского и ситуации в Брненской краевой организации КПЧ ⁴⁸.

г. Прага. 26 декабря 1951 г.

Секретно

[...] Затем Новотный сообщил, что он получает много писем от рядовых членов партии и руководящих работников, в которых приводятся факты о вражеской работе клики Сланского – Таусиговой и людей, имевших с ними тесные связи. Поскольку Новотный один не сможет справиться с работой по расследованию всего этого материала, да к тому же и не имеет для этого полномочий ЦК, он предложил Готвальду создать по этому вопросу специальную комиссию, которая занялась бы тщательным расследованием связей, идущих от Сланского – Швермовой к другим лицам. Решение Готвальдом по этому вопросу еще не принято.

Далее Новотный сообщил, что в Брно еще не ликвидированы остатки шланговщины, бывших троцкистов и других враждебных группировок. Все эти группировки имеют позиции в горкоме и райкомах Брно. Кроме того, среди членов областного комитета КПЧ имеется много политически неблагонадежных людей. Недавно органами безопасности было перехвачено письмо некоего Феликса (кто скрывается под этим именем, пока еще не установлено) к ассистенту Брненского университета Тыгликовой. Содержание этого письма показывает, что его автор очень информированный человек. В письме, в частности, приводятся некоторые факты, как, например, о вражеской деятельности некоторых работников Брненского обкома, о которых известно не более 5–6 лицам из ЦК КПЧ.

По мнению Новотного, автор письма принадлежит к одной из вражеских группировок гор. Брно, однако факты, сообщаемые им в письме, по мнению Новотного, правдивы. Автор письма указывает, что после сентябрьского пленума ЦК КПЧ, когда группа Сланского была фактически разоблачена как центр, руководивший вражеской деятельностью, было приступлено к созданию новых запасных центров по руководству вражеской агентурой. Такие центры могли быть созданы в Госплане вокруг Гольдмана или же во Внешторге вокруг Марголиуса ⁴⁹, в Братиславе или Брно.

Новотный считает, что, в связи с реорганизацией министерств, из аппарата ЦК КПЧ после сентябрьского пленума было послано много людей в министерства, чем могла облегчиться обстановка создания новых центров вражеской агентуры.

В письме далее даются указания членам обкома, горкомов и райкомов о том, как нужно работать после декабрьского пленума ЦК КПЧ, и делаются критические замечания по докладу Готвальда на декабрьском пленуме ЦК. Письмо Феликса направлено по адресу (с письма снята фотокопия), а Тыгликова взята под наблюдение. О содержании письма Феликса знают лишь несколько лиц. Новотный придает большое значение этому письму, так как предполагает, что факты, приводимые в письме, могут привести на след новой вражеской группировки.

Далее Новотный сообщил, что им получено письмо двух

работников Пражского областного отдела безопасности, в котором они сообщают о засоренности врагами центрального аппарата Министерства безопасности и особенно областных и районных отделов. Авторы письма указывают, что они не хотели бы, чтобы это письмо попало в Министерство безопасности.

В последнее время стали известны новые факты о гестаповских методах, применявшихся работниками партийной контрольной комиссии для получения компрометирующих материалов на лиц, не угодных партийной комиссии. Так, например, в июне 1951 г. работники партийной контрольной комиссии выезжали в Братиславу, где с помощью сотрудников органов безопасности допрашивали членов партии.

Затем Новотный сообщил, что в Союзе молодежи тяжелое положение. Председатель Союза Гейзлер⁵⁰ – человек Геминдера и Швермовой. Вопрос об освобождении Гейзлера уже предрешен. Председатель Международного союза студентов Громан – также фигура политически неблагонадежная. По словам Новотного, отношения между Барешом и Копецким натянутые. Бареш на декабрьском пленуме ЦК заявил, что его позиция в области культуры была ошибочной и он был неправ, нападая на Копецкого. Сейчас Бареш предлагает Копецкому встретиться с ним и обсудить вопросы развития культуры в Чехословакии, но Копецкий не хочет встречаться с Барешом.

Затем Новотный сообщил, что в 1949 году был арестован зав. военным отделом Пражского обкома Бенда как агент Тито. При выходе из помещения ЦК КПЧ Бенда был обыскан, и в его портфеле были найдены агентурные данные, адресованные югославскому посольству. Сейчас якобы выясняется, что Бенда был в ЦК КПЧ на заседании военной комиссии, где ему и подсунили в портфель эти материалы с целью его скомпрометировать, поскольку Бенда располагал данными о шпионской работе Райцина.

Советник посольства СССР в Чехословакии

П. Крекотень

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 31. П. 207. Д. 17. Л. 15–19. Подлинник.

Из дневника посла СССР в Чехословакии Лаврентьева А.И. ⁵¹.
 Запись беседы с К. Готвальдом о ходе следствия по делу Сланского,
 о необходимости мер по пресечению радиопропаганды Запада ⁵².

г. Прага. 15 января 1952 г.

Сов. секретно

1. Готвальд сообщил, что Сланский дает показания о том, что, будучи ответственным секретарем ЦК, он проводил вражескую работу, исходя из своих оппортунистических установок. Но при этом, как заметил Готвальд, Сланский еще пытается утверждать, что он эту работу проводил без сознательно-предательских намерений.

На квартире у Сланского, после его ареста, была обнаружена в большом количестве троцкистская литература. И когда эта литература была предъявлена в качестве обвинения Сланскому, то последний вынужден был признать, что еще в 1927 году он разделял троцкистские взгляды по китайскому вопросу. Об этом, сказал Готвальд, руководству компартии совершенно ничего не было известно.

2. Касаясь клеветнической пропаганды западного радио о якобы намечающейся денежной реформе в Чехословакии, Готвальд сказал, что в торговле сейчас наступает некоторая стабилизация. Население уже покупает товары с выбором. Западное радио более сдержанно преподносит свою клевету. Видимо, организаторы этой кампании опасаются того, что, в конечном счете, они могут потерять всякое влияние на определенные слои чехословацкого населения, поскольку население убедится в том, что распространяемые сообщения западного радио о предстоящей реформе являются ложью.

Я спросил Готвальда, какая категория населения больше всего поддавалась на эту лживую пропаганду. Готвальд ответил, что в значительной части это относится к крестьянству. У крестьян деньги имеются. Имеются деньги также и у бывших предпринимателей, торговцев и спекулянтов. Но он считает нецелесообразным проводить денежную реформу, ибо это не даст серьезных улучшений в деле снабжения. Примером этому может служить проведенная денежная реформа в Польше в 1950 году. Несмотря на реформу, Польша продолжает испытывать серьезные затруднения в торговле и снабжении.

В связи с этим я сказал, что результаты денежной реформы зависят от того, какие цели будут поставлены при ее проведении. Можно денежную реформу провести так, что вся тяжесть ее падет на имущих. Лишение денег бывших предпринимателей, торговцев и спекулянтов, несомненно, может оздоровить финансовое состояние страны и благотворно сказаться на ее экономическом положении⁵³. Готвальд на это ничего не ответил.

3. Я информировал Готвальда о том, что правительства стран народной демократии обратились к Советскому правительству с просьбой оказать помощь при проведении мероприятий по глушению радиовещаний Запада. Советское правительство решило оказать помощь странам народной демократии. По этому вопросу я говорил с Широкиным. В соответствии с договоренностью прибыл сюда представитель Министерства связи СССР, который совместно с радиокомитетом Чехословакии уже разрабатывает соответствующие мероприятия. Готвальд спросил, когда прибыл в Прагу советский представитель. Я ответил, что советский представитель Жаров вступил в контакт со Шталем⁵⁴ 11 января. Готвальд сказал, что это дело важное, и его надо провести в жизнь как можно быстрее.

Встреча с Готвальдом состоялась в Праге. Готвальд сказал, что до лета он уже больше не поедет в Ланы и приступает здесь к работе в соответствии с предписанным врачами режимом дня. При выходе от Готвальда встретил в его приемной Золтана Ваши, председателя плановой комиссии Венгрии. Видимо, Ваш приехал с каким-то поручением от Ракоши.

Посол СССР в Чехословакии

А. Лаврентьев

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 34. П. 207. Д. 14. Л. 23—25. Подлинник.

9

Из дневника А.И. Лаврентьева. Запись беседы с К. Готвальдом о попытке Р. Сланского покончить жизнь самоубийством⁵⁵.

г. Прага. 6 февраля 1952 г.

Сов. секретно

1. Готвальд сообщил, что он дал указание об аресте Фрейки – зав. экономическим отделом его канцелярии. За-

падное радио стало упорно распространять сообщение о том, что Фрейка арестован, хотя он еще не был уволен с работы. Такие сообщения можно было понимать как сигнал Фрейке. Кроме того, Сланский показал, что во всех экономических затруднениях страны повинен Фрейка.

2. Готвальд рассказал, что несколько дней тому назад Сланский пытался покончить жизнь самоубийством. Сланский задумал это дело очень хитро. Однажды во время допроса Сланский заявил следователю, что у него разболелся живот и что он просит следователя проводить его в туалетную комнату. В кабинете допрашивал Сланского лишь один следователь. Желая убедиться в том, что в коридоре не имеется других арестованных, следователь приоткрыл из кабинета в коридор дверь. Этим обстоятельством воспользовался Сланский и вытолкнул следователя из кабинета. Сланский запер комнату на ключ и бросился к портфелю следователя, остававшемуся в кабинете, полагая, что там он найдет пистолет. После того, как пистолета не обнаружил, Сланский сорвал провод от электрозвонка и пытался удавиться. Но Сланскому это не удалось, поскольку дверь была вовремя взломана. Готвальд добавил, что эта попытка Сланского покончить [жизнь] самоубийством лишний раз подтверждает то, что Сланский крупный враг. На мое замечание, что, видимо, следователь отступил от обычных правил следствия, Готвальд сказал, что, несомненно, следователь здесь проворонил и что он не имел права проводить дознание один. Во всяком случае, в комнате следствия должен был находиться другой человек.

3. Далее Готвальд сообщил, что на прошлой неделе Президиум ЦК освободил от обязанностей секретаря ЦК Гендриха. Секретарем ЦК назначен Вода (Пекса)⁵⁶, который сейчас находится на лечении в Москве. До этого он работал представителем КПЧ в редакции «За прочный мир, за народную демократию». Из Президиума ЦК, как сообщил Готвальд, выведен Эрбан⁵⁷ и в состав Президиума введен Гарус, нынешний министр госконтроля и председатель партийной контрольной комиссии.

Посол СССР в Чехословакии

А. Лаврентьев

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 34. П. 207. Д. 14. Л. 67–68. Подлинник.

Из дневника А.И. Лаврентьева. Запись беседы с секретарем ЦК КПЧ Б. Пекса (Вода) о состоянии идеологической работы ⁵⁸.

г. Прага. 15 марта 1952 г.

Секретно

Сегодня в Посольстве имел встречу с Пекса.

1. Касаясь вражеской работы клики Сланского на идеологическом фронте, Пекса сказал, что враги стремились снизить идеологический уровень партии, тем самым рассчитывая на то, что при таких условиях они могут проводить различные вражеские мероприятия. Показательно то, что в Уставе партии сказано, что партия опирается на марксизм, хотя совершенно очевидно, что нужно было бы сказать, что партия в своей работе руководствуется марксистско-ленинским учением.

Враги, в частности Фрейка ⁵⁹, развивали такую «теорию», хотя это делалось только намеками, что народно-демократический режим является особой общественной формацией. Фрейка и его сподвижники пытались этим обосновать «особый путь развития» Чехословакии и других стран народной демократии ⁶⁰. Фрейка развивал и такое положение, что фашизм не появился бы, если бы не было Советского Союза.

Организационное построение партии не имеет ничего общего с большевистскими принципами построения партии. Созданием территориальных ячеек фактически сведен был на нет производственный принцип организации партии. К тому же в партии насчитывается около 200 тыс. выходцев из социал-демократической партии и около 100 тыс. выходцев из национал-социалистической партии ⁶¹. Партия засорена домашними хозяйками, дворниками и др. Все члены партии, которые были объединены в организации по производственному принципу, обязаны были вставать на учет также и в местных партийных организациях. Центр тяжести партийной работы, таким образом, переносился в территориальные организации.

Перед нами, сказал Пекса, после закрытия журнала «Творба» стоит очень важная задача – создать теоретический орган партии наподобие «Большевика». Журнал «Новая мысль», издаваемый Социалистической академией, не отвечает тре-

бованиям теоретического органа. Статьи, помещаемые в этом журнале, академичны, далеки от актуальных вопросов партийной и внутривластной жизни. Работа самой Академии также построена в отрыве от жизни, хотя там и бывают доклады на различные темы. Пекса полагает, что Социалистическую академию нужно будет преобразовать по образцу существующего в Советском Союзе Общества по распространению политических и научных знаний.

Пекса заметил, что он фактически 4 года не был в Чехословакии и несколько оторвался от жизни в стране. Но, приступив к работе, он видит, сколько вопросов требуется разрешить на теоретическом фронте, в области партийного просвещения, организации школьного образования, высшего образования и т. д. Аппарат ЦК и, в частности, руководящие работники отдела агитации и пропаганды, не заслуживают доверия. Пекса в качестве примера назвал Цисаржа⁶² – зав. отделом агитации и пропаганды, Реймана – работника этого отдела, ведающего вопросами издательства⁶³. Отец Цисаржа был крупным деятелем национал-социалистической партии. Сам Цисарж получил образование во Франции. Вступил в партию после освобождения, приехал из Лондона. Цисарж очень ловок, изворотлив, но политически не заслуживает доверия.

Пекса полагает, что Рейман – выходец из немецких евреев. Он жил раньше в Судетской области, приехал также из Лондона. Рейман пытался направлять и руководить искусством, литературой, историей и т. д., не имея для этого нужных знаний. (Рейман даже плохо знает чешский язык). Специальностью Реймана является «его самокритика», поскольку он участвовал во всех уклонах и оппозиционных выступлениях.

Пекса сказал, что он дал указание освободить от работы редактора журнала «Кветы» Жака. Жак – старый троцкист и, видимо, был связан с троцкистскими группировками. Перед Пексой встал вопрос, откуда эти троцкисты брали материалы для своих троцкистских выступлений. Оказалось, что во многих библиотеках имеется троцкистская литература, которая была, по существу, доступна для всех. Сейчас приняты меры к изъятию этой литературы. Троцкистская литература будет уничтожена, оставлена будет лишь та, которая представляет документальный интерес, но при условии сосредоточения этой

литературы в Институте истории компартии Чехословакии.

Я спросил Пексу, не предполагается ли на предстоящей партийной конференции ⁶⁴ обсудить вопрос об идеологической работе партии. Пекса ответил, что такой вопрос не намечается быть включенным в повестку дня. Основным вопросом конференции будет утверждение нового устава. Но Пекса намечает созвать специальное совещание, на котором будут поставлены все вопросы, связанные с политическим просвещением членов партии и идеологической работой партии. В ходе беседы я также спросил Пексу, как он оценивает состояние партийной и воспитательной работы в Словакии. Пекса ответил, что он детально не осведомлен с этим вопросом. Он недавно беседовал с Госиоровским ⁶⁵, секретарем ЦК КПС. С ним он условился, что в Словакии будет проведено специальное совещание работников по вопросам агитации и пропаганды.

2. Пекса сообщил, что Бареша освободят от обязанностей главного редактора по изданию сочинений Ленина и Сталина. Пекса намерен войти с предложением в Политсекретариат о создании специальной редакции в Институте истории КПЧ. причем он также предполагает, что политический контроль должен быть возложен на специально образованную комиссию в составе Доланского, Пексы, Тауфера и Борека.

Пекса спросил меня, как я оцениваю его намерения в этом отношении. Я ответил, что для меня затруднительно что-либо сказать относительно состава комиссии. Я добавил, что не должно подлежать сомнению то, что враг будет пытаться навредить в этой области. Поэтому вопрос о качестве переводов, о подборе состава переводчиков и состава редакционной коллегии является исключительно важным. Пекса ответил, что состав редколлегии и состав переводчиков также будет утвержден Политсекретариатом.

Во время беседы я заметил, что вопрос об издании отдельных важнейших произведений Ленина и Сталина является также весьма актуальным. Опыт Советского Союза говорит об этом. Пекса ответил, что этот вопрос действительно заслуживает большого внимания и что он специально рассмотрит его. Касаясь издания сочинений Ленина и Сталина в Словакии, я сказал, что, по имеющимся в посольстве сведе-

ниям, ЦК КПС утвердил состав редакции по изданию сочинений Ленина и Сталина, в которую, в частности, вошли Фриш ⁶⁶, Шефранек ⁶⁷. Фриш, как известно, ранее работал редактором газеты «Правда» и был освобожден от этих обязанностей. Вполне естественно встает вопрос, почему Фришу можно доверять такое важное политическое дело, как издание сочинений Ленина и Сталина, если он не мог быть оставлен дольше на должности редактора газеты. К тому же, добавил я, Шефранек, по имеющимся сведениям, является сыном крупного капиталиста. Шефранек во время тисовского режима сотрудничал с немцами. Пекса сказал, что он не знал об этом решении ЦК КПС, но что он рассмотрит этот вопрос.

3. Пекса сообщил, что несколько дней тому назад к нему приходил Цимерман, работавший ранее в Москве, который руководил чехословацкими студентами, обучающимися в Советском Союзе. Из информации Цимермана вытекает, сказал Пекса, что чехословацкие студенты были организованы в землячества и партийные собрания проходили под видом собраний актива. Пекса спросил меня, могут ли быть организованы партийные группы студентов, обучающихся в гражданских высших учебных заведениях. Пекса думает, что такого рода партийные организации не могут быть созданы, ибо в Советском Союзе существует лишь единая партийная организация – ВКП(б).

Я ответил, что мне кажется крайне проблематичной постановка вопроса о создании партийных организаций из чехословацких студентов, обучающихся в гражданских учебных заведениях. Мною было также сказано, что, по имеющимся у нас данным, Цимерман через студентов нелегально собирал экономическую информацию об СССР, что, разумеется, недопустимо. Пекса ответил, что теперь понятно, почему приходил к нему Цимерман. Видимо, он хотел найти оправдание «своей деятельности». На беседе присутствовали тов. Кречотень.

Посол СССР в Чехословакии

А. Лаврентьев

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 34. П. 207. Д. 14. Л. 122–127. Подлинник.

Из дневника П.Г. Кречотеня Запись беседы с заведующим отделом партийных кадров ЦК КПЧ Б. Келлером о состоянии низовых партийных организаций ⁶⁸.

г. Прага. 8 апреля 1952 г.

Секретно

В связи с указанием Центра посетил Келлера и просил его сообщить краткие данные, характеризующие политическое лицо чехословацких ученых З. Фейфара ⁶⁹ и Я. Брода ⁷⁰.

1. На мой вопрос, как прошли районные партконференции, Келлер сообщил, что районные партийные конференции уже подходят к концу. Прошедшие партийные конференции показывают, что партийная работа в этом году несколько улучшилась, но, однако, еще имеется много недостатков. На партийных конференциях мало говорилось о партийной работе, больше говорилось о производственных, чисто технических вопросах, которые лучше было бы обсуждать на производственных совещаниях или на профсоюзных собраниях. На конференциях говорилось о Сланском, но в плане того, что сделал Сланский, каковы последствия враждебной деятельности Сланского, как это отразилось на партийной работе в районах, говорилось очень мало. На районных партийных конференциях было освобождено от обязанностей около 40–50% секретарей райкомов. В прошлом году было освобождено свыше 90%.

2. В связи с подготовкой к партийным конференциям отдел партийных кадров сделал попытку в какой-то степени изучить деятельность первичных партийных организаций. В чешских областях насчитываются 33 тыс. партийных организаций, из них в январе провели собрания 23 тыс. партийных организаций. На партийных собраниях 17 тыс. партийных организаций выступали члены ЦК КПЧ, члены обкомов и райкомов, что, естественно, придало партийным собраниям оживление и активность. Такие факты в прошлые годы не отмечались.

В январе выбыло из партии 10 тыс. человек, из них 6800 по неизвестным причинам. Принято в партию в январе 700 чел. Келлер считает, что положение с чтением членами партии партийной печати обстоит неблагоприятно. Цен-

тральный орган партии, газету «Руде право», выписывает лишь 21% членов партии, а областную партийную прессу всего лишь 6%.

3. После ареста Сланского в основном сохранились почти все прежние секретари обкомов. Вероятно, будет освобожден от обязанностей секретаря Пардубицкого обкома Беран. Беран работает неплохо, старый член партии, но за ним имеются факты, компрометирующие его как партийного руководителя. В 1947 году Беран и группа работников Пардубицкого обкома в целях личного обогащения взяла значительную сумму средств от ряда государственных предприятий. Вопрос этот уже в свое время разбирался партийной контрольной комиссией. Ряд работников был привлечен за это к ответственности, но Беран вышел из этого дела сухим. Сейчас Келлер лично вновь проверил это дело и установил, что Беран является виновным в расхищении государственной собственности, и партийной комиссии эти факты также были известны. Бывший секретарь партийной контрольной комиссии Таусигова, зная об этих фактах, скрыла это от Центрального Комитета и взяла под защиту Берана.

Келлер считает, что в этом деле не все ясно и с политической стороны, поскольку Таусигова часто практиковала такой прием, какой она применила и в отношении Берана. Зная что-либо о члене партии, компрометирующее его, Таусигова обычно скрывала это от партии и держала этого члена партии в своих руках для того, чтобы использовать его в своих антипартийных целях. Вероятно, что Таусигова так же поступила и с Бераном. Келлер не сомневается, что о деле Берана знал и Сланский.

4. По мнению Келлера, клика Сланского нанесла значительный ущерб в области идеологии. Лично Келлеру известно, что Швермова выступала в роли «теоретика» новых организационных принципов чехословацкой партии. Так, например, когда Келлеру было поручено написать брошюру об основных принципах большевистской партии и Келлер показал эту брошюру Швермовой, то Швермова заявила, что все это уже известно, обо всем этом уже написано у Сталина, на что Келлер ей ответил, что он и не претендует на то, чтобы написать что-либо новое об организационных принципах большевист-

ской партии. Швермова в ответ на это заявила Келлеру, что за недостатком времени она еще не успела разработать основные принципы чехословацкой партии, однако в этой области ею уже кое-что делается. Теперь Келлеру понятно, почему в уставе партии (КПЧ) указывается, что партия не руководствуется учением Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина, а опирается на это учение. Враги, занимавшие руководящие посты в компартии Чехословакии, готовили ревизию марксистско-ленинского учения о партии.

Келлер считает, что значительный вред в области идеологии нанес также бывший секретарь ЦК по агитации и пропаганде Бареш. Келлер помнит, как Бареш запрещал употреблять такие термины, как «под руководством рабочего класса», «диктатура пролетариата», требуя, чтобы это заменили словом «трудящиеся». Указывая на то, что нельзя употреблять такие термины, как «под руководством рабочего класса», «диктатура пролетариата», Бареш объяснял это тем, что это сейчас несвоевременно.

5. По словам Келлера, западные радиостанции имеют хорошую информацию о положении в Чехословакии. Келлер предполагает, что, вероятно, руководство этих радиостанций имеет здесь сеть своих корреспондентов. Не исключено, что такие корреспонденты имеются, прежде всего, в Брно, откуда материал направляется в Австрию, в Остраве и в Праге.

Вызывает особенное беспокойство то, что слухи, распространяемые западным радио, оказывают влияние не только на рядовых членов партии, но и на функционеров. В этом отношении особенно показателен факт с появившейся версией об аресте Запотоцкого. Единственным источником этой «утки» было западное радио. Тем не менее в некоторых районах руководители районных партийных организаций поверили этим слухам, и были даже случаи, когда вычеркивали фамилию Запотоцкого из списков в почетный президиум.

О том, какое влияние имеет западное радио на население, Келлер привел, в частности, такой факт. В одном из районов Градец-Краловской области выступил на собрании кулак, который заявил, что «с меня Трумэна хватит по горло. Я поверил западному радио, не вступил в кооператив, не выполнил контингента поставок, за что меня оштрафовали на

крупную сумму, зарезал своих коров, перестал обрабатывать землю, т. к. был убежден, слушая западное радио, что народно-демократический режим в ближайшее время рухнет. Все это привело только к крупным убыткам и нанесло большой материальный ущерб моему хозяйству». Этот кулак заявил, что он дорого заплатил за то, что он верил передачам западных радиостанций.

6. Далее Келлер сообщил, что в Острове все еще по-прежнему сложная ситуация. План добычи угля не выполняется. Строительство отстает от намеченных сроков. По мнению Келлера, Оставский обком партии и его секретарь Инеман не справляются с теми задачами, которые сейчас возложены на Оставу. Несколько дней тому назад Инеман и другие члены обкома были в ЦК. Из их сообщений вытекает, что якобы в Острове все горняки – фашисты и социал-демократы. Это лишь еще раз характеризует, что Оставский обком (хотя нужно подчеркнуть, что в Острове сложная обстановка) не разбирается в обстановке, все сваливает в одну кучу и не руководит конкретно. Правда, в Оставской области сильное засилье социал-демократов, имеются и участники бывших фашистских организаций, но ни в коем случае нельзя называть всех горняков фашистами и социал-демократами.

О том, что в Острове необходимо руководить конкретно, Келлер привел такой факт. Оставский район план добычи угля выполняет. В то же время районы Карвина и Орлова план добычи не выполняют. Однако здесь следует учесть, что в Карвине и Орлове работают горняки преимущественно польской национальности, которые заражены националистическими тенденциями вследствие той враждебной пропаганды, которую вела среди поляков группа бывшего депутата парламента Цисларжа⁷¹. Есть основания полагать, что польский консул в Острове был тесно связан с Цисларжем и поддерживал националистические стремления группы Цисларжа.

7. Говоря о Сланском, которого Келлер знает хорошо, Келлер заметил, что Сланский был освобожден от обязанностей секретаря ЦК еще перед войной решением ИККИ. В этом решении Сланскому запрещалось навсегда занимать этот пост. При этом Келлер заметил, что вот как плохо получается, когда забываем о старых решениях руководящих партийных

организаций.

8. Келлер считает, что профсоюзы работают еще плохо. Необходимо менять все руководство Центрального Комитета профсоюзов, поскольку оно не справляется с теми задачами, которые сейчас возлагаются на профсоюзы. Среди руководящих работников профсоюзов все время продолжается скрытая борьба. По мнению Келлера, в руководстве профсоюзов сколько людей, столько и группировок. Причем председатель ЦК профсоюзов Зупка ⁷² не может держать в руках секретарей, которые часто без его ведома обсуждают важнейшие вопросы.

9. На мой вопрос, какая существует связь между ЦК КПЧ и ЦК КПС, Келлер, засмеявшись, ответил: «Личная связь с тов. Широкич ⁷³ хорошая, но с аппаратом ЦК КПС плохая, поскольку ЦК КПЧ недостаточно информирован о работе партийных организаций словацкой компартии, а работники ЦК КПЧ почти не выезжают и не знакомятся с работой партийных организаций в Словакии».

10. Келлер также указал, что еще и сейчас имеются люди, которые скомпрометировали себя в период оккупации, но занимают ответственные посты. Так, например, зам. начальника политического отдела канцелярии президента Кнапп, по имеющимся сведениям, якобы в период оккупации состоял членом еврейской организации, тесно сотрудничавшей с гестапо.

Эта организация составляла списки евреев, которые должны быть направлены в концлагеря, а затем передавала их гестапо. Келлер пока не может доказать это документально, поскольку евреи, которые располагают фактами о Кнаппе, не желают об этом сообщить партийным органам, в связи с чем и не удастся пока разоблачить Кнаппа.

11. В заключение Келлер сообщил, что некоторые партийные организации неправильно понимают вопрос о разоблачении Сланского и о борьбе с теми методами, которые проводила клика Сланского в партийной работе. Это особенно показательно для руководства Градец-Краловского обкома. Руководство Градец-Краловского обкома заявило, что в их организации не были установлены враги из клики Сланского, в связи с чем у них нет оснований вести борьбу против сторонни-

ков Сланского. В результате этого руководство Градец-Краловского обкома не вело борьбы против ошибочных, антибольшевистских методов в партийной работе, не боролось за то, чтобы эти методы ликвидировать.

Советник посольства СССР в Чехословакии

П. Крекотень

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 34. П. 207. Д. 18. Л. 20–26. Подлинник.

12

Из дневника П.Г. Крекотеня. Запись беседы с председателем Корпуса уполномоченных Ю. Дюришем о деятельности «кликки Р. Сланского» в сфере промышленности ⁷⁴.

г. Прага. 14 июня 1952 г.

Секретно

Принял Дюриша в помещении Посольства по его просьбе. В беседе Дюриш по своей инициативе сообщил, что арест бывшего секретаря ЦК КПЧ Франка поможет раскрыть вредительство ⁷⁵, осуществлявшееся кличкой Сланского в области промышленности. Франк был тесно связан с Фрейкой – бывшим начальником экономического отдела канцелярии президента. По мнению Дюриша, группа Фрейки бесконтрольно распоряжалась в области экономики. Дюришу известно, что строительство крупнейших предприятий, электростанций и других объектов никогда не утверждалось ни на Политсекретариате, ни на Президиуме ЦК КПЧ. Руководство Госплана также не принимало участия в планировании строительства этих предприятий. Факты теперь показывают, что строительство важнейших промышленных и других объектов вредительно планировала группа Сланского. Результаты такого планирования сейчас сказываются. Строительство таких крупных промышленных объектов, как комбината Гуко, гидроэлектростанции в Новаках, алюминиевых заводов на Гроне, было начато без предварительных геологических изысканий. Строительство комбината Гуко было начато без учета того, что вблизи нет ни угля, ни железной руды. Гидроэлектростанция в Новаках снабжается углем из самых северных районов Чехии, находящихся от Новаков за 600 км, причем качество угля очень

плохое, но снабжение гидростанции другим углем в настоящее время не представляется возможным. Было начато строительство многих предприятий, в которых в настоящее время нет никакой необходимости. Все это было рассчитано лишь на то, чтобы дезорганизовать экономику страны.

Дюриш считает, что Франк, который занимался в КПЧ вопросами экономики, может много сообщить о вредительских действиях клики Сланского в области экономики. Для Дюриша не совсем понятно, почему Франк, после освобождения его от обязанностей секретаря ЦК КПЧ, был послан в качестве уполномоченного ЦК КПЧ в Остравский угольный бассейн. Как известно, бывшие в Остраве длительное время различные «уполномоченные» положение с добычей угля не выправили, а после этого в Остраве стали распространяться клеветнические слухи о том, что советские методы по добыче угля в Остраве себя не оправдали (в Остраве в августе — ноябре 1951 г. работала группа советских советников по углю и металлургии). Далее Дюриш сообщил, что сейчас установлено, что чехословацкая промышленность боеприпасов в течение трех лет изготовляла непригодный порох ⁷⁶. По имеющимся у Дюриша сведениям это результат вредительской деятельности бывшего заместителя министра химической промышленности Карного, арестованного в апреле с. г.

В связи с моим вопросом о положении в Партии возрождения ⁷⁷ после ареста Шевчика и исключения из партии генсекретаря этой партии Дюриш сообщил следующее. Новый председатель партии Киселы — один из крупных работников бывшей Демократической партии (после февральских дней 1948 года эта партия стала называться Партией возрождения), который стоял в оппозиции к реакционному руководству Демократической партии. Киселы — человек очень тонкий и хитрый, и за ним нужно все время присматривать. Компартия имеет в Партии возрождения своих людей, через которых она может оказывать некоторое влияние на руководство этой партии. Такими людьми в Партии возрождения являются Горак (поверенник здравоохранения), Гайдошик (генеральный секретарь Партии возрождения) и др. Дюриш положительно характеризует члена Партии возрождения, поверенника строительной промышленности Лукачевича, но он, по мнению Дю-

риша, слишком мягок и не имеет организационных способностей. Партия возрождения имеет мало членов, но ее руководство пытается взять под свое влияние католическое Общество святого Войтеха, насчитывающее свыше 250 000 членов.

Далее Дюриш по своей инициативе сообщил, что в ближайшее время на Секретариате ЦК КПС предстоит обсуждение вопроса о положении украинского нацменьшинства ⁷⁸. Словацкие буржуазные националисты, безусловно, тормозили и мешали развитию культуры украинского населения, но и украинские буржуазные националисты делали выпады против словаков. Дюриш при этом заметил, что вопрос этот очень сложный, и он, Дюриш, еще не имеет ясного представления по этому вопросу и сейчас изучает материалы о положении украинского нацменьшинства. В связи с украинским вопросом Дюриш также заметил, что хотя по вопросу о положении венгерского нацменьшинства уже год тому назад разработаны конкретные мероприятия, но они не реализуются, в частности, не ведется подготовка венгерских кадров.

Затем в связи с моим вопросом о том, какие в Чехословакии имеются законодательные акты по экономическому ограничению кулака, Дюриш сообщил следующее. Кулаку не продаются сложные сельскохозяйственные машины, он не имеет права нанимать рабочую силу, МТС не обрабатывают землю кулаков, удобрения для кулаков продаются по повышенным ценам, и ряд других мероприятий.

Советник посольства СССР в Чехословакии

П. Крекотень

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 34. П. 207. Д. 18. Л. 176–179. Подлинник.

13

Из дневника П.Г. Крекотеня. Из записи беседы с А. Новотным о ходе следствия по делу Сланского и ситуации в Социалистической партии ⁷⁹.

г. Прага. 26 августа 1952 г.

Секретно

Посетил А. Новотного в помещении ЦК КПЧ и в связи с просьбой ВПК просил его ускорить присылку списка лиц, у-

вержденных ЦК КПЧ для поступления в Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ. Новотный обещал это сделать в ближайшее время [...] ⁸⁰.

Затем Новотный сообщил, что он беседовал с заместителем министра госбезопасности Прхалом о ходе следствия по делу Сланского. Прхал рассказал Новотному, что сообщники Сланского показывают, что клика Сланского имела сильные позиции в Министерствах внешней торговли, тяжелого машиностроения, финансов и отчасти в Министерстве земледелия. Особенно прочные позиции враги имели в Министерстве внешней торговли, работа которого была использована врагами в подрывных целях. Сейчас следственным органам требуются материалы для того, чтобы установить полную картину вражеской деятельности клики Сланского в Министерстве внешней торговли. Такие материалы, по данным Прхала ⁸¹, в Министерстве внешней торговли имеются, но министр Грегор ⁸² всячески препятствует установлению фактов вражеской деятельности в министерстве и передаче необходимых материалов следственным органам. Органам госбезопасности удалось известную часть материалов получить через работника Министерства внешней торговли Ружичку, однако когда об этом узнал Грегор, он хотел уволить Ружичку с работы. Новотный считает, что вопрос о связях врагов из клики Сланского, особенно с Министерствами внешней торговли и тяжелого машиностроения, необходимо решить до начала процесса. Будет не очень удобно, если этот вопрос не будет решен до процесса, и на процессе Сланский и его сообщники будут говорить о своих связях с Министерствами внешней торговли и тяжелого машиностроения, поэтому Новотный в ближайшее время будет говорить об этом с Готвальдом.

Новотный просил Прхала, чтобы Министерство госбезопасности подготовило справку для Политсекретариата о ходе следствия по делу Сланского для того, чтобы Политсекретариат мог судить, насколько следствием подготовлен материал для обвинительного заключения.

На очередном заседании Политсекретариата будет обсуждаться вопрос об утверждении прокурора на предстоящий процесс. Новотный считает, что наиболее удачной кандидатурой будет прокурор Чешско-Будеевицкой области Урвалек ⁸³. Урва-

лек уже имеет опыт ведения крупных политических процессов (Урвалек вел процесс Гораковой – Земиновой ⁸⁴ и американского шпиона Оатиса), и к тому же это наиболее политически проверенный и подготовленный работник. Прхал также сообщил Новотному, что в Социалистической партии раскрыта крупная нелегальная организация. Руководил этой организацией член Социалистической партии, рабочий-ударник одного из заводов, дважды награжденный высшим орденом республики за производственные успехи. Этот рабочий заявил, что маска передового рабочего-ударника давала ему возможность удачно скрывать проведение нелегальной работы.

Некоторое время тому назад был арестован руководитель отдела печати Социалистической партии Ийше ⁸⁵ как агент Интеллидженс Сервис. Ийше считался идеологом Социалистической партии, главным советником председателя партии Шлехты ⁸⁶. Ийше с женой Шлехты фактически руководили политикой Социалистической партии (Ийше был в интимных отношениях с женой Шлехты). Жена Шлехты после ареста Ийше сейчас в полной растерянности. По имеющимся сведениям в органах госбезопасности, после ареста Ийше Шлехта созвал закрытое заседание ЦК Социалистической партии. На этом заседании Шлехта заявил: арест Ийше свидетельствует о том, что мы потеряли бдительность. Члены партии, знающие какие-либо компрометирующие материалы о членах Социалистической партии, должны об этом сообщать не органам госбезопасности, а председателю партии для того, чтобы руководство партии могло помочь своим людям.

Затем Шлехта собрал узкий Президиум партии, на котором заявил, что органы госбезопасности тщательно следят за работниками Социалистической партии, в связи с чем руководящие работники Социалистической партии должны быть особенно бдительны и должны оказывать помощь своим людям, чтобы они не попадали в руки органов безопасности. Прхал сообщил, что органы безопасности располагают компрометирующими материалами на председателя Социалистической партии министра строительной промышленности Шлехту, заместителя председателя партии Неймана, министра связи, на председателя Лидовой партии министра здравоохранения Плойгара ⁸⁷. Новотный предполагает об этих ма-

териалах доложить Готвальду.

Далее Новотный сообщил, что в его отсутствие был Политсекретариатом утвержден послом в Советский Союз Гршел – глава чехословацкой дипломатической миссии в ГДР. Новотный при этом заметил, что Чехословакии было стыдно такое длительное время не иметь в Советском Союзе посла. МИДу следовало бы уже давно подобрать кандидатуру на этот пост. В связи с моим вопросом, действительно ли арестован главный редактор центрального органа ЦК СЧМ «Млада фронта» Свобода, Новотный сообщил, что Свобода и Тучкова освобождены, так как были арестованы органами госбезопасности по недоразумению. По словам Новотного, Свобода был сотрудником 2-го отдела Генштаба Чехословацкой армии и был заслан в одну из нелегальных антиправительственных организаций, о чем не было известно органам госбезопасности. Органы госбезопасности, следившие за этой организацией, не зная о том, что Свобода – сотрудник 2-го отдела Генштаба, арестовали Свободу и сопровождавшую его Тучкову.

Советник посольства СССР в Чехословакии

П. Крекотень

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 34. П. 207. Д. 19. Л. 103–106. Подлинник.

14

Из дневника посла СССР в Чехословакии А.Е. Богомолова⁸⁸. Запись беседы с министром иностранных дел ЧСР В. Широкиим об отношении населения страны к процессу над Р. Сланским.

г. Прага. 1 декабря 1952 г.

Секретно

Встретился с Широкиим по его инициативе. В беседе Широкий рассказал, что общественное мнение широких кругов трудящегося населения ЧСР в отношении процесса Сланского является в основном здоровым, хотя в некоторых парторганизациях отмечаются факты неправильного отношения к процессу, проявления национализма и антисемитизма.

Весьма осторожно Широкий сказал, что в некоторых резолюциях парторганизаций имеются обвинения по адресу

ЦК КПЧ в опоздании с разоблачением клики Сланского. Широкий добавил, что такого рода выпады против ЦК лишены основания, так как аресты участников антиправительственного центра начались еще с 1949 года, но допросы участников долго не давали возможности раскрыть, кто именно руководил преступной деятельностью арестованных. Некоторые из арестованных говорили, что их деятельность была направлена против Сланского и что именно Сланский способствовал их аресту. Возможно, что они действовали так по указанию самого Сланского для того, чтобы сохранить его как своего руководителя. Только арест Сланского и позволил раскрыть существование центра и его.

Я спросил Широкого, приехавшего из Словакии, как там реагировали на процесс Сланского. Широкий сказал, что в целом реакция была правильной, но старые глинковцы воспользовались процессом для развертывания антисемитской пропаганды вплоть до утверждений того, что антисемитская политика правительства Тисо⁸⁹ была правильной, но что, к сожалению, он не довел своего дела до конца.

Широкий рассказал также, что в Братиславе, в день вынесения приговора банде Сланского, покончил с собой бывший секретарь ЦК КПС Баштеванский⁹⁰, оставив жене записку, в которой он просит воспитать его детей в духе преданности товарищу Сталину и Готвальду, а также о том, что он ни в чем не виноват. Перед самоубийством (отравился газом) Баштеванский целую ночь беседовал со своей женой. Широкий считает возможным, что самоубийство Баштеванского связано с арестом его друга и соратника, тоже бывшего секретаря ЦК КПС, Мошко. Возможно, что Баштеванский испугался возможных разоблачений со стороны Мошко.

Возвращаясь снова к оценке процесса в целом, Широкий сказал, что процесс прошел удачно, хотя и была допущена ошибка с опубликованием данных экспертизы. Я заметил, что вопросами руководства процессом и публикации материалов процесса в печати занималась комиссия ЦК КПЧ. Широкий подтвердил это и сказал, что он сам входил в эту комиссию, но ничего не знал относительно намерений опубликовать выводы экспертизы. Широкий заключил эти свои высказывания тем, что 16 декабря начнется партконферен-

ция и т. Готвальд сделает на конференции большой доклад, в котором даст оценку процессу и развернет перспективы дальнейшего развития экономики и политики Чехословакии.

В конце беседы Широкий сказал, что в данное время ЦК КПЧ обеспокоен тем, что радиозащита против англо-американской пропаганды хотя и улучшилась, но все же остается недостаточной. Чехословацкие радиослушатели могут слушать вражеские радиопередачи американцев, англичан и югославов. В значительной степени это объясняется тем, что в деле радиозащиты нет координации действий между странами народной демократии. Недавно, сказал Широкий, по этому вопросу состоялось совещание Политсекретариата и было высказано предложение об обращении к СССР с просьбой выделить одного советского главного советника по вопросу о координации мероприятий по радиозащите между странами.

Чехословацкое правительство могло бы взять на себя расходы по содержанию такого советника. Широкий добавил, что Политсекретариат официального решения по этому вопросу не принял, так как вопрос не согласован с другими правительствами стран народной демократии, хотя такое предварительное обсуждение следовало бы организовать. Широкий оговорился, что его сообщение по этому вопросу не является официальным.

Посол СССР в Чехословакии

А. Богомолов

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 34. П. 207. Д. 16. Л. 119–121. Подлинник.

15

Из дневника П.Г. Кречотеня. Из записи беседы с А. Новотным об отношении членов политсекретариата к процессу над Сланским ⁹¹.

г. Прага. 1 апреля 1953 г.

Сов. секретно

Посетил Новотного в ЦК КПЧ. В связи с просьбой ВПК (т. Пухлов) спросил Новотного, выяснен ли уже вопрос о возможности отправки 10 тонн бумаги для нужд Исландской компартии. Новотный сообщил, что этот вопрос пока еще не решен, и он сообщит об этом сегодня вечером [...] ⁹².

В связи с моим вопросом, какие мероприятия намече-

ны ЦК КПЧ по ликвидации последствий враждебной работы Сланского, Новотный сообщил, что фактически в этом вопросе еще ничего не сделано. Политсекретариат не обсуждал итоги процесса над антигосударственным центром и не намечал каких-либо конкретных мероприятий по ликвидации последствий враждебной деятельности Сланского. Обсуждение процесса над кликой Сланского в общей форме имело место еще при жизни Готвальда, и больше к этому вопросу Политсекретариат не возвращался. Выводы, которые были сделаны на процессе над антигосударственным центром экспертами, были болезненно восприняты некоторыми членами Политсекретариата. В частности, Запотоцкий заявил на Политсекретариате о том, что он подаст в отставку, так как заключение экспертов в области экономики направлено против правительства и компрометирует его в глазах народа. Новотный считает, что многие из лиц, которые были указаны подсудимыми на процессе, до сих пор спокойно работают. Так, например, Эрбан возглавляет Государственный комитет по социальному обеспечению; работает на ответственной работе в Министерстве юстиции Быстрицкий, бывший правую рукой Клементиса, и ряд других работников.

Более того, Новотному известно, что некоторые видные работники партии выступили с клеветническим заявлением против процесса. Так, например, бывший посол в Москве Крайбих⁹³ написал после процесса письмо Готвальду, в котором заявил, что процесс имел антиеврейское, антисемитское направление и что этот процесс является самым черным пятном в истории чешского народа. Далее Крайбих указывает, что чешский народ никогда не был настроен антисемитски. Еще Масарик учил его борьбе против антисемитизма. Процесс против антигосударственного центра, наоборот, подстрекает и всячески разжигает антисемитские настроения среди населения.

По словам Новотного, процесс против антигосударственного центра в арабских странах оценивается положительно. Так, например, чешский посол в Швеции Кличка сообщил Новотному, что в беседе с ним египетский посланник в Швеции заявил ему, что процесс против сообщников Сланского был с удовлетворением воспринят в арабских странах, по-

сколько этот процесс показал всему миру, какую опасность представляет сионизм, являющийся агентурой разведок западных государств. Египетский посланник также якобы сказал Кличке, что Израиль без помощи американцев не мог бы существовать, и только большая помощь американцев дает возможность Израилю содержать армию в 200 тыс. человек, которая содержится под полным контролем американцев.

Новотный сообщил, что в конце марта по предложению Широкого Политсекретариат утвердил распределение обязанностей между заместителями председателя правительства (решение прилагается).

Советник посольства СССР в Чехословакии

П. Крекотень

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 35. П. 226. Д. 15. Л. 1, 4–6. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Силин Михаил Александрович – с 1948 г. по 1951 г. посол СССР в Чехословакии.
- ² Чепичка Алексей – с 1950 г. по 1956 г. министр национальной обороны ЧСР, заместитель председателя правительства, зять Готвальда.
- ³ Сланский Рудольф – с 1945 г. по 1951 г. Генеральный секретарь ЦК КПЧ.
- ⁴ Геминдер Бедржих – с 1945 г. по 1951 г. заведующий международным отделом ЦК КПЧ.
- ⁵ Документ разослан А.Я. Вышинскому, А.И. Лаврентьеву, в IV Европейский отдел (IV Е.О.), в дело.
- ⁶ Франк Йозеф – с 1949 г. по 1951 г. заместитель Генерального секретаря ЦК КПЧ по проблемам экономики, с 1946 г. член Президиума ЦК КПЧ, с сентября 1951 г. секретарь ЦК КПЧ.
- ⁷ Бареш Густав – с 1949 г. член Президиума ЦК КПЧ, заместитель Генерального секретаря ЦК КПЧ по идеологии, с сентября 1951 г. секретарь ЦК КПЧ, член следственной комиссии при ЦК КПЧ.
- ⁸ Келлер Бруно – с 1947 г. сотрудник аппарата ЦК КПЧ, заместитель Генерального секретаря ЦК КПЧ по кадрам, с 1951 г. член следственной комиссии при ЦК КПЧ.

- ⁹ Копржива Ладислав – с мая 1950 г. по 1952 г. министр национальной безопасности.
- ¹⁰ Швермова Мария – член Президиума ЦК КПЧ, секретарь ЦК КПЧ, с 1949 г. заместитель Генерального секретаря ЦК КПЧ по кадрам. Арестована в феврале 1951 года. Ей инкриминировалась связь с Шлингом в подготовке заговора с целью устранения от руководства партией и страной Готвальда, Сланского, Запотоцкого.
- ¹¹ Готвальд Клемент – с 1945 г. председатель КПЧ, с 14 июня 1948 г. по 14 марта 1953 г. президент Чехословацкой республики.
- ¹² Запотоцкий Антонин – с 1948 г. по 1953 г. председатель правительства ЧСР.
- ¹³ Шлинг Ота – секретарь Брненского обкома КПЧ, арестован в 1950 г. по обвинению в шпионаже в пользу западных держав.
- ¹⁴ Райцин Бедржих – заместитель министра национальной обороны. Арестован в начале 1951 г.
- ¹⁵ Заводский Освальд – руководитель органов национальной безопасности. Арестован в феврале 1951 г.
- ¹⁶ Шваб Карел – в 1949 г. заведующий особым отделом ЦК КПЧ, затем заместитель министра внутренних дел. Арестован в феврале 1951 г.
- ¹⁷ Смирковский Йозеф – член Президиума ЦК КПЧ, курировал вопросы развития госхозов в сельском хозяйстве. Арестован в начале 1951 г.
- ¹⁸ Эти сведения Чепичка утром 17 июня 1951 г. срочно передал главному советскому военному советнику при Министерстве обороны ЧСР генерал-полковнику Н.И. Гусеву: «Поздно вечером 16.7.51 г. в Ланы прибыл министр государственной безопасности Копржива с показанием бывшего зам. министра иностранных дел А. Лондона и других, которые после пятимесячного молчания, рассчитывая на изменение обстановки в стране, наконец, показали, что главным руководителем шпионов и заговорщиков являются генеральный секретарь ЦК КПЧ Сланский и Геминдер». «Мы сегодня, – продолжал Чепичка, – всю ночь обсуждали положение и думали, если Копржива сообщит это Сланскому, могут произойти неприятности». Гусев «предложил, чтобы К. Готвальд посоветовался по телефону с т. Сталиным или т. Маленковым» (АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 394. Л. 103–104).
- ¹⁹ По-видимому, здесь Чепичка передает позицию Готвальда после получения известия о реакции Сталина, который 19 июля 1951 г.

сформулировал свою позицию следующим образом: «Получили следственные материалы насчет тов. Сланского и тов. Геминдера. Мы считаем материалы недостаточными и думаем, что они не дают оснований для обвинения. Мы полагаем, что нельзя только на основании показаний известных преступников делать выводы, нужны факты, подтверждающие такие показания». Сталин сообщил Готвальду о своем решении отозвать советского советника при Министерстве национальной безопасности ЧСР Боярского «ввиду недостаточно серьезного отношения к этому делу». Готвальд подтвердил свое согласие с позицией Сталина 20 июля 1951 г.: «Я вполне согласен с Вами, что на основании следственных материалов нельзя подвергать обвинению упомянутых товарищей... Это мое мнение с первого момента, когда я узнал об этом деле» (АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 394. Л. 105, 107). Думается, что Готвальд смягчает свою позицию. Из беседы Чепички с генерал-полковником Гусевым вытекает, что по получении информации от Копрживы Готвальд и Чепичка обсуждали возможность взятия Готвальдом всей полноты власти на себя, «как взял тов. Сталин в свое время в Советском Союзе» (Там же. Л. 104).

²⁰ Визит Чепички в советское посольство 19 июля имел целью передать по дипломатическим каналам компромат на Сланского и Геминдера, чтобы добиться изменения позиции советского руководства в отношении последних. Эту же цель преследовали его последующие беседы в советском посольстве (см. док. № 3). Чепичка во время своего секретного визита в Москву 23 июня 1951 г. к советскому руководству с информацией о показаниях А. Лондона против Сланского и Геминдера, излагая позицию Готвальда, наполнил свое сообщение выпадами против Сланского (*Kaplan K. StB o sobe. Vypověď vyšetřovatele B. Doubka. Praha, 2002. S. 126*).

²¹ Лондон Артур – в 1949–1950 гг. зам. министра иностранных дел. Арестован в 1950 г. по обвинению в шпионаже в пользу западных держав.

²² Крекотень П.Г. – советник посольства СССР в Чехословакии. Материалы фонда В.М. Молотова свидетельствуют, что записи бесед Крекотеня с политическими деятелями ЧСР активно использовались аппаратом МИД СССР для подготовки информации высшему советскому руководству и лично Сталину

²³ Копецкий Вацлав – с 1945 г. член Президиума ЦК КПЧ, член следственной комиссии ЦК КПЧ, с 1945 г. министр информации.

- ²⁴ Документ разослан А.Я. Вышинскому, В.А. Зорину, А.И. Лаврентьеву, IV Е. О., в дело. На документе имеется помета: «Тов. Карякину. Регистратура и в досье. Эта информация уже сообщалась по большой разметке. 25/IX. А. Красильников».
- ²⁵ Готвальд через советское посольство обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой командировать в Прагу опытного сотрудника аппарата ЦК ВКП(б), который помог бы ему организовать перестройку работы центрального партаппарата. 12 сентября 1951 г. Суслов информировал Сталина об этой просьбе. 14 сентября на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было решено направить в Прагу сроком на одну неделю двух сотрудников ЦК ВКП(б) – Громова Е.И. и Шаталина Н.Н. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 814. Л. 86).
- ²⁶ Фукс Витезслав, Ломский Гануш, Ланда Микулаш – секретари областных парторганизаций КПЧ. Они были арестованы 6 февраля 1951 г. по возвращении с совещания в ЦК КПЧ.
- ²⁷ Нееды Зденек – с 1948 г. по 1953 г. министр школ и просвещения, с 1946 г. член Президиума ЦК КПЧ.
- ²⁸ Гендрих Иржи – заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КПЧ, с 1951 г. – секретарь ЦК КПЧ.
- ²⁹ Дюриш Юлиус – с 1945 г. член ЦК КПЧ, с 1945 г. по 1951 г. министр сельского хозяйства, с 1951 г. по 1953 г. – председатель Корпуса словацких уполномоченных – правительства Словакии.
- ³⁰ Политические обвинения Шлинга и Швермовой рассматривались по ходу следствия в рамках концепции о наличии внутри КПЧ группы заговорщиков, готовивших переворот в руководстве партии. Шлинг, в частности, обвинялся в том, что готовил устранение Генерального секретаря ЦК КПЧ Сланского и замену его Швермовой под лозунгом обновления партийного руководства. Идея существования заговора внутри партии и конструкция следственного процесса вокруг этой идеи, по мнению чешского историка Капаана, были предложены советским советником В. Боярским. Они были приняты следственной комиссией ЦК КПЧ, в состав которой входили Копецкий, Келлер и Бареш. Эта комиссия определила круг «фигурантов» по делу о заговоре (*Kaplan K. Op. cit. P. 110–112*).
- ³¹ Документ разослан А.Я. Вышинскому и А.Е. Богомолу, в IV Е. О., в дело.
- ³² См. прим. 23.

- ³³ Кроснарж Йозеф – партийный функционер, с 1945 г. член Президиума ЦК КПЧ, председатель пражской партийной организации.
- ³⁴ Давид Вацлав – партийный функционер, в 1951 г. секретарь ЦК КПЧ.
- ³⁵ Новотный Антонин – с сентября 1951 г. секретарь ЦК КПЧ, член Президиума ЦК.
- ³⁶ Документ разослан А.Я. Вышинскому, А.А. Громыко, А.Е. Богомолу, IV Е. О., в дело.
- ³⁷ Сланский был арестован 23 ноября 1951 г. 24 ноября 1951 г. на внеочередном заседании Президиума ЦК КПЧ было сделано официальное сообщение об аресте Генерального секретаря ЦК КПЧ. Советское посольство информировало Москву: «Органам госбезопасности удалось установить факты антипартийной и антигосударственной деятельности Сланского, его непосредственную связь с англо-американскими шпионами Шлингом и Швермовой и вероятную связь через сионистские организации с американцами» (АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 33. П. 191. Д. 16. Л. 199). Возможно, арест Сланского был проведен по сигналу из Москвы, что связано с визитом А.И. Микояна в Прагу в ноябре 1951 г. (условные даты визита: 11 ноября или 22 ноября. (Kaplan K. Op. cit. P. 142–143). Заинтересованность Сталина в «деле Сланского» подтверждается тем, что уже 30 декабря 1951 г. он рекомендовал Готвальду освободить от работы министра государственной безопасности Копрживу, поскольку он «является человеком Сланского, ввиду чего его опасно держать на таком ответственном посту» (АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 394. Л. 124).
- ³⁸ Таусигова Ярмила – в 1951 г. председатель Комиссии партийного контроля.
- ³⁹ Документ разослан А.Я. Вышинскому, А.А. Громыко, А.Е. Богомолу, IV Е. О., в ВПК, в дело. На документе имеются пометы: «т. Крас[ильникову] А.И., т. Карякину В.Д. 5.1. [...]ову пр[ошу] сделать выписки для досье характеристик. В. К[арякин]».
- ⁴⁰ М.А. Силин в своем письме от 3 февраля 1953 г. на имя Молотова писал, что еще в 1948 г. по линии Комитета информации направлял из Праги «сведения о связях Р. Сланского в Чехословакии с западными агентами» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1362. Л. 223). В чехословацкой службе безопасности летом 1948 г. было создано специальное подразделение, которое стало собирать сведения о руководящих функционерах КПЧ. Первые замечания через быв-

ших агентов гестапо были получены на Сланского, Геминдера и Франка. Не исключено, что на этих материалах базировалась информация Силина.

- ⁴¹ Влк Вацлав, Черны Одржих, Грубы Павел – партийные функционеры, осужденные в 1954 г. за троцкизм.
- ⁴² Рейман Милан – экономист. Как представитель КПЧ принимал активное участие в проведении национализации и в 1946–1947 гг. в разработке двухлетнего плана.
- ⁴³ Питгарт, Плугарж, Фукотко И. – партийные функционеры и экономисты, работавшие после февраля 1948 г. в народном хозяйстве на руководящих должностях
- ⁴⁴ Франк Й. был арестован летом 1952 г. по делу Сланского и казнен 3 декабря 1952 года. По-видимому, именно его арест ставил себе в заслугу Новотный, когда в одной из своих бесед в советском посольстве сообщил, что К. Бацилек (с 1952 г. министр национальной безопасности) на партконференции 1952 г. информировал депутатов, что «главным образом, при помощи Новотного были получены материалы, изобличающие антигосударственный заговорщический центр» (АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 35. П. 226. Д. 14. Л. 56).
- ⁴⁵ Документ разослан А.Я. Вышинскому, А.А. Громыко, А.Е. Богомолу, IV Е.О., в дело. На документе имеются пометы: «т. Аркадьеву»; «т. Крас[ильникову] А.И., т. Козлову В.С. Аркадьев. 23.1»; «[...] передать т. Турпителью для характеристики Гроша А. Красильников 29.1».
- ⁴⁶ Фрейка Людвиг – экономист, с 1945 г. возглавлял народно-хозяйственную комиссию ЦК КПЧ, с 1948 г. руководил народно-хозяйственным отделом в канцелярии президента республики. Участвовал в разработке первого пятилетнего плана, был арестован по «делу Сланского», казнен 3 декабря 1952 г.
- ⁴⁷ Гольдман Йозеф – председатель Государственной плановой комиссии, представитель Чехословакии в СЭВ, арестован 25 мая 1952 г.
- ⁴⁸ Документ разослан А.Я. Вышинскому, А.А. Громыко, А.Е. Богомолу, IV Е.О., в дело. На документе имеются пометы: «т. Аркадьеву»; «т. Крас[ильникову] А.И., т. Козлову В.С. 28.1. Аркадьев»; «Аркадьев Долгину (подпись не разборчива); «Послано в ВПК» 1.2.1952. Долгин.

- ⁴⁹ Марголиус Рудольф – зам. министра внешней торговли, арестован в январе 1952 г.
- ⁵⁰ Гейзлер Зденек – в 1946–1949 гг. председатель Союза молодежи, в 1949–1951 гг. член ЦК КПЧ, в 1952 г. обвинен по «делу Сланско-го», исключен из партии и отправлен на принудительные работы. Громан – личность не установлена.
- ⁵¹ Лаврентьев Анатолий Иосифович – в 1951–1952 гг. советский посол в Чехословакии.
- ⁵² Документ разослан А.Я. Вышинскому, А.А. Громько, А.Е. Богомолу, в дело. Имеется помета: «т. Козлову. Аркадьев 28.1». Послано в ВПК. 1.П. 1952. Долгин.
- ⁵³ На полях у этого абзаца имеется помета: «Указано т. Лаврентьеву на неосторожность в этом вопросе. 28.1.А[ркадьев]».
- ⁵⁴ Штал Павел – руководитель словацкого радиокомитета.
- ⁵⁵ Документ разослан А.Я. Вышинскому, А.А. Громько, А.Е. Богомолу, в IV Е.О., в дело. На документе имеются пометы: «т. Красильникову А.И., т. Козлову В. С. Аркадьев. 11.П.». «Снять 2 копии». «Долгину» – подпись неразборчива. «Послано в ВПК 15.11.1952. Долгин».
- ⁵⁶ Пекса (Вода) Бедржих – заведующий отделом печати ЦК КПЧ, член редакционного совета газеты «За прочный мир, за народную демократию».
- ⁵⁷ Эрбан Эвжен – до 1948 г. член руководства чехословацкой социал-демократической рабочей партии, представитель ее левого крыла. После ликвидации партии на основе объединения с КПЧ был введен в состав Президиума ЦК КПЧ.
- ⁵⁸ Документ разослан А.Я. Вышинскому, А.Е. Богомолу, Б.Ф. Подцеробу, в IV Е.О., в дело.
- ⁵⁹ См. док. № 6 и № 9.
- ⁶⁰ Речь идет о концепции «национального пути к социализму», получившей распространение в коммунистическом движении в 1944–1946 годах. Она базировалась на признании возможности мирного перехода к новому обществу через систему широких демократических блоков. Ревизия этой концепции началась в аппарате ЦК ВКП(б) с весны 1947 г., когда Отдел внешней политики ЦК, руководимый М.А. Суловым, стал подбирать материалы из политической практики компартий стран Восточной Европы, которые могли бы стать свидетельством непригодности этой концепции. Создание Коминформбюро в сентябре 1947 г. знаменовало собой отказ советского руководства от идеи «национальных

путей к социализму» и пересмотр прежней стратегии компартий в отношении демократических блоков и политических союзов.

- ⁶¹ Так в тексте. Речь идет о чехословацкой национально-социалистической партии, которая до февральских событий 1948 г. была одной из влиятельнейших партий в чешском обществе, заняв второе место после КПЧ на выборах в парламент в 1946 г. В ходе политического кризиса в феврале 1948 г. ее организации были фактически разгромлены комитетами действия обновленного Национального фронта. После установления политической монополии КПЧ национально-социалистическая партия сменила название на Социалистическая партия. Лишившись массовой базы, она утратила сколько-нибудь активную роль в жизни страны и стала служить декорацией для так называемой многопартийности при социализме
- ⁶² Цисарж Честмир – политический публицист, с 1957 г. зам. главного редактора «Руде право».
- ⁶³ Рейман Павел – сотрудник секретариата ЦК КПЧ, в 1948–1952 гг. ответственный редактор журнала «Нова мысл», с 1952 г. – сотрудник, а затем директор Института истории КПЧ.
- ⁶⁴ Речь идет об общегосударственной партийной конференции КПЧ, которая состоялась в декабре 1952 г.
- ⁶⁵ Госиоровский Милош – с 1949 г. по 1951 г. ответственный работник ЦК КПС, в 1951–1953 гг. секретарь ЦК КПС.
- ⁶⁶ Фриш Эдвард – словацкий журналист, редактор газеты ЦК КПС «Правда».
- ⁶⁷ Шефранек Юлиус – с 1946 г. по 1953 г. заведующий отделом ЦК КПС, с 1953 г. заведующий кафедрой марксизма-ленинизма в Университете им. Коменского (Братислава).
- ⁶⁸ Документ разослан А.Я. Вышинскому, А.Е. Богомолу, в Генсекретариат МИД СССР, в IV Е.О. На документе имеется помета: «2 копии для ВПК и т. Красильникову А.И. (Подпись неразборчива)».
- ⁶⁹ Фейфар Зденек – врач-кардиолог, научный сотрудник Института кровообращения.
- ⁷⁰ Брод Ян – с 1951 г. научный сотрудник, а затем руководитель научно-исследовательского Института кровообращения. В годы Второй мировой войны был в эмиграции в Англии и добровольно вступил в британскую армию.
- ⁷¹ Личность не установлена.

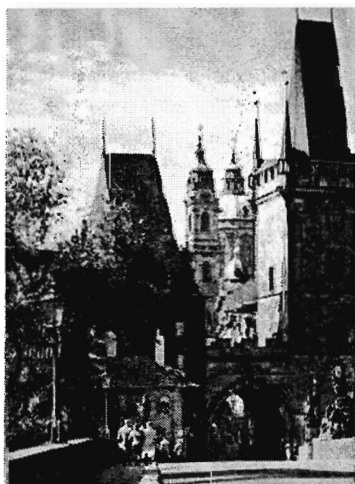
- ⁷² Зупка Франтишек – с 1949 г. член ЦК КПЧ, с 1950 г. председатель Центрального совета профсоюзов и член Президиума ЦК КПС.
- ⁷³ Широкий Вильям – с апреля 1945 г. до 1953 г. заместитель председателя правительства, с 1950 г. по 1953 г. министр иностранных дел, с 1945 г. член Президиума ЦК КПЧ и секретарь ЦК КПС.
- ⁷⁴ Документ разослан А.Я. Вышинскому, Г.М. Пушкину, в Генсекретариат МИД СССР. Помета: «Красильникову, пере[дать]. Г. Пушкин] 27/VI».
- ⁷⁵ Часть фразы от слов «арест бывшего секретаря» до слов «...вредительство» подчеркнута предположительно Пушкиным.
- ⁷⁶ Эта фраза подчеркнута.
- ⁷⁷ Речь идет о Партии словацкого возрождения, которая возникла после февральского кризиса 1948 г. на базе Демократической партии. Эта партия противостояла коммунистам и политически лидировала в словацком обществе в 1946–1947 гг.
- ⁷⁸ Сложность взаимоотношений с национальными меньшинствами в Чехословакии была связана с тем, что послевоенная Чехословацкая республика была провозглашена государством двух славянских народов – чехов и словаков. Национальные меньшинства при такой постановке вопроса фактически лишались прав на защиту своих национальных интересов. Особенно остро стоял вопрос о положении венгерского меньшинства.
- ⁷⁹ Документ разослан А.Я. Вышинскому, Г.М. Пушкину, в Генсекретариат МИД СССР, в ВПК.
- ⁸⁰ Опущен материал о состоянии сельского хозяйства.
- ⁸¹ Прхал Антонин – заместитель министра национальной безопасности.
- ⁸² Грегор Антонин – министр внешней торговли.
- ⁸³ Урвалек Йозеф – сотрудник прокуратуры.
- ⁸⁴ Имеется в виду процесс над политическим руководством национально-социалистической партии, который состоялся в 1949–1950 гг. Лидеры этой партии Земинова, Гораква и др. обвинялись в заговоре против республики.
- ⁸⁵ Ийше – член президиума Социалистической партии, ведал вопросами идеологии.
- ⁸⁶ Шлехта Эммануил – с 1945 г. по 1948 г. председатель правления Живностенского банка, в феврале 1948 г. поддержал КПЧ, став членом Центрального комитета действия Национального Фронта,

- с 1948 г. – председатель чешской Социалистической партии, в 1960 г. покончил с собой по политическим мотивам.
- ⁸⁷ Плойгар Йозеф – католический священник, активный деятель Народной партии, после февральского кризиса 1948 г. возглавил ту часть партии, которая поддержала коммунистов.
- ⁸⁸ Богомоллов Александр Ефремович – посол СССР в Чехословакии в 1952–1954 гг.
- ⁸⁹ Тисо Йозеф — глава правительства Словацкой республики с 1939 г. по 1944 г.
- ⁹⁰ Баштеванский Штефан – член Президиума ЦК КПЧ, секретарь ЦК КПС.
- ⁹¹ Документ разослан В.М. Молотову, П.Ф. Струнникову, И.И. Тугаринову, в дело.
- ⁹² Опущен материал о реорганизации системы школьного образования.
- ⁹³ Крайбих Карел – один из основателей КПЧ, посол Чехословакии в СССР.

1997

Избранное

IV

**СУДЬБЫ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ
В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Из истории национально-
конфессиональных
конфликтов) ***

Фонды российских архивов, в частности ГА РФ и РГАСПИ, располагают интересными коллекциями документов, которые позволяют провести сопоставительный анализ политики послевоенных правящих элит в конфессиональной сфере, выявить роль «советского фактора» в формировании ее направлений, проследить процесс смены модели отношений государства и церкви и установить прямую обусловленность некоторых аспектов этой политики от степени урегулирования властью в той или иной стране межнациональных отношений, прежде всего, отношений титульной нации с национальными меньшинствами. Это, на наш взгляд, дает возможность более обстоятельно ответить на вопрос почему судьба такой относительно немногочисленной конфессии, как греко-католики (или католицизм восточного обряда), превратилась в конце 40-х – начале 50-х годов в одну из острых политических проблем рассматриваемого региона? Почему ее решение и Москва, и новые власти в послевоенных Польше, Чехословакии и Румынии связывали с прямой ликвидацией греко-католической церкви как конфессионального института?

Причину такого подхода к решению судеб греко-католиков исследователи чаще всего усматривали в послевоенных гегемонистских устремлениях советского политического руководства, которое использовало Русскую православную церковь в качестве активного проводника своего влияния. Перевод греко-католиков в православие, зачастую осуществляемый откровенно принудительно, оценивался как наступление «советского православия» на позиции Ватикана. Ко-

---

* Государство и церковь в XX веке. Эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. М., 2011. С. 364–376.

нечно, нельзя отрицать значимость «советского фактора», он безусловно играл свою роль. Но вместе с тем нельзя и абстрагироваться, оставляя вне сферы внимания исследователей комплекс внутренних проблем, порождаемых в рассматриваемом регионе, прежде всего, наличием острых национально-территориальных и национально-политических противоречий, корни которых уходили не только в межвоенный период, но и в более глубокое историческое прошлое.

Достаточно вспомнить, что в первой половине XX в. наиболее крупную группу греко-католиков в регионе составляли этнические украинцы, проживавшие по большей части на территории довоенной Польши – на Вольни и в Галиции, где на их долю приходилось в 30-е годы XX в. 10–11% всех верующих граждан Польши. В Чехословакии украинские, русинские и словацкие униаты составляли 6,5% верующих, в Венгрии – около 3% ¹. В Румынии почти 8% населения признавали унию с Ватиканом. При этом в отличие от Польши, Чехословакии и Венгрии, где униаты являлись инонациональным меньшинством, как правило, не имевшим своего политического представительства в системе власти, в Румынии подавляющая часть греко-католиков относилась к титульной нации, то есть являлась этническими румынами, проживающими в многонациональной Трансильвании. Они в межвоенный период располагали своим политическим представительством в лице весьма влиятельной в румынском обществе Национал-царанистской партии (НЦП), объединявшей в своих рядах различные социальные группы – от представителей буржуазии и помещиков до всех слоев крестьянства. Возглавлял партию весьма известный в довоенной и послевоенной Румынии политик Ю. Маниу, униат по вероисповеданию. Поэтому неудивительно, что НЦП располагала прямой поддержкой иерархов греко-католической церкви и ее многочисленных массовых организаций.

Это обстоятельство весьма существенно отличало положение греко-католической церкви в Румынии от положения аналогичного конфессионального института в других странах рассматриваемого региона. Для украинцев и русин, разведенных государственными границами, принадлежность к греко-католической церкви становилась важнейшим показате-

лем, определяющим их общую национальную идентичность, их особое положение среди других наций – поляков, чехов, венгров, словаков, являющихся государствообразующими нациями и исповедующими в подавляющем большинстве католицизм.

В условиях межгосударственной разобщенности украинцев как нации греко-католическая церковь объективно брала на себя роль носителя национального самосознания, выдвигнув в качестве объединяющей идеи борьбу за создание самостоятельного, независимого украинского государства. Митрополит этой церкви А. Шептицкий еще в 1918 г., в период распада Австро-Венгерской монархии, активно выступал за создание независимого украинского государства. По его мнению, Украина не должна была этнографически и политически отождествляться с Великороссией. «Исторические судьбы и пути Украины и Великороссии различны»², – так определял глава украинских униатов отношения между двумя этнически близкими народами.

К началу Второй мировой войны он установил достаточно прочные контакты с праворадикальной «Организацией украинских националистов» (ОУН), созданной в 1929 г. при поддержке Берлина, где, собственно, и располагался ее руководящий центр. О том, что украинская греко-католическая церковь открыто связывала реализацию планов создания «соборной независимой Украины» с германским рейхом, свидетельствует послание Шептицкого Гитлеру, Герингу и Риббентропу, направленное 22 июня 1941 г. В нем, в частности, говорилось: «Украинская нация с 1918 г. ведет кровавую борьбу против польской и советской власти ради своего идеала – объединенной и свободной Украины, что является необходимым и очевидным. Уничтожение этого идеала государственности подорвет подлинную симпатию и доверие к немецкому порядку и негативно повлияет на жизненные интересы украинского народа и особенно на новый справедливый порядок в Восточной Европе»³. Однако реальность показала, что создание независимого украинского государства не входило в планы руководителей рейха. Изучение протоколов допросов униатских священников, арестованных органами НКВД в 1944–1945 гг., позволяет утверждать, что уже с осени 1941 г. низовое греко-католическое духовенство на территории Волыни, Гали-

ции и западных областей Украины стало подвергаться арестам со стороны германских оккупационных властей именно за распространение среди населения призывов к борьбе за независимую Украину. Иллюзии создания независимого украинского государства в союзе с Германией постепенно исчезали, а в польско-украинском приграничье развернулась острая межнациональная борьба, которую польский историк Р. Тожецкий определил как «столкновение двух национализмов».

Характеризуя ситуацию, сложившуюся к 1943 г. на территории, где проживала его паства, Шептицкий писал папе Пию XII: «Вся Волинь и частично Галиция заполнена бандами, которые имеют совершенно определенный политический порядок. Есть банды, которые состоят из поляков, другие из украинцев, третьи из коммунистов. Наряду с ними есть и настоящие банды – люди разных национальностей: немцы, евреи, поляки, русские»⁴. В конце концов митрополит был вынужден признать: «Приход большевиков, возможно, будет полезным в том смысле, что он положит конец анархии, которая царит теперь на всей земле»⁵.

В 1944 г. епископат украинской греко-католической церкви оказался в весьма сложной ситуации. Стало совершенно очевидно, что ставка на Германию как гаранта будущей украинской государственности явилась крупнейшей стратегической и политической ошибкой греко-католических иерархов и, в первую очередь, митрополита Шептицкого. Победа антигитлеровской коалиции фактически не оставила шансов на реализацию планов создания украинского национального государства. Было ясно, что заселенные украинцами-униатами территории в подавляющей части войдут в состав СССР или останутся в границах тех стран, которые окажутся в сфере советского политического влияния. Установление новых послевоенных границ в этом регионе вряд ли будет сопрягаться с планами и расчетами униатской церкви, запятнавшей себя сотрудничеством с фашистской Германией.

Все более четко обрисовывающиеся новые исторические реалии требовали от иерархов униатской церкви весьма оперативной и кардинальной смены политического курса, что затруднялось агрессивными антисоветскими и антипольскими устремлениями рядового духовенства и паствы. Соз-

давалась почва для отдаления части епископата, искавшего пути вывода украинской униатской церкви из политического тупика, от значительной части верующих, добивавшихся реализации идеи государственной самостоятельности.

В российских архивах имеются материалы, убедительно подтверждающие факт смены митрополитом Шептицким прежней политической ориентации и его прямого отказа от противостояния СССР. Одним из таких важных свидетельств является его письмо к Сталину, датированное 10 октября 1944 г. Оно начиналось словами благодарности, обращенными к «Вождю», «за присоединение западно-украинских земель к Великой Украине и за осуществление заветных желаний и стремлений украинцев, которые веками считали себя одним народом и хотели быть соединенными в одном государстве»⁶.

Из содержания письма совершенно очевидно, что митрополит зондировал почву для возможного компромисса с советской властью во имя обеспечения гарантий сохранения греко-католической церкви как конфессионального института в новых национально-государственных условиях.

Возникает вопрос, почему советская сторона пошла в 1944 г. на диалог с церковью, отмеченной «коричневым пятном» сотрудничества с нацизмом? Объяснение может быть одно: она рассчитывала поставить под свой контроль греко-католический епископат или ту его часть, что поддерживала позиции Шептицкого, и использовать влияние последнего для ослабления националистического (оуновского) подполья. Для Западной Украины и советско-польско-чехословацкого пограничья Москвой это рассматривалось как сверхважная политическая и военная задача. Здесь интересы Москвы, Праги и Варшавы, безусловно, совпадали. Курс на компромисс с униатами стал приобретать реальные очертания: осенью 1944 г., когда на уровне В.М. Молотова и Н.С. Хрущева прорабатывались практические вопросы функционирования униатской церкви, на местах началась регистрация религиозных общин, которым передавались в бессрочное пользование культовые сооружения.

Но смерть митрополита Шептицкого в ноябре 1944 г. и последовавшее утверждение главой униатской церкви И. Слипого, известного своей активностью в деле создания

украинской дивизии «СС-Галиция», существенно изменили соотношение сил и настроений внутри епископата. Это не могло не оказать влияния на ход и итоги переговоров прибывшей в Москву в декабре 1944 г. делегации греко-католической церкви. В ходе переговоров советской стороне не удалось достичь своей главной политической цели – получить твердое обязательство представителей украинской греко-католической церкви принять активное участие в ликвидации вооруженного подполья. После смерти Шептицкого в Москве не исключали возможности консолидации иерархов и низового духовенства, активно действовавшего в рядах ОУН-УПА. Возникла угроза, что Слипый предпримет попытку восстановления прерванных отношений с Ватиканом и развернет кампанию по массовому переходу униатов в католичество. Такие опасения имели под собой реальную почву и стали, по видимому, основной причиной резкого изменения Москвой курса в отношении униатов. Отказавшись от поиска компромиссов, советская сторона уже в начале 1945 г. взяла курс на прямую ликвидацию этого вероисповедного института. Можно предположить, что оба варианта отношений с униатами разрабатывались Москвой параллельно. Это предположение тем более обоснованно, если вспомнить, что курс на ликвидацию униатской церкви не был для советской власти чем-то новым. Разработка его относится, как показывают документы российских архивов, еще к январю 1941 г. Тогда советское руководство после присоединения западно-украинских и западно-белорусских земель впервые столкнулось с униатской проблемой. А.П. Берия предлагал в специальной записке правительству организовать раскол «между сторонниками западного и восточного обрядов, используя существующие между ними противоречия, дискредитировать руководителей униатской церкви»⁷. Однако начало войны помешало воплощению этой идеи в жизнь.

Решение ЦК, принятое в феврале 1945 г., показывает, что фактически состоялось возвращение к разработкам 1941 г. 17 марта Сталин, как глава правительства, подписал документ, разработанный в Совете по делам Русской православной церкви, «по проведению некоторых мероприятий на Украине, Белоруссии, Литве, Латвии, а также за границей, при-

званных сыграть значительную роль в борьбе против римско-католической церкви и униатства». В этом документе прямо отмечалось, что внутри униатской церкви, которая рассматривалась как «вдохновитель украинского национального движения, положившего начало бандеровскому и оуновскому бандитизму», «создана инициативная группа, цель которой являлось декларативно заявить о разрыве с Ватиканом и призвать униатское духовенство к переходу в православие»⁸. Вопрос о созыве собора униатского духовенства, призванного провозгласить Брестскую унию 1596 г. аннулированной, становился, таким образом, только вопросом времени и активности «инициативной группы», работавшей под бдительным оком советских органов безопасности. Весной 1946 г. собравшийся во Львове собор украинской греко-католической церкви принял искомое властью решение: Униатская украинская церковь в СССР была провозглашена несуществующей. Конфессиональное объединение проживающих в СССР украинцев на основе православия расценивалось властями как важнейшее условие устранения региональных различий украинцев и подведения идейной базы для исчезновения сепаратистских настроений. Однако история показала, что подобные расчеты не имели под собой реальной почвы. Они не выдержали испытания временем.

Решения Львовского собора в конкретной обстановке середины 40-х годов следует рассматривать как своего рода сигнал для сопредельных государств, который, как свидетельствуют документы Совета по делам РПЦ, был принят. Уже 17 июня 1946 г. вопрос о судьбах униатской церкви стал предметом обсуждения в Праге на встрече президента Э. Бенеша с председателем Совета по делам РПЦ Г.Г. Карповым. Из сохранившихся в российских архивах документов ясно, что вопрос о политике в отношении униатов оказался в беседе центральным. При этом важно отметить, что именно президент Бенеш был инициатором его обсуждения. Как сообщал Карпов в информационной записке Сталину 28 июня 1946 г., «президент в беседе со мной интересовался положением православной церкви в Советском Союзе, функциями возглавляемого мною Совета и историей перехода западных областей Украины в православие. Со своей стороны, президент

заявил, что правительство Советского Союза правильно разрешило религиозный вопрос, и он предполагает провести в Чехословакии аналогичные реформы. Кроме того, он высказал намерение осуществить мероприятия по переводу униатов Словакии в православие. Обсуждая проблему ликвидации Брестской унии, Бенеш заявил: «Советское правительство правильно и лучше всех разрешило церковный вопрос, а церковный вопрос есть почти национальный, и Вы, господин Карпов, умело осуществляете большое государственное дело». Видение судеб униатской церкви Бенеш сформулировал следующим образом: «Я думаю, что это очень скоро будет и у нас, что первыми присоединятся к православной церкви униаты. Там есть хорошие люди, хотя католики в Словакии очень злые (активные). Начинать надо с Вашей Закарпатской Украины, затем в Румынии, а потом уже у нас»⁹. Из беседы видно, что Бенеш, ставя вопрос о воссоединении униатов и православных, намеревался с помощью укрепления в Словакии позиций православной церкви ослабить влияние политического католицизма, который продемонстрировал послевоенной пражской элите свою силу на выборах в Национальное собрание страны в мае 1946 г. Однако развитие событий в ЧСР летом и осенью 1947 г. показало, что данное предположение Э. Бенеша осталось временно невостребованным. Главным полем политической борьбы в Словакии стала не конфессиональная, а политическая сфера. Практическое решение вопроса о будущем греко-католиков Словакии развернулось уже после установления монополярной власти коммунистов, когда перед новой правящей элитой встала задача смены модели отношений государства и католической церкви. Именно тогда новая правящая коммунистическая элита и вернулась к предложению Бенеша. Но об этом речь пойдет несколько позже.

Возвращаясь к беседе Э. Бенеша с Карповым, для нас важно заметить, что предлагаемая президентом очередность ликвидации униатской церкви в регионе и результативность этой акции связывались им с наличием в той или иной стране православной церкви и ее общественными позициями. Он совсем не случайно не упомянул Польшу, где в это время польское правительство проводило весьма жесткие меро-

приятия по выселению украинского населения на западные земли с тем, чтобы ликвидировать очаги компактного проживания национальных меньшинств. Это встречало вооруженное сопротивление украинцев, получавших прямую поддержку отрядов УПА. В развернувшейся ожесточенной межнациональной борьбе поляков и украинцев происходило прямое разрушение организационных структур греко-католической церкви.

Бенеш же ориентировался на решение вопроса в мирных формах. Позиция относительно будущего греко-католической церкви была сформулирована им однозначно и в тотальности, вполне устраивающей советскую сторону. Поэтому неудивительно, что Карпов довел до сведения советского руководства настроения пражской политической элиты и предложил план дальнейших действий в церковной политике в регионе. В документе предлагалось «принять меры к разложению униатской церкви в Словакии и постепенному ее переводу в православие»¹⁰. Формулируя конечную цель политики по отношению к униатской церкви, он не указал каких-либо конкретных сроков, ориентируясь, очевидно, на достаточно длительный период перехода униатов в православие.

Анализируя содержание беседы, для нас важно видеть разницу в подходах к обсуждаемой теме. Если Бенеш рассматривал перевод греко-католиков в православие, прежде всего, как меру внутривнутриполитическую, как шаг к ослаблению позиций словацкого католицизма, то Карпов видел в воссоединении двух конфессий, в первую очередь, возможность укрепления позиций православия в лице РПЦ, а, следовательно, и советского влияния в регионе. На рассмотренном примере видно, как внешний и внутренний фактор замыкались друг на друга, и обе стороны – чешская национальная политическая элита и Москва – оказывались на этом этапе развития заинтересованными, хотя и в силу разных причин, в ликвидации униатской церкви в послевоенные годы. (Однако дальнейшее развитие событий в Чехословакии показало, что такое совпадение интересов было временным.)

Сопоставительный анализ показывает, что момент «замыкания» внутреннего и внешнего факторов столь же наглядно прослеживался и в послевоенной Румынии, где в условиях

подъема разных по направленности национальных настроений, вызванных возвращением в состав страны многонациональной Трансильвании, конфессиональный фактор приобрел особую актуальность в политической борьбе.

Формула «румын – значит православный», традиционная для самосознания подавляющей части населения страны, оказалась востребована послевоенной политической элитой. После прихода к власти (при весьма активной поддержке советской стороны) коалиционного правительства с участием коммунистов, которое возглавил П. Гроза, эта формула получила четкую направленность против Национал-царанистской партии Ю. Маниу. Данная партия являлась наиболее активной силой в румынском обществе. Она выступала как против правительства П. Грозы, так и против программы Национально-демократического фронта, в основу которой была положена идея сплочения нации во имя демократизации общественного порядка.

Румынские униаты, как отмечалось выше, ориентировавшиеся на партию Маниу, не выступали в политической борьбе в качестве самостоятельного субъекта, а шли за спиной этой партии. Поэтому судьба греко-католической церкви в Румынии во многом зависела от победы или поражения национал-царанистов в развернувшемся после марта 1945 г. внутривнутриполитическом противостоянии. Если православная церковь традиционно заняла позицию поддержки коалиционного правительства, то униаты Трансильвании резко негативно относились к коалиционной власти. Греко-католические иерархи оказались в политически сложной ситуации. Они выступили как деструктивная сила, представлявшая угрозу национально-конфессиональной консолидации румынского общества в новых государственных послевоенных границах. Попытки правительства привлечь униатский епископат и духовенство к взаимопониманию и сотрудничеству с властью не находили позитивного отклика в этой среде. Решение правительства провести на пост митрополита свою кандидатуру было заблокировано Ватиканом и завершилось назначением в Румынию апостольского администратора в лице епископа Сучу, который являлся последовательным сторонником Ю. Маниу.

К сожалению, мы не располагаем достаточным мате-

риалом российских архивов, который отражал бы отношение Москвы к событиям, происходившим вокруг униатской церкви Румынии. Пожалуй, единственным документом на этот счет является упоминаемая беседа Бенеша с Карповым в июне 1946 г. На вопрос Э. Бенеша: «Что же предполагается сделать с униатами в Румынии?» Карпов ответил: «Это не дело Советского правительства, а Румынского правительства и Румынской церкви»¹¹. Такой ответ свидетельствовал, что Москва, будучи хорошо информированной о конфессиональной ситуации в Румынии, прекрасно понимала, что Румынская православная церковь, занимая проправительственные позиции, сумеет поглотить греко-католиков Трансильвании. Для советской стороны тогда значительно важнее было разрешение политического противостояния в Румынии, чем немедленное решение судьбы указанного вероисповедного института.

Поражение НЦП на парламентских выборах в ноябре 1946 г. было использовано правительством для ограничения общественных позиций всех конфессий. Принятые законы делали возможной чистку церковного аппарата от неугодных власти священнослужителей. Но это была только прелюдия к наступлению на оппозиционную власти греко-католическую церковь.

Переломным в конфессиональной политике румынского государства стал 1948 г., когда была принята новая конституция. В ней провозглашался принцип свободы и равенства граждан в сфере вероисповедания. Но вместе с тем в документе имелась статья, которая исключала присутствие церкви в системе общеобразовательной школы и вводила контроль государства над религиозными учебными заведениями. Греко-католический епископат отреагировал на конституцию весьма резким письмом на имя нового премьер-министра, которым стал руководитель компартии Г. Георгиу Деж. «У нас можно силой отобрать учреждения, которые зиждутся на поту и крови наших предков, но у нас невозможно отобрать убеждение, что в отношении нас совершается несправедливость... Мы чувствуем себя обязанными вести борьбу беспрестанно, всеми нашими силами и всеми законными средствами»¹². Документ был расцenen как свидетельство готовности греко-католической церкви к сопротивлению

действиям власти. Ответом стал отказ правительства от конкордата, заключенного между Румынией и Ватиканом в 1927 г. Власть тем самым получала возможность действовать в отношении униатов по собственному усмотрению, опираясь на ею принимаемые законы. Униаты оставались один на один с новым государством. Это в значительной мере и обусловило особенность акции по ликвидации греко-католической церкви в Румынии: здесь инициатором и исполнителем были не церковные институты, как в других странах, а официальные власти. В сентябре 1948 г. всем униатским священникам Министерство культов, как орган власти, предложило подписать обязательство делегировать представителей приходов на специальное заседание, которое выразит согласие греко-католиков на возвращение «в лоно православной церкви». Декретом от 1 декабря 1948 г. правительство ликвидировало существование всех структур униатской церкви в Румынии. Комментируя этот декрет, министр культов С. Стоян настойчиво подчеркивал, что «уния с Римом не была результатом инициативы румынского народа, который всегда был связан с восточной традицией православной церкви»¹³. Он определял униатскую церковь не только как «антидемократическую», но прежде всего как «антирумынскую». Таким образом, представитель власти в новых условиях озвучил официальную идею 30-х годов XX в. «румын – значит православный», которую реанимировали новые, теперь уже коммунистические, власти, поскольку опасались, что сопротивление униатского духовенства и верующих переводу в православие может дестабилизировать политическую ситуацию в Трансильвании.

Подобная же реанимация уже выше рассматриваемой бенешевской идеи относительно возвращения униатской церкви в Словакии в лоно православия произошла и в ЧСР в августе 1948 г. Превратившись после февральского кризиса 1948 г. в монополю правящую партию, КПЧ в качестве первоочередной в конфессиональной сфере поставила задачу отрыва от Ватикана как римско-католической, так и греко-католической церкви. Это рассматривалось новой коммунистической элитой не только как мера по ограничению идеологического влияния Запада на умы и настроения в чешском и словацком обществе, но и как важнейший шаг на пути

подчинения церкви государству и превращения ее в инструмент государственной политики. Но пути достижения намеченной цели были отличны. В документе, принятом 30 августа 1948 г. на совещании в ЦК КПЧ, было записано: «В Словакии мы имеем также проблему с греко-католической церковью, которая по литургии аналогична православной, а по вероучению, однако, тождественна римско-католической и папу признает своим главой. Эту проблему можно решить так же, как и проблему римско-католической церкви, но только с тем отличием (далее sic! – Авт.), что эта церковь не будет больше существовать как самостоятельная, поскольку будет присоединена к православной»¹⁴.

Советская сторона, судя по документам российских архивов, уже в ноябре 1948 г. располагала сведениями о начавшейся в партийно-политических кругах ЧСР подготовке мер, направленных на ликвидацию греко-католической церкви. Совет по делам РПЦ получил сообщение о встрече Я. Гавелки – секретаря церковной комиссии ЦК КПЧ – с управляющим делами экзархата Московской патриархии в Чехословакии Б.А. Черкесом. Гавелка в беседе поставил вопрос об опасности, которую представляет униатская церковь в Словакии, поскольку «поддерживает движение бендеровцев и имеет вредное влияние на массу сравнительно малосознательных и малограмотных людей, населяющих эту часть территории Чехословакии»¹⁵. Аналогичные сведения поступали в Москву и по дипломатическим каналам. В ноябре зам. министра иностранных дел СССР В.А. Зорин, курировавший церковную политику в странах Восточной Европы, направил Карпову срочную информацию о том, что правительство ЧСР разработало меры по дискредитации униатской церкви. Среди них центральное место будут занимать судебные процессы над священнослужителями – пособниками ОУН-УПА. Зорин просил Карпова срочно сформулировать мнение Совета по делам РПЦ в отношении намеченных Чехословацким правительством акций¹⁶.

На основе анализа ситуации Совет РПЦ пришел к выводу, что мероприятия по ликвидации греко-католической церкви «являются для Чехословакии преждевременными и могут привести к нежелательным результатам – то есть к пе-

реходу греко-католиков к римо-католикам, а репрессивные меры против греко-католического духовенства, уличенного в связях с националистическим подпольем, вряд ли вызовут значительный отход униатских верующих от церкви». План, разработанный в Праге, в Москве был оценен как тактически неадекватный реальной ситуации. При этом отмечалось, что «неудобно ставить перед чехословацким правительством вопрос о сути и целесообразности» разработанных мероприятий, «тем более, что правительство и не обращалось с этим вопросом». Тем не менее Совет считал необходимым довести до чехословацкой стороны ряд соображений, в частности, рекомендовал развернуть среди мирян и рядового духовенства движение против греко-католической иерархии, связанной с Ватиканом, и выдвинуть требование разрыва униатской церкви со Святым Престолом. Именно это и рассматривалось в Москве как важнейшая предпосылка перехода униатов в православие ¹⁷.

Мы не располагаем прямыми документами о реакции Праги на позицию Москвы. Исследования наших словацких коллег свидетельствуют, что в Праге вопрос об униатах в 1949 г. стал рассматриваться в несколько ином ключе, чем в 1948 г. Речь теперь шла о том, чтобы, прежде всего, не допустить латинизации униатов и развивать в их среде движение за возвращение в православие. Но, судя по материалам из Братиславы, поступавшим в Москву, словацкое партийное руководство стремилось активизировать действия по ликвидации униатской церкви. Именно с планами развалить эту церковь на Прешовщине приходил к генконсулу Л.Ф. Теплому первый секретарь ЦК КПС В. Широкий ¹⁸.

В Праге же в руководстве церковной комиссии ЦК КПЧ вопрос об униатах стал вновь рассматриваться лишь в конце лета 1949 г., о чем и свидетельствовала встреча главы этой комиссии – А. Чепички с экзархом Московской патриархии в Чехословакии митрополитом Елевферием 22 августа 1949 г. Причем ее инициатором был А. Чепичка. Именно он высказал предложение «об активизации работы православной церкви в Словакии против униатов», мотивировав его тем, что в «настоящее время для православной церкви созданы благоприятные условия, ...чтобы перевести несколько сот тысяч

верующих униатов в православие». Митрополит занял весьма осторожную позицию, которая, в свою очередь, объяснялась позицией председателя Совета по делам РПЦ Карпова. Последний же свою позицию фиксировал весьма однозначно: «Единственную возможность роста для православной церкви в Чехословакии я вижу в перспективе перехода греко-католических (униатских) приходов в православие по опыту, имеющемуся в Румынии, но для этого не созданы благоприятные условия»¹⁹.

Сопоставляя позиции чехословацкой стороны в лице церковной комиссии ЦК КПЧ и советской, представленной Советом по делам РПЦ, нельзя не видеть различий в подходах к решению униатской проблемы. Чехословацкая сторона рассчитывала превратить православную церковь, лояльную новому политическому режиму, в инструмент для раскола единого католического фронта, игравшего роль легальной оппозиции власти коммунистов. Такой шаг открывал правящей элите возможность активного использования «советского фактора» в своих политических интересах. Совет по делам РПЦ и Московская патриархия, напротив, не торопились форсировать события, направленные на ликвидацию Ужгородской унии, понимая возможные негативные последствия ее ввиду слабости позиций православной церкви в Словакии.

Однако предложение А. Чепички активизировать деятельность православной церкви против словацких униатов получило поддержку советского посольства в Праге. От его имени в Совет по делам РПЦ за подписью посла М.А. Силина и была представлена программа мер по работе среди униатов. К сожалению, состояние документальной базы не позволяет раскрыть процесс разработки этого документа. Нельзя установить, были ли встречи членов церковной комиссии ЦК КПЧ с сотрудниками советского посольства, кто персонально готовил указанный документ, в котором предлагалось обязать митрополита Елеферия установить конкретный срок (не далее второй половины сентября 1949 г.) для переговоров об условиях активизации работы православной церкви среди униатов. МИД СССР направил полученный документ в Совет по делам РПЦ. 7 сентября 1949 г. Карпов сообщил в МИД, что со стороны Совета «не встречается возражений против предложений Советского посольства в Праге по усилению деятельности православной

церкви в Словакии против униатов»²⁰. Данная формулировка означала, что программа советского посольства получила «добро» на уровне курировавшего вопросы конфессиональной политики заместителя председателя правительства В.М. Молотова.

Таким образом, инициированный А. Чепичкой во второй половине 1949 г. вопрос об ускорении перевода грекокатоликов в православие получил официальную поддержку советских высших инстанций. Теперь «советский фактор» в церковной политике правящих кругов ЧСР становился важной составляющей и был ими активно использован, что и было продемонстрировано во время подготовки и пребывания в стране делегации Московской патриархии в феврале 1950 г. Вывод, прозвучавший на заседании церковной комиссии ЦК КПЧ 27 февраля 1950 г., был сделан в ключе, заданном Чепичкой: визит православной делегации создал условия, чтобы приступить немедленно к переводу униатов в православие. Совет по делам РПЦ отреагировал на это решение письмом Карпова на имя зам. министра иностранных дел СССР В.А. Зорина, в котором открыто высказывались опасения, что поспешность в проведении этой акции может усилить переход униатов в римско-католическую церковь. МИДу также сообщалось, что православный экзарх располагает крайне слабыми кадрами, что проводимая разъяснительная работа среди униатов неэффективна, что большинство материалов напечатано на русском языке, и в них «употребляются откровенно антисемитские черносотенные выражения»²¹. Карпов просил Зорина дать распоряжение ознакомить посольство СССР в Праге с точкой зрения Совета. Но если судить по тому, как развивались события в Словакии в марте-апреле 1950 г., то становится очевидно, что опасения Совета не были приняты в расчет ни советским МИДом, ни чехословацкой стороной.

К осени 1950 г. стало очевидно, что, несмотря на провозглашенную 28 апреля 1950 г. ликвидацию Ужгородской унии, процесс перехода униатов в православие вступил в стадию застоя. Это, в свою очередь, усиливало стремление властей к использованию административно-репрессивных методов. Такая тенденция достаточно четко обрисовалась в ходе беседы советского посла Силина с главой созданного в Праге Государственного управления по делам церквей Зд. Фирлингером. В

ходе этой встречи выявилась и другая весьма беспокоившая советскую сторону тенденция: Фирлингер, анализируя ситуацию, заявил, что он вполне допускает возможность перехода униатов Словакии в римско-католическую веру, лишь бы они присоединялись к прогрессивным католикам. Советский посол увидел здесь весьма тревожный симптом, свидетельствовавший, что чехословацкие власти стали утрачивать интерес к православной церкви как силе, способной перетянуть униатов на свою сторону. Для Москвы это означало, что перспектива укрепления позиций православия, а, следовательно, и позиций Московской патриархии, в Чехословакии может утратить силу.

Причины сложившейся ситуации не случайны. Их корни, по-видимому, следует искать в существенно изменившихся внутривосточных условиях. По мере того, как властям через созданное на основе принятых в конце 1949 г. парламентом страны так называемых церковных законов удалось установить контроль за деятельностью наиболее влиятельной в обществе римско-католической церкви, сломив репрессивными мерами сопротивление ее епископата, и принудить его пусть даже временно отказаться от роли легальной оппозиции коммунистическому режиму, проблема ликвидации греко-католической церкви и униатства, так же как и проблема укрепления позиций православной церкви стали для правящей элиты утрачивать свою политическую значимость. Постепенно к 1954 г. в словацком руководстве произошло осознание иррациональности политики, проводимой в отношении униатов.

Таким образом, приведенный материал российских архивов свидетельствует, что в первые послевоенные годы в каждой из рассмотренных стран региона, помимо внешнего, «советского фактора», имелись свои внутренние причины, побуждавшие власти проводить в конфессиональной сфере политику, направленную, хотя и с разной степенью интенсивности, на ликвидацию униатской церкви. Принуждение в разных его формах было главным методом действия государства. Сегодня совершенно очевидно, что весь комплекс мероприятий, проведенных во второй половине 40-х – начале 50-х годов по разрушению организационных структур этой церкви, дал весьма кратковременный эффект. Практически уже во второй половине 50-х гг. XX в. для правящих коммунистических элит стало

ясно, что запрещенная униатская церковь, действуя в подполье, не только сохранила свою паству, но и сумела восстановить свои организационные структуры. Материалы российских архивов также свидетельствуют, что в периоды политических кризисов систем советского типа (1956, 1968, 1970 гг.) этот институт вновь стал активно выступать на арене общественной жизни указанных стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-х – 50-х годов XX в. М., 2008. С. 372.
- ² См. Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Н. Манухиной. М., 1994. С. 306.
- ³ Кравчук А. Християнська соціальна етика під час німецької окупації Галичини. 1941–1944 // Ковчег. № 2. Львів, 2000. С. 238.
- ⁴ Там же. С. 240.
- ⁵ Там же.
- ⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 5. Л. 94.
- ⁷ Цит. по: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Указ. соч. С. 379.
- ⁸ Исторический архив. М., 2000. № 2. С. 178.
- ⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 6. Д. 5. Л. 95; ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 273. Л. 116.
- ¹⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 6. Д. 5. Л. 96.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 19. Л. 16.
- ¹² Цит. по: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Указ. соч. С. 431.
- ¹³ Gillet O. Religion et nationalisme. L'ideologie de l'Eglise orthodoxe Roumaine sous le regime communiste. Bruxelles, 1997. P. 112.
- ¹⁴ Cirkevni komise UV KSČ. Edice dokumentů. Sv. I. 1949–1951. Brno, 1994. S. 23.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 579. Л. 231.
- ¹⁶ Там же. Л. 185.
- ¹⁷ Там же. Л. 187–188.
- ¹⁸ Там же. Д. 423. Л. 97.
- ¹⁹ Там же. Д. 579. Л. 126.
- ²⁰ Там же. Л. 190, 190об.
- ²¹ Там же. Д. 721. Л. 112–113.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ. 1948–1952 годы *

Для Чехословакии, Венгрии и Польши после установления в них к концу 40-х годов власти коммунистов, вопрос об отношениях с католической церковью выдвинулся в конфессиональной политике новых правящих элит на одно из ведущих мест.

Католицизм в обоих его обрядах (римо-католики и греко-католики) исповедовался большинством населения этих стран. Ведущую роль в данном тандеме играла римско-католическая церковь, представлявшая в Польше и Венгрии религию, которая еще в межвоенный период официально провозглашена была «государственной» или «главной».

Что касается Чехословацкой Республики (ЧСР), то здесь конституцией 1920 г. был провозглашен демократический принцип равенства всех вероисповеданий. Но среди двенадцати официально зарегистрированных в середине XX в. в Чехословакии церквей римско-католическая являлась наиболее массовой.

Однако укорененность католицизма в национальном сознании населения и степень влияния римско-католической церкви на общество в каждой из трех названных стран существенно различались. Если для поляков после разделов Польши в XVIII в. католический костел на протяжении двух веков являлся носителем идей борьбы за восстановление независимости Польши и символом государственности польской нации, то в исторической памяти чехов сохранялись традиции мощнейшего в Европе XV в. антикатолического гуситского движения. Здесь католицизм, скорее, воспринимался как религия «чужая», навязанная силой после разгрома чешских протестантов Габсбургами в XVII в. в битве на Бе-

---

* Новая и Новейшая история. № 2. Март–апрель 2007. С. 33–48.

лой горе и последовавшей затем рекатолизации Чешских земель. Фаворизация римско-католического костела со стороны Габсбургов, видевших в нем важнейшую опору своей власти, в немалой степени способствовала сохранению в чешском обществе XIX–XX вв. антикатолических настроений.

В Словакии же, которая вплоть до образования Чехословацкой Республики в 1918 г., развивалась в составе «земель венгерской короны» Австро-Венгерской монархии, конфессиональная ситуация была иной, чем в Чешских землях. Католицизм на протяжении веков оставался господствующей религией среди словаков, при том, что католическое духовенство вплоть до конца XIX в. было инонациональным – венгерским¹. Только в процессе национального возрождения стало формироваться словацкое духовенство, взявшее на себя роль носителя идей национального самосознания.

Что касается венгров, являвшихся в империи Габсбургов одной из двух господствующих наций, то в их общественном сознании католический костел воспринимался как одна из основ государственности. После распада Австро-Венгрии в 1918 г. и образования самостоятельного венгерского государства католицизм, оставаясь здесь традиционно господствующей религией, еще более укрепил свои позиции в период существования режима М. Хорти (1920–1944) с его идеей восстановления «Великой Венгрии». Именно католицизм рассматривался этим режимом как доминанта, призванная укреплять единство венгерской нации. Католическая церковь в таких условиях не только получала возрастающую финансовую поддержку со стороны государства. Ее верхушка, входившая автоматически в состав парламента, играла активную политическую роль, располагая правом налагать «вето» на любые законопроекты, касавшиеся церковных вопросов².

Степень укорененности католицизма в общественном сознании, определявшая во многом и возможность политического влияния католической церкви в каждой из стран, была различной. Но именно степень укорененности являлась тем объективным фактором, который неизбежно оказывал воздействие на формирование и характер государственно-церковных отношений и который каждая власть должна была принимать во внимание.

Святой престол как руководящий центр католического мира к рассматриваемому времени располагал выработанными на основе длительного исторического опыта нормами, регламентировавшими характер отношений с государственной властью различных типов – от монархий до демократических светских республик (Франция, Чехословакия) и авторитарных и тоталитарных режимов, получивших распространение на европейском континенте в 20–30-е гг. XX в. Отношения Ватикана с государствами разных типов определялись системой договоров и соглашений. Подписанные в межвоенный период соглашения с Ватиканом правительствами Польши (Конкордат 1925 г.), Чехословакии («Модус вивенди» 1928 г.), Италии (Латеранские соглашения 1929 г.), германского рейха (Конкордат 1933 г.) свидетельствовали, что в основу этих документов закладывались такие принципиально важные для Святого престола компоненты, как невмешательство государственной власти во внутреннюю жизнь национальных католических церквей (что являлось гарантией автономии их духовной и общественной жизни), обеспечение неограниченных контактов с руководящим центром всего католического мира, обеспечение прав и определение масштабов участия католической церкви в образовательной, воспитательной и социальной сферах жизни общества, гарантия неприкосновенности церковной собственности.

Вместе с тем для государственных властей чрезвычайно существенным было наличие в договорах положения об обязательном согласовании намечаемых Святым престолом кандидатур на высшие церковные должности, что позволяло государству в определенной мере осуществлять контроль за высшим эшелонem католической иерархии. Однако соотношение перечисленных компонентов в каждом из заключенных Святым престолом соглашений существенно различалось, в зависимости от того, с политическим режимом какого типа Ватикан имел дело. И это в немалой степени обеспечивало возможность католической церкви сосуществовать с любой по форме политической властью. Достаточно сравнить «Модус вивенди» 1928 г., определявший отношения Ватикана с ЧСР, и заключенные год спустя Латеранские соглашения с Итальянским королевством, где фактически был установлен

фашистский режим. Так, в соответствии с «Модус вивенди» Ватикан располагал правом подбора и назначения кадров на высшие церковные должности, т. е. на должности епископов и архиепископов. Но при этом предусматривалось предварительное обязательное согласование намеченных Святым престолом кандидатур с чехословацким правительством на предмет их политической благонадежности. Речь шла, в первую очередь, о невозможности участия предлагаемых Ватиканом кандидатов в деятельности сепаратистских и ирредентистских союзов и организаций, направленной против ЧСР как суверенного государства. Весьма существенным, на наш взгляд, было сформулированное в договоре положение о том, что никакая часть территории Чехословакии не будет находиться в подчинении епископа, если консистория его будет расположена за пределами республики. В документе также специально подчеркивалось, что все предлагаемые Ватиканом кандидаты должны быть гражданами ЧСР. Присяга, которую должны были приносить духовные лица, получавшие высокий духовный сан, содержала лишь один пункт – верность Чехословацкой Республике³.

В подписанных год спустя Латеранских соглашениях, определявших отношения Итальянского королевства с Ватиканом, был почти дословно повторен пункт из «Модус вивенди», регулирующий принципы и процедуру рукоположения высших церковных иерархов. Но здесь формула клятвы, приносимой священнослужителем при получении сана, носила отчетливо выраженный политический характер: «Клянусь и обещаю чтить и заставлять мое духовенство чтить короля и правительство, установленное согласно конституционным законам. Клянусь и обещаю, что не буду принимать участия ни в каком соглашении, не буду присутствовать ни в каком Совете, который мог бы нанести ущерб итальянскому государству и общественному порядку»⁴. Это была присяга на верность уже сложившемуся в стране фашистскому режиму. Глава его Б. Муссолини пошел, в свою очередь, на существенные уступки католической церкви и Святому престолу, взяв обязательство выплатить 750 млн. итальянских лир и ассигновать Ватикану пятипроцентный государственный заем в размере 1 млрд. лир. Не случайно папа Пий XI называл его

«человеком, ниспосланным Богом». Латеранские соглашения, таким образом, свидетельствовали о полном взаимопонимании между фашистским государством и папой Римским. Как отмечает венгерский исследователь Е. Гергей в работе «История папства», «конкордат и финансовые соглашения обеспечили церкви большие выгоды, однако настоящий политический капитал нажил на этих соглашениях фашизм»⁵. Исходившая временами из Ватикана критика тоталитарных тенденций итальянского фашизма не имела для последнего сколь-нибудь реальных негативных последствий. Лишь после поражения германских войск под Сталинградом зимой 1943 г. Ватикан стал рассматривать фашистский режим в Италии как преходящую временную форму государственного устройства⁶.

Если же обратиться к тексту Конкордата, заключенного Ватиканом с германским рейхом в 1933 г., то здесь более очевидно, чем в Латеранских соглашениях, проявлялось стремление власти добиться включенности католической церкви в формировавшуюся в Германии систему национал-социализма. Об этом свидетельствовал пункт о поддержке католического духовенства и освобождении официальных доходов духовенства от налогов в той же мере и степени, как и официальное жалование должностных лиц рейха. Священнослужители тем самым приравнивались к государственным служащим, что явно свидетельствовало о стремлении усилить зависимость духовных лиц от государства. Пункт о рукоположении епископов и архиепископов, а также других иерархов католической церкви был дополнен специальным положением, касающимся католических клириков, занимавших церковные и педагогические должности. Они обязательно должны были иметь гражданство Германии, свидетельство об окончании германской школы и не менее трех лет изучать философию и теологию в германском университете или в папском коллегииуме в Риме.

Присягу священнослужители, возведенные в сан епископов, должны были приносить или представителю рейха, или президенту рейха. Текст ее определялся формулой: «Перед Богом и Святым евангелием я клянусь и обещаю, приняв сан епископа, быть лояльным Германскому Рейху и Государству... Я клянусь и обещаю уважать законное правительство

и способствовать тому, чтобы и священнослужители уважали его. Исполняя духовное служение, буду заботиться о процветании и интересах Германского Рейха. Я буду стараться избегать любых действий, способных причинить ему ущерб»⁷.

Весьма важной с точки зрения установления тоталитарной системы и ликвидации политической оппозиции была заключительная статья Соглашения, в которой Святой престол предписывал своему духовенству и членам религиозных орденов не вступать ни в какие политические партии. Это открывало Гитлеру возможность преодолеть сопротивление католиков внутри страны, обязав их с помощью Святого престола быть лояльными гражданами в отношении режима. Суть подписания Святым престолом соглашения с рейхом четыре года спустя, в 1937 г., очень точно определил католический епископ К. Грозбер: «Если говорить об оценке немецкого конкордата, то равно как с заграничной, так и внутриполитической точки зрения это был далеко идущий международный договор нового Рейха, что партия и государство оценили как успех... что имело результатом благожелательный поворот верующих католиков к национал-социалистическому государству. ... С религиозно-церковной точки зрения конкордат означал ликвидацию отделения костела от государства во имя гармонического сотрудничества и правового обеспечения в церковно-политической сфере»⁸.

Последняя фраза епископа свидетельствовала, что он увидел заложенную в соглашении явно нежелательную для католической церкви потенциальную возможность ограничения ее независимости и внутренней самостоятельности со стороны тоталитарной власти.

Заключенные в межвоенный период Святым престолом договоры и соглашения весьма наглядно свидетельствовали о способности и намерениях Ватикана сотрудничать с режимами разного толка, в том числе и тоталитарными, обеспечивая им лояльность католической церкви при условии соблюдения этими режимами указанных выше норм (автономия церковной жизни, гарантия неприкосновенности церковной собственности, участие церкви в ряде сфер общественной жизни). Режим Муссолини в основном соблюдал данные нормы, и католическая церковь активно поддерживала его. Бо-

лее сложными были отношения Ватикана с нацистским режимом в Германии. Ватикан не возражал против ликвидации здесь демократических институтов и роспуска католической партии Центра. Но к 1936–1937 г. укрепившийся нацистский режим стал нарушать свои обязательства в отношении католической церкви, зафиксированные в соглашении, начав открытое наступление на католическую печать, ликвидацию католических школ и католического молодежного движения. Это был настораживающий симптом, в связи с которым папа Пий XI 14 марта 1937 г. направил костелу Германии специальную энциклику, где говорилось, что он согласился на конкордат только после значительных колебаний ради сохранения свободы костела в его миссии духовного извращения верующих Германии⁹.

Однако к этому времени было очевидно, что католическая церковь в Германии уже оказалась под контролем тоталитарного государства, и ее политическая лояльность в отношении режима не вызывала сомнений.

Объективно те же задачи обеспечения политической лояльности католической церкви встали в конце 40-х годов перед правящей коммунистической элитой Польши, Венгрии и Чехословакии, приступившей к формированию политических режимов советского типа. При этом важнейшими из них становились определение места католической церкви в новой формирующейся системе политического устройства и характера отношений с Ватиканом как руководящим центром католического мира. Однако к рассматриваемому времени появился ряд новых факторов, отсутствовавших в 20–30-е годы. На рубеже 40–50-х годов XX в. именно они и стали оказывать существенное влияние на развитие и характер государственно-церковных отношений в рассматриваемых странах. Среди них, прежде всего, на наш взгляд, следует отметить то весьма существенное обстоятельство, что новую элиту, утверждавшуюся у власти в рассматриваемом регионе, и Святой престол, являвшийся верховным органом католических церквей Чехословакии, Польши и Венгрии, разделял не только идеолого-мировоззренческий барьер, но и фактическая принадлежность к двум противостоявшим военно-политическим блокам. Папа Пий XII (папа Римский с 1939 г.)

после разгрома фашизма в Европе весьма недолго соблюдал формальный нейтралитет. С 1947 г. он уже начал открыто выступать с откровенно антикоммунистических позиций. Его заявление о том, что «церковь не может заключать компромисс с объявленным врагом Бога»¹⁰, стал для католической иерархии трех вышеназванных стран прямой политической ориентировкой – каким должен быть характер отношений с новой властью¹¹.

Кроме того, на формирование отношения церкви к новой власти не мог не оказывать влияние и другой фактор, ставший к концу 40-х годов в Восточноевропейском регионе очевидной реальностью. Здесь к власти при поддержке СССР пришли силы, провозглашавшие своей целью создание общественного строя, основанного на отрицании принципа частной собственности. Это означало прямую угрозу католической церкви, являвшейся в рассматриваемых странах не только крупным земельным собственником, но и располагавшей достаточно прочными позициями в других сферах хозяйства, что во многом и делало ее экономически независимой от национальной власти. Перспективы общественного переустройства, провозглашаемые пришедшей к власти политической элитой, не могли не вызывать негативного отношения церковной иерархии к таким важнейшим послевоенным реформам новой власти, как парцелляция земли, национализация промышленности, кооперирование мелкотоварного производства. Эти реформы создавали прямую угрозу возможности сохранения положения католической церкви как института, экономически независимого от государства.

Атеистическая же марксистская идеология как доктрина новых правящих национальных элит в регионе ставила для католической церкви «под вопрос» возможность сохранения в неприкосновенности ее традиционно сильных позиций в социальной, образовательной и воспитательной областях жизни общества.

Эти новые, по сравнению с довоенным периодом, обстоятельства резко сужали возможности достижения консенсуса между властью и католической церковью в Польше, Венгрии и Чехословакии на рубеже 40–50-х годов. Католическая церковь, прежде всего, ее иерархия, управляемая Ватиканом,

могла в таких условиях взять на себя роль легальной оппозиции новой правящей элите, в чем последняя отнюдь не была заинтересована. Ей нужна была церковь, лояльная формирующемуся режиму и находившаяся под ее контролем, т. е. встроена в политическую систему советского типа.

В соответствии с позицией Святого престола, призывавшего католиков противостоять коммунизму, римско-католический епископат названных стран не спешил делать заявления о лояльности новому режиму, хотя каждая из сторон (и власть, и католический епископат), как показывают документы МИД СССР, уже с середины 1948 г. предпринимала шаги, зондируя ситуацию и определяя точки возможных контактов и компромиссов.

Так, в Чехословакии на епископской конференции, состоявшейся в Оломоуце 3 мая 1948 г., была принята резолюция, в которой содержалось заверение правительству в том, что католическая церковь будет лояльной в отношении правительства, не будет вмешиваться в политическую жизнь страны и будет стоять на почве государственности. Однако руководство ЦК КПЧ, в лице его генерального секретаря Р. Сланского, расценило вышеназванные пункты резолюции как попытку епископов уйти от позитивной оценки событий февраля 1948 г. и от заявления о лояльном отношении к новому режиму. «Нас не интересуют их политические заявления, – говорил он на заседании Президиума ЦК КПЧ 4 мая 1948 г. – Нам необходимо, чтобы они молились за Готвальда, чтобы они сохраняли лояльность. Мы хотим добиться, чтобы они были против Ватикана, и для нас речь не идет о том, чтобы они участвовали в политической жизни»¹².

Тем не менее, несмотря на столь резкую реакцию одного из ведущих политиков КПЧ, в рамках Центрального комитета действия Национального фронта (НФ) в конце весны и начале лета 1948 г. проходили переговоры с католическим епископатом, о чем сообщали в Москву советские дипломаты: «Состоявшиеся в апреле, мае, начале июня (1948 г. – Г.М.) переговоры между католической церковью и Центральным Комитетом действия НФ вначале имели некоторый успех. Был подвергнут обсуждению целый ряд конкретных вопросов о сотрудничестве церквей, о воскресных рабочих брига-

дах, об имущественных проблемах католической церкви в связи с конфискацией земли, об увеличении (денежного. – Г.М.) содержания священников, вопрос о преподавании закона Божьего в школах».

Перечень обсуждаемых вопросов свидетельствовал, что власти соглашались на определенные формы участия католической церкви в общественной жизни страны, не исключалась и возможность компенсации за понесенный церковью материальный ущерб. «Однако переговоры, – подчеркивалось в сообщении, – не привели к желаемым результатам. По указанию Ватикана они были прерваны 17 июня 1948 г.»¹³.

Попытки переговоров предпринимались летом 1948 г. и в Венгрии, но здесь, в отличие от ЧСР, они носили скорее характер «пробных контактов», и инициатива исходила со стороны власти. Как свидетельствуют документы МИД СССР, в июле 1948 г. из Москвы в Будапешт был вызван венгерский посол Д. Сёкфью, который по поручению М. Ракоши вел переговоры с отдельными членами епископского корпуса. По возвращении в Москву Сёкфью сообщил заместителю министра иностранных дел В.А. Зорину, курировавшему вопросы конфессиональной политики в регионе, что «некоторые католики... выражают готовность вести переговоры с правительством. Однако кардинал Й. Миндсенти запретил им это»¹⁴.

Специфика государственно-церковных отношений в Венгрии во второй половине 40-х годов заключалась в том, что здесь, в отличие от других стран Восточной Европы, в ходе послевоенной аграрной реформы (1945–1946 гг.), осуществленной непосредственно под контролем Союзной Контрольной Комиссии, возглавляемой представителем СССР, католическая церковь была полностью лишена земельной собственности. Она раньше, чем в ЧСР и Польше, оказалась в прямой экономической зависимости от новой власти. Перед католическими иерархами Венгрии встал вопрос о необходимости решения проблемы содержания церкви путем заключения экономического соглашения с правительством, которое с 1948 г. возглавили коммунисты. Миндсенти категорически отказывался от каких-либо контактов с новой властью.

Именно вопрос о Миндсенти и его непримиримой позиции обсуждался на встрече М. Ракоши с епископами Л. Бана-

шем и Д. Чапиком¹⁵. Как информировал посла СССР в Венгрии Г.М. Пушкина ближайший соратник Ракоши М. Фаркаш, «Ракоши дал понять Чапику (так в документе. – Г.М.) и Банашу, что главным препятствием к урегулированию отношений является кардинал Миндсенти. В итоге обе стороны согласились на том, что Миндсенти нужно заменить таким лицом, которое нашло бы общий язык с венгерским правительством»¹⁶. Указанные епископы даже пытались предпринять попытки поставить этот вопрос в Ватикане, но согласия на замену Миндсенти, естественно, не получили. Советская сторона в лице Г.М. Пушкина считала, что «коммунисты переоценивают разногласия в католическом мире Венгрии... Можно не сомневаться в том, что Ватикан не снимет Миндсенти с поста кардинала до тех пор, пока не заключит важного для себя соглашения с венгерским правительством... Считаю неправильным сейчас не только заключать соглашения с Ватиканом, но и даже вести с ним переговоры»¹⁷.

Столь категоричную позицию советского посла, по видимому, можно объяснить опасениями, что Святой престол попытается использовать переговоры с венгерским правительством для восстановления уже ликвидированных экономических позиций католической церкви в этой стране.

Из приведенных материалов видно, что элементы диалога по линии «новая власть» – «национальный католический епископат», наблюдавшиеся весной-летом 1948 г., весьма насторожили Ватикан, который стремился сохранить за собой активную роль в урегулировании отношений католической церкви и власти в странах, входивших в формирующийся советский блок, и тем самым обеспечить себе канал прямого влияния на общественную атмосферу в регионе. Потому неслучайно начинавшийся диалог был прерван Ватиканом, что, в свою очередь, не могло не побуждать коммунистические режимы к акциям, направленным против Ватикана и католической церкви уже летом – осенью 1948 г. Во всех трех странах стали предприниматься конкретные шаги по сокращению общественного влияния католической церкви: началось ее вытеснение из сферы образования, сокращались тиражи католических изданий, в прессе и средствах массовой информации разворачивалась кампания против Ватикана и

лично против папы Пия XII.

Что касается Москвы, то проблема отношений властей Польши, Чехословакии и Венгрии с католическим клиром оставалась тогда для нее в значительной мере периферийной. Доступные исследователям на сегодняшний день фонды Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива социальной и политической истории (РГАСПИ) и Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) подтверждают этот тезис. Дипломатические документы, а также информационные материалы, поступившие в МИД СССР и в ЦК ВКП(б) в течение 1948 г., характеризуются почти полным отсутствием сведений о положении в католической церкви. Исключение составляли сообщения Г.М. Пушкина из Венгрии, о которых речь шла выше. Но наиболее ярким доказательством периферийности для советского руководства в этот период «католической проблемы», на наш взгляд, является встреча А.А. Жданова, М.А. Суслова и Г.М. Маленкова с генеральным секретарем ЦК КПЧ Р. Сланским 21 июня 1948 г. на заседании Коминформбюро в Бухаресте. На ней чехословацкая сторона сообщила советским представителям об отношениях с католической церковью. Как позже докладывал на заседании Президиума ЦК КПЧ Р. Сланский: «Мы рассказали о планах посорить нашу церковь с Ватиканом. Они пожелали нам, чтобы у нас это получилось»¹⁸.

Жданов, Суслов и Маленков, в свою очередь, докладывая Сталину с состоявшейся встрече, даже не упомянули поставленный Сланским важный для чехословацкой стороны вопрос об отношениях с католической церковью. «Сегодня утром мы имели встречу с польскими и чехословацкими деятелями. Беседы с чехами (Сланским) и поляками (Бергман, Завадский, Спыхальский) ничего существенно нового не дали. Чехи и поляки выразили солидарность с позицией ВКП(б) в югославском вопросе»¹⁹.

К осени 1948 г. планы и намерения Святого престола, ранее запретившего переговоры католического клира с властью, стали проясняться, о чем свидетельствовала поездка делегации чехословацкого епископата во главе с архиепископом И. Бераном в Рим в октябре 1948 г.²⁰. Цель поездки в

Ватикан – обсудить проблему взаимоотношений католической церкви с правительством. Делегация была принята папой Пием XII и государственным секретарем Д. Тардини.

По сведениям, полученным в Москве по дипломатическим каналам, указания Ватикана делегации чехословацких епископов сводились к следующему: не обострять до крайности отношений с правительством, «но и не уступать ему, с тем чтобы привести отношения с властью в такое состояние, чтобы верующие видели, что на церковь осуществляется нажим, но в этом нет вины духовенства... в случае конфликта с правительством церковь должна будет принять на себя все последствия и не бояться ни арестов, ни лишений, чтобы наглядно было видно, что церковь притесняется правительством»²¹. По-видимому, из таких же расчетов исходил Ватикан, когда в январе 1949 г. настойчиво рекомендовал новому прimate Польши С. Вышинскому, сменившему умершего к этому времени А. Хлонда, твердо занимавшего позицию «бескомпромиссного реагирования на зло», начать переговоры с польским правительством в целях урегулирования отношений с государством.

При этом прогноз развития ситуации в Восточной Европе на 1949 г. внешнеполитическим ведомством Ватикана был сформулирован так: весной 1949 г. «следует ожидать большого дипломатического нажима на СССР, и, вполне возможно, СССР уступит без войны. Если это случится, то Польша, Чехословакия и Венгрия попытаются освободиться от СССР»²².

Взяв курс на переговоры католической церкви с новыми режимами в Восточной Европе, Святой престол, сосредоточив в своих руках политическое руководство переговорными процессами, рассчитывал направлять их в нужное ему русло. Однако эта попытка Ватикана избежать обострения отношений католического епископата и новой власти путем «игры в переговоры» в ожидании предполагаемого им благоприятного изменения международной ситуации на деле оказалась бесперспективной.

Можно, скорее, предположить, что именно «бесконечность» и «безрезультативность» переговоров побудила правительства названных стран искать иную линию поведения в отношениях с костелом и Ватиканом. С весны 1949 г. в дей-

ствиях властных структур католических стран Центральной Европы стала прорисовываться тенденция к координации действий в конфессиональной сфере, и, в первую очередь, в отношении к католической церкви²³. Реальным шагом в этом направлении явилось совещание, состоявшееся в марте 1949 г. Сведения о нем крайне скудны. Польские и венгерские исследователи, не приводя каких-либо ссылок на конкретные документы, утверждают, что такое совещание было организовано под эгидой Коминформбюро. Но при этом они называют разные даты (от апреля до октября 1949 г.) и указывают различные места его проведения (Карловы Вары, Варшава).

Наши попытки отыскать в российских архивах РГАСПИ и ГА РФ какие-либо свидетельства о данном совещании позитивных результатов не дали. Лишь в материалах АВП РФ в фондах ТАСС имеется информация лондонского радио от 27 марта 1949 г. о том, что близ Варшавы состоялась конференция, в которой приняли участие «партийные лидеры стран-сателлитов СССР. На этой конференции обсуждался вопрос о тактике борьбы против христианства и, прежде всего, против католической церкви». Далее излагался план будущих действий, который состоял в том, «чтобы расколоть ряды католиков и направить верующих против священников, а священников против епископов, а также организовать движение, направленное на создание автокефальной национальной католической церкви»²⁴. Предлагается сеять раздор в лагере католиков. Так называемых «прогрессивных» или «демократических» священников будут настраивать против «реакционных» епископов. Из Чехословакии сообщается, говорилось далее в документе, что на прошлой неделе газеты резко выступили против церкви. «Статьи содержат угрозы и резкие нападки против личности папы, которого упрекают в том, что он под предлогом защиты религии вошел в сговор с американскими империалистами.

В этой кампании в печати можно усмотреть признаки обострения борьбы против церкви...

Из Польши также поступают сообщения, которые дают основания опасаться открытого конфликта между церковью и государством. Это обострение в Польше рассматривается как непосредственный результат конференции, состоявшей-

ся вблизи Варшавы»²⁵.

Сопоставление содержания этого документа с последующим развитием событий в Польше, Венгрии и Чехословакии подтверждает достоверность имеющейся в нем информации о конференции. Действительно, уже 25 апреля 1949 г. на заседании Президиума ЦК КПЧ специально обсуждался вопрос об отношениях с католической церковью. В дискуссии прямо заявлялось, что борьба с католической иерархией является общим делом Чехословакии, Венгрии и Польши. Ведущим направлением в ней должно стать развертывание «обновленного движения католиков»²⁶, которое и будет противостоять епископату под лозунгами «возрождения церкви в соответствии с принципами народной демократии». Это, по-видимому, была попытка найти выход из тупика переговоров с епископатом, не дававших власти никаких позитивных результатов. Предполагалось осуществлением раскола католической церкви создать для власти иных, более удобных, партнеров для заключения соглашения и тем самым исключить из переговорного процесса епископат и стоявший за его спиной Ватикан.

Другим направлением политики чехословацкого государства должно было стать установление монопольного контроля власти над организационными структурами католической церкви, чтобы, как подчеркивалось в документе, «сделать невозможным какое-либо противостояние со стороны реакционной иерархии»²⁷.

В конфессиональной политике польского правительства к середине лета 1949 г. также был четко сформулирован курс на раскол католического духовенства. Политбюро ЦК ПОРП 23 июля 1949 г. утвердило план стратегии массового удара. В ходе его реализации предполагалось не только осуществить раскол среди католиков, провести подчинение духовенства государственному аппарату, но и добиться подписания всеми духовными лицами декларации о лояльности. Этот план уже 1 августа 1949 г. стал предметом обсуждения на встрече в Москве Б. Берута со Сталиным. Сталин, если судить по записям Берута, которые цитируются польскими исследователями, одобрил идею раскола противостоящего власти католического фронта²⁸.

Что касается Венгрии, то здесь постановка вопроса о расколе католической церкви и поддержке «прогрессивного духовенства» против «реакционного» не нашла понимания среди партийного руководства. И. Реваи, курировавший конфессиональную политику в ЦК ВПТ, исходил, как сообщали в Прагу чехословацкие дипломаты из Будапешта, из того, что «в Венгрии нет таких слоев в римско-католическом духовенстве, на лояльность и сотрудничество с которыми народно-демократическое государство могло бы рассчитывать»²⁹. Поэтому не удивительно, что здесь основная ставка делалась на административные, принудительные меры подчинения церкви контролю государства.

Итак, можно констатировать, что к середине 1949 г. в конфессиональной политике правящих элит трех рассматриваемых стран появились два принципиально новых момента: во-первых, был определен курс на раскол католической церкви и отрыв так называемых «прогрессивных католиков» от Ватикана; во-вторых, выдвигалась как политически необходимая задача прямого подчинения церковных структур контролю государства.

Проведенное к настоящему времени изучение документов российских архивов, а также материалов Национального архива Чешской Республики по организации проправительственных движений в среде католического духовенства и верующих в 1949–1951 гг. в рассматриваемых трех странах дает основание сделать вывод о том, что избранный коммунистами весной 1949 г. курс на раскол католической церкви оказался малоэффективным. «Католическая акция» в Чехословакии³⁰, движение «ксендзов-патриотов» и «прогрессивных католиков» в Польше, выступавшие за сотрудничество с новым режимом, оставались движениями весьма незначительной части духовенства и не могли дать желаемых для властей политических результатов – изолировать католический епископат от рядовых священнослужителей и верующих.

Вряд ли можно объяснить это только укорененностью католицизма в общественном сознании населения или тем, что идейные основы инспирированных властями оппозиционных течений сводились только к одобрению правящих режимов и осуждению действий Ватикана как проводника

«империалистической политики США».

Слабая результативность усилий властных структур по организации оппозиционных католической иерархии движений в немалой степени была следствием и активных контракций Ватикана. 20 июня 1949 г. конгрегация «Святого официума»³¹ издала документ, в котором «Католическая акция», разворачивавшаяся в то время в Чехословакии, квалифицировалась «как пропагандистская, навязанная насилем и лестью». «Святой официум», – отмечалось в нем, – «выполняя свою задачу защиты веры и морали именем и авторитетом его Святейшества... папы Пия XII, осуждает и отвергает вышеуказанную акцию как схизматическую и одновременно заявляет, что все до единого духовные лица и верующие, которые в ней сознательно и добровольно участвовали или будут участвовать... объявляются схизматиками и отлучаются от католической церкви»³². Это была прелюдия декрета, утвержденного Пием XII 30 июня 1949 г., об отлучении от католической церкви членов компартий и их добровольных сознательных помощников. Документ был адресован отнюдь не только Западной Европе, но, пожалуй, не в меньшей (если не в большей) мере католикам Чехословакии, Польши, Венгрии и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Он выводил движение «прогрессивных католиков», «ксендзов-патриотов», сторонников «Католической акции» за рамки католической церкви: последние формально оказывались вне ее организационных структур. Данное обстоятельство, как показывают материалы Национального архива Чешской Республики, в немалой степени и стало тем «ушатом холодной воды», который привел к затуханию деятельности местных организаций «Католической акции» в Чехословакии³³.

В Польше же, где правительство развернуло мощную пропагандистскую кампанию против папского декрета и отказало польскому епископату в праве распространять текст этого документа и выполнять его на территории страны, численность «ксендзов-патриотов» оставалась крайне небольшой – около 10% приходского духовенства. Что касается Венгрии, то здесь в 1949 г. среди низового духовенства еще не возникло организованного течения, поддерживавшего идею сотрудничества с властью. Оно появилось год спустя в

форме «движения католических священников в защиту мира» и находилось под сильным патронатом государства.

Отмечая активное воздействие документа Ватикана от 30 июля 1949 г. на развитие государственно-церковных отношений в рассматриваемых странах, следует, вместе с тем, иметь ввиду, что его издание имело и другую сторону. Оно означало, по сути, отказ Святого престола от избранной им ранее тактики контроля за переговорными процессами «власть-католический епископат» в Восточной Европе и направления этих переговоров в нужное Ватикану русло.

Теперь, выдвинув тезис о необходимости отлучения всех, кто будет сотрудничать с коммунистами, Ватикан не только сам исключил себя из переговорного процесса, но и создал крайне сложную ситуацию для католических церквей и епископата в тех странах, где власть была в руках коммунистов. Папский декрет не оставлял епископату возможностей диалога с новой властью.

В этом плане весьма показательной была оценка названного документа Литомержицким епископом Ш. Трохтой – активным в этот период сторонником переговоров с правительством ЧСР. «Епископ Трохта расценивает экскоммуникацию, провозглашенную Ватиканом, как эксцентричную выходку; он не считает, что она будет оказывать большое влияние на решение наших внутренних государственных дел. Однако он опасается, что государство не захочет вести переговоры и перейдет к преследованиям», – сообщалось в известиях церковного отдела Центрального комитета действия Национального Фронта³⁴.

Действительно, с конца 1949 г. в конфессиональной политике правительств всех трех стран стали превалировать административно-принудительные меры, направленные на осуществление, если не политическим, то административным путем (с применением репрессивных мер) раскола в католической среде и изоляции католических иерархов от рядового духовенства.

К этому времени католическая церковь трех стран как институт, имевший независимые от государства источники средств существования (в первую очередь, в виде крупных земельных владений), по мере завершения аграрных реформ

и концентрации финансовых структур и основных отраслей промышленности в руках государства, была практически лишена. Для церкви создалась принципиально новая ситуация. Она объективно была поставлена перед необходимостью поиска консенсуса в экономических вопросах с новой властью. Такое положение откровенно использовалось правящей элитой для давления на католическое духовенство и епископат, чтобы добиться их политической лояльности.

Как уже отмечалось выше, глава венгерских католиков кардинал Й. Миндсенти не давал своего согласия на заключение экономического соглашения с правительством, что вызывало недовольство части епископата. После ареста Миндсенти в декабре 1948 г. епископат пошел на урегулирование этой проблемы. Священники и преподаватели закона Божьего стали полностью получать жалование от государства. Во второй половине 1949 г., после принятия новой конституции Венгерской Республики, закрепившей отделение церкви от государства, было издано правительственное распоряжение, в соответствии с которым все государственные служащие, чтобы получить должность, обязывались приносить присягу на верность республике³⁵. Это распоряжение в полной мере относилось к священнослужителям, ибо коренным образом меняло принципы оплаты их труда.

В Чехословакии осенью 1949 г., несмотря на организованную католическим епископатом кампанию протеста, сопровождавшуюся сбором подписей среди священнослужителей, был принят специальный закон об экономическом обеспечении церкви и государственном жаловании священнослужителям³⁶. Принятие его рассматривалось чехословацкими властями как акт, который позволит ликвидировать материальную зависимость рядового духовенства от церковной иерархии, в руках которой сосредоточивались ранее все финансовые потоки.

На основе этого закона католические священнослужители Чехословакии, как и в Венгрии, были приравнены к государственным служащим и должны были получать оплату за свой труд путем заключения индивидуальных соглашений с органами власти и только после принятия присяги на верность новому народно-демократическому строю³⁷. Это был

тот важный новый элемент, появившийся в государственно-церковных отношениях, который лишил церковную иерархию экономических рычагов воздействия на рядовое духовенство.

Ватикан еще на стадии обсуждения указанного законопроекта расценил его как неприемлемый для католической церкви, хотя здесь нельзя было не увидеть определенных аналогий с положениями, зафиксированными в соглашении Ватикана с германским рейхом в 1933 г. Но теперь, в 1949–1950 гг., Святой престол требовал от епископата обеих стран не признавать указанных актов, как ослабляющих влияние иерархов во внутрицерковной жизни и вынуждавших рядовое духовенство подчиняться «руке государства».

Для епископата, финансовая власть которого, безусловно, ослаблялась такими действиями правительств, жесткая позиция Ватикана была чревата опасностью нарастания среди духовенства настроений в пользу заключения соглашения католической церковью с правительством без согласия Ватикана. Епископы обеих стран вынуждены были дать свое официальное согласие на принятие священниками присяги на верность новому строю. 15 декабря 1949 г. Совет католических епископов Венгрии согласился на принятие присяги рядовыми священниками, не дожидаясь на этот счет какого-либо специального разрешения Ватикана ³⁸.

В Чехословакии же епископат, хотя и получил инструкцию из Ватикана не признавать закона о государственном экономическом обеспечении церкви, тем не менее не решился запретить священникам получать государственное жалование и, соответственно, принимать присягу. К 30 января 1950 г. в Чешских землях 97,2%, а в Словакии 96,1% ксендзов приняли присягу ³⁹. Однако ни один епископ ни в Венгрии, ни в Чехословакии присяги не принял, демонстрируя свое единство с позицией Ватикана.

Негативная реакция Ватикана на попытки властей подчинить духовенство государству и добиться от него провозглашения лояльности новому строю побудила правительственные органы усиливать административный нажим с тем, чтобы ограничить автономность, независимость епископских консисторий от государства. Во всех трех странах в течение 1949–1951 гг. при правительствах были созданы специаль-

ные органы, которым вменялось в обязанность курировать церковную жизнь. Хотя они и различались по объему полномочий и возможностям вмешательства во внутренние дела церкви, цель их существования была одна – поставить церковные институты под политический контроль власти, что на практике для католической церкви означало ликвидацию важнейшего для нее постулата – автономности существования, который ранее, как правило, закреплялся в соглашениях правительств со Святым престолом.

Пожалуй, из всех трех стран наиболее широкими полномочиями располагало созданное в 1949 г. в Чехословакии Государственное управление по делам церковей (ГУЦ). Это объяснялось, скорее всего, тем, что здесь церковь оставалась не отделенной от государства. Созданный административный орган получил статус министерства, возглавляемого вице-премьером. Последний одновременно являлся председателем Церковной комиссии ЦК КПЧ. Таким образом, в ЧСР вся церковная политика, включая кадровую, концентрировалась теперь в руках одного человека, облеченного одновременно и государственной, и партийной властью.

В Венгрии и Польше аналогичные органы, возникшие в 1950–1951 гг., располагали, прежде всего, контрольными функциями. При этом интересно отметить, что их созданию предшествовало изучение чехословацкого опыта. В материалах ГУЦ ЧСР имеются сообщения, что «товарищи из ВНР при создании венгерского государственного управления в 1951 г. ⁴⁰ имели встречи в Праге... получили ряд советов и информацию об организации ГУЦ, о политической работе среди священников» ⁴¹.

Венгерские политики, взявшие в конфессиональной политике, как отмечалось выше, курс на использование, в первую очередь, административно-принудительных мер, с большим вниманием следили за практикой в Чехословакии. Там в епископских консисториях через систему государственных уполномоченных осуществлялся контроль не только за входящей и исходящей корреспонденцией епископов, но и фактически велось наблюдение за всей деятельностью аппарата епископов. Этот институт рассматривался властными структурами как инструмент государственной политики внутри

католической церкви. В руках уполномоченных и их аппарата сосредоточивалось решение всех важнейших вопросов, прежде всего кадровых и экономических, что означало фактическое отстранение епископов от исполнения ими функций по управлению диоцезами ⁴².

Активные действия властей на конфессиональном фронте в условиях неоправдавшихся надежд Ватикана на международный нажим на СССР, а также лояльность немалой части населения в отношении новой власти ставили перед католическим епископатом всех трех стран дилемму: или искать пути соглашения с правящей коммунистической элитой и ценой уступок ей попытаться сохранить свое влияние в обществе, или превратиться в объект новых репрессий.

Первыми за возобновление переговоров с властью высказались польские иерархи, которые уже в начале 1950 г. располагали сведениями о намерении правительства издать декрет о праве государства назначать духовных лиц на церковные должности, т. е. реализовать аналогичные меры, проводимые властями Чехословакии и Венгрии. Кроме того, было известно о начале подготовки судебных процессов против некоторых высокопоставленных священнослужителей.

В результате переговоров польский епископат признал существующую власть, а также обещал дать разъяснения духовенству, чтобы оно не препятствовало созданию кооперативов в деревне, т. е. началу «социалистической коллективизации». Это было, с точки зрения властей, важнейшей политической уступкой костела. Для государства принципиальное значение имела и фиксация в соглашении положения о том, что власть папы распространяется лишь на вопросы веры, морали и костельной юрисдикции. Последнее, правда, означало, что за Святым престолом сохранялись прерогативы в решении кадровых вопросов. За рамками же внутрицерковных проблем костел брал на себя обязательство руководствоваться «польскими интересами». Государство, в свою очередь, давало гарантии сохранения факультативного преподавания религии в школе, совместного решения вопроса о военных капелланах, а также оставляло за церковью право присутствия в тюрьмах и больницах. Соглашение было подписано 14 апреля 1950 г. ⁴³.

Таким образом, польский костел публично отказывался от противостояния власти. Государство же, учитывая сильное влияние католической церкви в польском обществе, укорененность католицизма в национальном самосознании польского народа, в обмен на декларацию политической лояльности гарантировало костелу весьма немалую долю участия в общественной жизни страны.

Важно подчеркнуть, что такой документ появился вопреки желанию и согласию Ватикана. Это оказало весьма существенное воздействие на настроения католических иерархов других католических стран Центральной Европы. В Венгрии Калочский архиепископ И. Грѣс уже 20 июня 1950 г. поставил перед коллегией епископов вопрос о необходимости приступить к переговорам с правительством о заключении аналогичного польскому соглашению с властью ⁴⁴.

В качестве условий подтверждения своей лояльности режиму венгерские иерархи требовали, чтобы новая власть продемонстрировала свое намерение обеспечить свободу вероисповедания, сохранила факультативное изучение религии в школе при условии, если за это выскажутся 50% родителей, гарантировала тайну исповеди в тюрьмах, а также разрешила существование религиозных обществ, которые будут рекомендованы коллегией епископов ⁴⁵.

Власть же, со своей стороны, в основу переговоров положила документ, выработанный при заключении соглашений с представителями других конфессий. Он был предварительно обсужден венгерской стороной в Москве и получил название «Принципы заключения конкордата между церковью и государством». В нем фиксировалось создание постоянной смешанной комиссии из представителей церкви и государства для решения спорных вопросов; государство брало на себя обязательство обеспечить свободное исполнение религиозных потребностей (религиозные обряды в церкви и за ее пределами, обучение закону Божьему и т. д.), признать право церкви на содержание благотворительных институтов и обеспечивать материальную поддержку церкви до 1968 г. включительно, постепенно сокращая ее размеры.

Церковь же в соответствии с этим документом должна была признать национализацию школ. На богослужениях в

дни государственных праздников обязательными должны были стать молитвы за государственных вождей и за народ. Последнее требование носило откровенно политический характер и означало для католической церкви признание ею государственного строя Венгерской Народной Республики.

В итоге длительных переговоров в августе 1950 г. было подписано соглашение, в котором епископат признал ВНР и обязывался не допускать использования религиозных чувств верующих и католической церкви в антигосударственных целях, а также рекомендовал духовенству не препятствовать созданию производственных кооперативов в деревне. В этой части документа нельзя не видеть почти полной аналогии с соглашением польского епископата. Венгерские католические иерархи дали свое согласие и на национализацию школ при сохранении в них факультативного преподавания религии. Государство, в свою очередь, гарантировало обеспечение свободы вероисповедания, материальной поддержки церкви до 1968 г., а также признало право церкви содержать благотворительные общества ⁴⁶.

Таким образом, и в Польше, и в Венгрии власти добились от иерархов признания существующего строя. Дав согласие на проведение кооперирования (т. е. коллективизации) деревни, католическая церковь фактически продемонстрировала свой отказ от роли политического оппонента, что, в свою очередь, позволило ей обеспечить признание государством ряда важных для нее прав, прежде всего, в социальной сфере и сфере просвещения.

Факт заключения соглашения между властью и католической церковью в Польше и Венгрии, казалось бы, подсказывал выход из переговорного тупика, в который зашли к осени 1950 г. власть и католическая церковь в Чехословакии. Но к этому времени, как уже было показано выше, государство здесь располагало интенсивно действующими административными структурами, которые обеспечивали ему реальный контроль за всеми конфессиональными институтами, в том числе и за католической церковью. В сложившихся условиях, а также учитывая значительно меньшую, чем в Венгрии и в Польше, степень влияния католической церкви в стране, подписание соглашения с католическим епископатом

стало рассматриваться властями как нецелесообразная акция. 9 октября 1950 г. Пленум ЦК КПЧ предложил отложить начало возобновления переговоров с католическими иерархами в связи с готовящимися в стране двумя судебными процессами, где подсудимыми должны были стать в Чешских землях лица из окружения архиепископа И. Берана (в частности, его секретарь Я. Боукал и епископ С. Зела), в Словакии епископы М. Бузалка и Я. Войташшак, а также бывший глава греко-католической церкви П. Гойдич. Такое решение означало откровенное включение в арсенал воздействия на католический епископат методов устрашения. Католическим иерархам властью теперь диктовались условия капитуляции в форме принятия присяги на верность народно-демократическому строю. Причем, кандидатов, которые допускались к присяге, отбирало ГУЦ. В марте 1951 г. 6 из 13 чешских и словацких епископов принесли присягу президенту страны⁴⁷. Чехословацкие коммунистические политики придавали этому акту большое политическое значение, констатируя, что после подписания протокола о присяге ни один из иерархов не сможет действовать и принимать какие-либо решения без предварительного согласия государственных уполномоченных.

Фактическая капитуляция католического епископата Чехословакии вызвала большое беспокойство в Ватикане. Святой престол явно опасался, что примеру 6 епископов последуют и другие чешские и словацкие иерархи. В папском окружении началось осознание допущенных просчетов. Как сообщали из Рима чехословацкие дипломаты, «в Ватиканских кругах подчеркивают, что определенную вину за последние события в Праге несет и Ватикан, который мог бы в свое время поручить епископской конференции, чтобы епископы приняли условия (соглашения. – Г.М.), подобные польским, поскольку таким путем можно было сохранить хоть что-нибудь для блага церкви... В теперешней ситуации получается, что Ватикан утрачивает последнюю свою опору, какой является высокая церковная иерархия»⁴⁸. Это было признание Святым престолом своего поражения в восточноевропейском регионе. В 1950–1951 гг. складывавшиеся здесь новые государственные режимы все более интенсивно вмешивались

в жизнь католической церкви. Это наглядно подтверждалось развитием ситуации в Венгрии, где, несмотря на провозглашенное отделение церкви от государства, созданный в 1951 г. Комитет по делам церковей, формально для осуществления надзора за соблюдением договоренностей государства и церкви, в реальности располагал значительно более широкими полномочиями. Действуя в единой связке с органами безопасности, он принимал меры против неблагонадежных священников: мог лишать их жалования, переводить на другое место службы, а через епископов накладывать на них церковные взыскания ⁴⁹.

Деятельность епископов и их консисторий была поставлена под контроль государственных уполномоченных, функции которых во многом были аналогичны функциям этого института в Чехословакии. Назначение католических священников стало осуществляться епископами только после предварительного одобрения властью кандидатур новых священнослужителей, что на практике снижало объем компетенций епископата ⁵⁰.

Предпринимались открытые шаги и по ослаблению влияния Ватикана на внутреннюю жизнь католической церкви. В частности, была проведена реформа церковного территориального деления с целью приблизить существовавшие в Венгрии округа римско-католической церкви к новому административному делению страны. Причем, сделано это было без предварительного согласия Ватикана. Компетенции Ватикана был нанесен удар и постановлением правительства Венгрии, по которому назначение Ватиканом архиепископов, епископов и аббатов становилось возможным лишь после получения Святым престолом предварительного согласия правительства ВНР. Тем самым новая власть усиливала свои возможности регулировать и определять состав епископата ⁵¹.

Таким образом, на рубеже 40–50-х годов XX в. в процессе формирования новых политических режимов советского типа в Венгрии, Польше и Чехословакии произошли кардинальные изменения в характере отношений власти и римско-католической церкви. Их анализ позволяет сделать вывод о смене модели государственно-церковных отношений в трех рассмотренных католических странах. К 1950–1952 гг. вла-

сти этих стран установили государственно-административный контроль за деятельностью практически всех звеньев католической церкви. Тем самым оказалась существенно ограничена имевшая ранее место автономия духовной и общественной жизни этого института, закреплявшаяся, как правило, в соглашениях Святого престола с национальными правительствами. Тенденция к установлению такого контроля прослеживалась уже в межвоенный период, в частности, в Соглашении, заключенном Ватиканом с германским рейхом, и в последовавших в 1936–1937 гг. акциях нацистских властей против католической прессы и католических молодежных организаций. После Второй мировой войны к 1950–1952 гг. эта тенденция стала реальностью в католических странах Центральной Европы. Возможности самостоятельного участия католической церкви в жизни общества были сведены к минимуму. Однако масштабы ограничений деятельности католической церкви в каждой из трех рассмотренных стран существенно различались, что объяснялось различной степенью укорененности католицизма в национальном общественном сознании. Правительства этих стран вынуждены были в своей конфессиональной политике считаться с этим объективным фактором.

Проведя социально-экономические реформы, уничтожив церковную, прежде всего, крупную земельную собственность, новые власти Венгрии, Польши и Чехословакии в 1948–1952 гг. поставили католическую церковь в экономическую зависимость от государства, превратив тем самым священнослужителей в государственных служащих.

При этом важно подчеркнуть, что полученные экономические рычаги влияния (наряду с репрессивными акциями) активно использовались властью для прямого давления на духовенство и католический епископат, чтобы добиться от последнего официального заявления о поддержке нового режима.

Лишение католической церкви экономической независимости от государственной власти явилось тем фактором, который во многом и определил формирование новой модели государственно-церковных отношений, в которой решающую роль должна была играть власть, а церковь утрачивала возможность самостоятельных действий вне рамок соглашений, заключенных с властью.

Хотя коммунистам не удалось реализовать свои планы по созданию независимой от Святого престола католической церкви, тем не менее возможности Святого престола влиять на внутреннюю жизнь католических церквей в странах советского блока оказались существенно ограничены. Причины этого следует, на наш взгляд, видеть не столько в административных усилиях властей рассматриваемых трех стран (хотя и данный фактор нельзя недооценивать), сколько в реальных последствиях той политики, которую проводил Святой престол и его глава Пий XII. Издание декрета об отлучении коммунистов и их сторонников от католической церкви, как свидетельствовало последующее развитие событий, поставило католический епископат Венгрии, Польши и ЧСР перед необходимостью выбора: или, выполняя указания Ватикана, превратить католическую церковь в оппозиционную силу коммунистическим властям и тем самым сделать ее объектом террора и репрессий этих властей, или вопреки воле Святого престола искать пути и возможности соглашения с правительствами, чтобы, пойдя на уступки и заявив о своей политической лояльности к утверждавшемуся режиму, сохранить католическую церковь как институт, необходимый обществу.

События 1950 г. свидетельствуют, что католические иерархи Польши и Венгрии выбрали последнее. Они заключили соглашения с правительствами этих стран без предварительного согласования своих действий с Ватиканом. Последний вынужден был принять такие решения национального епископата, поскольку сам не располагал уже прежними инструментами воздействия на складывавшуюся ситуацию в рассматриваемых странах.

Заключение соглашений католического епископата с правительствами Венгрии и Польши, а затем последовавшее принятие присяги частью иерархов Чехословакии, Польши и Венгрии означало, что католическая церковь была поставлена властями на службу новому режиму.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Показательно, что даже в 1910 г. в ходе опросов из действовавших в словацких районах 4 тыс. священников только 541 назвал родным словацкий язык: История Словакии. М., 2003. С. 274–275.

- ² Чизмадна А., Ковач К., Асталош Л. История венгерского государства и права. М., 1986. С. 383.
- ³ См.: Sbíрка zákonů o narizení Československé Republiky ve věcech náboženských a církevních. Praha, 1929.
- ⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 98. Оп. 6. П. 25. Д. 6. Л. 20.
- ⁵ Подробнее см.: Гергей Е. История папства. М., 1996. С. 366.
- ⁶ Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. М., 1977. С. 172–173.
- ⁷ Concordat between the Holy See and German Reich July 20, 1933. Art. 16.
- ⁸ Ярмусик Э.С. Католический костел в Белоруссии в годы Второй мировой войны (1939–1945). Гродно, 2002. С. 67.
- ⁹ Подробнее см.: Гергей Е. Указ. соч. С. 370; Ярмусик Э.С. Указ. соч. С. 68.
- ¹⁰ Гергей Е. Указ. соч. С. 385.
- ¹¹ Здесь налицо существенное отличие по сравнению с ситуацией, складывавшейся в системе государственно-церковных отношений православных церквей региона с новой властью. Они, как известно, в значительной мере определялись многовековыми традициями цезаропапизма с одной стороны, а с другой, возмраставшим авторитетом и активностью Московской патриархии на международной арене с середины 40-х годов XX в. См. подробнее: Волокитина Т.В. Москва и православные автокефалии Болгарии, Румынии и Югославии. К проблеме восприятия советской модели государственно-церковных отношений в 40-е годы XX в. // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. Дискуссионные аспекты. М., 2003. С. 99–125.
- ¹² Kaplan K. Stát a církev v Československu. 1948–1953. Brno, 1993. S. 255.
- ¹³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 159. Д. 3. Л. 138.
- ¹⁴ Там же. Ф. 077. Оп. 28. П. 125. Д. 6. Л. 98.
- ¹⁵ Выбор этих двух кандидатур был, по-видимому, не случаен: оба епископа в 1945 г. были включены правительством в список кандидатов, из которых Святой престол должен был выбрать прimate – нового главу католиков Венгрии. Однако Святой престол отдал предпочтение Й. Миндсенти, кандидатура которого даже не рассматривалась правительством в качестве кандидата на пост прimate.

- ¹⁶ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 28. П. 125. Д. 6. Л. 98.
- ¹⁷ Там же. Л. 100.
- ¹⁸ *Kaplan K.* Op. cit. S. 43.
- ¹⁹ Совецания Коминформа 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 489–490.
- ²⁰ По сведениям чешского исследователя В. Вашко, кроме И. Берана в Ватикан приехали Кошицкий епископ И. Чарский и Литомержицкий епископ Ш. Трохта – активный сторонник переговоров с правительством: *Vaško V. Církev v zápasu s komunistickou totalitou na počátku 50 let. // Stát a církev v roce 1950.* Praha, 2001. S. 103
- ²¹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 159. Д. 3. Л. 142.
- ²² Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953. Т. II. 1949–1953. Документы. М., 2002. С. 62.
- ²³ К этому времени по дипломатическим каналам в Москву начинает поступать больше информационных материалов о ситуации в конфессиональной сфере, появляются и аналитические справки, касающиеся католической церкви.
- ²⁴ Идея создания независимой от Ватикана католической церкви и раньше имела место в послевоенном коммунистическом движении. В июне 1945 г. И.Б. Тито на встрече с представителями хорватского епископата подчеркивал, что католическая церковь могла бы быть более национальной, более близкой народу. Эту идею он поддерживал и позже (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 134. Л. 105). В Москве предложение разорвать отношения с Ватиканом, встав на путь создания автокефальной католической церкви в СССР, обсуждалось В.М. Молотовым и И.В. Полянским, возглавлявшим Совет по делам религиозных культов при СМ СССР, в декабре 1945 г. (Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. Дискуссионные аспекты. М., 2003. С. 133). Идея автокефальной католической церкви к 1948 г. присутствовала в планах чешских коммунистов, о чем говорилось выше.
- ²⁵ АВП РФ. Ф. 565. Оп. 16. П. 461. Д. 479. Л. 162–163.
- ²⁶ Здесь напрашивается параллель с «обновленческим движением» в Русской православной церкви в 20–30-е годы XX в. Но мы не располагаем какими-либо данными, которые позволили бы сделать вывод, что здесь напрямую был использован опыт советской стороны.
- ²⁷ *Kaplan K.* Op. cit. Příloha. Dokumenty. S. 353–357.

- ²⁸ *Dudek A. Kościół a Państwo w Polsce 1945–1970. Kraków, 1995. S. 17; Garlicki A. Bolesław Bierut. Warszawa, 1994. S. 69.*
- ²⁹ *Narodní Archiv České Republiky. F. 1058 SÚC. Č.j. 75. Kt. 9, 1.5.*
- ³⁰ Суть так называемой «Католической акции», разработанной в Церковной комиссии ЦК КПЧ, заключалась в том, чтобы, опираясь на благотворительную католическую организацию «Харита», во главе которой стоял священник Фиала, тесно сотрудничавший со времен войны с коммунистами, овладеть возрождавшимися массовыми католическими организациями, используя для этой цели движение прогрессивных католиков, добивавшееся сотрудничества церкви с новой властью. В ходе этой акции предполагалось оттеснить епископат от руководства массовыми католическими объединениями и союзами, с тем, чтобы последний, по словам К. Готвальда, «не превратил их в мятежные антидемократические организации». Однако архиепископ И. Беран объявил «Католическую акцию» схизматической, т. е. раскольнической. Чешский и словацкий епископат, твердо следуя указаниям Ватикана, в своем послании верующим заявил, что ни на какие соглашения с властью он не пойдет, «Католическую акцию» считает движением раскольников, а участие в ней «подлежит церковному наказанию» (*Narodní Archiv České Republiky. F. 1058 SÚC. Č.j. 95. Kt. 28. Zpráva církevního oddělení ÚAV-NF. 8.VI.1949.*)
- ³¹ Специальный контрольный орган в ватиканской администрации, устанавливавший соответствие того или иного документа или положения католическим догматам.
- ³² *Narodní Archiv České Republiky. F. 1058 SÚC. Č.j. 95. Kt. 28. Zpráva církevního oddělení ÚAV-NF. 3.VI.1949.*
- ³³ В фондах Национального архива Чешской Республики отложились документы, где приводятся сведения о массовых отзовах летом-осенью 1949 г. рядовыми священниками Чехословакии своих подписей в поддержку «Католической акции» (*Národní Archiv České Republiky. F. 1058 SÚC. Č.j. 95. Kt. 28.*). В ноябре 1949 г. один из разработчиков конфессиональной политики в правительстве ЧСР В. Экарт в беседе с секретарем советского посольства М. Фроловым говорил: «Правительство думало, что “Католическая акция” разъединит ряды католиков, и часть католиков, согласных с принципами народной демократии, перейдет в чехословацкую церковь. Однако этого пока не случилось» (*АВП РФ. Ф. 07. Оп. 22. П. 350. Д. 41. Л. 44.*)

- ³⁴ Národní Archiv České Republiky. F. 1058 SÚC. Č.j. 95. Kt. 28, Zpráva církevního oddělení ÚAV-NF, 19 července 1949 r. 1. 1.
- ³⁵ Egyházügyi hangulat-jlentesek 1951, 1953. Budapest, 2000. Old. 47.
- ³⁶ Pešek J. Konflikt medzi štátom a katolíckou hierarchiou o prijatie a realizáciu «církevných zákonov» (1949–1951) // Historický časopis, 1996. S. 445–446; Kaplan K. Op. cit. S. 99.
- ³⁷ Текст присяги, утвержденный специальным законодательным актом, был четко сориентирован на поддержку формировавшегося политического режима: «Клянусь своей честью и совестью, что буду верен Чехословацкой республике и ее народно-демократическому строю, что не предприму ничего, что будет угрожать его интересам, безопасности и целостности. Как гражданин народно-демократического государства я буду добросовестно выполнять свои обязанности, которые накладывает на меня мое положение, и обещаю, по мере моих сил, поддерживать созидательные усилия, направленные на благо народа». – Vaško V. Neumlčená kronika cirkve v Československu po druhej svetovej valce. T. II. Praha, 1990. S. 115–116.
- ³⁸ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 30. П. 209. Д. 1. Л. 10.
- ³⁹ Církevní komise ÚV KSČ 1949–1951. Edice dokumentu. D. I. Brno. 1994. S. 327.
- ⁴⁰ В советских дипломатических документах этот орган назывался Комитет по делам церквей.
- ⁴¹ Národní Archiv České Republiky. F. 1058 SÚC. Č.j. 75. Kt. 9. Неразобранные материалы.
- ⁴² См. подробнее: Vnuk F. Vládní zmocnění na biskupských uradoch v rokoch 1949–1951. Matica Slovenska, 1999.
- ⁴³ О подписании Соглашения подробнее см.: Żaryń J. Kościół a władza w PRL 1945–1950. Warszawa, 1997.
- ⁴⁴ Egyházügyi hangulat – jlentesek 1951, 1953. Budapest, 2000. Old. 47.
- ⁴⁵ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 29. П. 209. Д. 1. Л. 14.
- ⁴⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 133. Л. 54–55; Egyházügyi hangulat-jlentesek 1951, 1953. Old. 47.
- ⁴⁷ Národní Archiv České Republiky. F. AÚV-KSČ. F. 02/1. Sch. 9.10.1950.
- ⁴⁸ Ibid. F. 1058 SÚC. Č.j. 75. Kt. 9, MZV. Č. 1 15435/51-A/IV-3, 1.2.
- ⁴⁹ Egyházügyi hangulat – jlentesek 1951, 1953. Old. 56.
- ⁵⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 87. Л. 239.
- ⁵¹ АВП РФ. Ф. 566. Оп. 8. П. 611. Д. 115. Л. 122.

ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В СЛОВАКИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ *

В процессе работы над темой «Москва и Восточная Европа: государственно-церковные отношения в условиях общественных трансформаций в 40–50 гг. XX в.» коллективу Научного центра истории сталинизма в Восточной Европе удалось выявить в фондах российских архивов документы, которые дают возможность исследователям проследить роль и место «советского фактора» в формировании конфессиональной политики первых послевоенных элит. Представляется, что введение в научный оборот ранее недоступных советских документальных материалов позволит дать более многосторонний ответ и на вопрос, почему судьба такой относительно немногочисленной в рассматриваемом регионе конфессии, как католицизм восточного обряда (греко-католики) превратилась в одну из острых послевоенных политических проблем, а ее решение новые власти Польши, Румынии, Чехословакии искали в ликвидации греко-католической церкви как института.

В условиях послевоенного мира причину такого подхода легче всего искать в гегемонистских устремлениях советского политического руководства, в использовании им Русской православной церкви в качестве активного проводника своего влияния в регионе и видеть в переводе греко-католиков в православие, зачастую откровенно принудительном, прежде всего, наступление Русской православной церкви на католицизм. Но вряд ли подобный ответ будет исчерпывающим. При таком подходе за пределами внимания исследователей, волей или неволей, остается комплекс внутренних проблем, порождаемых в одних странах (например, в Польше) национально-территориальными противоречиями, в других, как в Румынии, решением вопросов формирования

---

* Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений XII–XX вв. СПб., 2009. С. 393–408.

(после присоединения Трансильвании) единой нации. Думается, что в Чехословакии внутренний фактор также играл активную роль, побуждая политиков предпринимать шаги, направленные на ликвидацию греко-католической церкви. Коллекция материалов, связанных с послевоенной историей греко-католической церкви в Словакии, собранная в фондах ГА РФ, а также документы из Архива внешней политики РФ и Архива Президента РФ расширяют историкам возможности проследить взаимодействие и взаимосвязь внутреннего и внешнего факторов в конфессиональной политике чешской и словацкой политических элит в конце 40-х начале 50-х гг.

Как свидетельствуют документы Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР, а также материалы Архива Президента РФ, вопрос о судьбах греко-католической церкви стал предметом советско-чехословацкого обсуждения 17 июня 1946 г. на встрече президента Э. Бенеша с председателем Совета по делам РПЦ при Совмине СССР Г.Г. Карповым в Праге, куда последний был приглашен чехословацким правительством. В настоящее время мы располагаем двумя вариантами записи этой беседы, сделанными советской стороной. Из обоих документов вытекает, что вопрос о политике в отношении греко-католической церкви, как в Словакии, так и в восточноевропейском регионе, оказался центральным. При этом важно отметить, что не Карпов, а именно президент Чехословакии был инициатором его обсуждения. 28 июня 1946 г. Карпов в информационном письме И.В. Сталину сообщал: «Президент в беседе со мной интересовался положением православной церкви в Советском Союзе, функциями возглавляемого мною Совета и историей перехода западных областей Украины в православие. Со своей стороны, президент заявил, что правительство Советского Союза правильно разрешило религиозный вопрос, и он предполагает провести в Чехословакии аналогичные реформы. Кроме того, он высказал намерение осуществить мероприятия по переводу униатов Словакии в православие»¹. Обсуждая проблему ликвидации Брестской унии, Бенеш заявил: «Советское правительство правильно и лучше всех разрешило церковный вопрос, а церковный вопрос есть почти национальный, и Вы, господин Карпов, умело осуществляете

большое государственное дело»². Свое видение судеб униатской церкви Э. Бенеш сформулировал следующим образом: «Я думаю, что это (перевод в православие. – Г.М.) очень скоро будет и у нас, что первыми присоединятся к православной церкви униаты. Там есть хорошие люди, хотя католики в Словакии очень злые (активные). Начинать надо с Вашей Закарпатской Украины, затем в Румынии, а потом уже у нас»³.

Предложенная программа действий, по-видимому, была «домашней заготовкой» президента. Как искушенный политик и дипломат, он понимал, что внешнеполитическая переориентация на СССР потребует внесения определенных коррективов в государственные отношения с Ватиканом и с католической церковью внутри страны. Поэтому его интерес к положению православной церкви в СССР, к функциям Совета по делам РПЦ, возглавляемого Карповым, был отнюдь не случаен. По всей вероятности, его внимание к этим сюжетам обуславливалось тем, что в случае расширения позиций православия в ЧСР, укреплялось бы положение той церкви, которая, как и в Советском Союзе, зависела бы, прежде всего, от государства. Предлагавшаяся им очередность ликвидации униатской церкви в регионе свидетельствовала, что Бенеш связывал результативность этой акции с наличием в той или иной стране сильной православной церкви. Поэтому он на первый план выдвинул СССР и Румынию. Однако он не упомянул Польшу, где в это время в межнациональной войне поляков и украинцев происходило разрушение организационных структур греко-католической церкви. Бенеш же ориентировался на решение этого вопроса в мирных формах.

Приведенный материал свидетельствует, что позиция относительно будущего греко-католической церкви была сформулирована президентом однозначно и в тональности, устраивающей советскую сторону. Поэтому неудивительно, что Карпов довел до сведения первых лиц советского государства настроения пражской политической элиты и предложил план дальнейших действий в церковной политике в регионе, в котором предлагалось «принять меры к разложению униатской церкви в Словакии и постепенному ее переводу в православие»⁴. При этом, формулируя конечную цель политики по отношению к униатской церкви, он не указывал конкретных

сроков и ориентировался на достаточно длительный период перехода униатов в православие.

Но если Бенеш, ставя вопрос о необходимости перевода греко-католиков Словакии в православие, рассматривал эту меру, прежде всего, как внутривосточную, как шаг к ослаблению позиций словацкого католицизма, продемонстрировавшего Праге на парламентских выборах свою силу, то Карпов же подходил к решению вопроса о судьбах униатов в Словакии с иных позиций. В воссоединении двух конфессий он видел, прежде всего, шанс укрепления позиций православия в лице Русской православной церкви, а, следовательно, и советского влияния в регионе.

Внутренний и внешний фактор здесь замыкались друг на друга, и обе стороны – и пражская политическая элита и Москва – оказывались взаимно заинтересованными в реализации этой акции.

Если принять во внимание это обстоятельство, то становится понятным, почему с 1946 г. деятельность греко-католического епископа П. Гойдича стала объектом пристального внимания не только государственных органов Чехословакии. Москва также достаточно регулярно получала информацию на этот счет. Так, в конце мая 1947 г. в Совет по делам РПЦ поступила информация, что П. Гойдич «выступил резко против единения чехов и словаков» и что якобы в левых кругах правительства появилась идея организации процесса над ним, чтобы, используя «формальную опрометчивость Гойдича, нанести генеральный удар по униатам, а потом, закрепив за православием позиции, перейти в наступление против католицизма»⁵. Управляющий делами экзархата Московской патриархии в Чехословакии Б.Л. Черкес, активный приверженец идеи участия чешской православной церкви в акциях против униатов, весьма настойчиво добивался личных консультаций в Москве в Совете по делам РПЦ по поводу изложенных им планов. Однако здесь к полученной информации отнеслись весьма осторожно, и, судя по пометам на документе, он просто остался в архиве Совета.

Развитие событий в Словакии летом-осенью 1947 г. показало, что план нанесения удара по словацкому католицизму через воссоединение униатской церкви с православ-

ной остался не востребовавшимся. Причины этого следует видеть не столько в слабости позиций чешской православной церкви, не столько в укорененности католицизма и авторитете этой конфессии в словацком обществе, сколько в том, что главным полем борьбы общественных сил являлась не конфессиональная, а политическая сфера. Удар по политическому оплоту словацкого послевоенного католицизма – Демократической партии был нанесен ее противниками – коммунистами способом, уже апробированным ими в других странах: через разоблачение так называемого антигосударственного заговора и обвинение ведущих лидеров Демократической партии в причастности к этому заговору.

Практическое решение вопроса о будущем словацкой греко-католической церкви, в отличие от Польши и Румынии, проходило уже на принципиально ином этапе общественного развития – после установления монополевой власти коммунистов, когда во всем регионе началось формирование политических режимов советского типа, а перед коммунистической элитой встала задача определения места конфессиональных институтов в структурах формировавшихся авторитарно-тоталитарных режимов. Для Чехословакии речь, прежде всего, шла о месте католических церквей обоих обрядов в новой системе политического устройства и об отношениях с Ватиканом как руководящим центром католического мира.

Как известно исследователям, основы новой конфессиональной политики были изложены в документе, одобренном на совещании в ЦК КПЧ 30 августа 1948 г. С точки зрения рассматриваемой проблемы этот документ представляет интерес потому, что его разработчики, казалось, вернулись к позиции Э. Бенеша, сформулированной им в беседе с Г.Г. Карповым.

Но если тогда воссоединение униатов Словакии с православной церковью рассматривалось Бенешем, прежде всего, как необходимость, продиктованная сложившейся после выборов 1946 г. реальностью, то во второй половине 1948 г. речь шла о принципиально иной перспективе. Превратившись в монополично правящую, компартия ставила теперь задачу отрыва обеих католических церквей от Ватикана, превращения, прежде всего, римско-католической церкви как наибо-

лее влиятельной в национальную, независимую от Святого престола. Это рассматривалось новой политической элитой не только как мера по ограничению идеологического влияния Запада на умы и настроения в чешском и словацком обществе, но и как важнейший шаг на пути подчинения церкви государству через включение ее институтов в структуры политической системы авторитарно-тоталитарного типа и, тем самым, превращения в инструмент государственной политики КПЧ. Такие же подходы стали теперь определять судьбу и греко-католической церкви в Словакии.

В документе, одобренном 30 августа 1948 г., было записано: «В Словакии мы имеем также еще проблему с греко-католической церковью, которая по литургии аналогична православной, а по вероучению, однако, тождественна римско-католической и папу признает своим главой. Эту проблему можно решить так же, как проблему римско-католической церкви, но с тем отличием, что эта церковь не будет больше существовать как самостоятельная, поскольку будет присоединена к православной»⁶.

Советская сторона, судя по документам российских архивов, уже в ноябре 1948 г. располагала сведениями о начавшейся в партийно-государственных кругах ЧСР подготовке конкретных мер, направленных на ликвидацию греко-католической церкви. В частности, Совет по делам РПЦ получил сообщение о встрече Я. Гавелки – секретаря церковной комиссии ЦК КПЧ, отвечающего за предстоявшую акцию, с Б.А. Черкесом. Гавелкой был поставлен вопрос об опасности, которую представляет греко-католическая церковь, ибо она «поддерживает движение бандеровцев и имеет вредное влияние на массу сравнительно малосознательных и малограмотных людей, населяющих эту часть территории Чехословакии»⁷.

Аналогичные сведения поступали в Москву и по дипломатическим каналам. 27 ноября 1948 г. зам. министра иностранных дел СССР В.А Зорин, курировавший конфессиональные проблемы в Восточной Европе, направил на имя Карпова срочную информацию о том, что правительство ЧСР разработало ряд мер по дискредитации греко-католической церкви. Среди них центральное место будут занимать судебные процессы над священнослужителями как пособниками

ОУН–УПА. При этом, судя по пометам на документе, Зорин специально звонил Карпову с просьбой срочно сформулировать отношение Совета по делам РПЦ к намеченным чехословацким правительством акциям, с тем, чтобы заранее определить «позицию православной церкви в период постановки вопроса о закрытии некоторых приходов греко-католиков в стране, которые могут быть переданы православной церкви»⁸.

Не разбирая подробно ответ Совета по делам РПЦ (документ уже нами опубликован), подчеркну только, что главный вывод сводился к тому, что мероприятия по ликвидации греко-католической церкви «являются для Чехословакии преждевременными и могут привести к нежелательным результатам, то есть переходу греко-католиков к римо-католикам, а репрессивные меры против греко-католического духовенства, уличенного в связях с националистическим подпольем, вряд ли вызовут значительный отход группы униатских верующих от церкви»⁹.

Из этого документа со всей очевидностью вытекает, что план мероприятий «по дискредитации и разложению греко-католической церкви», разработанный в Праге не получил в Москве позитивной оценки. Фактически он был оценен как тактически неадекватный реальной ситуации, и Праге в весьма осторожной форме¹⁰ через посольство СССР рекомендовалось развернуть снизу, среди демократически настроенной части рядового греко-католического духовенства и мирян, движение против греко-католической иерархии, прочно связанной с Ватиканом. Это движение должно было «осуждать связи реакционного духовенства с Ватиканом и буржуазно-националистическим, террористическим подпольем в стране»¹¹ и выдвинуть требования разрыва греко-католической церкви с Ватиканом, что и рассматривалось как одна из важнейших предпосылок для перехода униатов в православие.

Другой важнейшей предпосылкой должно было стать укрепление позиций православной церкви. Эта мысль неоднократно и настойчиво подчеркивалась Советом и в других документах. К сожалению, мы не располагаем прямыми документами, свидетельствующими о реакции чехословацкой стороны на позицию Москвы. Исследования же наших словацких коллег (в частности, М. Барновского) показывают, что

хотя в Праге греко-католическая церковь рассматривалась «как боевая реакционная сила», вопрос об отношении к ней в начале 1949 г. стал рассматриваться в несколько ином ключе. Теперь речь шла о том, чтобы не допустить латинизации униатов, развивать в их среде движение за возвращение к православию и поддерживать православную церковь. Однако, нужно сказать, что из Словакии, судя по материалам советского генконсульства, продолжала поступать информация в Москву о намерениях словацкого партийного руководства вести курс на ликвидацию греко-католической церкви по причине ее тесных связей с бандеровским движением. Именно с такими планами развалить и ликвидировать униатскую церковь на Прешовщине (путем закрытия греко-католических монастырей и церквей) приходил к генконсулу А.Ф. Теплову первый секретарь ЦК КПС В. Широкий в апреле 1949 г.¹² Отмечая некоторую корректировку позиции в Праге, по видимому, можно предположить, что, кроме позиции Москвы, действовал и еще один фактор, продиктовавший необходимость более осторожного подхода властей к решению вопроса об униатах. С весны 1949 г. в действиях властных структур католических стран советского блока стала отчетливо прорисовываться тенденция к координации действий в конфессиональной сфере. Свидетельством этого было совещание представителей компартий, состоявшееся в марте 1949 г. по вопросам будущей конфессиональной политики. Наши зарубежные коллеги считают, что оно было организовано под эгидой Коминформбюро, и называют разные даты и место его проведения.

Предпринятые нами попытки отыскать в архивах Российской Федерации какие-либо материалы о нем позитивных результатов не дали. Лишь в фондах ТАСС удалось найти информацию Лондонского радио от 27 марта 1949 г. о том, что вблизи Варшавы состоялась конференция, в которой принимали участие «партийные лидеры стран-сателлитов СССР». На этой конференции обсуждался вопрос о тактике борьбы против христианства и, прежде всего, против католической церкви. Здесь был выработан план «расколоть ряды католиков и направить верующих против священников, а священников против епископов, а также организовать движение, направленное на создание автокефальной католиче-

ской церкви»¹³.

В рамках выработанных на этом совещании установок в реорганизованной церковной комиссии ЦК КПЧ, по-видимому, и стала разрабатываться акция, направленная на раскол римско-католической церкви. Речь идет о так называемой «католической акции», подготовка к которой в определенной мере и могла отодвинуть проблему униатов временно на второй план. Однако к концу лета 1949 г. стало очевидно, что попытка отколоть низовое римско-католическое духовенство от епископата, несмотря на оптимистические реплики чехословацкого партийного руководства в Москву, не достигла поставленных целей.

Можно предположить, что именно необходимость «взять реванш» побудила руководство церковной комиссии ЦК КПЧ вновь обратить внимание на греко-католиков. Встреча А. Чепички – главы этой комиссии, с экзархом Московской патриархии в Чехословакии митрополитом Елевферием 22 августа 1949 г. подтверждает эту версию. Инициатором встречи был Чепичка. По информации, полученной Советом по делам РПЦ по дипломатическим каналам, «... министр Чепичка ...высказал предложение об активизации работы православной церкви в Словакии против униатов. Чепичка сказал, что в настоящее время для православной церкви создались благоприятные условия для своей деятельности, чтобы перевести несколько сот тысяч верующих униатов в православие. ... Елевферий на это митристу ничего не ответил»¹⁴.

Осторожная реакция митрополита на предложение Чепички объяснялась в немалой степени тем, что ранее, в мае 1949 г., будучи в Москве, он обсуждал проблему перевода униатов Словакии в православие с председателем Совета по делам РПЦ Карповым. Последний тогда очень четко зафиксировал позицию Совета: «Единственную возможность роста для православной церкви в Чехословакии я вижу в перспективе перехода греко-католических (униатских) приходов в православие по опыту, имеющемуся в Румынии, но для этого еще не созданы благоприятные условия»¹⁵.

Сопоставляя позиции чехословацкой стороны в лице церковной комиссии ЦК КПЧ и советской, представленной Советом по делам РПЦ, нельзя не видеть различий в подходах к

решению униатской проблемы. Коммунистическому руководству в Праге на фоне неудач с реализацией «католической акции» был весьма важен успех именно в этой части республики. В связи со сложившейся обстановкой оно рассчитывало использовать православную церковь, хотя и располагавшую весьма ограниченным влиянием среди населения, но политически лояльную новому режиму, в качестве инструмента для раскола единого католического фронта, игравшего роль легальной оппозиции власти коммунистов. Такой шаг открывал возможность правящей элите возможность активного использования «советского фактора» в своих политических интересах.

Совет по делам РПЦ и, соответственно, Московская патриархия не торопились, однако, форсировать события, направленные на ликвидацию Ужгородской унии *, понимая возможные негативные последствия слабости позиций православной церкви в Словакии.

Опыт ликвидации Брестской унии ** на территории Западной Украины наглядно свидетельствовал, что с помощью административно-репрессивных методов достигалось только чисто внешнее восприятие населением новой конфессии. Даже в Румынии, где православная церковь имела прочные позиции в обществе и активно поддерживала политику властей, направленную на воссоединение униатов с православной церковью, налицо было негативное отношение к этой акции не только со стороны священнослужителей, но и немалой части румынского населения Трансильвании. Опыт же Закарпатской Украины, особенно после того, как Мукачевскую православную епархию возглавил в 1948 г. митрополит Макарий, убеждал Совет РПЦ, что провозглашение завершения существования унии с Римом в августе 1949 г. прошло наименее безболезненно (по сравнению с районами Западной Украины и Румынией) именно благодаря длительной разъяснительной работе с униатскими священнослужителями.

---

* Ужгородская уния (1646 г.) – признание священнослужителями Мукачевской православной епархии верховенства папы Римского.

** Брестская уния (1596 г.) зафиксировала переход православной Киевской митрополии под управление Рима.

Однако предложение А. Чепички митрополиту Елевферию активизировать деятельность православной церкви против униатов было весьма позитивно воспринято советским посольством. От его имени в Совет по делам РПЦ уже 2 сентября 1949 г. была представлена целая программа мер по работе среди греко-католиков. К сожалению, современное состояние документальной базы не позволяет раскрыть процесс разработки этой программы, например, установить имели ли место в этот период встречи членов церковной комиссии ЦК КПЧ с представителями посольства и кто персонально работал над текстом документа, который поступил в МИД СССР за подписью посла Силина.

В нем предлагалось обязать митрополита Елевферия назначить срок (не далее второй половины сентября 1949 г.) для переговоров об условиях активизации работы православной церкви Словакии по переходу униатов в православие; выделить специального уполномоченного православной церкви для работы в Словакии, вменив ему в обязанность разработку практических мероприятий; разработать канонические условия для предлагаемого перехода; договориться с министром Чепичкой о выделении необходимых ассигнований для проведения указанной кампании. Посольство предлагало также «получить специальное благословение от патриарха [Русской] православной церкви и всея Руси Алексия»¹⁶.

Эта программа и была направлена МИД СССР в Совет по делам РПЦ с просьбой о срочном ее рассмотрении. 7 сентября Карпов сообщил в МИД СССР, что со стороны Совета «не встречается возражений против предложений Советского посольства в Праге по вопросу проведения мероприятий по усилению деятельности православной церкви в Словакии против униатов»¹⁷. Данная формулировка означала, что «добро» на реализацию составленной посольством программы было получено на уровне курировавшего вопросы конфессиональной политики заместителя председателя правительства В.М. Молотова.

Таким образом, вновь инициированный во второй половине 1949 г. церковной комиссией ЦК КПЧ вопрос об ускорении перевода греко-католиков в православие получил официальную поддержку советских высших инстанций, одоблив-

ших план по активизации работы православной церкви среди униатов, разработанный в советском посольстве в Праге. Теперь «советский фактор» в конфессиональной политике правящих кругов ЧСР становился важной составляющей и весьма активно использовался последними. Это наглядно было продемонстрировано уже во время подготовки и пребывания в стране делегации Московской патриархии в феврале 1950 г.

Официально объявленной целью визита делегации, возглавляемой митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем, являвшимся вторым лицом после патриарха, было рукоположение двух православных епископов в Оломоуце и Прешове. Однако уже на стадии подготовки визита посол Силин получил 13 января 1950 г. из МИД СССР указание обратить внимание чехословацкой стороны на то, что некоторые деятели комитета, курировавшие конфессиональную политику (имелось в виду Государственное управление по делам церковей, возглавляемое А. Чепичкой), «придают чересчур большое значение мероприятиям, связанным с созданием православной епархии в Прешове»¹⁸. Что же могло вызвать такую реакцию МИД СССР?

Советская сторона к началу 1950 г. располагала информацией о негативной реакции Г. Гусака – главы словацкого правительства на попытки митрополита Елевферия активизировать деятельность православной церкви в Прешовском крае. Г. Гусак при встрече с митрополитом 12 декабря 1949 г. назвал эти попытки акцией «политического характера» и подчеркнул, что назначение православного епископа в Прешовскую епархию «неприятно будет униатскому епископу Гойдичу, так же, как и оживление там православной деятельности». 4 января 1950 г. такая жесткая позиция Гусака, расходившаяся с планами Праги, обсуждалась на заседании церковной комиссии ЦК КПЧ, где было принято специальное решение придать пребыванию делегации Московской патриархии «характер торжественности» и «обеспечить православной церкви поддержку партии и органов власти, включая министерство внутренних дел и управление внутренних дел Словакии»¹⁹. По-видимому, такое решение ведомства Чепички и вызвало обеспокоенность советской стороны, о чем и говорил Силин в беседе с генеральным секретарем ЦК КПЧ

Р. Сланским 14 января 1950 г.

Кроме того, посольство располагало информацией об интенсивной подготовке партийных и государственных органов к переводу униатов в православие, для чего якобы правительство ЧСР создало три специальные комиссии (в Праге, Братиславе и Прешовском крае). Советскую сторону в полученной информации насторожило то, что во все комиссии были введены представители министерства внутренних дел. Посол выразил явное беспокойство, что «в дела религиозные хотят вмешать органы безопасности и министерства внутренних дел». В ходе беседы Р. Сланский опроверг имевшуюся в посольстве информацию относительно создания комиссий и подчеркнул, что чехословацкая сторона понимает, «сколь сложно и длительно должна вестись работа по переводу униатов в православие, что кампанией тут дела не решить»²⁰. Таким образом, взаимопонимание, казалось, было достигнуто.

Однако А. Чепичка, как политик, курировавший профессиональную политику и по партийной, и по государственной линии, вновь попытался «включить» советский фактор для форсирования темпов наступления власти на униатов. В первой же беседе с главой делегации РПЦ митрополитом Николаем он весьма четко определил, чего ожидает чехословацкая сторона от этого визита. Он заявил, как отмечал митрополит Николай в информации Совету по делам РПЦ, что приезд делегации рассматривается чехословацкой стороной «как начало кампании против греко-католической церкви, которую они намерены в скором времени начать»²¹. Такой подход к приезду делегации включал в программу ее пребывания еще один весьма существенный вопрос – согласование плана мероприятий православной церкви по работе среди греко-католиков. Как писал по приезду в Москву митрополит Николай, им совместно с архиепископом Мукачевским Макарием, митрополитом Елевферием и секретарем посольства Н. Кравченко был проведен ряд совещаний и согласован план конкретных действий, во главу угла которого ставилась постепенная подготовительная работа в низовых массах «для выявления инициативной группы для работы среди униатов руками самих униатов. Намечены лица для этой работы»²². Было очевидно, что иерархи, понимая слож-

ность положения православной церкви в ЧСР, прежде всего, ее слабое влияние среди населения и необеспеченность кадрами подготовленных священнослужителей, считали необходимым акцию по переводу униатов в православие проводить постепенно, предваряя ее широкой разъяснительной кампанией. Посол же Силин, принимавший участие в этих совещаниях, придерживался иной, более энергичной позиции. Митрополит Николай сообщал в Совет по делам РПЦ: «Он полагает, что работу нужно начинать теперь и не бояться, что фанатики-униаты свяжут ее с пребыванием нашей делегации»²³. Такая позиция главы посольства могла быть, с одной стороны, обусловлена реакцией на результаты пребывания делегации в Прешовском крае, где семь униатских сел заявили о своем желании перейти в православие, что было расценено посольством как большой успех. Но, с другой стороны, такая позиция могла диктоваться складывавшейся новой ситуацией в государственно-церковных отношениях Чехословакии. Здесь после принятия парламентом церковных законов, к реализации которых правительство интенсивно приступило уже с конца 1949 г., начала формироваться юридическая база для наступления власти на оппозиционный ей католический епископат. По-видимому, оба эти обстоятельства могли вызвать определенную подвижку в позиции советской стороны, а именно МИД СССР, в сторону ускорения темпов проведения кампании по переводу униатов в православие, в чем и пытался убедить Силин православных иерархов. Советская сторона в лице МИД, очевидно, не имела возражений против стремления Праги совместить «пик» нажима на римско-католический епископат с антиуниатской акцией.

Поэтому не удивительно, что на заседании церковной комиссии ЦК КПЧ 27 февраля 1950 г. при подведении итогов визита делегации Московской патриархии акцент был сделан на вопросе о судьбе греко-католиков. «Визит православной делегации ... создал объективные условия для того, чтобы приступить к проведению акции по переводу униатов в православие и тем самым перечеркнуть план Гойдича перетянуть греко-католиков на сторону Ватикана и римско-католической церкви»²⁴.

В тот же день на заседании Президиума ЦК КПЧ было

принято решение немедленно начать кампанию по переводу униатов в православие.

Совет по делам РПЦ моментально отреагировал на это решение. 1 апреля 1950 г. Г.Г. Карпов как глава Совета направил на имя зам. министра иностранных дел В.А. Зорина специальное письмо, где писал: «По информации Московской патриархии, гражданские власти Словакии начинают активную работу по ликвидации Унии и намерены закончить ее в течение 1,5-2 месяцев. Совет высказывает опасения, как бы такая поспешность не усилила переход населения в римокатоличество». Далее от имени Совета Карпов ставил МИД СССР в известность, что православный экзарх располагает очень слабыми кадрами, что разъяснительная работа среди униатов крайне неэффективна, что большинство агитационных листовок напечатано на русском языке «вместо словацкого и карпаторосского», а в ряде изданных «на русском языке материалов употребляются откровенно антисемитско-черносотенные выражения»²⁵. В заключении письма Карпов просил Зорина дать распоряжение ознакомить посольство СССР в Праге с точкой зрения Совета. К сожалению, мы не располагаем ответом Зорина и не можем установить в силу ограниченной доступности документов АВП РФ, было ли мнение Совета доведено до сведения посольства СССР в Праге.

Но если исходить из того, как развивались события в Словакии в марте–апреле 1950 г. по подготовке собора для отмены Ужгородской унии, то можно сделать вывод, что опасения Совета по делам РПЦ за успех готовящейся акции не были приняты в расчет. Не представляется пока возможным выяснить, где, в Москве (в стенах МИД СССР) или в Праге, позиция Совета была проигнорирована.

Как сообщал патриарху Московскому и всея Руси Алексию митрополит Елевферий, «акция по возвращению в православие населения Пряшовщины началась со стороны местных административных органов гражданской власти». При этом он отмечал, что в переходе униатов в православие было очень заинтересовано правительство Чехословакии. Причину такой заинтересованности митрополит видел в том, что греко-католический епископат, во всем послушный Ватикану, проводил политику, продиктованную последним. «Этим са-

мым греко-католический епископат и фанатично настроенные, верные ему священники сильно скомпрометировали себя перед правительством и народом. Было решено помочь народу воссоединиться с православной церковью и встать под духовное руководство епископов и духовенства, верных правительству»²⁶. Как свидетельствуют материалы, поступавшие к К. Готвальду по линии Государственного управления по делам церквей, помощь эта обеспечивалась действиями краевых организаций КПС, которые мобилизовали в поддержку акции по переходу униатов в православие 4000 коммунистов из Кошиц, Прешова и других районов Словакии. Их усилиями была обеспечена та атмосфера энтузиазма и ликования, о которой сообщалось в Москву в начале мая 1950 г. как по дипломатическим каналам, так и по линии экзархата православной церкви.

Однако, как показывает сопоставление этих документов с информацией, поступавшей в те же дни К. Готвальду, реальность была иной. В. Экарт – представитель Государственного управления по делам церквей сообщал из Прешова, что только 50% священников Прешовщины более или менее решительно высказываются за переход в православие; 20% решительно настроены против, а 30% не занимают какой-либо определенной позиции. Сообщалось также, что среди униатского населения в Кошицком и Прешовском краях, особенно после закрытия монастырей и изоляции греко-католических епископов П. Гойдича и В. Гопко, широкое распространение получило движение по защите священников от визитов представителей органов безопасности и местных властей разных уровней. Дома священников охранялись прихожанами²⁷.

К осени 1950 г. информация, поступавшая в Москву из Праги и Братиславы, все больше свидетельствовала, что, несмотря на провозглашенную 28 апреля 1950 г. ликвидацию Ужгородской унии, переход униатов в православие вступил в стадию застоя, что, в свою очередь, усиливало стремление властей к использованию административно-репрессивных методов для достижения поставленных целей. Такая тенденция уже достаточно четко обрисовалась в беседе Зд. Фирлингера, сменившего А. Чепичку на посту главы Государственного управления по делам церквей, с Силиным. Разбирая итоги

летних месяцев, Фирлингер сообщил, что из 259 униатских священников лишь 100 человек, причем, некоторые под сильным давлением, приняли православие; 65 священников арестованы, а 94 находятся под угрозой ареста из-за нежелания менять конфессию ²⁸.

В ходе беседы выявилась и другая, весьма обеспокоившая советскую сторону тенденция. Анализируя сложившуюся ситуацию, Фирлингер заявил, что он вполне допускает возможность перехода униатов Словакии в римо-католическую веру. «Фирлингер не видит беды в том, что униаты переходят не в православие, а в католицизм, лишь бы присоединялись к прогрессивным католикам», – писал в Москву из Праги советский посол ²⁹. Он увидел в этом тревожный симптом, свидетельствовавший, что чехословацкие власти начали утрачивать интерес к православной церкви как силе, способной перетянуть униатов на свою сторону. Для Москвы это означало, что перспектива укрепления позиций православия, а, следовательно, и Московской патриархии в ЧСР, в результате такого развития может утратить почву.

Если принять во внимание эти две тенденции, ставшие к концу 1950 г. для политиков той и другой стороны очевидной реальностью, то можно понять, почему международный отдел ЦК ВКП(б) обратился в Совет по делам РПЦ с просьбой сформулировать свои оценки и предложения относительно ситуации в Словакии. Г.Г. Карпов в своем ответе, напомним об опасениях Совета в марте 1950 г. в успехе и реальности плана ускоренного перевода униатов в православие, считал необходимым, прежде всего, прекратить практику административно-репрессивного принуждения униатов к воссоединению. Исходя из курса на укрепление позиций православной церкви в ЧСР, он предлагал рекомендовать чехословацким органам власти оказать митрополиту Елевферию реальную помощь в подготовке кадров православного духовенства, специально подчеркнув, что направление священнослужителей из СССР будет тактически нецелесообразным и даст повод обвинять Московскую патриархию в экспансии. И, наконец, он считал необходимым поставить на рассмотрение руководства ЧСР рекомендацию о создании чешской автокефальной православной церкви, рассчитывая, что обре-

тение нового юридического статуса православной церковью станет дополнительным стимулом для перехода униатов³⁰.

Однако развитие событий в 1951–1952 гг. показало, что сколь-нибудь существенных перемен в решении униатской проблемы, как рассчитывали в Москве, не наступило. Митрополит Елевферий прекрасно осознавал всю призрачность результатов акции по ликвидации греко-католической церкви в Словакии, где, по его словам, из 258 священников-униатов 150 отказались перейти под управление Московской патриархии и были выселены в Моравию, а еще 50 наиболее активных униатских священнослужителей были арестованы³¹.

Причины сложившейся ситуации нужно, по-видимому искать в том, что по мере того, как через Государственное управление по делам церкви властям удалось установить контроль за деятельностью католической церкви, сломить репрессивными мерами сопротивление римско-католического епископата, принудив его, как показало последующее развитие событий, временно отказаться от роли легальной оппозиции коммунистическому режиму, для правящей элиты проблема греко-католической церкви и униатства, так же как и проблема необходимости укрепления позиций православной церкви, стала утрачивать прежнее значение. К 1954 г. в словацком руководстве произошло осознание иррациональности политики, проводимой в отношении униатов. К. Бацилек, будучи первым секретарем ЦК КПС, в беседе с советским генконсулом В.Д. Карякиным откровенно заявил, что в 1950 г. была допущена серьезная ошибка. «Не надо было переводить неподготовленное, религиозное до фанатизма, отсталое крестьянское население в другую религию, а если переводить, то не надо было торопиться. Теперь старую ошибку нужно исправлять..., возврата к официальному разрешению униатской церкви в Словакии нет, но трудно что-нибудь придумать для удержания этих людей (всего около 200 тыс. семей) в православии»³².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 5. Л. 95.

² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 19. Л. 166.

³ Там же.

⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 5. Л. 99.

⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 273. Л. 34–36.

- ⁶ Cirkevní komise ÚV KSČ 1949–1951. Edice dokumentů. Brno, 1994. S. 23.
- ⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 579. Л. 13–14.
- ⁸ Там же. Д. 423. Л. 185.
- ⁹ Там же. Л. 187.
- ¹⁰ Как отмечалось в подготовленном Советом документе, «неудобно ставить перед чехословацким правительством вопрос о сути и целесообразности» разработанных мероприятий, «тем более, что правительство не обращалось с этим вопросом». Тем на менее, Совет считал необходимым довести до сведения чехословацкой стороны ряд соображений с тем, чтобы они были, «если неудобно послу СССР обращать внимание правительства», высказаны министерству просвещения и культов или руководителю департамента культуры. (ГА РФ. Ф. 6961. Оп. 1. Д. 429. Л. 184).
- ¹¹ Там же. Л. 188.
- ¹² Там же. Д. 579. Л. 97.
- ¹³ АВП РФ. Ф. 568. Оп. 116. П. 461. Д. 479. Л. 162–163.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 579. Л. 189.
- ¹⁵ Там же. Л. 126.
- ¹⁶ Там же. Л. 189.
- ¹⁷ Там же. Л. 190.
- ¹⁸ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 32. П. 178. Д. 10. Л. 8.
- ¹⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 579. Л. 2. Cirkevní komise ÚV KSČ 1949–1951... S. 327.
- ²⁰ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 32. П. 1178. Д. 10. Л. 10.
- ²¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 722. Л. 12.
- ²² Там же. Д. 735. Л. 112.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Cirkevní komise ÚV KSČ 1949–1951... S. 389.
- ²⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 721. Л. 112–113.
- ²⁶ Там же. Д. 735. Л. 112.
- ²⁷ Statni Ustredni Archiv. F. 100/24. Sv. 49. F.J. 871/L/15–18.
- ²⁸ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. М., 1998. Т. II. 1949–1953 гг. С. 417.
- ²⁹ Там же. С. 418.
- ³⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 727. Л. 13.
- ³¹ Там же. Д. 1101. Л. 193, 193об.
- ³² Там же. Д. 1321. Л. 31.

**ВЕНГЕРСКОЕ МЕНЬШИНСТВО В СЛОВАКИИ
ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ИЛИ СЛОВАКИЗАЦИЯ?
(ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЗИЦИИ МОСКВЫ) ***

Канун и Вторая мировая война породили в чешском и словацком обществе устойчивый синдром боязни национальных меньшинств. Его появление и закрепление в исторической памяти этих народов было вызвано тем, что немецкое и венгерское население, проживавшее на территории довоенной Чехословацкой республики, использовалось государствами фашистского блока в качестве инструмента экспансии и ликвидации территориальной целостности страны. Прямым следствием этого стало стремление сложившегося в ходе антифашистской борьбы Национального фронта чехов и словаков ликвидировать проблему национальных меньшинств и возродить послевоенное государство как государство двух этнически родственных народов – чехов и словаков. Этот принцип и был закреплен в Кошицкой программе правительства Национального фронта. Проект данной программы, разработанный коммунистической эмиграцией в Москве, как свидетельствуют документы российских архивов, проходил экспертизу в ЦК ВКП(б), а также в Министерстве иностранных дел СССР. С ним знакомилась представители политического руководства и МИД СССР Г. Димитров, В.М. Молотов, В.А. Зорин. Наиболее обстоятельными были замечания Зорина, подготовленные в марте 1945 г. В них отмечалось, что в предложенном проекте программы практически отсутствуют обязательства правительства по обеспечению прав национальных меньшинств. При этом Зорин подчеркивал, что речь идет, прежде всего, об украинцах и русинах. Что касается других меньшинств, в частности венгров и немцев, то суть замечаний Зорина сводилась лишь к тому, что для лиц венгерской и немецкой национальности нельзя автоматически утверждать чехословацкое гражданст-

---

* Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века. СПб., 2011. С. 540–552.

во. «Очевидно требуется персональный подход в каждом отдельном случае»¹, – отмечал он.

Однако реальная ситуация в области национальных отношений оказалась весьма далекой от программных установок, разработанных весной 1945 г. Необходимость избавиться в Словакии от венгерского меньшинства оказалась на длительное время идеей, преобладающей в национальной политике ЧСР. Материалы российских архивов, особенно записи бесед чехословацких политиков с советскими руководителями и дипломатами, показывают, сколь настойчиво чехословацкое правительство с момента, когда на повестку дня встал вопрос о заключении соглашения о перемирии с Венгрией, добивалось от советской стороны фиксации своего права на выселение с территории ЧСР всех венгров, а также обязательств венгерского правительства принять этих переселенцев. Посол Чехословакии в СССР З. Фирлингер 9 января 1945 г. в беседе с В.А. Зориным убеждал последнего, что «обстановка в Чехословакии может сложиться так, что венгры сами будут вынуждены перебраться в Венгрию и могут оказаться в тяжелом положении»². Чехословацкая сторона считала необходимым внести в соглашение о перемирии специальный пункт о том, что «венгры, имевшие ранее чехословацкое гражданство и будучи лишенными его, будут признаны Венгрией венгерскими гражданами и впущены на ее территорию. Венгрия будет нести заботы об этих лицах с момента перехода ими венгерской границы и заботиться об их устройстве»³.

Однако советская сторона, учитывая позиции своих западных союзников, особенно Великобритании, официальные круги которой на завершающем этапе войны весьма сдержанно относились к идее массовых переселений, не считала возможным поддерживать столь жесткие инициативы чехословацкого правительства. Советские дипломаты (на что следует обратить особое внимание) настоятельно рекомендовали чехословацкой стороне отложить рассмотрение вопроса о переселении венгров до заключения мирного договора⁴.

Реальная обстановка в самой Чехословакии ко времени завершения Красной Армией ее освобождения оказалась более сложной, чем представлялась в момент заключения перемирия с Венгрией. В апреле 1945 г. В.А. Зорин, назначенный по-

слово в Чехословакию, срочно сообщал в Москву, что по сведениям, полученным от министра внутренних дел коммуниста В. Носека, Словацкий национальный совет (СНС), являвшийся фактически высшим органом власти в Словакии, предполагает в ближайшее время провести операцию по выселению венгров с территории Словакии. «Причем словаки намерены выселить всех венгров, что Носек считает неправильным»⁵, – подчеркивал Зорин. Он подробно информировал Москву о расхождениях позиций СНС и министра центрального правительства В. Носека. Последний, по словам советского дипломата, исходил из того, что, в первую очередь, следовало выселять лишь тех венгров, которые прибыли в Словакию после ее оккупации Венгрией в 1938 г. Таких венгров, по мнению Носека, насчитывалось около 3–4 тыс. «Остальных венгров, – считал он, – нельзя сейчас выселять, не проделав предварительной работы, в частности, надо объявить трудовую повинность для всех немцев и венгров, находящихся в Словакии, затем создать концлагеря, куда направить тех венгров, которые были неLOYALНЫ по отношению к Чехословацкой республике, а затем уже из них отобрать тех, кого надо выселить за пределы Чехословакии»⁶. Носек считает неправильным проводить сейчас общее выселение венгров, – таков был вывод Зорина.

Однако со стороны президента страны Э. Бенеша позиция СНС находила значительно большую поддержку, чем со стороны министра внутренних дел центрального правительства. Э. Бенеш уже с первых месяцев 1945 г. в выступлениях ставил вопрос о необходимости выселения из страны не только немцев, но и 550 тыс. венгров. Такая позиция главы государства была отнюдь не случайной. Он располагал информацией, с одной стороны, о наличии сильных антивенгерских настроений в словацком обществе, а с другой, – об определенном недоверии к нему, Бенешу, ряда ведущих словацких политиков. Для укрепления своего влияния в их среде он и шел им на уступки по вопросу о судьбах венгерского меньшинства, опираясь на пока еще неофициальное согласие советского руководства. Об этом, в частности, свидетельствует письмо посла Великобритании А. Кларка Керра В.М. Молотову от 11 апреля 1945 г.: «Когда президент Бенеш был в Москве, я узнал от него, что советское правительство согласилось с его

предложениями о выселении примерно двух третей германского и венгерского меньшинства из Чехословакии» ⁷.

Выступления Э. Бенеша и особенно принятие декрета о наказании военных преступников от 19 мая 1945 г. стимулировали активность местных словацких властей, свидетельством чему является весьма любопытный документ, поступивший в ЦК ВКП(б) на имя Г. Димитрова от начальника VII Управления ПУРККА генерала Бурцева. Последний сообщал 19 июня 1945 г. «В настоящее время в связи с заявлением Бенеша от 12 мая с. г. о том, что все немцы и венгры будут выселены с территории Чехословакии, местные административные органы принимают меры для практического выполнения этого указания» ⁸. К этому времени Словацкий национальный совет, обсудив вопрос о выселении венгров, принял решение провести эту акцию «возможно быстрее и сделать это до того, как другие союзники начнут заниматься этим вопросом. Словацкий Национальный Совет подготавливает выселение в течение трех месяцев до 400 тыс. венгров из южных регионов Словакии» ⁹.

Генерал Бурцев, информируя ПУРККА о ситуации в Словакии, сообщал: «Прием венгров в партию (имеется в виду компартия Словакии. – Г.М.) приостановлен. Новым членам партбилеты не выдаются. О старых членах ЦК решает в индивидуальном порядке.... Происходит активизация шовинистических элементов. В Левице комендант чехословацкого гарнизона капитан Куница велел напечатать и расклеить лозунги: „Кто не хочет говорить по-словацки, будет выселен за Ипель! Мы у себя здесь дома, мы господа! Словаки, говорите громче!“...Выселение венгров проводится грубыми методами. Венграм не предоставляется ни времени для продажи или сдачи на хранение своего имущества, ни транспорта; поэтому дети, старики, больные, беременные женщины вынуждены идти пешком десятки километров до венгерской границы. Старые работники компартии венгерской национальности, будучи не в состоянии прекратить незаконные действия местных властей, уезжают в Венгрию» ¹⁰. В заключение Бурцев отмечал, что действия местных властей, направленные против венгров, не согласовываются с советскими военными комендатурами, а иногда местные власти поступают вопреки распоряжениям

комендантов. Нередки случаи, когда красноармейцы по собственной инициативе препятствуют применению грубых методов по отношению к венграм.

Эта информация, как свидетельствуют материалы Архива Президента РФ, Г. Димитровым была направлена В.М. Молотову. В сопроводительном письме Димитров писал: «Из этого и других материалов, которыми мы располагаем, видно, что методы, применяемые словацкой администрацией при решении венгерского вопроса, неправильны и могут повлечь за собой неблагоприятные последствия. По нашему мнению, следовало бы в соответствующей форме обратить на это внимание представителей чехословацкого правительства»¹¹. Из вышеприведенных документов следует, что обеспокоенность в Москве вызвала не суть самой акции, касавшейся судеб сотен тысяч людей, а лишь методы ее проведения. Сама акция рассматривалась как мероприятие, которое необходимо осуществить.

Начавшееся переселение не могло не вызвать в Венгрии острой реакции всех политических партий, включая коммунистов. Некоммунистические партии напрямую связывали начавшиеся акции по переселению с «рукой Москвы», называя их «пробным шаром Молотова»¹². Материалы российских архивов, относящиеся к этому времени, достаточно четко высвечивают и проясняют позицию советского руководства. Так, на встрече И.В. Сталина и В.М. Молотова с премьер-министром Чехословакии З. Ферлингером и заместителем министра иностранных дел В. Клементисом, состоявшейся 28 июня 1945 г., в ходе обсуждения ситуации в Закарпатской Украине и Тешенской области чехословацкой стороной был поставлен вопрос о выселении немцев и венгров. В протоколе беседы записано: «Фирлингер спрашивает, как быть с выселением немцев и венгров из Чехословакии. И.В. Сталин говорит: „Мы мешать Вам не будем. Прогоняйте их. Пусть испытают на себе, что значит господство над другими“. Фирлингер просит в связи с этим дать указание советским военным о содействии этому выселению немцев и венгров. И.В. Сталин спрашивает: „А разве наши военные препятствуют этому?“. Фирлингер говорит, что препятствий нет, но хотелось бы иметь активное содействие». Однако, как вытекает из протокола, Сталин уходит от прямого ответа, переключив внимание собеседников на

проблему необходимости урегулирования отношений с Польшей в районе Тешена¹³. На основе этой записи можно сделать вывод, что Сталин летом 1945 г., по существу, все еще ставил знак равенства между акциями по выселению немцев и венгров, рассматривая их в одной плоскости.

Но в кругах официальной дипломатии во второй половине 1945 г. все более широко обсуждалось предложение отложить решение вопроса о венгерском меньшинстве в Словакии до будущей мирной конференции, с тем, чтобы отделить его от проблемы депортации немецкого населения из стран Европы, оккупированных в период войны Германией. Думается, что важную роль в этом сыграло соглашение между Чехословакией и Венгрией об обмене населением, заключенное в феврале 1946 г. После его подписания проблема венгерского меньшинства в Словакии была переведена в плоскость двусторонних отношений и четко отделена от решения немецкого вопроса.

Однако на практике реализация заключенного соглашения столкнулась с большими трудностями, поскольку стороны, подписавшие его, стояли на позициях, существенно различавшихся по конечным целям. Чехословацкая сторона рассчитывала провести обмен населением таким образом, чтобы превратить районы компактного проживания венгров в чисто словацкие. Венгерская же сторона категорически отказывалась принимать то количество переселенцев, на которое рассчитывали словацкие власти. Венгры мотивировали свою позицию тем, что не смогут обеспечить для 650 тыс. переселенцев соответствующих экономических условий жизни. Они настаивали на предоставлении остающемуся в Словакии венгерскому меньшинству равных со словаками гражданских прав, которых оно было лишено сразу после окончания войны.

Создавалась, по существу, тупиковая ситуация. Соглашение об обмене населением фактически не выполнялось. Дело доходило до открытых конфликтов. Чехословацкая сторона, стремясь ускорить процесс переселения венгров, в ответ на отказ Венгрии принять транспорт с переселенцами запретила пропуск через свою территорию эшелонов с немецким населением, переселяемым из Венгрии в советскую зону оккупации Германии¹⁴.

В условиях такого острого чехословацко-венгерского противостояния Москва получала весьма выгодную роль арбитра. Поддерживая то одну, то другую сторону советское руководство использовало «национальную карту» для того, чтобы влиять на необходимые ей в обеих странах политические процессы постепенного усиления позиций коммунистов в системе власти и способствовать тем самым их продвижению к установлению властной монополии.

По мере приближения сроков мирной конференции нажим советской стороны и на Чехословакию, и на Венгрию стал усиливаться. В апреле 1946 г. Сталин принял венгерскую делегацию во главе с премьер-министром Ф. Надем. Этой встрече предшествовала беседа Молотова с министром иностранных дел Дьендешы, где вопрос о положении венгерского населения в Словакии был представлен венгерской стороной как требующий неотложного решения. На встрече со Сталиным венгерская делегация дала аргументацию своей позиции в документе под названием «О судьбе венгерского народа, проживающего в Чехословакии». Для решения данного вопроса венгерские представители предлагали советским лидерам два варианта. Первый – мирный договор должен обязать Чехословакию обеспечить для венгерского меньшинства условия полного равноправия, чтобы «венгры могли свободно жить и развиваться, как это осуществлено в Югославии и в соответствии с тем, как решен национальный вопрос в СССР». Думается, что такая аргументация была или наивной идеализацией национальных отношений в СССР, или, скорее, это был тонкий дипломатический ход, обращенный к Сталину, считавшему себя теоретиком по национальному вопросу.

В ходе беседы Ф. Надь акцентировал внимание собеседников на том, что со стороны государственных деятелей ЧСР неоднократно делаются заявления о намерениях ликвидировать венгерское меньшинство. Учитывая это, венгерская сторона предлагала второй возможный, по ее мнению, вариант решения рассматриваемой проблемы. Теперь речь шла о том, «чтобы часть чисто венгерских областей, населенных компактными венгерскими массами, ... вернуть Венгрии, с тем, чтобы, в случае дальнейшего стремления Чехословакии ликвидировать национальные меньшинства иметь возможность

разместить это население»¹⁵. Ф. Надь уверял советскую сторону, что правильная реализация любого из этих решений успокоит венгров и создаст базу для установления добрососедских отношений между двумя странами.

Сталин же в ходе беседы предложил венгерской стороне все-таки встать на путь обмена населением, подчеркнув при этом, что при обмене дело не только в количественном равенстве. «Количество не играет роли, – говорил он. – Кто хочет, тот может вернуться на Родину, а кто остается, тот должен пользоваться свободой и правами»¹⁶. В ходе обсуждения Сталин изложил свое понимание позиций чехословацкой стороны, разъясняя венгерским собеседникам: «Чехи хотят удовлетворить все просьбы словаков, которые неохотно остались в составе Чехословакии. Словаки хотят расправиться с венграми, а чехи не препятствуют этому. Это несправедливо, что венгерскому населению не предоставляют прав, школ и т.д.». После объяснений Сталин вновь возвратился к идее обмена населением. «Обмен населением мог бы быть произведен, такой подход был бы аналогичен разрешению вопроса между Польшей и Литвой... Для Венгрии лучше получить из Чехословакии венгров, так как они будут денационализированы. Таким образом, с точки зрения национальной политики целесообразнее получить этих венгров», – подводит он итог обсуждению вопроса¹⁷. Из протокольной записи видно, что Сталин стремился возложить ответственность за сложившуюся ситуацию на чехословацкую сторону, но вместе с тем он убеждал венгерскую делегацию дать согласие на прием всех переселенцев. Столкнувшись с аргументацией венгров, он скорректировал в определенной мере свою позицию, подчеркнув необходимость соблюдения «прав и свобод меньшинства».

Насколько позволяют судить доступные на сегодняшний день документы, реализация мер, которые предлагал Сталин венгерской делегации, началась незамедлительно. 30 апреля В.М. Молотов в Париже говорил с полномочным представителем чехословацкого правительства В. Гайду о переселении венгерского населения из южных районов Словакии. Гайду информировал Молотова, что чехословацкое правительство не видит никакой другой возможности, кроме как постановки этого вопроса на мирной конференции. Молотов, в

свою очередь, настаивал на том, что в вопросах переселения немцев и венгров следует делать различия. Он настойчиво рекомендовал чехословацкой стороне принять энергичные меры, чтобы договориться с венграми об обмене населением на той же основе, на которой СССР договорился о переселении с Польшей. Гайду, ссылаясь на опыт прошлого, упорно доказывал, что между венграми, живущими в Чехословакии, и немцами нет разницы. «Венгры проявили себя так же нелояльно по отношению к Чехословакии, как и немцы, ратуя за расчленение Чехословакии. С чехословацкой точки зрения, венгры в Чехословакии будут всегда представлять опасность для чехословацкого государства»¹⁸.

В ходе обмена мнениями Молотов настойчиво выяснял у чехословацкого дипломата, какой информацией последний располагает относительно позиции США и Англии. Гайду вынужден был признать, что «представители чехословацкого правительства неоднократно делали демарши перед послами Англии и США, но до сих пор не получено официального ответа». По сведениям Гайду, английская сторона высказала сомнение, что подобный вопрос должен быть включен в проект мирного договора с Венгрией. Получив такую информацию, В.М. Молотов в конце беседы делает заключение: надо было более энергично действовать после окончания войны. Такая позиция советского министра иностранных дел, по существу, перечеркивала те рекомендации, которые давались чехословацкому правительству советскими дипломатами ранее, в 1945 г., во время заключения перемирия с Венгрией.

Было очевидно, что чехословацкой стороне не удастся добиться на мирной конференции согласия Великих держав на тотальное переселение венгров из Словакии. Оставался лишь путь обмена населением через договоренности с венгерским правительством. Но он, по-видимому, чехословацким политикам представлялся малоэффективным для достижения их целей. Поэтому неслучайно Готвальд говорил, что после окончания обмена они будут «продолжать добиваться, чтобы остающаяся часть венгерского населения была выселена в Венгрию, и южные границы Словакии стали снова словацкими»¹⁹.

В такой напряженной ситуации в течение 1946–1947 гг. официальные власти Праги и Братиславы стали расширять

начавшиеся еще в 1945 г. акции по принудительному переселению венгерского населения из мест их компактного проживания в западные и северо-западные районы Чехии. Здесь создавались так называемые трудовые поселения. Для юридического обоснования этой акции был использован декрет президента о трудовой повинности лиц, не занятых полезным трудом. На его основании, по данным, поступившим в МИД СССР, около 50 тыс. венгров были отправлены на работу в промышленность и сельское хозяйство Чехии²⁰. Советское посольство, анализируя в политическом отчете состояние межнациональных отношений в Чехословакии, вынуждено было констатировать «бесправное существование венгерского меньшинства». Это, как отмечалось в отчете посольства, «вызывало возмущение народно-демократической Венгрии. Сама Венгрия проводила совсем другую национальную политику в отношении словацкого меньшинства на венгерской территории. Она дала словакам все права и требовала от ЧСР такого же решения вопроса»²¹.

Венгрия и ЧСР, по сути, оказались в состоянии конфликта, как в состоянии конфликта оказались лидеры КПЧ и ВКП. М. Ракоши с весны 1947 г. предпринял весьма энергичный нажим на советское руководство, добиваясь помощи СССР в деле урегулирования вопроса о венгерском меньшинстве в Словакии. Беседуя с В.М. Молотовым 27 апреля 1947 г., он подчеркивал, что отношения с Чехословакией очень плохие: «Сейчас идет обмен населением между двумя странами. Это стоит нам 200 млн. форинтов, что составляет 7% бюджета. Чехословаки берут от нас пролетариев, а нам присылают крестьян – богачей. Мы все делаем, чтобы урегулировать отношения с чехословаками, но до сих пор это не удается... Венгерских коммунистов в Словакии преследуют ... Чехословаки хотели расселить венгров, направив их в Судетскую область, но потом отказались от этого. Тогда они стали использовать венгров как чернорабочих. Дело зашло в тупик. Контакты с компартией Чехословакии у нас нет»²². В российских архивах хранятся письма Ракоши на имя Сталина, Молотова, записи его бесед в ЦК ВКП(б). Везде красной нитью проходила одна идея: чехословацкие коммунисты политикой преследования венгерского меньшинства в Словакии наносят вред политическим позициям венгерских коммунистов в стране. В некоторых письмах он

доходит до прямой клеветы на отдельных, наиболее популярных в Словакии коммунистических лидеров, таких как Г. Гусак, В. Клементис, А. Новомеский, обвиняя их в словацком шовинизме, антивенгерских настроениях и антисемитизме ²³.

Запоздалые попытки Готвальда осенью 1947 г. получить поддержку своих позиций в Москве оказались малоэффективными. Москва теперь твердо исходила из того, что Праге более целесообразно будет добиваться договоренностей об обмене населения с новым венгерским правительством, в котором к этому времени, наконец-то, существенную роль стали играть коммунисты. К сожалению, мы не располагаем материалами о тех конкретных шагах, которые были приняты ЦК ВКП(б) по урегулированию отношений между двумя компартиями по вопросу о положении венгерского меньшинства в Словакии. Но о том, что такие шаги предпринимались, косвенно свидетельствует тот факт, что на рубеже 1947–1948 гг. официальная позиция руководства КПЧ стала заметно меняться. В январе 1948 г. венгерская сторона получила неофициальную информацию из Международного отдела ЦК КПЧ, что после парламентских выборов в Чехословакии, которые должны состояться в мае 1948 г., венгерскому населению Словакии будут предоставлены равные с чехами и словаками права и вопрос о выселении вообще будет снят. К этому же времени относится и беседа посла СССР в Праге М.А. Силина с Р. Сланским и В. Широкич. В ходе беседы последние рассказывали, что их недавно вызвал К. Готвальд и «предложил окончательно решить венгерский вопрос... венгерцам (так в документе. – Г.М.) дадут все конституционные права, им предоставят возможность вступать в компартию, но не разрешат вступать в другие партии» ²⁴.

Однако, несмотря на такие обнадеживающие обещания, ни установление властной монополии КПЧ в феврале 1948 г., ни победа этой партии на майских выборах 1948 г. не привели к сколько-нибудь заметному снижению напряженности в межнациональных отношениях словаков с венгерским меньшинством. Это было связано с рядом существенных моментов. Один из них – это курс на словакизацию части венгерского населения, который имел поддержку новой политической элиты, закрепившейся в системе власти. Об этом, как

весьма возможном варианте, предупреждал венгерскую сторону И.В. Сталин еще в 1946 г.

Весной 1948 г. советское посольство в Праге информировало Москву, что венгерские власти находятся на распутье: «Они должны или согласиться с предложением словаков и передать в словацкое гражданство 250 тыс. из числа венгров, имевших словацкое происхождение, а остальных забрать, или согласиться на оставление венгерского меньшинства и заставлять его поддерживать мероприятия словацкого коммунистического правительства»²⁵.

По данным, поступившим в МИД СССР к началу 1949 г., уже 20 тыс. венгров объявили себя словаками. Словацкие историки считают, что в результате акции по словакизации национальность изменили 360 тыс. человек. Что толкало людей на этот шаг? Безусловно, немалую роль играло то обстоятельство, что в словацком обществе продолжали превалировать настроения добиться выселения венгров из Словакии. Об этом со всей очевидностью свидетельствует предпринятый летом 1948 г. социологический опрос словацкого населения. В ходе него на вопрос: «Вы за переселение мадьяр?» «Да» ответили 55% опрошенных, «Нет» – 21%, «Не знаю» 24% опрошенных²⁶. Поэтому не удивительно, что и в 1948, и в 1949 гг. несмотря на то, что 28 октября 1948 г. чехословацким правительством было принято решение о восстановлении всех прав венгерского населения, в разных формах продолжал реализовываться курс на ликвидацию компактно проживающего венгерского меньшинства.

Однако теперь он стал воплощаться в жизнь не столь откровенно, приобретая все больше завуалированные формы – под лозунгами борьбы с классовыми врагами. В 1949 г. советские дипломаты сообщали из Братиславы, что уже «длительное время идет подготовка к выселению из южных районов Словакии в чешские области некоторых категорий венгерского населения»²⁷. К октябрю 1949 г. было подготовлено к переселению 600 венгерских семей. Как информировал советское посольство Г. Гусак, возглавлявший тогда словацкое правительство, «больше половины этих людей составляли венгерские кулаки, кустари и мелкая буржуазия»²⁸. Таким образом, акции по переселению теперь придавалась «классовая окраска».

На венгров, остававшихся в Словакии, оказывался весьма жесткий нажим и на чисто бытовом уровне. В советское консульство в Братиславе осенью 1948 г. поступали сведения о том, что Венгерское культурное общество в Словакии вынуждено было обращаться с жалобами к уполномоченному по делам школ в правительстве Словакии о насильственной записи венгерских детей в словацкие школы.

Столь напряженная ситуация в сфере межнациональных отношений в Словакии давала повод руководству ВКП для неоднократных обращений в ЦК ВКП(б). Еще весной 1948 г. Й. Реваи и М. Ракоши, беседуя с М.А. Суловым в Москве, пытались добиться от него согласия обсудить венгеро-чехословацкие отношения на одном из заседаний Коминформбюро. Но их предложение не получило прямой поддержки советской стороны. Сулов доказывал венгерским собеседникам необходимость и желательность урегулирования отношений с Чехословакией на основе взаимной договоренности, без вмешательства извне.

Однако было бы наивно полагать, что получаемая из Будапешта информация оставалась без внимания главного идеолога в ЦК ВКП(б). Когда весной 1948 г. под его руководством в Москве развернулась интенсивная подготовка секретных аналитических записок с развернутой критикой руководства компартий четырех стран – Югославии, Польши, Чехословакии и Венгрии, материалы, получаемые из Будапешта о словацко-венгерских отношениях, оказались весьма востребованными. В обширном документе, названном «О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии», имелся специальный раздел, посвященный разбору политики КПЧ в сфере национальных отношений. В нем констатировалось весьма жестко, что, несмотря на произошедшие серьезные изменения во внутривнутриполитическом развитии Чехословакии и радикальное изменение положения дел в Венгрии, позиция компартии Чехословакии (а также и компартии Словакии) относительно положения венгров в республике фактически не изменилась. «До самого последнего времени в государственной политике Чехословакии оставалась в силе установка на лишение венгров, еще находящихся в стране, основных демократических свобод, то есть, по существу, реализовывалась официальная программа дискриминации венгров...»²⁹.

И хотя этот документ не был Кремлем использован так, как аналогичный документ об ошибках КПЮ, и сформулированные в нем обвинения в адрес руководства КПЧ не стали предметом обсуждения в Коминформбюро, он, безусловно, представляет большой интерес для исследователей, ибо в нем зафиксирован крутой поворот в подходах ЦК ВКП(б) к рассматриваемой проблеме. Этот поворот дает основания для вывода, что для руководства СССР проблема судеб того или иного национального меньшинства никогда не рассматривалась как самостоятельная. Ей всегда отводилась исключительно роль подсобного инструмента в решении других, политически более важных с точки зрения Москвы, задач.

Рассмотренный материал позволяет утверждать, что в 1945–1947 гг. вопрос о судьбах венгерского меньшинства в Словакии, безусловно, рассматривался Москвой, прежде всего, через призму продвижения коммунистов к власти. Поэтому подходы советского руководства к проблеме переселения венгров из Словакии постоянно менялись. Если в 1945 г. Кремль, учитывая общественные настроения в Чехословакии, гласно или негласно, в разном словесном оформлении все же отдавал предпочтение переселению венгров из Словакии, то к 1948 г., когда компартии в Восточной Европе стали монополюс правящими, ситуация изменилась. Теперь на первый план выдвигалась в качестве главной задача формирования, сплочения и укрепления «лагеря мира и социализма», находившегося в капиталистическом окружении. Модель ускоренного построения социализма «по Сталину» провозглашалась универсальной. Реализовывающаяся в Словакии с благословения Москвы политика в отношении венгерского меньшинства, вызывавшая напряженность в межгосударственных отношениях ЧСР и Венгрии, теперь не только не сопрягалась со сменной стратегического курса советского руководства, а оказывалась в прямом противоречии с ним. Поэтому она и была квалифицирована советским руководством как «шовинистический угар» и «буржуазный национализм». Носителями его объявлялись ведущие словацкие коммунистические политики тех лет Г. Гусак, А. Новомеский, В. Клементис, ставшие жертвами внутрипартийных политических репрессий на рубеже 1940-х – 1950-х годов. Борьба с «буржуазным национализмом» во многом

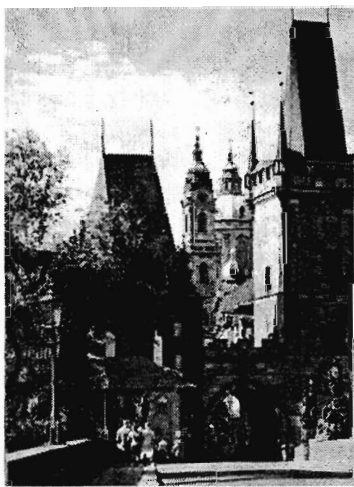
определяла политическую ситуацию в Чехословакии вплоть до конца 50-х, а, может быть, и до середины 60-х годов XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. М., 2000. С. 176.
- ² Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. М., 1997. С. 134.
- ³ Архив Внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 07. Оп. 10. П. 15. Д. 195. Л. 1-а.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 199.
- ⁶ Там же. С. 199.
- ⁷ Архив Президента РФ (АП РФ). Ф. 3. Оп. 66. Д. 725. Л. 6.
- ⁸ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 224.
- ⁹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 17.
- ¹⁰ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 224–225.
- ¹¹ АП РФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1357. Л. 210.
- ¹² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 71.
- ¹³ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 232.
- ¹⁴ АВП РФ. Ф. 1038. Оп. 31. П. 150. Д. 31. Л. 17.
- ¹⁵ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 413–414.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 415.
- ¹⁸ Там же. С. 431–432.
- ¹⁹ Там же. С. 849.
- ²⁰ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 160. Д. 107. Л. 102.
- ²¹ Там же.
- ²² Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 618.
- ²³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 803. Л. 156.
- ²⁴ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 150. Д. 31. Л. 17–18.
- ²⁵ Там же. П. 47. Д. 9. Л. 13.
- ²⁶ Там же. Оп. 20. П. 164. Д. 43. Л. 106.
- ²⁷ Там же. Ф. 023. Оп. 1. П. 3. Д. 80. Л. 1.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 850.

Избранное

V

К ДИСКУССИИ О ТИПАХ ТОТАЛИТАРИЗМА *

В издательстве Карлова университета в Праге выпущена весьма интересная работа М. Реймана, известного как на Западе, так и в нашей стране специалиста по истории СССР, – «О коммунистическом тоталитаризме и о том, что с ним связано»¹.

Рецензируемая книга – скорее – размышления ученого, опирающегося на свой более чем 40-летний опыт изучения феномена советского тоталитаризма. Непосредственным импульсом к написанию работы стала, по признанию автора, развернувшаяся в конце 90-х годов дискуссия среди историков в связи с публикацией во Франции в 1997 г. «Черной книги коммунизма: преступления, террор, репрессии»², созданной международным авторским коллективом под руководством С. Куртуа. В центре дискуссии оказались вопросы методологии сравнительного анализа различных тоталитарных систем. Предложенный Куртуа принцип сравнения фашизма (нацизма) и коммунизма на основе числового показателя жертв режимов большинством участников дискуссии был признан антиисторичным и крайне упрощенным³. Цель предложенных Куртуа параллелей между нацизмом и коммунизмом, по словам Н. Верта, одного из ведущих авторов «Черной книги», заключалась не столько в том, чтобы «обезличить» нацизм, сколько в том, чтобы распространить также и на сталинизм, на страну, еще сохранявшую в силу ряда исторических причин «глубокий отпечаток коммунистических иллюзий», понятие «преступление против человечества»⁴.

Именно эта достаточно откровенная апология нацизма, присутствующая в «Черной книге»⁵, побудила Реймана изложить свои взгляды на проблему сталинизма, представлявшего в Европе классический образец тоталитарного режима левого толка. Отнюдь не беря на себя роль защитника социализма в сталинском облики, Рейман вступает в дискуссию о самой

---

* Вопросы истории. 2001. № 8. С. 107–112.

возможности сравнения или прямого отождествления основных черт социализма и нацизма, прежде всего, как историк. Он считает, что критика социализма во многих случаях уязвима потому, что ведется сейчас в основном с политическими целями и при этом исчезает принцип историзма. «Социализм, – пишет автор, – прошел в разных странах различные фазы развития, но как система он отождествляется с его сталинской моделью, тогда как капитализм дискретно описывается как “товарное хозяйство” и “политическая демократия”, т. е. рассматривается в его сегодняшнем, в значительной степени идеализированном, европейском и североамериканском обликах» (с. 17).

Между тем, отмечает Рейман, капитализм межвоенного периода (когда зародился и сталинизм) отнюдь не был таковым. Общество характеризовалось наличием материальной и духовной нищеты, что особенно проявилось в период мирового экономического кризиса 1929–1933 годов. Существовавший капитализм вполне сочетался с авторитарными формами управления обществом, особенно в странах Восточной Европы, а сложившаяся демократия в Западной Европе была исключением, а не закономерностью того времени. Кризис либеральной демократии создавал почву как для коммунизма, так и для фашизма и нацизма. Предлагаемое Рейманом соблюдение принципа историзма при сопоставлении, сравнении и анализе различных видов тоталитарных систем во многом идентично позиции другого весьма известного исследователя, французского историка и политика Ф. Фюре. Он считает, что «единственный способ изучения марксистско-ленинского коммунизма и обеих разновидностей фашизма – итальянской и германской, – позволяющий проникнуть в глубь проблемы, состоит в том, чтобы рассматривать их в совокупности как две стороны острого кризиса либеральной демократии, наступившего одновременно с войной 1914–1918 гг.»⁶.

Размышления Реймана свидетельствуют, что он является не столько сторонником структурного сравнения, позволяющего сопоставлять гитлеровский и сталинский режимы по внешнеформальным параметрам, сколько выступает за «генеалогический подход» к изучаемому феномену. С этой точки зрения большой интерес представляет глава «Различия

коммунизма и фашизма». Корни различий автор видит, прежде всего, в событиях 1917 г. в России. Они, по сути дела, определили разницу общественных функций и содержания большевистского и нацистского тоталитаризма. «В России тоталитарная партия (имеется в виду РСДРП. – Г. М.), вольно или невольно, должна была взять на себя задачи заново построить уничтоженные структуры государства и общества – структуры институциональные, экономические и социальные... Новейшему капитализму в России не хватало достаточной социальной и политической базы. Его представителям не удалось завоевать власть, они ушли, потерпев поражение в Гражданской войне. Так же, как и представители традиционной власти, они были рассеяны или физически ликвидированы... Специфическая роль и значение большевизма заключается в том, что он взял на себя задачу обновления уничтоженных политических и социально-экономических структур» (с. 28–59).

Сопоставляя ситуацию в России и Германии 1920-х годов, автор подчеркивает, что в Германии либерализм не имел сильного влияния в обществе, левые (коммунисты и социал-демократы) оказались расколоты. Более того, немецкая социал-демократия, как главная опора Веймарской республики, находилась в постоянной конфронтации с массовым влиянием коммунизма, что в условиях экономического кризиса, когда поляризация сил в стране достигла своего апогея, во многом делало реальной именно правую альтернативу стабилизации. Здесь, по мнению автора, и следует искать корни различий коммунистического и нацистского тоталитаризма: ни фашизм, ни нацизм не ставили своей целью построить совершенно новую систему управления и ликвидировать имущую часть общества. Их социальная демагогия была направлена не против капиталистической собственности в целом, а лишь против либерально ориентированных предпринимательских кругов, либеральной части экономического и политического истеблишмента.

Рассматривая коммунизм и фашизм как исторические явления, порожденные кризисом либеральной демократии, автор ставит вопрос и об их сходстве, которое он видит, в первую очередь, в том, что и коммунизм и фашизм, развиваясь как массовые политические явления, опирались на «ниж-

ние социальные слои», общественные организации которых пытались включить в системы тоталитарных государств, с тем чтобы обеспечить действенные механизмы социальной манипуляции, позволяющие этим режимам управлять массовыми социальными движениями. Но говоря об их сходных чертах, Рейман неоднократно подчеркивает, что «они имели различную социальную и политическую ориентацию» (с. 51). Тем самым он солидаризируется с одним из основателей теории тоталитаризма Р. Ароном, считавшим, что «различие между двумя режимами было существенным вследствие различия идей, которые воодушевляли то и другое начинание... В одном случае главной целью было создание нового государственного строя и, возможно, неважно какими средствами, создание нового человека, в другом – поистине демоническое стремление уничтожить квазирасу (то есть евреев. – Г.М.)»⁷.

Книга Реймана интересна тем, что в поисках различий двух тоталитарных систем автор не ограничивается только идеологией, а побуждает думать и над другими возможностями их сопоставления. Весьма перспективной и плодотворной, с точки зрения историка, представляется постановка им вопроса об амбивалентности: двойственном – позитивном и негативном – отношении коммунистов к проблеме политической демократии, что позволяет не только углубить сопоставительный анализ двух систем, но и под новым ракурсом посмотреть на европейское развитие в годы Второй мировой войны и послевоенный период. Опираясь на тезис об амбивалентности, Рейман, в частности, полемизирует с утвердившимся в современной литературе мнением, что между нацистским и сталинским режимами существовала целая сеть тайных соглашений, контактов и договоренностей. Это утверждение, по мнению автора, влияет на оценку историками советско-германского пакта 1939 года. Сам же он (на наш взгляд, правильно) считает, что, несмотря на заключенный в начале войны договор, оба тоталитарных государств оставались тем не менее в состоянии конфликта, который не давал возможности надолго навести мосты. Пакт между Гитлером и Сталиным, заслуживающий осуждения, остался, по его словам, ограниченным во времени эпизодом. «Успехи нацизма усилили в коммунизме склонность к демократии и демокра-

тическим силам, что было качеством, полностью отсутствующим в нацизме» (с. 18–19).

Учет амбивалентного отношения коммунистов к политической демократии становится во многих отношениях ключом к пониманию как послевоенного развития европейского континента, где в большинстве стран в период столкновения с фашизмом между коммунистами и демократически ориентированными политиками сформировалась прочная система связей, сохранившая свою силу даже в условиях холодной войны, так и периода крушения левототалитарных режимов в СССР и странах Восточной Европы в конце 80-х годов. Думается, что Рейман прав, объясняя относительно мирный уход коммунистов от власти в большинстве стран бывшего советского блока именно принятием ими политической демократии.

В размышлениях исследователя, изучавшего историю тоталитарного режима в СССР, не могла не занять одного из ведущих мест проблема террора и репрессий. Автор не разделяет взглядов тех историков и публицистов, которые пытаются объяснить длительное существование советского строя, прежде всего, тем, что «русские коммунисты в массовом масштабе применяли террор и насилие». «Безусловно, СССР, – пишет автор, – был типичным примером полицейского государства, но это не меняет того, что террором и насилием далеко не исчерпывалась его внутренняя жизнь... Определяющим элементом в ней (в советской системе. – Г.М.) был не изолированный механизм насилия, а механизм согласия, принятие системы и ее целей основной частью населения и основной частью общественных элит» (с. 71). Соглашаясь с этим тезисом, хотелось бы подчеркнуть, что механизм согласия, включающий в себя элементы убеждения и принуждения, является необходимой составляющей всех тоталитарных систем – и коммунистических, и фашистских.

Прав Рейман и в том, что именно такой механизм согласия формировал тот климат, который позволял правящим группировкам осуществлять долговременные манипуляции общественным мнением, мифологизировать происходившие в стране репрессии и политический террор. Общество, как целое – и это подтверждается как российскими историками, так и исследователями в странах Восточной Европы, – рас-

полагало лишь фрагментарными сведениями о масштабах происходивших репрессий. В истории политического террора в СССР Рейман предлагает видеть различие в функциях и общественно-политическом контексте репрессий в ленинский и сталинский периоды. При Ленине, по его мнению, репрессии осуществлялись в рамках политической концепции, целью которой была консолидация государства и обеспечение мирных условий развития. Политика военного коммунизма – попытка использовать террор как инструмент построения нового общества – окончилась, как считает автор, полным провалом, за которым последовал пересмотр всей концепции дальнейшего развития страны.

Корни же репрессий в сталинский период, считает Рейман, следует искать в глубоком кризисе гетерогенной экономической и социальной структур России, в котором они находились после революции и гражданской войны. В рамках сталинской концепции «большого цивилизационного скачка» массовые репрессии и политический террор «приобретали упорядоченный институционаризованный облик» и становились составной частью государственной политики и повседневной жизни советского общества, что было важнейшим показателем его превращения в тоталитарное.

Касаясь неоднократно предпринимаемых историками разных стран попыток сравнения репрессивной политики в СССР и в нацистской Германии, Рейман на примере «Черной книги коммунизма» показывает, сколь сложно, оставаясь в рамках научного анализа, корректно, без апологии, провести подобные сравнения. Попытка авторов этой книги, сознательно абстрагировавшихся от такого весьма важного обстоятельства, как различие в целях, направленности социально-политического контекста сравниваемых режимов оценена Рейманом весьма деликатно, как «не слишком плодотворная», хотя при этом он выразил откровенное недоверие методам анализа и подбора статистического материала, положенного в основу «Черной книги».

Обращаясь к истории левототалитарных режимов в Восточной Европе, Рейман полемизирует с тезисом, (весьма популярным в публицистике и исторической науке бывших социалистических стран) об искусственной привнесённости,

навязанности здесь социализма⁸. Он справедливо полагает, что нельзя объяснить возникновение и 40-летнее существование коммунистических режимов только присутствием советских вооруженных сил и действиями советских спецслужб, которые были призваны реализовывать имперские замыслы Сталина. «В Чехословакии, Югославии, Болгарии, – пишет Рейман, – эти режимы имели сильную внутреннюю опору. Во всех странах советского блока был создан собственный механизм согласия» (с. 100). Это замечание представляется принципиально важным. Но оно отнюдь не означает, что автор считает утвердившиеся после 1948 г. коммунистические режимы аутентичными.

Главную причину их неаутентичности он видит не столько в советском присутствии и давлении, сколько в том, что компартии, пришедшие к власти во всех странах Восточной Европы, «создавали свои режимы не в рамках собственных представлений (о социализме. – Г.М.), а были связаны рамками представлений, сформулированных Сталиным» (с. 100). Это интересное утверждение, по нашему мнению, верно лишь отчасти, поскольку внутри руководства компартий, пришедших к власти, весьма сильным было ортодоксальное крыло, остававшееся на коминтерновских позициях.

Однако, поставив проблему неаутентичности режимов именно в таком плане, Рейман вновь привлекает внимание исследователей к вопросу о последствиях смены стратегического курса Кремля в 1947–1948 гг., выразившейся в прямом отказе от концепции «национальных путей к социализму». Эта концепция, родившаяся на волне антифашистской борьбы, давала возможность коммунистам реализовать идею социально-политического компромисса с широким спектром демократических сил. «Сталин, – пишет Рейман, – не рассматривал средние слои, которые составляли главную опору демократических партий, как серьезного самостоятельного противника и поэтому побуждал к осторожности в отношениях с ними... Компромисс с демократическими силами утратил для СССР прежнее значение, он (Сталин. – Г.М.) видел в них основу для западного влияния. Поэтому он давил на коммунистов, требуя жесткой политики, ликвидации политического и идеологического плюрализма, установления режи-

ма диктатуры пролетариата» (с. 100). Этот стратегической поворот Сталина в 1947 г. к принципам жесткой классовой политики Рейман оценивает как анахронизм, который привел к конфликту коммунистической власти в странах региона со средними слоями. Для советских интересов этот поворот был губителен и тем, что «создал скрытый конфликт между советским коммунизмом и коммунизмом в странах его блока, который в перспективе так и не удалось преодолеть» (с. 104).

Что касается проблемы внутрипартийных репрессий, вылившихся в конце 40-х – начале 50-х годов в странах Восточной Европы в серию политических процессов против ряда коммунистических лидеров, процессов, по сути дела, порожденных сменой стратегического курса Кремля, то Рейман подходит к ее трактовке несколько упрощенно, сводя их исключительно к действиям Кремля. «После конфликта с Югославией, – пишет он, – Сталин просто стряхнул пыль со старого оружия – превентивного террора и обратил его во внутрь коммунистических партий» (с. 105). Процесс над Л. Райком в Венгрии, Т. Костовым в Болгарии, отстранение В. Гомулки от руководства ПОРП были производными отказа Москвы от концепции «национальных путей к социализму». Но эти процессы готовились и реализовывались на национальной почве в условиях ожесточенной борьбы различных клановых группировок внутри руководства компартий за место на политическом Олимпе, за монополию контактов с Москвой, и роль этой борьбы в деле организации и развития политических репрессий внутри компартий вряд ли следует сбрасывать со счета. Материалы российских архивов, опубликованные в конце 90-х годов, и базирующиеся на них исследования⁹ показывают, что смена стратегического курса Кремля активно использовалась в межклановой борьбе партийной верхушки во всех странах Восточной Европы. Выбор будущих жертв репрессивных акций осуществлялся внутри каждой страны, о чем, в частности, свидетельствуют потоки компромата в Москву по различным каналам на Л. Райка (1948 г.), Т. Костова (1948 г.), Р. Сланского (1951 г.), В. Луку (1951 г.). Москва успешно использовала и придавала этой борьбе нужное ей направление, а Сталин взял на себя роль высшего арбитра.

Что касается оценки послевоенного состояния тоталитарного режима в СССР, то Рейман, признав укрепление позиций сталинизма в результате победы СССР во Второй мировой войне, тем не менее, ставит вопрос о его анахронизме. В качестве доказательства этого тезиса он выдвигает положение о том, что тоталитарный режим перестал быть инструментом коренных экономических перемен и тем самым терял смысл «рационального» существования. «Сталинизм как способ политики быстро дегенерировал, становясь средством для узкопонимаемых махинаций и комбинаций в системе власти» (с. 107). Эпоха межвоенного (мы бы сказали, классического) тоталитарного режима в СССР завершилась со смертью Сталина. Важнейшим показателем перемен Рейман считает ликвидацию репрессивно-террористической системы, осуществленную в ходе перемен 1953–1956 годов. В новой структуре не хватало, по мнению автора, присущей сталинизму особенности – беззакония. Теперь политически мотивированное насилие было в значительной мере ограничено и подчинено правовой процедуре. Согласиться с этим положением автора можно лишь с серьезной оговоркой – правовая процедура оставалась в советской системе актом формальным, а полицейская суть системы не исчезала, хотя и была несколько смягчена.

В заключение своих размышлений о левом тоталитаризме и о том, что с ним связано, Рейман ставит два принципиально важных вопроса: 1) как оценивать исторические результаты эпохи социализма в СССР? 2) каковы причины краха социализма как системы? Отвечая на первый вопрос, он справедливо подчеркивает, что время политизированных подходов к оценке социализма, характерное для начала 90-х годов, когда все внимание концентрировалось на его негативах, уже прошло. Сегодня необходимо перейти к более взвешенным разносторонним оценкам итогов этой трагической эпохи. «Должно признать, – пишет Рейман – что в течение нескольких десятилетий он (социализм. – Г.М.) добивался успехов, которые в самом СССР и в мире оценивались как выдающиеся: обновление уничтоженной структуры государства и общества, индустриализация и урбанизация, достижения в области технических и естественных наук, повышение уров-

ня образования, уровня социальной защищенности населения и т. д. Эти успехи были достигнуты в стране, которая принадлежала к наиболее отсталым странам Европы. Они достигнуты, несмотря на колоссальные потери, понесенные в двух мировых войнах и в гражданской войне, которые были еще более усугублены репрессивной и малокавалифицированной политикой правящих группировок. К позитивам СССР следует отнести и его участие в войне с Гитлером, которое до сих пор влияет на умонастроения многих европейцев и американцев» (с. 109).

Эта оценка более реальна и взвешенна, чем заявления о преступной самоедской сущности коммунизма, высказанные А.Н. Яковлевым в предисловии к русскому изданию «Черной книги». Ответ же на второй вопрос более сложен, чем предлагает Рейман. Он прав, когда говорит, что ни преступления коммунизма, ни актуальный дефицит гражданских и человеческих прав и свобод не были главными решающими причинами падения «социалистической системы». Главную причину он видит «в осознании, что коммунизм проиграл свое соревнование с капитализмом, которое расшатало существующую власть». Здесь автор – осознанно или неосознанно – уходит от ответа на вопрос, какие социальные группы и когда пришли к пониманию неэффективности системы и невозможности ее реформирования. Представляется, что здесь необходим конкретный анализ этих сюжетов, без рассмотрения которых картина демонтажа социализма, движущих сил этого процесса остается теоретической схемой.

Знакомство с новой работой Реймана показывает очень важную тенденцию в развитии исследований по истории европейских левототалитарных режимов, которая со всей очевидностью свидетельствует об уходе исследователей от чисто конъюнктурных оценок, их стремлении к объективному неполитизированному анализу и отказу от мифологем, появившихся в начале 90-х годов после крушения социализма в СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Rejman M. O kommunistickém totalitarismu a o tom, co s nim socvisi. Praha, 2000. 120 s.*

- ² Courtois St., Werth N., Pamne J.L., Paczkowski A., Bartošek K., Margolin J.L. *Le livre noir du communisme. Crimes, terror, repression.* Paris. 1997.
- ³ Россия и Германия. На пути к антитоталитарному согласию. М., 2000. С. 17; Бухмиллер М. О дискуссии по поводу «Черной книги» // РГАСПИ. Научно-информационный бюллетень. Вып. 2(12). Спец. М., 2000. С. 9–11; Słabek H. *Inaczej o Historii Polski. 1945–1989.* Warszawa, 2000. S. 230–231.
- ⁴ Россия и Германия... С. 175.
- ⁵ К сожалению, этого не заметил А.Н. Яковлев, представивший российскому читателю перевод «Черной книги» на русский язык в 2000 г., охарактеризовав ее как масштабную, серьезную «туго набитую фактами», которые «уникальны своей новизной, подчас невероятностью». Между тем, западноевропейские ученые, такие, как Г. Вебер, Хильдемайер и другие, констатировали именно вторичность, устарелость фактических материалов, упоминаемых в «Черной книге».
- ⁶ Цит. по: Россия и Германия... С. 172.
- ⁷ Aron R. *Démocratie et totalitarism.* Paris, 1965. P. 302.
- ⁸ См., например: Paczkowski A. *Pół wieku dziejów Polski 1938–1989.* Warszawa. 1995; Deletant D. *Romania under Communist Rule.* Bucharest, 1998 и др.
- ⁹ См., например, Восточная Европа в документах российских архивов. Т. II. 1949–1953. М., 1998; Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Советское руководство и политические процессы Г. Костова и Л. Райка // Десятилетие холодной войны. М., 1998. С. 23–35.

2001

**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ в 1940–1950-е гг.
НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И ЧЕШСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ ***

Крушение коммунистических режимов на рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. в Европе поставило историков России и других стран бывшего «социалистического лагеря» в принципиально новые условия. Рухнули вместе с монопольной властью компартий идеологические «марксистско-ленинские установки», жестко табуировавшие тематику исторических исследований; более доступными стали документы, хранившиеся долгие годы под грифом «секретно» в партийных архивах; общественное сознание, освободившись от тоталитарных запретов и ограничений, требовало от историков научных переоценок недавнего прошлого и восстановления исторической правды. Шел объективный процесс становления новой парадигмы исторической науки. Именно в это время, в 1992 г., в Институте славяноведения был создан Научный центр истории сталинизма в Восточной Европе для реализации исследовательского проекта «Москва и Восточная Европа. 1944–1953». Данный проект преследовал две цели. Прежде всего, в условиях развернувшейся «архивной революции» появилась возможность подготовить фундаментальные публикации документов, ранее находившихся в архивах на особом режиме хранения, и тем самым создать новую источниковую базу для анализа развития стран региона, перешедшего в сферу влияния СССР по итогам Второй мировой войны. Предстояла большая поисковая работа в фондах четырех федеральных архивов – Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Архива Президента РФ (АП

---

* Власть и общество: Непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке). М., 2008. С. 219–239.

РФ) и Архива внешней политики РФ (АВП РФ).

Вторая задача проекта заключалась в том, чтобы, опираясь на новые документы, провести сравнительно-сопоставительный анализ общественных изменений, протекавших в странах региона в первые послевоенные годы, рассмотреть широкий спектр разновекторных политических сил, предлагавших послевоенному обществу свое видение будущего развития, ответить на вопросы, какие факторы обуславливали, с одной стороны, необходимость более или менее продолжительного взаимодействия социально разнородных сил, а с другой, расширение леворадикальных настроений и утверждение на их основе к 1948 г. властной монополии компартий.

Для ответа на вопрос, в какой мере и степени советская политическая модель была реализована в странах рассматриваемого региона, предстояло рассмотреть проблемы, связанные с формированием новой правящей элиты, изучить социальную структуру партийно-государственной номенклатуры и исследовать тот инструментарий и властные механизмы, которые использовались ею для утверждения своего господствующего положения в обществе на рубеже 40-х – 50-х гг. XX в.; показать, в каких формах и какими методами осуществляла Москва свое политическое влияние в регионе. Предстояло выяснить, как правящая коммунистическая элита в 1948–1952 гг. осуществила смену модели государственно-церковных отношений, поставив под свой контроль профессиональные институты.

Обе задачи проекта решались научным коллективом практически параллельно. Уже в 1993 г. увидела свет монография «Народная демократия: миф или реальность? (Общественно-политические процессы в Восточной Европе в 1944–1948 гг.)»¹. В ней авторский коллектив, опираясь на новую источниковую базу, вышел за рамки утвердившейся в советской историографии еще с середины 50-х гг. трактовки народной демократии как этапа (ступени) в развитии социалистической революции эпохи империализма. В работе была предложена иная интерпретация народной демократии как исторического феномена, появившегося на заключительном этапе Второй мировой войны. Он определялся авторами как «политически вариативное, переходное состояние общества,

отвергнувшего правый тоталитаризм в различных его модификациях, которые по терминологии тех лет объединялись общим понятием «фашизм»².

На основе анализа конкретно-исторического материала авторы пришли к выводу, что внутренние и международные условия приводили различные политические силы в регионе к признанию необходимости совместных действий. Как политическая реальность в странах региона возникла не представительная демократия, а один из ее ограниченных вариантов – демократия по соглашению. Суть ее заключалась в том, что через предвыборные блоки на основе принципа паритета или «партийного ключа» формировалось замкнутое политическое пространство, в котором и были вынуждены действовать политические партнеры. Импульсы к возникновению такого рода поливариативных режимов поступали как извне (т. е. обуславливались воздействием внешнего фактора), так и рождались на национальной почве (т. е. внутри общества). Их соотношение в разных странах существенно различалось, а по воздействию было весьма динамичным.

Оценивая исторические перспективы народной демократии как одного из вариантов демократии по соглашению, авторы отмечают, что она имела временный характер, ибо несла в себе «гены» саморазрушения. В его основе лежали принципиально разные стратегические цели и задачи партнеров по коалиции. По мере того, как исчерпывалось решение общенациональных задач, размывалась и основа общественного консенсуса. «Эти качественные перемены в ситуации осознавались всеми политическими силами, и каждая из них стремилась перехватить лидерство у партнеров по коалиции, с тем чтобы обеспечить реализацию собственных представлений о дальнейшем развитии»³.

Не сбрасывая со счетов воздействие внешнего (советского) фактора, авторы, определяя внутренние истоки движения коммунистов к власти, подчеркивали, что подъем левого радикализма в регионе был обусловлен «качеством» социальной структуры большинства восточноевропейских обществ, которая во время Второй мировой войны испытала воздействие выброса люмпенизированных масс, пополнивших среду работающих по найму. «Последнее обстоятельство

не могло не спровоцировать леворадикальных настроений как в рабочем классе, так и среди крестьянства, мелких городских собственников, а также среди интеллигенции, утратившей возможности профессионального самовыражения. В программах национальных и народных фронтов и в действиях рабочих и крестьянских партий эти наиболее социально уязвимые силы видели реальный шанс изменения своего общественного положения»⁴.

Таким образом, выведя исследование содержания народной демократии за рамки концепции перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, проанализировав качественную сущность исследуемого исторического феномена, авторы получили возможность более широкого понимания изменений в общественно-политических настроениях и социальных процессах, происходивших в странах рассматриваемого региона в первые послевоенные годы.

Почти в это же время к близкому определению понятия «народная демократия» пришли и чешские исследователи, подготовившие работу «Советизация Восточной Европы. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в 1944–1948»⁵.

Народная демократия рассматривалась в данной работе также вне рамок концепции перерастания и определялась как сложившаяся после Второй мировой войны асимметричная политическая модель общества, опиравшаяся на левые партии (коммунистов, социалистов и социал-демократов), на крестьянские партии и демократические партии центра. В такой конструкции, по мнению авторов, не оставалось места правым партиям как «виновникам негативного прошлого»⁶. При этом отмечалось, что такое соотношение политических сил отнюдь не было характерным только для региона, перешедшего в сферу влияния СССР. Для Западной Европы также «характерен подъем течений, типичных для народной демократии: сильная левиза в правительстве или в оппозиции, широкие симпатии к Советскому Союзу и социализму, огромная активность профсоюзов и национализация... Ситуация, подобная внутренней организации народных демократий, существовала, например, во Франции и Италии, где только англо-американское присутствие и высокий риск

проиграть гражданскую войну (греческий опыт) воспрепятствовали коммунистам в их попытках перехватить власть»⁷.

Характеризуя политическое состояние общества в Чехословакии на заключительном этапе войны, авторы как специфику отмечали быстрое нарастание в нем просоветских симпатий и увеличение влияния левых (коммунистических) настроений, особенно среди чешской интеллигенции. Просоветски была настроена не только значительная часть социал-демократов, но даже часть национальных социалистов. По их мнению, в послевоенной Чехословакии не могли бы действовать антисоветски настроенные политики⁸.

Что касается воздействия внешнего фактора на развитие ситуации в послевоенной Европе, в том числе и в ее восточноевропейском регионе, то оно оценивалось авторами рассматриваемой работы как решающее. Однако, говоря о формах и интенсивности его проявления, они проводили четкую дифференциацию стран. По их мнению, влияние внешнего фактора было однозначно преобладающим для таких стран, как Восточная Германия, Венгрия, Румыния и Греция, однако оно «не было столь явным и однозначным в Югославии, Албании, а также, в значительной степени, в Чехословакии и Болгарии»⁹.

Почти одновременное появление работ российских и чешских исследователей, в которых они независимо друг от друга, работая на разных источниках, пришли к близким оценкам и выводам, свидетельствовало, что поиск новых подходов к интерпретации послевоенного развития Чехословакии и других стран Восточной Европы шел до середины 90-х гг. XX в., если не в одной, то во всяком случае в весьма близких плоскостях.

Однако знакомство с более поздними работами чешских коллег показывает, что историографическая ситуация с конца 90-х гг. стала меняться. В ходе критического осмысления «социалистического прошлого» (что, безусловно, остается и по сей день важнейшей задачей историков всех стран, переживших «социалистический эксперимент») в работах ряда чешских исследователей все заметнее стала проявляться тенденция поиска «виновника» и стремление доказать, что изменения, происходившие в стране после Второй мировой войны,

были не столько связаны с ее внутренним объективным развитием, сколько принесены извне и насильственно навязаны обществу.

Такая тенденция явственно выступает в появившейся в 2000 г. коллективной работе «Восток: возникновение, развитие и распад советского блока. 1944–1989»¹⁰. Книга интересна по замыслу, и нельзя не испытывать уважения к чешским коллегам, поставившим перед собой задачу на региональном материале исследовать «европейский социалистический эксперимент» – рассмотреть реализацию советской модели в странах Восточной Европы, обосновать свою позицию относительно невозможности реформирования модели и ее исторической бесперспективности. Однако знакомство с первым разделом этой работы, носящим название «Тень Сталина», хронологически охватывающим период с 1944 по 1953 г., то есть время, когда завершилось формирование политических режимов советского типа, показало, что авторы, не объясняя причин, приступили к переоценке некоторых позиций, изложенных в рассмотренной выше работе «Советизация Восточной Европы. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в 1944–1948 гг.». Российскому историку не может не броситься в глаза переоценка вступления Красной Армии в ходе разгрома германского вермахта в 1944–1945 гг. на территорию сопредельных государств. В своей новой работе авторы отказались от употребляемого ранее ими понятия «освобождение от фашистской оккупации» даже для Чехословакии, заменив его понятием «занятие территории»¹¹. Явная смена политического акцента позволяет авторам все страны региона (и жертвы германского нацизма, и бывших его союзников) рассматривать «вкуче», объединяя по единому «главному» принципу – присутствия на их территории Красной Армии. Причем, это присутствие характеризуется весьма однозначно: «Москва считала все захваченные территории военной добычей, и в данной ситуации не существовало силы, которая бы такой подход была способна ограничить»¹². Данный вывод, сделанный авторами после изложения материала о вывозе в июне 1945 г. в Москву Русского заграничного исторического архива (РЗИА), политическая часть которого была передана чехословацким правительством советской сто-

роне, как бы приравнивал Чехословакию 1945 г. к положению оккупированной страны. Проведенная авторами идентификация вступления Красной Армии на территорию Чехословакии с оккупацией показывает, какого рода новые исторические мифы стали внедряться с конца 90-х гг. в сознание молодого поколения чехов, которых от окончания войны отделяет более 60 лет. В их исторической памяти присутствие в стране Советской армии воспринимается только через печальный и позорный для нас, бывших граждан СССР, опыт августа 1968 г. По-видимому, именно к молодому поколению чехов адресовались авторы рассматриваемой работы, когда писали о военной операции по освобождению Праги: «В результате соглашений союзников [по антигитлеровской коалиции. – Г.М.] о демаркационной линии американское наступление было приостановлено в ночь с 5 на 6 мая на линии Карловы Вары, Пльзень, Чешске Будейовице, и Паттон ожидал, когда с огромной помпой [подчеркнуто мною. – Г.М.] прибудет от Берлина к Праге русская “армия-освободительница”»¹³.

Можно было бы оставить на совести авторов такую оценку пражской операции Красной Армии, расценив ее как своего рода необходимую дань историков усиливавшимся в чешском обществе с конца 90-х гг. русофобским настроениям, которые, по оценкам чешских социологов, достигли своего пика к 2003 г. *

Однако хочется напомнить о цене тех последних дней войны, закончившейся на территории ЧСР только 11 мая 1945 г. По данным Генерального штаба Красной Армии, в ходе пражской стратегической операции воинские части, входившие в состав I, II и IV Украинских фронтов, с 6 по 11 мая 1945 г. потеряли убитыми 11265 чел., ранеными 38083 чел. Общие потери последних пяти дней войны составили 49348 человек¹⁴. Такова была цена продвижения от Берлина к восставшей Праге, на баррикадах которой погиб-

---

* Именно об этом поразившем чешское общество новом явлении с большой тревогой говорили чешские представители на международной научно-практической конференции «Экономическое и гуманитарное сотрудничество России и Чехии: новые перспективы», состоявшейся в Москве 16–17 октября 2006 г.

ли 2000 человек. У современных чешских историков, увы, не нашлось других определений этой операции, кроме как «огромная помпа», но вряд ли российские исследователи смогут разделить такую оценку.

Здесь мы, несомненно, будем расходиться, так же как будем расходиться в оценках некоторых других проблем нашего общего развития в рамках «социалистического лагеря».

По-видимому, произведенная чешскими коллегами в рассматриваемой нами работе переоценка присутствия Красной Армии на территории ЧСР являлась своего рода отправной точкой в избранной ими системе доказательств, что для Чехословакии социализм инационален, и он не имел здесь своих корней. Поэтому они оставили вне поля зрения и поставленную ими в 1995 г. весьма важную проблему изменения общественных настроений в различных слоях чешского общества в годы Второй мировой войны в условиях утраты национальной независимости и государственной самостоятельности. Думается, что именно анализ появившихся в чешском обществе новых настроений остается ключом к пониманию логики поведения чешской политической элиты и ее планов послевоенного государственного и общественного устройства страны.

Ярчайшим представителем этих кругов был президент Э. Бенеш. Предпринятая еще в 60-е гг. XX в. историками ЧСР фундаментальная публикация «Документы из истории чехословацкой политики. 1939–1943»¹⁵ дает великолепный фактический материал для такого анализа. Документы убедительно показывают не только глубокий сдвиг влево маятника общественных настроений в стране, но и то весьма важное обстоятельство, что представители политической элиты, группировавшиеся вокруг Э. Бенеша и эмигрантского правительства в Лондоне, чутко реагировали на изменения общественного климата внутри страны, пересматривая свои представления о будущем развитии страны.

Авторы же рассматриваемой работы, отказавшись от анализа эволюции общественных настроений в чешском обществе в годы Второй мировой войны, по существу, лишили читателя возможности понять внутренние причины тех социальных реформ, которые воплощались в жизнь в 1945 г. декретами президента Э. Бенеша. Оторванные от военных и

послевоенных настроений общества реформы выглядят с точки зрения современного читателя алогичными. Поэтому не удивительно, что молодое поколение чешских историков, вступившее на научную сцену в начале XXI в., нередко упрекает Э. Бенеша в том, что он пошел на заключение договора 1943 г. с СССР, на компромисс с коммунистами, что им в 1945 г. были подписаны декреты о наказании за коллаборационизм, о национализации промышленности и т. д. Феномен Бенеша-политика остается при таком подходе не только не раскрытым, но в значительной степени искаженным. Думается, что наиболее емко значимость этого чешского политика определил Ч. Цисарж в своей работе «Мои чехословацкие президенты». Рассматривая эволюцию взглядов Э. Бенеша в годы Второй мировой войны, он пишет: «Подобно тому, как Т.Г. Масарик помогал разрушать прогнившую габсбургскую монархию и формировать демократию на основе гражданского общества, Э. Бенеш взял на себя смелость раскрыть противоречия либерализма как системы, уже себя изживающей. Он понял, что невозможен простой возврат к государственной системе и общественным отношениям прошлых десятилетий, что необходимо переходить к принципиальным реформам и глубоким изменениям, которых требовал процесс, кратко выраженный в лозунге “мир идет влево”. Он создал видение новой, эффективной демократии с повышенной мерой социальной справедливости, которую назвал “социализирующейся демократией»¹⁶.

В такой эволюции взглядов Бенеша, которые, по мнению Ч. Цисаржа, свидетельствовали о его относительном сближении с «некоторыми сторонами марксизма», он и видит истоки отношения Э. Бенеша как к КПЧ, так и к Советскому Союзу. «Учитывая эти обстоятельства, – отмечает Ч. Цисарж, – мы можем понять уважительное отношение Э. Бенеша к тому историческому феномену, каким стал в XX в. Советский Союз»¹⁷.

Материалы Архива Президента РФ показывают, что уже зимой и весной 1942 г. Э. Бенеш имел активные контакты с советским послом при эмигрантских правительствах в Лондоне А.Е. Богомолковым. На основании бесед с чехословацким президентом Богомолков сделал вывод о том, что Э. Бенеш хочет приехать в Москву. Об этом он специальной шифротелеграммой уведомил лично И.В. Сталина, подчеркнув, что «партии и групп-

пировки в Чехословакии несколько лучше других понимают нашу роль в Европе»¹⁸. Из информации А.Е. Богомолова в Москву со всей очевидностью вытекало, что группировавшаяся вокруг Э. Бенеша чешская политическая элита свои планы восстановления независимости страны и будущих общественных преобразований связывала с присутствием в Европе «советского фактора»^{*}.

---

* В отличие от польских эмигрантских кругов в Лондоне, в частности Сикорского, Э. Бенеш уже в 1941 г. исходил из возможности военного и послевоенного сотрудничества с СССР. Об этом свидетельствовало направленное им в августе 1941 г. письмо на имя М.М. Литвинова:

«Лондон, 6 августа 1941 г.

Мой дорогой Максим Максимович,

Посылаю Вам лишь несколько слов приветствия и в то же время благодарности за Вашу позицию и поддержку в трудное время 1938 г. Я не забыл и не забуду. Вы, вероятно, следили за моими передвижениями со времени Мюнхена, в Америке, Франции и Англии. То, чего я с уверенностью ожидал после моего московского визита 1935 г., пришло при худших обстоятельствах, чем я предполагал – действительно, недопустимая политика Западной Европы в 1934–1935 гг. А затем война! Несмотря на все, когда Германия начала войну, я ожидал того, что затем случилось – германского нападения на Советский Союз.

Таким образом, подготовив и вновь организовав нашу революционную акцию дома и за границей, а также нашу борьбу за новое признание и реконструкцию, я никогда не терял из виду идеи нашего нового советско-чехословацкого сотрудничества, которое мы с Вами подготовили и реализовали в 1935 г. и которое вновь осуществлено при теперешних трагических событиях.

Я надеюсь теперь, что победа будет за нами в 1942 г. А тогда длительное сотрудничество наших стран в дружбе и взаимной помощи – после того как мы вместе старались установить лучший и более продолжительный мир – не будет прервано. Я также надеюсь увидеть Вас во время нового посещения Москвы при первом удобном случае.

С моим наилучшим приветом

Искренне Ваш др. Эдуард Бенеш
(РГАСПИ Ф. 82. Оп. 2. Д. 1356. Л. 225).

Рассматривая вопросы современной трактовки и переоценок послевоенного развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы и особенно становления здесь политических режимов советского типа, важно иметь в виду, что к началу XXI в. источниковая база, являющаяся, как известно, фундаментом работы любого историка, претерпела весьма заметные перемены. Наряду с материалами национальных архивов она обогатилась ранее недоступными, как для российских, так и для зарубежных ученых, коллекциями документов из архивохранилищ Российской Федерации. В рамках вышеупомянутого научного проекта «Москва и Восточная Европа. 1944–1953» было к 2000 г. опубликовано шесть документальных публикаций, снабженных научными комментариями специалистов. Два издания – «Восточная Европа в документах российских архивов (1944–1953). Т. I, II»¹⁹ и «Советский фактор в Восточной Европе (1944–1953). Т. 1, 2»²⁰, являясь общерегиональными, включают в себя коллекции по семи странам: Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия. Основу их составляют документы из фондов Сталина, Молотова, Зорина, Деканозова, Отдела внешних сношений ЦК ВКП(б), референтур МИД СССР. Об уровне и степени значимости вводимых этими публикациями в научный оборот документов весьма красноречиво свидетельствует тот факт, что в Польше, Венгрии и Румынии весьма оперативно был осуществлен перевод материалов, относящихся к каждой из стран, что сделало их доступными для исследователей, не владеющих русским языком.

Наряду с общерегиональными документальными коллекциями, в 90-е годы были опубликованы проблемные сборники. В 1996 г. увидел свет сборник «НКВД и польское подполье 1944–1945. (По Особым папкам Сталина)»²¹. В 2001 г. последовало его расширенное и дополненное переиздание под названием «Из Варшавы. Москва, товарищу Берия»²². В 1997 г. появился сборник документов «Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946)»²³, в том же 1997 г. журнал «Вопросы истории» в двух номерах опубликовал документы из Архива внешней политики РФ, связанные с подготовкой процесса над Р. Сланским²⁴. В 2000 г. вышел в свет сборник «Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территори-

альный спор и СССР. 1940—1946. Документы российских архивов»²⁵. Часть этих страновых сборников была переведена в Румынии, Венгрии и Польше.

Введение в научный оборот ранее неизвестных документов российских архивов объективно расширило возможность корректировки подходов и уточнения позиций как чешских, так и российских исследователей по кардинальным вопросам, связанным с утверждением в регионе коммунистических режимов.

В качестве примера можно привести принципиальный вопрос о миссии зам. министра иностранных дел В.А. Зорина в Прагу в феврале 1948 г. В работах чешских историков, вышедших за последние 10–15 лет, в первую очередь, в работах К. Каплана²⁶, являющегося крупнейшим специалистом по истории послевоенной истории Чехословакии, утверждается, что Зорин, прибывший в Прагу 19 февраля 1948 г., привез К. Готвальду приказ Сталина взять власть и в случае необходимости обратиться к Москве за военной помощью. После отказа К. Готвальда от предложения Сталина решить вопрос о власти чисто силовым путем Зорин якобы стал добиваться от советского руководства проведения в Австрии на границе с Чехословакией маневров советских войск. Такая версия базируется на сведениях, полученных еще в 60-е годы К. Капланом в личной беседе с А. Чепичкой, являвшимся в 1948 г. министром юстиции. Для чешских исследователей это утверждение А. Чепички стало главным аргументом в трактовке февральского политического кризиса как откровенно силового навязывания Москвой своей воли. Российские же исследователи, не располагая вплоть до конца 1997 г. документальными материалами об этом визите, вынуждены были ограничиваться только констатацией самого факта приезда В.А. Зорина в Прагу. Объективно создавалась почва для утверждения версии о непосредственном вмешательстве советского политического руководства в разрешение кризисной ситуации.

Сложившееся положение в немалой степени объяснялось позицией Историко-документального департамента МИД РФ, который все материалы, связанные с «миссией» Зорина в Праге, держал «за семью печатями». Только в конце 1997 г.

появилась возможность ознакомиться с некоторыми шифр-телеграммами В.А. Зорина из Праги и ответами на них В.М. Молотова из Москвы. Это в определенной степени позволило прояснить картину. Итак, если судить по материалам АВП РФ, 17 февраля 1948 г. сотрудник советского посольства М.Ф. Бодров направил в Москву информацию, в которой на основе беседы с Готвальдом сообщал, что лидеры КПЧ, в частности, К. Готвальд, не исключают со стороны своих противников в парламенте и Национальном фронте такого шага, как выражение недоверия существующему правительству, с тем, чтобы сформировать новый кабинет без коммунистов. При этом высказывалось опасение, что такая акция может получить поддержку президента Э. Бенеша. При таком развитии событий, подчеркнул Готвальд, коммунисты «тоже пойдут на крайнюю меру, то есть при помощи имеющихся у коммунистов министерства внутренних дел и большинства армии возьмут полностью власть в стране и окончательно расправятся с реакцией»²⁷. Стремление Москвы держать под контролем складывающуюся ситуацию и объясняет прибытие в Прагу 19 февраля 1948 г. зам. министра иностранных дел В.А. Зорина. Документы, в которых определялись задачи и действия Зорина, остаются для исследователей до сих пор недоступными. Однако шифртелеграммы, направляемые Зориным в Москву в течение 19–22 февраля и ответы Москвы проливают свет на действия советской стороны. Первые встречи советского дипломата с чешскими политиками состоялись уже 19 февраля. С министром В. Майером Зорин обсуждал ход поставок советского зерна в Чехословакию. Формальным поводом его поездки была, как известно, инспекция поставок этого зерна. Далее, 19 февраля, последовала встреча с министром иностранных дел ЧСР Я. Масариком.

Как сообщал сам Зорин в Москву В.М. Молотову, он дал понять Масарику: «Мы неодобрительно относимся к попыткам раскола правительства». В этот же день он встретился с Готвальдом и «передал Готвальду совет быть потверже, не идти на уступки правым, не колебаться, что он [Готвальд. – Г.М.] воспринял без каких либо сомнений»²⁸. Думается, что в этой шифртелеграмме и раскрыта основная причина приезда Зорина в Прагу. Советская сторона испытыва-

ла определенную настороженность и недоверие к чехословацким коммунистическим лидерам именно за их, как казалось ей, склонность к компромиссам. Москва явно опасалась, что они могут отступить от заявленных намерений, и вопрос о власти не будет решен до весенних выборов в парламент. А в их успехе у коммунистов, судя по прогнозам советского посольства, больших надежд уже не было. К тому же опыт Франции и Италии свидетельствовал о реальных провалах коммунистов на выборах.

20 февраля, сразу же после подачи 12 министрами трех некоммунистических партий, входивших в НФ, заявлений об отставке, состоялась встреча Зорина со Сланским и Готвальдом. Судя по информации, переданной Зориным в Москву, он обратил внимание своих собеседников на необходимость «быть готовыми к решительным действиям и к возможности нарушения некоторых формальных положений существующей конституции и законов». В ответ «Готвальд стал говорить, что пока не приходится идти против президента, но иное дело будет, если им придется идти против него». «Я ответил ему, – сообщил Зорин, – что он зря преувеличивает трудности и что авторитет президента в значительной мере держится их поддержкой. Готвальд как будто бы настроился действовать более решительно, но идея нормального пути развития Чехословакии без всяких потрясений еще довлеет над ним»²⁹. На этой встрече Готвальд показал Зорину сводку чехословацкой разведки с изложением разговора какого-то канадского разведчика о намерениях американских правящих кругов ввести в страну войска в случае коммунистического путча. На это Зорин заметил, что данная информация рассчитана на их запугивание и каких-либо серьезных оснований под собой не имеет. Далее Зорин сообщал: «Готвальд в то же время высказался в том смысле, что было бы хорошо для воздействия на Бенеша и правых, если бы некоторые советские части в Германии и Австрии начали некоторые передвижения у границ Чехословакии. Готвальд просил сообщить об этом в Москву. Я обещал это сделать». По-видимому, такая просьба Готвальда насторожила Зорина, и он передал в Москву: «Готвальд хочет обязательно избежать каких-либо острых мер в борьбе против реакции». Рассчитывая оказать на-

жим на лидера чехословацких коммунистов, Зорин считал полезным, «если бы по партийной линии были даны из Москвы указания Готвальду действовать решительнее и не быть в плену парламентских иллюзий»³⁰. Кроме того, Зорин просил сформулировать официальный взгляд советской стороны на правительственный кризис в Чехословакии. 22 февраля он получил ответ из Москвы за подписью Молотова: «“Правда” 22-го выступит с оценкой событий в Праге. Предложения о передвижении советских войск в Германии и Австрии, а также даче указаний Готвальду по партийной линии признаны нецелесообразными...» Зорину также предписывалось не посещать Бенеша³¹.

Такой ответ означал одно – удовлетворение Москвы массовыми выступлениями в поддержку коммунистов в Праге 21 февраля, а отсутствие «массового сопротивления акциям коммунистов» стало главным фактором в определении позиций советского руководства, что и было сформулировано Молотовым в телеграмме от 22 февраля 1948 г.

На основе приведенных документов можно со всей очевидностью утверждать, что советское руководство в условиях назревающего политического кризиса, безусловно, подталкивало лидеров чехословацких коммунистов к борьбе за установление монопольной власти и ликвидацию коалиционного правительства в стране еще до весенних парламентских выборов. Но конкретный план действий разработан был отнюдь не в Москве, а в Праге и еще до приезда Зорина. Его же миссия заключалась не в передаче приказа Сталина взять власть, а в контроле за тем, чтобы руководство КПЧ не слишком склонялось к компромиссам.

Что же касается использования в качестве аргумента демонстрации советской военной мощи, то инициатива принадлежала отнюдь не советской стороне, а лидеру чехословацких коммунистов. Советский Союз, конечно, мог бы вмешаться, если бы позиции коммунистов в Чехословакии оказались под угрозой, но историческая истина состоит в том, что чехословацкие коммунисты оказались достаточно сильными и получили столь массовую поддержку в стране в феврале 1948 г., чтобы утвердить свою власть без вооруженного вмешательства Советского Союза.

Именно на эту сторону дела и обращает внимание Ч. Цисарж в своей работе «Мои чехословацкие президенты», когда оценивает ситуацию в стране в феврале 1948 г.: «Важно то, что Готвальд своим технически мастерски выполненным действием не оставил ни подавшим в отставку министрам, ни президенту никакой возможности воспрепятствовать переменам в правительстве... Еще более важным является то, что он имел поддержку огромной массы демонстрантов, мощного съезда восьми тысяч представителей профсоюзов, сформированных отрядов рабочей милиции и мог считаться с нейтралитетом армии, отказавшейся идти против народа»³².

Все вышеприведенные документы российских архивов были опубликованы еще в 1998 г., как на русском, так и на чешском языках. Но знакомство с работами чешских исследователей, вышедшими в последующие годы, показывает, что в них по-прежнему излагается только версия А. Чепички о приказе Сталина и его требовании пригласить войска. Возникает невольный вопрос, почему чешскими историками не принимаются во внимание появившиеся новые материалы российских архивов? Может быть, они не устраивают их политически, поскольку не вписываются в весьма популярный сейчас новый исторический миф о жестком, на грани военного вмешательства, диктате Москвы в переломный момент развития страны? Или, может быть, не сопрягаются с тезисом, нужным сейчас новой политической элите об отсутствии в чешском обществе социальной базы для прихода коммунистов к власти в 1948 г.?

Определенное игнорирование со стороны чешских коллег наблюдается и в отношении ряда других документов, введенных российскими исследователями в научный оборот еще в конце 90-х гг. XX в. Как уже отмечалось выше, в 1997 г. в журнале «Вопросы истории» были опубликованы материалы из фондов АВП РФ, связанные с подготовкой «дела» Сланского. В 1998 г. эта коллекция, дополненная документами из других архивов, была включена во второй том уже упомянутого издания «Восточная Европа в документах российских архивов». Здесь же были опубликованы материалы, связанные с подготовкой процессов над В. Клементисом, Г. Гусаком,

Т. Костовым (Болгария), Л. Райком (Венгрия), А. Паукер и В. Лукой (Румыния), которые активно использовались нашими зарубежными коллегами³³.

Ставшие доступными для исследователей новые материалы свидетельствуют, что развернувшиеся в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. во всех странах региона внутрипартийные политические репрессии рассматривались советским политическим руководством как инструмент «идейного сплочения» на базе безоговорочного принятия курса «на ускоренное построение социализма» и полной идентификации национально-государственных интересов каждой из стран с интересами формировавшегося Москвой военно-политического блока. В качестве идеологического обрамления этого процесса советская сторона сначала использовала лозунги борьбы с титоизмом как вариантом троцкизма регионального масштаба, а затем с сионизмом как агентурой американского империализма. Вместе с тем материалы российских архивов показывают, что вряд ли правомерно сводить внутривнутриполитические репрессии в регионе только к режиссуре Кремля, а политическое руководство компартий представлять в качестве «послушного, а очень часто пассивного орудия в руках Москвы»³⁴.

Документы свидетельствуют, что выбор конкретных жертв репрессий, так же, как и определение масштабов репрессивных акций, чаще всего оказывались производными от межклановой борьбы внутри правящей партийной верхушки. Это особенно отчетливо проявилось в «деле» Р. Сланского*.

---

* На эту ярко выраженную особенность «дела Сланского» обратил внимание и сербский исследователь Дж. Трипкович в своем докладе, сделанном на международной конференции «Политические процессы в Чехословакии после 1945 г. и “дело Сланского”», состоявшейся в Праге в 2003 г. В нем автор, опираясь на материалы Союзного министерства иностранных дел Югославии, весьма обстоятельно проследил, как начиная с 1948 г. развивалась в руководстве КПЧ борьба двух группировок, противостоящих друг другу, – сторонников К. Готвальда и сторонников Р. Сланского. Жертвами этого противостояния, по мнению автора доклада, в 1950 г. стали и В. Клементис, и О. Шлинг, и М. Швермова. См.: Politické

Материалы российских архивов, прежде всего, записи бесед советских дипломатов с некоторыми представителями правящей верхушки ЦК КПЧ – А. Чепичкой, В. Копецким, А. Новотным, Ю. Дюришем, А. Запотоцким и др., показывают, что, начиная с лета 1951 г., поток компромата на Сланского, адресованный в Москву, стал интенсивно нарастать. Особенно активную роль в этом играл А. Чепичка. Именно от него пошел переданный через главного военного советника генерал-полковника Гусева в Москву первый сигнал о том, что в стране готовится антигосударственный заговор, возглавляемый Р. Сланским³⁵. Но сложность заключалась в том, что Сланский пользовался доверием в Кремле. Именно через него как Генерального секретаря партии ЦК ВКП(б) получал исчерпывающую информацию о ситуации в стране и КПЧ.

Однако к лету 1951 г. Москва, ранее уже вмешавшаяся в конфликт двух противоборствующих группировок, еще не сделала для себя окончательного выбора³⁶. Этим, вероятно, и можно объяснить весьма сдержанную реакцию Сталина на полученную информацию о Сланском. В телеграмме, отправленной К. Готвальду 20 июля 1951 г., Сталин писал: «Получил следственные материалы на тов. Сланского и тов. Геминдера. Мы считаем материалы недостаточными и думаем, что они не дают оснований для обвинения. Мы полагаем, что нельзя только на основании показаний известных преступников делать выводы. Нужны еще факты, подтверждающие эти показания»³⁷.

Материалы российских архивов, опубликованные еще в 1997 г., показывают, сколь настойчиво действовала часть высшего руководства КПЧ, чтобы получить «добро» Москвы на устранение Сланского от руководства партией. Так, Копецкий в беседе с сотрудником советского посольства П. Крекотенем прямо говорил, что «в руководстве партии сложилась группа политиков – Р. Сланский, И. Франк, И. Гендрих, Б. Геминдер, возмнивших себя хозяевами партии. Видные деятели партии чувствуют, как эта группа оттирает их от руководства и как они (Копецкий, Нееды, Дюриш) постепенно ста-

---

procesy v Československu po roce 1945 a «případ Slansky» / Ed. By J. Pernes. Brno, 2005. S. 86–98.

новятся людьми 3-го и 4-го разрядов. Аппарат Секретариата ЦК КПЧ постепенно превращается в инородное тело партии. Работники, сидевшие в аппарате ЦК, в большинстве своем не знали чешского языка, не знали и не понимали чешский народ. Эти люди никогда искренне не любили Советский Союз, им безразлично, кому служить»³⁸.

Подобная информация, судя по материалам российских архивов, осенью 1951 г. регулярно поставлялась противниками Сланского в Москву. А. Чепичка в ходе одной из бесед в советском посольстве вышел на тему деятельности еврейской общины в Праге, которая, по его словам, «тесно связана с сионистскими, югославскими и англо-американскими разведчиками». При этом он подчеркнул, что Секретариат ЦК КПЧ взял еще в 1948 г. под защиту еврейскую общину и не разрешил провести ревизию ее имущества. Появление в информации Чепички сюжетов о еврейской общине диктовалось желанием противостоящих Сланскому политиков использовать его еврейское происхождение для доказательства связей генерального секретаря с сионистскими организациями и, таким образом, ввести готовящееся «дело» в рамки той антисемитской кампании, которая набирала силу в СССР. В Москву также сообщалось, что все кадры, рекомендованные Секретариатом ЦК на ответственные посты, оказались враждебной агентурой³⁹. Такая информация не могла не достичь желаемой противниками Р. Сланского цели: Москва напрямую санкционировала арест Сланского. Это впоследствии подтвердил старший советник МГБ СССР в органах безопасности ЧСР А. Бесчастнов. По его словам, со специальным решением ЦК ВКП(б) приезжал в Прагу один из членов Политбюро⁴⁰. 23 ноября 1951 г. – день ареста Сланского стал прологом к новой волне репрессий, а страна вступила в фазу антисемитской истерии.

Несмотря на то, что документы, раскрывающие методы действий «антиготвальдовской» группировки остаются недоступными для исследователей, трудно предположить, что Р. Сланский и его сторонники оставались пассивными в почти трехлетнем противостоянии коммунистических лидеров ЧСР. Сопоставление документов по Чехословакии с материалами других стран региона (особенно Венгрии и Румынии)

показывает, что межклановая борьба в высших кругах правящей коммунистической элиты была важнейшей составляющей в подготовке внутрипартийных репрессий конца 40-х – начала 50-х гг. XX в. Именно в ней определились конкретные фигуранты будущих политических процессов. Повидимому, сводить отношения советского руководства и глав партий только к формуле «приказ–исполнение» будет упрощением. Каждый из партнеров играл свою роль на своем поле и преследовал свои цели. Наверное, уже настало время, оценивая наше общее «социалистическое прошлое», отказаться от рассмотрения всех негативов послевоенного развития исключительно через призму «советского фактора» и объяснять их только «волей Москвы». Именно об опасности такого подхода говорил молодым исследователям в интервью «патриарх» современной чешской исторической науки К. Каплан еще в 2003 г.: «...Думаю необходимо избегать того, чтобы один миф заменялся другим. К сожалению, у нас это происходит. Чтобы эта антикоммунистическая идеология, такая доступная, не привела нас к тому, что все огульно выкрикнем – “это все коммунисты, это все Москва!”. Такой миф не может быть правдой, так никогда не бывает. Дело в том, что путь решения из Москвы до Праги, а из Праги до Новой Льготы * был очень сложный, и всегда там играли свою роль отдельные личные интересы и другие факторы»⁴¹.

В заключение обзора тех проблем по истории послевоенного десятилетия в развитии стран региона, которые остаются объектом дискуссии между чешскими и российскими историками, хотелось бы остановиться еще на одном вопросе, который звучит так: были ли утвердившиеся в странах Восточной Европы политические режимы полными аналогами советской системы? На этот вопрос попытался ответить коллектив Научного центра истории сталинизма в Восточной Европе в работе, вышедшей в 2002 г. и посвященной анализу процессов становления политических режимов в рассматриваемом регионе⁴². Используя накопленный в ходе поисковой работы в архивах материал, авторы попытались через призму отношений национальных правящих элит с Москвой

---

* Автор имел ввиду местные власти.

рассмотреть такие вопросы, как оформление системы государственной власти; формирование партийно-государственной номенклатуры; монополизация информационного «поля»; попытки внедрения принципа «вождизма»; институт советских советников; внутриполитические репрессии как инструмент консолидации режима в руках обретавших монополию компартий. То есть сознательно были выбраны проблемы, которые практически в российской историографии в предшествующие годы не рассматривались вследствие их идеологического табуирования и ограниченности источников.

Сопоставление материала шести стран (Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и Чехословакии) позволяет на сегодняшний день констатировать, что в начале 50-х годов были созданы «несущие элементы» советской (сталинской) модели организации общества: то есть экономическая и политическая власть оказалась сосредоточена в руках вождя; реальной властью обладали только коммунистические партии, в то время как «партии-союзницы» уже фактически не принимались в расчет; установлена монополия на средства массовой информации; существовал всеобъемлющий контроль властных структур и жесткая централизованная система управления экономикой. Созданная к 1952–1953 гг. «конструкция» поддерживалась типичными для советской модели механизмами, включая репрессивно-террористические. Это дает основание, считают авторы, говорить о наличии в Восточной Европе режимов, несомненно близких к советскому образцу, левототалитарных по своему характеру, однако имеющих свои «родовые» черты, не дающие возможности считать их полностью аналогами советского сталинского режима. Отличие состоит в степени развертывания заложенного в этой конструкции «тоталитарного потенциала»⁴³. Оно обуславливалось наличием целого ряда факторов, отличавших ситуацию в СССР конца 20-х – начала 30-х гг. от ситуации в рассматриваемых странах региона на рубеже 40-х – 50-х годов.

Первое принципиальное отличие заключалось в том, что в России после гражданской войны оставшийся политический «вакуум» был заполнен только представителями леворадикальной части российского общества. В странах же Восточной Европы в ходе антифашистской национально-освободительной

борьбы сложился и действовал (в ряде стран по принуждению) на протяжении 1944–1947/8 гг. механизм общественного консенсуса различных политических сил (демократия по соглашению). Это обусловило иную, чем в СССР, степень готовности восточноевропейского общества к восприятию советской модели в национальном варианте.

Второе отличие заключалось в ином качественном состоянии самих компартий как носительниц идей сталинизма. Несмотря на внутривластные репрессии, принцип идеологической монолитности как один из основных родовых признаков сталинизма не получил в компартиях Восточной Европы долгосрочного закрепления, как в СССР. Что же касается политического лидерства, то ни один из коммунистических лидеров не был ни в одной стране таким харизматическим вождем, каким был Сталин в СССР, особенно после войны.

Третий фактор, существенно сужавший возможности укоренения сталинской модели в регионе, состоял в существенном различии технологических эпох. Ставка на экстенсивность и изоляцию от мира в канун мировой научно-технической революции стала цивилизационным анахронизмом. Понятие «железного занавеса», отделившего «социалистический лагерь» от остального мира, относилось прежде всего к СССР, для Восточной Европы это была скорее «железная решетка» с совершенно иной степенью проницаемости.

Кроме того, важно иметь в виду, что советская модель в Восточной Европе не прошла в своем развитии этапа, который бы закрепил в обществе позиции тех, кто олицетворял собой новый строй. В странах региона не сформировалось общенациональной идеи, выразителем которой выступал бы существующий политический режим. И здесь нельзя не видеть весьма важного различия от ситуации в СССР, где победа в Великой Отечественной войне закрепила влияние сталинского руководства, придав режиму общенациональный облик «коллектива соотечественников», защитивших свою страну от агрессора*. Все эти вышеназванные факторы не могли не

---

* Представляется, что именно это весьма важное обстоятельство не смогли адекватно оценить авторы монографии «Восток. Возникно-

оказывать влияние на степень укоренения советской модели в странах Восточной Европы, на ее трансформацию в условиях, отличающихся от СССР, и, соответственно, на облик складывавшихся политических режимов.

Работа коллектива Научного центра истории сталинизма над проектом «Москва и Восточная Европа 1944–1953» показала перспективность сравнительно-сопоставительного анализа по линии «СССР – Восточная Европа» и других проблем нашего общего послевоенного прошлого.

Вышедшая в 2008 г. монография «Москва и Восточная Европа. Государственно-церковные отношения в период общественных трансформаций 40–50-х гг. XX в.», также подготовленная на основе изучения документов из фондов российских архивов, может стать основой для научной дискуссии историков, занимающихся вопросами конфессиональной политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: Миф или реальность. Общественно-политические процессы в Восточной Европе в. 1944–1948 гг. М., 1993.
- ² Там же. С. 306.
- ³ Там же. С. 312.
- ⁴ Там же. С. 313.
- ⁵ Tejchman M., Hradečný R, Kolář J., Prokš R, Vykoukal J. Sověti-zace východní Evropy. Země Střední a Jihovýchodní Evropy v letech 1944–1948. Praha, 1995.

вание, развитие и распад советского блока», когда писали в заключении к разделу «Тень Сталина», что интерес советской политики в 1948–1953 гг. состоял в ускоренной реставрации системы, ослабленной в результате войны, и придании ей формы, сложившейся во второй половине 30-х гг. (См.: Vukoukal J., Lítéra B., Tejchman M. Vychod... S. 289). Думается, что более соответствует истине утверждение М. Реймана. Он еще в 1993 г. писал, что «внешние усилия внутренне консолидировали советскую власть, военные победы снискали сталинскому руководству высокий авторитет не только внутри страны, но и за рубежом» (См.: Rejman M. Poznámky o úloze SSSR v poválečných dějinách Střední a Jihovýchodní Evropy // Strankami soudobých dějin. Praha, 1993. S. 209).

- ⁶ Ibidem. S. 27–29.
- ⁷ Ibidem. S. 28.
- ⁸ Ibidem. S. 278.
- ⁹ Ibidem. S. 269.
- ¹⁰ *Vykoukal J., Litera B., Tejchman M. Východ. Vznik, vývoj a rozpad sovětského bloku 1944–1989.* Praha, 2000.
- ¹¹ Ibidem. S. 138.
- ¹² Ibidem. S. 138.
- ¹³ Ibidem. S. 125.
- ¹⁴ Гриф секретности снят: потери Вооруженных сил СССР в военных боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 220–221.
- ¹⁵ *Dokumenty z historie československé politiky 1939–1943.* Praha, 1966.
- ¹⁶ *Cisář Č. Moji českoslovenští prezidenti.* Praha, 2006. S. 42.
- ¹⁷ Ibidem. S. 42.
- ¹⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 396. Л. 26.
- ¹⁹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953: В двух томах. / Под ред. Г.П. Мурашко. М.– Новосибирск, 1997, 1998.
- ²⁰ Советский фактор в Восточной Европе (1944–1953) В двух томах. / Под ред. Т.В. Волокитиной. М., 2000, 2002.
- ²¹ НКВД и польское подполье 1944–1945 (По Особым папкам И.В. Сталина) / Ред. и сост. А.Ф. Носкова. М., 1996.
- ²² Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД о польском подполье 1944–1945 / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М.– Новосибирск, 2001.
- ²³ Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест 1944–1946. Документы российских архивов / Под ред. Т.А. Покивайловой. М., 1997.
- ²⁴ «Дело» Сланского (Подг. к публикации Мурашко Г.П.) // Вопросы истории. № 3–4. 1997.
- ²⁵ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы / Под ред. Т.М. Исламова. М., 2000.
- ²⁶ См.: *Kaplan K. Československo v letech 1943–1953.* Praha, 1993; *Kaplan K. Pět capitol o Únoru.* Praha, 1996; *Honzlík J. Únor 1948 – výsledek nerovného zápasu. Tajné službě na cestě k moci.* Praha, 1997 и др.

- ²⁷ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. С. 551.
- ²⁸ Там же. С. 552.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ АВП РФ. Ф. 048. Оп. 57. П. 478. Д. 2. Л. 134.
- ³² *Císař Ā.* Op. cit. S. 47.
- ³³ *Constuntiniu F.* P.C.R. Pátráškamu Ńi Transilvania; *Skrzypek A.* Mechanizmy uzaležnienia. Stosunki polsko-radzieckie. 1944–1957. Pultusk, 2002; *Barnovský M.* Proces s takzvanými slovenskými buržoaznymi nacionalistami // Politické procesy v Československu po roce 1945, a «připad Slanský» / Ed. by J. Pernes. Brno, 2005. S. 158–170; *Štefanský M.* Medzinarodné súvislosti procesu s Vladimírem Clementisom // Ibidem. S. 356–366; *Ра́йнер Я.М.* Имре Надь. Премьер-министр венгерской революции 1956 г. Политическая биография. М., 2006.
- ³⁴ *Vykoukal J., Litera B., Tejchman M.* Východ. Vznik, vývoj a rozpad sovětského bloku... S. 289.
- ³⁵ Советский фактор в Восточной Европе... Т. 2. 1949–1953. С. 492–493.
- ³⁶ *Trpkovič D.* Proces s Rudobom Slánským – jugoslávský pohled // Politické procesy v Československu po roce 1945 a «připad Slansky»... S. 89.
- ³⁷ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002. С. 536.
- ³⁸ «Дело» Сланского // Вопросы истории. № 3. 1997. С. 12–13.
- ³⁹ Там же. С. 15.
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1160. Л. 15.
- ⁴¹ Po stopách nedávné historie. Sborník k 75 narodeninam doc. Karla Karšana. Usp. Jiří Pernes. Brno, 2003. S. 27.
- ⁴² *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Указ. соч.
- ⁴³ Там же. С. 663.

Избранное

VI

ЧЕЛОВЕК «ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ». **ВОСПОМИНАНИЯ ЧЕСТМИРА ЦИСАРЖА ***

Сорок лет прошедшие с августа 1968 г., убедительно показали, что «Пражская весна» с ее отрицанием сталинской тоталитарной модели социализма стала знаковым событием второй половины XX в. Она явилась поворотным моментом в развитии этой модели, который завершился развалом СССР и серией демократических революций в сопредельных с ним странах. Именно значимостью «Пражской весны» в развитии социализма на европейском континенте объясняется устойчивый интерес историков, особенно в Чехии и Словакии, к проблемам развития их некогда общего государства в 1950-е – 1960-е годы. Их усилия концентрировались на том, чтобы выявить внутренние и внешние факторы, обусловившие зарождение реформистских настроений внутри правящей коммунистической элиты и интеллектуальных слоев общества, а также рассмотреть процесс оформления этих настроений в программные требования разработки нового курса на базе соединения идей социализма и демократии путем осуществления реформ в политической, социальной и экономической сферах ¹.

Особое место в работах, посвященных рассмотрению Пражской весны занимают мемуары активных протагонистов реформаторского курса. В 1970-е – 1980-е годы они появились сначала в зарубежных изданиях или в подпольных изданиях «самиздата» ², и только после «бархатной» революции 1989 г. воспоминания непосредственных участников реформаторского движения стали предметом внимания разных издательств Чехии и Словакии.

Сейчас мемуары активных политиков «Пражской весны» наряду с партийными и государственными документами, с прессой тех лет для нового поколения историков являются важнейшими свидетельствами ушедшей эпохи. В них раскрываются не только малоизвестные стороны – «закулисье» противостояния противников и сторонников реформ. Раз-

---

* Славяноведение 2008. № 3. С. 76–100.

мышления авторов, их оценки, порой весьма жесткий критический анализ конкретных ситуаций и собственных позиций позволяют увидеть, сколь сложным был процесс поисков новой модели социализма, диктуемый необходимостью включения страны в общий контекст мирового развития в условиях набирающей темпы научно-технической революции.

Эта особенность воспоминаний «шестидесятников» Чехословакии наиболее четко прописана в мемуарах Честмира Цисаржа – одного из популярных и ярких политиков «Пражской весны»³. Его биография во многом типична для поколения, вступившего на арену общественной жизни после Второй мировой войны и давшего через двадцать лет активных лидеров реформаторского течения в рядах КПЧ.

Честмир Цисарж родился в 1920 г. в семье ремесленника, воспитывался на идеях гуманизма первого президента Чехословакии Т.Г. Масарика. Под влиянием жизненного опыта (экономический кризис 1930-х годов с массовой безработицей и обнищанием, Мюнхен и оккупация страны, для многих – концлагеря) эти идеи радикализировались в сторону социализма. Раскрывая послевоенные настроения своего поколения, Цисарж впоследствии напишет: «Нельзя забывать, что военные успехи СССР и социалистическая идеология освобождения людей и народов меня, как и тысячи других, привели к выводу, что источником этих успехов являются советская система и строй. С этим убеждением я, как и тысячи других, после окончания войны вступил в коммунистическую партию, чтобы быть строителем нашего собственного пути к социализму. Мне не могло и прийти тогда в голову, что я становлюсь создателем авторитарной политической системы с ее деформациями и нарушениями закона»⁴. С 1946 по 1970 г. Ч. Цисарж был членом КПЧ. Он прошел в партийном аппарате путь от сотрудника отдела пропаганды и культуры Пражского крайкома КПЧ (1946) до секретаря ЦК КПЧ (сначала в 1963 г., затем в 1968 г.), став одним из идеологов реформаторского движения. Его доклад в мае 1968 г. на торжественном заседании, посвященном 150-летию К. Маркса, стал, по сути дела, идеологическим обоснованием необходимости демократических реформ через новое осмысление марксизма как учения о социализме. Он исходил из

того, что ленинизм был одной из интерпретаций марксизма В.И. Лениным на основе исторического опыта России. Сталин же подверг ленинизм ревизии в духе прагматической политики правящих групп и личной власти. «Диктатура пролетариата в марксистском понимании, – констатировал он в своем докладе, – постепенно деформировалась в диктатуру партии, затем в диктатуру ее органов и, в конце концов, в диктатуру узкой группы в руководящем центре, опирающуюся на аппарат власти. Внутри стиснутой этими рамками политической системы все сферы общественной жизни развиваются с огромными трудностями... Диктатура пролетариата, независимо от того, в правильном или деформированном виде, исчерпала свои возможности... Мы должны искать и найти такой вариант политической системы, который будет полностью соответствовать всем условиям нашей страны и достигнутого уровня развития... Для этого нужно новое возрождение марксизма, отвечающее потребностям последней трети XX века»⁵.

Доклад Цисаржа вызвал резко негативную реакцию в Москве. Автор его был признан главным ревизионистом, посягнувшим на чистоту и значимость ленинизма, и отнесен к числу лиц, на выводе которых из состава ЦК КПЧ настаивала советская сторона на переговорах с чехословацкой делегацией в Чиерне-над-Тисой, состоявшихся 29 июля 1968 г.⁶

Разъясняя свою позицию, Цисарж напишет позже: «В 1968 г. я был глубоко убежден, что демократическое возрождение социализма даст ему необходимую перспективу развития... Я был склонен к поискам третьего пути, который бы вывел нас из лабиринта войн и революций, кровопролитий, насилия и варварства... Я верил, что со временем удастся устранить не только обезображенную тоталитаризмом социалистическую систему, но и будет также преодолена демократия прежнего типа со всеми противоречиями и недостатками»⁷.

В чешском же и словацком обществе, прежде всего, в кругах творческой интеллигенции, журналистов, писателей, работников науки, преподавателей высшей школы и учителей, Цисарж уже с начала 1960-х годов по работе в редакции «Rudé právo» и теоретическом журнале «Nová Mysl», а с лета

1963 г. в должности секретаря ЦК КПЧ был известен как человек широко мыслящий. И вряд ли случайно академик историк И. Мацек принес именно ему – секретарю ЦК в сентябре 1963 г. остро критический материал, основанный на сравнительном анализе развития социалистических и капиталистических стран в условиях развивавшейся научно-технической революции. Он был подготовлен известными чешскими путешественниками М. Зигмундом и И. Ганзелкой на основе личных наблюдений. Было очевидно, что этот документ может дать серьезную аргументацию для обоснования необходимости глубоких экономических реформ, тем более что в нем содержалась и конкретная критика внутренней политики, проводимой руководством страны. Однако все попытки Цисаржа привлечь к этому материалу внимание первого секретаря ЦК КПЧ, президента страны А. Новотного и его окружения не увенчались успехом, вызвав лишь раздражение. Позже он оценит ситуацию, написав: «В течение трех месяцев работы секретарем ЦК взгляды мои все больше расходились с позицией Новотного и Гендриха. Оба ко мне стали относиться с предубеждением, если не с опасением... Мне стало известно, что их недовольство вызвано тем, как я провел собрание коммунистов – членов Союза писателей, где я, дескать, открыл дорогу либеральным течениям... Всем овладели лица, с оппозиционных позиций критикующие позицию партии, а доклад Гендриха не получил поддержки»⁸. В результате Цисарж был информирован секретарем ЦК КПЧ В. Коуцким о том, что он не справляется со своими функциями, и ему было предложено перейти на работу в правительство в качестве министра образования и культуры. Работа в правительстве в 1963–1965 гг. дала возможность увидеть наглядно разрушительное влияние экономической стагнации, начавшейся на рубеже 1950-х – 1960-х годов, и позволила понять ее внутренние причины. Все четче обрисовывалась взаимосвязь между системой жесткого централизованного планирования, минимальным развитием товарно-денежных отношений, экстенсивным развитием производства, отставанием науки и техники от мировых стандартов, недооценкой квалификации кадров и степенью их подготовки в системе образования. В период работы в правительстве

складывались и укреплялись контакты Цисаржа с ведущими экономистами страны: О. Шиком, М. Кадлецом, М. Тучеком и другими, искавшими выход из нараставшей стагнации на пути проведения экономических реформ и изменения всей системы управления народным хозяйством. «Я присоединился к тем, кто искал выход в исправлении ошибок, в изменении режима, в возвращении “человеческого лица” социализму... Когда мне была поручена сфера просвещения, я не могу руководить иначе, чем исходя из концепции, отвечающей общественным потребностям – реформировать систему социализма как таковую», – отметит он впоследствии⁹.

В руководимом им министерстве был взят курс на то, чтобы, не отказываясь от идеологического воспитания, сконцентрировать внимание на классических принципах педагогики, которые позволят поднять уровень обучения в соответствии с растущими потребностями страны в высококвалифицированных кадрах.

Более сложной была ситуация в сфере культурной политики. Здесь с марта 1964 г., после принятия в ЦК КПЧ постановления о задачах и положении культурных журналов, явно обозначилась тенденция к «закручиванию гаек». На это часть писателей (например, Л. Новомеский и Я. Сейферт) ответили дискуссионными статьями. Со всей очевидностью начала прорисовываться неизбежность идеологического столкновения творческой интеллигенции с догматически настроенной частью партаппарата.

Растущая популярность Цисаржа как решительного сторонника реформ в среде интеллектуальной элиты не могла не вызывать настороженности А. Новотного, являвшегося мастером аппаратных кадровых перестановок. Когда после снятия Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. стала очевидной перспектива свертыwania проводимых в СССР реформ, присутствие на политической арене Чехословакии протагониста реформаторского курса, даже в ограниченной функции министра образования и культуры, становилось явно нежелательным. В 1965 г. Ч. Цисаржу как министру, курировавшему сферу культуры, было предъявлено обвинение в проведении политики, не отвечающей линии ЦК, и предложен переход на дипломатическую работу – послом в Румынию. По су-

ществу, тем самым Ч. Цисарж выводился с поля политической борьбы. Эта акция в общественном мнении, особенно среди интеллигенции, получила весьма негативную оценку. На партсобраниях в высших учебных заведениях коммунисты требовали от представителей ЦК дать разъяснения, почему отозван министр и почему не было об этом сообщений в средствах массовой информации? Особенно активными были собрания в вузах и культурных организациях Праги, на которых для снятия напряженной ситуации были вынуждены присутствовать секретари ЦК И. Гендрих и В. Коуцкий. Брненский Университет, демонстрируя свою поддержку опальному министру, наградил его золотой памятной медалью Пуркине ¹⁰.

Политическая ссылка продолжалась более двух лет. Контакты с единомышленниками оказались существенно ограниченными, но не прерывались. Как посол Цисарж присутствовал в качестве гостя на XIII съезде партии летом 1966 г. и, безусловно, смог оценить значение выступления О. Шика в дискуссии. Шик, констатируя, что партия к настоящему времени не располагает реальной программой развития на будущее, поставил вопрос о необходимости провести глубокий анализ проблемы демократических отношений, прежде всего, в сфере управления государством, что, в свою очередь, неизбежно потребовало бы развития партийной демократии. Но предложение Шика не попало в резолюцию съезда якобы по формальным причинам: он слово в дискуссии получил одним из последних. Но это выступление было для Новотного и его окружения своего рода предупредительным звонком ¹¹.

В октябре 1967 г. в Карловых Варах состоялась встреча Цисаржа и А. Дубчека, возглавлявшего ЦК КПС. Из воспоминаний Цисаржа ясно, что состоялся обмен мнениями о ситуации в стране, которая, по мнению Дубчека, имела все признаки политического кризиса. Дубчек был убежден, что близится время решающего столкновения с Новотным. Очевидно, итогом этой встречи и было для Цисаржа написание в ноябре 1967 г. двух аналитических материалов, названных автором «Заметки о деятельности государства и партии», где предлагался конкретный вариант действий для обеспечения

реализации нового курса. Документ о партии, которую он рассматривал как главную силу в проведении общественных преобразований, завершался следующими словами: «Новое руководство не должно спешить, но и не должно медлить. Общественность в стране и за рубежом ждет, что, в конце концов, мы преодолеем стагнацию и разработаем разумную программу деятельности. Но нажим изнутри и извне не должен заставлять нас предпринимать опрометчивые шаги. Они должны быть хорошо продуманы, научно обоснованы, обстоятельно обсуждены и подробно объяснены. Прежде всего, очевидно, необходимо сосредоточиться на общей перестройке партийной деятельности, на решении организационных и кадровых вопросов. ЦК и Президиум должны позаботиться, чтобы не возникла стихийность в решаемых проблемах (будет, безусловно, стремление взяться за все сразу), необходимо, чтобы работа шла по заранее разработанному плану в соответствии с неотложностью решения определенных проблем. В обозримое время необходимо определить срок созыва XIV съезда партии, который разработает генеральную линию дальнейшего этапа развития и изберет новый ЦК. Состав его должен гарантировать энергичную и последовательную реализацию этой линии»¹². Данные материалы вместе с личным письмом были отправлены Дубчеку после январского пленума ЦК КПЧ, где состоялось отстранение Новотного от руководства партией, и на пост первого секретаря был избран А. Дубчек. Цисарж писал из Румынии: «Я далеко от последних бурных событий дома и не имею свежей информации о расстановке сил, о произошедшем столкновении и развязке кризиса. Вижу только одно – революционное ядро партии продемонстрировало отвагу и дало импульс к наступлению ... Я готов выполнить любое задание, которое мне будет дано»¹³. Позже, вспоминая этот момент, он заметит: «Когда я посылал свой текст А. Дубчеку, я не думал, что в кругу лидеров, выступавших за реформы, скоро начнет рождаться проект “Программы действий КПЧ”, и идеи этого документа будут близки моим»¹⁴.

В марте 1968 г. по вызову Дубчека Цисарж возвратился на работу в Прагу. На ближайшем же пленуме ЦК он был введен в его состав, избран секретарем, курировавшим

науку, культуру и средства массовой информации. Таким образом, Ч. Цисарж оказался в центре событий, став активным проводником принятой на апрельском пленуме «Программы действий КПЧ». Этот документ рассматривался новым руководством партии как первый шаг к формированию новой модели социализма, которая будет базироваться не на псевдопринципе «единства интересов» всех слоев, а на понимании и учете политических, социальных, экономических устремлений и требований различных социальных слоев и групп, реально существующих в социалистическом обществе. Отсюда логически вытекало следующее принципиальное положение – необходимость, неизбежность перехода от системы, основанной на монополии одной партии, к системе многопартийной, опытом функционирования которой на базе Национального фронта в 1945–1948 гг. располагала страна. Этот весьма важный момент, связанный с изменением форм и методов реализации ведущей роли коммунистической партии в политической системе, пожалуй, можно рассматривать как исходную точку разногласий между новым руководством КПЧ и Москвой. Отказ от властной монополии коммунистов приравнивался советской стороной к демонтажу социализма со всеми вытекающими отсюда последствиями. Брежнев и его кремлевские соратники, сформировавшиеся политически в условиях тоталитарной диктатуры, не располагали ни малейшим опытом функционирования демократических общественных и государственных институтов. Более того, они видели в них прямую угрозу своей неограниченной власти. Поэтому силовой вариант, а отнюдь не поиск компромиссов, на что рассчитывала чехословацкая сторона, оказывался для советского руководства единственно возможным вариантом разрешения разногласий с реформаторским крылом в КПЧ.

Публикуемые ниже фрагменты из воспоминаний Ч. Цисаржа¹⁵ относятся к июлю–августу 1968 г. Они раскрывают политическую обстановку в стране, соотношение сил в руководстве партии накануне и в момент оказания так называемой «интернациональной помощи здоровым силам» чехословацкого общества путем введения в страну вооруженных сил пяти государств – членов Варшавского Договора.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Kaplan K.* Kořeny československé reformy. Brno, 2000–2002; *Londák M., Sikora S., Londáková E.* Predjarie. Politické, ekonomické, a kulturní vývoj na Slovensku v rokoch 1960–1967. Bratislava, 2002.
- ² *Hájek J.* Dix ans apres Paque 1968–1979. Paris, 1979; *Šimon B.* Takové jsme byli. Koln 1989; Ke sporům o obrodný proces roku 1968. Praha, 1980; Srpn 1968. Koln, 1989; Ota Šik. Jarní probuzení – iluzie a skutečnost. Praha, 1990; *Hájek J.* Paměti. Praha, 1997; Naděje umírá poslední. Vlastní životopis Alexandra Dubceka. Praha, 1993; *Kostka J.* Život mezi úzkostí a nadějí. Praha, 2002; Memoáry politiků, historické, politologické, ekonomické studie. Dokumenty. B. m., 1988; *Císař Č.* Paměti. Nejen o zákulisí Pražského jara. Praha, 2005.
- ³ *Císař Č.* Člověk a politik. Kniha vzpomínek a úvah. Praha, 1997.
- ⁴ *Císař Č.* Člověk a politik... S. 64.
- ⁵ Národní Archiv ČR. F. Č. Císař. Kar. 5.
- ⁶ Из материалов российских архивов, переданных в 1993 г. чешской стороне, стало известно, что главой антипартийного центра Москва считала Ф. Кригеля. К этому центру она относила и Ч. Цисаржа, О. Шика, И. Павла, И. Шпачека.
- ⁷ *Císař Č.* Paměti... S. 439.
- ⁸ *Ibidem.* S. 252.
- ⁹ *Ibidem.* S. 296.
- ¹⁰ *Ibidem.* S. 350.
- ¹¹ *Memoáry politiků...* S. 22.
- ¹² Národní Archiv ČR... A.j. 21. Nekolik myšlenok a úvah... L. 13.
- ¹³ *Ibidem.* A.j. 20. L. 2.
- ¹⁴ *Císař Č.* Paměti... S. 22.
- ¹⁵ *Císař Č.* Člověk a politik...

ШАТКОЕ ПЕРЕМИРИЕ

На совещании с журналистами, состоявшемся 1 августа, я смог проинформировать, что переговоры в Чиерне ¹ завершены и что члены Президиума ЦК КПЧ в тот же день вернутся в Прагу. Одновременно пришло сообщение о том,

что третьего августа в Братиславе состоится встреча представителей шести партий (пять партий + КПЧ) для того, чтобы принять совместное заявление, цель которого – завершить период полемики, закрепить дружеские и союзнические отношения, приступить к нормализации отношений. Для нас это означало получить желанную передышку, необходимую для проведения XIV съезда, который должен был стать основной предпосылкой для внутренней стабилизации в Чехословакии и для продолжения политики реформ.

Более обстоятельную информацию о происходящем в Чиевне я получил, прежде всего, от своего друга И. Шпачека², с которым я практически каждый день общался. Мы обменивались информацией из своего окружения, нередко советовались о том, как поступить в том или ином случае. Он рассказывал мне о том, как проявили себя отдельные члены Президиума ЦК. На позицию советских товарищей полностью перешли Биляк³ и Кольдер⁴, они даже не скрывали того, что у себя на родине они утратили доверие, а потому полностью рассчитывают на поддержку извне. (После того как в 90-е годы были открыты архивы, оказалось, что именно они вместе с Индрой⁵, Швесткой⁶ и Капеком⁷ подписали письмо, в котором просили Брежнева оказать военную помощь. В достоверности этого письма, впрочем, некоторые исследователи продолжают сомневаться)⁸. Выступления Кригеля⁹ и Шпачека, отвергавших аргументацию советской стороны о пагубности демократизации для социализма и отстаивавших проводимую нами политику, напротив, вызвали возмущенную реакцию на противоположной стороне стола. Остальные члены нашей делегации занимали промежуточное положение между этими двумя полюсами: одни держались ближе к Дубчеку, другие – к Биляку. Для руководства КПСС, проводившего единую политику, разброс высказываемых мнений, очевидно, мог служить и действительно служил доказательством того, что Президиум ЦК КПЧ в целом не способен объединиться на основе четкой политической платформы, предлагавшейся пятью партиями.

По моему мнению, именно это обстоятельство и стало одной из главных причин принятия решения о военном вторжении. Отсутствие единства в руководстве КПЧ с самого

начала наносило ущерб всему процессу обновления. Уже сам факт изменения состава Президиума ЦК, состоявшегося в январе ¹⁰, а также последующие преобразования, проведенные лишь в апреле, наряду с убежденностью Дубчека в том, что нужно «дать каждому время для осознания новой политики», – все это не могло не сказаться негативно, приведя к серьезному замедлению динамики перемен. Дубчек был убежденным реформатором, он сам лично самоотверженно отстаивал свою политику, но его «человеческое лицо», его стремление никому не причинить зла, всепрощение, в том числе и нарушений дисциплины, в конце концов, привели к поражению. Он не мог осуществить свои гуманистические цели, пренебрегая законами политической борьбы, проявляя снисходительность к тем, кто, в сущности, был его политическим противником.

Нельзя отрицать, что Дубчек со временем начал понимать, что Кольдер, Бияк и другие, по сути, вставляют ему палки в колеса. Спустя недели после проведения апрельского пленума ЦК он начал сожалеть о том, что недооценил значимости идеи о созыве чрезвычайного съезда партии ¹¹. Именно поэтому он не только согласился, но и поддержал эту мысль на майском пленуме. Фактом, однако, было то, что он упустил ценные месяцы, пошел на уступки консервативно настроенным членам пленума при обсуждении концепции проведения съезда. Эта концепция должна была включать обсуждение политики партии в целом, принятие нового устава и выбор центральных органов. Было ясно, что для подготовки документов понадобится много времени, а время играло против Дубчека. Внутренние и внешние противники процесса обновления активно использовали оставшиеся до съезда три месяца для нападков на сторонников обновления, а также на прогрессивных коммунистов, обвиняя их в «ревизионизме».

Заявление, принятое от имени шести партий в Братиславе 3 августа, было многословным, что говорило о том, что оно было подготовлено в лоне московских пропагандистов ¹².

С делегацией КПЧ в Братиславе находился секретарь ЦК З. Млынарж ¹³, в обязанности которого входило участие в редактировании заявления. После возвращения в Прагу он

нам рассказывал, насколько сложно было добиться исключения наиболее резких обвинений в адрес КПЧ, того, чтобы были учтены хотя бы минимальные сформулированные нами предложения.

В тексте шла речь о принципах взаимоотношений, «равноправии, соблюдении суверенитета и национальной независимости, территориальной неприкосновенности, о братском сотрудничестве и солидарности», однако в нем отсутствовал принцип «невмешательства во внутренние дела», который в других международных документах всегда имелся. Обстоятельства, допускаявшие подобное вмешательство, напротив, оговаривались в следующем предложении: «Поддержка, защита и укрепление достижений, завоеванных народами благодаря своим героическим усилиям, самоотверженному труду населения каждой страны, являются общим интернациональным долгом всех социалистических стран».

В Заявлении отмечалось, что речь идет о единой позиции всех участников встречи, проявляющих «непоколебимую решимость» защищать достижения социализма в своих странах. Я убежден, что Дубчек, Черник, Смирковский, подписывавшие этот документ, не вполне осознавали смысл этого фрагмента, то, что он является, по сути, призывом к вмешательству тогда, когда это сочтут нужным те, другие.

После возвращения нашей делегации 4 августа из Братиславы мы собрались все вместе в Секретариате ЦК, пытаясь предугадать ход дальнейших событий. Доживем ли мы в спокойствии, по крайней мере, до съезда? Или же мы снова услышим упреки Брежнева? Можно ли доверять рукопожатиям представителей шести стран на балконе братиславской ратуши? Дубчек был оптимистом, он надеялся на то, что проведение съезда будет способствовать разрешению внутривластных противоречий. Он призывал нас к тому, чтобы мы незамедлительно завершили подготовку материалов съезда. Индра заверил, что текст проекта устава готов и 10 августа может быть опубликован, что и было сделано. Материалы, необходимые для разделов политического отчета, также были практически готовы. Тактично не говорилось о предложениях по поводу кадрового состава нового руководства ЦК, которое должно было сформироваться в ходе выборов из числа кан-

дидатов, предложенных на краевых конференциях.

На этом совещании предметом резкой полемики стала ситуация, сложившаяся на заводе Высочаны Прага ¹⁴, откуда, собственно, и исходило письмо, адресованное в СССР и опубликованное в московской «Правде» во время встречи в Чиерне. Авторы письма возмущались по поводу «антисоветской кампании», развязанной вокруг маневров «Шумава» ¹⁵, они заявляли, что нам не могут мешать советские танки, освободившие нас в 1945 г. Под текстом письма подписались (в количестве 99 человек) рабочие Праговки, а также члены их семей и их друзья. В нашей печати это письмо сразу же было воспринято как «предательство». На заводе, где работали 4500 человек, возникло возмущение, переросшее в ненависть к авторам письма. Дело дошло до стихийных требований об их увольнении. Дискуссия становилась все более острой, было высказано предложение о том, чтобы в Праговке было созвано общее собрание всех сотрудников, однако, в конце концов, все успокоилось. Секретарем по делам промышленности был Кольдер, однако он ни в коем случае не хотел идти разбираться, пусть-де туда идут другие, те, которые «всю эту кашу заварили!» Мы же, так называемые «прогрессисты», к этому письму и его последствиям не имели никакого отношения. Организатором всей этой истории мог быть только кто-нибудь из сторонников консервативного крыла. Кольдер настолько упорно отказывался ехать, что, в конце концов, мне пришлось заявить, что я сам берусь уладить это дело.

Публичный митинг на Праговке состоялся 5 августа рано утром. Я пришел в партком завода еще до начала рабочего дня и начал вести переговоры с разбушевавшимися функционерами, призывавшими на голову авторов «письма 99» все громы и молнии. Мне не оставалось ничего другого, кроме как призвать их к спокойствию, к разумному урегулированию спора. Я согласился с тем, что письмо, использованное против нашей делегации в Чиерне, сыграло свою негативную роль, однако его авторы имели и имеют демократическое право выразить свою позицию в той же мере, в какой остальные имеют право с ними не согласиться и подвергнуть критике их действия. Нельзя искать решения путем погромов и увольнения с работы.

Потребность получить информацию о переговорах в Чиерне и Братиславе была чрезвычайно велика. Я полностью в этом убедился, когда находился на совещании актива горкома КПЧ в Праге, а затем и на совещании краевых партийных секретарей. Оба эти мероприятия происходили в один и тот же день. Особенно важно было получить указания о том, как действовать секретарям. Это было необходимо для соблюдения братиславских соглашений, для поддержания всех решений и мероприятий партийного руководства. И Дубчек, выступивший с обращением по телевидению вечером 4 августа, и Черник в своем выступлении на городском активе в Праге, а затем на совещании секретарей, исходили из общей оптимистической оценки развития отношений между КПЧ и пятью партиями. Они убеждали, что нет никаких оснований для тревоги, что впереди у нас период спокойствия и что главное – завершить подготовку к XIV съезду. Должен признаться, что и сам я немного успокоился.

Мой августовский рабочий календарь буквально переполнен записями о делах, которые мне нужно было сделать, а также о мероприятиях, которые мне нужно было провести. Об отдыхе не приходилось и помышлять.

Еще в середине июля ко мне пришел профессор Карлова университета Богуслав Гавранек, пригласивший меня на Международный конгресс славистов, который должен был состояться 7 августа. Для наших лингвистов, литературоведов и историков это было чрезвычайно важное событие, поскольку именно в Праге в 1929 г. состоялся первый конгресс славистов. И здесь же в Праге он должен был проводиться во второй раз ¹⁶. Гавранек рассказал мне о том, что на конгрессе, помимо него, будут и два других члена тогдашнего Пражского лингвистического кружка, а именно, Роман Якобсон и Ян Мукаржовский. Именно этот кружок на своем первом конгрессе и ознакомил собравшихся со знаменитыми тезисами структурной лингвистики, столь значимыми тогда для русских, польских, женевских и других языковедов. Для чешских марксистов послевоенного периода, особенно для Л. Штолла ¹⁷, структурализм был неприемлемым методом, поэтому они весьма резко против него выступали. Poleмические страсти заставили Мукаржовского, автора знаменитых

«Глав из чешской поэтики», подвергнуть свое детище «марксистской» переработке. На это же пришлось пойти и Гавра-неку, а также другим ученым. Исследователи, подвергшиеся политическим и научным унижениям, смогли лишь в 60-е годы заявить, что тогда они были правы и что они готовы отстаивать свои убеждения. Из-за чрезвычайной перегруженности моей программы я смог принять участие только в открытии съезда, который был действительно отлично подготовлен. На нем находился весь цвет языкознания со всех континентов мира. Количество участников превышало две с половиной тысячи человек.

Вторым научным событием, в котором я также принял небольшое участие, стал международный конгресс геологов, открытие которого состоялось 19 августа, т. е. за два дня до военного вторжения. Я уже не могу припомнить, какова была судьба этого мероприятия. Многие ученые стали тогда свидетелями тревожных событий, о которых они впоследствии откровенно проинформировали общественность своих стран.

С 8 по 10 августа я был в Остраве и Тршинеце. Я принял решение как можно точнее представить моим слушателям картину не только последних событий, но и всего развития, начиная с январского поворота в партии. Основная суть моих тезисов сводилась к следующим идеям: «Новое понимание социализма демократического типа требует отказаться от гегемонии власти партии, необходимо укрепить ее влияние в системе плюралистических сил. Необходимо оживить деятельность Народного фронта и входящих в его состав сил, нужно сделать все необходимое для того, чтобы в Народном фронте были представлены самые различные интересы людей. Вместо иллюзорных представлений о “социальном” характере социализма необходимо поставить его на научную, реальную основу, задействовав рычаги новой рыночной экономической и социальной политики. Наше развитие будет проходить не без трудностей, придется столкнуться и с проявлениями стихийности, и с крайностями».

Встречи в Чиерне и Братиславе способствовали возникновению новой ситуации, – продолжал я. – Мы защитили «Программу действий», воспрепятствовали вмешательству извне, добились прекращения полемики, договорились о разви-

тии нового сотрудничества. Если бы мы проявили неуступчивость, нам угрожала бы катастрофа. Совещание «шестерки» приостановило споры, приняло общую платформу, предусматривающую, в том числе, и право на самостоятельные действия. Это, конечно, не означает полное прекращение дискуссий, но положено начало отношениям доверия и обмена опытом, разумеется, если достигнутые договоренности окажутся честными, а не всего лишь временной тактикой. В итоге выиграли все: мы – время для проведения новой политики, наши партнеры – получили подтверждение единства общих целей.

Главное же сейчас – подготовка съезда, решение проблем федерализации, продвижение экономической реформы. Нужно руководствоваться положениями «Программы действий», принять новый устав КПЧ, выбрать новое руководство. Партия находится на подъеме, она опирается на поддержку народа, который готов мобилизовать все свои трудовые усилия. У партии есть новое политическое руководство, пользующееся доверием, как у себя дома, так и в мире. Мы не должны медлить, нужно победно готовиться к съезду и работать после его завершения.

После этой встречи, состоявшейся во второй половине дня, я поехал в Тршинец, где меня ожидали более 1000 человек, собравшихся на трибуне местного стадиона. Я говорил со сцены, расположенной перед трибунами, прямо на поле стадиона. Находиться в такой обстановке мне пришлось в первый и последний раз в своей жизни, потому мне особенно запомнилась царившая там атмосфера, невольно напоминая мне атмосферу спортивных состязаний. Особенно это было характерно для второй части митинга, когда мне пришлось отвечать на вопросы. Я получил их великое множество, и все они были очень острые. На вопрос, не пришлось ли нам «пожертвовать некоторыми политиками», я заверил собравшихся, что о кадровых вопросах на переговорах не было и речи. Я сказал это со всей уверенностью, даже не предполагая, что именно мое имя, наряду с другими, прозвучало с советской стороны, когда ее представители потребовали отзыва нас со своих функций. Дубчек упорно скрывал от меня это требование, тем более что оно звучало отнюдь не

впервые. Тогда же в Тршинеце я заявил, что если бы в Чирне действительно были бы подняты кадровые вопросы, то это означало бы «грубое вмешательство во внутренние дела нашей страны» [...] ¹⁸.

На следующую встречу с партийными функционерами я поехал в Теплице, чтобы там рассказать о политических переговорах в Братиславе. Так же, как и на июньской окружной конференции, я встретился здесь со многими знакомыми, включая товарищей из родных Гостомиц. Близость Саксонии, а также контакты с тамошними функционерами из Социалистической единой партии Германии вызывали в Теплицком округе неудовольствие. Нашим приходилось противостоять упрекам в адрес политики обновления КПЧ, которые, вдобавок, высказывались в довольно резкой форме, что было столь типично для Ульбрихта. Сказывалась и неуверенность в последствиях экономической реформы, которая в восприятии рабочих все еще не приобрела отчетливые и понятные очертания. Вместе с тем, их внимание привлекала идея создания выборных советов предприятий.

Убедился я в этом и при посещении текстильных заводов имени Божены Немцовой, где не только производились высококачественные товары, но и были достигнуты значительные экономические результаты. Здесь работали, главным образом, женщины, чья трудовая самоотверженность была в полном смысле слова сказочной. На встрече с ними меня буквально засыпали вопросами, касающимися экономических проблем, а также вопросов оплаты труда. Порадовало меня и доверие рабочего персонала к директору предприятия. Это был немец по национальности, имя которого выпало у меня, к сожалению, из памяти. По мнению окружных функционеров, он был настоящим образцовым хозяином.

Прага в эти дни жила в обстановке высокой дипломатической активности. За время моего пребывания в Остраве и Тршинеце в нашу столицу прибыла делегация Югославии во главе с Йосипом Броз Тито. Несколько подробностей об их переговорах с нашей делегацией мне рассказал мой друг Л. Шимович, чехословацкий полномочный представитель в Белграде. Президент Тито не скрывал своих симпатий к «Программе действий КПЧ», которая в известной мере отра-

жала и югославский опыт. Наш эксперимент он расценивал как важный вклад в дело реабилитации социализма в международном масштабе, в повышении его притягательности. Он может оказать положительное влияние и на страны, стремящиеся влиться в ряды так называемого движения неприсоединившихся стран. Тито как раз и был его главным представителем. Вместе с тем, югославский гость тактично напомнил об опасности возможного разрыва между ЧССР и «пятеркой». Это могло бы парализовать, если не уничтожить, наше стремление к демократизации. Упомянул он и о необходимости держать под контролем как консервативных догматиков, так и правых оппозиционеров, чрезмерная свобода которых может вызвать подозрение. Создавалось впечатление, что позиция Югославии очень сходна с позицией Венгрии, во всяком случае, в той ее части, которая была известна Дубчеку от Я. Кадара, который был единственным представителем «пятерки», старавшимся до последнего момента отстаивать политические методы решения противоречий с руководством КПЧ.

Не знаю почему, но мне представлялась не слишком важной встреча нашей делегации с делегацией ГДР, состоявшаяся в Карловых Варах 12 августа, т. е. на следующий же день после отлета Тито. Что нового она может принести, особенно если принять во внимание то, что В. Ульбрихт и все руководство Социалистической единой партии Германии с самого начала процесса обновления рассматривали нашу политику как какое-то «демократизационное безумство», которое открывает путь для организации «ползучей контрреволюции», направленной против социализма?

Основная суть переговоров заключалась в рассмотрении внешнеполитических вопросов, прежде всего, отношений между обоими немецкими государствами, а также в определении скоординированных действий социалистических стран в отношении Западной Германии. Лидеры ГДР ревниво следили за каждым шагом, который мог бы способствовать сближению той или иной страны-союзницы с Объединенной республикой. Они не хотели понимать, что при реальном наличии двух немецких государств невозможно плотно сотрудничать с одним государством и полностью игнорировать государство другое, особенно если вы находитесь с ним в непо-

средственной территориальной близости, как это было в случае ЧССР. Наши государственные деятели на протяжении ряда лет безуспешно пытались заверить Берлин в том, что, налаживая торговые, а со временем и дипломатические отношения с ФРГ, мы совсем не хотим нанести ущерб государственным интересам ГДР. Политика, проводимая Ульбрихтом, сводилась к тому, что следует подождать, пока ГДР не будет официально признана правительством Бонна.

Третьим дипломатическим актом был визит в Прагу румынской делегации во главе с Н. Чаушеску. Главной его целью было подписание нового договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Чехословакией и Румынией, поскольку срок старого договора от 1948 г. уже истек. Таким образом, теперь должны были прибыть государственные деятели из Румынии, с которыми я до недавнего времени общался в Бухаресте, а поэтому знал лично почти всех членов делегации.

Так же, как и Тито, Чаушеску придавал большое значение встречам в Чиерне и Братиславе, полагая, что они будут способствовать нормализации отношений между странами-участницами. Одновременно он подтвердил негативное отношение Румынии к «трехсторонним или же четырехсторонним совещаниям» социалистических государств и высказался в пользу «выработки и уточнения принципов взаимоотношений» между этими государствами. Во время переговоров с Дубчеком он сказал, что Румыния «положительно оценивает намерение КПЧ и ее руководства» содействовать развитию широкой и интенсивной деятельности «по строительству социализма и укреплению социалистической демократии».

Вполне естественно, что я постарался выпросить у К. Курку, как ему работается послом в Бухаресте, каков его опыт общения с румынскими функционерами и с послами других государств. Он поделился со мной сведениями о том, что некоторые западные коллеги пессимистически смотрят на перспективы нашей политики, которую советские лидеры будут стремиться подавить, даже путем применения силы. Высокопоставленный чиновник из США напомнил ему о позиции Вашингтона, суть которой сводилась к тому, что события в ЧССР не касаются Соединенных Штатов, поэтому они не намерены каким-либо образом в них участвовать. Думает-

ся, что мы тогда не сделали надлежащих выводов из того, что влечет за собой эта позиция, а это означало, что Запад и пальцем не шевельнет, если на нас будет оказано огромное давление превосходящей нас силы, на этот раз уже наших собственных союзников с Востока. Я недооценивал имперские интересы СССР.

Когда вместе с И. Маурером¹⁹ мы медленно передвигались в правительственном лимузине от одного мероприятия к другому, мы могли с ним кое о чем поговорить. Маурер в буквальном смысле слова был увлечен нашей, по его словам, беспримерной, отвагой противостоять могущественной Москве и упорно проводить линию на демократизацию. С одной стороны, он желал нам одержать победу в этом противостоянии, но с другой, не слишком в эту нашу победу и верил. Его богатый опыт по урегулированию международных конфликтов, благодаря которому он приобрел определенную известность в дипломатической среде, заставлял его пессимистически оценивать наши перспективы в этом противоборстве. Он хотел обратить мое внимание на личное отношение ко мне Брежнева и его соратников, впрочем, по этому поводу я не испытывал никаких иллюзий. «Вам известно, что Вас считают в Москве черной овцой? Что такого Вы натворили?» Я коротко ему рассказал о своих перипетиях «либерала» 60-х годов, когда я постепенно стал убежденным коммунист-сторонником реформ. Маурер с этим согласился: «Наверное, Вы правы. Вам столько раз делали замечания и столько раз осуждали, столько раз давали возможность “исправиться” – и все напрасно. Вы остались таким же упрямым, а это никому не нравится!».

Благодаря подобным беседам, причем, как с Маурером, так и с другими иностранными гостями, мне иногда удавалось заглянуть в темное закулисье дипломатии, где можно встретить как честных людей, так и подлых интриганов. Как угадать, на кого натолкнешься, и как заранее просчитать возможный риск?

Одним из гостей, с которым мы долго спорили, был и секретарь ЦК французской КП Р. Лерой. Он приехал из Парижа, чтобы узнать как можно больше о переговорах в Чиерне и Братиславе. Ближе к вечеру 7 августа мы сидели с ним в

моем кабинете и анализировали события, происходящие в нашей стране, учитывая как постоянные, так и временные факторы в развитии международных отношений. Лерой не был догматиком-марксистом, он относился к среднему течению во французском коммунистическом движении, не были ему чужды и либеральные тенденции так называемого еврокоммунизма. Благодаря ему я лучше понял и позицию Вальдека-Роше, а позже и Ж. Марше. Они отошли от сталинизма, но не пришли к демократической модели социализма, не пошли по пути своих итальянских товарищей, так и не приняв в полной мере чехословацкий эксперимент.

* * *

Выступление Дубчека по телевидению, состоявшееся 4 августа, способствовало созданию такого настроения, что люди смогли «по-летнему» расслабиться и использовать хотя бы пару дней из своего отпуска. Дубчеком было высказано несколько мыслей, дававших надежду на лучшее будущее:

«Я совершенно искренне говорю, что нет никаких серьезных оснований опасаться за наш суверенитет [...] Улучшению наших отношений, несомненно, будет способствовать и прекращение публичной полемики [...]. Переговоры в Чиерне-над-Тисой и Братиславе еще больше расширили столь необходимый для процесса социалистического обновления простор. Мы верим, что это создаст атмосферу спокойствия и доверия, которая нужна для успеха нашей последующей работы [...]. Помимо опубликованного документа, не были приняты никакие другие документы, поэтому для опасений подобного рода действительно нет никаких оснований [...]»²⁰.

Вместе с тем на совещании, проходившем в Президиуме ЦК 6 августа, царило настроение смятения и угнетенности. Не осталось и следа от официального оптимизма. В своих мемуарах Биляк пишет, что он был разочарован тем, что Дубчек не выполнил обещание, данное им в Чиерне, и не предложил на этом совещании отозвать со своих постов Ф. Кригеля и Ч. Цисаржа. Дубчек явно старался отдалить момент, когда и при каких обстоятельствах он представит для обсуждения весь пакет советских предложений. «Я могу также

предполагать, что перспектива быстрого созыва съезда склоняла его к тактике все это дело оттягивать с тем, чтобы после съезда в его рассмотрении уже отпала бы необходимость».

Словесные перепалки и полемические столкновения продолжались и на очередном заседании Президиума ЦК, состоявшемся 13 августа. Они касались, прежде всего, «письма 99» из Праговки, где, невзирая на мое вмешательство, поддержанное также Смрковским²¹, все еще царило недовольство. Группа радикалов настаивала на санкциях в отношении подписантов. Президиум принял решение публично осудить любые расправы над авторами письма. Другим поводом для возникновения шумных дебатов стали инциденты, возникшие на улицах Праги во время пребывания Тито. Тогда дискуссии по типу Гайд Парка переросли в демонстрации, нарушавшие ночное спокойствие. И эти акции также стали предметом критики со стороны Президиума ЦК, в своем коммюнике он предостерегал о политических провокациях, которые «могли бы поставить под угрозу достигнутые результаты, а также последующую реализацию политики партии». Вместе с тем было подтверждено право граждан на политическую активность и публичные дискуссии. Сейчас я невольно задаюсь вопросом, в чьих же было интересах заслат в эти дискуссионные группы провокаторов, нарушавших ночное спокойствие выкрикиванием грубых лозунгов. Конечно, это могло быть делом рук московских «ястребов», для которых каждое такое проявление служило «доказательством» того, что партия не может удержать процесс реформирования в своих руках²².

В повестку дня Президиума ЦК Индра и Кольдер старались включить обсуждение большого отчета Отдела сводной информации, плана и руководства ЦК КПЧ. Текст, насчитывающий несколько десятков страниц, представлял собой первую попытку проанализировать политическую ситуацию в стране, а также условия, в которых протекала деятельность КПЧ. Во вводной части отчета руководитель отдела Я. Кашпар обращал внимание на то, что пока что речь еще не идет о синтетическом труде, опирающемся на систематический научный анализ. Это всего лишь обобщающий информационный материал, предназначенный для обсуждения. Лишь позднее выяснилось, что первоначальный текст доку-

мента Индра «дополнил» собственными оценками и заключениями, целью которых было представить ситуацию в стране в еще более черном цвете, чем это было сделано в тексте Кашпара при характеристике негативных явлений. Они были готовы использовать дебаты в Президиуме ЦК для развязывания нового раунда полемики по поводу мнимой опасности, угрожающей партии и социализму в Чехословакии. Перенос отчета, а также его включение в программу заседания, которое должно было состояться 20 августа, невольно стало одним из элементов роковой драмы, в которую это очередное заседание превратилось ²³.

Говоря о возрастании напряженности в отношениях между прогрессивными и консервативными членами руководства партии, следует отметить, что не заставило себя ждать и усиление давления, оказываемого из-за рубежа. У Дубчека вновь состоялось несколько разговоров по телефону с Брежневым, в том числе именно 13 августа, когда посол Червоненко передал ему, помимо прочего, и документ, касающийся невыполнения обязательств, взятых на себя в Чирне. Следующее письмо от Брежнева последовало 16 августа. Ни об одном из этих событий Дубчек нас не проинформировал. Он по-прежнему пытался создавать впечатление, что мы можем работать спокойно, готовясь к съезду. Он даже не возражал, когда некоторые высокопоставленные функционеры собрались поехать в отпуск, например, О. Шик, И. Гаек, Ф. Власак и Ш. Гашпарик уехали на отдых в Югославию. Я же после отлета румынской делегации сосредоточил свое внимание на проблемах в Чешском национальном совете, где 19 августа состоялось заседание его Президиума. Впереди нас ожидало очередное пленарное заседание ЧНС, а также первые расширенные переговоры с представителями Словацкого национального совета, для которых нужно было подготовить материалы.

* * *

Находясь на посту секретаря ЦК, я ежедневно контактировал с заведующим отделом печати Д. Гавличеком. Дело в том, что сфера средств массовой информации все время находилась под особым наблюдением. В огромном потоке мате-

риалов, публикуемых в газетах и журналах, транслируемых по радио и телевидению, наши консервативно настроенные деятели постоянно находили «ревизионистские», «антипартийные» и даже «контрреволюционные» взгляды и позиции. Вспоминается, что Биляк и другие высказывали протест по поводу комментариев И. Кантурека по телевидению, М. Вайнера и В. Штёвичковой по радио, И. Гохмана и И. Румла в журнале «Репортер»²⁴. Учитывая, что среди журналистов недоставало индивидуальностей, обладавших к тому же соответствующим уровнем подготовки, а также политическим благоразумием, однажды в Президиуме ЦК возникла идея, не лучше ли было бы освободить некоторых функционеров от политической деятельности, «пересадив» их в газеты. В числе кандидатур Кольдер сразу же назвал и меня, заметив, что я был бы более полезен в публицистике, чем в Секретариате ЦК. Он напомнил мне, что теперь, по сравнению с прежним периодом (т. е. с периодом с 1957 по 1963 г.), я мало участвую в дискуссиях и полемике в прессе. Я ничуть не сомневаюсь, что он имел в виду, прежде всего, целесообразность устранения меня из аппарата партии и только потом уже мою журналистскую деятельность.

Нельзя было, однако, утверждать, что я стал теперь совсем пассивным в публицистическом отношении. Так, для итальянского журнала «*Critica marxista*» я написал большую статью под названием «КПЧ в период ренессанса социализма».

Для сентябрьского номера «Новой мысли» я по просьбе редакции написал большую передовую статью под названием «Накануне съезда». В ней я подробно изложил свое представление о значении съезда партии и вообще о партии, проходящей через демократические преобразования. Статья уже была в гранках, я даже успел ее авторизовать, однако ей так и не пришлось увидеть свет, поскольку этому помешала военная интервенция. Я приведу из нее несколько мыслей.

Съезды являются свидетельством силы или же слабости политической партии, жизнеспособности ее программы или же ее стагнации. Они являются аттестатом зрелости для ее руководящих органов, свидетельством того, насколько верно они руководят партией или же, напротив, уводят ее с правильного пути. Они отражают уровень членов партии

подтверждением того, могут ли они демократическим путем выбрать делегатов съезда, способных принимать решения о политической линии и качественном составе ЦК. На подготовку XIV съезда было мало времени, поэтому руководство партии работало днем и ночью. Нужно было успеть одобрить материалы, подготовленные большими коллективами специалистов, а также коммунистами «снизу», участвовали в этом деле и публицисты своими выступлениями в дискуссиях. Этот съезд не может полностью определить программу, но он должен наметить для партии четкую линию, опирающуюся на «Программу действий». Съезд в состоянии определить общие контуры нашего понимания социализма.

Кризис в партии и обществе глубок, он может быть преодолен лишь посредством высокой активности. Тот, кто не сумеет избавиться от бюрократического помывания и командования, тот не выдержит этот экзамен. Его выдержит лишь тот, кто поймет суть новых условий и задач. Разделение коммунистов на «прогрессивных» и «консервативных», конечно, неточно, оно не учитывает всю шкалу различий взглядов, вместе с тем оно не является и полностью ненужным. Консервативные члены тяготеют к старым сектантско-догматическим позициям, они имеют контакты с заграницей, они стараются по-прежнему быть активными, пусть и на более узкой базе. Отвергнув их, съезд воспрепятствует отходу назад, к доянварским отношениям. Прогрессивные силы, получив поддержку народа, хотят придать социализму гуманный характер, сделать его частью национального организма с присущими ему демократическими традициями. Эти общенародные устремления сумеют вытеснить на самую периферию общества антисоциалистические тенденции.

Политика экономических реформ реализуется недостаточно успешно. Ее противники ставят ей в вину «политическую неприемлемость» временных трудностей, вызванных переходом к рыночным отношениям. Народ же сам стремится разобраться в ситуации. Внося свои дары в Фонд республики, он демонстрирует свою готовность пойти на жертвы. Однако и в этом отношении съезду придется четко определить свою позицию, потому что политическое обновление не состоится, если оно не будет закреплено экономическими мерами.

Я отверг взгляды о том, что процесс обновления происходит лишь из одной эмпирии, что он не имеет своей теории, что он сопровождается «ревизией» марксизма и лишен научной основы. Именно для прошлого были характерны деформации и «ревизия» социалистической теории, в то время как новая «Программа действий» возвращает социализму его гуманистический облик. Взаимосвязь национального и интернационального в деятельности партии, сколь бы противоречивой она порой ни была, не исключает гармонизации обоих компонентов. Различия в интересах и воззрениях – явление вполне естественное, не следует их драматизировать. Наш съезд, на который придут десятки иностранных делегаций, позволит сопоставить состояние теоретической мысли и практических подходов к социализму.

Таково, вкратце, содержание неопубликованной передовой статьи для «Новой мысли». Обдумывал я также и свое выступление на съезде, я надеялся, что смогу более глубоко, чем в майском выступлении по случаю годовщины Маркса, обосновать теоретические принципы демократического социализма как реальной альтернативы политической системы развитого общества. Я отнюдь не стремился искусственно искать некий «третий путь», важно было интегрировать оправдавшие себя рыночные отношения в условиях по-умному планируемой и регулируемой экономики, развитие которой будет полноценно удовлетворять возрастающие потребности людей, живущих в свободном, демократическом мире с развитым социальным и культурным уровнем жизни всех слоев общества. Я полагал, что можно будет сочетать преимущества демократии и рынка, т. е. то, что я наблюдал на Западе, с преимуществами социальных гарантий и человеческой солидарности, как это предполагает программа социализма.

Вернемся, однако, к ситуации, сложившейся в сфере информации и публицистики, имевшей для процесса обновления чрезвычайно важное значение и вызывавшей, вместе с тем, большие споры. Дубчек, Черник²⁵, Кригель, Смирковский, а также другие мои «союзники» в деле защиты средств массовой информации исходили из того, что авторы, искренне поддерживающие политику демократизации, не должны работать по-старому, прославляя партию и социа-

лизм. Напротив, они имеют право критически указывать на ошибки, могут высказывать свои сомнения в отношении позиций и конкретных шагов, которые мы считаем правильными. Мы же как политики можем их критику принимать или же отвергать по нашему усмотрению, в этом мы от них не зависим. Если мы не хотим давать им распоряжения или же вести себя как цензоры, мы не должны мешать им свободно высказывать свое мнение. Нашим единственным оружием должны быть политическая дискуссия с ними и убеждение с помощью аргументов.

Этого метода мы придерживались и на памятной последней пресс-конференции перед вступлением войск, проходившей 17 августа в Грзанском дворце. Я проводил ее вместе с О. Черником, прибыли на нее и Ф. Кригель, И. Смрковский и, как ни странно, А. Капек. Мы выступали поочередно и буквально умоляли присутствовавших главных редакторов и директоров средств массовой информации, чтобы они в напряженный период перед XIV съездом установили в своих редакциях строгую дисциплину и ответственность журналистов, чтобы они не заставляли нас вмешиваться в их компетенции извне. Кригель, проявлявший иногда в отношении журналистов чрезмерный либерализм, на этот раз воспользовался примером «дамоклова меча», который над всеми нами висит всего лишь «на тоненькой ниточке». Тем самым он ясно дал понять непосредственную угрозу интервенции, которую он, очевидно, в большей степени, чем мы все, считал реальной. Слова предостережения прозвучали и в выступлениях Смрковского и Черника. Единственный, кто молчал, был Капек, который, скорее всего, пришел «на разведку». Насколько я сумел понять Капека, он не был ярким политиком, да и не имел амбиций им быть, его отношение к партии и к социализму можно сравнить с верой угольщика. Очевидно, он страдал из-за противоречий и столкновений в руководстве партии. Его тяжело травмировали разоблачения преступных процессов и крах сталинизма, интеллект рабочего мешал ему воспринять демократизацию обновления. Он стал жертвой политического краха, из которого не смог выбраться.

У присутствовавших на пресс-конференции журналистов, пожалуй, впервые за пять месяцев моих встреч с ними,

были заметны неуверенность, а, возможно, и страх. Лишь один из них открыто присоединился к нашей аргументации – это был постаревший коммунист-энтузиаст Станислав Будин. Остальные же пытались защищать свою совесть, шокированную грубостью политики, или же возражать, полагая, что мы преувеличиваем значимость влияния печати на взаимоотношения с союзниками [...] ²⁶.

АВГУСТОВСКАЯ ФАНТАСМАГОРИЯ

День 20 августа в здании ЦК КПЧ начался с невероятного переполюха. У секретарей из одного кабинета в другой курсировала тревожная информация о том, что должно было происходить на заседании Президиума ЦК во второй половине дня. Стало также известно о перемещении войск союзников вдоль наших границ, прежде всего, в Польше и Венгрии. И. Шпачек взволнованно рассказывал мне о том, что «консерватисты» будто бы готовятся к новой атаке на заседании Президиума ЦК. Они хотят, чтобы предметом обсуждения стало положение в стране, выполнение мнимых обещаний, которые будто бы были даны в Чиерне. Мои помощники, Горак и Чутка, сообщили, что в кулуарах аппарата ходят слухи о том, что должна произойти стычка по принципу «кто кого» и что мишенью главной атаки должен стать сам Дубчек и занимаемый им пост.

В самом начале послеобеденного заседания Президиума ЦК «консерватисты» сразу же завели спор о необходимости изменения порядка обсуждения намеченных вопросов. Они предложили начать заседание, прежде всего, с рассмотрения «срочного» материала Д. Кольдера об утверждении позиции Президиума ЦК в отношении встреч в Чиерне и Братиславе. Дубчек же и другие члены ЦК, однако, настаивали на сохранении прежней программы, где в качестве первого пункта значилась дискуссия о материалах, предназначенных для XIV съезда. Предпочтение было отдано важным съездовским документам, дискуссия по которым, вполне естественно, заняла несколько часов. После вечернего перерыва заседание было продолжено. В конце концов, пришел черед и отложенного в прошлый раз отчета Отдела сводной информации, представленного Индрой, было оглашено и за-

ключение, подготовленное Кольдером. Отчет заслуживал внимания и детального обсуждения, однако для «консерватистов» важнее всего было как можно скорее перейти к принятию заключения, а также проведению голосования, которое должно было завершиться в их пользу.

Лишь спустя четверть столетия вышло наружу, почему группировка Кольдера проявляла такую поспешность. Документы из советских архивов, переданные Б. Ельциным в дар В. Гавлу в 1993 г., выдали многое из того, в чем в своих мемуарах в весьма искаженном и неполном виде признавался, например, Биляк. В соответствии с планом Индры, согласованным с остальными «консерватистами» и одобренным Брежневым, на этом же заседании Президиума ЦК 18 августа во время дебатов по кольдеровскому варианту оценки «контрреволюционной» ситуации в ЧССР должен был подвергнуться нападкам Дубчек за невыполнение соглашений в Чиерне, и, соответственно, его должны были снять с должности первого секретаря. Это явилось бы сигналом для резкого поворота в деятельности руководства партии, в связи с которым «консерватисты» должны были бы получить в нем большинство в количестве 6:5, если не 7:4. Незамедлительно должен был произойти переворот в верхах с тем, чтобы победители успели обратиться к пяти странам-союзницам с просьбой прислать войска на нашу территорию для защиты завоеваний социализма. Войска были подготовлены к вторжению через государственную границу в полночь с 20 на 21 августа. В этот же день должен был собраться пленум ЦК КПЧ, задачей которого было завершить и подтвердить правомочность переворота путем отзыва прежнего состава Президиума и выбора временного руководства партии, состоящего исключительно из «консерватистов». Одновременно должно было собраться на заседание Национальное собрание с целью осуществить аналогичные кадровые изменения в своих органах и поддержать изменения в составе республиканского правительства. Президент Свобода, в позиции которого заговорщики не были полностью уверены (как выяснилось позже, вполне справедливо), поставленный перед фактом, должен был подтвердить произошедшее и назначить новое правительство. В качестве возможной кандидатуры на пост главы

правительства намечались Индра, Ленарт, Пиллер или же сам Свобода.

Осуществление этого плана было сорвано как по срокам, так и по существу, не удалась путчистам и попытка захвата власти с помощью дополнительных маневров в ходе развития событий 21 августа.

Я полагаю, что стоило бы вновь вернуться к отчету отчета Я. Кашпара о ситуации в ЧССР, которому Индра попытался добавить необходимую долю остроты. В отдельных главах отчета обращалось внимание, помимо прочего, на очень сложное положение, сложившееся в экономике, где происходило углубление диспропорций, распадались старая структура управления из единого центра, новые же правила функционирования экономики до сих пор не начали действовать. Внутриполитическая ситуация, хотя и способствовала значительному возрастанию доверия граждан к партии (к 1 августа она достигла 82%), однако это обуславливалось, в первую очередь, международными факторами, сделавшими необходимой защиту суверенитета, т. е. это не было подкреплено конкретными экономическими и социальными достижениями. Плюрализм политических сил в стране, судя по программным заявлениям некоторых участников Национального фронта, сулил поддержку социализму в его демократическом понимании, однако для конкретной публичной жизни был характерен сильный разброс позиций, вплоть до антикоммунистических проявлений. В отчете далее подчеркивалась внешнеполитическая обусловленность внутреннего положения в стране. ЧССР, хотя и является неотъемлемой составной частью социалистического содружества и союзнических отношений, однако наша страна вступила в этот союз с иным пониманием социалистической системы, по сравнению с соседними странами, включая и СССР.

В разделе о роли общественного мнения и колебаниях в его развитии уделялось большое внимание средствам массовой информации, поскольку мы стали одной из стран в мире, где правительство не занимается анализом воздействия средств массовой информации на общественную и политическую жизнь, а поэтому не делает из этого анализа соответствующих выводов. Недостаточно лишь делать скорбную

мину, наблюдая за действиями печатных органов или же выражать по этому поводу свое возмущение. Журналистика вполне естественно выходит за отведенные ей «лимиты», одновременно она направляет свое острие против всех партий мира и против всех политических направлений.

В отчете делалась также попытка дать всестороннюю характеристику деятельности КПЧ. Среди членов партии существует широкий разброс мнений по принципиальным вопросам, охватываемым «Программой действий», по экономическим реформам, по методам деятельности коммунистов в плюралистической системе и т. д. Для процесса консолидации партии понадобятся многолетние усилия, как идейные, так и организационные. Подготовка и проведение съезда играют в этом деле важную роль. Выборы делегатов показали, что среди них нет молодежи до 25 лет, численность же тех, кому нет 30-ти, составляет всего лишь 2.3%. Основная же масса членов (примерно 80%) – представители среднего поколения, т. е. от 30 до 50 лет. Что же касается уровня образования, то больше всего людей с высшим образованием (45%), дипломы о среднем образовании имеют 35% делегатов. Во всех группах большинство составляют мужчины, женщин – всего лишь 6%. Что касается длительности партийного стажа, то более 55% составляют коммунисты, вступившие в партию до февраля 1948 г., следующие 36% вступили в партию, по крайней мере, 10 лет тому назад (до 1958 г.).

Анкетирование, проводившееся на окружных партийных конференциях, помогло выявить, помимо прочего, и процент популярности руководящих секретарей ЦК:

1. Дубчек	85.4%
2. Цисарж	75.9%
3. Шик	73.9%
4. Черник	70.6%
5. Гусак	65.4%

За ними следуют Шпачек, Ленарт, Смирковский, Биляк, Млынарж (52%). Небезынтересно, в какой последовательности были и те, кто находился на последних местах:

24. Кольдер	31.1%
25. Воленик	29.2%
26. Капек	27.5%

Отчет Отдела сводной информации Президиумом ЦК в целом был принят к сведению, однако какие-либо конкретные выводы по нему сделаны не были. Меры, предлагавшиеся Кольдером, хотя и полностью соответствовали позиции кремлевских правителей, однако наталкивались на сопротивление «пятерки» – Дубчека, Черника, Кригеля, Смрковского, Шпачека. Пиллер также не соглашался с некоторыми из их предложений. Поддержка Биляка и Риго не влияла на соотношение голосов. Poleмика все больше затягивалась, каждый выступал по нескольку раз, однако Дубчек все еще не ставил вопрос на голосование.

Все мы уже довольно сильно устали, когда Черника неожиданно позвали к телефону. После состоявшегося разговора он сообщил нам о том, что войска «пятерки» начали оккупацию Чехословакии. Это сообщение прервало бесконечные пререкания, открыв новую главу в череде событий, происходивших в руководящем составе КПЧ.

Проходили секунды, заполненные вначале молчанием всех присутствовавших. Потом постепенно последовала реакция, сопровождавшаяся спонтанными высказываниями. Но пока все еще ничего не происходило, в помещение не вошел никакой майор или же полковник, появления которого ожидал, судя по его воспоминаниям, Биляк. И только лишь в воспаленном мозгу развертывалась апокалипсическая картина последствий вооруженной интервенции. У меня не было ни малейших сомнений в том, что все это было направлено отнюдь не против так называемой контрреволюции, а против нас, тех, кто был поборником процесса демократизации, кто был против возвращения к псевдосоциалистической диктатуре партии. Не сомневался я и в том, что ночное вторжение одновременно преследует и цель спасти и поддержать догматическо-сектантских последышей старого режима, которые сами себя называли «здоровыми силами».

Сознание того, что я принадлежу к числу тех, кого вторгшиеся армады намерены «проучить», заставило меня через некоторое время произнести слова, ставшие, пожалуй, первыми: «Это поражение, поражение нашей политики и мое лично!». Дубчек потрясенно повторял: «И это они сделали мне, мне!». Он произнес что-то в том роде, что слагает с себя свои

полномочия. Это же хотел сделать и Млынарж. Кригель бушевал по поводу вероломства Советов, не выбирая слов в адрес Брежнева и компании. Смрковский испытующе смотрел на Кольдера и Биляка: «Кто их позвал?». Биляк клялся, что только не он. Когда же мы, не веря его словам, испытующе на него посмотрели, он взорвался, подставляя свою грудь: «Ну так застрелите меня!». Кольдер отчасти коварно, отчасти испуганно озирался вокруг: «Ну, надо же!».

В какой-то момент я вдруг осознал, что мы, «прогрессисты», никогда не собирались вместе, не обсуждали в качестве альтернативы, что следовало предпринять, если бы интервенция все же случилась. Что делать в создавшейся ситуации? Было ясно, что шок проходит и возвращается осознание ответственности: мы, руководство партии и государства, мы за все отвечаем, и никто не снимает с нас ответственности каким-то образом отреагировать. Кригель высказал важную вещь: «Никто не должен оставлять свой пост». Дубчек вновь вернулся к своим обязанностям председателя заседания. Мы сели, и обсуждение вновь вошло в свое русло. Возбуждение, однако, не проходило, отчетливо обозначилось противостояние двух лагерей: там – «консерватисты», здесь – мы.

Все, что я здесь описываю, обращаясь к своим воспоминаниям, длилось каких-то пару минут. То же, что за этим последовало, – часы.

Возникла идея пригласить министра обороны Дзура, чтобы он проинформировал о военной ситуации, но тот сказал Чернику по телефону, что не может покинуть Генеральный штаб. Позже мы узнали, что он уже находился под контролем советских генералов. Более успешной оказалась просьба Дубчека о том, чтобы на заседание Президиума ЦК прибыл президент Свобода; примерно через час тот приехал. Он нам рассказал о том, что его посетил Червоненко для того, чтобы сообщить причины вступления войск, впрочем, сам он будто бы сразу же от этого дистанцировался. Однако, по мнению Свободы, раз уж войска находятся здесь, не остается ничего другого, как смириться с этим фактом и воспрепятствовать возможным проявлениям безрассудства, которые могут привести к кровопролитию.

Я думаю, что Свобода по своим взглядам и занимае-

мой им позиции в какой-то мере разделял критические опасения, постоянно исходившие из Москвы и адресовавшиеся руководству Дубчека. До вступления войск он никогда об этом публично не говорил, внутренне, однако, разделяя эти опасения, не таил он эти сомнения от своих близких. К этому ближайшему кругу относились, прежде всего, его дочь Зоя и зять Милан Клаусак. С последними я общался чаще, чем с самим «старым господином». Оба они были сторонниками процесса обновления, и у меня нет оснований не верить, что они не оказывали в этом отношении влияние и на президента. Вместе с тем они знали о соединявших его с СССР крепких узах и уважали это. Понимали они и его опасения, что эти узы могут нарушиться. Впрочем, никто из «прогрессистов», ни Дубчек, ни кто-либо другой и не помышляли об этом.

Другим обстоятельством, которое мучило Свободу, были разногласия внутри партийного руководства, невозможность или же неспособность их преодолеть. По своему менталитету генерала он не мог понять, как это возможно: Партия ведет историческое сражение за достижения социализма, а ее руководство не объединилось вокруг своего лидера!

Когда к нам вторглись вооруженные армии, Свобода открыто высказал в Президиуме ЦК свое мнение: «Вот видите, куда вы эту страну завели!». Эту же фразу он неоднократно повторял при самых разных обстоятельствах. При этом он внутренне имел в виду обе «провинившиеся» стороны, т. е. как «прогрессистов», так и «консерватистов». Впрочем, противная сторона неверно истолковывала его слова как одностороннее осуждение приверженцев обновления. На самом же деле это высказывание было сродни словам князя Святоплука, порицающего своих препирающихся сыновей.

После ухода Свободы нам троим, т. е. Млынаржу, Славику и мне, было поручено составить проект позиции Президиума ЦК в связи с интервенцией, а также последовавшими за ней событиями. С задачей мы справились примерно за полчаса. Сложность нашего положения заключалась в том, что мы не знали закулисную сторону подготовки военного вторжения, кроме того, мы могли лишь предполагать, какую аргументацию выдвинут его инициаторы для «оправдания» этого акта. Таким образом, мы могли опираться только на

наш предшествующий опыт, связанный с Варшавским письмом²⁷ и переговорами в Чиерне и Братиславе. В соответствии с прошедшей дискуссией мы включили в текст следующие положения: вступление войск пяти государств произошло без ведома высших чехословацких органов, причем, это случилось в тот момент, когда руководство партии занималось подготовкой к XIV съезду; призвать граждан к тому, чтобы они сохраняли спокойствие и не оказывали сопротивление войскам; что касается наших вооруженных сил, то им был дан приказ не защищать страну; интервенция противоречит принципам отношений между социалистическими государствами, а также международному праву; все руководящие деятели партии и государства продолжают исполнять свои легальные функции; созываются парламент, правительство и пленум ЦК КПЧ для обсуждения возникшей ситуации.

Когда мы со своим проектом текста решения вернулись снова на заседание Президиума ЦК, Млынарж его зачитал. Кольдер и другие виновники ночного вторжения стали возражать против большинства формулировок, особенно против упоминания о нарушении прав и соглашений. Попытка воспрепятствовать предложенному нами решению получила поддержку лишь меньшинства членов Президиума ЦК, поскольку Пиллер и Барбирек, на которых Кольдер рассчитывал как на своих союзников, выразили несогласие со вступлением войск. Остались лишь Риго и Швестка, готовые оказать поддержку своим консервативным поделщикам. Однако у них сорвалось выполнение основной задачи: заговорщики не получили большинства в Президиуме ЦК, не смогли свергнуть Дубчека и, захватив руководство партии, обратиться от имени Президиума ЦК с просьбой о «братской помощи». Наш текст решения был прямой противоположностью их неудачного маневра, поэтому они потребовали сделать перерыв с тем, чтобы отложить его одобрение, а также сорвать возможность сообщения в ночном радиовещании. Вполне возможно, что им понадобилось проконсультироваться с посольством СССР по поводу того, что же следует предпринять в этой неожиданной ситуации. Возможно, что их план сорвался в самом начале заседания, когда им не удалось добиться снятия пункта о подготовке съезда, в результате

чего они потеряли несколько часов времени [...] ²⁸.

Продолжить дальше дебаты, что вновь попытались сделать «консерватисты», было с нашей точки зрения ни к чему, поскольку фактор времени уже начинал играть не в нашу пользу. Дубчек завершил дискуссию и предложил голосовать. К каждому члену Президиума ЦК, имевшему право голоса (этого права не имели присутствовавшие кандидаты в члены Президиума ЦК, а также секретари ЦК, обращались по отдельности, он должен был сам принять решение о том, каким будет его место в истории – ведь именно об этом и шла речь. Против нашего текста решения были четверо: Биляк, Кольдер, Риго и Швестка. Остальные семеро были «за»: Дубчек, Черник, Смирковский, Кригель, Пиллер и Барбирек. Планы «консерватистов», безотносительно к тому, знали ли мы их наверняка, или же только предполагали, были похоронены. Во всяком случае, так произошло в этом последнем политическом сражении в переломную ночь с 20 на 21 августа.

Позиция Президиума ЦК, точнее его большинства, в эфир могла бы и не попасть. Млынарж успел его передать по телефону службе стенографистов на радио, однако было уже без малого два часа ночи, когда завершались передачи радио. Шеф связи Гофман сделал все для того, чтобы все радиостанции действительно смолкли. Впрочем, продолжали работать радиоточки, которые в то время были весьма распространены в домах, на предприятиях и учреждениях. Благодаря этому, историческое заявление официальных представителей Чехословакии о незаконности вступления войск вскоре стало известно отечественной и зарубежной общественности [...] ²⁹.

Читая печатные издания прошедших дней, я все более убеждался в изобретательности поиска форм сопротивления нашего народа перед лицом незваных вооруженных захватчиков. Начиная с первых часов оккупации, их солдаты и офицеры находились под шквалом тысячи раз повторяемого: «Почему? Почему вы пришли?». Школьного знания русского языка, конечно же, не вполне совершенного, было, однако, все же достаточно для данного момента, это позволяло нашим людям, особенно молодежи, высказывать возмущенные упреки и вести полемические диалоги. У оккупировавших

нас «героев» не было иного средства самозащиты, чем заученные фразы о «братской помощи», которые им внушали политруки. Враждебность, возникшая по вине взбесившихся защитников «сплоченности социалистического блока», а в действительности автократов империи, не могла не привести к иному результату, чем дискредитация идей социализма и интернационализма. Это лишь заложило взрывчатку под весь социалистический мир. Было лишь вопросом времени, когда последствия противоречий, насилия и гнета приведут в действие эту взрывчатку. Именно это и произошло на рубеже 80-х – 90-х годов.

Перевод Г.П. Нецименко

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Двусторонние советско-чехословацкие переговоры в Чиерне-над-Тисой проходили с 29 июля по 1 августа 1968 г. В переговорах участвовало руководство обеих партий почти в полном составе. Советская сторона требовала навести порядок в средствах массовой информации, закрыть все организации, не входящие в Национальный фронт, убрать со своих постов Ф. Кригеля, Ч. Цисаржа, И. Павла (министра внутренних дел), И. Пеликана (руководителя чехословацкого телевидения). Чехословацкое руководство дало устное обязательство обуздать прессу, подтвердило верность социалистическому выбору и Организации Варшавского Договора. После длительных дискуссий было решено продолжить многосторонние переговоры.
- ² Шпачек Йозеф – руководитель Южно-Моравского краевого комитета КПЧ, на январском пленуме 1968 г. был введен в состав Президиума ЦК КПЧ. Последовательный сторонник курса на проведение реформ.
- ³ Биляк Василь – словацкий политик. После избрания А. Дубчека первым секретарем ЦК КПЧ возглавил компартию Словакии. В апреле 1968 г. стал членом Президиума ЦК КПЧ. На декабрьском пленуме 1968 г. активно выступал за отставку А. Новотного. Однако по мере углубления процесса демократизации в стране его позиция эволюционировала вправо.
- ⁴ Кольдер Драгомир – бывший секретарь Северо-Моравского крайкома КПЧ, с 1962 г. – член Секретариата ЦК КПЧ, возглавлял комиссию по реабилитации жертв политических репрессий 1950-х

годов. Вначале поддерживал курс на реформы, потом по мере нарастания давления со стороны Москвы и союзников по социалистическому лагерю пересмотрел свои позиции.

- ⁵ Индра Алоис – член Секретариата ЦК КПЧ, последовательный противник курса реформ. Поддерживал интенсивные связи с советским посольством.
- ⁶ Швестка Ольдржих – редактор газеты «Rudé právo», на апрельском пленуме 1968 г. избран членом Президиума ЦК КПЧ. Трансформация его политической позиции во многом сходна с изменением позиции Д. Кольдера.
- ⁷ Капек Антонин – член Президиума ЦК КПЧ, последовательный противник курса реформ.
- ⁸ Факт передачи письма подтверждает А.Е. Бовин, принимавший как консультант международного отдела ЦК КПСС участие в переговорах советских и чехословацких руководителей в Чиерне-над-Тисой, а также в многосторонней встрече лидеров компартий в Братиславе. В своих мемуарах он пишет, что Биляк передал в туалете письмо П.Е. Шелесту с настойчивой просьбой о «всесторонней помощи». Письмо подписали члены Президиума ЦК КПЧ А. Индра, Д. Кольдер, А. Капек, О. Швестка и В. Биляк. В последнем абзаце авторы писали о необходимости максимального засекречивания этого заявления, поэтому оно было адресовано лично Шелесту и написано по-русски. Автор мемуаров признает, что сам узнал имена подписантов только в 1992 г. О получении письма свидетельствует и Шелест в своих воспоминаниях.
- ⁹ Кригель Франтишек – коммунист с довоенным стажем, участник Гражданской войны в Испании, в первые послевоенные годы работал в Пражском крайкоме КПЧ. В начале 1950-х годов в ходе политических чисток был освобожден от партийной работы. В 1960-е годы реабилитирован, избран депутатом парламента и введен в состав ЦК КПЧ. В 1968 г. стоял на позициях радикального крыла коммунистов-реформаторов, являясь председателем Национального собрания.
- ¹⁰ На январском пленуме ЦК КПЧ был рассмотрен вопрос о расширении состава Президиума ЦК. В него вошли новые члены: И.Й. Шпачек, Ю. Боровка – явные противники Я. Новотного, а также Я. Пиллер и Э. Риго, позиции которых еще не были четко определены.
- ¹¹ Вокруг даты проведения внеочередного XIV съезда КПЧ после ян-

варского пленума разгорелась острая политическая борьба. Радикальные сторонники реформ считали, что съезд, на котором предстояло закрепить изменение курса, возможно провести уже в мае–июне 1968 г. А. Дубчек считал необходимым в ходе окружных и краевых партийных конференций обновить партаппарат на местах, поэтому настаивал на более поздних сроках. Кроме того, он вынужден был учитывать тот факт, что Москва явно не желала проведения внеочередного съезда партии в 1968 г. и предлагала перенести созыв съезда на 1969 г.

¹² Братиславская встреча лидеров коммунистических партий СССР, ГДР, Польши, Венгрии, Болгарии и Чехословакии последовала сразу после окончания советско-чехословацких переговоров в Чиерне. На основе проекта, разработанного советской рабочей группой, лидерами партий было подготовлено совместное заявление. В нем отсутствовали утверждения о наступлении контрреволюции в Чехословакии. Главным пунктом было положение о защите завоеваний социализма как общем интернациональном долге всех социалистических стран; такая формулировка давала основу для различной интерпретации. Если А. Дубчек расценивал итог братиславской встречи и принятие данного заявления как легализацию чехословацкого пути к социализму, то В. Ульбрихт воспринимал названный документ иначе. Для него это был призыв к компартиям выполнять свои обязательства, вытекающие из членства в советском блоке.

¹³ Млынарж Зденек – окончил в 1955 г. Московский университет (юридический факультет), работал в Институте государства и права ЧСАН, с 1964 г. стал официальным советником – консультантом партийных и государственных органов по вопросам политических систем, демократии и права. Один из активных деятелей реформаторского крыла КПЧ. С апреля 1968 г. – секретарь ЦК КПЧ.

¹⁴ Речь идет о крупнейшем машиностроительном заводе страны «Колбен Данек».

¹⁵ Военные маневры «Шумава» развернулись 20 июня 1968 г. на территории четырех стран – ЧССР, Польши, ГДР и Венгрии и продолжались до 30 июня. В них принимали участие до 40 тыс. военнослужащих. Командование осуществлял маршал Советского Союза Якубовский. Историки впоследствии оценивали эти учения как генеральную репетицию вторжения в ЧССР.

- ¹⁶ Международный конгресс славистов проходил в Праге с 7 по 13 августа 1968 г. Автор называет его вторым, поскольку в Праге в 1929 г. проходил I Международный конгресс славистов.
- ¹⁷ Штолл Ладислав – ученый, литературовед, активно насаждавший идеи социалистического реализма, директор Института чешской литературы ЧСАН, вице-президент ЧСАН.
- ¹⁸ Опущен абзац с описанием поездки в заводской дом отдыха.
- ¹⁹ Маурер Ион Георге – один из лидеров Румынской рабочей партии. С 1961 по 1974 г. возглавлял правительство страны. Хорошо знал Ч. Цисаржа по его работе в качестве посла ЧССР в Румынии в 1965–1968 гг.
- ²⁰ Итоги встречи лидеров шести стран в Братиславе поначалу были оценены весьма оптимистично. По свидетельству О. Шика, И. Смирковский говорил, что «теперь нужно сосредоточить свои силы на подготовке к съезду партии». Эту позицию разделяли все члены Президиума ЦК.
- ²¹ Смирковский Йозеф – коммунист с довоенным стажем, один из руководителей Пражского восстания в мае 1945 г. В период партийных политических репрессий 1950-х годов был исключен из партии и осужден. В 1963 г. решением Верховного суда и Генеральной прокуратуры был реабилитирован; в 1964 г. стал депутатом Национального собрания, в 1966 г. – членом ЦК КПЧ, в 1968 г. принадлежал к числу коммунистов-реформаторов, являлся председателем Национального собрания ЧССР.
- ²² А. Бовин в своих мемуарах, не ссылаясь на источник информации, писал: «Не успели мы вернуться [из Братиславы] в Москву, как из Праги стали поступать неприятные сообщения. Некоторые участники встречи в Чиерне-над-Тисой стали выступать на партийных активах с рассказами о том, как они “надули” русских: наговорили им то, что они хотели, а делать будем то, что мы хотим. Обстановка накалялась...».
- ²³ В дневниковых записях Бовина, которые он делал в августе 1968 г. в связи с развитием событий в Чехословакии есть следующая информация: «16 августа. Как мне стало известно, “здоровые силы”, по существу, предъявили нам ультиматум. Они готовы на заседании Президиума 20 августа вести дело к расколу, если в ночь с 20 на 21 августа советские войска войдут в Чехословакию. Со своей стороны, они обещали, что к обращению, переданному ранее Брежневу, будет добавлено еще около

- 50 подписей членов ЦК и правительства. Они предполагают захватить радио и телевидение и обратиться к народу. Утром 20 августа будет создан пленум ЦК КПЧ».
- ²⁴ После роспуска творческих союзов против И. Гохмана и И. Румла в 1970 г. были возбуждены уголовные дела.
- ²⁵ Черник Ольдржих – член Президиума ЦК КПЧ, в 1968 г. возглавлял правительство страны. По политическим позициям был ближе к А. Дубчеку, чем к радикальной части реформаторов.
- ²⁶ Опущена полемика с журналистами периода «нормализации» и П. Питгартом – автором книги «Шестьдесят восьмой» (Кельн, 1980), в которой Цисарж и его сторонники обвинялись в том, что они, якобы зная о предстоящем введении войск, фактически предали «Пражскую весну».
- ²⁷ Речь идет об известном письме, направленном руководству ЦК КПЧ от имени компартий Советского Союза, Польши, ГДР, Венгрии и Болгарии 6 июля 1968 г. с приглашением на встречу в Варшаве 10 или 11 августа 1968 г.
- ²⁸ Опущен сюжет о звонке Ч. Цисаржа жене.
- ²⁹ Опущен сюжет об аресте Ч. Цисаржа.

2008

**«ПРАЖСКАЯ ВЕСНА» И
СОВЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ:
К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ
«ВНУТРИСИСТЕМНОЙ ОППОЗИЦИИ»
НЕОСТАЛИНИЗМУ ***

«Пражская весна» с ее программой проведения реформ по демократизации всех сфер общественной жизни, объективно не могла не оказывать влияния на отношения власти и интеллигенции в СССР. Но эта, на наш взгляд, важная проблема остается пока на периферии внимания историков, изучающих историю социализма на европейском континенте.

---

* 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. Сборник статей. М., 2010.

Такое положение не случайно: документальная база для ее раскрытия весьма ограничена, поскольку основная масса материалов до сих пор находится на специальном (секретном) хранении и практически малодоступна для исследователей. Поэтому данная статья построена, прежде всего, на изучении мемуаров, воспоминаний о коллегах и дневниковых записей ученых, писателей, журналистов и «людей системы» – то есть работников аппарата ЦК КПСС. В работе также были использованы отдельные материалы из фондов Российского государственного архива новейшей истории.

Знакомство с такими весьма специфическими источниками, тем не менее, дает основание говорить о том, что после XX съезда КПСС в СССР налицо были две разновекторные по своей политической направленности тенденции развития. Их корни следует, по-видимому, искать в разном восприятии различными слоями общества решений съезда и последовавших за ним мер, направленных на ликвидацию наиболее вопиющих проявлений тоталитарного режима. Реабилитация жертв политических репрессий и осуждение культа личности Сталина стали импульсом к росту самостоятельности в поведении и мышлении больших групп людей, прежде всего, в среде научной, технической и творческой интеллигенции. Правящий слой партийной и государственной номенклатуры в новых условиях стал испытывать затруднения в осуществлении привычных для него командно-директивных методов управления обществом. Административные реформы Хрущева не могли решить вставших проблем, они, скорее, усиливали дезорганизацию управления, порождая тем самым корпоративное сопротивление в среде как партийной, так и государственно-хозяйственной номенклатуры. После снятия Хрущева в октябре 1964 г. немалая часть государственного и партийного аппарата (как в центре, так и на местах) искала выход в пересмотре решений XX и XXII съездов КПСС. О наличии и масштабах таких настроений свидетельствует тот факт, что уже в феврале 1965 г. в аппарате А.Н. Шелепина, являвшегося секретарем ЦК и председателем Комитета партийно-государственного контроля, был подготовлен внутренний документ как вариант доклада Л.И. Брежнев к двадцатилетию Победы. В нем открыто ставился во-

прос о пересмотре линии XX и XXII съездов партии. Конкретно речь шла о необходимости отказа от утвержденной программы партии и закрепленных в ней гарантий против рецидивов культа личности. Предлагалось также вернуться к курсу на мировую революцию, отказаться от принципа мирного сосуществования и формулы о возможности мирного перехода к социализму. Составители этого документа предлагали восстановить дружбу с Мао-Цзедунем за счет полных уступок ему в отношении к культу личности и общей стратегии мирового коммунистического движения, а также восстановить «доброе имя» Сталина¹. Это был своего рода меморандум неосталинизма, в котором реабилитация Сталина рассматривалась как идеологическая гарантия и основа неприкосновенности существующей системы власти. Иными словами, речь шла о консервации тоталитарной формы социализма. Эта тенденция несла в себе опасность расхождения циклов политического развития СССР и тех стран «социалистического лагеря», в первую очередь ГДР и ЧССР, где уже в первой половине 60-х годов в рядах интеллектуальной и политической элиты наблюдалось нарастание реформаторских настроений, порождаемых необходимостью дать ответ на импульсы мирового развития в условиях интенсивно развивающейся научно-технической революции.

Наряду с тенденцией ресталинизации в середине 60-х годов XX в. в советском обществе прорисовывалось и другое видение перспектив развития страны. В кругах интеллектуальной элиты, пробужденной к активности решениями XX и XXII съездов КПСС, налицо было явное стремление к продолжению шагов в направлении демократических преобразований общества. Такие настроения проистекали из осознания социальной и политической значимости тех глобальных изменений, которые вызывались переходом развитых стран на принципиально новую – постиндустриальную – стадию мирового развития. Именно здесь в наиболее информированной части советского общества, в том числе и среди интеллектуалов, работавших в аппарате ЦК КПСС, росло понимание необходимости раскрепощения общественно-политической мысли от многолетних напластований сталинских догм и дальнейшего развития марксистской теории в соответствии с

новыми реальностями мира, вступающего в постиндустриальную стадию развития.

За годы «хрущевской оттепели» аппарат ЦК, его печатные органы пополнились образованными, прогрессивно мыслящими людьми: в их числе Г. Шахназаров, А. Черняев, Ф. Петренко, О. Богомолов, Г. Арбатов, А. Бовин, Ф. Бурлацкий, Л. Делюсин и др. Большая часть их или прошла научную школу ИМЭМО, являвшуюся, по оценке Г.А. Арбатова, «инкубатором» нового поколения экономистов – международников и специалистов по внешней политике ², или имела опыт работы под руководством А.М. Румянцева в редколлегии международного журнала «Проблемы мира и социализма». Теперь эта группа, работавшая консультантами в отделах ЦК, курировавших международные отношения, стала одним из тех творческих «очагов», где в поисках альтернатив административно-командным методам управления развивалась общественная мысль, происходило осмысление опыта и практики других стран. Ф. Бурлацкий в одной из своих работ, посвященной событиям конца 50-х – начала 60 годов, вспоминал: «Анализируя опыт экономических реформ в Югославии и политические реформы в Венгрии после 1956 г., мы приходили к выводу, что многое из того, что там сделано, может быть, конечно, не механически, а творчески применено в нашей стране. Мы изучали бурные процессы интеграции в Западной Европе, с огромной завистью сравнивали “Общий рынок” с медленным бюрократическим процессом сотрудничества в рамках СЭВ. Мы думали о приобщении нашей страны к современной технологии, к лучшим достижениям мировой цивилизации и мировой культуры. Иными словами, мы мечтали о реформах» ³.

Открытым публичным выступлением с позиций, учитывающих новые реальности мира, стали две статьи члена ЦК КПСС редактора «Правды» академика А.М. Румянцева, посвященные анализу роли интеллигенции в эпоху научно-технической революции. В первой из них, опубликованной в феврале 1965 г., автор попытался пересмотреть традиционную схему К. Маркса, в которой, как известно, центральное место в современном ему обществе отводилось пролетариату. А.М. Румянцев доказывал, что в новых условиях второй по-

ловины XX в., кардинально отличающихся не только от эпохи Маркса, но и Ленина, реальное место интеллигенции в обществе, ее социальная функция изменились коренным образом. В эпоху научно-технической революции именно интеллигенция становится главной производительной силой. При этом он подчеркивал, что подлинное творчество «не может стимулироваться приказом, не терпит казенно-бюрократического подхода, мелочной опеки и регламентации, ибо исходит из общественных потребностей, получивших форму внутреннего побуждения ученого или художника»⁴. В сентябре 1965 г. последовала еще одна его статья, посвященная проблеме интеллигенции и ее роли в социалистическом обществе. Среди потока откликов, вызванных этими публикациями, особое место, пожалуй, заняло письмо академика П.Л. Капицы от 14 сентября 1965 г., адресованное А.М. Румянцеву и названное «Талант не требует руководства». Развивая некоторые положения статей Румянцева, П.Л. Капица поставил коренной вопрос об отношении партии к науке и интеллигенции. «Крупный научный и художественный талант не требует и не терпит руководства, он сам является направляющей силой... Конечно, можно говорить о руководстве в выборе тематики, но это не руководство творчеством. Запрет и цензура тоже не руководство. Надо не бояться сознаться, что попытки партийного руководства научным творчеством дали отрицательные результаты... Таким образом, непосредственное руководство большим искусством и наукой – неосуществимый процесс», – подводил итог своих размышлений П.Л. Капица⁵. Задача партийного руководства, – полагал автор письма, – заключается в том, чтобы побуждать наше искусство заниматься крупными актуальными проблемами и давать нужный материал для постановки общественных проблем. «Есть ли такие проблемы? – спрашивал он и сам отвечал – Да есть, и их очень много, но тут нужно бросить упрек нашим партийным идеологам, что они часто уклоняются и не хотят заниматься этими проблемами, пытаясь ограничиться только теми проблемами, которые были перед ними поставлены во времена Ленина. Но за 40 лет после смерти Ленина произошел ряд социальных изменений, которые выдвинули новые проблемы. Они преимущественно обусловлены возникнове-

нием новой техники и поэтому схожи как у нас, так и у капиталистов. ... Пожалуй, самая значительная из всех проблем нашего времени – это влияние научно-технической революции на производительность труда и, следовательно, на занятость общества. ... Проблемы свободного времени и легкой жизни у нас уже стоят, а скоро, по мере нашего материального развития, станут еще острее, чем у капиталистов. ... Очевидно, нам надо решать проблему свободного времени иными путями, чем в капиталистическом мире, но вместо того, чтобы искать решение этого вопроса, наше руководство пытается его замаять...»⁶. Столь прямую и конкретную критику в адрес высшего руководства страны, а также постановку вопроса о новой функции интеллигенции в обществе и требование ее свободы от партийного руководства и контроля главный идеолог страны М.А. Сулов не мог воспринять адекватно, увидев в этом открытое покушение на руководящую роль партии. Письмо П.А. Капицы не было опубликовано, оно увидело свет только через 24 года. Сама же тема роли интеллигенции в современном мире была поспешно притушена отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС при активной поддержке помощника Л.И. Брежнева по идеологии В.А. Голикова. Академик Румянцев был через некоторое время освобожден от должности редактора «Правды» и переведен на работу в систему Академии наук СССР.

Такова была реакция консервативной части руководства ЦК на проявившиеся настроения в рядах научной элиты. Но в аппарате ЦК были люди, увидевшие в этих настроениях определенную возможность умерить стремление консервативной части в руководстве КПСС к пересмотру курса XX и XXII съездов. По-видимому, совсем неслучайно именно в эту среду, как свидетельствует в своих мемуарах академик А.Д. Сахаров, через известного публициста Э. Генри противники ресталинизации направили сигнал о необходимости активной поддержки курса XXII съезда наиболее видными деятелями науки, культуры и искусства.

В феврале 1966 г. накануне открытия XXIII съезда КПСС Л.И. Брежнев, первое лицо в партийном руководстве, получил письмо, подписанное 25 представителями науки и культуры. В нем прямо говорилось, что накануне съезда в пар-

тийной печати все более отчетливо проявляются твердые намерения добиться хотя бы косвенной реабилитации Сталина. В связи с этим подписавшиеся под письмом лица полагают необходимым информировать руководство партии о своей позиции. «Мы считаем, что любая попытка обелить Сталина таит в себе опасность серьезных расхождений внутри советского общества...это поведет только к замешательству и разброду в самых широких кругах. Мы убеждены, что реабилитация Сталина вызвала бы большое волнение среди интеллигенции и серьезно бы осложнила настроения среди нашей молодежи»⁷. Далее подчеркивалось, что вопрос о реабилитации Сталина отнюдь не только внутриполитический, он является и важным международным вопросом, поскольку любой шаг в направлении реабилитации создал бы угрозу нового раскола в рядах мирового коммунистического движения. Компартиями Запада это расценивалось бы как «наша капитуляция перед китайцами, на что коммунисты Запада ни в коем случае не пойдут»⁸. Завершалось письмо словами: «Совершенно ясно, что решение ЦК по этому вопросу не может рассматриваться как обычное решение. В том или ином случае оно будет иметь историческое значение. Мы надеемся, что это будет учтено»⁹. Письмо подписали: академики Л.А. Арцимович, П.А. Капица, А.М. Леонтович, И.М. Майский, С.Д. Сказкин, А.Д. Сахаров, И.Е. Тамм, писатели В.П. Катаев, В.П. Некрасов, К.Г. Паустовский, С.Н. Ростовский (Э. Генри), В.Ф. Тендряков, художники П.Д. Корин, Б.Н. Неменский, Ю. Пименов, С.А. Чуйков, деятели кино и театра М.М. Ромм, А.А. Попов, М.М. Плисецкая, Г.А. Товстоногов, И.М. Смоктуновский. Затем последовало еще одно аналогичное письмо, подписанное тринадцатью деятелями науки и культуры, в том числе академиками А. Алихановым, В. Ждановым, А. Колмогоровым, писателем И. Эренбургом и др. Данные письма отнюдь не были документами «для служебного пользования»: о них было сообщено иностранным корреспондентам. Они убедительно свидетельствовали, что цвет советской интеллигенции, ее наиболее яркие представители в науке и культуре однозначно поддерживают идеи демократизации существующего общественного строя.

Аналогичную позицию занимал и один из наиболее популярных в стране общественно-литературных журналов – «Новый мир», руководимый А.Т. Твардовским. Круг читателей и писателей, объединяемых этим журналом, неуклонно оставался выразителем демократических тенденций в социализме. Не случайно позже, в 1968 г., один из апологетов сталинизма писатель Аркадий Первенцев скажет: «Сначала нужно было направлять танки в “Новый мир”, а потом уже в Прагу»¹⁰.

На XXIII съезде КПСС, «бесцветном и консервативном, не сделавшем ни одного шага вперед»¹¹, никакого официального пересмотра решений XX и XXII съездов не произошло. В верхах идеологической сферы формально сохранялся прежний курс. Но, как пишет в своих воспоминаниях А. Бовин, работавший в то время консультантом международного отдела ЦК КПСС, «на места» дали понять, что «желательно умерить антисталинские настроения»¹². Если судить по доступным архивным материалам, то это было осуществлено в октябре 1966 г. на всесоюзном семинаре-совещании идеологических работников. К тому времени почти все ключевые посты в отделах аппарата ЦК, курировавших сферу идеологии, были сконцентрированы в руках консервативных сил: отдел пропаганды возглавлял В.И. Степаков – человек, близкий к Шелепину; отдел науки – С.П. Трапезников (под его руководством отдел стал оплотом защитников сталинизма), а во главе отдела культуры стоял В.Ф. Шауро. Последний, как отмечал Г.А. Арбатов, хорошо знавший расстановку сил в центральном партаппарате, отличался крайней несамостоятельностью и готов был проводить любую линию, которую укажут сверху¹³. Поэтому не удивительно, что позиции консерваторов стали укрепляться и в правлениях творческих союзов писателей, композиторов, художников.

Стенограмма работы этого семинара-совещания показывает, что именно на нем Степаков критиковал попытки ученых и писателей переосмыслить историю социализма и Великой отечественной войны, предпринимавшиеся, по его мнению, с позиций «абстрактного гуманизма и нигилизма»¹⁴. В выступлении секретаря МГК КПСС А.П. Шапошниковой прозвучали не только упреки прессе, в частности, газетам «Известия», «Труд», «Литературной газете», за позитивные рецен-

зии на такие спектакли московских театров, как «Василий Теркин на том свете», «Павшие и живые», но и содержалась прямая критика «Нового мира» за публикацию повести В. Быкова «Мертвым не больно», повести Б. Можая «Из жизни Федора Кузькина», Н. Дубова «Беглец», а также серии статей критика В. Лакшина «Писатель, читатель. Критик». Последний, по словам Шалопниковой, якобы защищает все, «что под лозунгом показа так называемой истинной правды бросает беспроблемную тень на целые периоды жизни нашего народа»¹⁵.

Наиболее политически откровенным было выступление начальника Главного политуправления Советской армии генерала А.А. Епишева, который, говоря о необходимости героико-патриотического воспитания народа, специально подчеркнул, что «чрезмерно одностороннее увлечение в недалеком прошлом пропагандой лозунга мирного сосуществования в представлении некоторых товарищей отодвинуло на задний план вопросы классовой борьбы на идеологическом фронте, кое-кто перестал чувствовать остроту этой борьбы на международной арене и ее отголоски внутри страны». Он упрекал гуманитарную интеллигенцию, что она становится на путь очернительства, негативного отображения боевого прошлого, «а начальный этап войны 1941 г. изображается лишь в мрачных тонах, внимание заостряется на случаях паники и повального бегства»¹⁶.

Думается, трудно не увидеть взаимосвязь этих голосов с той кампанией гонения на представителей интеллигенции, не разделявших официального курса партии на рестаблинизацию, которая стала разворачиваться в 1967 г. Прологом этой кампании можно считать отказ выпустить в свет работу по истории коллективизации советской деревни, подготовленную в Институте истории Академии наук под руководством Б.П. Данилова, для написания которой авторам были впервые предоставлены документы архивов. Сигнальный экземпляр книги, продемонстрированный по телевидению, не был запущен в тираж, а набор книги был уничтожен. Далее последовала история с книгой А.М. Некрича «1941 г. 22 июня». В феврале 1966 г. на обсуждении в отделе истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при

ЦК КПСС эта книга получила положительную оценку. Однако в девятом номере журнала «Вопросы истории КПСС» за 1967 г. появилась рецензия двух докторов исторических наук, специалистов по военной истории – Г.А. Деборина и Б.С. Тельпуховского, обвинявших автора книги в том, что он изменил научным принципам марксистской историографии, а его книга принята на вооружение идеологами империализма. После публикации этой рецензии редакция журнала получила около 200 писем в защиту рецензируемой книги. В числе авторов писем были академики С.Г. Струмилин, М.В. Нечкина, Н.М. Дружинин, Н.И. Конрад и другие ученые. Тем не менее, на заседании ЦК под руководством А.Я. Пельше Некрич был исключен из партии с мотивировкой, что его книга не отвечает задачам патриотического воспитания. Директор издательства «Наука» А.М. Самсонов получил строгий выговор.

В 1967 г. резко ужесточилась цензура. Картина цензурского беспредела подробно описана А.Т. Твардовским в его «Рабочих тетрадах» за 1966–1967 г. ¹⁷. За это время в «Новом мире» цензура не пропустила в печать такие произведения, как «Сто дней войны» К. Симонова, «Сшибка» А. Бека, «Зимний перевал» Е. Драпкиной, «Атака сходу» В. Быкова, седьмую книгу мемуаров И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь». Именно в это время в дневниковых записях А.Т. Твардовского появляется размышление, на наш взгляд, отражающее настроения той части интеллигенции, которая прошла Отечественную войну, выдержала послевоенные чистки и связывала свое будущее с решениями XX съезда и ликвидацией «культы личности». Он писал: «Вот и партия добивалась целостности, монолитности, истребляла инако- и мнимо-инакомыслящих, распознавала давние стершиеся знаки какой-нибудь замешанности, “связей” и т. п. и на наших глазах, на нашей памяти перестала быть партией в смысле коллективной мысли и воли, а превратилась в “аппарат”, подающий остальной инертной массе членов ее готовые “тексты”, выводы, решения. Боже мой, это совсем-совсем не то, что мы представляли себе, вступая в ряды партии» ¹⁸.

Попытка К. Симонова решить вопрос о публикации своих военных дневников, обратившись с письмом непосредственно

к П.Н. Демичеву, курировавшему сферу культуры, не дала положительного результата. Около года в аппарате ЦК «знакомились» с работой Симонова. В личной беседе Демичев в ноябре 1966 г. рекомендовал автору «набраться терпения». В апреле 1967 г. Симонов вновь обратился к Демичеву с письмом, прося ускорить решение вопроса. 7 июля 1967 г. зам. зав отделом культуры ЦК Ю.С. Мелентьев информировал Демичева: «По вопросам, поднятым в письме, К.М. Симонов получил необходимые разъяснения в личной беседе в ЦК КПСС»¹⁹. «Сто дней войны» были опубликованы значительно позже, в 70-е годы.

В 1967 г. не прошла цензуру в «Литературной газете» заказанная редколлегией А.Д. Сахарову и Э. Генри статья о роли и ответственности интеллигенции в современном мире. В написанной в форме диалога ученого и журналиста статье поднимались вопросы о роли и месте научной интеллигенции в обществе в условиях нарастания опасности термоядерной войны. А.Д. Сахаров призывал ученых и интеллигенцию осознать себя, «свою силу как одну из главных опор мирного сосуществования человечества»²⁰. Статья становилась как бы продолжением начатого еще в 1965 г. А.М. Румянцевым и П.А. Капицей, обсуждения темы. Написанная в период активного освещения прессой вопросов, связанных с мораторием на создание системы ПРО, она изобиловала военнотехническими подробностями, что и беспокоило «Литературную газету». Авторам было предложено получить «авторитетное разрешение», т. е. согласие одного из секретарей ЦК. Далее, как писал в своих мемуарах А.Д. Сахаров, «через министерство я послал рукопись Суслову. Через 2-3 недели пришел ответ за подписью секретаря Суслова, который сообщил, что Суслов нашел рукопись интересной, но публикация в настоящее время нецелесообразна, поскольку в статье есть некоторые положения, которые могут быть неправильно истолкованы»²¹.

На ужесточение цензуры научная и творческая интеллигенция ответила в октябре 1967 г. «Петицией о свободе слова», направленной в ЦК КПСС. В ней предлагалось принять закон о печати и отменить цензуру. Документ подписали 125 человек. Из пятидесяти подписей, которые исследова-

телям удалось идентифицировать, семь принадлежали академикам, одна – члену-корреспонденту, восемь – докторам наук, шестнадцать – членам Союза писателей, восемь – членам Союза композиторов, семь – членам Союза художников. Среди подписавших были трижды Герой социалистического труда академик А.Д. Сахаров и академик Я.Б. Зельдович, который к своей подписи сделал весьма выразительную ремарку: «С критикой существующего состояния и необходимости нового закона о печати согласен»²².

Таким образом, приведенный материал позволяет утверждать, что еще до начала чехословацких событий в СССР обозначились достаточно отчетливо существенные расхождения между линией ЦК КПСС, взявшего с осени 1966 г. курс на рестаилинизацию, и настроениями части интеллигенции, которая такого курса не разделяла. Эти расхождения начали интенсивно нарастать под влиянием развития ситуации в Чехословакии. Прозвучавшую летом 1966 г. на XIII съезде КПЧ критику политики, проводимой А. Новотным, руководство КПСС во главе с Л.И. Брежневым восприняло как ясный сигнал, в каком направлении может пойти дальнейшее развитие в СССР. Как свидетельствует в своих мемуарах А. Бовин, Л.И. Брежнев по возвращении из Праги явно находился под впечатлением услышанной на съезде полемики. В узком кругу он рассуждал: «Вы видите, что атаки идут не столько на Новотного, сколько затрагивают совершенно другие вопросы: какая-то свобода, демократия, либерализация... Нам и себя оградить надо»²³. Последняя фраза, по-видимому, и является ключевой для понимания отношения правящей группировки в ЦК КПСС к идее реформирования существующего режима как внутри страны, так и за ее пределами, к ее выразителям и сторонникам. Не удивительно поэтому, что курс на демократические реформы, провозглашенный в Праге после избрания первым секретарем ЦК КПЧ А. Дубчека, был воспринят в Кремле негативно. Определяющими являлись опасения советской партийно-политической верхушки лишиться своих собственных властных позиций в случае аналогичных реформ в СССР. События в Чехословакии привели к резкому усилению консервативного духа в советском партийном аппарате, который таким образом реагировал на

демократические настроения части интеллигенции. В этом плане весьма показателен состоявшийся 9–10 апреля 1968 г. пленум ЦК КПСС. В закрытом докладе Л.И. Брежнева развитие событий в Чехословакии, последовавших за отстранением А. Новотного в январе 1968 г., рассматривалось единственно через призму необходимости борьбы с ревизионизмом и антисоциалистическими силами²⁴. Причем, интересно отметить, что в докладе ни слова не было сказано о принятой 2 апреля 1968 г. на пленуме ЦК КПЧ «Программе действий КПЧ». Между тем этот документ имел принципиальное значение для понимания сути происходивших в стране событий. В нем был предложен комплекс мер, которые должны были, по мнению авторов «Программы», обеспечить постепенный переход от действующей в стране советской модели социализма к иной, демократической, модели, получившей название «социализм с человеческим лицом». В качестве первых шагов предполагалось ликвидировать верховенство органов партии в сфере экономики, открыть путь к плюрализму мнений через отмену цензуры, реализовать новую концепцию Национального фронта как большой коалиции всех политических партий и общественных организаций, которая должна была представлять интересы всех социальных групп и слоев чешского и словацкого общества.

Такой принципиально важный документ составителями доклада Л.И. Брежнева был или проигнорирован, или преднамеренно скрыт от участников пленума. Поиски смысла и истоков событий в Чехословакии сводились в докладе не столько к анализу метода и стиля работы прежнего руководства страны, сколько (и на этом докладчик делал особый акцент) к показу недооценки компартией Чехословакии значимости идеологической работы, к ее недостаточной бдительности в отношении враждебного идеологического влияния, исходящего из империалистического лагеря, а также от антисоциалистических элементов внутри страны²⁵. «Положение еще осложняется тем, – подчеркивал докладчик, – что часть товарищей, пришедших к руководству КПЧ за последние месяцы, по той или иной причине явно недооценивают опасность, грозящую делу социализма в Чехословакии, важность идеологического воспитания коммунистов, не прояв-

ляют стремления опираться в своей политике на рабочий класс как самую передовую силу социалистического общества»²⁶. Далее следовал переход к внутренним проблемам СССР, причем, в центр внимания были поставлены вопросы о необходимости повышения уровня и содержания идеологической работы в стране. «Каждая партийная организация, каждый коммунист должны быть по-ленински непримиримы ко всем проявлениям враждебных взглядов». В докладе напрямую использовался испытанный демагогический прием: ссыла на мнения и письма трудящихся. «В письмах трудящихся, – подчеркивал докладчик, – содержатся настоятельные требования покончить с чуждыми нам в идейно-политическом отношении выступлениями, которые время от времени имеют место в литературе, искусстве и даже в научных работах (Бурные продолжительные аплодисменты. Голоса: Правильно!)»²⁷. На фоне такой реакции прозвучало и предложение Генерального секретаря «несколько увеличить количество работников в нашем партаппарате». Тезис о необходимости повышения уровня и содержания идеологической работы был предварительно «обкатан» в выступлениях Л.И. Брежнева на городских партконференциях в Москве и Ленинграде. Судя по всему, он получил поддержку актива двух крупнейших партийных организаций страны. После апрельского пленума, прошедшего фактически под знаком борьбы с инакомыслящей интеллигенцией, все точки были расставлены: те ее круги, которые не принимали курса на рестаилинизацию, становились врагом № 1. Совсем не случайно именно во время работы пленума Брежнев в неофициальной беседе с одним из делегатов съезда на поставленный вопрос о возможном снятии Твардовского с поста главного редактора «Нового мира» твердо ответил: «Это дело решенное»²⁸. Показательно также, что доклад, сделанный Генеральным секретарем на пленуме, не подлежал открытой публикации. В сокращенном виде он направлялся в обкомы КПСС, а в еще более сжатом варианте поступил в райкомы партии, которые и должны были информировать коммунистов о работе и решениях пленума.

Несмотря на ограниченность материалов, для демократически настроенной части интеллигенции суть принятых пленумом решений была очевидна. А. Твардовский записал в

своем дневнике 21 апреля 1968 г.: «На глазах со всей очевидностью отменяются явочным порядком XX и XXII съезды – со всем их существеннейшим содержанием и духом. Отменяются без таких слов, конечно, что отменяются, мол, по причине их ошибочности, но так последовательно, как будто где-то там наверху уже есть и документ об отмене, только секретный – все секретно, все безгласно.... Делается это какой-то частью (и немалой!) с упоением, а все опять по возрождающейся инерции, одобряют, аплодируют, – нет не по инерции, а по глубокой усталости и безразличию, – все встают, встану и я, чтобы не быть взятым на заметку. – Серия исключений с полнейшим поправлением демократии...»²⁹.

И все же, несмотря на эти зловещие симптомы, среди интеллигенции сохранялись надежды на реформирование существующего режима. Расчет был на то, что успех реформ в Чехословакии сможет заставить и советское руководство согласиться на проведение преобразований. Под прямым влиянием чехословацких событий А.Д. Сахаров вернулся к рассмотрению проблемы роли интеллигенции в современном обществе. В апреле 1968 г. он закончил свою программную работу «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», которую можно считать вариантом демократической альтернативы курсу, закрепленному апрельским пленумом ЦК КПСС. Будущее социализма автор связывалось с необходимостью решения двух проблем, кардинальных для жизни всего человеческого общества. Первая – обеспечить мирное сосуществование стран с различным общественно-политическим строем, углубляя его до уровня мирового сотрудничества через долгосрочный политический курс на сближение двух экономических систем (конвергенцию). Вторая задача – обеспечить реализацию принципа интеллектуальной свободы. В рамках ее как естественные составляющие рассматривались вопросы, связанные с получением и распространением информации, обеспечением свободы слова и открытых дискуссий и обсуждений. «Тройная свобода мысли в современном обществе, – писал А.Д. Сахаров, – находится под тройной угрозой: со стороны рассчитанного опiums “массовой культуры”, со стороны трусливой мешанской идеологии, со стороны окостенелого догматизма бюро-

кратической олигархии и ее излюбленного оружия – идеологической цензуры»³⁰. Методом реализации этой программы должен был стать новый научно-демократический подход к решению вопросов внутренней и внешней политики, который предстояло выработать.

Обстоятельное раскрытие автором каждой из этих проблем объективно превращалось в доказательство несостоятельности курса, реализуемого в стране под давлением приверженцев неосталинизма в руководстве КПСС. «Мы уверены, – писал Сахаров, – что мировая коммунистическая общественность также отрицательно относится ко всем попыткам возрождения неосталинизма в нашей стране – ведь это было бы страшным ударом по притягательной силе коммунистических идей во всем мире. Но ключ к перспективной перестройке государственной системы лежит в интеллектуальной свободе. Это поняли, в частности, в Чехословакии, и мы без сомнения должны поддержать их смелую и очень ценную для судеб социализма инициативу...»³¹. Возвращаясь к идее «тройной свободы мысли», Сахаров рассматривал ее как необходимое условие выполнения интеллигенцией своей социальной функции в обществе. В то время он искренне верил, что его предложения могут быть восприняты властными верхами и осуществлены В мае-июне 1968 г. «Размышления...» были через «самиздат» уже достаточно широко известны в научных и творческих кругах Москвы. Судя по воспоминаниям современников, идеи Сахарова разделяла влиятельная группа ученых, работавших в Москве; речь шла, прежде всего, о П.А. Капице, И.Е. Тамме, М.А. Леонтовиче и Л.А. Арцимовиче. Найденные в процессе работы над данной статьей документы из фондов РГНИ дают основание говорить о том, что к рассматриваемому времени политические позиции, достаточно близкие к сахаровским, стали нарастать среди сотрудников научно-исследовательских институтов как в Москве, так и «наукоградах», расположенных вокруг столицы (Обнинск, Фрязино и др.) В этом плане большой интерес представляет статья доктора физико-математических наук В.Ф. Турчина «Инерция страха». (См.: Приложение 1). Впоследствии, в 1970 г. Сахаров и Турчин подготовили совместный программный документ с конкретными предложениями

серии мер, направленных на демократизацию общественной и экономической жизни страны. (См.: Приложение 2). С большим интересом «Размышления...» были встречены в Эстонии. Они активно обсуждались в кругах научно-технической интеллигенции, хотя и оценивались по-разному ³².

Отношение гуманитарной интеллигенции к позиции Сахарова наиболее обстоятельно отражают дневниковые записи А.Т. Твардовского. 26 июня 1968 г. Твардовский делает весьма обстоятельный конспект его работы, особо выделяя в заключение пять опасностей, которые, по мнению Сахарова, представляют угрозу человеческой цивилизации: А. – Термоядерное оружие, сделавшее термоядерную войну угрозой самому существованию цивилизации. Б. – Возрастающая угроза всеобщего голода в «более бедной» половине Земного шара. В. – Изменение облика Земли, «среды питания», проблемы гигиены. Г. – Развитие нацизма, национализма, милитаризма; в опасности демагогических полицейско-диктаторских режимов. Д. – Угроза интеллектуальной свободе, высшим человеческим ценностям, «смыслу» человеческой жизни («процессы», цензура, реставрация сталинизма). «Соль вещи, – отмечает далее Твардовский – не в самой по себе конвергенции, а ближайшим образом в “интеллектуальной свободе”, в возможности “бесстрашной, непредвзятой и всесторонней информации, обсуждений, дискуссий”. Демент (А.Г. Дементьев. – заместитель Твардовского в редколлегии «Нового мира» – Г.М.), как бывает с ним, когда речь заходит уж слишком далеко, в силу навыков, приобретенных в его “школе” умолкает, поджимает губы, уходит в тот единственный аргумент, что “это не пройдет”. ... Почему-то он (Сахаров) не касается таких вопросов, лежащих на поверхности, как наша “техника” выборов. ... Да бог с ними с выборами, дайте свободу слова, печати – без этого нельзя двинуться с места. В отмене цензуры я вижу первейший, неотложнейший шаг в современной ситуации... Политическая и этическая ценность статьи в том, что она появляется сегодня, когда только что прошла волна мероприятий против всяких эпистолярных, когда над Солженицыным, Н.М. (Новым миром. – Г.М.) и над всеми нами висит мутная туча зловещих намерений (а он говорит о “мероприятиях”, о судьбе Солженицына недвусмысленно и прямо, как

мы могли только думать и заикаться в своем кругу, об этом – как о позоре наших дней!). И какая безусловная личная бескорыстность – ему-то ничего не нужно, но он не забыл сказать и о “пятипроцентной элите”, к которой принадлежит сам (имея на это, между прочим, положительно полное право!) Может быть, напишу ему, поскольку Рой (Медведев) говорит, что он (Сахаров) действительно ждет всесторонних по содержанию и даже по форме замечаний»³³.

Итак, «Размышления ...» Сахарова и их восприятие той частью советской интеллигенции, которая не принимала поворота к неосталинизму, на наш взгляд, показывают, что развитие демократической общественной мысли в СССР шло в это время в том же направлении, что и в Чехословакии. Здесь и там в рамках социализма как общественного строя происходил поиск иной, нетоталитарной, его модели, способной обеспечить адекватный ответ на вызовы научно-технической революции. Но разница в конкретной ситуации заключалась в том, что в Чехословакии настроения интеллектуалов, проявившиеся еще в первой половине 1960-х годов, были поддержаны частью политической элиты, которая возглавила реформаторское движение в стране. В СССР же аналогичные настроения не находили сколь-нибудь реальной поддержки в «верхних этажах» партноменклатуры. Хотя, как говорилось выше, среди партийной интеллигенции, работавшей в аппарате ЦК и его печатных органах имелись те, кто понимали необходимость реформирования системы и изнутри пытались противостоять жесткому курсу консервативной части партийного руководства в лице Суслова, Подгорного, Шелеста, Демичева и др.³⁴.

Если же говорить о реальном положении носителей демократических настроений в советском обществе к концу 1960-х годов, то представляется, что оно определялось, главным образом, тем, что эта категория общества рассматривалась партийными структурами, прежде всего, как прямые оппоненты проводимого курса, а если говорить жестче, то как потенциальный объект административных преследований. Это означало, что заранее, в соответствии с «духом» апрельского пленума ЦК КПСС, исключалась возможность какого-либо диалога с той частью общества, которая не скры-

вала своих симпатий к переменам, происходившим в Чехословакии. Весьма наглядным свидетельством такого отношения стала усилившаяся в весенне-летние месяцы 1968 г. кампания против редколлегии журнала «Новый мир», когда усилиями Главлита и идеологических отделов ЦК был на три с лишним месяца задержан выпуск пятого номера, (в конце концов, он вышел урезанным на одну треть). Академик Сахаров после того, как он в июле 1968 г. направил свою программную статью «Размышления...» в виде письма в ЦК КПСС на имя Генерального секретаря, был отстранен от работы в «Арзамасе-16»³⁵. Понятно, что этот факт отразил очевидное недоверие «верхов» к ученому.

Введение войск стран Варшавского Договора на территорию Чехословакии означало для демократической части интеллигенции в СССР не только крушение надежд, связанных с «Пражской весной». Эта акция была расценена как свидетельство косности и неспособности «системы реального социализма» к внутреннему реформированию. Именно в эти дни в рабочем дневнике А. Бовина появилась запись: «В общем дело идет к развязке. Те, кто приняли решение о вводе войск, тем самым подписали себе обвинительный приговор. Когда он будет приведен в исполнение – вопрос времени. В нашем отделе, в Международном, в МИДе преобладают настроения резко критические. Этот шаг считают неоправданным или, в лучшем случае, преждевременным»³⁶. Противоположность устремлений демократической интеллигенции, воспринявшей идеи «социализма с человеческим лицом», и руководства ЦК КПСС, возглавляемого Л.И. Брежневым, желавшего любой ценой сохранить тоталитарную модель социализма, выявилась в полной мере. Началось отмежевание этой части общества от правящего режима.

Картина «массового одобрения» действий советского руководства по подавлению реформ, проводимых в Чехословакии, в немалой степени являлась «фантомом», который целенаправленно создавался идеологическими отделами ЦК КПСС. Если обратиться к центральным газетам и, в первую очередь, к «Правде», за 1968 г., то нельзя не заметить, что на протяжении всех восьми месяцев, предшествовавших вводу войск, освещение ситуации в ЧССР было весьма сжатым, не

раскрывавшим сущности развивавшихся в этой стране процессов. Естественно, данное обстоятельство не могло не вызывать реакции читателей. Протесты, как свидетельствуют архивы, стали поступать в редакцию уже в марте 1968 г. Показательно письмо из Днепропетровска от читателя А.П. Ляшенко. «Почему газета “Правда” не дает более полной информации о событиях в Чехословакии и Польше? – спрашивал автор. – Где наши политические обозреватели? Почему они молчат? Я отлично понимаю, что события в Чехословакии и Польше – неприятная вещь, но информировать о них нужно. ...Мы видели на экранах телевизоров, как целовались наши руководители с Новотным, а когда он попал в беду, то не находим слов ни для его защиты, ни для его обвинений. Я советую нашим руководителям партии целоваться в таких случаях за экраном. Это будет приятнее и для народа, и для них самих. В Польше студенты бунтуют, требуют свободы слова, а их усмиряют дубинками и слезоточивыми газами. Это понятно: не бунтуйте, не разжигайте страстей. Так мыслит советская пресса и поэтому молчит о событиях в Польше. ...Итак, события в Польше и в Чехословакии развиваются, а советская пресса молчит. Почему? – Она должна спросить разрешения хозяина». В других письмах – эта же неудовлетворенность официальной информацией формулировалась более корректно: «Дорогая редакция, сообщите, пожалуйста, что же все-таки происходит или произошло в Чехословакии и Польше (хотя выступление Гомулки я читал). Почему такая авторитетная союзная газета, как “Правда”, являющаяся органом ЦК КПСС, не может честно, принципиально, с коммунистических позиций дать оценку событиям, происходящим в социалистических странах, а именно в Польше и Чехословакии? Неужели лишать правдивой информации советских людей – это в интересах партии? Ведь советский народ не дурак. Он прекрасно понимает, что тем самым ему оказывают недоверие. Ведь отсутствие официальной (но подробной) советской информации толкает людей прибегать к таким сомнительным источникам информации, как “Голос Америки”, “Би Би Си”, “Немецкая волна”. Почему советская печать не сообщает о событиях – ведь правда – это привилегия коммунистов... Только правдивой и принципиальной оценкой со-

бытий в мире советская печать может заслужить доверие народа. Правду все равно скрыть нельзя... Но лучше ее услышать от своих, чем от чужих или врагов» (Козлов В.А. Львов)³⁷. Приведенные два письма, совершенно разные по тональности и настрою, открыто выражают негативное отношение читателей к той жестко дозированной информации в прессе, которая не позволяла им составить самостоятельную оценку происходивших событий. Что касается представителей творческой интеллигенции, то ее оценка уровня информации, поступавшей через прессу, радио и телевидение, была однозначно отрицательной. Так, например, А. Кондратович в своем дневнике 26 марта 1968 г. записал: «Разговор о событиях в Польше, Чехословакии, о снятии “Дзядов”³⁸. Заговорили о свободе и полноте информации как основе, начальном условии всякой свободы, и А.Т. (А. Твардовский. – Г.М.) стал допытываться: Меня интересует психология этих людей, сами знают, читают, но другим не разрешают знать и читать. Значит, они считают себя умнее? А.К.: (А. Кондратович – Г.М.) Они просто боятся. А себя считают стойкими. А.Т. : Нет, не только это. Они не доверяют людям, народу. Народ для них – слово, пустой звук, лишенный содержания»³⁹. По-видимому, по замыслу руководителей идеологических отделов ЦК, на том этапе задача СМИ и заключалась в предельно минимальной информации населения страны. Главная же роль в формировании общественных настроений отводилась особой «закрытой информации» на партактивах разных уровней и организации «массовых митингов» в поддержку политики ЦК КПСС.

Первая такая кампания была проведена во второй половине марта 1968 г. на уровне обкомов партии по закрытому письму ЦК КПСС «О событиях в Чехословакии». Информация, поступающая в ЦК КПСС из разных областей страны, показывала, что и партактив обкомов имел весьма смутное представление о ситуации в ЧССР после январского пленума ЦК КПЧ. Так, в Пскове после чтения «закрытого письма» присутствовавшими на партактиве коммунистами были заданы весьма показательные вопросы: Есть ли наши войска в Чехословакии? Допускал ли в своей работе Новотный ошибки? Советовался ли ЦК КПЧ с ЦК КПСС о замене Новотного? Ко-

гда начались беспорядки в Чехословакии? Имеют ли связь события в ЧССР и Польше? Почему с событиями в Чехословакии не знакомят коммунистов и трудящихся? ⁴⁰. Почти аналогичные вопросы формулировались и в других регионах страны, что свидетельствовало о слабой политической информированности коммунистов и давало возможность идеологическим отделам ЦК эффективно внедрять «на местах» свою интерпретацию событий. Постепенно общественное мнение подготавливалось, таким образом, к восприятию перемен в Чехословакии как «угрозы контрреволюции».

Вершиной этой кампании стала санкционированная сверху организация в июле – начале августа 1968 г. массовых собраний трудящихся в поддержку курса ЦК КПСС и советского правительства. Особый размах эта кампания приобрела после советско-чехословацких переговоров в Чиерне-над-Тисой и принятия в Братиславе совместной Декларации коммунистических и рабочих партий социалистических стран. Секретарь МГК В.В. Гришин 8 августа 1968 г. сообщал в ЦК КПСС о ситуации на московских предприятиях: «Собрания проходят по цехам, участкам, отделам, лабораториям, бригадам. Всего состоялось 3528 собраний, на которых присутствовало 310 000 человек, выступило 10 878 человек. Собрания состоялись на крупнейших предприятиях, стройках в учреждениях столицы – автозаводе им. Лихачева, Московском заводе малолитражных автомобилей, 1 ГПЗ, заводах «Красный пролетарий», Электровакуумных приборов, Государственном институте азотной промышленности, Физическом институте им. Лебедева, Всесоюзном научно-исследовательском институте электромеханики и других. Собрания проходят организованно, в деловой обстановке, при большой активности трудящихся» ⁴¹. Аналогичные сообщения о поддержке трудящимися проводимого партией политического курса поступали и из других обкомов.

После введения войск в ЧССР началась другая, хорошо продуманная кампания – проведение партийных собраний в низовых парторганизациях, на которых открытым голосованием в нарушение принципа демократии коммунисты должны были демонстрировать поддержку военной акции, принимая резолюции в формулировках, спущенных из райкомов

партии. Такой порядок ставил в трудное положение тех, кто, одобряя реформы в Чехословакии, в условиях открытого голосования был не готов, под угрозой оргвыводов в виде исключения из партии и увольнения с работы, демонстрировать свою позицию. Таким способом обеспечивалась видимость «массовой» поддержки ввода войск в Чехословакию.

Знакомство с доступными на сегодняшний день материалами, хранящимися в РГАНИ, дает основание говорить о том, что в отчетах секретарей горкомов и обкомов, направляемых в ЦК КПСС, как правило, внимание акцентировалось, прежде всего на выступлениях в поддержку военной акции. Такие выступления освещались подробно, с перечислением фамилий выступавших и обильным цитированием выступлений. В конце же отчета, как правило, делалась скромная приписка, что имели место и другие мнения. Например, секретарь Ленинградского обкома КПСС Толстикова в сентябре 1968 г. сообщал в ЦК: «По-прежнему имеют место отдельные высказывания, в которых ввод союзных войск в ЧССР расценивается как нарушение принципа невмешательства в дела других государств, выражается мнение, что это мероприятие приведет к падению престижа СССР на международной арене»⁴². Каков был истинный масштаб таких «отдельных высказываний», сегодня, пока остаются засекреченными материалы КГБ, определить фактически невозможно. Но то обстоятельство, что органами госбезопасности проводилась перлюстрация частной переписки граждан, дает основание полагать, что наличие протестных настроений в обществе весьма заботило Пятое управление Комитета государственной безопасности, работавшее «по интеллигенции». В качестве примера можно привести записку заместителя председателя КГБ С.К. Цвигуна секретарю ЦК КПСС П.Н. Демичеву о поэте А.Я. Маркове. Как сообщал Цвигун, последний «выразил отрицательное отношение к решению о вводе союзнических войск на территорию ЧССР. В своей книге «Березы светятся», направленной знакомым в Харьков (но ошибочно поступившей в другой адрес), Марков сделал следующую надпись: «Что касается Чехословакии, то впервые за тысячелетнее существование России мне стыдно, что я русский! Волосы на голове шевелятся!»⁴³. Далее в порядке информации

сообщалось, что Марков в своих выступлениях допускал политически вредные суждения о коллективизации, а также в одной из своих поэм проводил аналогию «между гитлеровским режимом и нашим государством в один из периодов его развития»⁴⁴. В записке никаких оргвыводов делать не предлагалось. Однако реакция аппарата была весьма оперативна: последовало решение о возбуждении персонального дела члена Союза писателей поэта Маркова А.Я., которое закончилось в апреле 1969 г. «За безответственное и политически неверное поведение во время публичного выступления в Ивановском энергетическом институте, за политически неверную и вредную надпись на книге, дискредитирующую оборонные мероприятия Советского правительства, объявить члену СП поэту А.Я. Маркову строгий выговор с занесением в личное дело» – таков был итог⁴⁵. Кроме того поэту запрещалось проводить индивидуальные творческие встречи с читателями. Случай с Марковым отнюдь не был чем-то единичным. С немалыми сложностями столкнулся секретариат Союза писателей, когда в сентябре 1968 г. стал готовить публичное письмо в поддержку военной акции стран Варшавского Договора. Три секретаря Союза – Л. Леонов, А. Твардовский и К. Симонов категорически отказались подписывать такое письмо. «Дорогой Константин Васильевич! Телеграмму правительству Греции, разумеется, готов подписать, хотя совершенно очевидно, что в нынешней ситуации она менее всего может оказать желаемое воздействие на мировое общественное мнение, тем самым облегчить судьбу Янниса Ридоса. Письмо же писателям Чехословакии подписать решительно не могу, т. к. его содержание представляется мне весьма невыгодным для чести и совести советского писателя. Очень сожалею. Ваш А. Твардовский» – такой ответ 5 сентября 1968 г. получил К.В. Воронков, оргсекретарь Союза писателей, занимавшийся выполнением задания отдела ЦК КПСС⁴⁶. Почти аналогичным, может быть, несколько более смягченным по форме, был и ответ К. Симонова. «Дорогой Константин Васильевич! Подумав наедине с собой, пришел к выводу, что я как писатель сейчас не имею морального права обращаться с призывами или давать советы чехословацким писателям. Прежде чем это делать, надо самому разобраться во всем происшед-

шем. А я, если не кривить душой и быть до конца честным, не все понял и не во всем разобрался»⁴⁷. Письмо от имени Союза писателей предполагалось опубликовать в первой половине сентября 1968 г. Но появилось оно только 30 октября. Под ним не было подписей ни Леонова, ни Твардовского, ни Симонова.

К настоящему времени на основе изучения архивных материалов и из воспоминаний современников событий начинается вырисовываться весьма сложная картина отношения в обществе к предпринятой властями военной акции 1968 г. Негативные оценки действий власти, стремление отмежеваться от них, констатации чувства стыда за свою страну, хотя и не стали массовыми, но открыто звучали как в Москве, Ленинграде, так и на периферии. Круг людей, расставшихся в августе 1968 г. с надеждами на реформирование существующего строя, оказался достаточно широким⁴⁸. Подавление «Пражской весны» стало для них наглядным доказательством невозможности мирной трансформации существующей тоталитарной системы. Как писал в своих воспоминаниях А.Д. Сахаров, вторжение в Чехословакию стало для него не только крушением надежд, связанных с «Пражской весной», но и в большей степени разоблачением всей системы «реального социализма», его косности, неспособности вынести любые попытки изменений в сторону плюрализма и демократии⁴⁹. Одна часть формировавшейся «внутрисистемной» оппозиции в таких условиях начала дрейф к диссидентству, пополняя ряды тех, кто не связывал больше свое будущее с существующим в стране политическим строем. Другая, отмежевавшись от власти, временно перешла на пассивные позиции. «Публичные выступления интеллигенции против бюрократического произвола и некомпетентности в разных областях, родственные чешскому движению “за социализм с человеческим лицом”, прекратились уже к 1970–1972 г.», – считает социолог А.Д. Гудков⁵⁰. Реформаторский и творческий потенциал, имевшийся в интеллектуальной среде советской интеллигенции, после разгрома «Пражской весны» активными действиями властей по подавлению инакомыслия, развернувшимся в 70-е годы, был погашен. Наверное,

именно с этим обстоятельством в немалой степени и можно связывать одну из причин неудачи нашей перестройки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Бурлацкий Ф.* Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них. М. 1990. С. 284–285.
- ² *Арбатов Г.* Человек системы. Наблюдения и размышления очевидца ее распада. М., 2002. С. 118.
- ³ *Бурлацкий Ф.* Указ соч. С. 261.
- ⁴ Правда. 2.II.1965.
- ⁵ Книжное обозрение 1989. № 43.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Бовин А.* XX век как жизнь. М., 2003. С. 151.
- ⁸ Там же. С. 152.
- ⁹ Там же. С. 153.
- ¹⁰ Цит. по: *Кондратович А.* Новомирский дневник. М., 1991. С. 237.
- ¹¹ *Арбатов Г.* Указ. соч. С. 195.
- ¹² *Бовин А.* Указ. соч. С. 153.
- ¹³ *Арбатов Г.* Указ. соч. С. 224.
- ¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 376. Л. 58.
- ¹⁵ Там же. Л. 67.
- ¹⁶ Там же. Л. 72, 76.
- ¹⁷ См.: *Твардовский А.* Новомирский дневник. Т. 1–2. М., 2009.
- ¹⁸ *Твардовский А.* Новомирский дневник. Т. 2. М., 2009. С. 56.
- ¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 56. Л. 115–116.
- ²⁰ Цит. по: *Горелик Г.* Андрей Сахаров. М., 2004. С. 448.
- ²¹ *Сахаров А.Д.* Воспоминания. Т. 1. М., 1996. С. 381
- ²² Подробнее см.: *Горелик Г.* Указ. соч. С. 437.
- ²³ *Бовин А.* Указ соч. С. 175.
- ²⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 95. Л. 70–82.
- ²⁵ Там же. Л. 82.
- ²⁶ Там же. Л. 93–94.
- ²⁷ Там же. Л. 94.
- ²⁸ *Кондратович А.* Указ. соч. С. 214..
- ²⁹ *Твардовский А.* Новомирский дневник. Т. 2. С. 151.
- ³⁰ *Сахаров А.* Тревоги и надежды. М., 2006. С. 72.
- ³¹ Там же. С. 73–110.

- ³² См. подробнее: *Панова М., Пивовар. Е.* Дискуссия о «Размышлениях...» (1968–1974) // «30 лет «Размышлений»... Андрея Сахарова. М., 1998. С. 40–42.
- ³³ *Твардовский А.* Новомировский дневник. Т. 2. С. 182–183..
- ³⁴ Подробно эти сюжеты раскрыты в мемуарах А. Бовина, Г. Арбатова, Е. Примакова.
- ³⁵ *Твардовский А.* Новомировский дневник. Т. 2. С. 167–169; *Кондратович А.* Указ. соч. С. 215; *Сахаров А.Д.* Воспоминания. Т. 1. С. 397.
- ³⁶ *Бовин А.* Указ. соч. С. 189.
- ³⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 26. Л. 63–65.
- ³⁸ Поэма А. Мицкевича «Дзяды», посвященная событиям в Польше в 20-годах XIX века, была в 1968 г. поставлена одним из театров Варшавы. Из цензурных соображений (в поэме имелись антирусские высказывания) власти запретили постановку, что вызвало бурные студенческие демонстрации по всей стране.
- ³⁹ *Кондратович А.* Указ. соч. С. 210.
- ⁴⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 10. Л. 3.
- ⁴¹ Там же. Д. 24. Л. 31.
- ⁴² Там же. Д. 10. Л. 129.
- ⁴³ Там же. Д. 61. Л. 187–188.
- ⁴⁴ Там же. Л. 187.
- ⁴⁵ Там же. Л. 190.
- ⁴⁶ *Твардовский А.* Новомировский дневник. Т. 2. С. 221.
- ⁴⁷ «Москва – Прага... 1968 г. Два документа из личного архива К. Симонова // *Славяноведение.* № 3. 2008. С. 112.
- ⁴⁸ Подробнее см.: *Шинкарев Л.И.* Я это все почти забыл... Опыт психологического анализа событий 1968 г. в Чехословакии. М., 2008. Гл. 9.
- ⁴⁹ *Сахаров А.* Воспоминания. Т. 1. С. 401.
- ⁵⁰ *Гудков Л.* «Пражская весна» 1968 г. в оценках российского общества (сорок лет спустя) // «Неприкосновенный запас». 2008. № 4. С. 143.

Приложение 1

В ноябре 1968 г. Ю.В. Андропов, как руководитель КГБ, направил в ЦК КПСС полученную оперативным путем копию рукописи «Инерция страха». В сопроводительном письме сооб-

шалось, что ее автором «является Турчин Валентин Федорович, 1931 года рождения, русский, беспартийный, доктор физико-математических наук, научный сотрудник Математического института им Стеклова. В прошлом поддерживал тесную связь с Павлинчуком, бывшим сотрудником Физико-энергетического института в г. Обнинске, исключенным в марте 1968 г. из КПСС за распространение политически вредной литературы» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 40. Л. 4–5). Рукопись Турчина насчитывает 85 машинописных страниц. На последней странице помета автора: Отправлено в журнал «Коммунист» 26 сентября 1968 г. На первой странице посвящение «Памяти В. Павлинчука».

Читателю предлагаются два небольшие фрагмента из названной рукописи, на наш взгляд, раскрывающие политические позиции автора, которые позже, в 1970 г., привели его к совместному с А.Д. Сахаровым написанию программного документа об «эскалации» демократических преобразований в СССР.

Из рукописи В.Ф. Турчина «Инерция страха»

<...> Демократизация и единство

Анализ коммунистической идеологии привел нас к выводу, что она действительно – как и утверждается официально – покоится на чрезвычайно прочной научной основе и является неизбежным следствием научного мировоззрения. Поэтому у коммунистической партии нет оснований опасаться ничем не скованного обсуждения и критического анализа своей идеологии: принципиальные положения непоколебимы, а непринципиальные положения, оказавшиеся ошибочными, можно отбросить без всякого риска для существования и единства партии.

Но здесь возникает одно существенное дополнение. Наш анализ показал, что принцип свободы творческой личности и его органическое выражение – наличие основных демократических свобод, прочно входит в понятие коммунизма, отличая его от тоталитаризма. Без упора на этот принцип, без четкого отделения коммунизма от тоталитаризма, коммунистическое учение остается незащищенным, оно начинает отдавать тоталитаризмом. Ясно, что тоталитарный режим Сталина не мог проводить этого отделения, он делал все, чтобы объединить эти два понятия. Увы, это удалось ему в полной мере. Коммунистическое уче-

ние было бесконечно скомпрометировано, а его последователи приобрели признаки тоталитарного человека. Идеология превратилась в «идеологию», на которую можно молиться, но прикасаться к которой нельзя: табу.

Со смертью Сталина началось возрождение нашего общества, и сейчас мы совершаем переход от тоталитарного режима к коммунистическому, переход мучительно медленный, к сожалению; (на языке иносказаний это называется «преодолением последствий культа личности»). Но табу, наложенное на идеологию, сохраняет свою силу, и это тесно связано с медленностью процесса демократизации и с тем, что до сих пор у нас в стране нет демократических свобод.

Здесь получается порочный круг. Боясь демократизации, мы преподносим в качестве идеологии тоталитарно-коммунистическую смесь. Такая смесь, конечно, не защитима в открытом честном споре, она не может утвердиться в стране, пользующейся демократическими свободами. Тогда мы говорим: «Вот видите! Демократизация приводит к разрушению коммунистической идеологии». Это еще более увеличивает страх перед демократизацией, идеология становится еще более уязвимой, и т. д. Единственный способ вырваться из этого круга - пойти на последовательную демократизацию, начиная с общих принципов и распространения ее все глубже и глубже в практику. Демократизация очистит нашу идеологию от скверны сталинизма, включит в работу над коммунистической идеологией лучшие кадры советской интеллигенции, объединит партию и весь народ на основе абсолютно сознательных, глубоких и искренних убеждений.

Пока этого не будет сделано, устои, на которых покоятся наша партия и государство, будут непрерывно расшатываться. Слова и дела у нас катастрофически расходятся, поэтому и идеологическая работа находится в жалком состоянии. Чтобы доказать недоказуемое, нам приходится изворачиваться, подтачивать факты или просто лгать. Мы стараемся перекрывать информационные каналы внутри страны и, особенно, ведущие из-за рубежа. Это называется борьбой с буржуазной пропагандой, но ни для кого не секрет, что под этим лозунгом происходит также сокрытие неприятных фактов. Разве это способствует распространению коммунистической идеологии? Разве боязнь

фактов не свидетельствует о том, что распространители идеологии не верят в нее сами, не верят в ее силу? Ну, а если не верят сами, то как можно ожидать, что будут верить остальные?

То, что мы пытаемся сделать одной рукой, мы тут же уничтожаем другой. С одной стороны, мы утверждаем, что наша идеология – научная, и обучаем людей научному критическому методу мышления. С другой, мы преподносим им же предельно догматическую идеологию, в которой каждая строчка, написанная основоположниками, считается истиной в независимости от всякого обсуждения. Ясно, что в условиях господства научного стиля (далее одно слово неразборчиво. – Г.М.) догматический стиль изложения идей наносит самим идеям непоправимый ущерб, делает их практически неприемлемыми. Я думаю, что в наших ВУЗах из десяти студентов вряд ли найдется один, который принимает всерьез (то есть как духовную пищу) премудрость, преподносимую ему на курсах марксизма – ленинизма. Во времена, когда Сталин начинал свое восхождение к власти, догматический стиль был если не оправдан, то во всяком случае действителен. Вчерашнему крестьянину, выросшему в условиях царской России и сегодня начинавшему с трудом водить пальцем по букварю, достаточно было указать на несколько портретов и сказать: «Это наши учителя. Это великие и мудрые люди. Они указывают путь к счастливой жизни. Они говорят то-то и то-то».

Но в наше время, в стране, строящей атомные ледоколы и запускающей спутники, догматизм абсурден и самоубийственен. Он вызывает только отталкивание, только желание противоречить. Лучший метод марксистского воспитания современного интеллигента таков: прочитайте цитату из Маркса, выдав ее за собственную мысль, и заметьте, как бы между прочим, что у Маркса все сказано наоборот.

Какова же причина нашего догматизма? Страх. Мы боимся, что, усомнившись хотя бы в строчке, мы затем усомнимся и во второй, в третьей, и т. д., пока от наших убеждений ничего не останется. Мы боимся, что, вынув один кирпич, мы разрушим все здание. Мы не верим в прочность нашей идеологии.

Итак, страх порождает догматизм, а догматизм несет идеологии гибель. Стремясь (без всякой необходимости!) сохранить устаревшие или ошибочные положения, мы порождаем еще одну причину, толкающую нас на путь подтасовки и фальсифи-

кации. Мы в ужасе отбрасываем свежую, свободную, не стиснутую канонами мысль. Мы преграждаем идеологии всякий путь к развитию. Мы отсекаем от нее самых живых, творческих, самых честных и нетерпимых к фальши людей. Боясь вырваться из круга идей столетней давности, мы становимся посмешищем для всего образованного мира.

Взрослые люди, мнения и привычки которых уже сформировались, часто продолжают сохранять свое мировоззрение по привычке, не обращая внимания на разрушающие его факторы, просто игнорируют их. Они сохраняют традиции, которые руководят ими в повседневной жизни, проще говоря, они действуют по привычным нормам. Но передать свое мировоззрение, а тем более вытекающие из него традиции младшему поколению они уже не в состоянии. И в умах молодежи образуется чудовищный вакуум. Молодежь уже не верит ни во что.

Так на чем же, позвольте спросить, будет основываться единство партии и народа, если не будет сильной идеологии, идеологии, не нуждающейся в сомнительной защите принуждения и лжи, самостоятельно и неодолимо привлекающей сердца людей?

Сталин не требовал от идеологии убедительности, ему она была не нужна. Ему достаточно было «пасматреть» на человека, и тот был уже убежден. Но нам-то она нужна! Если мы отказались от беззакония и массового уничтожения людей как средства обеспечения единства, то должны же мы предложить какое-то другое средство!

Итак, нам необходима действительная идеология, а это неотделимо от демократизации, от обеспечения основных демократических свобод. Каждый день промедления с демократическими преобразованиями скрыто подтачивает единство и авторитет коммунистической партии.

Народное хозяйство, наука, культура

Демократизация необходима также для развития народного хозяйства, науки, культуры.

Экономика современной индустриальной страны, особенно такой страны, как наша, – это огромная, чудовищно сложная система, и задача организации работы такой системы

является самостоятельной и трудной задачей. Простейшие соображения из теории систем приводят к выводу, что по мере роста, усложнения системы суммарное количество информации, которое надо переработать для эффективного управления ею, растет так быстро, что время от времени становится необходима децентрализация управления, то есть расчленение системы на ряд самостоятельных подсистем. Необходимость децентрализации может возникнуть внезапно, когда растущая система подходит к некоторому рубежу сложности, и сразу же стать настоятельной необходимостью. Проведение экономической реформы в нашей стране показывает, что мы как раз находимся на таком рубеже, когда без децентрализации невозможно дальнейшее развитие экономики.

Однако децентрализация требует развития творческой активности и самостоятельности широких слоев общества, смелого экспериментирования, свободной циркуляции социально-экономической информации. Все это невозможно без демократизации, с одной стороны, а с другой, являлось бы ее естественным следствием. Особенно хочется сказать о социально-экономической информации. Всякая часть, входящая в состав некоторого целого, должна иметь информацию об этом целом, чтобы правильно строить свои взаимоотношения с ней. В применении к обществу это означает, что каждая область, каждый район, предприятие, каждый человек, являющийся членом этого общества, должен иметь доступ к информации относительно других областей, районов, предприятий, людей. Такая система, при которой только центр все знает (и молчит!), а каждая структурная единица знает только то, что ей приказывают сверху, нежизнеспособна. Это неповоротливое и легко уязвимое чудовище, созданное фантазией тупого бюрократа, это колосс на глиняных ногах. Только примитивные системы могут быть организованы подобным образом. Поэтому наш век – век сложных индустриальных и социальных систем – это век организации и информации. Информацию собирают и распространяют, хранят, покупают, продают. Ее сортируют, обрабатывают, очищают от примесей. Информация больше необходима современному обществу, чем сталь или нефть. И вот именно на информацию у нас накладываются самые тяжелые оковы. Ей не дают распространяться, ее портят и уничтожают. Это все равно, что закола-

чивать двери заводов, взрывать нефтепроводы, обрезать линии электропередач. Не может современное общество развиваться в таких условиях.

Далее. Мало обладать информацией. Надо еще уметь ею пользоваться: надо уметь управлять. Сейчас общепризнанно, что эффективное управление обществом требует развития науки управления общественными системами. Социалистический строй предоставляет для этого очень большие возможности, гораздо большие, чем капиталистический. Собственно, только социализм и может обеспечить управление и развитие общества на полностью научной основе. Как же мы пользуемся этими возможностями?

Для развития наук и практического применения научных методов необходимо выполнение двух условий: свободное распространение информации о предмете исследования и возможность объективного и непредвзятого рассмотрения, то есть полная интеллектуальная свобода. Ни то, ни другое условие в социально-экономической области знаний не выполнено. Обмен социально-экономической информацией встречает непреодолимые преграды, догматические установки в области теории сковывают свободную мысль. Ученые не могут свободно собирать информацию об обществе и распространять ее, не могут выдвигать теоретические положения.

Ответственным лицам всюду мерещатся попытки «очернить нашу советскую действительность», «опорочить огромные достижения народа», «оклеветать наш советский строй», «подвергнуть ревизии основные положения марксизма», «принизить роль партии», и т. д. и т. п. Можно подумать, что ученые – это ползучие гады, которые только и думают, как бы кого укусить. Можно подумать, что наше общество так непрочное, что сколь-нибудь серьезная критика грозит ему немедленным и полным разрушением.

И вот опять мы видим, что на заднем плане, за спиной актеров, стоит зловещая фигура: Генерал Страх. Страх мутит наш разум, парализует нашу деятельность.

Смешно думать, что в таких условиях может развиваться теория и практика научного управления. Только демократизация уничтожит страх и создаст необходимые для развития науки управления предпосылки. Пока не будут установлены основ-

ные демократические свободы, разговоры о научном управлении обществом останутся пустым звуком.

Успешное решение проблем организации и управления не только зависит от успехов науки, но и само влияет самым серьезным образом на развитие науки, вообще всех наук. Наука сейчас требует больших материальных затрат, высокой культуры производства, организации работы больших коллективов людей. Пресловутая «башня из слоновой кости», в которой некогда могли прятаться ученые, рухнула окончательно и бесповоротно. Теперь даже математики – столь независимые еще недавно – нуждаются в вычислительных машинах, стоящих миллионы рублей. Наука и производство сейчас неразделимы, они образуют единую, по существу, систему, с помощью которой человек преобразует окружающую его действительность.

Если одним концом наука упирается в производство, то другим – в культуру общества. Научное творчество, как и любой другой вид творчества, нуждается, прежде всего, в интеллектуальной и духовной свободе. Наука – неотделимая составная часть всей культуры, ее развитие теснейшим образом связано с философией, литературой, искусством. Хорошо известно высказывание Эйнштейна: «Достоевский мне дает больше, чем любой мыслитель, больше, чем Гаусс». Сохранились еще у нас, правда, такие бюрократические бронтозавры, которые искренне считают, что забота ученых о развитии культуры – это пустая блажь, интеллигентские фокусы. Дескать, сидел бы и писал свои формулы, или там ...поворачивал регуляторы, так нет – Солженицына ему подавай, он, видите ли, не может жить без Солженицына... К счастью, бронтозавры вымирают – таков закон эволюции.

Надо ли говорить о том, какое пагубное влияние на культурную жизнь страны оказывает отсутствие гражданских свобод? Цензура калечит и запрещает честнейшие произведения литературы, театральные постановки, кинофильмы. Незримые, но всевластные судьи вмешиваются в изобразительные искусства, решают, что хорошо, что плохо, что «нам надо» и что «нам не надо» А как часто бывает, что в обстановке вечного, неизбывного страха перед крамолой путь вверх открывается не перед самым (неразборчивое слово. – Г.М.) талантливым, а перед самым «надежным»! В чем «надежным»? В своей посредственности?

Мне нет необходимости доказывать эти истины, о них в последнее время много говорят и много пишут сами деятели литературы и искусства. Я подвожу итог. Отсутствие элементарных демократических свобод преграждает нашему обществу путь вперед. Мешает развивать экономику, науку, культуру. Такое положение в современной высокоразвитой индустриальной стране является исторически абсурдным, оно противоречит ее экономической и социальной системе и может сохраняться только по инерции (РГАНИ Ф. 5. Оп. 60. Д. 40. Л. 51–62.)

Приложение 2

Из «Обращения А.Д. Сахарова, В.Ф. Турчина и Р. Медведева к руководителям советского государства»¹

«В течение последнего десятилетия в народном хозяйстве нашей страны стали обнаруживаться угрожающие признаки развала и застоя, причем, корни этих трудностей восходят к более раннему периоду и носят глубокий характер. Неуклонно снижаются темпы роста национального дохода. Возрастает разрыв между необходимым для нормального развития реальным вводом новых производственных мощностей. Налицо многочисленные факты ошибок в определении технической и экономической политики в промышленности и сельском хозяйстве, недопустимой волокиты в решении неотложных вопросов. В результате резервы развития производства должным образом не выявляются и не используются, а технический прогресс резко замедляется. В силу тех же причин нередко бесконтрольно и безнаказанно уничтожаются природные богатства страны: вырубаются леса, загрязняются водоемы, затопляются ценные сельскохозяйственные земли, происходит эрозия и засоление почвы и т. п. Общеизвестно хронически тяжелое положение в сельском хозяйстве, особенно в животноводстве. Реальные доходы населения в последние годы почти не растут. Питание, медицинское обслуживание, бытовое обслуживание ухудшаются очень медленно и территориально неравномерно. Растет число дефицитных товаров. В стране имеются явные признаки инфляции.

Особенно тревожно для будущего страны замедление в развитии образования: наши расходы на образование втрое

меньше, чем в США, и растут медленнее. Трагически возрастает алкоголизм и заявляет о себе наркомания. Во многих районах страны систематически увеличивается преступность. В ряде мест растут симптомы коррупции. В работе научных и научно-технических организаций усиливается бюрократизм, ведомственность, формальное отношение к своим задачам, безынициативность.

Решающим итоговым фактором сравнения экономических систем является, как известно, производительность труда. И здесь дело обстоит хуже всего. Производительность труда у нас, по-прежнему, остается во много раз ниже, чем в капиталистических странах, а рост ее резко замедлился. Это положение представляется особенно тяжелым, если сравнить его с положением в ведущих капиталистических странах и, в частности, в США. Введя в экономику элементы государственного регулирования и планирования, эти страны избавились от разрушительных кризисов, терзавших ранее капиталистическое хозяйство. Широкое внедрение в хозяйство вычислительной техники и автоматизации обеспечивает быстрый рост производительности труда, что, в свою очередь, способствует частичному преодолению некоторых социальных трудностей и противоречий (например, путем установления пособий по безработице, сокращения рабочего дня и т. п.). Сравнивая нашу экономику с экономикой США, мы видим, что наша экономика отстает не только в количественном, но и – что самое печальное – качественном отношении. Чем новее и революционнее какой-либо аспект экономики, тем больше здесь разрыв между США и нами. Мы опережаем Америку по добычке угля, отстаем по добычке нефти, очень отстаем по добычке газа и производству электроэнергии, чрезвычайно сильно отстаем по химии и бесконечно отстаем по вычислительной технике. Последнее особенно существенно, ибо внедрение ЭВМ в народное хозяйство – явление решающей важности, радикально меняющее облик системы производства и всей культуры. Это явление справедливо получило название второй промышленной революции. Между тем мощность нашего парка вычислительных машин в сотни раз меньше, чем в США, а что касается использования ЭВМ в народном хозяйстве, то здесь разрыв так велик, что его невозможно даже измерить. Мы просто живем в другой эпохе.

Не лучше обстоит дело и в сфере научных и технических открытий. И здесь не видно возрастания нашей роли. Скорее, наоборот. В конце пятидесятых годов наша страна была первой страной в мире, запустившей спутник и пославшей человека в космос. В конце шестидесятых мы потеряли лидерство и в этой области, как давно потеряли его во многих других областях. И первыми людьми, вступившими на Луну, стали американцы...

В чем дело? Почему мы не только не стали застрельщиками второй промышленной революции, но даже оказались не способными идти в этой революции вровень с развитыми капиталистическими странами? Неужели социалистический строй предоставляет худшие возможности, чем капиталистический, для развития производительных сил?

Конечно, нет! Источник наших трудностей – не в социалистическом строе, а, наоборот, в тех условиях нашей жизни, которые идут вразрез с социализмом, враждебны ему. Этот источник – антидемократические традиции и нормы общественной жизни, сложившиеся в сталинский период и окончательно не ликвидированные и по сей день. Внеэкономическое принуждение, ограничения на обмен информацией, ограничения интеллектуальной свободы и другие проявления антидемократических извращений социализма, имевшие место при Сталине, у нас принято рассматривать как некие издержки процесса индустриализации. Считается, что они не оказали серьезного влияния на экономику страны, хотя и имели тяжелейшие последствия в политической и военной областях, для судьбы обширных слоев населения и целых национальностей. Мы оставляем в стороне вопрос, насколько эта точка зрения оправдана для ранних этапов развития социалистического народного хозяйства, – снижение темпов роста в предвоенный период, скорее, говорит об обратном. Но не подлежит сомнению, что с началом второй промышленной революции эти явления стали решающим экономическим фактором, стали основным тормозом развития производительных сил страны. Вследствие увеличения объема и сложности экономических систем на первый план выдвинулись проблемы управления и организации. Эти проблемы не могут быть решены одним или несколькими лицами, стоящими у власти и «знающими все». Они требуют творческого участия миллионов людей на всех уровнях экономической системы. Они требуют

широкого обмена информацией и идеями. В этом отличие современной экономики, скажем, от стран Древнего Востока.

Однако на пути обмена информацией и идеями мы сталкиваемся в нашей стране с непреодолимыми трудностями. Правдивая информация о наших недостатках и отрицательных явлениях засекречивается на том основании, что она может быть «использована враждебной пропагандой». Обмен информацией с зарубежными странами ограничивается из-за боязни «проникновения вражеской идеологии». Теоретические обобщения и практические предложения, показавшиеся кому-то слишком смелыми, пресекаются в корне, без всякого обсуждения – под влиянием страха, что они могут «подорвать основы». Налицо явное недоверие к творчески мыслящим, критическим, активным личностям. В этой обстановке создаются условия для продвижения по служебной лестнице не тех, кто отличается высокими профессиональными качествами и принципиальностью, а тех, кто на словах отличается преданностью делу партии, на деле отличается лишь преданностью своим узколичным интересам или пассивной исполнительностью...

Нашу экономику можно сравнить с движением транспорта через перекресток. Пока машин было мало, регулировщик легко справлялся со своими задачами, а движение протекало нормально. Но поток машин непрерывно возрастает, и вот возникает пробка. Что делать в такой ситуации? Можно штрафовать водителей и менять регулировщиков, но это не спасет положения. Единственный выход – расширять перекресток. Препятствия, мешающие развитию нашей экономики, лежат вне ее, в сфере общественно-политической, и все меры, не устраняющие этих препятствий, обречены на неэффективность.

Пережитки сталинского периода сказываются на экономике не только непосредственно, из-за невозможности научного подхода к проблемам организации и управления. Но и, в меньшей степени, косвенно, через общее снижение творческого потенциала всех профессий. А ведь в условиях второй промышленной революции именно творческий труд становится все более важным для народного хозяйства.

В этой связи нельзя не сказать о проблеме взаимоотношений государства и интеллигенции. Свобода информации и творчества необходима интеллигенции по природе ее деятельно-

сти, по ее социальной функции. Стремление интеллигенции к увеличению этой свободы является законным и естественным. Государство же пресекает это стремление путем всевозможных ограничений, административного давления, увольнения с работы и даже судебных процессов. Это порождает разрыв, взаимное недоверие и глубокое взаимное непонимание, делающее трудным плодотворное сотрудничество между партийно-государственным слоем и самыми активными, то есть наиболее ценными для общества, слоями интеллигенции. В условиях современного индустриального общества, когда роль интеллигенции непрерывно возрастает, этот разрыв нельзя охарактеризовать иначе как самоубийственный.

Подавляющая часть интеллигенции и молодежи понимает необходимость демократизации, понимает также необходимость осторожности и постепенности в этом деле, но не может понять и оправдать акций, имеющих явно антидемократический характер. Действительно, как оправдать содержание в тюрьмах, лагерях, сумасшедших домах лиц, хотя и оппозиционных, но оппозиция которых лежит в легальной области, в сфере идей и убеждений? В ряде случаев речь идет не о какой-либо оппозиции, а просто о стремлении к информации, к смелому и непредвзятому обсуждению общественно-важных вопросов. Недопустимо содержание в заключении писателей за их произведения. Нельзя понять и оправдать такие нелепые, вреднейшие шаги, как исключение из Союза писателей крупнейшего и популярнейшего писателя, глубоко патриотичного и гуманного во всей своей деятельности, как разгром редакции «Нового мира», объединявшего вокруг себя наиболее прогрессивные силы марксистско-ленинского социалистического направления².

Демократизация с ее полнотой информации и соревновательностью должна вернуть нашей идеологической жизни (общественным наукам, искусству, пропаганде) необходимую динамичность и творческий характер, ликвидировав бюрократический, ритуальный, догматический, официально-лицемерный и бездарный стиль, который занимает сейчас в ней столь большое место...

Проведение демократизации – нелегкий процесс. Его нормальному течению будут угрожать, с одной стороны, индивидуалистические, антисоциалистические силы, а с другой, –

поклонники «сильной власти», демагоги фашистского образца, которые могут попытаться в своих целях использовать экономические трудности страны, взаимное непонимание и недоверие интеллигенции и правительственно-партийного аппарата, существование в определенных слоях общества мещанских и националистических настроений. Но мы должны осознать, что другого выхода у нашей страны нет, и эту трудную задачу решать надо».

Далее предлагалась рассчитанная на три-четыре года управляемая «эскалация демократии» (14 ступеней).

1. Заявление высших партийно-правительственных органов о необходимости дальнейшей демократизации, о темпах и методах ее проведения. Опубликование в печати ряда статей, содержащих обсуждение проблем демократизации.
2. Ограниченное распространение (через партийные органы, предприятия, учреждения) информации о положении в стране и теоретических работ по общественным проблемам, которые пока нецелесообразно делать предметом широкого обсуждения. Постепенное увеличение доступности таких материалов до полного снятия ограничений.
3. Широкая организация комплексных производственных объединений с высокой степенью самостоятельности в вопросах производственного планирования и технологического процесса, сбыта и снабжения, в финансовых и кадровых вопросах и расширение этих прав для более мелких производственных единиц. Научное определение – после тщательных исследований – форм и объема государственного регулирования.
4. Прекращение глушения иностранных радиопередач. Свободная продажа иностранных книг и периодических изданий. Вхождение нашей страны в международную систему охраны авторских и редакторских прав. Постепенное (3-4 года) расширение и облегчение международного туризма в обе стороны, облегчение международной переписки, а также другие мероприятия по расширению международных контактов, с оперативным развитием этих тенденций к странам СЭВ.
5. Учреждение института по исследованию общественного мнения. Сначала ограниченная, а затем полная публикация материалов, показывающих отношение населения к важнейшим вопросам внутренней и внешней политики, а также других социологических материалов.

6. Амнистия политических заключенных. Постановление об обязательной публикации полных стенографических отчетов о судебных процессах, имеющих политический характер. Общественный контроль за местами заключения и психиатрическими учреждениями.
7. Осуществление ряда мероприятий, способствующих улучшению работы судов и прокуратуры, их независимости от исполнительной власти, местных влияний, предрассудков и связей.
8. Отмена указания в паспорте о национальности. Единая паспортная система для жителей города и деревни. Постепенный отказ от прописки паспортов, проводимый параллельно с выравниванием территориальных неоднородностей экономического и культурного развития.
9. Реформы в области образования. Увеличение ассигнований на начальную и среднюю школы, улучшение материального положения учителей, их самостоятельности, права на эксперимент.
10. Принятие закона о печати и информации. Обеспечение возможности создания общественными организациями и группами новых печатных органов.
11. Улучшение подготовки руководящих кадров, владеющих искусством управления. Создание практики стажеров. Улучшение информированности руководящих кадров всех ступеней, их права на самостоятельность, на эксперимент, на защиту своих мнений и проверку их на практике.
12. Постепенное введение в практику выдвижения нескольких кандидатов на одно место при выборах в партийные и советские органы всех уровней, в том числе и при непрямых выборах.
13. Расширение прав советских органов. Расширение прав и ответственности Верховного Совета СССР.
14. Восстановление всех прав наций, насильственно переселенных при Сталине. Восстановление национальной автономии переселенных народов и предоставления возможности обратного переселения.

...Не существует никакого другого выхода из стоящих перед страной трудностей, кроме курса на демократизацию, осуществляемого КПСС по тщательно разработанной программе.

Сдвиг вправо, то есть победа тенденций жесткого администрирования, “завинчивания гаек”, не только не решит никаких проблем, но, напротив, усугубит до крайности эти проблемы и приведет нашу страну к трагическому тупику. Тактика пассивного выжидания приведет, в конечном счете, к тому же результату. Сейчас у нас есть еще возможность встать на правильный путь и провести необходимые реформы. Через несколько лет, быть может, будет уже поздно. Необходимо осознание этого положения в масштабе всей страны. Долг каждого, кто видит источник трудностей и путь к их преодолению, указывать на этот путь своим согражданам. Понимание необходимости и возможности постепенной демократизации – первый шаг на пути к ее осуществлению»³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А.Д. Сахаров в своих воспоминаниях пишет, что основным автором идеи написания данного документа был В.Ф. Турчин: «У него была идея написать обращение к руководителям страны и отразить одну, но ключевую по его мнению, мысль – необходимость демократизации и интеллектуальной свободы для успехов научно-технического прогресса в нашей стране». Сам Сахаров, поддержавший и разделявший эту идею Турчина, сводил воедино подготовленные варианты документа. Р. Медведеву, по словам А.Д. Сахарова, принадлежит редакционная правка (Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. М., 1996. С. 415–416).

² 4 ноября 1969 г. Рязанское отделение Союза писателей РСФСР исключило из своих членов А.И. Солженицына. В феврале 1970 г., решением принятым Секретариатом Правления Союза писателей, принятом в феврале 1970 г. под прямым давлением секретарей ЦК КПСС Демичева, Кириленко, Сулова и др., было осуществлено коренное изменение состава редколлегии «Нового мира», что вынудило А.Т. Твардовского написать заявление об отказе выполнять обязанности главного редактора журнала.

³ Приведенные фрагменты документа были опубликованы А. Бовиным, который указывает дату написания 19 марта. См.: Бовин А. XX век как жизнь. М. 2003. С. 205–212. Год написания документа (1970) установлен по воспоминаниям А.Д. Сахарова. См.: Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. М., 1996. С. 415.

**БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ
Г.П. МУРАШКО ***

---

* В список не включены доклады на конференциях, симпозиумах, «круглых столах» и пр., справки, писавшиеся по заданию «инстанций», интервью и выступления в средствах массовой информации.

Монографии и коллективные труды

1. Rozorané medze (K historie socialistického združstevnovania československej dediny (1948–1960). Bratislava, 1971 (в соавт. с В.В. Марьиной).
2. Путь чехословацкого крестьянства к социализму (1941–1960). М., 1972 (в соавт. с В.В. Марьиной).
3. Национализация основных средств производства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1944–1948 гг. // Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе / Отв. ред. А.Я. Манусевич. М., 1977.
4. То же. 2-ое изд., перераб. и доп. М., 1982.
5. Борьба рабочего класса за национализацию промышленности: Из опыта революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979.
6. Национальный фронт чехов и словаков в 1945–1948 гг. // Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов / Отв. ред. А.Я. Манусевич. М., 1985.
7. Политическая борьба в Чехословакии в 1944–1948 г. и национализация средств производства. М., 1986.
8. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в конце 40-х гг. XX в.: Исходные рубежи на пути к социализму // Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории / Отв. ред. Г.П. Мурашко. М., 1989 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
9. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе в 1944–1948 гг. М., 1993 (в соавт. с Т.В. Волокитиной, А.Ф. Носковой).
10. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002 (в соавт. с Т.В. Волокитиной, А.Ф. Носковой, Т.А. Покивайловой).
11. То же. 2-ое изд. М., 2008.

12. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. Очерки истории. М., 2008 (в соавт. с Т.В. Волокитиной, А.Ф. Носковой).

Публикации документов:

1. НКВД и польское подполье. 1944–1945 (По «Особым папкам» И.В. Сталина) / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 1994 (сост.).
2. Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов / Отв. ред. Т.А. Покивайлова. М., 1998 (член редкол., сост.).
3. Москва и Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: в двух томах / Отв. ред. Г.П. Мурашко. М.–Новосибирск, 1997, 1998. (сост., автор научн. комм.).
4. «Дело» Сланского // Вопросы истории. 1997. № 3–4 (автор вступит. статьи и научн. комм.).
5. Stalin and National Territorial Controversies in Eastern Europe. 1945–1947 (Part 1, 2) // Cold War History. Vol. 2. N 1. London, 2000; Vol. 1. N 3. London, 2001 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
6. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы: в двух томах / Отв. ред. Т.В. Волокитина. М., 1999, 2002 (член редкол., сост., автор научн. комм.).
7. Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов: в двух томах / Отв. ред. Т.В. Волокитина. М., 2009 (член редкол., сост., автор научн. комм.).
8. «Пражская весна» и позиция коммунистических и рабочих партий Западной Европы (По документам российских архивов и воспоминаниям Ч. Цисаржа) (в соавт. с Т.А. Джалиловым) // Вопросы истории. 2008. № 11–12 (соавтор вступит. статьи и комм.).
9. Человек «Пражской весны». Воспоминания Честмира Цисаржа // Славяноведение. 2008. № 3 (автор предисл. и комм. к переводу мемуаров).

10. Москва – Прага... 1968 г. Два документа из личного архива К. Симонова (в соавт. с М.К. Симоновой-Гудзенко) // Славяноведение. 2008. № 3 (соавтор вступит. статьи и комм.).

Статьи в научных журналах и сборниках:

1. Экономический кризис и положение рабочего класса в Чехословакии в 1921–1923 гг. // Ученые записки Института славяноведения. Т. 22. М., 1961.
2. Возникновение «красных профсоюзов» в Чехословакии // Ученые записки Института славяноведения. Т. 24. М., 1962.
3. Техническое перевооружение сельского хозяйства в Чехословакии в 1948–1960 гг. // Советское славяноведение. 1967. № 3 (в соавт. с В.В. Марьиной)
4. Социально-экономические перемены в чехословацкой деревне накануне кооперирования (1945–1948) // Советское славяноведение. 1970. № 1 (в соавт. с В.В. Марьиной)
5. Изменение социальной структуры чехословацкой деревни в период социалистической перестройки // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966. Таллин, 1971.
6. Kroky socializmu na dědině // KSČ – predvoj nového životu. Bratislava, 1971 (в соавт. с В.В. Марьиной).
7. Концепции национального развития славянских стран в годы Второй мировой войны // Материалы к съезду славистов в Варшаве. М., 1973 (в соавт. с Л.Я. Гибианским, В.С. Парсадановой).
8. Идейное наследие Октября и некоторые вопросы национализации основных средств производства в Чехословакии в 1945 г. // Советское славяноведение. 1974. № 6.
9. Nektóre aspekty nacionalizacji podstawowych gałęzi gospodarki w latach 1944–1948 // Przemiany rewolucyjne w krajach Europy Środkowej i Południowo-Wschodniej w latach 1944–1948. Warszawa, 1974.
10. Национализация основных средств производства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1944–1948 гг. // Вопросы истории. 1974. № 11.
11. Socializace výrobných prostředků ve Střední a Jihovýchodní Evropě v letech 1944–1948 // Československý časopis historický. 1975. № 1.

12. Историография социалистических стран о национализации основных средств производства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Вопросы национализации в современном мире. Варшава, 1978.
13. Социально-экономические программы национальных фронтов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и борьба коммунистов за союз с мелкобуржуазными слоями города // Непролетарские партии и организации национальных регионов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980.
14. Словацкое национальное восстание – начало народно-демократической революции // Советское славяноведение. 1980. № 1.
15. К вопросу о некоторых особенностях развития революций 40-х годов в Прибалтике и странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Тезисы научной конференции, посвященной 40-летию социалистических революций 40-х гг. и восстановлению Советской власти в Прибалтике. Вильнюс, 1980.
16. К вопросу о переходном периоде от капитализма к социализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Советское славяноведение. 1982. № 6 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
17. Мелкобуржуазные слои города в революционном процессе. Современное состояние чехословацкой историографии // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями группами и течениями. М., 1983.
18. К вопросу о некоторых особенностях развития революций 40-х годов в Прибалтике и странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Победа социалистических революций 1940 г. в Литве, Латвии, Эстонии. Вильнюс, 1983.
19. K otázke obsáhu a chronologické vymezení přehodného období od kapitalismu k socialismu v zemích SJVE // Dějiny socialistického Československa. Studie a materiály. Praha, 1983 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
20. О позиции КПЧ по вопросу национализации средств производства в условиях перерастания народно-демократической революции в социалистическую // Советское славяноведение. 1984. № 1.

21. Борьба политических сил в Чехословакии за рычаги управления национализированным сектором экономики // *Historický časopis*. 1985. № 1.
22. Антифашистское движение сопротивления и общественно-политические сдвиги в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в годы Второй мировой войны // *Советское славяноведение*. 1985. № 6 (в соавт. с Л.Я. Гибанским, В.С. Парсадановой).
23. Антифашистское движение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // *Новая и новейшая история*. 1985. № 3 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
24. К вопросу о содержании и хронологических рамках переходного периода от капитализма к социализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // *Проблемы переходного периода и переходных общественных отношений*. М., 1986 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
25. Переходный период от капитализма к социализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // *Проблемы переходного периода от капитализма к социализму*. М., 1986 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
26. Революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и значение // *Nova mysl*. 1986. № 7–8 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
27. Революции 1940-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Историческое значение их опыта // *Советское славяноведение*. 1987. № 6 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
28. Проблемы переходного периода от капитализма к социализму // *Новая и новейшая история*. 1987. № 5 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
29. О содержании и хронологических рамках переходного периода в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // *Z dějin socialistického Československa*. 1987. № 4 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
30. К вопросу о типологизации стран Центральной и Юго-Восточной Европы на исходных рубежах строительства социализма // *Z dějin socialistického Československa*. 1987. № 8 (в соавт. с А.Ф. Носковой).

31. К. Готвальд и национально-демократическая революция в Чехословакии // Сборник научных докладов Института марксизма-ленинизма. М., 1987.
32. Выдающийся революционер (О К. Готвальде) // «Pravda» (Bratislava). IV. 1987.
33. Социальная структура общества в переходный период // Общественные науки. 1987. № 5 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
34. Общее и особенное в развитии переходного периода от капитализма к социализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в освещении советских исследователей 1970–1980 гг. // Dějiny socialistického Československa. Studie a materialy. Sv. 9. Praha, 1988 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
35. Динамика и противоречия социально-классовой структуры в переходный от капитализма к социализму период (Некоторые выводы из сравнительного анализа опыта европейских социалистических стран) // Dějiny socialistického Československa. Studie a materialy. Sv. 9. Praha, 1988 (в соавт. с А.Ф. Носковой, М.Н. Кузьминым, В.Д. Кузнецевским).
36. Динамика и противоречия социально-классовой структуры общества стран Центральной и Юго-Восточной Европы // Z dějin socialistického Československa. 1989. № 9 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
37. Актуальные проблемы истории Восточной Европы // Вопросы истории. 1989. № 1 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
38. Советская историография о переходном периоде от капитализма к социализму // Z dějin socialistického Československa. 1989. № 9 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
39. Переходный период в европейских странах социализма: Исторические реалии и поиски новых подходов // Новая и новейшая история. 1990. № 1 (в соавт. с А.Ф. Носковой, В.Д. Кузнецевским).
40. Динамика и противоречия социально-классовой структуры стран Восточной Европы в 40–60-е годы // Классы и социальные слои: Исторические судьбы. СССР и Восточная Европа. 20–60-е годы XX в. / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 1990 (в соавт. с А.Ф. Носковой, Э.Г. Задорожнюк, В.Д. Кузнецевским).

41. «Круглый стол» «Реформы и революции» // Новая и новейшая история. 1990. № 2 (в соавт. с А.Ф. Носковой, Э.Г. Задоржнюк).
42. Национально-территориальные проблемы в Восточной Европе после Второй мировой войны // Slovanský přehled. 1994. № 2 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
43. ЦК ВКП(б) и демонтаж концепции национальных путей к социализму // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. 1994 (в соавт. с Т.В. Волокитиной, А.Ф. Носковой)
44. Начало создания соцлагеря // СССР и «холодная война» / Под ред. В.С. Лельчука, Е.И. Пивовара / В серии «Десять новых учебников по историческим дисциплинам». М., 1995 (в соавт. с Т.В. Волокитиной, А.Ф. Носковой).
45. Национально-территориальный вопрос в контексте послевоенных реальностей Восточной Европы. 1945–1948 гг. (По новым документам российских архивов) // Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 1995 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
46. Советский фактор в послевоенной Восточной Европе (1945–1948 гг.) // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение / Отв. ред. Л.Н. Нежинский. М., 1995 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
47. A szovjet tényező Kelet – Európa országainak háburgú utáni fejlődésében 1945–1948 // Múltunk. Politikátörténeti folyóirat. Budapest, 1996. № 2 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
48. Создание «социалистического лагеря» // Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал / Под общей ред. акад. Ю.Н. Афанасьева. М., 1997 (в соавт. с Т.В. Волокитиной, А.Ф. Носковой).
49. Некоторые штрихи к политическому портрету М. Ракоши // Múltunk. Politikátörténeti folyóirat. Budapest, 1997. № 5.
50. Февральский политический кризис 1948 г. в Чехословакии и советский фактор // Февраль 1948. Москва и Прага. Взгляд через полвека / Отв. ред. акад. Г.Н. Севостьянов. М., 1998.

51. Февральский кризис 1948 г. в Чехословакии и советский фактор (По материалам российских архивов) // Новая и новейшая история. 1998. № 3.
52. Советское присутствие в Восточной Европе в 1944–1948 гг.: Некоторые политические аспекты (По новым материалам архивов России) // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы) / Под ред. Т.М. Исламова, А.С. Стыкалина. М., 1999 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
53. Советское руководство и политические процессы Т. Костова и Л. Райка (По материалам российских архивов) // Сталинское десятилетие «холодной войны»: Факты и гипотезы / Отв. ред. академ. А.О. Чубарьян / М., 1999 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
54. Альтернатива социализму // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: в трех томах. Т. I. Становление «реального социализма». 1945–1965 / Отв. ред. И.И. Орлик. М., 2000 (в соавт. с Т.В. Волокитиной).
55. The Fate of Hungarian Minorities in Slovakia after the Second World War. Resettlement and Re-Slovakization. Moscow's Position // The Journal of Communist studies and Transition Politics. Volume 16. March–June 2000. Numbers 1/2. Special issue: Forced migration in Central and Eastern Europe. 1939–1950 / Edited by Alfred J. Rieber.
56. Mecanismul represiunilor intrapartinice din România anilor 40–50 (Pebaza materialeror din arhivele ruse) // Anii 1949–1953. Mecanisme teroriei. București, 2000 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
57. К дискуссии о типах тоталитаризма // Вопросы истории. 2001. № 8.
58. Институт советских советников в Восточной Европе. 1945–1953 гг. // Russian History. Histoire Russe. The Soviet Global Impact: 1945–1991. Vol. 29. Nos. 2–4 / Edited by Richard Hellie/ Idyllwild, California, 2002 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
59. Восточная Европа на рубеже 40–50-х годов XX в. Взгляд историка через 10 лет после краха коммунистических режимов // Социокультурные трансформации второй поло-

- вины XX века в странах Центральной и Восточной Европы. М., 2002 (в соавт. с Т.В. Волокитиной, А.Ф. Носковой).
60. Католическая церковь в странах Восточной Европы в первые послевоенные годы. 1945–1948 // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. Дискуссионные аспекты / Под. ред. Г.П. Мурашко, М.И. Одинцова/ М., 2003.
  61. Греко-католическая церковь и украинский сепаратизм в годы Великой Отечественной войны // Белоруссия и Украина. История и культура. М., 2004 (в соавт. с А.Ф. Носковой)/
  62. Институт советских советников в Восточной Европе в 40–50 годы XX в. // Польша–СССР. 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого / Отв. ред. проф. Э. Дурачиньски, член-корр. РАН А.Н. Сахаров. М., 2005 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
  63. Osudy grécko-katolíckej cirkvi na Slovensku po druhej svetovej vojne. Pozícia Moskvy vo svelte materiálov ruských archívov // Koniec druhej svetovej vojny a problémy cirkevnej politiky vnasledujúcom období / Zostavovatelia: M. Barmovský, D. Kodajová. Bratislava, 2006.
  64. Государственная власть и католическая церковь в странах Центральной Европы. 1948–1952 // Новая и новейшая история. 2007. № 2.
  65. Греко-католическая церковь в Словакии и ликвидация Ужгородской унии. 1950 г. // Русская православная церковь в мировой и отечественной истории. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород. 17–19 мая 2006 г.). Нижний Новгород, 2007.
  66. Иван Александрович Хренов // Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения М., 2007.
  67. В.К. Волков в нашей памяти // Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения М., 2007 (в соавт. с А.Ф. Носковой).
  68. Советский Союз и общественные трансформации в Восточной Европе в 1940-е – 1950-е годы. Некоторые дискуссионные вопросы в современной российской и чешской историографии // Власть и общество: Непростые взаимо-

- отношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке) / Отв. ред. Е.П. Серапионова. М., 2008.
69. Государство, власть и национально-конфессиональный вопрос в СССР и странах Восточной Европы // Международная научная конференция «Роль конфессий в развитии межнациональных отношений. Россия – Балканы – Поволжье». Самара, 2008.
70. Судьбы греко-католической церкви в Словакии после Второй мировой войны // Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв. / Отв. ред. А.С. Стыкалин. СПб., 2009.
71. «Пражская весна» и советская интеллигенция: К вопросу о формировании «внутрисистемной оппозиции» неосталинизму // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива / Отв. ред. Г.П. Мурашко. М., 2010.
72. Государственный антисемитизм в СССР и внутрипартийные политические репрессии в странах Восточной Европы на рубеже 1940-х – 1950-х годов // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Сравнительный анализ механизмов и практик проведения. Сборник материалов российско-французского семинара (Москва, 11–12 сентября 2009 г.) / Отв. ред. С.А. Красильников, проф. А. Блюм. Новосибирск, 2010.
73. Судьбы греко-католической церкви в странах Восточной Европы после Второй мировой войны (Из истории национально-конфессиональных конфликтов) // Государство и церковь в XX веке. Эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / Отв. ред. А.И. Филимонова. М., 2011.
74. Венгерское меньшинство в Словакии после Второй мировой войны: переселение или словакизация? (Трансформация позиции Москвы) // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века / Отв. ред. Е.П. Серапионова. М., 2011.
75. Властная вертикаль и эволюция умонастроений в Чехословакии в 50-е гг. XX в. (По документам российских архивов) // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. / Отв. ред. Н.М. Куренная. М., 2011.

Рецензии:

1. Dokumenty československé zahraniční politiky 1945–1960. Praha, 1960 // Вопросы истории. 1961. № 10.
2. Чехословацкий историк о Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы истории. 1963. № 1.
3. Новое исследование по истории Коммунистической партии Чехословакии // Вопросы истории КПСС. 1963. № 2.
4. Mencl V. Předpoklady a počátky bojů KSČ za jednotnú frontu v Československu. Praha, 1962 // Вопросы истории КПСС. 1963. № 2.
5. Sládek Z. Veliký Říjen: k hlavním etapam bojů za vítězství proletářské revoluce v Rusku. Praha, 1962 // Вопросы истории. 1963. № 7.
6. Mencl V. Na cestě k jednote. (Komunistická strana Československa v letech 1921–1923. Praha, 1964 // Советское славяноведение. 1966. № 2.
7. Program revolucji // Советское славяноведение. 1966. № 2.
8. Схематическое освещение одной важной проблемы // Советское славяноведение. 1969. № 5 (в соавт. с В.В. Марьиной).
9. Новое исследование чехословацких историков о Кошицкой программе // Советское славяноведение. 1977. № 1.
10. Barnovský M. Socialne triedy a revolučne promeny na Slovensku v rokoch 1944–1948. Bratislava, 1978 // Советское славяноведение. 1980. № 2.
11. Felcman O. Český proletariát v boji za vítězství socialistické revoluce 1945–1948. Praha, 1984 // Рабочий класс и современный мир. 1985. № 5.
12. Еще раз о тоталитаризме. Рецензия на книгу М. Реймана «О коммунистическом тоталитаризме и том, что с ним связано». Praha, 2000 // Вопросы истории. 2001. № 1.
13. Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР: Размышляя над книгой... // Славяноведение. 2012. № 1.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От коллег и друзей</i>	4
---------------------------------	----------

I

К вопросу об экономическом развитии Чехословакии в 1918–1923 гг.: укрепление позиций чешской буржуазии	23
Политическая борьба в Чехословакии в 1944–1948 гг. и национализация средств производства	
Расстановка классовых сил после освобождения и коррективы экономических программ различными политическими течениями чехословацкого общества	66
§ 1. Политические реальности весны и лета 1945 г.	66
§ 2. Программные заявления политических партий летом 1945 г. Разработка коммунистами «Проекта экономической политики Национального блока трудящихся города и деревни»	91
Борьба революционных сил за подготовку и принятие декретов о национализации.....	120
§ 1. Разработка основы декретов – первое поражение политических представителей буржуазии	120
§ 2. Дебаты в правительстве и победа левых сил, возглавляемых КПЧ. Содержание и характер декретов о национализации	145

II

Чехословакия на перепутье: «неклассовый национальный социализм» Или социализм в коммунистической интерпретации? (1945–1947)	179
---	------------

Февральский кризис 1948 г. в Чехословакии и советское руководство
(По новым материалам российских архивов) 205

Властная вертикаль и эволюция умонастроений в Чехословакии в 50-е годы XX в.
(По документам российских архивов) 230

III

Государственный антисемитизм в СССР и внутрипартийные политические репрессии в странах Восточной Европы на рубеже 1940-х – 1950-х гг. 267

«Дело» Сланского 287

IV

Судьбы греко-католической церкви в странах Восточной Европы после Второй мировой войны (Из истории национально-конфессиональных конфликтов) 353

Государственная власть и католическая церковь в странах Центральной Европы. 1948–1952 годы 371

Греко-католическая церковь в Словакии после Второй мировой войны 403

Венгерское меньшинство в Словакии после Второй мировой войны: переселение или словакизация ?
(Трансформация позиции Москвы) 422

V

К дискуссии о типах тоталитаризма 439

Советский Союз и общественные трансформации в Восточной Европе в 1940 – 1950-е годы. Некоторые дискуссионные вопросы в современной русской и чешской историографии	450
---	------------

VI

Человек «Пражской весны». Воспоминания Честмира Цисаржа	477
«Пражская весна» и советская интеллигенция: к вопросу о формировании «внутрисистемной оппозиции» неосталинизму	517
Библиография работ Г.П. Мурашко	559

Научное издание

Мурашко Галина Павловна

ИЗБРАННОЕ

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения РАН*

Компьютерный набор, верстка, обложка
М.И. Леньшиной

Подписано в печать 12.12.2011. Формат 60x84 1/16. Печать цифровая.
Бум. офсетная № 1. Гарнитура Bookman Old Style. 36 п.л. Тираж
500 экз. Заказ 0145.

Институт славяноведения Российской академии наук
119334, г. Москва, Ленинский проспект, 32 А, корп. В.

Отпечатано в типографии издательства «ТЕЗАУРУС»
Тел./факс: 8 (499) 252 14 31 • E-mail: tez_sale@mail.ru

